

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1868.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, августа 15 дня, 1868 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

ВАСИЛІЙ СТЕЦАНОВИЧЪ

СВОЕЗЕМЦЕВЪ,

ВЪ ИНОЧЕСТВѢ ПРЕП. ВАРЛААМЪ ВАЖСКІЙ.

Въ числѣ подвижниковъ благочестія, просіявшихъ въ нашемъ отечествѣ святостію жизни и дарами благодати Божіей по кончинѣ, немного найдется такихъ, которые провели большую часть земнаго поприща среди мірскихъ заботъ, въ вѣрномъ исполненіи государственныхъ и гражданскихъ обязанностей, и только послѣдніе дни посвятили иноческой жизни. Таковъ былъ преп. Варлаамъ Важскій ^(а).

(а) Житіе преп. Варлаама написано въ 1589 году (см. Обзоръ Русск. дух. литературы ч. 1. § 145) іермонахомъ Сійскаго монастыря Іоною, по просьбѣ Богословскаго игумена Даниіла. «Пишу я, говоритъ Іона — не какъ самовидецъ; я постриженникъ другаго монастыря и живу далеко отъ обители святого (Варлаама); пишу, что слышалъ я отъ иноковъ обители его, отъ оставшихся достовѣрныхъ свидѣтелей; но и они—не очевидцы, слышали отъ прежнихъ отцевъ и мнѣ пересказали». Этимъ житіемъ пользовался я въ двухъ экземплярахъ: 1) «Іунія въ 19 день память преп. Отца нашего Варлаама, Пѣнежскаго чудотворца, иже на Вагѣ», рукопись XVI в., библ. покойнаго В. М. Ундольскаго, № 291; 2) Подъ тѣмъ же заглавіемъ и той же редакціи житіе, пис. въ 1647 году въ Милютинскихъ четь-минеехъ, Синод. библ. № 806. Сверхъ того свѣдѣнія о Важкой области, дѣятельности и родѣ Своеземцевыхъ и о Богословскомъ монастырѣ заимствованы изъ слѣдующихъ источниковъ: 1) Описаніе Архангельской губерніи свяц. Козьмы Молчанова. СПб. 1813. 2) Статья мѣща-

Мѣстомъ его дѣятельности была преимущественно Вага или Важская область, принадлежавшая тогда къ числу владѣній Великаго-Новгорода, еще вольнаго и независимаго. Вагою называлось все пространство отъ верховья р. Ваги на сѣверъ до впаденія ея въ Сѣверную Двину, около 400 вер. въ длину и до 200 вер. въ ширину ⁽⁶⁾, населенное полудикимъ племенемъ звѣролововъ. Новгородцы давно знали этотъ край, брали звѣриными шкурами дань съ туземцевъ, которыхъ называли «Заволоцкою Чудью» ⁽⁶⁾, но до начала XIV вѣка не заводили тамъ постоянныхъ поселеній. Впрочемъ, считая Вагу въ числѣ владѣній великаго вольнаго города, они имѣли тамъ своихъ правителей (намѣстниковъ Новгорода на Вагѣ).

Въ 1315 году одинъ изъ такихъ посадниковъ, Василій Матвѣевичъ Своеземцевъ, прозывавшійся также Едомскимъ, положилъ первое начало мирной и промышленной колонизаціи Важскаго края Русскими поселенцами и особенно заботился объ утвержденіи власти Новгородской надъ Заволочьемъ. Недовольные строгимъ его правленіемъ, Чудскіе

вина Верховажскаго посада Матвѣя Мясникова: «Историческое описаніе страны Ваги», въ Сѣвер. Архивѣ 1827 г. ч. XXVII; 3) Продолженіе той же статьи въ Отечественныхъ запискахъ Свинина 1829 года, ч. XXXVIII; 4) Въ VIII и IX томахъ Энциклоп. лексикона Плюшара статьи: «Вага» и «В. С. Своеземцевъ»; 5) Статья «Вага» въ географическомъ и статистическомъ словарѣ Росс. Имперіи П. Семенова, т. 1; 6) Истор. Росс. Герархіи, т. III стр. 393.

(б) Границы Важской области того времени: къ сѣверу Двинская область, къ востоку Великоустюжская страна, къ югу Вологодскій, а къ западу Каргопольскій край. Вага причислялась къ Заонежской пятинѣ и составляла Важскую десятину. По нынѣшнему раздѣленію Россіи, Вага занимала южную часть Архангельской, сѣверную Валогодской и восточную Олонецкой губерніи.

(в) Заволочьемъ (со стороны Новгорода) называли земли «за волокомъ» между рѣками Онегою и Двиною.

князьки или старшины Азисъ Харитонецъ (Харитонъ), Рода (Иродіонъ) и Игнатецъ (Игнатій) жаловались на него въ Новгородъ князю Аѳанасію ^(г) и посадникамъ, но послѣ примирились съ нимъ и продали ему огромное количество земли ^(д). Такимъ образомъ возникла на Вагѣ «боярщина» ^(е) Васильевская, или владѣніе боярина Василія. Здѣсь впервые въ томъ краѣ заведено хлѣбопашество и обширное скотоводство, попеченіями Василія Степановича, которому помогалъ сынъ его Степанъ Васильевичъ.

Внукъ перваго основателя Русскаго хозяйства на Вагѣ, Василій Степановичъ Своеземцевъ былъ человекъ добродѣтельный и богобоязненный, «начальствовалъ, по словамъ жизнеописателя, честно и праведно и ненавидѣлъ все злое». Онъ никогда не хотѣлъ воспользоваться чужимъ, хотя и могъ бы дѣлать это безнаказанно, какъ самый богатый и самый сильный человекъ въ Заволочѣѣ, — черта характера весьма замѣчательная въ то время, когда произволъ сильнаго легко попиралъ всякое право! Онъ вѣрно и усердно служилъ своей

(г) Князь Аѳанасій Даниловичъ былъ родной братъ в. к. Московскаго Іоанна Калиты.

(д) Эти земли простирались «отъ Шенкурскаго погоста до Ростовскихъ межъ», почти на 200 в. въ длину. В. М. Своеземцевъ заплатилъ за нихъ князькамъ 20 тысячъ бѣлокъ и 10 рублей новгородскихъ. Въ купчей крѣпости, по которой проданы «земли, озера, рѣки, лѣса, мхи, соколи гнѣзда и бобровые гоны», назначена неустойка за нарушеніе договора 20 гривенъ золота въ пользу князя и посадника.

(е) Подъ названіемъ «боярщины» разумѣлись земли, принадлежавшія боярамъ Новгородскимъ (Энцикл. лекс. Плюшара т. V. подъ словомъ «Баярщина»). Такихъ боярщинъ было на Вагѣ до 13 (Исаковская или Борецкая, Есиповская, Груздовская и др.). Всѣ онѣ были приобретены покупкою изъ владѣній Своеземцевыхъ, и самая большая и лучшая изъ всѣхъ была Васильевская. Названія, принадлежавшія боярщинамъ, сохранились въ названіяхъ волостей Шенкурскаго уѣзда.

родинѣ — Великому Новгороду: въ 1446 году онъ былъ тамъ Посадникомъ и вмѣстѣ съ нѣкоторымъ Михаиломъ Яковлевичемъ предводительствовалъ Новгородскимъ войскомъ въ Югорской странѣ, гдѣ едва не погибъ отъ коварства Югорцевъ ^(ж). Въ томъ же году онъ являлся посломъ къ похитителю великаго княженія Шемякѣ для заключенія съ нимъ договора отъ имени Новгорода ^(з), а въ 1456, уже по смерти Шемяки, вмѣстѣ съ владыкою св. Евѣиміемъ испросилъ миръ у законнаго в. князя Василя Темнаго, прогнѣваннаго своеволіемъ Новгородцевъ, которые давали прибѣжище Шемякѣ и другимъ врагамъ его, удерживали княжескія пошлины, называли приговоры своего вѣча верховнымъ законодательствомъ и вообще держались того правила, что уступчивость благоразумна только въ случаѣ крайности. Смиривъ крамольниковъ войною, в. князь, по просьбѣ владыки и посадника, согласился даровать миръ Новгороду ^(и).

Это была послѣдняя служба Василя Степановича Великому-Новгороду. Онъ давно уже тяготился многими неправдами и клятвопреступленіями своихъ соотечественниковъ. До тѣхъ поръ онъ жилъ по большей части въ Новгородѣ и рѣдко посѣщалъ Вагу, хотя любилъ этотъ край, гдѣ провелъ первые годы молодости. Обширныя владѣнія его управлялись довѣренными управителями. Заключивъ мирный договоръ съ в. княземъ послѣ неудачной войны, едва несокрушившей самобытность Новгорода, Василій Степановичъ не хотѣлъ уже быть не только участникомъ, но и свидѣтелемъ новыхъ мятежей и вѣроломствъ необузданной вольницы и переселился на Вагу. Еще болѣе, нежели дѣдъ и отецъ, онъ употреб-

(ж) Югра въ сѣверной части Пермской губерніи. Югорцы — Вогулы и Остяки.

(з) Истор. Карамз. т. V. примѣч. 348.

(и) Тамъ же стр. 202, примѣч. 359 и 361.

лялъ огромныя средства свои для пользы дикой страны и особенно для просвѣщенія ея жителей, которыхъ большая часть коснѣла еще въ язычествѣ. Въ разныхъ мѣстахъ своей «боярщины» онъ построилъ нѣсколько храмовъ, снабдивъ ихъ иконами, книгами и утварью ⁽ⁱ⁾. Вскорѣ, по переселеніи на Вагу, онъ основалъ иноческую обитель въ честь св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. С писатель житія повѣствуетъ, что бояринъ Василій имѣлъ обычай проводить въ молитвѣ ночи предъ праздниками. Наканунѣ праздника Богослова, онъ, молясь ночью, внезапно услышалъ звонъ на западной сторонѣ своего жилища и положилъ обѣтъ построить монастырь. Наутро онъ занялся выборомъ мѣста. Два мѣста повравились ему на берегу р. Ваги: восточный берегъ, болѣе высокій, казался ему лучше лѣваго, но онъ, не довѣряя себѣ, хотѣлъ узнать волю Божию; три раза бросалъ жребій и каждый разъ выходилъ жребій западнаго берега. Тогда Василій Степановичъ сказалъ рабамъ своимъ: «восточное мѣсто—твердое, а западное—не такъ крѣпко, однако люди будутъ жить здѣсь; западная сторона имъ понравится, хотя и много будетъ хлопотъ отъ наводненій» ^(к). Обитель была поставлена на указанномъ мѣстѣ и въ ней сооружены два храма—Іоанна Богослова и трехъ святителей Вселенскихъ.

Основатель монастыря щедро надѣлилъ его землями ^(л), но

(i) «Многи церкви Божія строяше на Вагѣ» (Рук. житіе въ Библ. Ундольскаго л. 10). Изъ числа церквей построенныхъ Вас. Степ. извѣстны: Рождества Христова на Химаневѣ (въ 5-ти в. отъ Богословскаго монастыря), Рождества Богородицы на Усть Юхѣ (въ 60-ти в.) и Рождества Предтечи на р. Ледѣ (въ 10 вер.)

(к) Это восточное мѣсто, хотя повидимому лучшее, осталось по увѣренію древняго жизнеописателя, навсегда ненассленнымъ (Жит. въ библ. Ундольскаго л. 12).

(л) Грамот. В. С. Своеземцева монастырю на три села съ землями въ Юрид. акт. стр. 145. Сынъ его Иванъ Васильевичъ далъ 2 февраля 1470 г. два села на р. Паденгѣ.

самъ оставался міряниномъ и жилъ по прежнему въ своемъ Пинежскомъ городкѣ ^(м). Исполняя заповѣди Спасителя, «онъ былъ питателемъ сиротъ, одеждою нагимъ, врачомъ болящихъ; въ домѣ его всѣ странники находили успокоеніе» ^(н).

Незадолго до конца общепользующей жизни, приготовивъ душу къ подвигамъ самоотреченія, дѣлами благотворительности, постомъ и молитвою, Василій Степановичъ принялъ иноческое постриженіе въ Богословской своей обители съ именемъ Варлаама, оставивъ жену и дѣтей и передавъ имъ все свое богатство. Здѣсь отложилъ онъ свою знатность мірскую и, не смотря на глубокую старость, старался исполнять всѣ монастырскія послушанія и служилъ братіи, какъ послѣдній слуга, подвизаясь въ смиреніи и непрестанной молитвѣ, работая Господу со страхомъ и любовію. Блаженный Варлаамъ преставился 19 іюня 1462 года ^(о). Тѣло его было погребено въ основанной имъ обители, по смиренному завѣщанію праведника, въ храмѣ.

Въ 1552 году случился сильный разливъ р. Ваги. Берегъ, на которомъ стоялъ Богословскій монастырь, и прежде неоднократно подмываемый, теперь былъ оторванъ такъ, что самый храмъ едва уцѣлѣлъ. Тогда открылось много гробовъ и въ томъ числѣ гробъ блаженнаго Варлаама; мощи его оказались совершенно нетлѣнными, даже одежды были цѣлы и крѣпки.

Вскорѣ Господь прославилъ угодника своего многими яв-

(м) Пинежскій городокъ былъ поставленъ при впаденіи рѣчки Пинежки въ р. Вагу, въ 16-ти в. ниже Шенкурска.

(н) Въ томъ же Житіи л. 9 об.

(о) Вскорѣ послѣ кончины преп. Варлаама, державный покоритель Новгорода в. к. Іоаннъ III объявилъ своею собственностію весь Двинскій и Важскій край, но не тронулъ владѣній Богословскаго монастыря и семейства В. С. Своеземцева.

леніями и чудесами. Въ 1557 г. былъ сильный голодъ во всей странѣ Заволочской. Игуменъ Богословскаго монастыря Паисій и братія, страшась скудости, положили не раздавать хлѣба бѣднымъ, хотя прежде, по завѣщанію блаженнаго Варлаама, въ день кончины его каждый годъ кормили всѣхъ бѣдныхъ, сколько бы ни приходило ихъ, и еще надѣляли ихъ зерновымъ хлѣбомъ. Блаженный Варлаамъ, питатель бѣдныхъ при своей жизни, явился кормителемъ ихъ и по смерти. Предъ праздникомъ послѣ утрени игуменъ и братія, по обыкновенію, за-снули. Сперва Паисію, потомъ старшимъ изъ братіи, является Варлаамъ съ жезломъ въ рукѣ, съ длинною бѣлою бородою, какъ пишется онъ на иконѣ, и говоритъ строгимъ голосомъ: «вы составили нечестивый совѣтъ, не хотите давать милостыню нищимъ, затворяете житницы мои для бѣдности. Уже-ли не понимаете, что затворяете себѣ царствіе небесное? Знайте, что это мѣсто разорится въ конецъ за такія дѣла ваши. Приказываю вамъ завтра въ день памяти моей непремѣнно кормить всѣхъ бѣдныхъ и раздайте имъ милостыню, чтобы простилъ вамъ Богъ дерзость вашу». Вслѣдъ за этимъ явленіемъ древній повѣствователь описываетъ исцѣленія весьма многихъ больныхъ лихорадкою, слѣпыхъ, расслабленныхъ, и бѣсноватыхъ ^(п).

Мощи преп. Варлаама были свидѣтельствованы въ 1630 году новгородскимъ митрополитомъ Кипріаномъ. Тогда же написана служба, и устроенъ во имя его придѣльный храмъ. Нынѣ мощи Важскаго подвижника почиваютъ въ приходской Богословской церкви ^(р). Въ день преставленія его 19 іюня бываетъ крестный ходъ въ эту церковь изъ г. Шенкурска.

(п) При житіи (въ экз. Ундольскаго) приложено 35 чудесъ съ 1557 до 1589 года, а въ другомъ экземплярѣ (Сун. библ.)—служба преп. Варлааму.

(р) Богословскій монастырь, въ 15 в. отъ г. Шенкурска, су-

Скажемъ нѣсколько словъ о потомствѣ преп. Варлаама. Сынъ его Иванъ Васильевичъ Едомскій былъ въ 1523 г. городовымъ прикащикомъ ^(с) въ Шенкурскѣ. Ему дана была грамота, чтобы крестьяне, живущіе на его земляхъ, вмѣсто «черныхъ поборовъ» платили оброкъ Богословскому монастырю. Сынъ его Гавріилъ имѣлъ 13 сыновей и 2-хъ дочерей. Одинъ изъ первыхъ Ѳеодоръ Гавриловичъ ^(г) основалъ въ 1652 году въ 15 верстахъ отъ Шенкурска, на Кваль-горахъ, при озерѣ Юмзѣ общежительную пустынь съ церковью Предтечи, и тамъ скончался. Эта пустынь, съ братією постоянно изъ двухъ или трехъ старцевъ, содержалась усердіемъ крестьянъ Ёдемскихъ деревень, находящихся въ окрестностяхъ Шенкурска, а въ 1752 году возобновилъ ее секретарь важской воеводской канцеляріи, Степанъ Терентьевичъ Левечевъ, родственникъ Едомскихъ. Онъ умеръ въ 1790 году и съ того времени Предтеченская церковь пустыни приписана къ Шенкурскому собору ^(у).

Не знаемъ, сохранился ли до нашего времени родъ Едомскихъ въ мужскомъ поколѣніи, но старшая изъ дочерей Гавріила Ивановича Акулина (она же и Ольга), супруга Данила Григорьевича Строганова, была родоначальницею знаменитаго рода Строгановыхъ. Она скончалась въ глубокой старости, монахиною съ именемъ Антонины.

Графъ М. Толстой.

шествовалъ 319 лѣтъ, при 48 настоятеляхъ, имѣлъ несудимыл царскія грамоты отъ Іоанна IV и Михаила Ѳеодоровича, и владѣлъ обширными землями. Онъ упраздненъ въ 1764 году и обращенъ въ приходскую церковь.

(с) Прикащикъ «города» т. е. укрѣпленія былъ тогда почти тоже, что теперь комендантъ крѣпости (Словарь географ. Щекатова, ч. I. стр. 211).

(г) Въ Актахъ пустыни онъ названъ не Едомскимъ, а Едемскимъ.

(у) Изъ статьи Мясникова въ Отеч. зап. Свиньяна ч. XXXVIII стр. 381.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ПРОИСХОЖДЕНІЯ ЧЕСТНЫХЪ ДРЕВЪ ЖИВОТВОРЯЩАГО КРЕСТА.

Иисусъ же видѣвъ Матерь и ученика стояща, егоже любляше, глагола Матери Своей: жено, се сынъ Твой (Іоан. 19, 26).

Несмотря на крестныя мученія, въ великія минуты совершенія высочайшаго подвига, сердце сладчайшаго Іисуса объемлется сыновнею заботою о Матери. Онъ печется объ Ея пріютѣ, указываетъ ей друга — Іоанна, который приметъ Ее въ свой домъ и успокоитъ, старается въ то же время скрыть Ее отъ глазъ враговъ и говоритъ Ей: *жено, се сынъ Твой!* Это трогательное вниманіе, эта нѣжная забота любви, какую отрадою были для души, которую *проходило оружіе скорби* (Лук. 2, 35), какое сладкое воспоминаніе оставили въ сердцѣ преблагословенной Маріи!

Итакъ, въ лицѣ Господа Іисуса распятаго преднаписанъ предъ нами и Сынъ, заботящійся о Матери! Утвердившій союзъ супружескій словами: *еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ* (Мѡ. 19, 6), въ знакъ благоволенія къ тихимъ семейнымъ радостямъ посѣтившій брачный пиръ въ Канѣ и сотворившій тамъ первое чудо, Самъ, какъ сынъ, *повиновавшійся* (Лук. 2, 51) своимъ родителямъ, Господь и въ послѣднія минуты, страдая за наши грѣхи, примѣромъ Своимъ учитъ насъ, съ какимъ тщаніемъ мы должны испол-

нять свои обязанности въ отношеніи къ приснымъ нашимъ, съ кѣмъ связаны особенными семейными узами.

Но этотъ урокъ имѣетъ и другой смыслъ для насъ, — ученики и послѣдователи Распятаго! Долгъ въ отношеніи къ приснымъ внушается намъ со креста, а все, что исходитъ со креста, имѣетъ ближайшее отношеніе къ нашему спасенію. Приобщивъ ко кресту заботу о Матери, Спаситель учитъ и насъ попеченіе о присныхъ нашихъ присоединять къ подвигу для спасенія и исполнять свой семейный долгъ подъ осѣненіемъ креста, для наслѣдованія вѣчныхъ благъ въ отечествѣ небесномъ.

Съ благоговѣніемъ внимая священному завѣщанію со креста, побесѣдуемъ о томъ, какъ мы можемъ вести нашу семейную жизнь ради Господа и для оправданія предъ Нимъ?

Душа наша по природѣ христіанка, говоритъ одинъ древній учитель церкви (Тертуліанъ). Нѣжныя чувства супружеской и родственной любви, внушаемая природою, требуются и Евангеліемъ, какъ важный долгъ жизни христіанской. Отецъ — нещадящій силъ и трудовъ для блага семейства, мать — проводящая безсонныя ночи у колыбели ребенка, сынъ — первые плоды трудовъ съ восторгомъ несущій къ ногамъ родившихъ и воспитавшихъ его, дочь — всю себя отдавшая или попеченію о родителяхъ или воспитанію младшихъ братьевъ и сестеръ, слѣдуя благороднымъ внушеніямъ родственной любви, въ то же время творятъ дѣла благоудобныя Богу и многоцѣнныя въ очахъ Его. И чѣмъ болѣе въ членахъ семейства согласія, мира и любви, тѣмъ вѣрнѣе стоятъ они на пути спасительномъ. Примѣръ такого христіански-добраго семейства представляетъ домъ Лазаря и сестеръ его, который такъ любилъ посѣщать Господь Спаситель. Прендобному Макарію египетскому однажды Господь сказалъ, что въ ближнемъ городѣ живутъ двѣ женщины, ко-

горья совершеннѣе его въ добродѣтели. «Чѣмъ вы угодили Господу?» спрашиваетъ великій подвижникъ у смиренныхъ женъ, которыя и радовались и изумлялись его неожиданному посѣщенію. Оказалось изъ ихъ простаго разсказа, что пятнадцать лѣтъ они жили въ замужествѣ за двумя братьями и все это время жили въ любви и согласіи, никогда не ссорились, не бранились и съ усердіемъ исполняли свои домашнія обязанности. Такъ благоухали предъ Богомъ невидныя міру семейныя доблести! Напротивъ, неблагодарность, недоброжелательство, вражда и зависть, которыя отравляютъ семейную жизнь, тѣмъ грѣшнѣе, чѣмъ ближе лица, которымъ онѣ оказываются. Апостолъ Іоаннъ называетъ лжецомъ человѣка, который говоритъ, что любитъ Бога, а брата своего ненавидитъ. *Не любяй брата, егоче видѣ, Бога, егоче не видѣ, како можетъ любити?* спрашиваетъ апостолъ (1 Іоан. 4, 20). Какого же названія достоинъ человѣкъ, ненавидящій своего роднаго, члена одной семьи, котораго не только видитъ, но и всегда вмѣстѣ съ нимъ, съ которымъ вмѣстѣ выросъ, ѣлъ одни хлѣбы и связанъ кровными узами? Богачъ, безжалостный къ бѣдному Лазарю, и тотъ въ адскомъ пламени заботится о своихъ братьяхъ.

Но, возгрѣвая въ себѣ священныя чувства родственной привязанности, христіанинъ долженъ помнить и часто помышлять, что у него есть долгъ, который выше всего, — къ Богу и Господу Іисусу Христу, и что, кромѣ ближайшихъ родныхъ, есть другіе ближніе, которымъ онъ обязанъ чувствомъ братской любви. Эти помышленія не стѣсняютъ, не помрачаютъ его родственной любви, но только дадутъ ей должное христіанское направленіе, въ которомъ она, и сама сохранится въ чистотѣ, и приведетъ человѣка къ оправданію предъ Богомъ.

Иже любитъ отца или матеръ паче Мене, нпсть

Мене достоинъ (Мѡ. 10, 36), сказалъ Спаситель и собственнымъ примѣромъ подтвердилъ, что священныя обязанности къ Богу Отцу почиталъ выше той нѣжной любви, которую питалъ къ Своей Матери (Лук. 2, 49. Мѡ. 12, 49). Могутъ быть случаи, когда человѣкъ долженъ принести любовь къ отцу, матери, сыну — въ жертву любви къ Богу. Такую жертву принесъ Авраамъ, когда отвѣтствовалъ полною готовностію на слова Господа: *поими сына твоего возлюбленнаго, еоже возлюбилъ еси, Исаака, и вознеси его во всесожженіе* (Быт. 22, 3). Нынѣ св. церковь празднуетъ память семи братьевъ Маккавеевъ и матери ихъ Соломоніи, пострадавшихъ за вѣру отъ Антиоха, царя сирійскаго. Шесть сыновей въ ужасныхъ мученіяхъ кончили свою жизнь на глазахъ матери. Остался седьмой, самый юный, самый жалкій для материнскаго сердца. «Сынъ мой, говоритъ она ему, вспомни, что я носила тебя въ своей утробѣ и три года питала тебя своею грудью, и воскормила тебя, и привела въ этотъ возрастъ, и понесла болѣзни воспитанія!» Для чего мать вызываетъ изъ груди сына и своей собственной чувства взаимной нѣжной любви? Не хочетъ ли, по крайней мѣрѣ, это послѣднее дорогое чадо удержать для себя? Нѣтъ! «Не бойся этого злаго мучителя», продолжала доблестная мать, «будь достоинъ своихъ братьевъ, прими смерть, чтобы Господь, по воскресеніи, и возвратилъ мнѣ тебя вмѣстѣ съ ними», — и сама велѣдъ за послѣднимъ сыномъ пала жертвою любви къ Богу. Теперь нѣтъ гоненій за вѣру, по крайней мѣрѣ, у насъ подъ кровомъ Помазанника Божія; и добровольныхъ тяжкихъ жертвъ Господь требуетъ у сильныхъ духомъ, очищая и возвышая ихъ, какъ драгоцѣнное золото, въ огнѣ искушенія; но въ жизни семейной бываютъ, хотя недобровольныя, но тяжкія и горькія лишенія. Вотъ Господь беретъ у тебя, добрый семьянинъ, любезную подругу, дорогое чадо,

брата, отца, мать, беретъ тогда, когда, по человѣческимъ соображеніямъ, одни только разцвѣли для жизни, другіе такъ нужны были для семьи. Сердце твое разрывается отъ горя; умъ волнуется въ пучинѣ недоумѣній: съумѣй покориться Ему съ любовію, въ терпѣніи понеси крестъ твой, и ты принесешь Ему, хотя и не столь великую, какъ Авраамъ и Соломонія, но дорогую и благоухающую жертву!—И кромѣ этихъ тяжелыхъ испытаній, любовь къ Богу должна руководить насъ въ отношеніяхъ къ сочленамъ семейства, и горѣтъ, и сіять въ чувствахъ нашей родственной привязанности. *Азъ и домъ мой служити будемъ Господеви, яко святъ есть*, сказалъ одинъ святой мужъ (Ис. Нав. 24, 15): такъ говоритъ себѣ и это убѣжденіе проводитъ въ жизни каждый истинный христіанинъ. Члены семьи для него — чада Божіи, сонаслѣдники вѣчной жизни, купленные драгоценною кровію Христа. Посвятить въ юныя души, ввѣренныя его попеченію, сѣмена истины и добра, удалить отъ нихъ соблазны, научить ихъ молитвѣ, словомъ и примѣромъ вести ихъ ко спасенію — для него первая и священная обязанность! И если есть членъ семьи, еще не утвержденный въ вѣрѣ или увлеченный на путь соблазновъ, онъ сосредоточиваетъ на немъ всѣ попеченія любящаго сердца. Видя такого брата или сына сидящимъ за однимъ столомъ и преломляющимъ одинъ хлѣбъ, онъ содрогается ужасомъ отъ мысли, что это дорогое для него существо можетъ быть уже на пути къ гибели, и употребляетъ всѣ усилія любви для его спасенія. Вообще добрый семьянинъ, часто представляя себѣ ту великую минуточку, когда онъ съ чадами и домочадцами предстанетъ на судъ, помышляетъ, какъ онъ скажетъ Богу, и будетъ ли смѣть сказать: *се азъ и дѣти, яже ми далъ естъ Богъ!*

Любовь къ ближнимъ требуетъ, чтобы члены семейства не ограничивали своихъ обязанностей стѣнами роднаго дома,

а распространяли свое благодѣтельное вліяніе и на людей постороннихъ. Великій даръ Божій—семейное счастье: видѣть вокругъ себя членовъ родной семьи въ радости и довольствѣ, обеспеченныхъ отъ нужды, утѣшающихся взаимною любовію, искренно и безъ стѣсненія дѣлящихъ между собою чувства и мысли,—многія ли изъ благъ земныхъ могутъ сравниться съ этимъ дорогимъ благомъ семьянина? Здѣсь отдыхаетъ душа, обновляются силы, разгарается ревность къ большимъ и большимъ трудамъ. Но этотъ дорогой для насъ кругъ не долженъ быть совершенно замкнутъ для другихъ: не должно укрываться въ немъ, какъ за непроходимой преградой, отъ всѣхъ окружающихъ. Иначе мы злоупотребимъ даромъ Божиимъ, и священная любовь къ своимъ непримѣтно перейдетъ въ грѣшное самолюбіе, можетъ сдѣлаться благовиднымъ прикрытіемъ для скупости и любостыжанія. Бывали случаи, что изъ-за ложной любви къ своимъ люди рѣшались даже на преступленіе. Дикарь, не слыхавшій о любви христіанской, по природному влеченію сердца, чувствуетъ потребность чрезъ гостепріимство подѣлиться своими благами съ другими: чужой, даже врагъ, подъ сѣнію родной хижины становится для него своимъ, другомъ. Гостепріимство — добрая черта семейнаго быта; но какъ и оно можетъ быть обращено въ орудіе самоугожденія, то евангеліе указываетъ семейной общительности другой, лучшій путь. *Егда твориши пиръ*, сказалъ Господь пригласившему его на вечерю, *зови нищія, маломощныя, хромыя, слѣпыя. И блаженъ будешь, яко не имутъ ти что воздати: воздастъ же ти ся въ воскрешеніе праведныхъ* (Лук. 14. 13, 14). «Страннолюбія не забывайте, ибо чрезъ него нѣкоторые, не зная, оказали гостепріимство ангеламъ», говоритъ апостоль, указуя на примѣры Авраама и Лота. Благодѣтельность, страннолюбіе—вотъ занятія, по

истинѣ достойныя христіанскихъ семействъ! Счастливы тотъ, кто и самъ избытками своими умѣетъ дѣлиться съ бѣдными, и духъ благотворенія водворить въ своемъ семействѣ! Помилованіе въ день суда и благословеніе Божіе надъ его родомъ—вотъ его награды! «Я былъ молодъ», говоритъ псалмопѣвецъ, «и состарѣлся, и не видалъ праведника оставленнаго, и дѣтей его просящихъ хлѣба. Онъ всякій день даритъ и займы даетъ, и надъ потомствомъ его благословеніе» (Псал. 36, 25.). Какой прекрасный примѣръ страннолюбія представляетъ жена Сунемская! Она не удовольствовалась тѣмъ, что всегда ласково и съ любовію привимала пророка Елисея; но просила мужа своего: «пожалуйста, сдѣлаемъ для него на верху маленькую комнату, поставимъ ему тамъ постель, столъ, скамью, подвѣчникъ, чтобъ онъ останавливался тамъ, когда будетъ приходить къ намъ» (4 Цар. 4, 10). Пророкъ, въ награду ея усердія, испросилъ ей у Бога сына и вторично даровалъ ей его чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ. Но не одними избытками дома, самыми чувствами любви къ членамъ семейства пользуется христіанинъ для любви къ ближнему. Любя, по естеству, родителей, супругу, дѣтей, онъ чувствами этой любви согрѣваетъ и распространяетъ свое сердце для того, чтобъ умѣть искренно полюбить и другихъ. Но нуждѣ своего роднаго, столь близкой сердцу, онъ пріучается цѣнить нужду и другаго. «И у него есть престарѣлая мать, какъ и та, которую я такъ люблю. И у него есть такія же малыя дѣти, какъ и тѣ, которыя мнѣ такъ дороги», помышляетъ въ сердцѣ своемъ благотворитель-семьянинъ и раскрываетъ бѣдному свою щедрую руку. Когда свой, сынъ или братъ, впадаетъ въ какой-либо проступокъ, грѣхъ; такъ сильно желаніе, чтобъ онъ поднялся, всталъ, такъ искренно вѣрится въ возможность его исправленія, и такъ горько бываетъ, когда другіе въ этомъ сомнѣваются. Испытавшій эти чувства на-

учается быть снисходительнымъ и довѣрчивымъ и къ другому постороннему человѣку.

Св. апостолъ Павелъ семейству учениковъ и друзей своихъ Акилы и Прискиллы даетъ знаменательное наименованіе *домашней церкви*. Какъ кратко, но вмѣстѣ точно и выразительно обозначены здѣсь всѣ свойства истинно христіанскаго семейства! Какъ въ церкви, члены въ семействѣ соединены одинъ съ другимъ тѣсными узами любви, такъ что составляютъ одно тѣло. «Страдаетъ ли одинъ членъ, страдаютъ съ нимъ всѣ члены; славится ли одинъ членъ, съ нимъ радуются всѣ члены» (1 Кор. 12, 26.) Какъ въ церкви, здѣсь прославляется имя Божіе, и живая вѣра въ Господа Іисуса Христа и любовь къ Нему одушевляютъ всѣхъ членовъ семейства. И стѣны роднаго дома часто преобразуются въ семейный храмъ, въ которомъ возносится къ небесамъ общая единопдушная молитва. И какъ много говоритъ этотъ храмъ сердцу молящихся: здѣсь мѣсто ихъ рожденія и воспитанія, здѣсь жили дорогія, уже отшедшія въ вѣчность, существа, память которыхъ такъ жива всѣмъ членамъ семейства, здѣсь столько всѣ они видѣли и радости и горя! Какъ всѣ эти воспоминанія способны оживить и окрылить молитву! Здѣсь, какъ въ церкви Божіей, вѣетъ духъ любви, благодворенія, теплаго и живаго участія на всѣхъ, кто ни придетъ подъ кровъ благословеннаго дома. И если войдетъ сюда человѣкъ съ разбитою отъ скорби душою, съ охладѣвшимъ отъ сомнѣній и невѣрія сердцемъ, онъ непримѣтно объемлется духомъ семейной любви, начинаетъ чувствовать сладость и полноту жизни христіанской, видитъ предъ собою живые образы евангельскихъ добродѣтелей, и радостно оживаетъ его сердце, и самъ онъ, какъ бы неволью, увлекается потокомъ вѣры и благочестія! Сколько людей нравственно обновлялись, отставали отъ заблужденій и возвращались въ лоно церкви, благодаря

этому неотразимому вліянню на нихъ добрыхъ семействъ! А за этотъ высшій подвигъ христіанской любви (Іак. 5, 20.) болѣе и болѣе распространяется надъ домашнею церковію христіанина благословеніе Божіе, подающее миръ, радость, спасеніе не только ему, но и грядущимъ родамъ его и отдаленному его потомству Аминь.

Свящ. Петръ Смирновъ.

ИНОКА ПАВЛА (ПРУССКАГО)

1. **Замѣчаніе на слово похвальное ездосѣвцу Макару Ивановичу Стукачеву въ четырехдесятиый день по кончинѣ его, сочиненное Ѡ. Ермиловымъ (а).**

Похвальное слово М. И. Стукачеву вызываетъ и меня сказать нѣсколько словъ о семъ мужѣ, поелику я былъ самовидецъ и самослышатель тѣхъ распоряженій и рѣшеній, за которыя ублажаетъ его господинъ Ермиловъ.

Оставляю безъ замѣчанія восписанныя мужу похвалы за великую его ревность о мелкихъ обрядностяхъ, ни естеству, ни гражданству не приносящихъ повредности, каково, на примѣръ, стриженіе макушекъ у мірянъ, чему былъ онъ (въ противность 21 правилу шестаго вселенскаго собора) великій ревнитель, такъ что за несоблюденіе сего обряда (или паче сказать за повиновеніе вышечисанному шестаго вселенскаго собора правилу) судилъ отлучать виновныхъ отъ общаго соборнаго моленія. Не потому оставляю безъ замѣчанія подобныя распоряженія восхваляемаго мужа, чтобъ онѣ были недостойны вниманія, или опроверженія; но потому, что у меня не было съ нимъ личныхъ о семъ объясненій и разглаговльствій. Я обязанъ точію обратить вниманіе на нижеслѣдующее.

(а) Похвальное слово Стукачеву напечатано во 2-й кн. издаваемаго за границею журнала «Истина», съ очень дѣльными замѣчаніями издателя—К. Е. Голубова, и безъ замѣчаній отдѣльной тетрадкой.

Восписуя похвалы М. И. Стукачеву, г. Ермиловъ говоритъ: «кто могъ прозрачнѣе выяснитъ желаніе и цѣль въ текущее время нашей церкви и короче поставить вопросъ о бракѣ и безбрачїи? Онъ.» Что же это за прозрачная выясненность желанія и цѣли еедосѣвства? Что за вопросъ о бракѣ и безбрачїи и какъ именно поставилъ и рѣшилъ его Стукачевъ? О всемъ этомъ восхвалитель его умолчалъ; я же почитаю нужнымъ все сіе объяснить читателямъ, ибо о всемъ слышалъ самолично отъ похваляемаго мужа.

Сущность еедосѣвскаго ученія, по которому можно судить о желаніяхъ и цѣли еедосѣвства, заключается въ слѣдующемъ: нынѣ брака нѣтъ и жениться законопреступно; юныхъ дѣтей родителямъ благословлять на бракъ невозможно; родители, благословившіе своихъ дѣтей на бракъ, подлежатъ отлученію (с.-петербургскаго еедосѣвскаго собора статей 1 и 3); кто посягнетъ бракомъ, безъ расторженія брака и при смерти принять быть не можетъ на покаяніе и въ общество (того же еедосѣвскаго собора ст. 2); рожденія нынѣ законнаго нѣтъ; всѣ рождаются отъ блуда, ибо промысль Божій, содержащій бытіе міру, нынѣ скопился (отвѣты еедосѣвскаго Преображенскаго кладбища, данные чрезъ Филиппа Осипова Онисиму Никифорову Любушкину). Это ученіе стало мнѣ сомнительнымъ. Въ 1858 году я нарочно прїѣхалъ изъ Пруссїи къ М. И. Стукачеву, какъ первому вѣдцу еедосѣвскаго ученія, просить у него разрѣшенія моихъ недомѣннѣй доводами священнаго писанія. Мы были между себя близкими друзьями и другъ къ другу имѣли расположеніе; потому и бесѣда была откровенная. Макарь Иванычъ, зная, что я инокъ и въ иночествѣ намѣренъ скончать жизнь свою, удивился, почему занимаетъ меня вопросъ, къ моей собственной жизни не относящійся. «Отъ чего породились у тебя такія мысли? спросилъ онъ меня по дружески; — не дивно

о тѣхъ, у кого есть дѣти, — они заботятся розыскивать о состояніи браковъ въ настоящее время по причинѣ женитьбы дѣтей; а у тебя ни съ кѣмъ никакой связи нѣтъ, самому для себя бракъ не нуженъ, потому и розыскивать нечего — нуженъ бракъ въ настоящее время, или не нуженъ, можно его составить, или не можно». Я отвѣтилъ: «правду вы сказали, что для меня лично бракъ не нуженъ; но мы въ цѣлости общества составляемъ одно общее тѣло. Въ немъ есть члены, сильные понести тяготу безбрачія; а большая часть немощныхъ, которые понести сего не вмѣщаютъ. Вы отдѣлены отъ міра ^(б), да и въ духовное управленіе не вступаетесь ^(в); вы не видите и не знаете юныхъ жизни, какъ она происходитъ, и что по невмѣщенію безбрачія въ малосильныхъ поражается: потому вы и не помышляете о потребности для нихъ брака. Но вы занимаете лице перваго учителя; вамъ не по себѣ надо судить о другихъ и не по внѣшнему виду безбрачія, а вникнуть въ настоящее положеніе вашего безбрачнаго общества». Макарь Иванычъ, вмѣсто разсмотрѣнія общественной нужды и пользы, притекъ къ обычному увертливому едосѣвскому отвѣту: «не должно судить чужой жизни, — кто какъ живетъ; каждый за себя дастъ отвѣтъ Богу». Я сказалъ: «у насъ не о личныхъ недостаткахъ идетъ рѣчь, мы не судимъ, кто именно и какъ живетъ; мы говоримъ объ устройствѣ пользы церковнаго положенія: потому и нужно смотрѣть, что полезнѣе и согласнѣе съ писаніемъ, и отъ чего поражается злое, отъ того взять предохраненіе. А вы дали отвѣтъ несогласный съ евангельскимъ ученіемъ. Евангельское ученіе законополагаетъ о дѣвствѣ, что не вси вмѣщаютъ словеси сего (Еванг. отъ Матѣ. зач. 78); и учителя церковные, особенно Злато-

(б) Стукачевъ 38 лѣтъ безвыходно лежалъ въ кельи, лишившись употребленія ногъ.

(в) На исповѣдь къ себѣ онъ не принималъ.

устъ святой, свидѣтельствуютъ, что въ юныхъ задержаніе брака родитъ худое послѣдованіе (Злат. на первое посл. къ Солун. правоученіе 5, и на первое посл. къ Тимоѳею правоученіе 9), а преступленіе чистоты рождаетъ убійство (того же Златоуста на посл. къ Римлянамъ, правоученіе 24). Во избѣжаніе сихъ бѣдъ, немогущимъ вмѣстити дѣвства сущимъ въ мірѣ, совѣтуетъ апостоль свою жену имѣти (къ Коринѣ. зач. 136)». Что же похваляемый мужъ? Какъ рѣшилъ онъ, наконецъ, *вопросъ о бракѣ и безбрачїи*? Видя, что первый его доводъ опровержень, а на представленныя отъ писанія и отеческихъ изреченій доказательства возразить невозможно, онъ сказалъ: «Богъ отнялъ у насъ священство, а съ нимъ и бракъ. Когда же Богу не угодно, чтобы нынѣ былъ бракъ, а молодые люди вмѣститъ дѣвства и совладѣть съ собою не могутъ; то, если отъ такой нужды и впадутъ они въ преступленіе, Богъ, по нынѣшнему тяжкому времени, можетъ и въ грѣхъ имъ того не вѣнчать.»

Вотъ обнадеженность еедосѣвцевъ, обѣщанная восхваляемымъ мужемъ! Вотъ ясность желанія и цѣли еедосѣвства въ текущее время! Вотъ краткое рѣшеніе вопроса о бракѣ и безбрачїи! При бракѣ должно засыпать блудниковъ (по слову св. Златоуста, на посл. къ Колоссаемъ въ правоученіи 12); а наставникъ еедосѣвцевъ, отвергнувъ бракъ, не затруднился сказать, что еедосѣвской молодежи того (т. -е. блуда) можетъ Богъ и во грѣхъ не вѣнчать! Какъ же еедосѣвцамъ не благодарить мужа за такое облегченіе совѣсти и за данную имъ свободу? Если кого изъ нихъ совѣсть обличаетъ за содѣваемое плотское законопреступленіе, можетъ успокоить оную, прикрываясь ученіемъ уважаемаго наставника... Но думаю, что изъ самихъ еедосѣвцевъ болѣе внимательные къ внушеніямъ совѣсти и внимающіе въ священное писаніе, не рѣшатся искать защиты подъ такимъ ненадежнымъ покро-

вомъ. Не говорю уже о томъ, какія горестныя послѣдствія не только въ обществѣ молодыхъ едосѣвцевъ, но и въ семейственной жизни, подъ разными предлогами терпимой въ едосѣвствѣ, должно имѣть это ученіе, почитающее бракъ тяжкимъ грѣхомъ, подвергающимъ до смерти отлученію, а блудъ — свободою, дѣломъ, котораго Богъ «можетъ и во грѣхъ не поставить». Вотъ къ чему приводитъ расколъ церковный! Набожный, за многое достойный уваженія едосѣвецъ самымъ положеніемъ своимъ въ расколѣ принужденъ былъ высказать ученіе богохульное и для нравственности человѣческой злоуредное! О сожальтельнаго положенія! Да просвѣтитъ Господь умныя очи слѣпотствующихъ!

Не погнѣвайся, почтенный едосѣвецъ, что я откровенно изложилъ, какъ рѣшенъ былъ Макаромъ Иванычемъ Стукачевымъ вопросъ о бракѣ и безбрачїи: ты самъ вызвалъ меня къ тому, восхваливъ сіе рѣшеніе, но не сказавъ, въ чемъ оно состояло. Теперь сущность рѣшенія извѣстна читателямъ и пусть каждый судить, достоинъ ли похвалы за оное ублажаемый тобою мужъ.

2. Бесѣда съ ксендзомъ.

Въ Пруссїи, не подалеку отъ насъ, жилъ одинъ лютеранскій ксендзъ, человѣкъ доброй нравственности, постоянно упражнявшійся въ чтеніи книгъ. Объ насъ, относительно нашихъ понятій о Богѣ, онъ былъ самаго не высокаго понятія; притомъ же гнѣвался на насъ за то, что мы увлекали въ наше общество нѣкоторыхъ изъ его духовныхъ дѣтей, какое привлеченіе въ послѣдствїи имѣло для нихъ добрый конецъ, ибо вмѣстѣ съ нами и изъ нихъ многіе пришли къ познанію православія.

Такъ какъ мѣсто, гдѣ былъ нашъ монастырь, принадлежа-

ло къ парохіи ксендза, то я и рѣшился сходить къ нему, чтобы познакомиться и отдать ему честь. Онъ, хотя не охотно, однакоже принялъ меня. Поднялъ разговоръ о вѣрѣ. «Вы какъ вѣруете въ Бога?» спросилъ онъ. Я отвѣтилъ: «мы вѣруемъ, что въ Богъ три Лица и едино Божество,— Отецъ нерожденъ, Сынъ рожденъ, Духъ святой исходящъ». Ксендзъ сказалъ: «такъ у насъ съ вами одна вѣра; только обряды разные?»— «Нѣтъ, говорю, есть разность и въ вѣроученіи и въ таинствахъ. Напримѣръ объ исхожденіи св. Духа мы вѣруемъ, что Духъ отъ Отца исходитъ; а вы учите, что Духъ святой исходитъ отъ Отца и Сына.» Онъ замѣтилъ на это: «здѣсь заключается тайна Божія, никому недовѣдомая, и изъ-за нея вы напрасно отъ насъ отдѣляетесь.» Я отвѣчалъ: «правду вы, г-нъ ксендзъ, сказали, что это Божія тайна и самимъ Ангеламъ недовѣдомая; но по сему-то о ней человѣческимъ разумомъ и не должно судить, а должно вѣрить тому, что самимъ Богомъ о ней изречено. О Духѣ святомъ Самъ Христосъ сказалъ апостоламъ: *иже отъ Отца исходитъ*. Сими словами Богочеловѣка о недовѣдомой тайнѣ Божіей и должны мы удовольиться, и иначе не мудрствовать, и къ словамъ Христовымъ своихъ не прилагать.» Ксендзъ спросилъ: «но какая же погрѣшность въ томъ, чтобъ исповѣдывать исхожденіе св. Духа отъ Отца и Сына?» Я отвѣчалъ: «та погрѣшность, вопервыхъ, что здѣсь къ тайнѣ Божіей, единому Богу вѣдомой и Его устами міру возвѣщенной, дѣлается произвольное прибавленіе; второе: отъ двухъ Лицъ исхожденіе св. Духа исповѣдывать, значить Духу святому два начала приписывать». Ксендзъ сказалъ: «нѣтъ двухъ началъ, ибо одно естество Отца и Сына.» Я замѣтилъ: «что одно естество божественное въ Отцѣ и Сынѣ, это справедливо, но Ипостаси различны и неслитны. А извожденіе Духа есть ипостасное свойство; по сему двумъ Лицамъ и приписано

быть не можетъ.» Ксеендзъ съ горячностію воскликнулъ: «мы исповѣдуемъ Сына равнымъ Отцу; а если по твоему Сынъ не изводитъ Духа, какъ Отецъ, то Онъ уже не равенъ Отцу, и ты унижаешь Сына, какъ Аріій». Я отвѣчалъ: «Сынъ равенъ Отцу по существу и все, что имѣетъ Отецъ по существу, имѣетъ и Сынъ; но ипостасныя свойства ихъ различны — Отецъ не рожденъ, а Сынъ рожденъ; и сіе различіе ипостасныхъ свойствъ ненарушаетъ ихъ равенства, не раздѣляетъ естества. Въ доказательство, я предложилъ г-ну ксеендзу вопросъ, — скажите мнѣ: «Духъ Святой равенъ ли Отцу?» Онъ отвѣчалъ: «равенъ». — Еще скажите: «Отецъ раждаетъ Сына?» Онъ сказалъ: «раждаетъ». — «А Духъ Святой?» Онъ отвѣчалъ: «Духъ Святой не раждаетъ». Тогда я сказалъ ему: «вотъ вы и сами исповѣдуете различіе въ Троицѣ по ипостаснымъ свойствамъ, не допуская чрезъ сіе неравенства Божественныхъ лицъ по естеству; и теперь ваше замѣчаніе, якобы Сына должно будетъ признать не равнымъ Отцу, если не признавать Его изводящимъ Духа, я могу обратить противъ васъ самихъ, ибо могу сказать вамъ: если Духъ Святой, какъ вы и сими соглашаетесь, не раждаетъ Сына, то значитъ по вашему онъ неравенъ Отцу. И такъ согласитесь же, что различіе ипостасныхъ свойствъ не уменьшаетъ равенства лицъ св. Троицы, и Сынъ равенъ Отцу, хотя не изводитъ Духа, точно также, какъ равенъ Ему и Духъ, хоть не раждаетъ Сына.»

Эта бесѣда побудила ксеендза измѣнить свои о насъ понятія и съ сего времени онъ сдѣлался очень ко мнѣ расположенъ; много разъ имѣлъ я съ нимъ мирныя разглагольствія о таинствахъ и іерархіи; онъ даже не бралъ съ насъ принадлежащаго ему парохіальнаго дохода.

АНТИФОНЫ ПРАЗДНИЧНЫЕ НА ЛИТУРГИИ.

Антифоны праздничные, положенные на литургии оглашенныхъ, состоятъ изъ стиховъ, выбранныхъ изъ псалмовъ съ примѣненіемъ, большею частію, къ празднику. За каждымъ стихомъ перваго антифона слѣдуетъ припѣвъ: «Молитвами Богородицы, Спасе, спаси насъ». За каждымъ стихомъ втораго антифона припѣвъ: «Спаси ны, Сыне Божій», съ прибавленіемъ: *рождейся отъ Дѣвы, — во Иордань крестивыйся, — на горѣ преобразивыйся, —* и т. д., смотря по празднику, — «поющія ти: аллилуія». Въ заключеніе втораго антифона, какъ всегда, поется *Единородный Сыне*. За каждымъ стихомъ третьяго антифона поется тропарь праздника. Эти антифоны, именуемые въ церковномъ уставѣ праздничными, поются въ праздники: А) Рождества Христова, Б) Богоявленія, В) Ваій, Г) Пасхи, Д) Вознесенія, Е) Пятьдесятницы, Ж) Преображенія, З) Воздвиженія.

А) Антифоны на Рождество Христово.

Первый антифонъ составленъ изъ 1, 2, и 3 стиховъ 110 псалма, прославляющаго благодаренія Божіи къ избранному народу.

Ст. 1. *Исповѣмся Тебѣ Господи всѣмъ сердцемъ моимъ, въ сонныя правыхъ и въ сонныя.* Т. е. буду прославлять Господа отъ полноты благодарнаго за Его благодаренія сердца, буду прославлять и въ тѣсномъ кругу не многихъ

читателей истиннаго Бога (*въ совѣтъ правыхъ*), и въ многочисленномъ собраніи ихъ (*въ сонмъ*).

Ст. 2. *Велія дѣла Господня, изыскана во всѣхъ воляхъ Его*. Буду говорить: велики дѣла Господни по совершенству и многочисленности, представляютъ строжайшее соотвѣтствіе съ Его благими и премудрыми намѣреніями (*изыскана во всѣхъ воляхъ Его*).

Ст. 3. *Исповѣданіе и великолѣпіе дѣло Его*, т. е. достойно прославленія и прекрасно все, что Онъ дѣлаеть, — *и правда Его пребываетъ въ вѣкъ вѣка*. Т. е. строгая справедливость въ распредѣленіи благъ, въ воздаяніи за добро и зло, всегда одинакова въ Богѣ, не измѣняется съ временемъ и обстоятельствами, такъ что на нее смѣло можно полагаться всякому, съ твердою увѣренностію, что лучше того, какъ Онъ поступаетъ съ нами, нельзя поступать.

Святая церковь, въ праздникъ Рождества Христова, словами сего антифона научаеъ насъ исповѣдывать величіе дѣлъ Божіихъ преимущественно въ воплощеніи Сына Божія. Черезъ сіе воплощеніе открылись и любовь Божія и правда Божія. Любовь Божія открылась въ томъ, что цѣлю воплощенія было спасеніе отъ гибели человѣка, правда Божія—въ томъ, что дѣль сія могла быть достигнута не иначе, какъ черезъ удовлетвореніе правосудію Божію за грѣхи человѣка, а для сего надлежало самому Сыну Божію уничижить себя до рабія зрака.

Второй антифонъ составленъ изъ 1, 2, 3 и 4 стиховъ 111 псалма, ублажающаго благочестивыхъ.

Ст. 1. *Блаженъ мужъ, бояйся Господа, въ заповѣдехъ Его восхоцетъ зѣло*. — Блаженъ благоговѣнно чтущій Господа, съ любовію и великимъ усердіемъ старающійся жить по Его заповѣдямъ.

Ст. 2. *Сильно будетъ на земли сѣмя его, родъ правыхъ благословится*. Не только лично будетъ ущедренъ дарами

Божіими человекъ богобоязненный, но и потомство (*спмя*) его будетъ сильно по многочисленности и могуществу; благословеніе Божіе, вмѣстѣ съ наслѣдіемъ благочестія и добродѣтели, будетъ переходить изъ рода въ родъ.

Ст. 3. *Слава и богатство въ дому его, и правда его пребываетъ въ вѣкъ вѣка.* Домъ богобоязненнаго человекъ пользуется почетомъ и обилуетъ богатствомъ, и за будущее ему нечего опасаться: награда за его правду обезпечена за нимъ и за домою его на долгое время, на вѣки.

Ст. 4. *Возсія во тмѣ свѣтъ правымъ: милостивъ и щедръ и праведенъ.* Даже во тмѣ бѣдъ и напастей для нихъ сіяетъ свѣтъ утѣшенія: ихъ утѣшаетъ надежда на благоволеніе къ нимъ Господа; они и прежде испытывали оное, и впередъ, какъ всегда, Онъ будетъ для нихъ милостивъ, щедръ и праведенъ.

Въ день Рождества Христова сіи псаломскія слова напоминаютъ намъ о сохраненіи и благословеніи благочестиваго рода, изъ котораго надлежало произойти по плоти Христу. Родъ сей сохранился до предопредѣленнаго времени исполненія обѣтованія о Сѣмени жены не смотря на многія неблагопріятныя обстоятельства, постигавшія его въ продолженіи вѣковъ. Передъ Рождествомъ Христовымъ царственный родъ Давидовъ, долженствовавшій дать міру Спасителя, былъ въ крайнемъ униженіи, сравнялся съ родами простаго народа, — отъ величественнаго древа, осѣнявшаго нѣкогда обширное царство, остался одинъ сухой пѣнь; но подъ нимъ сохранились непримѣтые для глаза корни, и отъ нихъ прозябла Отрасль, которой суждено покрыть тѣнью своею всю землю, плодами своими оживотворять все человѣчество (Ис. 11, 1). И возрадовались праотцы Христовы, узрѣвшіе наконецъ въ полномъ сіяніи тотъ Свѣтъ, который возсіялъ отъ нихъ

изъ среды тьмы бѣдъ и напастей, предшествовавшей появленію Его.

Третій антифонъ составленъ изъ 1, 2 и 3 стиховъ 109 псалма, въ которомъ воспѣвается Христось какъ царь и священникъ, какъ предвѣчно изъ чрева прежде денницы рожденный отъ Отца. Самъ Иисусъ Христось словами сего псалма доказываетъ свое божественное достоинство (Мат. 22, 41—46. Слич. Дѣян. 2, 34—36. Евр. 1, 13; 7, 17).

Ст. 1. *Рече Господь Господеву моему: спди одесную мене, дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ.* Господь рекшій есть Богъ Отецъ; Господь, къ которому обращена рѣчь, есть Богъ Сынъ, предвѣчно рожденный отъ Бога Отца, и имѣющій одинаковое Божеское достоинство съ Богомъ Отцемъ, и потому, хотя Онъ есть сынъ Давида по плотскому происхожденію отъ него, Давидъ называетъ Его Господомъ своимъ. — *Спди одесную мене.* Богу Сыну отъ вѣчности принадлежитъ одинаковая власть съ Богомъ Отцемъ, но сими словами Богъ Отецъ предопредѣляетъ ввести Его въ участіе своей царской власти по самому челоуѣчеству Его, которое будетъ воспринято имъ въ личное единеніе съ Божествомъ своимъ и прославлено воскресеніемъ изъ мертвыхъ и вознесеніемъ на небеса. Объ исполненіи сего предвѣчнаго предопредѣленія самъ Христось сказалъ по воскресеніи: *дадеся ми всяка власть на небеси и на земли* (Мат. 28, 18). — *Дондеже положу враги твоя подножіе ногъ твоихъ.* Это значить, что царская власть Иисуса Христа постепенно будетъ раскрывать свое могущество, пока наконецъ не будетъ испровергнуто все враждебное ей, пока не испразднится послѣдній врагъ—смерть (1 Кор. 15, 25. 26).

Ст. 2. *Жезлъ силы послетъ ти Господь отъ Сіона, и господствуй посредь враговъ твоихъ.* Это слова псалмопѣвца. Много будетъ у тебя враговъ,—говорить онъ, обра-

щаясь ко Христу,—среди иудеевъ, язычниковъ, еретиковъ, безбожниковъ, многіе возстанутъ противъ твоей власти, воздвигнутъ гоненіе на вѣрующихъ въ тебя: но ты надъ всѣми врагами восторжествуешь, царство твое распространится по всему лицу земли. Господь, живущій въ Сионѣ, облечетъ тебя такимъ могуществомъ (*жезломъ силы*), предъ которымъ сокрушатся всѣ противоборствующія тебѣ силы. «Ты поразишь враговъ жезломъ желѣзнымъ, раздробишь ихъ, какъ сосудъ горшечника». (Псал. 2, 9). Сила истины, сила благодати дѣйствующей въ сердцахъ, сила внѣшнихъ знаменій и чудесъ,— вотъ этотъ желѣзный жезлъ, грозный для всякаго заблужденія и нечестія!

Ст. 4. *Съ Тобою начало* (начальство) *въ день силы Твоея, во свѣтлостехъ святыхъ* (святостей) *Твоихъ*. Съ того дня, какъ откроется чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ побѣдоносная надъ смертію и адомъ сила Твоя, Ты явишься Владыкою вселенной по самому челоѣчеству Твоему, во всемъ блескѣ и величіи святости Твоей.

Сими псаломскими словами святая церковь въ праздникъ Рождества Христова руководствуетъ насъ къ созерцанію въ вифлеемскомъ Младенцѣ вѣчнаго Царя.

Б) Антифоны на Богоявленіе.

Первый антифонъ состоитъ изъ 1, 2, 3 и 5 стиховъ 113 псалма, воспѣвающаго чудеса Божіи при изшествіи Израилтянъ изъ Египта и вступленіи ихъ въ землю обѣтованную.

Ст. 1. 2. *Во исходъ Израилевъ изъ Египта, дома Іаковля изъ людей варваръ, бысть Іудея святыня Его и Израиль область Его*. Изведеніемъ изъ Египта израильскій народъ отдѣленъ отъ общенія съ идолопоклонниками и потомъ при синайскомъ законодательствѣ объявленъ отъ Бога царствомъ священниковъ, народомъ святымъ (Исх. 19, 5. 6),

т.-е. освященнымъ, избраннымъ изъ всѣхъ народовъ на служеніе истинному Богу. Богъ есть Владыка всѣхъ народовъ, но Израиль въ области Его владычества сдѣлался особымъ, любимымъ Его удѣломъ, и самая страна, гдѣ водворился Израиль, стала священной страной, святилищемъ Божиимъ (*святыня Его*).

Ст. 3. *Море видѣ и побѣже, Иорданъ возвратися вспять.* Воды Чермнаго моря, когда увидѣли народъ, предводимый самимъ Богомъ, владычествующимъ надъ безднами, поспѣшно разступились, какъ разступаются сомкнутые ряды войска отъ быстрого непріятельскаго натиска, и образовавъ собою какъбы двѣ стѣны, очистили проходъ Израильтянамъ по дну своему. Подобное чудо было при переходѣ Израильтянъ чрезъ Иорданъ, съ тѣмъ только различіемъ, что верхняя часть іорданскихъ водъ остановилась, а нижняя стекла въ Мертвое море, оставивъ обнаженное русло для переправы Израильтянъ.

Ст. 5. *Что ти есть море, яко побѣгло еси, и тебѣ Иордане, яко возвратился еси вспять?* — Псалмопѣвецъ обращается съ такимъ вопросомъ къ бездушнымъ предметамъ, словно къ живымъ, потому что уподобляетъ движеніе водъ рѣки и моря, при переходѣ чрезъ нихъ народа Божія, бѣгству людей, испуганныхъ нашествіемъ непріятеля.

Въ праздникъ Богоявленія святая церковь словами псаломскими прославляетъ чудесный переходъ израильскаго народа чрезъ Черное море и Иорданъ потому, что видѣть въ этомъ событіи прообразованіе крещенія Христова, которое, какъ и другія дѣла Христовы, послужило нашему избавленію отъ власти діавола, какъ Израильтяне избавлены были отъ преслѣдованія Египтянъ въ глубинахъ Чермнаго моря, и чрезъ которое «Всесильный неукоснительно проводитъ тварь на неуклонную и лучшую стезю, подобно

тому, какъ по раздѣленіи Іордана въ древности народъ израильскій прошелъ по сушѣ» (1-й канонъ на Богоявл. пѣснь 7, стихъ 2-й. 2-й канонъ на Богоявл. пѣснь 7, ст. 7).

Второй антифонъ составленъ изъ 1, 2, 3, 4 и 5 стиховъ псалма 114-го, въ которомъ псалмопѣвецъ благодаритъ Господа за услышаніе молитвы объ избавленіи его отъ величайшаго бѣдствія.

Ст. 1. *Возлюбихъ, яко услышитъ Господь гласъ моленія моего.*— Я увѣренъ, что Господь всегда услышитъ меня, и потому люблю Его.

Ст. 2. *Яко приклони ухо свое Мнѣ, и во дни моя призову.* Откуда произошла въ псалмопѣвцѣ увѣренность, что Господь услышитъ его? Отъ прежнихъ опытовъ: *яко прежде приклони ухо свое мнѣ.* По увѣренности въ благоволеніи Божиємъ, основанной на сихъ опытахъ, псалмопѣвецъ поставляетъ себѣ въ правило и впередъ во все дни, пока живъ, призывать Бога на помощь.

Ст. 3. 4. *Обыдоша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мя. Скорбь и болѣзнь обрѣтохъ, и имя Господне призвахъ.*— Я былъ въ смертной опасности, былъ близокъ къ могилѣ (*бѣды адовы*), но я не пришелъ въ отчаяніе: постигнутый скорбію и болѣзнію, я призвалъ Бога на помощь.

Ст. 5. *Милостивъ Господь и праведенъ, и Богъ нашъ милуетъ.*— Теперь, испытавъ на себѣ милость Господа, услышавшаго мою молитву, я торжественно исповѣдую: *милостивъ Господь*, склоненъ къ состраданію, *и праведенъ*, готовъ воздавать добромъ истинно чтущамъ Его, *и милуетъ*, самымъ дѣломъ показываетъ, что не напрасно Его называютъ милостивымъ.

Въ избраніи сихъ псаломскихъ стиховъ для праздника Богоявленія незамѣтно особаго примѣненія къ празднику. Не-

замѣтно сего примѣненія и въ третьемъ антифонѣ. Оба антифона служатъ общимъ выраженіемъ чувствъ благодарности къ Богу за Его милости, свойственныхъ христіанину и въ праздники и въ будни.

Третій антифонъ заимствованъ изъ 117 псалма, благодарственнаго за сохраненіе на брани Вождя и за дарованіе ему побѣды; но стихи для антифона взяты изъ этого псалма такіе, которыми можно выражать благодарность Богу за всякое Его благодѣяніе.

Ст. 1. *Исповѣдайтесь* (славьте) *Господеви, яко благу, яко въ вѣкъ милость Его.* 2. *Да речетъ убо домъ Израилевъ, яко благу, яко въ вѣкъ милость Его.* 3. *Да речетъ убо домъ Ааронъ, яко благу, яко въ вѣкъ милость Его.* 4. *Да рекутъ убо вси боящіися Господа, яко благу, яко въ вѣкъ милость Его.* Въ 1-мъ стихѣ приглашаются къ прославленію Господа всѣ читатели Его вообще, въ слѣдующихъ 3-хъ — народъ израильскій, духовное сословіе (домъ Аарона) и боящіеся Господа, т.-е. такъ называемые пришельцы (прозелиты), или обращенные къ вѣрѣ въ Бога Израилева язычники (слич. псал. 113, 17. 18. 19). Въ Новомъ завѣтѣ они также извѣстны подъ именемъ боящихся Господа, напримѣръ, Корнелій сотникъ (Дѣя. 10, 2. 22; 13, 16. 26).

В) Антифоны на праздникъ Ваій.

Первый антифонъ состоитъ изъ первыхъ четырехъ стиховъ 114 псалма, тѣхъ же, которые, съ прибавленіемъ 5-го стиха, вошли во второй антифонъ на Богоявленіе.

Второй антифонъ состоитъ изъ 1, 3, 4 и 5 стиховъ псалма 115-го, благодарственнаго.

Ст. 1. *Въровахъ, тѣмже возлагалахъ: азъ же смирихся зло.* Т.-е. вѣра моя въ Бога, заступника моего,

такъ во мнѣ была сильна, что отъ избытка сердца я исповѣдывалъ ее устами, хотя терпѣлъ тяжкія озлобленія и угнетенія съ разныхъ сторонъ: эти озлобленія и угнетенія не колебали моей вѣры, не довели меня до ропота на Бога, до отчаянія.

Ст. 3. *Что воздамъ Господеву о всѣхъ, яже воздаде ми?* Вѣра въ помощь Господа не посрамила вѣрующаго. Онъ получилъ ожидаемую помощь и спѣшитъ возблагодарить Господа, но не знаетъ, чѣмъ выразить предъ Нимъ свою благодарность, чѣмъ воздать Ему за возданіе, дарованное вѣрѣ.

Ст. 4. *Чашу спасенія прииму, и имя Господне призову.* Въ знакъ радости о спасеніи, получившій оное хочеть подѣлиться ею съ ближними. Онъ хочеть, по принесеніи благодарственной жертвы, устроить для нихъ трапезу, въ присутствіи ихъ поднять чашу съ виномъ, призвать надъ нею имя Господне, т. е. торжественно исповѣдать, что о имени Господнемъ онъ получилъ спасеніе, и вмѣстѣ съ ними во славу Господу вкусить отъ сей чаши. Такъ выражалъ свою благодарность къ Богу ветхозавѣтный мужъ, но когда христіанинъ произноситъ тѣже слова, или оглашается пѣніемъ ихъ, онъ не объ иной какой чашѣ долженъ помышлять, а единственно о спасительной чашѣ Новаго завѣта, которую Господь Іисусъ, установляя таинство евхаристіи, взявъ въ пречистыя руки свои и благодаривъ подалъ ученикамъ и сказалъ: пейте изъ нея всѣ, ибо сіе есть кровь моя Новаго завѣта (Мат. 26, 27. 28), и не только помышлять о сей чашѣ долженъ христіанинъ, но и приступать къ ней, вмѣстѣ съ другими, съ благодареніемъ о неизреченной любви къ намъ Божіей, являемой въ семъ таинствѣ.

Ст. 5. *Молитвы моя Господеву воздамъ предъ всми людьми.* Разумѣются благодарственные молитвы, соединенныя съ принесеніемъ жертвы.

Третій антифонъ — тотъ же, который положенъ вторымъ на Богоявленіе.

Г) Антифоны во дни Пасхи.

Первый антифонъ взятъ изъ 2, 3 и 4 стиховъ псалма 65-го, прославляющаго милость Божию въ изведеніи Евреевъ изъ Египта и изъ Вавилона. Часть псалма назначена для пасхальнаго антифона конечно потому, что псаломъ сей въ греческой и славянской псалтири надписанъ *псаломъ воскресенія*^(а), и еще потому, что новозавѣтный праздникъ пасхи образованъ былъ ветхозавѣтною пасхою, установленною въ память упоминаемаго въ семъ псалмѣ избавленія израильскаго народа отъ рабства египетскаго (ст. 6).

Ст. 2. *Воскликните Господеву вся земля, пойте же имени Его, дадите славу хвалъ Его.* Если по поводу чудныхъ дѣлъ Божіихъ, открывшихся въ судьбѣ избраннаго народа, псалмопѣвецъ приглашаетъ всѣ народы къ участию въ возвеличеніи имени Бога, въ прославленіи хвалыныхъ дѣлъ его (*хвалы Его*), то не гораздо ли приличнѣе сими словами святая церковь приглашаетъ всѣ народы къ прославленію такого для всего міра спасительнаго событія, каково воскресеніе Христово?

Ст. 3. *Рцйте Боу, коль страшна (изумительны) дѣла твоя, во множествѣ силы твоя солжутъ Тебѣ врази*

(а) Это надписаніе дано псалму вѣроятно потому, что въ 9 стихѣ псалмопѣвецъ прославляетъ Господа *положившаго душу мою* (съ евр. нашу) *въ животъ и недавшаго съ смятеніе ногъ моихъ* (съ евр. нашихъ). Ближайшимъ образомъ это относится къ неоднократному избавленію избраннаго народа отъ угрожавшей ему со стороны многихъ враговъ гибели. Но въ семъ избавленіи надписатели псалма могли также видѣть образъ избавленія отъ духовной и тѣлесной смерти, уготованнаго всѣмъ людямъ смертію и воскресеніемъ Богочеловѣка, отчего и названъ сей псаломъ псалмомъ воскресенія.

твои. Т. е. отъ страха предъ твоимъ неодолимымъ могуществомъ самые враги твои не дерзнуть открыто признаваться передъ всѣми во враждѣ къ Тебѣ, Господи, затаятъ ее въ сердцѣ своемъ и хоть лицемѣрно смирятся предъ Тобою, какъ фараонъ лицемѣрно смирялся предъ Тобою, прося Моисея помолиться Тебѣ о прекращеніи египетскихъ казней.

Ст. 4. *Вся земля да поклонится тебѣ и поетъ тебѣ, да поетъ же имени твоему, Вышній.* Всѣ народы да соединятся въ поклоненіе Тебѣ, и для сего да оставятъ свое нечестіе.

Второй антифонъ состоитъ изъ 2, 3 и 4 стиховъ 66 псалма, въ которомъ псалмопѣвецъ, по случаю обильнаго урожая (ст. 7.), молитъ Бога, да ущедряетъ Онъ народъ Своими благословеніями и на будущее время, — и выразитъ желаніе, да будетъ вѣдомъ Онъ всѣмъ народамъ.

Ст. 2. *Боже ущедри ны и благослови ны, просвьти лице твое на ны и помилуй ны* ⁽⁶⁾. Какъ теперь, Господи, Ты излилъ на насъ щедроты твои и благословенія твои, обиліе милостей твоихъ, даровавъ плодородіе землѣ нашей, какъ

(6) Замѣчательно сходство этихъ словъ съ словами благословенія, какими священники, по закону Моисееву, должны были благословлять народъ: «да благословитъ тебя Господь и да сохранить тебя, да возвратитъ на тебя Господь свѣтлымъ лицомъ и помилуетъ тебя, да обратитъ Господь лице свое къ тебѣ и дастъ тебѣ миръ» (Числ. 6, 24—26). На основаніи этого сходства полагаютъ, что 66-й псаломъ былъ воспѣваемъ въ ветхозавѣтной церкви въ отиѣтъ на священническое благословеніе, и что какъ въ словахъ священническаго благословенія, судя по троекратному повторенію имени *Господь*, есть намекъ на таинство Святыя Троицы, такъ и въ словахъ разсматриваемаго псаломскаго стиха подразумевается тотъ же намекъ. Посему и христіанинъ, когда слышитъ слова этого стиха въ дни пасхи, можетъ словословить Святую Троицу, вспоминая ясное ученіе о ней Спасителя, возвѣщенное Имъ по воскресеніи изъ мертвыхъ: «шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа».

теперь явилъ намъ свѣтлое, благосклонное лице твое (*просвѣтилъ лице твое*) и помиловалъ насъ: такъ и впередъ не преставай радовать насъ твоимъ благоволеніемъ.—Слыша, во дни пасхи, сіи слова псалмопѣвца, сказанныя по случаю плодородія, мы можемъ примѣнять ихъ къ обѣтованію нашего Спасителя о духовномъ плодородіи (т. е. о распространеніи вѣры Христовой), какимъ должна сопровождаться смерть и воскресеніе Его: «если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, то принесетъ много плода» (Іоан. 12, 24),—и просить Господа, да споспѣшествуетъ Онъ Своею благодатію плодоносію святой церкви, умноженію ея чадъ.

Ст. 3. *Да познаемъ* (да познанъ будетъ) *на земли путь твой, во всѣхъ языцѣхъ спасеніе твое.* Милости истиннаго Бога къ читателямъ Его могутъ служить къ распространенію и между невѣдущими Его познанія о *Его пути*, т. е. промышленности о людяхъ, и къ признанію, что отъ Него только можно ожидать спасенія отъ вѣчной гибели всѣмъ народамъ.

Ст. 4. *Да исповѣдятся тебѣ людіе, Боже, да исповѣдятся тебѣ людіе вси.* Желаніе псалмопѣвца, чтобы всѣ народы прославили истиннаго Бога (*исповѣдались Ему*), чтобы вѣдѣніе о Немъ распространилось по вселенной, могло исполниться во времена новозавѣтныя. Христось, по воскресеніи изъ мертвыхъ, заповѣдалъ апостоламъ, чтобы шли и научили всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа (Мат. 28, 20). И апостолы сіе исполнили: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ.*

Третій антифонъ состоитъ изъ 2, 3 и 4 стиховъ псалма 67-го, составленнаго на торжество перенесенія Давидомъ ковчега завѣта въ сіонскую крѣпость, и воспѣвающаго благодаренія Божія, явленныя Израильскому народу при стран-

ствованіи въ Аравіи и при занятіи земли обѣтованной, а вмѣстѣ, подѣ образомъ этихъ благодѣяній, торжество Христа надъ врагами нашего спасенія, Его воскресеніе, вознесеніе на небеса и распространеніе Евангелія. Примѣненіе псалма ко Христу основывается на словахъ ап. Павла, который сказанное въ 19 стихѣ псалма относить ко Христу, сходявшему въ адъ и изъ ада возведшему многихъ на небеса, и съ небесъ пославшему святаго Духа съ Его многоразличными дарами: «сказано: возшелъ на высоту, плѣнилъ плѣнъ и далъ дары челоуѣкамъ. А возшелъ, что означаетъ, какъ не то, что Онъ и нисходилъ прежде въ преисподнія мѣста земли? Низшедшій Онъ же есть и возшедшій превыше всѣхъ небесъ, дабы наполнить все» (Еф. 4, 8—10).

Ст. 2. *Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его, и да бѣжатъ отъ лица Его ненавидящіи Его.* Тоже произносилъ Моисей, во время странствованія Евреевъ въ пустынѣ, когда надлежало стану Израильскому подниматься въ путь и поднимать въ путь ковчегъ завѣта. «Возстань, Господи, говорилъ онъ, и разсыплются враги твои и побѣгутъ отъ лица твоего ненавидящіе Тебя» (Числ. 16, 35). Весьма естественно, что тѣже слова возглашаемы были при поднятій ковчега завѣта изъ дома Аведдара для перенесенія въ Іерусалимъ. Въ примѣненіи къ воскресенію Христову, въ празднованіе котораго на пасхѣ эти слова столь часто повторяются, они даютъ такой смыслъ: яви Господи силу воскресенія твоего, и страхомъ ея расточи враговъ спасенія, и больше всѣхъ враждебныхъ тебѣ духовъ злобы поднебесныхъ, какъ Ты нѣкогда страшень былъ врагамъ избраннаго народа, когда ходилъ съ нимъ въ пустынѣ, являя свое присутствіе надъ ковчегомъ завѣта.

Ст. 3. *Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ.* Враждебные Израилу народы приходили въ страхъ при одномъ слухѣ

о могуществѣ Бога Израилева (I. Нав. 2, 11); но еще больше овладѣвалъ ими этотъ страхъ, когда они лицомъ къ лицу встрѣчались съ Израильтянами, предводимыми самимъ Богомъ, — тогда они исчезали какъ дымъ, разсѣваемый вѣтромъ. Подобную силу, страшную силамъ ада, имѣеть имя Иисуса Христа съ вѣрою произносимое, и крестное знаменіе, съ вѣрою въ Распятаго совершаемое.

4. *Яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся.* Грѣшники, тающіе какъ воскъ отъ гнѣва Божія—это въ Ветхомъ Завѣтѣ враги избраннаго народа и нечестивые въ самомъ этомъ народѣ; въ Новомъ Завѣтѣ — гонители христіанства, также внутренніе враги его, какъ еретики и раскольники. Праведники, веселящіеся о Бозѣ Спасѣ своемъ—это въ Ветхомъ Завѣтѣ чтители истиннаго Бога, особенно искренніе и истинно благочестивые; въ Новомъ Завѣтѣ — православные и благочестивые христіане.

Д) Антифоны на Вознесеніе.

Первый антифонъ состоитъ изъ 2, 3, 4 и 6 стиховъ 46 псалма, въ которомъ псалмопѣвецъ по случаю побѣды, дарованой Израилю всемогущимъ Богомъ, призываетъ всѣ народы славословить сего Бога, какъ владыку не избраннаго только народа, но всѣхъ народовъ. Стихи изъ этого псалма поются на Вознесеніе Христова потому, что слава всемогущества Божія, изображаемая въ псалмѣ, служитъ образомъ славы Христа Спасителя, открывшейся въ вознесеніи Его съ плотію на небеса. Къ сему преимущественно относится 6 стихъ псалма.

Ст. 2. *Вси языци восплещете руками, воскликните Богу гласомъ радованія.* Радость, къ выраженію которой рукоплесканіями и восклицаніями псалмопѣвецъ призываетъ всѣ народы, могла быть только слѣдствіемъ увѣрованія ихъ

въ Бога Израилева, какъ единого истиннаго Бога, а почему увѣрвать въ Него они должны, говорится далѣе.

Ст. 3. *Яко Господь вышній страшенъ, царь велий по всей земли.* Царская власть Его, страшная для враговъ Его и народа Его, простирается не на одинъ этотъ народъ, но на всѣ племена земныя.

Ст. 4. *Покори люди намъ и языки подъ нош наша.* Только при Его всемогущей помощи, Израильтяне могли покорить себѣ ханаанскіе народы и занять землю ихъ обитанія.

Ст. 6. *Взыде Богъ въ воскликновѣніи, Господь во гласъ трубнй.* Господь, при помощи котораго одержана Израильтянами побѣда, представляется здѣсь подъ образомъ полководца, торжественно возвратившагося съ поля битвы, съ восклицаніями и трубными звуками встрѣченнаго ликующимъ народомъ. Не есть ли это вмѣстѣ образъ Христа, со славою возносящагося на небо послѣ побѣды, одержанной Имъ надъ врагами нашего спасенія, сопровождаемаго къ горнимъ обителямъ и срѣтаемаго сонмами силъ небесныхъ, словно трубными звуками, своими славобловіями оглашающихъ своды небесныя?

Второй антифонъ состоитъ изъ 2, 3, 4 и 5 стиховъ 47 псалма, въ которомъ псалмопѣвецъ прославляетъ Бога за избавленіе Іерусалима отъ угрожавшихъ ему союзныхъ царей (въ царствованіе Іоасафата 2 Пар. 20) и восхищается прекраснымъ видомъ священнаго города. Содержаніе псалма, въ примѣненіи къ празднику Вознесенія, возводитъ мысль христіанина къ церкви Христовой, этому новозавѣтному Іерусалиму, славному тѣмъ, что Господь Іисусъ, хотя вознесся тѣломъ на небо, обѣщаль пребывать и пребудетъ въ ней неотступно до скончанія вѣка, — и также къ Іерусалиму небесному, къ церкви торжествующей на небесахъ, вступленіе въ которую открыто намъ вознесеніемъ Христовымъ (Евр. 10. 20).

Ст. 2. *Велій Господь и хвалень зъло, во градъ Бога нашего, въ горь святый Его.* Истинный Богъ. великій и хвальный всюду, преимущественно открываетъ Свое величіе и достоинъ хвалы въ святой церкви своей, средоточіемъ которой служить Иерусалимъ съ его святилищемъ на горѣ Моріи.

Ст. 3. *Горы Сіонскія, ребра сѣверова, градъ Царя великаго.* Горы Сіонскія — на югѣ Иерусалима. Онѣ господствовали надъ всѣмъ городомъ, и назывались верхнимъ, или Давидовымъ городомъ. Ребра сѣверова—это сѣверная, низменная часть Иерусалима. Но и южная и сѣверная часть Иерусалима — одинаково городъ Царя великаго, истиннаго Бога, славный святилищемъ Его, единственнымъ во всемъ мірѣ во времена ветхозавѣтныя.

Ст. 4. *Богъ въ тяжестехъ (въ чертогахъ) Его знаемъ есть, егда заступаеъ и.* — Богъ Израилевъ напоминаетъ о себѣ не только въ храмѣ Своемъ, но и въ жилищахъ Иерусалимлянъ, являясь защитникомъ сихъ жилищъ.

Ст. 5. *Яко се царіе земстіи собрашася, снидошася вкупуъ.* Противъ сихъ-то союзныхъ царей, шедшихъ на Иерусалимъ въ царствованіе Иоасафата, Господь явилъ Себя защитникомъ Иерусалимскихъ жилищъ; союзники не только не успѣли въ своихъ замыслахъ противъ Иерусалима, но сами погибли въ междуусобной битвѣ (2 Пар. 20, 23); они, какъ сказано въ слѣдующихъ стихахъ псалма, *смятошася, трепетъ пріяетъ я* (ст. 6. 7). Подобно сему мятутся на свою пагубу враги церкви Христовой, неодолимой вратами ада и охраняемой всемогущимъ Главою ея, сѣдящимъ одесную Бога Отца Богочеловѣкомъ.

Третій антифонъ состоитъ изъ 2, 3, 4 и 5 стиховъ 48 псалма, обличающаго неразуміе надѣющихся на свое богатство, хотя оно не спасетъ ихъ отъ смерти и не пойдетъ за

ними на тотъ свѣтъ. Стихи, взятые изъ сего псалма для антифона, составляютъ только вступленіе къ обличенію и поучительной рѣчи псалмопѣвца.

Ст. 2. 3. *Услышите сія вси языцы, внушите вси живущіи по вселенный, земнороднии и сынове человечестіи, вкупь богатъ и убогъ.* Видно предметъ, на который псалмопѣвецъ хочетъ обратить вниманіе всѣхъ людей на свѣтъ, заслуживаетъ такого всеобщаго вниманія.

Ст. 4. *Уста моя возлагаютъ премудрость и поученіе сердца моего разумъ.* Слова промудрости и разума, предлагаемая псалмопѣвцемъ послѣ строгаго предварительнаго обсужденія ихъ предмета, это слова о тщетѣ богатства.

Ст. 5. *Приклоню въ притчу ухо мое, отверзу (изложу) въ псалтири гаданіе (загадку) мое.* — Притчи и гаданіе, которыя псалмопѣвецъ обѣщается изложить, это опять рѣчь о тщетѣ богатства. Приточною и загадочною рѣчь эта называется потому, что истина, въ ней заключающаяся, какъ ни очевидна сама по себѣ, неубѣдительна для людей, что по истинѣ загадочно. — Псалмопѣвецъ по смиренію хочетъ не только учить, но и самъ внимать своему ученію: *приклоню ухо мое.*

Въ праздникъ Вознесенія Христова сіи псаломскіе стихи внушаютъ христіанамъ не привязывать сердца къ земнымъ благамъ, но, по наставленію апостола, искать горняго, гдѣ Христосъ съдитъ одесную Бога (Кол. 3, 1).

Е) Антифоны на пятьдесятницу.

Первый антифонъ состоитъ изъ 2, 3 и 5 стиховъ 18 псалма, въ которомъ воспѣвается величіе Божіе, открывающееся въ тваряхъ, и достоинство откровеннаго закона Божія.

Ст. 2. *Небеса поведаютъ славу Божію, твореніе же руку Его (о дѣлахъ рукъ Его) возвыщаетъ твердь.* Небеса

свидѣтельствуютъ о всемогуществѣ и премудрости Творца, давшаго имъ бытіе и мудрое устройство, и тѣмъ побуждаютъ человѣка къ повѣданію славы Божіей. Твердь, или голубой сводъ небесный, открывающій предъ нами величественное зрѣлище безчисленныхъ свѣтилъ, безъ словъ проповѣдуетъ, что все это есть дѣло рукъ Его.

Ст. 3. *День дни отрыгаетъ (переливаетъ) глаголь, и ночь ночи возвышаетъ разумъ.* Съ каждымъ днемъ, осіяваемымъ чрезъ солнце, съ каждою ночью, озаряемою свѣтомъ луны и безчисленныхъ звѣздъ, обновляется предъ нашими очами откровеніе величія Божія: днемъ оно открывается преимущественно на землѣ, ночью на небесахъ.

Ст. 5. *Во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ.* Нѣтъ ни одного уголка на землѣ, гдѣ бы человѣкъ не могъ ощутить присутствія Божія, ибо вся земля покрыта сводомъ небеснымъ, со всѣхъ концовъ земнаго шара можно любоваться зрѣлищемъ солнца, луны, звѣздъ и прочихъ свѣтилъ, неумолчныхъ проповѣдниковъ величія Божія. Св. ап. Павелъ прилагаетъ сіи слова псалма къ апостоламъ, проповѣдію своею огласившихъ всю вселенную (Рим. 10, 18), и тѣмъ даетъ разумѣть, что и псалмопѣвецъ, прославляя величіе Божіе, открывающееся въ небесахъ, имѣлъ въ виду не одни видимыя небеса, но вмѣстѣ церковь Христову — это царство небесное на землѣ, не одни свѣтила на тверди небесной, но вмѣстѣ свѣтила міра духовнаго, ярко сіяющія на тверди церковной, — апостоловъ. Такимъ образомъ въ словахъ псалмопѣвца съ изображеніемъ того, что всегда видитъ человѣкъ чувственными очами, соединяется пророчество о будущей судьбѣ церкви, и это пророчество начало исполняться со дня Пятидесятницы. Въ сей день апостолы, по сошествіи на нихъ св. Духа, на многихъ языкахъ стали возвыщать величіе Божіе вслухъ пришельцевъ со всего

свѣта, и въ тотъ же день обратились ко Христу тысячи людей, и эти люди, собравшіеся на праздникъ Пятидесятницы съ разныхъ концовъ вселенной, возвратившись во свояси, пронесли повсюду слышанное отъ апостоловъ, не говоря уже о самихъ апостолахъ, которые всю жизнь провели въ путешествіяхъ для распространенія Евангелія по вселенной. По истинѣ *во всю землю изыде въщаніе ихъ*. Итакъ въ праздникъ Пятидесятницы, внимая пѣнію стиховъ изъ 18 псалма, мы должны благоговѣнно благодарить и прославлять Господа, благоволившаго ознаменовать сей праздникъ событіемъ, положившимъ начало всемірному распространенію христіанства.

Второй антифонъ составленъ изъ 2-го, 3-го и 5-го стиховъ 19 псалма, въ которомъ народъ напугуется благожеланіями и молитвою своего царя, отправляющагося на брань.

Ст. 2. *Услышитъ тя Господь въ день печали, защититъ тя имя Бога Иаковля*. Такъ выражаютъ подданные сочувствіе царю, идущему на брань. Но какъ для царя время войны есть время безпокойства, страховъ, опасеній неудачи: такъ и для христіанина время жизни, какъ время непрестанной борьбы съ врагами спасенія, полно скорбей и мучительныхъ безпокойствъ за спасеніе. Кто утѣшитъ насъ въ семь случаѣ, какъ не Духъ утѣшитель? Посему какъ благоприлично за симъ псаломскимъ стихомъ слѣдуетъ припѣвъ: *спаси ны, Утѣшителю блаій, поющія ти: аллелуія!*

Ст. 3. *Послетъ ти помощь отъ святаго* (отъ святилица) *и отъ Сіона заступитъ тя*. Какъ подданные, желающіе царю своему успѣха на брани, обращаются съ молитвою о семь къ святилищу на горѣ Сіонской, отсюда ожидая царю помощи: такъ и душа христіанская преимущественно въ храмѣ Божіемъ должна изливать молитву къ Духу свя-

тому, да укрѣпить ее своею благодатію въ борьбѣ съ грѣховными искушеніями.

Ст. 5. *Дастъ ти Господь по сердцу твоему, и весь советъ твой исполнитъ.* Подражая сей молитвѣ народа о царѣ, и каждый изъ насъ долженъ у Духа святаго, какъ *Сокровища благихъ*, т.-е. неизсякаемаго источника всѣхъ благъ, просить душѣ своей исполненія ея благихъ желаній.

Третій антифонъ состоитъ изъ 2-го, 3-го и 4-го стиховъ 20-го псалма, въ которомъ народъ благодаритъ Господа за дарованіе царю побѣды надъ врагами. Можно также думать (судя по 6-му и 7-му стихамъ), что подъ образомъ сего побѣдоноснаго царя отчасти представляется въ псалмѣ Мессія, которому, по совершеніи подвиговъ искупленія, дана всякая власть на небеси и на земли.

Ст. 2. *Господи, силою Твоею возвеселится царь, и о спасеніи Твоемъ возрадуется зъло.* Т.-е. царь не себя приписываетъ побѣду надъ врагами, но съ радостію исповѣдуетъ, что онъ обязанъ сею побѣдою единственно Твоей всемогущей силѣ, Твоей спасительной помощи.

Ст. 3. *Желаніе сердца его далъ еси ему, и хотѣнія устну его нѣси лишилъ его* (молитвы устъ его не отринулъ).

Ст. 4. *Яко предварилъ еси его благословеніемъ благостыннымъ*, т.-е. Ты, Господи, ущедрилъ его, какъ возлюбленнаго Своего, обиліемъ сладчайшихъ благословеній, заранѣе для него уготованныхъ Твоею любовію, — *положилъ еси на главы его вѣнецъ отъ камене честна.*— *Вѣнецъ*, — рѣчь идетъ о вѣнцѣ аммонитскаго царя, доставшемся Давиду, его побѣдителю (2 Цар. 12, 30); но такъ какъ Давидъ былъ образомъ Царя Христа, то здѣсь разумѣется также вѣнецъ вѣчной славы, которымъ по самому человечеству увѣнчанъ Сынъ Божій, побѣдитель смерти и ада (Евр. 2, 9).

Если въ нѣкоторыхъ стихахъ 20-го псалма можно усматри-

вать указаніе на прославленіе Іисуса Христа, то нетрудно понять, почему эти стихи прилично пѣть въ праздникъ, посвященный воспоминанію сошествія святаго Духа: это потому, что сошествіе св. Духа было плодомъ прославленія Христа, какъ видно изъ сказаннаго евангелистомъ Іоанномъ: «еще не было на нѣхъ (*вырующихся во имя Христа*) Духа святаго, потому что Іисусъ еще не былъ прославленъ» (Іоан. 7, 39).

Ж) Антифоны на Преображеніе.

Первый антифонъ взять изъ разныхъ псалмовъ.

1-й стихъ антифона есть 2-й стихъ 65 псалма: *Воскликните Господеву вся земля, пойте же имени Его, дадите славу хвалъ Его*. Тотъ же стихъ входитъ, какъ выше было показано, въ составъ перваго пасхальнаго антифона.

2-й стихъ есть 19-й псалма 76-го: *гласъ грома Твоего въ колеси, освѣтиша молнія Твоя вселенную, подвижется и трепетна бысть земля*. Идетъ рѣчь собственно о славу Господа, открывшейся въ чудесномъ переходѣ Израильтянъ чрезъ Чермное море (слич. стихи 17, 18, 20). Осушеніе дна морскаго сопровождается было страшною грозою, при чемъ раздавались подъ сводомъ небеснымъ (*въ колеси*) оглушительные громы, отъ которыхъ трепетала земля,— сверкали ослѣпительныя молніи. Это явленіе славы Божіей весьма благоприлично вспомнить въ праздникъ Преображенія, какъ такого событія, въ которомъ открылась слава Богочеловѣка въ сіяніи, подобно солнцу, лица Его, при чемъ велухъ апостоловъ, словно гулъ грома, прогремѣлъ гласъ Бога Отца: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немже благоволихъ* (Мат. 17, 5).

3-й стихъ антифона составляютъ слова 103 псалма: *Во*

исповѣданіе (въ славу) и велельніе облеклся еси, одѣялся свѣтомъ яко ризою. Идетъ рѣчь о свѣтъ естественномъ, сотворенномъ. Но если сей свѣтъ является отраженіемъ величія Творца, служа для Него какъ бы ризою, то не безконечно ли величественнѣе тотъ несотворенный свѣтъ, который на Өаворѣ былъ непосредственнымъ обнаруженіемъ славы Божескаго существа Іисуса Христа?

Второй антифонъ составленъ также изъ разныхъ псалмовъ.

1-й стихъ антифона: *Горы Сіонскія, ребра сѣверова, градъ царя великаго.* См. тоже во второмъ антифонѣ на Вознесеніе.

2-й стихъ: *изведе я въ горы святыни своя, гору сію, юже стяжа десница Его* (Псал. 77, 54). Рѣчь идетъ о приведеніи Израильтянъ въ обѣтованную землю и о дарованіи имъ въ обладаніе Сіонской горы, славной святилищемъ (*святынею*), на ней поставленнымъ.

3-й стихъ: (*избралъ Господь*) *гору Сіоню, юже возлюби и созда яко единорога святилище Его* (Псал. 70, 69). Т.-е. на Сіонской горѣ Господь чрезъ Соломона устроилъ такое святилище, которое возвышалось на вершинѣ ея, какъ рогъ единорога, — величественное и далеко видное.

Во всѣхъ трехъ стихахъ говорится о священной горѣ Сіонской. Въ созданномъ на ней святилищѣ благоволилъ являть свое особенное присутствіе Господь неба и земли. Подобную славу имѣетъ гора Преображенія, потому что на ней открылъ славу Своего божества Богочеловѣкъ, и на ней же слышанъ былъ гласъ Бога Отца: *сей есть Сынъ Мой возлюбленный.*

Третій антифонъ также заимствованъ изъ разныхъ псалмовъ.

1-й стихъ антифона есть 1-й стихъ 124-го псалма: *Надлежащійся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижится во*

вѣкъ. Т.-е. надѣющіеся на Господа, словно неподвижная среди бурь сіонская скала, твердо выдерживаютъ приращенія напастей и скорбей, не падаютъ подъ ними.

2-й стихъ антифона есть 2-й стихъ того же псалма: *Горы окрестъ его* (Іерусалима), *и Господь окрестъ людей Своихъ отнынѣ и до вѣка*. Какъ горы, окружающія Іерусалимъ, служатъ для него не малою защитою отъ непріятельскихъ нападеній: такъ и народъ Божій находится подъ защитою своего Господа, — за Нимъ Израильтяне — словно за каменною неприступною оградой. Чувство подобной безопасности испыталъ апостоль Петръ на горѣ Фаворской, когда сказалъ Іисусу Христу: *добро есть намъ здѣ быти* (Мат. 17, 4).

3-й стихъ антифона составляютъ слова 14-го псалма, написаннаго по случаю перенесенія, при Давидѣ, ковчега Завета на Сіонскую гору: *Господи, кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ, или кто вселится въ святую гору Твою?* Т.-е. кто достоинъ обитать въ горнихъ обителяхъ, которыхъ много въ дому Отца небеснаго, въ царствіи небесномъ? О сихъ обителяхъ должны помышлять, къ нимъ устремлять свои желанія и надежды празднующіе Преображеніе Христово, сравнивая блаженство пребыванія въ нихъ съ тѣмъ пріятнымъ состояніемъ, въ какомъ находились апостолы на горѣ Преображенія. Въ минуту Преображенія гора сія *небеси подобяшеся*, представляла собою райское жилище, съ которымъ не хотѣлось разстаться ап. Петру, и съ которымъ, однакожъ, онъ долженъ былъ разстаться, чтобы помнить, что *мы не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ* (Евр. 13, 14). Кто же можетъ надѣяться блаженно водвориться въ семь грядущемъ градѣ? *Кто обитаетъ въ жилищи Твоемъ, Господи?* Псаломъ отвѣчаетъ: непорочный, справедливый, чистосердечный, не дѣлающій зла

ближнему ни словомъ, ни дѣломъ, твердый въ словахъ, безкорыстный (ст. 2—6).

3) Антифоны на Воздвиженіе.

Первый антифонъ состоитъ изъ 2, 3 и 4 стиховъ 21 псалма, пророчественно изображающаго страданія Христа Спасителя и прославленіе Его, какъ видно изъ того, что Самъ Христосъ словами сего псалма (ст. 2) жалуется Богу Отцу, оставляющему Его безъ помощи въ страданіяхъ, и изъ того, что новозавѣтные писатели приводятъ стихи этого псалма о Христѣ, какъ пророчество о Немъ, на примѣръ стихъ 19-й: *раздѣлиша ризы моя о себѣ, и о одежди моеи меташа жребій* (Мат. 27, 35. Іоан. 19, 23, 24), и стихъ 23-й: *повѣмъ имя Твое братіи моеи, посреди церкви воспою Тя* (Евр. 2, 12. слич. Іоан. 20, 17).

Ст. 2. *Боже мой, возми ми, вскую оставилъ мя еси? Съ этимъ и слѣдующими словами обращается къ Богу Отцу страдающей Христосъ. Зачѣмъ, Боже Отче, предаешь меня, по человѣческой Моей природѣ, въ жертву Моимъ врагамъ? Зачѣмъ лишаешь меня Твоей помощи въ страданіяхъ, оставляя Меня однимъ Моимъ человѣческимъ слабымъ силамъ? Боже мой, Боже мой, вскую мя еси оставилъ?* (Мат. 27, 47)

— *Далече отъ спасенія моего словеса грѣхопаденій моихъ.* Грѣхопаденія всего человѣческаго рода, которыя Я принялъ на Себя и которыя посему суть *Мои*, — они говорятъ противъ Меня, громко обвиняютъ Меня предъ судомъ правды Божіей, и эти обвинительныя *словеса* удаляютъ отъ Меня *спасеніе*, избавленій Меня отъ страданіе.

Ст. 3. *Боже мой, воззову во дни и не услышиши, и въ нощи и не въ безуміе мнѣ* (не по безумію моему). — Непрестанно взываю къ Твоей помощи, и Ты не слышишь, не снисходишь Моему желанію. Страданія Мои такъ тяжки, что истор-

гають изъ устъ моихъ невольный вопль: *да мимо идетъ отъ Мене чаша сія* (Мат. 26, 39); но это не согласно было бы съ планомъ высочайшей мудрости о спасеніи, чрезъ Мои страданія и смерть, всего человѣчества; потому Ты и не внимаешь Моему воплю.

Ст. 1. *Ты же во святѣмъ живешь, хвало Израилева.* Я вопію къ тебѣ, во Ты, вмещающій хваламъ Израиля, спокойно обитаешь въ твоёмъ святилищѣ (*въ святѣмъ*), не трогаясь моими воплями.

Кто не видитъ, какъ всѣ эти псаломскія слова благоприлично приспособлены къ празднеству Воздвиженія креста Христова, соединяемому съ воспоминаніемъ страданій и крестной смерти?

Второй антифонъ состоитъ изъ 1, 2 и 12 стиховъ 73 псалма, въ которомъ псалмопѣвецъ жалуется на враговъ, опустошившихъ храмъ Іерусалимскій и притѣсняющихъ избранный народъ, и который по этому весьма пригоденъ для выраженія чувствъ христіанина, воспоминающаго объ оскверненіи язычниками святыхъ мѣстъ страданій, смерти и воскресенія нашего Спасителя, и видящаго доселѣ эти мѣста въ рукахъ невѣрныхъ.

Ст. 1. *Вскую Боже отринулъ еси до конца?*—Такъ могли говорить Богу Іудеи, находясь подъ игомъ иноплеменныхъ властителей. Такъ могутъ говорить и христіане, скорбящіе о продолжающемся доселѣ владычествѣ магометанъ надъ Іерусалимомъ и его дорогами для насъ святынями.

Ст. 2. *Помни сонмъ твой, еоже стяжалъ еси исперва. Гора Сіонъ сія, въ нейже вселился еси.* Вспомни, что мы нечужіе Тебѣ, — мы твое достояніе, искони Тебѣ принадлежащее. Вспомни также, что сіонская гора, оскверненная язычниками, избрана Тобою для обитанія въ храмъ на ней воздвигнутомъ.

Ст. 12. *Богъ же царьъ нашъ прежде вѣкъ, содѣла спасеніе посредь земли.* Святая земля, на которой Господь явилъ спасеніе израильскому народу и всему человѣческому роду, дѣйствительно занимала срединное мѣсто между странами обитаемаго тогда міра.

Третій антифонъ состоитъ изъ 1-го, 2-го и 9-го стиховъ 98-го псалма, прославляющаго могущество Бога Израилева, правду и милосердіе Его.

Ст. 1. *Господь воцарися, да (пусть) ипваются людие, съдѣй на херувимъхъ, да (пусть) подвижится земля.* — Царство Бога и Христа Его непоколебимо, хотя бы возмущались противъ него всѣ народы, хотя бы по всей землѣ произошли враждебныя противъ него движенія. Злоба людей возвела Христа—Царя на крестъ, воздвигла гоненіе противъ Его послѣдователей, но сіе не могло воспрепятствовать торжеству царствія Божія.

Ст. 2. *Господь въ Сіонѣ великъ и высокъ есть надъ всѣми людьми.*—Господь, царствующій въ Сіонѣ, во святой Своей церкви, есть вмѣстѣ царь всѣхъ народовъ, даже не вошедшихъ въ Его духовное царство, въ святую церковь.

Ст. 9. *Покланяйтесь Господеву въ горѣ святой Его,* т.-е. на мѣстѣ особеннаго Его присутствія, каковымъ во времена ветхозавѣтныя была Сіонская гора, въ новозавѣтныя — церковныя собранія христіанъ. Въ частности святая церковь сими словами, въ день Воздвиженія креста Христова переноситъ нашу мысль къ святой горѣ Голгоѣ и призываетъ насъ поклоняться кресту Христову, водруженному на сей горѣ.

Свѣщ. В. Нечаевъ.

НѢЧТО О ВОСПИТАНІИ.

Воспитаніе съ пелень ребенка — самое важное дѣло: это фундаментъ будущей его жизни и чѣмъ прочнѣе и чище нравственное начало, положенное въ основаніи воспитанія, тѣмъ будетъ легче человѣку жить на свѣтѣ въ послѣдствіи, и тѣмъ ближе онъ будетъ къ вѣчному спасенію.

Воспитаніе настоящаго времени большею частію прививаетъ къ человѣку все недоброе, не нужное, противное даже человѣческой природѣ, и совершенно вытѣсняетъ и уничтожаетъ всѣ природенныя добрыя, хорошія наклонности.

Всякая почти мать выражаетъ свою любовь къ ребенку прежде всего тѣмъ, что начинаетъ украшать его всевозможными нарядными тряпочками, ленточками и кружевцами, и вообще ни на что не нужными нарядами. Къ сожалѣнію, очень часто при этомъ опускается самое необходимое — опрятность, которая развиваетъ въ человѣкѣ и силу и здоровье. Не только мать, но и посторонніе обращаются съ ребенкомъ какъ съ игрушкой или мячикомъ; всякій подходящій къ ребенку или нянчающій его разговариваетъ съ нимъ не обыкновеннымъ языкомъ и голосомъ, какъ бы это слѣдовало дѣлать, а непремѣнно картавитъ, пищитъ, и вообще ведетъ съ ребенкомъ разговоръ на какомъ-то птичьемъ нарѣчій. Отъ того у насъ дѣти часто долго картавятъ и говорятъ не своимъ голосомъ. А вѣдь всякій знаетъ, что когда хотятъ выучить или выучиться иностранному языку хорошо, то при-

глашаютъ учителя съ правильнымъ, чистымъ выговоромъ этого языка, для того чтобы не вкрались неправильные звуки въ произношеніе учащагося; какъ же значить надо быть осторожну въ разговорѣ съ ребенкомъ, — ибо первые звуки оставляютъ въ немъ глубокое впечатлѣніе, которое будетъ имѣть силу при дальнѣйшемъ развитіи ребенка, и которое переизменить или исправить иногда бываетъ трудно. Бывали даже примѣры, что дѣти, говорившія съ начала чисто и ясно, начинали въ послѣдствіи, передразнивая кого-нибудь, или картавить, или заикаться, да иногда такъ и оставались на всю жизнь, что составляло не малое горе какъ для родныхъ, такъ и для самихъ говорящихъ. Это многіе, я думаю, замѣтили въ жизни.

Ребенокъ сначала слушаетъ и глядитъ какъ-то бессмысленно, отчего мы и думаемъ, что онъ ничего не понимаетъ; но это неправда, оптический обманъ; — всѣ Богомъ дарованныя человѣку способности уже начинаютъ развиваться въ немъ съ самаго момента его рожденія. Развитие человѣка совершается, правда, медленнѣе, нежели въ остальномъ животномъ царствѣ, за то самыя впечатлѣнія дѣлаются глубже, прочнѣе, иногда неизгладимѣе. Вы на ребенка поглядите сурово, нахмурите лицо, сдвинете брови, — и ребенокъ, вглядываясь въ васъ, начинаетъ самъ хмуриться, а иногда и заплачетъ. И на оборотъ: если вы улыбаетесь ребенку, ласкаете его, тогда онъ самъ начинаетъ смѣяться, кричать, радоваться и проч.; слѣдовательно ясно, что въ ребенкѣ уже развивается чувствительность и разумность. Если вы ребенка съ самаго рожденія начали пеленать, и потомъ чрезъ нѣсколько времени перестанете, и наоборотъ, тогда ребенокъ дѣлается недоволенъ, кричитъ слѣдовательно уже и привычка дѣйствуетъ на ребенка.

Къ сожалѣнію время начинающей проявляться въ ребенкѣ

смышленности проходитъ не только безъ пользы, но скорѣе со вредомъ для него. Едва ребенокъ начинаетъ смыслить, какъ всѣ—отецъ, мать, няни, старшія дѣти, прислуга и даже гости, всѣ наперерывъ начинаютъ забавлять, или правильнѣе забавляться съ ребенкомъ, чѣмъ попало, всякимъ вздоромъ. Вертятъ передъ нимъ разными игрушками, чаще всего изображающими человѣка, звѣря, птицу, и все это въ каррикатурномъ видѣ, очень безобразномъ (что также портитъ вкусъ ребенка). Ребенокъ все это хватаетъ какъ попало, — за голову, за носъ и пр., и кидаетъ на полъ; старшіе поднимаютъ, снова суютъ ему въ руки; онъ снова бросаетъ и т. д.; старшіе, видя, что это забавляетъ ребенка, уже сами начинаютъ передъ нимъ кидать куклу и еще приговариваютъ: «Вотъ такъ! хорошенько его! подѣломъ ему, бей больнѣй» и пр., и пр.—все въ такомъ же родѣ и также глупо. Ребенокъ сначала глядитъ на все это, слушаетъ все это, еще не ясно понимая въ чемъ дѣло, но потомъ, чѣмъ чаще это повторяется, чѣмъ больше онъ подрастаетъ, тѣмъ яснѣе и яснѣе для него становится, что его учатъ командовать,—и онъ начинаетъ подражать и движеніямъ и словамъ старшихъ, и эти успѣхи ребенка несказанно радуютъ его близкихъ, и они отъ восторга начинаютъ еще болѣе дѣлать передъ ребенкомъ глупостей, предполагая, что онъ умнаго, правильнѣе, *разумнаго* ничего не пойметъ еще, —а между тѣмъ перенимаетъ ребенокъ одни глупости. Ребенокъ уже начинаетъ сердиться, все рвать, и бросать, все ломать, и требовать въ замѣнъ новаго; а старшіе, чтобы не раздражить ребенка, чтобы онъ не надѣдалъ имъ своимъ плачемъ, ни въ чемъ не отказываютъ ему, во всемъ потакаютъ ему; подъ часъ для забавы учатъ его не дѣтскимъ забавамъ и глупымъ дерзостямъ и проч. и проч., и весь этотъ безнравственный хаосъ не замѣтно входитъ въ кровь и плоть ребенка и въ послѣдствіи дѣлается его

нераздѣльнымъ я. Ребенку все позволяютъ, все, чего захочетъ, даютъ, и онъ видя, что для него нѣтъ ни въ чемъ отказа, начинаетъ соображать, что не должно его никогда и быть. Забавы отъ куколъ переходятъ къ животнымъ, — ребенку даютъ мучить котятъ, щенятъ, цыплятъ и пр.; и онъ ими командуетъ, хватаетъ ихъ какъ попало, бросаетъ, шиплетъ — живыя игрушки стонутъ, пищать, вижжать, а старшіе начинаютъ ихъ бить приговаривая: «Вотъ я тебя каналья! Смѣешь не слушаться Петя!» а Петя радуется и снова начинаетъ мучить и командовать бѣдными животными, и Боже оборони, если какое изъ животныхъ, изъ чувства самосохраненія, укуситъ или оцарапаетъ Петю, за то что онъ самъ ушибнулъ это животное до крови: тогда подымется страшный гвалтъ, и тутъ же при Петѣ дѣлается расправа съ дерзкимъ бѣднымъ животнымъ; его немилосердо бьютъ и выбрасываютъ куда попало, или даже убиваютъ. Если же, по какому нибудь случаю, у ребенка раздражены нервы, или онъ не совсемъ испорченъ сердцемъ, и начнетъ онъ плакать услышавши болѣзненной пискъ животнаго, тогда старшіе уговариваютъ его, стыдятъ его, насмѣхаются надъ нимъ, увѣряя его, что ужасно глупо плакать обо всякой дряни. Для разнообразія въ забавахъ, ловятъ для ребенка мухъ, и мучаютъ ихъ на всѣ манеры. Отрываютъ у нихъ крылья, потомъ ноги, головы и заставляютъ ребенка любоваться на то, какъ бѣдная муха жалобно жужжить и вертится, лишаясь постепенно своихъ членовъ. Поймавши въ мышеловку мышъ, ее при ребенкѣ отдаютъ кошкѣ, и показываютъ ему, какъ кошка *играетъ* съ мышью и мучаетъ ее, и ужасно хохочутъ, когда мышъ не удается уйдти, хохочетъ этому и ребенокъ; — тутъ же объясняется ему, что мышъ — нечистое животное, что ее всегда такъ надо казнить, что она точитъ и портитъ все, ѣстъ хлѣбъ, крупу и проч. и проч., все въ такомъ же родѣ. Ре-

бенокъ рѣстетъ, а съ нимъ вмѣстѣ растутъ и укореняются въ немъ всѣ эти дикія привычки и впечатлѣнія. Онъ приучается мало-по-малу къ жестокости, перестаетъ уважать чужую жизнь, и современемъ настолько ожесточается, что всякій предсмертный трепеть животного, всякій раздирающій душу болѣзненный крикъ животного и стонъ его, уже вызываетъ, въ такъ испорченномъ ребенкѣ, не участіе, не жалость, а какой-то злорадный смѣхъ

Съ этими вредными для нравственнаго развитія чловѣка привычками, ребенку еще прививаютъ любовь къ роскоши вообще; не къ опрятности и порядочности, — нѣтъ, къ пустой, тщеславной роскоши, къ фравтовству. И это дѣлается во всѣхъ классахъ общества и въ каждомъ по своему. А если ребенокъ почему-либо не привыкаетъ къ роскоши, если онъ какъ бы инстинктивно имѣетъ къ ней даже отвращеніе, и какъ бы понимая всю пустоту этихъ требованій, мало обращаетъ вниманіе на свой костюмъ и обстановку, тогда старшіе нападаютъ на него всѣмъ хоромъ, бранятъ его, стыдятъ его, говоря: «посмотри на себя! На что ты похожъ? Вѣдь ты точно нищій!» Разумѣется, слово *нищій* произносится съ насмѣшкой, съ презрѣніемъ, и ребенокъ, слушая это, привыкаетъ смотрѣть на бѣднаго не съ участіемъ, а съ отвращеніемъ. Ребенокъ, еще не живши, ничего не испытавши, ничего не понимая, уже начинаетъ стыдиться бѣдности, бояться ея пуще всего, пуще всякаго порока и начинаетъ уважать *только богатыхъ*, преклоняться и благоговѣть только передъ богатствомъ!

Съ этимъ же вмѣстѣ ребенка приучаютъ, кто имѣетъ средства (впрочемъ даже бѣдняки дѣлаютъ то же), къ вредной роскоши въ пищѣ, питьѣ и къ лакомству. И если ребенокъ, по натуральной потребности его организма, употребитъ суровую пищу, — ржаной хлѣбъ, кислую капусту, лукъ, рѣдьку и т. п.,

тогда старшіе снова стыдятъ его: «На что это похоже, точно ты мужикъ необразованной, что ѣшь всякую дрянь!» И ребенокъ, выростая въ такихъ понятіяхъ, воображаетъ, что образованность заключается, главнымъ образомъ, въ роскоши, и совершенно убѣждается, что мужикъ или вообще чловѣкъ стоящій ниже его на житейской лѣсницѣ, можетъ, и даже долженъ, питаться всякой дрянью, и одѣваться и жить какъ попало. И уже черствая корка, облитая слезами бѣдняка, въ рукахъ бѣднаго труженика, не возбуждаетъ въ ребенкѣ ни сожалѣнія, ни участія!

Въ послѣднее время многіе проповѣдуютъ, будто бы нужно дѣтямъ предоставить полную свободу во всемъ дѣйствовать и поступать какъ они хотятъ, и будто бы натура, не стѣсняемая постороннимъ вмѣшательствомъ, лучше развивается, полнѣе и шире развернетъ свои способности. Отъ этого выходитъ, что теперь иногда отъ дѣтей нѣтъ житья старшимъ. Дѣти, предоставленныя себѣ, не понимая еще, что хорошо и что дурно, не имѣя ни опытности, ни разсудительности, не наученные великой заповѣди Христа: *«Не дѣлай другимъ того, чего не желаешь себѣ»*, ведутъ себя самымъ безобразнымъ образомъ: шумятъ, кричатъ, стучатъ, пьютъ, сорятъ. Пристаютъ къ старшимъ со всякимъ вздоромъ, мѣшаютъ бѣднымъ отцамъ своимъ заниматься дѣломъ, и добывать копѣйку, которую у нихъ выпрашиваютъ эти же избалованныя дѣти, и употребляютъ на всякій вздоръ, не умѣя цѣнить ни труда, которымъ добыта эта копѣйка, ни любви къ нимъ отцовой. И выростая въ такой распушенности, дѣти привыкаютъ все считать своею неотъемлемою собственностію, не имѣя, конечно, еще ни на что никакого права.

Посмотрѣвъ на такое, болѣе нежели нелѣпое, воспитаніе, прямо спросишь: а какое имѣютъ право старшіе оставлять

бѣдныхъ дѣтей въ такомъ невѣдѣніи о добрѣ и злѣ? Почему они не хотятъ подѣлиться съ будущимъ *человѣкомъ*, съ будущимъ дѣятелемъ общества, и своею опытностію и своею разумностію? Зачѣмъ мучить молодую натуру и доставлять ей тяжкій трудъ, добираться самой до познанія *зла* и *добра*, когда такъ легко намъ, уже наученнымъ опытомъ и жизнью, предостеречь ее отъ перваго и направить ко второму? — Правда, иногда челоѣкъ отъ природы одаренъ такъ богато всякими способностями, что, не имѣя при себѣ наставника, научается самъ многому, иногда чуть не всему, и все дѣлаетъ порядочно, а иногда и отлично; эти люди называются у насъ *самоучки*; но вѣдь и самоучка перенимаетъ хотя наглядно или по слуху отъ другихъ, уже умѣющихъ, выученныхъ, слѣдовательно онъ все-таки учится, а не самъ вдругъ изобрѣтаетъ эти знанія. Бываетъ также, что самоучка, уже взрослый придумываетъ (изобрѣтаетъ) самъ какую-нибудь штуку, еще не бывалую; но вѣдь и это онъ дѣлаетъ изъ подражанія, если не людямъ, то природѣ. — Такъ, челоѣка надо съ самаго дѣтства направлять, всѣ его силы душевныя очищать, улучшать. Его характеръ, умъ, мысль, предоставленные себѣ, могутъ исказиться, принять ложное направленіе, потеряютъ свое достоинство, силу въ жизни, еще неузнанной, неперечувствованной, неиспытанной! И бѣдный юноша, не направленный къ добру, не предупрежденный противъ зла, и отъ своеволія воображающій себя все-знающей, впадаетъ непрерывно въ ошибки, дѣлаетъ проступки, а иногда преступленія! И доживаетъ онъ, еще *неживши*, до того, что всѣмъ дѣлается въ тягость: старшіе не любятъ его, товарищи, болѣе порядочные, избѣгаютъ его, и наконецъ онъ самъ себѣ дѣлается въ тягость. И вотъ молодая жизнь, которая, при заботливомъ воспитаніи въ образованіи и умномъ нравственномъ руководствѣ, быть можетъ, сдѣлала бы

честь человѣчеству своимъ существованіемъ, принесла бы много пользы другимъ и сама бы насладились всеми дарами Божиими,— эта жизнь погибаетъ, часто оставляя по себѣ горькую память: ненависть, проклятіе, а иногда отражается зломъ на другихъ, или увлеченныхъ, или огорченныхъ, оскорбленныхъ этими людьми. И все это зло происходитъ отъ ложнаго пониманія свободы въ воспитаніи и образованіи человѣка съ самой минуты его рожденія.

Не одобряя распушенности въ дѣлѣ воспитанія, мы недопускаемъ и противоположной крайности. Мы вовсе не думаемъ, что дѣтей надо мучить, преслѣдовать на каждомъ шагу, за каждое слово, за всякую шалость и т. д. Совсѣмъ нѣтъ. Никакого преслѣдованія, никакихъ наказаній, особенно строгихъ, также не нужно, даже въ томъ случаѣ, если уже ребенокъ испорченъ совершенно противоположнымъ способомъ воспитанія. Что же, спросятъ, съ нимъ дѣлать? Какъ исправить? Какъ поступить? Вѣдь не гладить же его по головкѣ, по неволѣ нужна строгость, наказаніе и даже истязаніе!..

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! отвѣчу я на это. Всѣ эти средства, для исправленія ребенка, старшіе придумали изъ лѣни, изъ любви къ собственному спокойствію. Выскъ ребенка, да и дѣло съ концомъ, чего съ нимъ возиться — пруть не свой братъ, больно — такъ и не будетъ этого дѣлать — похнычетъ только, не бѣда!—Какое черствое, нечеловѣчное разсужденіе! Сколько эгоизма, самага безнравственнаго, лежитъ въ немъ! Да развѣ ребенку принесетъ, какъ человѣку, существенную пользу то, что онъ только изъ страха наказанія не будетъ дѣлать дурнаго? Что онъ, видя надъ собою пруть, палку, побоится повторить свой проступокъ? Нѣтъ. Вѣдь только животныхъ дрессируютъ плетью (хотя и это вовсе не похвально); охотничьихъ собакъ бьютъ, чтобъ онѣ дѣлали то, и не дѣлала этого. Но вѣдь это такъ дѣлается пото-

му, что у собаки съ человѣкомъ совершенно различныя желанія и инстинкты; чего хочется собакѣ, того не нужно человеку, и на оборотъ. На ребенка, какъ на человѣка, нужно дѣйствовать убѣжденіемъ, а не страхомъ, и только тогда послѣдуетъ дѣйствительное исправленіе, нравственное, въ ребенкѣ, когда вы съумѣете растолковать ему, что то, что онъ дѣлаетъ, дурно по такимъ-то причинамъ, когда съумѣете убѣдить его примѣромъ, а примѣръ всегда найдется подъ руками, если вы не полѣнитесь подыскать его. По моему только въ крайности можетъ быть допущено тѣлесное наказаніе для ребенка, а безъ крайности достаточно наказаніе нравственное: накажите ребенка одиночествомъ, втолкните ему, что только порядочный человѣкъ можетъ быть терпимъ въ средѣ своихъ товарищей, и не будетъ нигдѣ лишній, а что его нельзя допустить въ общество его сверстниковъ, что вамъ самимъ за него стыдно, такъ какъ онъ неприлично себя ведетъ и проч. и проч. И все, конечно, старайтесь подтверждать собственнымъ поведеніемъ и собственнымъ примѣромъ.

Но, ради Бога, не подкупайте дѣтей; не говорите ребенку, что, когда онъ будетъ *умница*, ему дадутъ гостинцу; если онъ выучитъ урокъ, ему купятъ игрушку и т. д. По моему это ужасно безнравственно. Эти обѣщанія развиваютъ въ ребенкѣ какое-то взяточничество, корысть, приучаютъ его смотрѣть на свое поведеніе и на науку, какъ на что-то торговое, продажное, а вовсе не какъ на необходимую обязанность всякаго человѣка. «Заплатятъ мнѣ, думаетъ ребенокъ, ну я буду умница, и выучу урокъ; а если нѣтъ, такъ буду себѣ шалить и учиться не стану!» И вотъ такія-то отношенія къ ребенку, въ послѣдствіи, когда онъ попадетъ на чужія руки, ведутъ обыкновенно къ строгостямъ, къ которымъ прибѣгаютъ чужіе ребенку люди, желая, подъ видомъ ис-

правленія его, болѣе себѣ спокойствія и совершенно не интересующіеся будущей жизнию вѣреннаго ихъ надзору ребенка.

Пора наконецъ обо всемъ этомъ подумать, пора подумать о томъ, куда приведемъ дѣтей, которыхъ такъ дурно воспитываемъ, и какую тяжкую отвѣтственность принимаемъ на себя за нихъ. «Кто соблазнитъ одного изъ малыхъ сихъ вѣрующихъ въ Меня, — сказалъ Христосъ, — тому лучше было бы, еслибы повѣсили ему мельничный жерновъ на шею, и потопили его въ глубинѣ морской» (Матѣ. 18, 6). А что мы дѣлаемъ, какъ не соблазняемъ дѣтей, не наводимъ ихъ на грѣхъ, когда дурно воспитываемъ ихъ?...

Бълевскій.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ.

Сотворимъ челоѡтка по образу нашему и по подобію.
(Быт. 1. 26). *Умалилъ еси его малымъ чимъ отъ ангелъ.* (Пс. 86).

Человѣкъ—высшее и лучшее созданіе Творца, вѣнецъ творенія на землѣ. Изображеніе челоѡтка въ его совершеннѣйшихъ формахъ, идеальной красотѣ, — вѣнецъ искусства. Человѣкъ — отраженіе высочайшей, совершеннейшей красоты. Изображеніе его — священнѣйшая цѣль искусства, къ которой, по мѣрѣ силъ и средствъ, долженъ стремиться художникъ.— Человѣкъ созданъ по образу Бога: пусть же художникъ съ почтеніемъ приступаетъ къ изображенію существа столь возвышеннаго; пусть выразитъ въ его фигурѣ, въ позѣ, въ чертахъ, его высокое происхожденіе, богоподобную красоту души челоѡческой.

Изображеніе челоѡтка было первой задачей раждающагося искусства. Выучившись порядочно чертить, лѣпить фигуру челоѡтка, искусство начало изображать его ближайшую обстановку: коней, дома, деревья и т. д.; челоѡкъ всегда составлялъ *главный* предметъ живописи; живопись аксессуаровъ стала самостоятельною гораздо позже, а прежде была только пособіемъ при изображеніи челоѡтка. Живопись — животныхъ, цвѣтовъ, плодовъ, перспектива, ландшафтъ и пр., развившись въ эпоху цвѣтенія искусствъ, можно сказать, вполне совершили назначенный имъ кругъ развитія, дошли до крайнихъ предѣловъ совершенства въ техникѣ, сказали свое послѣднее слово, и окончательно замкнулись въ своихъ закон-

ныхъ границахъ, а живопись челоѣка по прежнему остается главнымъ и неистощимымъ предметомъ изученія, темой для труда, источникомъ славы художественныхъ гениевъ. Живопись религіозная (и въ частности церковная), живопись историческая, миеологическая, обыденной жизни (жанръ), портретная, баталическая, аллегорія ^(а), карриатура на разные лады—изображаютъ все одинъ и тотже предметъ—челоѣка, съ его возрастами, темпераментами, привычками, страстями, съ его обстановкой и занятіями, съ его величіемъ и униженіемъ, съ его смѣхомъ и слезами, въ его счастливыя и бѣдственные минуты, — коротко сказать: главный сюжетъ живописи есть *челоѣкъ* со всѣми тревоженіями его разнообразной земной дѣятельности *отъ колыбели до гроба* и далѣе!

Насколько трудъ изучать и изображать, созданнаго по образу Божію, царя твореній выше работы смиреннаго копи-

(а) Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ родѣ живописи, нечуждомъ церкви. Нигдѣ не найдется столько сюжетовъ для аллегорій какъ въ миеологіи, потому что она сама почти вся состоитъ изъ олицетвореній. Въ древнехристіанскій періодъ искусства аллегорія была въ большемъ употребленіи, чѣмъ нынѣ: эти агнцы, голуби, фениксы, олени и пр.— все это наведенія, символы, намеки и притчи. Потомъ, за малопонятностью, этотъ способъ выраженія идей сталъ выходить изъ употребленія. Въ нынѣшней практикѣ иконописанія уцѣлѣло очень мало аллегорій: *ангелы завѣтовъ*, *льстивца*, по которой восходятъ иноки, ратуемые демонами; на лубочныхъ картинахъ: *чистая душа*, въ видѣ царицы, стоящей на солнцѣ и пр., *челоѣкъ*, держащій на головѣ кругъ, въ которомъ идетъ ожесточенная битва свѣтлыхъ и темныхъ гениевъ (инстинктовъ). Если не въ иконостасѣ, то на стѣнахъ и въ притворѣ, а также сваружи, гдѣ и доселѣ пишутъ притчи,— аллегоріи умѣстны, и художникъ съ изобрѣтательнымъ воображеніемъ можетъ придумать новыя и изящныя аллегорическія композиціи, напр. въ родѣ слѣдующихъ: *Исусъ, разбивающій цѣпи невольника* (Воскр. Дос. 1866. №193.); *Свѣтъ міра*, картина Англійскаго художника Гонта (Христосъ съ фонаремъ стучится у двери), и т. п.—

ровщика остальной природы, настолько, по нашему мнѣнію, живопись религіозная выше и благороднѣе другихъ отраслей искусства: живописи исторической, портретной и пр. Если упрямый Фламандецъ, съ тунымъ терпѣніемъ копирующій окорока, ярко вычищенные кастрюли, битыхъ куропатокъ и и т. п. *дичь*, называется художникомъ, то по преимуществу художникъ—тотъ, кто стяжалъ завидный удѣлъ изображать лики людей, просіявшихъ неземною мудростію, или благочестіемъ и добродѣтелію. Ясно, что высшая задача искусства — изображать святыхъ, т. е. людей наиболѣе близкихъ къ высокому идеалу челоуѣка, людей, въ которыхъ вся низкая, грязная, животная сторона челоуѣка подавлена, а тѣ качества, которыми челоуѣкъ наиболѣе уподобляется Богу, сіяютъ во всей красотѣ своей. Свѣтскій живописецъ принужденъ изображать людей обыкновенныхъ: одни изъ нихъ на самомъ лицѣ своемъ (какъ всѣ лица нарисованныя Теньеромъ) носятъ печать своего ничтожества; другіе болѣе высокіе дѣятели — отраженіе страстей, подъ влияніемъ которыхъ они совершаютъ свои великія дѣла, свое служенію челоуѣчеству. Напротивъ живописецъ церковный изображаетъ лица, дышущія не страстію, а неземнымъ спокойствіемъ, упованіемъ, благостію, любовью, глубокою мудростію, вдохновеніемъ, — величавые лики патріарховъ, изображенія пророковъ, углубленныхъ въ созерцаніе таинственнаго будущаго, вдохновенныхъ проповѣдниковъ Новаго Завѣта. Строгія черты Моисея ⁽⁶⁾, величавый Мельхиседекъ, благодушный старецъ Авраамъ, вдохновенныя лица Іосифа, Давида, изможденные фигуры постниковъ, смиренная красота мученицъ и отшельницъ, изображеніе сіяющаго небесною чистотою и райскимъ блаженствомъ

(6) Моисей въ Святцахъ Солнцева представленъ почему-то челоуѣкомъ среднихъ лѣтъ и лицомъ подобнымъ Спасителю. Развѣ въ томъ смыслѣ, что онъ былъ прообразъ Г. І. Христа?

лика Приснодѣвы, изображеніе Бого-младенца, Искупителя міра, прекраснѣйшаго паче сыновъ человѣческихъ: что найдется въ свѣтской живописи подобнаго этимъ предметамъ ^(в)? Невинная жизнь первыхъ человѣковъ, красота ангеловъ и младенцевъ, Магдалина, Петръ, смиренные пастыри и рыбаки — что равнаго найдется во всей области вымысла и исторіи? Историческій живописецъ на обширномъ полѣ бытописаній можетъ отыскать не мало тамъ и сюжетовъ возвышенныхъ и благородныхъ, трогательныхъ; но нѣтъ и не можетъ быть на этихъ лицахъ того небеснаго спокойствія, которое озаряетъ лица героевъ христіанства и придаетъ имъ выраженіе неземное (α — γ ιος), красоту и спокойствіе святыни.

Живописецъ, принимающійся за картину религіознаго содержанія, прежде всего долженъ помнить это. Не просто событіе историческое пишетъ онъ, а *дѣло Божіе*; не простыхъ людей-героевъ, а *святыхъ*; не портретъ, а *икону*. Многіе великіе живописцы, чтобы достойно исполнить высокій религіозный сюжетъ, приготовлялись къ тому особыми упражненіями. Испанскій живописецъ Гаргасъ постился, молился, ложился во гробъ и предавался мыслямъ о вѣчности, готовясь писать. Мурильо готовился молитвою, постомъ и чтеніемъ. Медвѣдевъ не иначе принимался писать, какъ отслушавши обѣдню ^(г). Настроеніе духа художника болѣе или менѣе всег-

(в) Богоматерь (мадонна) была предметомъ лучшихъ изображеній царей искусства: Рафаэля, Корреджіо, Мурильо, Брюлова. Рафаэль 156 разъ принимался за кисть для изображенія Мадонны. Плодомъ послѣдняго, почти предсмертнаго вдохновенія его, была Мадонна di Sansisto, вѣнецъ Дрезденской галереи. Передъ этою Мадонной Корреджіо воскликнулъ: «и я живописецъ!» Москвитянинъ. 1852 г. № 9.

(г) Хоаннесъ долго постился, видя, что ему не удается изображеніе Богородицы, наконецъ награжденъ былъ успѣхомъ; икона эта находится въ соборѣ Валенсіи. См. Рус. Слово 1863. янв. Расказы объ Испаніи.

да отражается на его произведеніяхъ. Въ этихъ видахъ Стоглавъ предписываетъ иконописцамъ не только тщаніе въ изученіи своего искусства, но вмѣстѣ воздержаніе, добропорядочность, запрещаетъ писать иконы мастерамъ не только неискуснымъ, но также нетрезвымъ и развратнымъ. «И подобаетъ живописцамъ, говоритъ 43 глава, часто приходить къ отцамъ духовнымъ, и во всемъ съ ними совѣщаться, и по ихъ наставленію и ученію жить, въ постѣ, молитвѣ и воздержаніи, со смиренномудріемъ, безъ всякаго зазора и безчинства. И съ превеликимъ тщаніемъ писать образъ Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой Богородицы и святыхъ пророковъ и апостоловъ... по образу и подобію и по существу, по лучшимъ образцамъ древнихъ живописцевъ. А который изъ живописцевъ будетъ скрывать свое ученіе отъ учениковъ, тотъ осужденъ будетъ въ вѣчную муку, вмѣстѣ съ скрывшимъ талантъ. Если кто изъ мастеровъ или учениковъ будетъ жить не по правильному завѣщанію, въ пьянствѣ и нечистотѣ, и во всякомъ безчинствѣ..., которые по сіе время писали иконы не учася, самовольствомъ, а не по образу, и тѣ иконы промѣнивали дешево простымъ людямъ, поселянамъ, невѣждамъ, то такимъ иконникамъ запретить. Пусть учатся они у добрыхъ мастеровъ.... Если будутъ они говорить, мы-де тѣмъ живемъ и питаемся, и тѣмъ словамъ ихъ невнимать, потому что по незнанію такъ говорятъ, грѣха себѣ въ томъ не ставя. Не всѣмъ людямъ иконописцами быть; много есть и другихъ ремеслъ, которыми люди кормятся, кромѣ иконнаго писанія. Божія образа въ укоръ и поношеніе не давать».

И такъ высокое положеніе религіозной живописи между остальными отраслями искусства налагаетъ на художника обязанности строгія и высокія. Въ числѣ этихъ обязанностей конечно первая — изучать фигуру человѣка, чтобы достойно изображать лучшихъ представителей человѣческаго достоин-

ства. Пусть ошибается тотъ, кто рисуетъ Венеръ, Сатурновъ, Брутовъ, Клеопатръ и т. п.; но кто по нерадѣнію и по не-искусству искажаетъ лики Присводѣвы, Искупителя и про-роковъ, тотъ—кощунъ, святотатецъ. Моисею сказано было: *иззуй сапоги отъ ногъ твоихъ* (Исх. 3, 5); маляру, осмѣли-вающимся изображать Бога, должно сказать: брось кисти и палитру! *Не приближайся стѣмо!* Ступай приготовься къ твоему высокому служенію, *и тогда принесеши даръ твой ко олтарю!* А то маляръ, едва способный писать вывѣски, и суздалецъ, не умѣющій съ натуры написать видъ своей избы, осмѣливаются изображать своей невѣжественной кистью все, что есть святѣйшаго въ религіи. *Procul profani!* У сель-скихъ иконописцевъ, даже не самыхъ плохихъ, разсмотрите любую фигуру: непременно промахи противъ рисовальной азбуки: то несоразмѣрно длинныя руки и ноги, то очень большія головы, то поясъ подъ мышками, то персты сложены невозможнымъ образомъ, то колѣна либо выше, либо ниже своего мѣста... Кого невозметъ досада на такое безобразіе! Недаромъ въ благородномъ артистическомъ негодованіи Изо-графъ Іосифъ совѣтуетъ такимъ *грубописарямъ* лучше гон-чарствовать. «Нигдѣ въ другихъ странахъ, говоритъ онъ, невидать такого безчинства, какъ нынѣ у насъ. Вездѣ по деревнямъ и по селамъ прасолы и щепетинники иконы крош-нями таскають, а писаны онѣ таково ругательно, что иныя походятъ не на человѣческія образа, а на дикихъ людей. И что всего безчестнѣе, прасоль у прасола ихъ перекушаетъ, что щепье по 100 и по 1000 въ кострахъ; Шуяне, Холуяне, Палешане на торжкахъ продають ихъ и развозять по заглуш-нымъ деревнямъ и вразнь на яйцо и на луквицу, какъ дѣтямъ дувки, продають, а большей статьею на опойки и на всякую рухлядь мѣняютъ»^(д).

(д) Изъ ст. Буслаева въ Русск. Вѣстникѣ Т. XVI. 1858 июль. Кн.

Обыкновенная отговорка недоучекъ, лѣнивцевъ: про кого стараться? Кто что знаетъ? Кто можетъ понимать?—Эта отговорка не имѣетъ смысла. Неужели въ храмѣ, который украсили, или лучше сказать, обезобразили вы, во все время его существованія не побываетъ ни одного знающаго? Неужели простой народъ (положимъ и дѣйствительно мало-знающій) не можетъ видѣть и судить нисколько? Вѣдь эстетическое чувство, вкусъ, не пріобрѣтается воспитаніемъ, а только образуется или искажается; это даръ природы, а она, какъ извѣстно, не давала никогда никакихъ привиллегій аристократамъ надъ плебеями и наоборотъ. Простое чувство простолюдива можетъ иной разъ лучше опредѣлить достоинство художественнаго произведенія, чѣмъ забитое всяческими теоріями разумѣніе такъ-называемыхъ знатоковъ и цѣвителей искусства.

Повторимъ прежнее положеніе: живописецъ, уважающій свое искусство и занятіе, долженъ цѣлый вѣкъ учиться, какъ и гдѣ можетъ. Незвѣстный авторъ греческаго руководства къ иконописанію—*Ерминія* (рукопись XVII в.) настаиваетъ на изученіе древнихъ образцовъ и великихъ произведеній Панселина. «Знай, любознательный ученикъ, что когда ты пожелаешь заняться этимъ искусствомъ, то напередъ постарайся найти опытнаго учителя, а если это не удастся тебѣ, то отыщи древніе образцы этого искусства, и долго упражняйся въ перерисовкѣ ихъ. Потомъ ступай въ древнія церкви, расписанныя Панселиномъ, и отподобь тамошнія изображенія... Но не дѣлай своего дѣла просто, и какъ поцало, съ небреже-

2-я: Подлинникъ по редакціи XVIII вѣка. Съ этимъ показаніемъ стариннаго иконописца любопытные могутъ сравнить статейку о нынѣшнемъ состояніи иконописанія въ слободѣ Мстера. Воск. Досуг. 1867 г. Потомки недалеко ушли отъ своихъ до-петровскихъ предковъ!

ніемъ и неблагоговѣніемъ, а со страхомъ Божиимъ и благоговѣнно; ибо дѣло твое есть дѣло священное и божественное». (См. Труды Кіевс. Д. Акад. 1867. іюль. Ст. Пресв. Порфирія).

Не мѣшаетъ также учиться рисовать съ натуры. Нѣкоторые очень неблагоклонно смотрятъ на рисованье съ натуры, на изученіе натуры, на натурщиковъ. Какъ можно, восклицаютъ они, писать святыхъ съ людей обыкновенныхъ? Конечно, такое мнѣніе вызвано крайностями, вольностью иныхъ художниковъ. Такъ напр. Рубенсъ подъ видомъ св. Семейства срисовалъ себя, жену и пр. Еще Савонарола упрекалъ флорентинцевъ за то, что алтари ихъ церквей украшены портретами куртизанокъ подъ священнымъ именемъ Мадонны. Но вѣдь изъ-за злоупотребленія еще не слѣдуетъ бросать хорошую вещь. Притомъ художникъ — не фотографъ: онъ, срисовывая положеніе головы, тѣнь и пр., воленъ и можетъ разнообразить до безконечности выраженіе, *идеализировать* земное до божественнаго. Тѣмъ и отличается художникъ отъ чернорабочаго въ искусствѣ, что онъ въ состояніи найти въ глубинѣ своего духа то, чего нѣтъ ни на какой модели; нѣсколькими чертами, штрихами, придать лицу, взгляду—ту мысль, то чувство, которое хочетъ.

Рядомъ съ вопросомъ о вѣрности природѣ идетъ вопросъ о согласіи фигуры и выраженія съ идеею святыни, съ типомъ данной категоріи (преподобный, мученикъ, апостоль, пророкъ и т. д.) и характеромъ изображаемаго лица. Такимъ образомъ отшельникъ, аскетъ, дебелый, румяный, будь написанъ превосходною кистью, не приличенъ; подпишите подъ нимъ какое нибудь другое имя—это будетъ хорошая картина, но съ именемъ подвижника это дурная икона. Съ другой стороны щедушная фигура съ надписью: С. М. Кирикъ, С. Ц. Димитрій—опять не натуральна, не естественна. Любители

старинны, особенно раскольники и старообрядцы, не одобряютъ, не любятъ иконы живо-написанныя, т. е. такія, на которыхъ лица имѣютъ естественную бѣлизну, глаза—естественный взглядъ, блескъ, ланиты—естественный румянецъ. Мы находимъ всего удобнѣе отвѣчать такимъ любителямъ старины словами стариннаго иконописца (изографа) Іосифа, изъ его сочиненія, посвященнаго живописцу Симону Ушакову, въ которомъ онъ защищаетъ необходимость красоты въ священныхъ изображеніяхъ: «гдѣ таково указаніе, говоритъ онъ, изобрѣли несмысленные любопрители, которые одною *формою* смугло и темновидно святыхъ лица писать повелѣваютъ? Весь ли родъ человѣческій во едино обличье созданъ? Всѣ ли святые тощи и смуглы были? Если и имѣли они умерщвленные члены здѣсь, на землѣ, то тамъ, на небесахъ, оживотворены и просвѣщены явились они своими душами и тѣлесами... Въ изображеніи Благовѣщенія... Архангелово лицо пишется свѣтовидно и прекрасно, юношеское, а не зловидно и темнообразно. Въ изображеніи Рождества Христова видимъ Матеръ сѣдящу, Отроча же въ яслехъ младо лежащее, а если Отроча младо, то какъ же можно лице Его мрачно и темнообразно писать? Напротивъ того, всячески подобаешь Ему быть бѣлу и румяну.... Когда великій во прощѣхъ Моисей принялъ на Синаѣ отъ Господа законъ и сошелъ съ горы, держа въ рукахъ скрижаль, начертанную перстомъ Божиимъ; тогда сыны Израилевы не могли взирать на лице Моисеево, отъ свѣтлости бывшія на немъ, и Ааронъ (sic) возлагалъ покрывало на главу его, и такъ съ нимъ говорили Израильтяне. Неужели и лице Моисеево писать мрачно и смугло, по твоему обычаю, Плѣшковичъ, и по твоей любви къ темнообразію и очадѣлымъ лицамъ? Не была ли прекрасна перваго христіанскаго царя мать благородная Елена царица? Римскихъ царей исторія повѣствуетъ о ней, что

во всей Италиі не нашель лучше ея отецъ Константина Великаго. Таковы же страсготерпцевъ образы, великомучениковъ Георгія и Димитрія и Θεодора. Преславная великомученица Екатерина, по красотѣ и свѣтлости лица своего такъ названа была отъ Еллиновъ — тезоиминитая небесной лунѣ. И о великомученицѣ Варварѣ сказано, что не бывало въ челоувѣкахъ такой красоты, подобной ангельскому виду...»

Плѣшковичъ говорилъ, что благообразныя иконы приводятъ въ соблазнъ. Благороднымъ негодованіемъ дышетъ рѣчь благочестиваго художника, заступающагося за глубоко оскорбленное достоинство челоувѣка, противъ гнусныхъ подозрѣній грязнаго невѣжества. «Какъ не страшишься ты, о, недостойный, восклицаетъ онъ, взирать на блаженные лики и соблазнъ помышлять въ сердцѣ своемъ? Истинному и благочестивому христіанину, и на самыхъ блудницъ взирая прельщаться не подобаетъ, а не то, что на благообразное живописание разжигаться! Послѣдняго безсрашія се помышленіе и конечнаго нечестія, еже кому отъ иконъ соблазнитися! Тѣлесно, а не духовно такъ они помыслили въ своемъ неразуміи, злоба ослѣпила ихъ! О таковыхъ великій Павелъ вопіетъ: *ходяй убо по плоти плотская мудрствуетъ, ходяй же о дусь—духовная*...»^(е)

Авторъ греческаго наставленія къ иконописанію (около 1566 г.) говоритъ: «ученикъ! знай, что на лица Богоматери и святыхъ, которые были молоды, должно наводить румянецъ... Губы и уста у святыхъ молодыхъ рисуи болюсомъ и тѣлеснымъ колеромъ, также наводи и румянецъ. А у старцевъ клади сперва *тонкую онхру*, а потомъ болюсомъ, — это приличнѣе имъ. И т. д.»^(ж)

(е) Рус. Вѣст. 1858 іюль кн. 2. ст. Буслаева: Рус. Подлинникъ XVIII в.

(ж) Труды Кіев. д. акад. 1867 іюль.

Надѣмся, что слова нашего стариннаго иконописца настолько основательны и убѣдительно, что нѣтъ нужды прибавлять къ нимъ что нибудь отъ себя; но позволяемъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о частностяхъ.

1). Иконописцы пишутъ всѣхъ святыхъ, которыхъ слѣдуетъ одарить красотою (въ общепринятомъ смыслѣ), по какому-то однообразному условному типу: Арх. Михаилъ, Георгій Побѣдоносецъ, Варвара, Параскева, Екатерина и пр., всѣ на одинъ манеръ! Это обыкновенно очень круглое лицо, желтоватый колеръ, русые волосы, тусклые простоватые глаза, правильныя, но безжизненныя черты... «Весь ли родъ человѣчскій во едино обличье созданъ?» Повторимъ мы за изографомъ Юсифомъ?

2). Живописцы стараются разнообразить типъ; но отъ этого исканія разнообразія, отъ усилій быть новыми и оригинальными, они иногда (неумышленно конечно) впадаютъ въ искусственность. Отъ этого мужчины выходятъ лихо причесанные, завитые, подстриженные, словно сорвались съ модной картинки. .. Женщины (объ исключеніяхъ, о работѣ великихъ художниковъ не говоримъ) обыкновенно красоты ослабитѣльной: цвѣтущее лицо, необыкновенно выразительныя глаза, роскошныя волосы, къ дѣлу и не къ дѣлу распушенные, великолѣпный торсъ, богатое платье со множествомъ украшеній, камней и т. п..

Мученики Іустинъ, Георгій, Димитрій Селунскій и др., мученицы Екатерина, Варвара, царица Александра должны отличаться строгою красотою, выраженіемъ обширнаго ума, спокойнаго и здраваго мышленія, цѣломудренной, сдержанной силы воли, разумаго, тихаго, но непреклоннаго рѣшенія подъ вліяніемъ глубоко обдуманной и прочувствованной идеи. Къ этимъ мужественнымъ душамъ не пристали тѣ излишнія мелочи, коими обременяютъ ихъ иногда неразсудитель-

ные живописцы: завитые волосы, сережки, запонки, груди бисера и драгоценныхъ камней! Задумчивое выраженіе, глубокой взглядъ, высокая и строгая простота одѣянія—вотъ отличительныя черты этого типа ⁽⁹⁾.

Вообще мученицъ не слѣдуетъ писать съ какой-то обыденной красотой, съ безпечнымъ выраженіемъ въ лицѣ, съ вѣтреннымъ самодовольствомъ фizioноміи, какъ пишутъ иной разъ живописцы; не слѣдуетъ также изображать мученицъ въ изящномъ нарядѣ. Глубокая дума и высокое чувство не земнаго поглощали всецѣло ихъ нравственныя силы. Не до мелочей было этимъ возвышеннымъ душамъ при видѣ окружающей суеты, при мысли о красотѣ и славѣ невидимаго и грядущаго, котораго недостойны страсти вѣншнаго времени. Несравненно понятнѣе, чѣмъ наше слабое слово, выяснять это настроеніе возвышенныя строфы нѣкоторыхъ пѣсней церковныхъ. Напримѣръ: «Господи, яже во многія грѣхи впадшая жена, твое ощутившая Божество, Мүроносицы взявши чинъ, рыдаючи муро Тебѣ прежде погребенія приносить, увы мнѣ, глаголющи! Яко нощь мнѣ есть разженіе блуда невоздержанна, мрачное же и безлунное раченіе грѣха!... Приими моя источники слезъ, Иже облаками производяи моря воду; приклонися къ моимъ воздыханіемъ сердечнымъ, приклонивый небеса неизреченнымъ твоимъ истоцаніемъ! да облобыжу пречистей твои нозѣ, и отру сія паки главы моя власы, ихже въ рай Ева, по полудни шумомъ уши огласивши, страхомъ скрыся.... Грѣховъ моихъ множества и судьбъ твоихъ безд-

(9) Образчикъ того, какъ бы желательно изображать мученицъ, см. въ Странникѣ 1867 года (май), въ статьѣ св. Матвѣевскаго, изображеніе (съ древней фрески) *Св. м. Агессы*. Множество драгоценныхъ камней на ея уборѣ не имѣетъ ничего общаго съ тѣми грудями стеклышекъ и мишуры, коими заваливаютъ свои драпировки безвкусныя писаки.

ны кто изслѣдить? Душеспасче, Спасе мой! да мя Твою рабу не презриши, иже безмѣрную имѣяи милость.» (Страстной среды — утро. Твореніе Кассіаны инокини). Какая ширина поэтической мысли! Какая глубина чувства, истинно женскаго! Какіе чудные образы! — «Женише мой сладчайшій Христе! зываше Февронія, — не трудно ми тещи во слѣдъ Тебе; ибо сладость любви твояе душу мою надеждою вперѣ, и красота милости Твояе сердце мое услади, — испити чашу страданій по Тебѣ...» (Конд. 25 іюня.) — «Сія глаголетъ Параскева къ мучителю: враже, нечестивый игемоне! что неистовствуеши на христіаны? ни царства у тебе отъяхъ, ни града твоего разорихъ: но буйми словеса увѣщати мя помышляеши! — Азъ тебе небрегу, ни твоихъ безумныхъ глаголь, плоти бо не щажу за Христа моего, зане Онъ любитъ мя и царство мнѣ даруетъ: къ Нему пойду и Того буду невѣста, и Той мя спасетъ отъ рукъ врагъ моихъ, и даруетъ ми жизнь вѣчную!» (Минея 28 октября).

Вотъ, еслибы такое настроеніе духа сѣумѣлъ выразить художникъ, то и самые заклятые враги красоты, выразительности, живописности не нашлись бы что сказать къ осужденіе.

Другой предметъ, за который противники живописи, иногда справедливо, любятъ упрекать ее — это нагота, особенно нагота безъ нужды. Прежде нежели приступимъ къ этой матеріи, слѣлаемъ нѣсколько замѣчаній, касающихся историческаго хода этого вопроса.

А). Древнія статуи, барельефы постоянно представляютъ или вовсе обнаженныя фигуры, или обнаженныя настолько, насколько обстоятельства позволяли, часто безъ всякой нужды; не только извѣстныя всему свѣту группы: Лаокоонъ, Фарнезкій быкъ, Адонисъ и Венера, статуи: Аполлонъ Белведер-

скій, Гладіаторъ, Юноша, вынимающій занозу, и др., но даже изображенія богинь представляли обнаженныя фигуры ⁽¹⁾.

Б). Римское искусство никогда не было самостоятельно и приняло на вѣру все преданія, условныя формулы и эстетическія воззрѣнія, выработанныя цвѣтущею эпохою греческаго искусства.

В) Древне-христіанское искусство, воспитавшееся на почвѣ преданій классическаго, тоже не пренебрегало наготою. Въ живописи катакомбъ и на барельефахъ саркофаговъ очень не рѣдки обнаженныя фигуры: Адамъ и Ева, Давидъ во рву львиномъ, Иона подъ тыквой и пр. т. п.

Г) По мѣрѣ того, какъ христіанство начало болѣе и болѣе распространяться и заявлять свою власть надъ міромъ умственнымъ и нравственнымъ, а классическія преданія искусства уступать новымъ воззрѣніямъ,—нагота фигуръ стала постепенно исчезать. Въ долгій періодъ отъ Юстиніана до такъ называемаго «вѣка возрожденія искусствъ» изученіе природы

(и) Это общее обыкновеніе художниковъ могло происходить отъ разныхъ причинъ:

1) Благоприятный воздухъ, прекрасное солнце Іоніи, сравнительная рѣдкость дождей, позволяли древнимъ довольствоваться самою легкою одеждою, ходить полуобнаженными большую часть года. Бѣднякъ по нуждѣ, богатый по изнѣженности,—оба, благодаря прекрасному климату, не стѣсняли себя множествомъ одежды, довольствовались хитономъ и мантией и рѣдко прибѣгали къ теплому шерстяному плащу (χλαίτα). А на гимнастическихъ играхъ, во время работы, въ домашнемъ быту и на разгульных симпосіяхъ и хитонъ разстегивался и спускался до пояса съ одного или съ обоихъ плечъ. Рабочіе классы употребляли короткій и безрукавый хитонъ: χιτωνίσκος, *Tunicula*. 2) Этотъ обычай подвергать тѣло благодѣтельному вліянію воздуха, а главное,—любовь Грековъ ко всевозможнымъ гимнастическимъ упражненіямъ, развивавшимъ мускулы, придавали ихъ сложенію удивительную красоту, гармонію, совершенство формъ. Дряблѣе тѣло

упало до самой низкой степени, а аскетическое направленіе средневѣковыхъ богослововъ и художниковъ изгнало наготу почти совсѣмъ. Даже Распятаго стали изображать въ хитонѣ вопреки явному показанію евангелія.

Д. Наступила пора возрожденія искусствъ. Художники съ жаромъ бросились на изученіе остатковъ античнаго искусства, и подъ вліяніемъ великихъ произведеній древности, а отчасти по закону реакціи предшествовавшему направленію, пустились писать обнаженное тѣло гдѣ къ дѣлу, а гдѣ и безъ всякой нужды и законной причины, такъ себѣ, ради античности и оригинальности. Этимъ особенно отличалась живопись итальянская и французская. Искусство Германское, Испанское, Фламандское, возросшее внѣ вліянія классическихъ образцовъ, менѣе подверглось этой крайности. Испанскіе художники даже отличались цѣломудренною строгостію драпировки: ихъ ангелы, мадонны, мученицы всегда закрыты съ

современнаго Европейца, моренное въ темницѣ нѣсколькихъ теплыхъ одеждъ, приводитъ въ отчаяніе скульпторовъ, когда они сравниваютъ чахлые современные субъекты съ великолѣпіемъ античныхъ статуй и мощнымъ развитіемъ мускулатуры Негра. 3) Народъ Греческій по преимуществу отличался эстетическимъ талантомъ. Счастливыя природныя способности, развиваемыя постояннымъ созерцаніемъ красотъ природы и великихъ произведеній искусства, дали Элліну тотъ высоко-художественный вкусъ, которымъ онъ превысилъ всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ. Какъ мы замѣчаемъ легко мельчайшіе отгѣнки красоты и вкуса въ одеждѣ, такъ древніе, ходившіе полуобнаженными, замѣчали изящное положеніе тѣла. Отъ того приемы древнихъ статуй всегда изящны; отъ того контуры новѣйшихъ статуй либо жестки, либо животны. Вотъ причина неподражаемости древней скульптуры. (Библіот. для Чт. Т. IX 1835. Эбсанбуль, нубійскія сцены). Художники, вышедшіе изъ среды такого народа — художника, естественно любили воспроизводить то, что видѣлъ и любилъ народъ: прекрасныя лиція обнаженнаго человѣческаго тѣла, по возможности, безъ всякихъ преградъ.

головы до ногъ одеждою, такъ что и ступни не видно. Того требовалъ суровый и мистическій вкусъ народа ⁽ⁱ⁾.

Послѣ этого краткаго обзора мы находимъ возможнымъ высказать нѣсколько выводовъ и положеній касательно занимающаго насъ вопроса на основаніи выше-изложеннаго.

1) Вездѣ, гдѣ интересы искусства ставили выше всего, (въ Греціи, въ Италіи), художники любили изображать обнаженныя фигуры, потому что нѣтъ для художника интереснѣе, труднѣе и прекраснѣе воспроизведенія формъ совершеннѣйшаго изъ твореній.

2) Вездѣ, гдѣ художественное направленіе было въ подчиненіи религіозному (Византія, Испанія) художники избѣгали наготы.

3) Тамъ, гдѣ нагота въ дѣйствительной жизни дѣло привычное (Италія, Греція), и въ живописи считаютъ ее дѣломъ приличнымъ, тогда какъ сыну туманнаго Альбіона Микель-Анжеловъ «Страшной судъ» напоминаетъ торговую баню.

Нашему русскому православному иконописцу конечно не слѣдуетъ подражать въ этомъ случаѣ Грекамъ, Итальянцамъ. Даже для свѣтской русской живописи неудобно такое подражаніе, потому что вслѣдствіе климатическихъ условій, заставляющихъ насъ плотно покрывать все тѣло, исключая лице и руки,—для насъ красота человѣческаго тѣла не столь знакома, какъ напримѣръ, Италіянку. Эти волнистыя, лющіяся линіи, округлости и неровности, по достоинству столь цѣнимыя художникомъ, для насъ мало знакомы; значить ни живописецъ нашъ не знаетъ чѣмъ особенно блеснуть, ни зритель непонимаетъ изящества изображеній. *Ignoti nulla curio.* Значить свѣтскому живописцу нечего попусту тратить усилія,—это съ одной стороны. Съ другой—въ понятіи-

(i) См. Кар. Гал. Европы 1864 № 2.—Объ иконописаніи. Москва 1845 г.—

яхъ о приличіи и красотѣ у древнихъ съ новыми, у южныхъ съ сѣверными народами существуетъ большая разница ^(к). Но если приличія и обыкновенія страны долженъ уважать даже свѣтскій живописецъ, воздерживаясь отъ рисованія наготы человѣческой, — не гораздо ли строже должно требовать такого воздержанія отъ русскаго иконописца: его произведенія должны быть строго согласованы съ нравственными воззрѣніями народа, для котораго онъ пишетъ, тѣмъ паче, что вообще православная церковь назначаетъ иконы не для удовлетворенія художественнаго вкуса, а для благоговѣйнаго почитанія ихъ.

Такъ, мы полагаемъ, что чѣмъ менѣе нашъ художникъ иконописецъ выставляетъ на видъ нагое тѣло, тѣмъ лучше сдѣлаетъ. Впрочемъ, гдѣ слѣдуетъ и должно, не надобно скрывать тѣло, но рисовать его достойно, изящно. Открытыя шея, обнаженныя до плечъ руки, нагота младенцевъ — не возмутятъ вкусъ самыхъ взыскательныхъ ригористовъ. Изображая первыхъ человѣковъ въ ихъ невинномъ состояніи, страданія мучениковъ, крестныя муки Искупителя, мы не вправѣ рисовать одежду, гдѣ ея не было, но обязаны изображать не кое-какъ, а тщательно, съ любовію и знаніемъ дѣла.

Свящ. В. Владимірскій.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ВУДЕТЬ.)

(к) См. Картины Италіи Ковалевскаго: Отеч. Зап. 1858 г. январь и февраль. Лекція Лолы Монтесъ: Сынъ От. 1861. № 12.

ТРИ ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

1. Княгиня́ Елизаветъ Ростиславлевнѣ Вяземской.

Христось воскресе, *уже преданъ бысть за беззаконія наша, и воста за оправданіе наше!* Да прииметь Онъ покаяніе ваше; да очиститъ слезы ваши; да даруетъ вамъ благодать и радость. Если чувствуете, что не имѣете слезъ чистыхъ, привосите Ему, какія есть; только Ему приносите. Кто же очищаетъ наше нечистое, какъ не Онъ? Жалуйтесь Ему на себя, что не о грѣхахъ плачете, а о скорби. Сію жалобу прииметь Онъ, какъ жертву. Впрочемъ, да даруетъ Онъ вамъ умиленіе чистое, и неизвѣстную для меня скорбь да прекратитъ и отвратитъ. Милость ваша въ богадельню послана. Тамъ будутъ молиться за васъ. Наконецъ и крестъ возвращаю, со вложеніемъ новой частицы къ прежнимъ. Благодать Господа и молитвы святыхъ Его съ вами. Благословеніе Отца небеснаго и чадомъ вашимъ.

Марта 28. 1825.

2. Къ ней же.

Миръ и благословеніе отъ Господа рабъ Его княгинѣ Елизаветѣ! На прошедшихъ дняхъ съ о. Филаретомъ, котораго и вы знаете, и который довольно искушенъ, чтобы совѣты его принимать со вниманіемъ, говорили мы объ одномъ монахѣ, который говоритъ, что монаху стыдно лечиться. Я замѣтилъ на сіе: не лучше ли смириться, и признать себя недостойнымъ особенной помощи Божіей, и просить, чтобъ она послана была чрезъ обыкновенное посредство врача, котораго *Господь создалъ, и врачеваній, которыя также Господь создалъ, и мужъ мудрый не вознущается ими* (Ис Сир. гл. 38). А Филаретъ сказалъ, что отцы совѣтуютъ уединеннымъ пустынножителемъ не лечиться, а предавать себя единственно въ волю Божію, а живущимъ въ обществѣ принимать врачеваніе. Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ сего разговора я узналъ, что ваше сіятельство не хотите при-

мать лекарствъ: и мнѣ тотчасъ пришло на мысль сообщить вамъ случившійся между нами разговоръ. Не имѣю времени ни слова болѣе написать. Господь да исцѣлитъ васъ и сохранитъ какъ вѣдаетъ, о чемъ молю Его.

Сп.-б. марта 30, 1823.

3. Къ ней же.

О имени Господа нашего Иисуса Христа рабъ Его, княгиня Елизаветъ, прощенье, миръ и благословеніе! Прощенія прошу вамъ отъ Господа, въ чемъ вы отъ Него себѣ просите; а мнѣ за себя прощать васъ не въ чемъ. Желая, чтобы ваше предъ Нимъ признаніе было чисто и просто, а Его прощенье вамъ полно и совершенно, и чтобы вы, съ миромъ совѣсти, и радостію духа, вкусили Его благодати во святомъ Таинствѣ. А я долженъ признаться, что изъ вашего письма получилъ наставленіе просить у васъ себѣ прощенья, что недавно забылъ сдѣлать, имѣвъ случай, — можетъ быть, потому, что сердце мое не зазидало мнѣ ни въ какой неблагоприятной противъ васъ мысли; но я все неправъ, потому что слова мои имѣютъ нужду въ прощеньи, котораго и прошу теперь во всякомъ словѣ гниломъ, какое по недостоинству моему сказалъ я вамъ вмѣсто здраваго.

Изнеможеніе и уныніе ваше мнѣ представляется, и какъ будто чувствуется: приношу оное прель Отца всякаго утѣшенія; но Онъ одинъ знаетъ, когда время утѣшенію и въ какую мѣру. Черезъ скорбь, или черезъ утѣшеніе, только да совершается въ васъ, и въ самой немощи вашей, Его спасительная сила! Разрѣшается иногда уныніе разсмотрѣніемъ, отъ чего оно происходитъ. Не надобно отдаваться ему по волѣ, или по небреженію; но когда оно намъ посылается, можно приносить оное въ жертву Господу также какъ и радость.

О діаконѣ сказать теперь ничего не могу. Дѣло въ консисторіи. Просителей много, не знаю еще, удовлетворилъ ли я сиротъ. Вы поступили по закону челоуѣколюбія и потому правы; мнѣ должно стараться быть правымъ и предъ закономъ челоуѣколюбія, и предъ закономъ справедливости.

С.-П.-Б. марта 6, 1823 г.

НѢСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ

ПО СЛУЧАЮ ПРАЗДНИКА

УСѢКНОВЕНІЯ ГЛАВЫ КРЕСТИТЕЛЯ ГОСПОДНЯ ІОАННА.

Пророкъ, предтеча, креститель, сродникъ Господень, мужъ великій словомъ и дѣломъ, *болій* котораго, по свидѣтельству Христову, *не воста въ рожденныхъ женами* (Мат. 11, 11), котораго самъ Иродъ уважалъ, съ сладостію слушалъ и слушался (Марк. 6, 20), сей самый мужъ, великій Іоаннъ, по повелѣнію того же самаго Ирода, былъ взятъ, связанъ и посаженъ въ темницу. За что? *Иродіады ради жены Филиппа, брата Иродова*, отвѣчаетъ евангелистъ (Мат. 14, 3). Іоаннъ говоритъ Ироду: *не достоинъ ти имѣти ея* (4), говоритъ такъ потому, что у Ирода была жена, которую онъ прогналъ для Иродіады; братъ его Филиппъ, по одному древнему свидѣтельству (Іос. Флав.), былъ еще живъ, а еслибъ и умеръ, то умеръ не бездѣтный, и слѣдственно законъ ужичества не имѣлъ здѣсь мѣста. Особенно же злобствовала Иродіада. Иродъ тогда же хотѣлъ убить Іоанна, но побоялся народа, *зане яко пророка его импяху* (5).

Спустя нѣсколько времени послѣ сего событія, по случаю дня рожденія Ирода, былъ у него пиръ; на пиру дочь Иродіады плясала, и пляскою такъ угодила Ироду, что онъ съ клятвою обѣщалъ ей дать все, чего ни попроситъ, *и до полцарствія* (Марк. 6, 24). Плясавица, по наущенію матери, потребовала главы Іоанна Крестителя. *Печаленъ бысть царь: клятвы же ради и за возлежащихъ съ нимъ, повель дати. И пославъ усъкну Іоанна въ темницу* (9. 10).

Такова исторія праздника усѣкновенія главы крестителя Господня Іоанна! Исторія весьма поучительная! Много возбуждаетъ она размысленій, много даетъ уроковъ.

Іоаннъ пострадалъ за истину, за то, что обличалъ беззаконіе Ирода и Иродіады. Примѣръ не единственный въ исторіи церкви. За что гонимы были пророки, апостолы, многіе святители и другіе святые? За то, что они говорили современникамъ своимъ правду, обличавшую ихъ заблужденія и нечестіе. За что преслѣдовали книжники и фарисеи Господа нашего Іисуса Христа? За то преимущественно, что Онъ обличалъ ихъ лицемѣріе, суевѣріе, жизнь, несогласную съ закономъ Божиимъ. И было ли когда время, когда бы обличеніе заблужденій и пороковъ человѣческихъ не навлекало на обличителей какихъ-нибудь непріятностей, а иногда гоненій, бѣдствій, даже смерти? Обратимся къ себѣ. Съ любовью ли, съ благодарностію ли, по крайней мѣрѣ, терпѣливо ли слушаемъ мы обличеніе нашихъ неправыхъ мыслей, незаконныхъ дѣлъ, худой жизни? Нельзя сказать, чтобы совсѣмъ не было смиренно, благодарно, съ пользою слушающихъ слово обличенія: но падобно признаться, что такихъ мало, а большая часть не любитъ, не терпитъ обличающей ихъ правды, не терпитъ не только тогда, когда правда говорится имъ съ намѣреніемъ исправить ихъ, не терпитъ обличенія не только строгаго, но и кроткаго, обличенія не только отъ низшихъ и равныхъ, но и отъ тѣхъ, которые имѣютъ преимущественное право обличать, какъ-то: отъ родителей, начальниковъ, старшихъ себя, пастырей церкви, даже духовныхъ отцевъ. Бывали примѣры, что обличеніемъ разрывались узы родства, дружбы, самыхъ благородныхъ и священныхъ отношеній, и тамъ, гдѣ были дружба и любовь, водворялись холодность, вражда и ненависть со всѣми ихъ слѣдствіями. Печальная истина!

Что выходитъ отсюда? То, что одни, избѣгая разнаго рода непріятностей, не говорятъ истины, даже лестію поддерживаютъ ближняго въ заблужденіи и неправдѣ; другіе, не слыша обличенія, по невѣдѣнію, а чаще по привычкѣ, не желая разстаться съ сладостію грѣха, или просто съ принятымъ положеніемъ, продолжаютъ оставаться въ заблужденіи и нечестіи; чувство истины и добра постепенно грубѣетъ въ нихъ; голосъ совѣсти слабѣе и слабѣе слышится ими; открывается для нихъ опасность нравственнаго ожесточенія,

или даже образуется самое ожесточеніе. Въ обществѣ обезсиливаются чувство и потребность правды; оскудѣваютъ любовь къ ближнему, взаимная откровенность и довѣренность; усиливаются уклончивость, лицемеріе, лесть, лукавство; растутъ взаимная холодность, подозрительность; образуется кругъ неискреннихъ, сухихъ, корыстныхъ взаимоотношеній, въ который съ малыхъ лѣтъ, сами часто не замѣчая того, втягиваемся, и къ которому привыкаемъ, отвыкая въ то же время отъ свидѣтельствванія и принятія истины. Великое зло!

Откуда происходитъ такая нелюбовь многихъ къ обличающей ихъ правдѣ? Нельзя сказать, чтобы кто-нибудь не любилъ истины, еще менѣе можно сказать, чтобы кто-нибудь не желалъ спасенія. Послѣ сего, казалось бы, какъ не любить, не желать даже того, что возбуждаетъ насъ отъ грѣховнаго сна, снимаетъ покровъ съ глазъ нашихъ, тревожитъ совѣсть, движетъ волю къ исправленію жизни, какъ не любить, не желать обличенія? Такъ это и бываетъ съ тѣми, въ комъ желаніе истины и спасенія сильнѣе всего. Но сколько такихъ, которые находятся подъ вліяніемъ ложныхъ убѣжденій, въ распоряженіи порочныхъ склонностей и страстей! Въ такихъ людяхъ сильнѣе всего ихъ убѣжденіе, ихъ страсть; они охотно слушаютъ правду, но до тѣхъ поръ, пока правда не входитъ въ противорѣчіе съ ихъ убѣжденіями, не тревожитъ господствующей въ нихъ страсти; но какъ скоро правда говоритъ противъ ихъ убѣжденія, обличаетъ живущую въ нихъ страсть, тогда имъ трудно бываетъ выносить обличеніе; съ ними, при обличеніи, происходитъ то же, что происходитъ съ больнымъ, когда неосторожно касаются въ немъ больного мѣста, — движеніе нетерпѣнія, досады, гнѣва, мщенія. Такимъ образомъ главная причина нелюбви многихъ къ обличеніямъ, есть дѣйствіе въ нихъ какого-нибудь ложнаго убѣжденія и преимущественно какой-нибудь страсти, которыхъ имъ оставить не хочется. *Обличеніе нечестивому раны ему*, говорятъ премудрый. *Не обличай злыхъ, да не возненавидятъ тебе: обличай премудра и возлюбитъ тя* (Притч. 9, 7. 8). Іоанна уважалъ и съ сладостію слушалъ Иродъ, но когда слово истины коснулось нечестія Иродова,

того, чѣмъ болѣла душа Ирода, и съ чѣмъ ему и Иродіадѣ разстаться не хотѣлось, тогда уязвленные развратъ и гордость сильно возстали противъ Іоанна.

Да узнаеть отсюда всякій, не любящій слушать обличеній, что въ душѣ его непременно есть сильный недугъ, какое-нибудь ложное убѣжденіе, или скорѣе какая-нибудь страсть, и потому немедленно нужно взять ему рѣшительныя мѣры, если не хочетъ, чтобы недугъ привелъ его къ горькимъ послѣдствіямъ. Свойство страсти влечъ человѣка къ удовлетворенію требованій своихъ, постепенно ослѣпляя неосторожнаго. Человѣкъ сначала съ отвращеніемъ внимаеть ей, ужасается дѣлъ, которыхъ требуетъ она, стыдится удовлетворять ей. Но разъ ступивъ на стезю грѣха, онъ часто не въ силахъ бываетъ сойдти съ нея, идетъ дальше влекомый страстью, теряетъ, наконецъ, всякій стыдь. Въ этомъ состояніи онъ уже не останавливается на половинѣ пути, стремится исчерпать зло, какое замыслилъ, до дна, никакого предѣла, никакого закона, никакой святости не знаетъ, никакого противорѣчія не терпитъ. Если кто станетъ удерживать, обличать его, онъ возненавидитъ того, и, если имѣеть силу такъ или иначе освободиться отъ него, непременно постарается освободиться, хотя бы это стоило великой жертвы. *Уловимъ праведнаго, яко непотребенъ намъ есть, и противится дѣломъ нашимъ, и поноситъ намъ грѣхи закона, и злословитъ намъ грѣхи ученія нашего, возвъщаетъ намъ разумъ имѣти Божій. Бысть намъ во обличеніе помышленій нашихъ. Тяжескъ есть намъ и къ видѣнію. Досажденіемъ и мукою истязимъ его, смертію попносно осудимъ его* (Премудр. 2, 12—15. 19. 20). Таковъ голосъ страсти! Іоаннъ былъ въ темницѣ. Иродіадѣ, этому олицетворенному разврату и злобѣ, мало было сего. Она потребовала главы Іоанна, и получила ее. Какъ бы иное худое дѣло, иное худое состояніе ни представлялись нравственно невозможными, но, подъ вліяніемъ страсти, человѣкъ рано или поздно, придетъ къ нему, если особенно откроется случай къ тому.

Иродъ держалъ Іоанна въ темницѣ; но страхъ человѣчскій, можетъ быть и совѣсть еще не допускали его убить

праведника. Пляска дщери Иродіадиной вырываетъ у него необдуманное обѣщаніе; за обѣщаніемъ слѣдуетъ требованіе исполненія обѣщаннаго; опечалился царь отъ неожиданнаго требованія: но обѣщаніе дано съ клятвою, дано въ присутствіи другихъ, — заговорила такъ многихъ губящая ложная честь, и Иродъ *пославъ усъкну Іоанна въ темницу*. Вотъ что сдѣлалъ пирь! вотъ что сдѣлала пляска! вотъ что сдѣлало необдуманное данное слово! вотъ что сдѣлалъ одинъ случай! Какъ много значить случай въ жизни человѣческой, случай иногда самый маловажный! Часто одно слово, одно движеніе, одинъ взглядъ, одно присутствіе въ какомъ-нибудь мѣстѣ, одно участіе въ какомъ-нибудь занятіи рѣшаютъ человѣка на многое, на что безъ сихъ случаевъ онъ не рѣшился бы. Какъ слѣдовательно надобно быть осторожнымъ во всѣхъ дѣлахъ и словахъ, во всѣхъ движеніяхъ своихъ! Какъ тщательно надобно избѣгать всего, что способствуетъ къ возбужденію и раскрытію страстей! Не будетъ пищи, не будетъ и силы у страстей. Правда, человѣкъ не въ силахъ избѣжать всѣхъ случаевъ ко грѣху; во злѣ лежащемъ въ мірѣ онъ непрестанно противъ воли, можетъ встрѣчаться съ ними, и тамъ, гдѣ думалъ найдти одно хорошее, живущая немъ похоть можетъ найдти дурное. По крайней мѣрѣ, зная немощь своей плоти, онъ всегда обязанъ блюсти себя, по слову Господа: *бдите и молитесь, да не увидите въ напасть* (Мат. 26, 41); всегда можетъ избѣгать такихъ хотя случаевъ, которые явно дѣйствуютъ на раскрытіе въ насъ чувственной природы, какъ-то: веселыхъ пировъ, нецѣломудренныхъ плясокъ, разныхъ нескромныхъ зрѣлищъ и т. п., что выдумалъ и непрестанно выдумываетъ человѣкъ для такъ называемаго веселаго проведенія времени, и гдѣ такъ часто гибнутъ нравственность, здоровье, имущество, честь. Смерть Іоанна Крестителя — какое мрачное воспоминаніе для пирующаго и пляшущаго человѣчества!

Вотъ нѣсколько мыслей, возбужденныхъ въ насъ исторіей праздника Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя. Дай Богъ, чтобъ онѣ послужили кому-нибудь въ пользу.

Протоіерей Н. Рудневъ.

МНѢНІЕ ФИЛАРЕТА

МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО

ПО ПОВОДУ ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ДАТЬ РАСКОЛЬНИКАМЪ
НЕЗАВИСИМЫХЪ ОТЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ІЕРАРХІИ СВА-
ЩЕННИКОВЪ.

(ПИСАНО ВЪ 1849 ГОДУ).

Нѣкоторые хотятъ дать ходъ сужденію по вопросу, не надобно ли дозволить раскольникамъ поповщинскаго толка имѣть независимыхъ отъ духовнаго начальства священниковъ, и для сего войти съ раскольниками Рогожскаго кладбища въ секретное сношеніе. Но во 1-хъ, удобно ли и благонадежно ли входить съ раскольниками въ сношеніе и переговоры объ условіяхъ, на какихъ могли бы они принять священниковъ?

Духовенству входить въ сношеніе съ раскольниками для ихъ вразумленія и предлагать имъ средства сближенія съ церковію, не только не препятствуетъ его характеръ, но это есть и обязанность его. Совсѣмъ иное дѣло входить въ таковыя сношенія отъ имени правительства. Власть законная безъ предосужденія своему достоинству и благонадежно можетъ входить въ сношеніе, для соглашенія и договора, только съ такимъ обществомъ, которое законно существуетъ. А входить въ договоръ съ обществомъ отпавшимъ отъ законной власти и законнаго существованія не имѣющимъ, не довольно сообразно съ достоинствомъ законной власти и мо-

жать быть вредно, потому что незаконное общество, входя въ переговоры съ законною властію, чрезъ сіе самое нѣкоторымъ образомъ пріобрѣтаетъ характеръ признаннаго сословія и притомъ получаетъ сознаніе, что въ немъ видятъ довольно силы противорѣчить и противостоять, и такимъ образомъ оно сдѣлаться можетъ болѣе неуступчивымъ, нежели было до переговоровъ. Посему неудобнымъ представляется испрашивать Высочайшее дозволеніе на вступленіе въ переговоры съ раскольниками. Могущая оказаться съ ихъ стороны неуступчивость особенно неумѣстна была бы и не должна быть допущена при употребленіи Высочайшаго имени.

Въ предположеніи, чтобы переговоры съ раскольниками были секретные, нѣкоторымъ образомъ заключается признаніе, что гласность сихъ переговоровъ имѣла бы неблагопріятныя послѣдствія. Но сохраненіе тайны въ семъ случаѣ слишкомъ ненадежно. Допущеніемъ въ сношеніе раскольники будутъ заинтересованы сообщить о семъ сношеніи своимъ единомысленникамъ, и уже извѣстно по опыту, съ какою быстротою подобныя свѣдѣнія отъ немногихъ раскольниковъ распространяются между всѣми.

Притомъ предполагаемое сношеніе съ раскольниками не обѣщаетъ открыть со стороны ихъ что-либо такое, что не было бы уже извѣстно. На какихъ условіяхъ желаютъ они имѣть священниковъ, сіе извѣстно изъ неоднократныхъ прошеній ихъ, правительствомъ неуваженныхъ. Если нужно, то можно пересмотрѣть извѣстныя уже ихъ предположенія безъ открытія новыхъ съ ними переговоровъ.

Извѣстно, что раскольники поповщинскаго толка желаютъ священниковъ дѣйствительно служащихъ въ епархіяхъ, или заштатныхъ принимать сами по своему усмотрѣнію, съ обязанностію дать о нихъ знать гражданскому начальству, и съ тѣмъ, чтобы принятые ими священники находились внѣ вся-

каго отношенія къ архіереямъ, судимы были за малыя вины самими раскольниками и ихъ же священниками, а за важныя вины раскольниками же отрѣшаемы были и отсылаемы къ православному епархіальному начальству. Къ сему необходимо присовокупить то, о чемъ раскольники предъ начальствомъ умалчиваютъ, но чего отъ священниковъ неотмѣнно требуютъ, именно, чтобы въ богослуженіи не именовать Государя Императора Благочестивѣйшимъ или Благовѣрнымъ. Не нужно изъяснять, какое въ семъ заключаютъ раскольники понятіе объ отношеніи Государя къ истинной по ихъ понягю вѣрѣ и церкви.

За симъ естественно слѣдуетъ другой вопросъ: должно ли дать раскольникамъ священниковъ на изложенныхъ теперь условіяхъ? По моему мнѣнію, не должно. И хотя въ подтвержденіе сего представлены уже мною прежде нѣкоторыя соображенія, однако по значительной важности предмета обязанностію почитаю представить еще слѣдующія:

1. Дать раскольникамъ священниковъ съ тѣмъ, чтобы сіи священники перешли въ расколъ, очевидно было бы незаконно и вредно. Сіе признаютъ всѣ и потому нѣкоторые думаютъ найти средство, чтобы священники поступали къ раскольникамъ на вышеизложенныхъ условіяхъ, но въ расколъ не переходили. Средствомъ симъ почитаютъ требованіе отъ раскольниковъ, чтобы они, принимая священника, не совершали надъ нимъ такъ называемой исправы, т. е. мнимаго мвропомазанія, или произнесенія проклятія на ереси, въ томъ числѣ и на Никонуву, т. е. на православную церковь^(а), чѣмъ они думаютъ очищать священника, приходящаго къ нимъ отъ нечистой по ихъ мнѣнію великороссійской церкви. Но не трудно предви-

(а) О предпочтеніи одного изъ сихъ двухъ образовъ исправы было у раскольниковъ соборище въ Москвѣ въ 1779 году. Полн. Историч. извѣст. о старообр. Ч. III.

дѣтъ, что раскольники или устранять отъ себя сіе требованіе какимъ нибудь уклончивымъ отвѣтомъ, или хотя не откажутся отъ онаго, но втайнѣ будутъ продолжать исправу, которую и нынѣ по возможности не допускаютъ до свѣдѣнія начальства. Секта не бываетъ вполнѣ честна. Истина религіозная и правственность суть лучи одного свѣта: гдѣ первая смѣшена съ заблужденіемъ, тамъ нечиста и послѣдняя. Секта своимъ недовольно свободнымъ положеніемъ думаетъ извинить употребленіе въ свою защиту лукавства предъ правительствомъ. Могутъ возразить, что священникъ не долженъ допустить падъ собою исправы. Но въ такомъ случаѣ раскольники могутъ отослать его подъ какимъ-нибудь предлогомъ, или даже съ оклеветаніемъ, и нельзя поручиться, что изъ множества священниковъ въ Россіи не найдутъ они подобныхъ нынѣшнимъ бѣглымъ, которые послѣдуютъ ихъ прельщеніямъ: ибо и при апостолахъ бывали бѣды во лжебратіи. Если такимъ образомъ исключительная мысль дать раскольникамъ священниковъ съ устраненіемъ исправы оказывается неудобноисполнимою, то остается въ полной силѣ общая мысль, что не должно давать.

II. Но если предположить возможность устраненія исправы, переходъ священника къ раскольникамъ съ тѣмъ, чтобы не быть въ зависимости отъ іерархіи, чтобы зависѣть отъ нихъ и ими быть судиму, чтобы царя не именовать Благочестивѣйшимъ или Благовѣрнымъ, не есть ли уже переходъ священника въ расколъ?

III. Дать раскольникамъ священниковъ на выше изъясненныхъ условіяхъ пельзя иначе, какъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ. 39 правило апостольское говоритъ: «безъ воли епископа своего пресвитери или діакони да не творятъ ничтоже, тому бо суть поручени людіе Господни». Итакъ отпустить къ раскольникамъ пресвитера для церковнаго

дѣйствованія независимо отъ епископа, значитъ поступить вопреки апостольскому правилу, значитъ ввести въ православную церковь лютеранскую стихію. Правило апостольское говорить: «моляйся съ отлученными самъ отлученъ да будетъ». Раскольники, очевидно, суть и отлучающіе сами себя, и отлученные отъ православной церкви; итакъ іерархія, отпустивъ священника молиться съ ними, сдѣлала бы и его и себя виновными противъ апостольскаго правила.

IV. Чтобы не оставить какой либо значительной стороны разсматриваемаго предмета не осмотрѣнною, предположимъ, что нѣкоторые скажутъ: священникъ можетъ, поступая къ раскольникамъ, не отречься въ сердцѣ отъ іерархіи и отъ вышеприведенныхъ церковныхъ правилъ, но только по наружности быть внѣ сношенія съ іерархіею и исполнять обряды раскольниковъ по снисхожденію къ ихъ предразсудкамъ. Это значило бы, что священникъ будетъ въ сердцѣ православнымъ, а въ глазахъ раскольниковъ и въ своихъ дѣйствіяхъ раскольникомъ, что онъ будетъ въ положеніи двусмысленномъ и двоудушномъ. Неужели не должно остеречься правительство, чтобы не направлять челоуѣка къ такому положенію и особенно служителя вѣры, который по Апостолу долженъ жить въ простотѣ, искренности и чистотѣ Божіей (2 Кор. 1, 12)?

Въ 1821 или 1822 году, правда, предположено было сдѣлать опытъ, послать къ раскольникамъ искусныхъ священниковъ, которые бы явились между ими не какъ посланные отъ церкви, но какъ бы пришедшіе къ нимъ по произволу и расположенные быть въ общеніи съ ними, и которые, войдя съ ними въ общеніе и снискавъ ихъ довѣріе, дѣлали бы имъ благопріятныя для православія внушенія. Благонамѣренность сего предположенія дала ему ходъ въ комитетѣ по дѣламъ раскольничьимъ и было составлено о семъ опредѣленіе, которое, между прочимъ, подписано было блаженныя

памяти митрополитомъ Серафимомъ и удостоено утвержде-
нія въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Пав-
ловича. Но когда митрополиту Серафиму предоставлено было
привести сіе въ исполненіе, онъ увидѣлъ, что сего нельзя со-
гласить съ церковными правилами и съ свойственными служи-
телямъ вѣры искренностію дѣйствованія, и предложилъ свое
затрудненіе комитету. Комитетъ воспріялъ дерзновеніе пред-
ставить государю императору объ отмѣненіи сдѣланнаго и
утвержденнаго опредѣленія, и благочестивѣйшій императоръ
на сіе соизволилъ, уважая ненарушимость церковныхъ пра-
вилъ и чистоту священноцерковнослужительской совѣсти.

И такъ нынѣшнее предположеніе о доставленіи расколь-
никамъ священниковъ принято было въ предшествовавшее
царствованіе и отмѣнено какъ неудобоеисполнимое. То, что
теперь предполагается доставить раскольникамъ священни-
ковъ не непосредственно отъ архіереевъ, но чрезъ руки
гражданскаго начальства, не дѣлаетъ разности въ существѣ
дѣла. Священники будутъ въ томъ двоедушномъ положеніи,
въ которое не рѣшился поставить ихъ митрополитъ Сера-
фимъ, и архіереи, если не захотятъ притворяться не пони-
мающими того, что понятно, должны будутъ или осудить
по правиламъ отходящихъ къ раскольникамъ священниковъ
и слѣдственно дѣйствовать не въ смыслѣ правительства, или
остаться участниками нарушенія церковныхъ правилъ попу-
щеніемъ нарушенія оныхъ.

V. Дать раскольникамъ священниковъ на вышеизложен-
номъ основаніи нельзя безъ того, чтобы не произвести въ
управленіи и законодательствѣ запутанностей и затрудненій,
не имѣющихъ исхода. Напримѣръ, по правиламъ церковнымъ
священникъ имѣетъ право совершать таинство брака; но
власть прекратить дѣйствіе сего таинства, т. е. расторгнуть
бракъ, принадлежитъ высшей іерархической степени епи-

скопа. Положимъ, что данъ раскольникамъ независимый отъ епископа священникъ и что къ нему приходитъ прихожанинъ по законной причинѣ просить расторгенія брака. Что будетъ дѣлать священникъ? Вопросъ сей не разрѣшимъ. Ни съ чѣмъ несообразно было бы, дать раскольническому священнику власть епископскую, даже больше, потому что и епископъ не рѣшитъ расторженіе брака самъ собою, но испрашиваетъ синодальнаго разрѣшенія.

Положимъ, что раскольники возвратятъ епархіальному начальнику бывшаго у нихъ священника, признавая его негоднымъ. Какъ будетъ судить его епархіальное начальство? Безъ изслѣдованія положиться на обвинительный извѣтъ раскольниковъ было бы незаконно, а изслѣдованіе, которое по закону надлежитъ произвести духовному начальству, въ недоступномъ ему кругу раскольниковъ не возможно. Можетъ случиться, что раскольники за внушеніе, наклоняющее къ православію, составятъ скопище къ оклеветанію и обвиненію священника и сдѣлаютъ епархіальное начальство орудіемъ своего мщенія.

Раскольники сами требуютъ, чтобъ ихъ священники вели метрическія записки. Чаше или рѣже, но неизбѣжно случается, что метрическія записки оказываются невѣрными, а отъ сего подвергаются сомнѣнію права состоянія или права наслѣдства. Дѣла сего рода судить епархіальное начальство, но кто будетъ судить ихъ у раскольниковъ? Неужели учредится раскольническая консисторія? Кто будетъ утверждать ея рѣшенія? Притомъ же раскольники не любятъ консисторіи. Ихъ старѣйшины простолюдины любятъ составлять изъ себя управленіе между прочимъ и надъ ихъ священниками. Такимъ образомъ открывается, что учрежденіе у раскольниковъ особыхъ священниковъ, независимыхъ отъ архіереевъ, потребовало бы новаго законоположенія о церковнорасколь-

ническомъ устройствѣ и управленія, во всякомъ случаѣ непримиримаго какъ съ правилами церковными, такъ и со Сводомъ законовъ.

VI. Раскольники, получивъ священниковъ, зависящихъ отъ ихъ самихъ и независимыхъ отъ епархіальныхъ архіереевъ, имѣли бы во многихъ случаяхъ выгоду предъ православными, потому что такіе священники своею зависимостію отъ раскольниковъ были бы сильно повуждаемы угрожать имъ съ пренебреженіемъ церковныхъ правилъ и законовъ, къ чему вело бы и отсутствіе надзора отъ духовной власти. Такъ, на примѣръ, бракъ не совершеннолѣтній, или въ другомъ отношеніи неправильный, легче совершить чрезъ раскольническаго, нежели чрезъ православнаго священника. И такъ мысль, что въ старообрядческой вѣрѣ больше удобства для разныхъ мірскихъ случаевъ, была бы для невѣжествующихъ новымъ прельщеніемъ къ переходу въ расколъ, особенно при умноженіи священниковъ у раскольниковъ, и наоборотъ примѣръ зависимости священниковъ отъ мірянъ у раскольниковъ не распространялъ ли бы и въ православномъ народѣ расположеніе къ уклоненію отъ послушанія іерархіи и не ослаблялъ ли бы общей силы священноначалія?

VII. Если приведенныя доказательства защищаемаго мною мнѣнія справедливы, каковыми они должны быть, какъ основанныя на церковныхъ правилахъ и законахъ, то необходимо заключить, что доказательства противоположнаго мнѣнія могутъ быть только благовидны, а не строго справедливы, потому что два противоположныя мнѣнія не могутъ оба вмѣстѣ быть справедливыми.

VIII. Раскольники, стремясь къ неограниченной свободѣ дѣйствованія, стараются всякое ограниченіе ихъ дѣйствій представить въ видѣ притѣсненія и гоненія, и терпимость,

не остерегаемая справедливостію, можетъ склониться на сей образъ воззрѣнія. Но если смотрѣть со стороны справедливости, то возбуждающее жалобы дѣйствованіе правительства на раскольниковъ очень далеко отъ того, что въ древнія времена называли гоненіемъ. Если при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ строго поступлено съ раскольниками, запершимися въ Соловецкомъ монастырѣ, и при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ съ раскольниками, неистовствовавшими въ Кремлѣ и въ самомъ дворцѣ, то это было укрощеніе мятежа, а не гоненіе. Если своевольно и противозаконно построенную раскольническую часовню не позволяется починивать, а только позволяется терпѣть до разрушенія силою времени, это не гоненіе, а снисхожденіе въ томъ, что незаконное не разрушено тотчасъ. Если запечатываютъ часовню за то, что она вопреки существующему запрещенію перестроена, это не гоненіе, а неизбѣжное охраненіе закона, чтобъ онъ не былъ презираемъ. Если раскольническаго священника берутъ къ суду за то, что совратилъ православнаго, это не гоненіе, а защищеніе господствующей церкви отъ сдѣланнаго на нее нападенія, и даже снисхожденіе въ томъ, что бѣглаго не преслѣдовали за побѣгъ, а прибѣгли къ правосудію надъ нимъ только послѣ новаго преступленія. Если не дадутъ раскольникамъ священниковъ, независимыхъ отъ духовнаго начальства, раскольники не могутъ на сіе жаловаться, потому что не имѣютъ никакого права требовать священниковъ отъ церкви, къ которой сами принадлежать не хотятъ. Если бы у церкви противъ ея правилъ взяты были священники и отданы были на произволъ раскольникамъ, наименованіе гоненія или стѣсненія было бы здѣсь болѣе у мѣста, нежели во всѣхъ вышеупомянутыхъ случаяхъ; но это было бы не въ отношеніи къ расколу, а въ отношеніи къ церкви.

Можно здѣсь указать на взятіе у раскольниковъ нѣкото-

рыхъ монастырей и обращеніе въ единовѣрческіе; но если бы кто возымѣлъ мысль винить сіе дѣйствіе правительства, то онъ долженъ былъ бы обвинить многія подобныя дѣйствія благочестивыхъ защитниковъ православія; на примѣръ, онъ долженъ былъ бы обвинить императора Θεодосія и св. Григорія Богослова за то, что они отняли у Аріанъ главный константинопольскій храмъ и императоръ ввелъ въ него святителя подъ охраненіемъ воиновъ, какъ о семъ сказываетъ самъ св. Григорій. Если бы кто изъ православныхъ самовольно построилъ монастырь и, безъ законнаго дозволенія, постригъ въ немъ монаховъ, не уничтожила ли бы сіе законная власть, какъ скоро узнала бы? Неужели только своеволіе православныхъ должно прекращать, а своеволіе раскольниковъ надлежитъ оставлять неприкосновеннымъ?

IX. Избыточествующая терпимость можетъ въ слишкомъ большомъ размѣрѣ приложить къ настоящему дѣлу то неотрицаемое правило, что въ дѣлахъ вѣры и совѣсти всякое принужденіе должно быть устранено. Сводъ законовъ назначилъ приложенію сего правила справедливыя предѣлы. Онъ повелѣваетъ не преслѣдовать раскольниковъ за ихъ религіозный образъ мыслей и приватное моленіе по ихъ обряду, но запрещаетъ публичное оказательство раскола и совращеніе православныхъ въ расколъ, оказывая чрезъ сіе защиту православной церкви. Предоставленіе раскольникамъ независимыхъ отъ іерархіи священниковъ, принадлежало бы не къ тому, что Сводъ законовъ допускаетъ, а къ тому, что онъ запрещаетъ. Не сильнѣйшее ли было бы оказательство раскола формальное учрежденіе у раскольниковъ священниковъ, принадлежащихъ раскольникамъ, а не іерархіи? Въ сравненіи съ совращеніемъ въ расколъ мірянина не большее ли пріобрѣтеніе для раскола составляетъ пріобрѣтеніе православнаго священника въ собственное распоряженіе раскольниковъ?

И если признано, что въ дѣлѣ вѣры и совѣсти не должно быть принужденіе, то сіе конечно не для однихъ раскольниковъ, но и для православныхъ. А не было ли бы то дѣйствительнымъ принужденіемъ въ дѣлѣ вѣры и совѣсти, если бы потребовалось отъ православныхъ архіереевъ дать раскольникамъ священниковъ. не по всегдашнимъ правиламъ и чину церковному, но вопреки онымъ, если бы архіереи сдѣлались только поставщиками священниковъ для раскольниковъ и исполнителями наказаній надъ священниками, которыхъ раскольники найдутъ достойными осужденія?

Х. Могутъ представиться политическія соображенія, требующія того, чтобы по возможности удовлетворить раскольниковъ; но политическія соображенія не требуютъ ли и того, чтобы предоставленіемъ раскольникамъ вольностей, какихъ не позволяютъ церковныя правила и какихъ не имѣютъ православные, не нарушить мира церкви и не расстроить духъ православнаго народонаселенія?

Политическія соображенія не требуютъ ли, чтобы не благопріятствовать стремленію раскольниковъ образовать изъ себя отдѣльное общество? А предоставить имъ въ ихъ распоряженіе священниковъ и общественный надъ ними судъ и формальное образованіе приходоу, не значитъ ли благопріятствовать ихъ отдѣльности?

Политическія соображенія не требуютъ ли, чтобы не благопріятствовать усиленію господствующаго у раскольниковъ демократическаго начала, такъ какъ они дѣйствуютъ частію такъ-называемыми попечителями, самовольно избранными, частію такъ же самовольными совѣщательными собраніями, частію въ особенныхъ случаяхъ даже народными скопищами? Но дать имъ священниковъ въ распоряженіе ихъ общества ⁽⁶⁾,

(6) Въ какомъ отношеніи находятся у раскольниковъ священники къ старѣйшинамъ и обществу, о томъ свидѣтельствуемъ

независящихъ отъ іерархіи, не значить ли вновь благопріятствовать демократическому началу подчиненіемъ ему начала іерархическаго? Слово апостольское изъясняетъ состояніе христіанства чрезъ уподобленіе воинству. Теперь встаетъ будетъ воспользоваться симъ способомъ изъясненія для разсматриваемаго предмета. Еслибы военачальникъ, видя часть войска непокорною и притомъ нуждающеюся въ офицерахъ, и слыша желаніе непокорныхъ заимствовать себѣ офицеровъ изъ находящихся въ законномъ положеніи, съ изъятіемъ ихъ отъ законнаго начальства, кромѣ случая, когда непокорные возвратятъ ихъ какъ негодныхъ, — согласился на сіе частію по надеждѣ, что вышедшіе изъ подъ власти офицеры приведутъ подъ власть непокорныхъ, частію по расчету, что недостойные офицеры разстроятъ общество непокорныхъ: какова была бы таковая политика? Была ли бы сообразна съ достоинствомъ законнаго начальства? Основательна ли и надежна? Не была ли бы предосудительна для дисциплины воинства, находящагося въ законномъ положеніи? Но такова точно была бы политика, которая дала бы раскольникамъ отъ духовнаго начальства священниковъ въ независимое отъ духовнаго начальства распоряженіе. Если для основанія новой политики въ отношеніи къ раскольникамъ ищется примѣръ въ томъ, что правительство глазами политики смотритъ на переходы цѣлыми обществами въ православіе такихъ людей, которые и послѣ своего обращенія остаются также, какъ и прежде, малосвѣдущими или несвѣдущими въ еван-

наблюденіе надъ симъ предметомъ его сіятельства г. москов. военнаго генералъ-губернатора; въ запискѣ его отъ 6 февраля 1849 года сказано: «довѣріе массы этой къ старѣйшинамъ своимъ до того неограниченно, что въ глазахъ оной священникъ, не взирая на санъ, свой есть лице второстепенное, которому они оказываютъ приверженность и уваженіе тогда только, когда соблюдаемые имъ обряды служенія одобряются старѣйшинами».

гельскомъ ученіи: то въ семь случаѣ сравниваются предметы весьма разнородные, которыхъ потому сравненіе не обѣщаетъ надежныхъ заключеній. Притомъ, если разсмотрѣть внимательно политическій взоръ правительства, напримѣръ, на воссоединеніе съ православною церковію бывшихъ уніатовъ, взоръ сей оказывается чистымъ и прямымъ, политика сія не въ противорѣчій ни съ церковными правилами, ни съ другими основаніями. Когда все высшее и почти все подчиненное уніатское духовенство, послѣ своихъ внутреннихъ совѣщаній и приготовленій, продолжавшихся нѣсколько лѣтъ, и послѣ того, какъ оно, приготовляя и свои паствы къ воссоединенію, ввело уже въ своихъ церквахъ по древнему православному обычаю устроенные алтари и служеніе литургіи по чину и книгамъ, изданнымъ отъ Святѣйшаго Синода, наконецъ въ своемъ собраніи составило актъ о своей рѣшимости на воссоединеніе съ православною церковію и представило оный правительству: политика правительства, конечно, была довольна дѣломъ столь благопріятнымъ государственному единству, но также была довольна и тѣмъ, что дѣло сіе произошло съ такою церковною правильностію, какая только была когда-либо соблюдена въ подобномъ случаѣ. Еслибы то, что при семь поселяне остались такъ же, какъ прежде, мало-свѣдущими въ христіанскомъ ученіи, почестъ заслуживающею обличенія уступкою истины политикѣ, то подобную вину надлежало бы возложить и на равноапостольнаго князя Владиміра, крестившаго Кіевлянъ, и на самаго апостола Петра, который послѣ одной рѣчи къ Іудеямъ о вѣрѣ Христовой тотчасъ крестилъ 3000 своихъ слушателей, утвердся, конечно, не на недостаточномъ въ нихъ разумѣніи догматовъ, но на простомъ послушаніи вѣры.

Не такая уступка и совѣтъ иная политика требуется для предлагаемаго доставленія священниковъ раскольникамъ. Если

ни приличіе, ни іерархическое достоинство не позволяютъ духовнымъ властямъ входить въ сношеніе съ раскольниками и назначать имъ поповъ, то какая же политика можетъ сіе исполнить, развѣ политика не обращающая вниманіе на приличіе и іерархическое достоинство, которая бы мимо законности взяла у духовныхъ властей священниковъ и отдала ихъ раскольникамъ? Нѣтъ сомнѣнія, что такая политика не въ духѣ благочестиваго правительства російскаго.

XI. Съ первыхъ годовъ текущаго столѣтія, при избыточествующей вѣротерпимости, отпаденія отъ православія вообще умножились, и въ особенности расколы поповщинскій и безпоповщинскій возрасли въ числѣ послѣдователей, моленныхъ и раскольническихъ заведеній. Въ настоящее царствованіе при ограниченіи терпимости справедливостію и предосторожностію, православіе прибрѣло отъ раскола, сколько извѣстно по отчетамъ духовнаго вѣдомства за 11 лѣтъ, 182,328 душъ, а всего во всѣ годы конечно не менѣе 200,000. При предполагаемомъ обезпеченіи раскола священниками безъ сомнѣнія вновь умножатся отпаденія ^(в). И особенно надлежитъ опасаться, что поколеблутся единовѣрцы, недавно примиренные съ православною церковію. Будутъ ли умѣренно дѣйствовать раскольники, уже видно теперь. Предположеніе дать священниковъ раскольникамъ имъ уже извѣстно, но получивъ только надежду на дозволеніе принимать священниковъ, они свой выборъ не съ заштатнаго священника начали и не съ незнатныхъ церквей, но съ московскаго каедральнаго Архангельскаго собора, — саккеларія сего собора они пригласили быть священникомъ у нихъ на кладбищѣ.

(в) Особенно если у раскольниковъ будетъ и литургія, что вѣроятно допустить гражданская власть, имѣя въ своемъ распоряженіи священниковъ, и что возбранять не такъ удобно, какъ возбраняется бѣглымъ священникамъ.

Такимъ образомъ не представляется ни правильнымъ, ни удобнымъ, ни полезнымъ дать раскольникамъ, отъ гражданскаго начальства священниковъ, независимыхъ отъ начальства духовнаго.

Въ настоящее время по свѣдѣніямъ отъ знающихъ положеніе раскольниковъ Рогожскаго кладбища, въ значительномъ числѣ ихъ возникаетъ расположеніе, по смерти остающихся священниковъ, сблизиться съ православною церковію на существующихъ доннынѣ условіяхъ и открывается надежда, что одни образуютъ на самомъ кладбищѣ единовѣрческую церковь, а другіе присоединятся къ общеправославной церкви. Сельскіе раскольники приглашаемые къ соединенію съ церковію, также не разъ отзывались, что ожидаютъ начатія сего отъ Рогожскаго кладбища. Ничто по моему мнѣнію не препятствуетъ правительству продлить свою твердость въ настоящихъ правилахъ его дѣйствованія, въ ожиданіи сего недалекаго предѣла времени и употребить стараніе воспользоваться онымъ.

ЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ ^(а).

Возвращаемся къ вопросу о приличіи въ церковной живописи. Многое, что прекрасно и совершенно прилично какъ произведеніе искусства, — не удобно и не прилично въ церкви. Такъ, не можетъ быть допущено въ церкви произведеніе церковной живописи, несогласное съ канонами и обычаями церкви. Вотъ картина Рафаэля, на которой изображена св. Цецилія: святые на облакахъ поютъ по нотнымъ книгамъ подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ, и св. Цецилія (якобы изобрѣтательница органа) аккомпанируетъ имъ, или лучше уловляетъ звуки небесной гармоніи и передаетъ земному инструменту: — прекрасная картина, пожалуйъ икона для римской церкви, но странно было бы видѣть въ православномъ храмѣ святыхъ, поющихъ по нотамъ съ инструментами, потому что инструментальная музыка не принята нашею церковію. Въ латинскіе храмы собаки входятъ, и это никого не удивляетъ; но православный художникъ, рисуя Рождество Христово съ Корреджіевою картины («Ночь»), удалить съ перваго плана собаку, пришедшую съ пастырями. Ничто, напоминающее суету обыденной жизни съ ея мелочами и шумомъ, не должно входить въ икону: одна какая нибудь черта въ состояніи иногда разрушить въ православномъ благоговѣйное настроеніе. Вотъ наприм. картина Ан. Каррачи: *св. семейство* (иначе *Silence*). Младенецъ только

(а) См. сентябрскую книжку.

что уснулъ, играя на рукахъ у матери; а другой ребенокъ, постарше, будить его, шевеля за ногу. Мать, приложивъ руку ко рту (silence!) говоритъ ему: «не трогай! не буди! сей-часъ уснулъ!» Это жанръ, а не икона ^(б). Вотъ еще картина Джуліо Романо: играютъ два прекрасныхъ мальчика; одинъ обливаетъ другаго водою (креститель); тотъ бросается на грудь къ своей матери, а бабушка припасла теплую пеленку покрыть окаченного малютку. Отецъ, молча, любуется на эти забавы дѣтей. Прекрасная семейная сцена, но не икона! Къ сей часъ указаннымъ подходитъ по сюжету картина Анн. Караччи ^(в), гдѣ маленькій Предтеча показываетъ младенцу Іисусу щегленка. Впрочемъ возвышенная и строгая фигура Матери какъ-то ступовываетъ и заслоняетъ эту неудачную выдумку. Замѣчательно при этомъ, что фигура Богородицы имѣетъ на этой картинѣ точно такой же поворотъ и наклоненіе головы, какъ у насъ на иконахъ: «Неопалимая купина», «Нечаянная радость», «Отрада или утѣшеніе». Значитъ, наши старые иконописцы тоже не пренебрегали изученіемъ натуры, подмѣчали хорошую позу, хорошій жестъ. Подтвержденіемъ этому служитъ икона «Ярославской Б. матери». Для меня это тоже пожалуй жанръ, но прекрасный, возвышенный, строгій. Не смотря на обычные недостатки плохой иконописи сейчасъ замѣтна мысль перваго редактора этой иконы. Младенецъ, какъ будто въ какомъ-то грустномъ раздумьи, съ горячностью прижимается къ своей печальной матери. Эти вѣжныя и тихія ласки, это грустное, задумчивое выраженіе на ликѣ Матери, тревожимой мыслию о будущей судьбѣ младенца, и объ оружіи, которое пройдетъ душу ея, — все это придаетъ обыкновенной семей-

(б) Жанръ — genre — живопись обыденной жизни, житейскихъ мелочей и сценъ.

(в) Кар. Гал. Евр. 1864 № 2-й и № 11-й.

ной сценѣ отпечатокъ величія, тихой, возвышенной скорби. Такъ художникъ можетъ избѣгать обыденности, оставаясь естественнымъ, и не теряя натуральности, быть церковнымъ. Пусть примутъ это во вниманіе тѣ ригористы, которые въ суровости аскетическаго взгляда желали бы изгнать изъ церковнаго искусства все человѣчное. Напримѣръ икону Богородицы «Млекопитательницы» нынче пишутъ такъ, что не поймешь, почему ей дано такое названіе, между тѣмъ свимокъ съ подлинника, приложенный къ описанію Хиландарской Лавры ^(г), гораздо выразительнѣе оправдываетъ подпись, не оскорбляя однако нисколько чувства самыхъ строгихъ пуристовъ. Не хороша вольность, лишняя свобода, но не справедливо и это уже слишкомъ изысканное приличіе, эта фарисейская чистота, трусливое цѣломудріе, которое готово «отъ иконы придти въ соблазнъ». Вотъ что говоритъ на это вышеупомянутый изографъ Іосифъ: «какъ же не страшишься ты, о недостойный, взирать на блаженные лики и соблазнъ помышлять въ сердцѣ своемъ? Истинному и благочестивому христіанину и на самыхъ блудницъ взирая прельщаться не подобаетъ, а не то что на благообразное живописаніе разжигаться! Последняго безстрашія се помышленіе и конечнаго нечестія еже кому отъ иконъ соблазняться! Тѣлесно, а не духовно они такъ помыслили въ своемъ неразумѣніи, злоба ослѣпила ихъ. О таковыхъ великій Павелъ вопіетъ: *ходяй убо по плоти плотская мудрствуетъ, ходяй же о дусь духовная*» ^(д).....

Впрочемъ, откровенно говоря, вышеупомянутыхъ нарушеній церковнаго приличія нечего опасаться отъ нашихъ иконописцевъ. Почему? Потому 1), что они рисуютъ не своего изобрѣтенія иконы, а копируютъ стародавнія компо-

(г) Краткая исторія Славяно-сербс. Хиландарской Лавры. С. Петербургъ 1862.

(д) Рус. Вѣст. 1858, іюль. Кн. 2-я.

зиціи старинныхъ мастеровъ. Эти освященные давностію образцы никого уже не поражаютъ, даже въ такомъ случаѣ, когда они и могли бы показаться иному и не совсѣмъ умѣстными, какъ напримѣръ ангелы, бьющіе сатану молотами по головѣ, на иконѣ «Сошествія во адъ»; потому во 2-хъ, что лица и позы у иконописцевъ лишены почти всякаго выраженія, экспрессіи, типичности и характера. Женщинъ у сельской живописи почти нѣтъ. Нѣтъ ни молодыхъ, ни старыхъ, ни красивыхъ, ни дурныхъ; лицо у всѣхъ совершенно одинаково, лѣта не опредѣленны, есть разница лишь въ одѣяніи. Такимъ образомъ Богоматерь у яслей и у гроба Сына своего рѣшительно одинакова ^(е). Скажутъ: это означаетъ, что Она *Приснодѣва*. Но зачѣмъ же и Анна пророчица (Срѣтеніе) и Елисавета (Цѣлованіе Маріино), и мурносицы (Положеніе во гробъ) всѣ рѣшительно однихъ лѣтъ? Касательно мурносицъ возражаютъ словами пѣсни церковной — *мурносицы дѣвы*. Это выраженіе не собственное, переносное. Между ними числятся Іоанна жена Хузана, и Саломія, мать Іакова и Іоанна Богослова и пр ^(ж). Слѣдовательно выраженіе *дѣвы* намекаетъ скорѣе на то, что эти святые жены составляли вѣчто въ родѣ женской общины въ первенствующей церкви, священный первообразъ позднѣйшихъ женскихъ общинъ, обителей инокинъ.... Здѣсь кстати замѣтимъ: неизвѣстно, на какомъ основаніи принято въ западной живописи изображать Магдалину въ цвѣтущемъ юномъ возрастѣ. Сходнѣе съ обстоятельствами и правдоподобнѣе полагать, что Магдалина и прочія ея *дружини*, были личности, перешедшія уже за черту

(е) Въ Нижегородскомъ ярморочномъ соборѣ, на запрестольной иконѣ «Положеніе во гробъ», Богородица изображена глубокою старушкой. Оно такъ и должно быть, если принять во вниманіе обстоятельства Ея жизни, лѣта Спасителя, и особенности жаркаго климата Іудей.

(ж) Цвѣтная Трїодь, Синаксарь въ нед. Мурносиць.

молодости ^(а). Взгляните, кто у насъ любить молиться, когда уже обѣдня кончилась, слушать благочестивыя и назидательныя бесѣды, хотя бы говорилъ какой-нибудь прохожій, странникъ?— Старушки. Это понятно: когда все земныя чувства и желанія минули, нашли свой законный исходъ, или погасились лѣтами, остается въ душѣ одинъ немолчный голосъ, голосъ о вѣчности, о жизни за гробомъ: *это скорбь по Богу, тоска по небу!* Когда все земное или опротивѣло, или обмануло, когда все земныя радости или прошли, или принесли горечь разочарованія, житейскія тревоги и заботы утомили душу, и замолкъ нестройный шумъ и говоръ потребностей жизни,—этотъ тихій и скорбный гласъ, зовущій къ покаянію и покою, становится явственнѣе и слышнѣе, какъ вздыханія горлицы въ молчаливомъ лѣсу, когда валяются съ него пожелтѣлыя листья... *Кто дастъ ми крыль яко голубинь?...* (Пс. 54, 8) вопрошаетъ душа, утомленная шумомъ и тревоженіями удалившейся жизни и слышитъ въ сердцѣ отвѣтъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися* (т.е. печальные) *и обремененніи...* (Матѣ. 11, 28).

Помянувши нѣсколько разъ выше объ экспрессіи, объ выраженіи, почитаемъ нужнымъ здѣсь остановиться не надолго на этомъ предметѣ. У сельскихъ иконописцевъ низшаго разряда лица и позы на изображеніяхъ не имѣютъ рѣшительно никакого выраженія. Будь изображено радостное событіе, будь печальное, лица одинаково натянуты, положенія фигуры всегда связаны. Разсмотрите базарной работы икону «Положеніе во гробъ». Все присутствующіе однообразно сплеснулись руками, какъ будто говоря: «ахъ Боже мой! Представьте что случилось!» Разсмотрите: «Входъ во Іерусалимъ»,—какъ будто процессія тѣней! Ни апостолы не выражаютъ радости, ни

(а) Удобнѣе, имѣя въ виду и раскольниковъ и Ренанистовъ.

стоящіе во вратахъ фарисеи не показываютъ ни вражды, ни ненависти. Лучшіе представители владимірской иконописи уже придаютъ лицамъ выраженіе, которое удачно характеризовано названіемъ *умилности*. Это выраженіе придаетъ на иконахъ удивительную красоту свѣжимъ юношественнымъ фигурамъ: ангеламъ, мѣроносицамъ, юнымъ мученикамъ; но тутъ опять бѣда: всѣ лица страдаютъ умиленіемъ, — умиляется Иродъ на тронѣ, глядя какъ умильные воины истребляютъ невинныхъ младенцевъ; умильно прободаетъ воинъ ребра Распятаго....

Живописцы страдаютъ (особенно посредственные) противоположнымъ недостаткомъ: они нерѣдко преувеличиваютъ, *пересаливаютъ* выраженіе, впадаютъ въ театральность, въ мелодраматизмъ, въ напыщенность. Гдѣ нужно изобразить негодование, у нихъ выходитъ ярость, гдѣ требуется изумленіе, является ужасъ; вмѣсто скорби полное отчаяніе! Все это еще менѣе соотвѣтствуютъ спокойному величію храма, чѣмъ неподвижныя фигуры иконописанія. Пишущему удалось видѣть въ одной церкви Матерь, стоящую у креста, съ такимъ выраженіемъ усиленной горести, чтобъ не сказать отчаянія, въ лицѣ и жестѣ рукъ, что она какъ будто упрекаетъ небеса....^(и)

(и) Это въ соборѣ извѣстнаго с. Лыскова на Волгѣ. Впрочемъ на замѣчаніе объ этомъ указали пишущему слова прекраснаго канона на повечеріи въ вел. Пятницу: «гдѣ, Сыне мой и Боже, благовѣщеніе древнее, еже ми Гавріилъ глаголаше? Царя ты, Сына и Бога вышняго нарицаше; нынѣ же вижу Тя, Свѣте мой сладкій, нага и уязвена мертвеца! Едину надежду и животь. Владыко, Сыне мой и Боже, во очію свѣтъ раба твоя имѣлъ, нынѣ же лишена быхъ Тебе, сладкое чадо мое и любимое. Не изглаголеси ли рабѣ твоей слова, Слове Божій? Не уцедриши ли, Владыко, Тебе родшую?.. Ни отъ гроба Твоего возстану, чадо мое, ни слезы точащи престану раба Твоя, дондеже и азъ сниду во адъ: не могу бо терпѣти разлученія Твоего, Сыне мой!

Даже языческіе древніе художники поступали въ этомъ случаѣ лучше позднѣйшихъ христіанскихъ живописцевъ. По замѣчаніямъ знатоковъ, на всѣхъ лучшихъ изваяніяхъ древности выраженіе, приличное случаю, всегда растворено олимпійскимъ спокойствіемъ, смягчено миромъ творческаго духа. Даже на такихъ трагическихъ композиціяхъ: какъ Умирающій гладіаторъ, Ніоба съ дочерью, Лаокоонъ, Казнь Дирсеи (Фарнезскій быкъ), художники, создавшіе эти чудеса искусства, щадя нервы зрителя, набросили на лица покровъ мертвеннаго оцѣпененія, тишины смертнаго покоя...

Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ средствахъ, къ которымъ прибѣгаютъ иконописцы, чтобы выразить почтеніе къ изображаемымъ ими личностямъ, отличить ихъ отъ рядовыхъ смертныхъ, и указать зрителю настоящій предметъ поклоненія. Это: подножіе или подушка, умаленіе второстепенныхъ лицъ и вѣнецъ или сіяніе (нимбъ, ореолъ).

Когда извѣстное лицо изображается въ своемъ идеальномъ значеніи, отрѣшенное отъ земной обстановки, то конечно нечего возражать противъ употребленія подушки или подножія. Когда наприм. Спаситель изображается съ Евангеліемъ и благословляющею десницею, одиноко стоящій среди золотого фона на бархатной подушкѣ съ позументами и кистями, или Богородица, сѣдящая на золотомъ престолѣ, съ золотую скамеечкою подъ ногами, — тутъ нѣтъ ничего неумѣстнаго; но коль скоро иконописецъ вводитъ эти аксессуары въ среду несогласной съ ними исторической обстановки какого ни-

Радость мнѣ о Тебѣ николиже прикоснется; свѣтъ мой и радость моя во гробъ зайдетъ: но не оставлю Его единого, здѣсь-же умру и спогребуся Ему!... (Твореніе Симеона Логовѣта). На картинѣ Давіаля Вольтерры *снятіе со креста*, Она въ судорогахъ и въ обморокѣ лежитъ поперекъ картины и занимаетъ весь передній планъ.

будь библейскаго событія, — это производить непріятный диссонансъ. Когда наприм. на иконѣ Благовѣщенія Приснодѣва изображается на тронѣ и съ подножіемъ, или на иконѣ Троицы подъ ногами странниковъ виднѣются золотыя скамейки: это разрушаетъ историческую правду и простоту того быта, среди котораго совершались помянутыя событія. Развѣ притомъ зеленая мурава хуже скамейки, наведенной золотомъ, для того, Кому небо престоль, а земля подножіе ногъ Его? Назаретское событіе еще торжественнѣе при бѣдной обстановкѣ!

Тоже надобно сказать и объ умаленныхъ фигурахъ: напримѣръ по сторонамъ Спасителя изображаются въ умаленіи колѣнопреклоненные Зосима и Савватій, или на иконѣ Троицы Авраамъ и Сарра изображаются карликами, пигмеями.... Подобный пріемъ встрѣчается, правда, въ глубокой древности; наприм. на стѣнахъ египетскихъ храмовъ виднѣются картины такого рода: Фараонъ, стоящій на колесницѣ, пускаетъ въ непріятели стрѣлы, и каждая стрѣла пронзаетъ разомъ по нѣскольку маленькихъ воиновъ.... Минерва Парѣнонская и Юпитеръ Олимпійскій держатъ на ладони маленькихъ викторій (богиня побѣды). Отъ классическаго искусства этотъ мотивъ могъ перейти и въ христіанское. Въ Словарѣ христіанскихъ древностей Мартиньи можно видѣть нѣсколько снимковъ съ древнихъ саркофаговъ, гдѣ повторяется этотъ пріемъ; наприм. на картинахъ: «Просьба хананейки, исцѣленіе двухъ слѣпцовъ, исцѣленіе расслабленнаго» — хананейка, слѣпцы, расслабленный изображены въ миниатюрномъ видѣ. Не смотря на такую почтенную древность — эта манера все таки не естественна и подражать ей не видится нужды. Вѣдь духовное величіе не опредѣляется вершками и аршинами. Если принять этотъ методъ за всеобщій для церковнаго искусства, то на иконѣ Введенія во храмъ придется написать первосвящен-

ника меньше вводимой Отроковицы, или на изображеніи битвы Давида съ Голіаеомъ, — Голіаеа карликомъ, а Давида великаномъ.

Свѣтовое украшеніе, котораго разные виды называются вѣнцомъ, сіяніемъ, ореоломъ, нимбомъ, въ иконописи имѣеть разные формы.

1) Когда Господь Саваоѣ или Спаситель изображается сѣдящимъ на облакахъ, то сіяніе простирается во всѣ стороны отъ фигуры по красноватому фону золотыми волнистыми линиями. Это украшеніе должно производить ослѣпительный эффектъ, еслибы воспроизвести его блестящею мозаикой, на большой плоскости и на значительномъ отдаленіи, напр. въ куполѣ или въ глубинѣ алтаря. Это какъ будто наглядное изображеніе колебаній ээира, производящихъ свѣтовыя волны. Эти волны золота напоминаютъ собою молніи Синая и пламень Хорива. «Приклони небеса и сниде, и мракъ подъ ногама Его... и летѣ, летѣ на крилу вѣтрению. Отъ облистанія предѣ Нимъ облацы проидоша: градъ и угліе огненное. И възгремѣ съ небесе Господь и Вышній даде гласъ Свой. Ниспосла стрѣлы и разгна я, и молніи умножи и смяте я (Пс. 17, 10—15.) Богъ славы възгремѣ, Господь на водахъ многихъ. Гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господень въ великолѣпіи, гласъ Господа сокрушающаго кедры, и стрыетъ Господь кедры ливанскіе и истыитъ я... (Пс. 28, 3—6.).

2) На иконахъ Воскресенія, Преображенія и Вознесенія Господня, а также на иконѣ Богородицы «Всѣхъ скорбящихъ радости», сіяніе изображается тоже кругомъ всего лика, но имѣеть ясно ограниченную форму овала, или заостренной арки (огивы). На иконѣ Преображенія внизъ исходятъ еще три коническихъ луча.

3) Сіяніе вокругъ главы Господа Саваоѣ имѣеть видъ треугольника (большею частію у живописцевъ), или осьми-

конечной звѣзды (около Духа Святаго тоже), а у всѣхъ прочихъ священныхъ изображеній видъ золотого круга или щита. Этотъ кругъ дѣлается или весь сплошной-свѣтлый, или только край его обводится золотою, либо какой-нибудь цвѣтною полоской, или въ видѣ разсыпающихся золотыхъ лучей, или наконецъ въ видѣ сплошнаго свѣтоваго круга болѣе тусклаго къ краямъ, — какъ обыкновенно дѣлается у живописцевъ.

4) На иконахъ, писанныхъ съ западныхъ образцовъ, или на подобіе ихъ, — или вовсе нѣтъ сіянія, или есть вмѣсто него продолговатый кругъ надъ головою, намѣченный легкою чертою, въ видѣ лежачей буквы: о.

5) Сіяніе надъ головою Моисея живописцы дѣлають въ видѣ двухъ лучей или сноповъ свѣта, идущихъ отъ темени. Вѣнецъ Спасителя и въ восточной и въ западной живописи раздѣляется пересѣченіемъ лучей, идущихъ отъ темени и ушей, и напоминаетъ крестъ, стоящій какъ будто за головою изображенія. На этихъ линіяхъ, изображающихъ страданія и униженіе, обыкновенно дѣлается надпись *ὁ ὢν, σὺν* — исповѣдующая присносущную славу Того, кто *вмѣсто предлежащія Ему радости крестъ претерпѣлъ о срамотѣ не радивъ, одесную же престола Божія сяди* (Евр. 12, 2.).

Древне-христіанское искусство не употребляло нимба, за немногими исключеніями, о которыхъ сказано будетъ ниже, до тѣхъ поръ пока христіанство не восторжествовало надъ язычествомъ ⁽¹⁾. И это не единственный примѣръ молчалива-

1) Обычай украшать головы боговъ и героевъ лучами вѣроятно произошелъ сначала на востокѣ, гдѣ издавна укоренилось поклоненіе свѣтиламъ (сабензмъ), и цари именуются сынами небесъ, братьями солнца и луны и т. д. На картинѣ Каульбаха «Стѣлпотвореніе вавилонское» видны кумиры, отъ явленія Бога падающіе съ своихъ пьедесталовъ: около головъ у нихъ грубо изваяны вѣнецъ изъ лучей. Надъ головою Горуса и другихъ египетскихъ божествъ виднѣется дискъ, символъ свѣта, вѣчности,

го протеста возникающей религіи къ отживающему суевѣрію и дряхлой гражданственности. И сами христіане до тѣхъ поръ не носили на головѣ цвѣточныхъ вѣнковъ, пока это былъ языческій обычай; они не хотѣли и въ этомъ уподобляться врагамъ своимъ: носили вѣнки вмѣсто ожерелья на шеѣ ^(к). Убирать мертвыхъ цвѣтами они тоже не хотѣли до тѣхъ поръ, пока это обыкновеніе могло уподоблять ихъ язычникамъ ^(л). Изнѣженные щеголи временъ Имперіи носили длинные, вьющіеся, надушенные, пудренные волосы *more Graecorum*, по греческой модѣ: христіане носили коротко остриженные волосы, какъ современники Цинцинната, когда Римъ былъ великъ добродѣтелями и простотою нравовъ ^(м).

божественности. Греко-римское искусство тоже украшало лучами лики боговъ, откуда выраженіе *radiatum caput*.

(к) Объ этомъ говоритъ Минуцій Феликсъ въ своемъ апологетическомъ сочиненіи «Октавій». Кстати замѣтимъ: на иконѣ 40 мучениковъ Севастійскихъ обыкновенно изображаются въ воздухѣ вѣнцы *золотые*, въ родѣ царской или княжеской короны. это украшеніе мало извѣстно было древнему греко-римскому міру. Консулы, триумфаторы и пр. носили лавровый вѣнокъ; на пирахъ надѣвались вѣнки изъ миртъ и розъ и т. д. На изображеніи св. мучениковъ Абдона и Сеннека (въ словарѣ Мартиньи на 1-й страницѣ), Спаситель возлагаетъ на головы ихъ цвѣточные вѣнки. По свидѣтельству Георгія Кедрина, Константинъ Великій первый изъ цезарей началъ носить корону, въ родѣ нынѣшней царской, убранную драгоценными камнями, подражая въ этомъ царю Давиду. Принимая все это во вниманіе, кажется, сообразнѣе съ обстоятельствами и временемъ событія писать надъ Севастійскими страдальцами побѣдные вѣнцы изъ лавровъ, или радостные вѣнки изъ розъ, или вѣчные изъ иммортелей. «Вѣнцы нетлѣнными *увязостесь*»,— самое слово показываетъ, какіе вѣнцы употреблялись въ древности.

(л) Живоп. Обоз. Т. IV, кладбище въ Вирфинѣ.

(м) Вотъ отъ чего на иконахъ мучениковъ, даже и такихъ, которые не принадлежали къ воинскому званію, у иконописцевъ мы видимъ почти постоянно коротко подстриженные волосы.

Даже землекопы, проводившіе подземныя галлерей катакомбъ (fossore), наткнувшись на языческую могилу (columbarium), закладывали отверстіе корридора и вели мину въ другую сторону. Когда христіанство побѣдило и нечего было бояться сходства съ язычниками, вошли въ употребленіе и цвѣты, и длинныя волосы, и многое другое. Тогда же стали украшать священныя изображенія лучами и нимбомъ.

Впрочемъ въ первоначальномъ употребленіи нимбъ не составлялъ исключительной принадлежности святыхъ. Все достойное почтенія, возвышенное, знаменитое, отличалось нимбомъ. И поэтому нимбъ можно видѣть не только на святыхъ, но и на символическихъ животныхъ, изображающихъ четырехъ евангелистовъ, и на фениксъ (символь воскресенія), и на Юстиніанъ, и на императрицъ Теодоръ, и даже на Иродъ; нимбомъ украшены фигуры Траяна на барельефахъ триумфальной арки Константина, Антонинъ-Благочестивый — на медаляхъ, олицетворенія городовъ (напримѣръ Гаваонъ — въ сборникъ общества древне-русскаго искусства), провинцій, добродѣтелей. Только нимбъ несвятыхъ, по большей части, чѣмъ нибудь отличался отъ нимба святыхъ: либо дѣлался некруглый, а четверугольный, либо вмѣсто желтаго имѣлъ цвѣтъ красный, голубой и т. д.

Василій Великій носилъ тоже коротко подстриженные волосы (см. Сказанія о внѣшнемъ видѣ св. мужей и женъ, арх. Порфирія въ журн. Труды кievской д. академіи 1867 г. январь). Благодарность поэтому тѣмъ смиреннымъ труженникамъ, которые, немудруствуя лукаво, буквально копируютъ старыя образцы. Они и сами не подозрѣваютъ, что ихъ работы въ иномъ случаѣ ближе къ археологической и исторической правдѣ, чѣмъ произведенія кисти, можетъ быть болѣе искусной, но и болѣе самонадѣянной и вольной. Скалы на иконѣ Троицы, атріумъ на иконѣ Благовѣщенія, хоры (гинекей) на иконѣ Покрова и т. п., все это подтверждается изученіемъ мѣстности, времени и обычаевъ, современныхъ данному историческому событію.

Употребленіе сіянія не обусловливалось, повидимому, никакими опредѣленными правилами. Лики Спасителя и Богородицы являются въ этомъ украшеніи, хотя очень рѣдко, уже въ половинѣ третьяго вѣка. Но въ церкви Констанцы, построенной по повелѣнію Константина, Господь и апостолы изображены безъ сіянія. Въ церкви св. Агаѳи въ Равеннѣ (около 400 г.) Спаситель въ вѣнцѣ съ крестообразнымъ раздѣленіемъ, но безъ надписей. Въ церквахъ Маріи Великой (433), Назарія и Кельсія въ Равеннѣ (440) — Христосъ и апостолы въ вѣнцахъ; въ церкви св. Агаѳи въ Римѣ (472) Господь въ вѣнцѣ, апостолы безъ вѣнцовъ; въ церкви Косьмы и Даміана (530) Агнецъ безъ вѣнца, ангелы въ вѣнцахъ, а въ другомъ мѣстѣ той же церкви ангелы и апостолы въ вѣнцахъ, Косьма и Даміанъ — безъ нимба. Въ церкви св. Андрея въ Римѣ (643) Христосъ въ крестообразномъ вѣнцѣ, апостолы безъ сіянія и т. д.

Соображая все вышесказанное о нимбѣ, читатель вѣроятно придетъ къ тѣмъ же заключеніямъ, на основаніи историческихъ данныхъ, къ какимъ приходимъ мы:

1) Вѣнецъ не есть необходимая принадлежность иконы святаго. Можно поклоняться лику и неокруженному сіяніемъ, коль скоро мы знаемъ кто изображенъ (отсюда, между прочимъ, необходимость надписей).

2) Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ лишать безъ нужды лики святыхъ того отличительнаго украшенія, которымъ церковь привыкла издавна отличать ихъ отъ обыкновенныхъ людей.

3) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда на иконѣ встрѣчаются святые, такъ сказать, нѣсколькихъ разрядовъ или степеней, можно дѣлать между ними различіе посредствомъ разницы вѣнцовъ. Напримѣръ, на иконахъ Усненія, Тайной Вечери, Положенія во гробъ — можно главу Спасителя и Богородицы окружить золотымъ сіяніемъ, а главы апостоловъ только зо-

лотою полоскою въ видѣ круга, а ангеловъ отличить италіянскимъ дискомъ. На иконѣ Введенія Богородицы во храмъ, главу Богородицы окружите лучами, главы Іоакима и Анны золотыми кругами, главу первосвященника — золотою полоской. Такое употребленіе вѣнца можно разнообразить до безконечности.

4) На иконахъ многоличныхъ, напримѣръ, Боголюбской Богородицы или Входа въ Іерусалимъ и т. п., вѣнцы переднихъ фигуръ заслоняютъ лица заднихъ, или позволяютъ видѣть на нихъ только носъ, темя и пр. Для избѣжанія этого неудобства въ такихъ иконахъ лучше употреблять или круговую полоску или эллиптическій дискъ, носящійся надъ главою фигуры.

Свящ. В. Владимірскій.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ ВУДЕТЬ.)

О ТЩЕСЛАВІИ.

СЛОВО ПОКОЙНАГО АѦНАСІЯ, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО

(1-го сентавря 1834 года).

Не бываемъ тщеславни (Гал. 5, 26).

Не вужно объяснять вамъ, слушатели, что запрещаетъ намъ сія заповѣдь апостольская; ибо очень ясно, что она запрещаетъ намъ тщеславіе. Заповѣдь апостольская, какъ заповѣдь Божія, не можетъ запрещать намъ ничего добраго и полезнаго, а можетъ запрещать одно только худое и вредное; а посему, если она запрещаетъ намъ тщеславіе, то, конечно, потому, что оно есть дѣло худое и вредное, дѣло гнусное и пагубное.

Но между тѣмъ какъ мы любимъ тщеславиться, и какихъ не употребляемъ средствъ и усилій къ тому, чтобы всѣ насъ хвалили и прославляли! Хвала и слава для многихъ изъ насъ суть идола, для коихъ все дѣлается и всѣмъ жертвуется.

Ахъ! сколько есть людей, которые оставляютъ самыя богоугодныя и самыя благодѣтельныя предпріятія единственно изъ опасенія подвергнуться за нихъ человѣческой хулѣ и осужденію, и сколько, напротивъ, такихъ душъ, которыя готовы отважиться на самыя постыдныя и пагубныя дѣла, лишь бы получить похвалу и прославиться! Сколько, можетъ быть, есть и въ семъ святомъ храмѣ людей благочестивыхъ, которые отъ всего сердца и отъ всей души желали

бы пасть ницъ предъ престоломъ Всевышняго и со слезами умолять Его о помилованіи, но которые удерживаются отъ сего единственно опасеніемъ прослыть у людей суевѣрными, святошами и ханжами! И сколько, напротивъ, можетъ быть, есть и такихъ, которые совсѣмъ бы не хотѣли быть здѣсь, но не рѣшились сдѣлать сего только потому, чтобы не прослыть нечестивцами и безбожниками, или даже людьми неловкими, незнающими приличія и неумѣющими жить въ свѣтѣ по принятымъ въ ономъ правиламъ и обычаямъ! Отъ чего же, слушатели, такъ любимъ мы тщеславіе, когда оно, какъ запрещаемое заповѣдію апостольскою, должно быть и гнусно, и вредно для насъ? Очевидно отчего. Оттого, что не знаемъ ни того, сколь оно гнусно, ни того, сколь оно вредно; ибо еслибы знали это, то непременно и отвращались бы отъ онаго, какъ гнуснаго, подобно какъ отвращаемся, на примѣръ, отъ гадовъ, которые кажутся намъ гнусными, и остерегались бы онаго, какъ вреднаго, подобно какъ остерегаемся, на примѣръ, яда, котораго вредъ намъ извѣстенъ.

А посему, дабы видѣть намъ совершенную необходимость хранить себя, по апостольской заповѣди, чистыми отъ тщеславія, какъ дѣла гнуснаго и вреднаго, покажемъ гнусность и вредъ онаго.

1. Чтобы увидѣть намъ, слушатели, сколь гнусно тщеславіе, и вполне почувствовать должное къ оному омерзеніе, стоитъ только изслѣдовать причины, отъ коихъ оно происходитъ, разсмотрѣть цѣль, къ коей оно стремится, вникнуть въ побужденіе, по коему оно стремится къ цѣли, и, наконецъ, посмотрѣть на средства, кои оно употребляетъ для достиженія цѣли.

Вопервыхъ тщеславіе гнусно и возбуждаетъ омерзеніе по причинамъ, отъ коихъ происходитъ. Сколь бы кто ни ста-

рался вывести происхожденіе тщеславія отъ чего-нибудь, такъ сказать, благороднаго, всё его старанія останутся тщетными. Не отъ чего другаго нельзя произвести онаго лучше, яснѣе и убѣдительнѣе, какъ отъ недостатка въ человѣкѣ истинной мудрости и истинной добродѣтели. Сей недостатокъ въ человѣкѣ есть истинная причина тщеславія его. Истинно мудрый знаетъ всю суетность и вею ничтожность славы человѣческой. Онъ знаетъ, что всякая слава человѣческая дѣйствительно, какъ свидѣтельствуешь и слово Божіе, не долговѣчнѣе цвѣтка на травѣ, что она послѣ совершенія славныхъ дѣяній, не болѣе продолжается, какъ цвѣтъ, послѣ изсохновенія травы (1 Петр. 1, 24), и что когда мы умремъ, то она не сойдетъ съ нами въ могилу. А потому, если онъ ищетъ славы, то не у людей, а у единаго Бога (Іоан. 5, 44). И исканіе сей славы составляетъ существенное и отличительное свойство его мудрости. Притомъ истинно мудрый и вмѣстѣ добродѣтельный человѣкъ знаетъ, что всё наши добродѣтели, сколь бы святы и богоугодны сами по себѣ ни были, и наши дѣла милосердія, наши упражненія въ благочестіи, наши подвиги воздержанія не имѣютъ въ очахъ Божіихъ никакой цѣны и не заслуживаютъ никакой награды, когда дѣлаются не во славу Божію, а для снисканія славы человѣческой (Матѣ. 6, 1—18). А потому онъ, что ни дѣлаетъ, ѣстъ ли, пьетъ ли (1 Кор. 10, 31), говоритъ ли, служитъ ли (1 Петр. 4, 11), все дѣлаетъ единственно во славу Божію, дабы во всемъ славился Богъ. Если онъ и не скрываетъ иногда отъ взоровъ человѣческихъ своей добродѣтельной жизни и своихъ добрыхъ дѣлъ, то единственно для того, чтобы люди, видя его добродѣтельную жизнь и добрыя дѣла, прославляли Бога, Которому онъ служитъ и по закону Котораго живетъ и дѣйствуетъ (Матѣ. 5, 16. 1 Петр. 2, 12). Если онъ иногда и хвалится, то не собою, а Богомъ

(1 Кор. 1, 31). Если дорожить похвалою, то не человѣческою, а единственно Божіею (1 Кор. 4, 3—5). И таковое его исканіе славы отъ людей не себѣ, а единому Богу, а себѣ славы не отъ людей, а отъ единого Бога, составляетъ существенное и отличительное свойство его добродѣтели.

Если же такъ, если истинно мудрый и добродѣтельный ищетъ себѣ славы не у людей, а у единого Бога, и если, когда ищетъ славы у людей, ищетъ не себѣ, а единому Богу: то судите теперь сами, слушатели, можно ли отъ чего другаго производить тщеславіе, ищущее во всемъ себѣ единственно славы человѣческой, какъ не отъ недостатка истинной мудрости и истинной добродѣтели? И такъ что же теперь будетъ оно значить въ человѣкѣ? Оно есть всенародное провозглашеніе наше о себѣ, что въ насъ нѣтъ ни истинной мудрости, ни истинной добродѣтели. Оно есть открытая для всѣхъ вывѣска, что у насъ и голова пуста и сердце праздно. Видите ли, слушатели, какому сраму подвергаетъ насъ тщеславіе наше, будучи разсматриваемо въ своихъ причинахъ? Возненавидимъ убо оное, какъ порожденіе глупости и безнравственности.

Во вторыхъ, тщеславіе гнусно и возбуждаетъ омерзеніе по цѣли, къ коей стремится. Тщеславіе, повидимому, ищетъ невиннаго удовольствія, которое мы чувствуемъ отъ добраго о насъ мнѣнія другихъ: но сіе невинное удовольствіе есть только предлогъ, только личина, только покрывало. Истинная же и единственная цѣль, къ коей стремится тщеславіе, есть та, чтобъ казаться не такимъ, каковъ есмь, а такимъ какимъ желаю казаться, и какимъ желаютъ мнѣ быть, — дабы добро, котораго во мнѣ нѣтъ, замѣнить добрымъ о мнѣ мнѣніемъ другихъ, — кратко, чтобъ обманывать другихъ, и посредствомъ сего обмана пользоваться въ обществѣ правами и преи-

муществами, принадлежащими единственно мудрости и добродѣтели.

Такимъ образомъ тщеславіе, разсматриваемое въ отношеніи къ цѣли, къ коей оно стремится, есть явный признакъ того, что зараженные имъ—пронрыливые и на все готовые лицемѣры; есть неопровержимое доказательство противу нихъ, что они всесвѣтные обманщики; есть явная улика на нихъ, что они безсовѣстные хищники вовсе имъ непринужденнаго. — Видите ли, слушатели, какому опять сраму подвергаетъ насъ тщеславіе, будучи разсматриваемо въ отношеніи къ цѣли, къ коей оно стремится.— Возненавидимъ убо оно, какъ покровъ гнуснаго лицемѣрія, обмана и хищничества.

Въ третьихъ, въ тщеславіи гнусно и возбуждаетъ омерзенеіе *побужденіе*, по коему оно стремится къ цѣли. Побужденіемъ къ тщеславію служить или одна только гордость не терпящая никого, не только высшаго себя, но и равнаго себѣ, или одна только зависть, желающая быть ежели не выше, то по крайней мѣрѣ не ниже всѣхъ другихъ. Но гордость неразлучна съ презрѣніемъ, а зависть съ ненавистію и зложелательствомъ. А посему тщеславиться предъ другимъ значитъ или то же, что говорить ему, что онъ ничего не стоитъ передъ нами и что мы его въ душѣ своей презираемъ, или то же, что объявлять ему, что мы его въ сердцѣ своемъ ненавидимъ и терпѣть не можемъ, кратко: значитъ давать знать о себѣ, что мы или несносные гордецы, не терпящіе себѣ равныхъ и себя высшихъ, или низкіе завистники, никому добра нежелающіе. Видите, слушатели, какъ гнусно тщеславіе и какому сраму оно опять подвергаетъ насъ, будучи разсматриваемо по своему побужденію.— Возненавидимъ убо оно, какъ видоизмѣненіе или гордости, а слѣдовательно и презрѣнія къ другимъ, или зависти, а слѣдовательно и ненависти и зложелательства къ другимъ.

Въ четвертыхъ наконецъ, тщеславіе гнусно и возбуждаетъ отвращеніе и *по средствамъ*, кои оно употребляетъ для достиженія своей цѣли. И вотъ здѣсь-то наипаче открывается, слушатели, вся гнушность тщеславія. Тщеславный тщеславится *во первыхъ* всѣмъ, ничего не исключая, отъ самаго важнаго до самаго ничтожнаго, всѣмъ, отъ своей души до своего тѣла, отъ своей головы, до своихъ ногъ, отъ самого себя до всего ему принадлежащаго, отъ всего ему принадлежащаго до всего, какимъ ни есть образомъ его касающагося и къ нему относящагося, тщеславится даже и чужимъ, неимѣющимъ къ нему никакого отношенія. Онъ тщеславится и способностями своего ума, своею острою, своимъ глубокомысліемъ, своею проицательностію, быстротою и обширностію соображенія, обширностію и твердостію памяти, живостію и пылкію воображенія, твердостію и рѣшимостію воли, вѣжностію и чувствительностію сердца, красотою и изящствомъ языка, пріятностію голоса, правильностію произношенія, ловкію тѣлодвиженій, гибкію и стройностію стана, красотою лица, мѣрностію походки, цвѣтомъ и прическою волосъ, одеждою, обувью, деньгами, имуществомъ, связями, знакомствами и даже всѣмъ чужимъ добромъ, давая намекъ, какъ-бы оно ему принадлежало, или покрайней мѣрѣ, онъ имѣлъ или имѣетъ важное вліяніе на оное. Онъ тщеславится, *во вторыхъ* всѣмъ безъ всякаго разбора, подлинно ли то, чѣмъ онъ тщеславится, достойно само въ себѣ похвалы и славы, или нѣтъ; ибо хочетъ только того, чтобы другіе хвалили его и удивлялись ему за что бы то ни было. А потому, судя по качеству тѣхъ, у коихъ онъ ищетъ себѣ похвалы и славы, онъ нерѣдко тщеславится даже и своимъ невѣжествомъ и своими пороками, тщеславится тѣмъ, чего должно стыдиться. Ахъ, слушатели, не случилось ли неоднократно слышать каждому изъ насъ собственными своими

ушами, какъ иные съ явнымъ тщеславіемъ рассказываютъ о себѣ такія дѣла, что, слушая ихъ невольно вспомнишь слова св. апостола Павла, сказанныя о людяхъ подобнаго рода: *слава въ студию ихъ?* Что же все сіе открываетъ въ человѣкѣ тщеславномъ? Человѣка, или самаго мелочнаго и пустаго, или совершенно безхарактернаго и безнравственнаго.—Такимъ образомъ тщеславіе по средствамъ, кои оно употребляетъ для достиженія цѣли, есть, такъ сказать, выставка самыхъ ничтожныхъ умственныхъ и нравственныхъ мелочей. Видите, слушатели, сколь гнусно и какому сраму подвергаетъ насъ тщеславіе, будучи разсматриваемо по средствамъ, кои оно употребляетъ для достиженія своей цѣли? Возненавидимъ убо оное, какъ клеймо крайней пустоты и совершенной безнравственности!

Представьте теперь, слушатели, въ умѣ своемъ, всю гнусность тщеславія, и вы устыдитесь, что имѣли несчастіе предаваться оному. Вы увидите, что въ немъ есть и гнусность глупости, и гнусность разврата, и гнусность лицемѣрія, и гнусность обмана, и гнусность хищенія, и гнусность презрѣнія, и гнусность ненависти и недоброжелательства, и гнусность совершенной пустоты, и гнусность совершенной безнравственности.

2) Но обозримъ, слушатели, и вредныя для тщеславнаго слѣдствія тщеславія.

Вредныя послѣдствія тщеславія могутъ быть разсматриваемы со стороны самого *тщеславнаго*, со стороны *Бога* и со стороны *другихъ*.

Вредныя послѣдствія тщеславія въ самомъ тщеславномъ состоятъ въ томъ, что онъ, предавшись тщеславію не только не дѣлается лучше ни по уму, ни по сердцу, но еще дѣлается непрестанно хуже какъ по уму, такъ и по сердцу.

Онъ не дѣлается лучшимъ ни по уму, ни по сердцу.

Ибо предавшись тщеславію, онъ нисколько не заботится ни о просвѣщеніи ума истинною мудростію, ни объ украшеніи сердца истинными добродѣтелями, а все его занятіе состоитъ въ томъ, чтобы только казаться умнымъ и добродѣтельнымъ; и какъ истинная мудрость состоитъ въ исканіи славы единственно Божіей, а не человѣческой, и истинная добродѣтель состоитъ въ дѣланіи всего добраго во славу не свою, а Божію: то очевидно, что успѣхи въ истинной мудрости и истинной добродѣтели совершенно несомвѣстны съ привычкою къ тщеславію.

Онъ дѣлается непрестанно худшимъ какъ по уму, такъ и по сердцу. Ибо свойства тщеславія таковы, что человѣкъ, предавшись оному, дѣлаетъ для своей славы не только то, что само въ себѣ достославно и достохвально, но и то, что само въ себѣ совершенно постыдно и достойно всякаго осужденія. И потому, чтобы казаться мудрымъ въ глазахъ буйнаго міра, онъ оставляетъ и остальную, какую имѣлъ, истинную, но осмѣиваемую міромъ, мудрость и чтобы казаться добродѣтельнымъ въ глазахъ во злѣ лежащаго міра, онъ готовъ оставить и остальную, какую имѣлъ, истинную, но осуждаемую міромъ, добродѣтель.

Вредныя послѣдствія тщеславія состоятъ еще въ томъ, что тщеславный весьма много имѣетъ къ своему осужденію на судѣ Божіемъ, и ничего къ своему оправданію.

Онъ весьма многое имѣетъ къ своему осужденію на судѣ Божіемъ. Ибо вмѣстѣ съ тщеславіемъ онъ весьма многіе имѣетъ пороки, которые, по самому свойству тщеславія, остаются безъ исправленія и тѣмъ тягчае и неизвинительнѣе, что допускаемы были не по немощи, или невѣдѣнію, но единственно для того, чтобы снискать похвалу отъ людей, называющихъ свѣтъ тьмою, а тьму свѣтомъ, добро зломъ, а зло добромъ.

Онъ ничего не имѣетъ для своего оправданія на судѣ

Божіемъ. Ибо если онъ и дѣлаетъ какія добродѣтели, то дѣлаетъ изъ тщеславія, а дѣлая изъ тщеславія, лишается, по неложному ученію Спасителя, всей награды за оныя отъ Бога, какъ получившій оную славою отъ людей. Такъ, милостыня есть весьма богоугодное дѣло, когда она подается изъ чистой любви къ ближнему. Но она не имѣетъ никакой цѣны въ очахъ Отца небеснаго, когда она подается не изъ любви къ ближнему, а единственно изъ тщеславія. *Егда твориши милостыню,* говоритъ Спаситель, *не воструби предъ собою, якоже лицемеръ творитъ въ сонмищахъ и въ стогнахъ, яко да прославятъ отъ чловѣкъ: аминь глаголю вамъ, воспріемлютъ мзду свою* (Матѣ. 6, 2). Молитва также есть весьма богоугодное дѣло, когда она есть плодъ душевнаго желанія бесѣдовать съ Богомъ; но и она также не имѣетъ никакой цѣны предъ Богомъ, когда совершается единственно изъ тщеславія. *Егда молишися,* говоритъ опять Спаситель, *не буди, якоже лицемеръ, яко любятъ въ сонмищахъ и въ стогнахъ путій стояще молитися, яко да явятся чловѣкомъ: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою* (Матѣ. 6, 5). Также постъ есть весьма богоугодное дѣло, когда содержится какъ необходимое средство къ умерщвленію плоти съ ея страстями и похотями. Но и онъ также не имѣетъ никакой цѣны предъ очами Отца небеснаго, когда содержится только изъ тщеславія. *Егда поститесь,* говоритъ также Спаситель, *не будите, якоже лицемеръ, стѣнующе: помрачаютъ бо лица своя, яко да явятся чловѣкомъ постящися: аминь глаголю вамъ, яко воспріемлютъ мзду свою.* (Матѣ. 6, 16). Что говоритъ Спаситель о милостынѣ, о молитвѣ и о постѣ, тоже, конечно, должно разумѣть и о всѣхъ другихъ добродѣтеляхъ, дѣлаемыхъ изъ тщеславія.

Наконецъ вредныя послѣдствія тщеславія со стороны лю-

дей состоятъ въ томъ, что тщеславный лишается у нихъ и того добраго мнѣнія, которое они имѣли о немъ, пока не обнаружилъ предъ ними тщеславія.

Пока люди, видя наши совершенства и добрыя дѣла, не примѣчаютъ въ насъ тщеславія, дотолѣ они или уважаютъ насъ, если они добрые, или завидуютъ намъ, если они недобрые, но никогда не презираютъ. Но какъ скоро примѣтятъ въ насъ тщеславіе, ихъ мнѣніе о насъ и ихъ расположеніе къ намъ тотчасъ переменяются. Тогда люди умные и добрые сожалеютъ о насъ и осуждаютъ, какъ людей легкомысленныхъ и суетныхъ, а люди глупые и злые, презираютъ насъ, какъ негодаевъ, и смѣются надъ нами, какъ надъ глупцами.

Вотъ сколь вредны, слушатели, послѣдствія тщеславія! Сдѣлавшись жертвою тщеславія, человекъ самъ въ себѣ не только не дѣлается лучшимъ, но еще непрестанно дѣлается худшимъ; предъ судомъ Божиимъ весьма многое имѣетъ къ своему осужденію, и ничего къ своему оправданію, а въ людяхъ теряетъ и доброе о себѣ мнѣніе, которое они имѣли о немъ прежде.

Будемъ, слушатели, какъ можно чаще помышлять о семъ вредѣ тщеславія и какъ можно чаще представлять себѣ гнусность онаго. Тогда не будемъ мы такъ любить тщеславиться, какъ любимъ теперь. Тогда мы будемъ отвращаться тщеславія, какъ порока весьма гнуснаго, и остерегаться онаго, какъ весьма вреднаго. Не будемъ дорожить суетными похвалами человѣческими и не будемъ искать суетной славы человѣческой, но будемъ дорожить единственно похвалою Божіею и искать славы отъ единаго Бога, а для сего все будемъ дѣлать во славу Божію, ибо прославляя Бога, мы и сами, по неложному обѣтованію Его, будемъ прославлены. *Азъ, говоритъ Онъ, прославляющія Мя прославлю. — Аминь.*

АРХИМАНДРИТЪ МИТРОФАНЪ,

НАСТОЯТЕЛЬ МОСКОВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.

Покойный отецъ архимандритъ Митрофанъ, началъ было (въ апрѣлѣ 1846 г.) составлять, на латинскомъ языкѣ, подробныя записки о собственной жизни. Не для другихъ, а единственно для того, чтобы *познать себя*, онъ предпринялъ этотъ трудъ; но, къ сожалѣнію, простеръ его не далѣе сѣдмаго года своего возраста. Кромѣ того, онъ пытался кратко въ стихахъ изобразить нѣкоторыя черты своей жизни. Этотъ очеркъ доведенъ до 1839 года, но съ опущеніемъ дѣтства и школьной жизни о. Митрофана. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщенъ былъ его некрологъ, заимствованный послѣ «Губернскими» (1851 г., № 4, стр. 39—42). Предлагаемыя нами свѣдѣнія объ архимандритѣ Митрофанѣ почерпнуты, сверхъ указанныхъ источниковъ, изъ официальныхъ и многихъ другихъ бумагъ, оставшихся по его смерти, также изъ достовѣрныхъ разсказовъ о немъ.

Въ селѣ Ивановскомъ, находящемся въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи, въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія былъ священникъ Герасимъ Ивановичъ. Того же села дьячекъ Лаврентій Герасимовъ, сынъ священника, жилъ съ родителемъ въ одномъ домѣ. Жена его Екатерина Никитична отличалась не одною наружною красотой, но также тихостью нрава и добротой сердца. У нихъ родился, въ 1791 году ноября 2-го, сынъ Михаилъ, такъ названный въ честь св. архистратига Михаила, празднуемаго церковію 8-го числа ноября; въ этотъ день и совершилось надъ младенцемъ таинство

крещенія. Старшій братъ его — Петръ впоследствии былъ священникомъ въ селѣ Огниковѣ, Звенигородскаго уѣзда; младшая сестра Пелагея, слабая и болѣзненная, скончалась въ отроческомъ возрастѣ. Михаилъ въ дѣтствѣ тоже былъ болѣзненнымъ, — почти три года страдалъ разслабленіемъ и не могъ ходить. Съ цѣлью укрѣпить его ножки, мать, по совѣту какой-то крестьянки, посадила его подъ квашню, потомъ и забыла про него; тогда только вспомнила, когда другіе спросили о немъ. Бѣдный ребенокъ началъ уже задыхаться, и мать вынула его изъ-подъ квашни — полуживаго ^(а)!

Тѣмъ, что онъ былъ долгое время *сиднемъ*, ему, какъ онъ самъ объяснялъ въ своихъ запискахъ, какъ будто предъизображалась жизнь сидячая, уединенная, т. е. монашеская, какую онъ и проводилъ послѣ. На четвертомъ году отъ рожденія Михаилъ лишился своей матери (умерла отъ родовъ), и его взялъ къ себѣ на воспитаніе дѣдъ по матери Никита Гавриловичъ, священникъ села Покровскаго — въ Дмитровскомъ уѣздѣ. И дѣдъ, и бабка Юліанія нѣжно любили своего внука. Живя у нихъ, онъ не имѣлъ понятія о горькомъ сиротствѣ: ни разу не испыталъ надъ собой суровой строгости, и весело проводилъ время въ кругу молодыхъ сверстниковъ. Въ лѣтнюю пору собиралъ цвѣты и травы на лугахъ, землянику и грибы въ лѣсу; руками и ситомъ ловилъ въ прудѣ рыбу и пиявицъ; много разъ на дню купался и мутилъ воду пескомъ подъ водою. Онъ легко и смѣло переплывалъ прудъ, глубокой и прозрачный, но однажды совсѣмъ было утонулъ; его выхватилъ изъ воды, съ опасностію за свою жизнь, дядя его по отцу Николай Герасимовичъ, бывшій послѣ священникомъ въ селѣ Труневкахъ, Дмитровскаго уѣзда. У своего дѣдушки Михаилъ жилъ включительно до седьмаго года своей жизни, — выучился читать и въ первый разъ у него же исповѣдался въ своихъ грѣхахъ. Старецъ внушалъ ему страхъ Божій и благочестіе. «Я, пишетъ о. Митрофанъ, любилъ его такъ, что почти совсѣмъ забылъ моего родителя, и когда

(а) Митрофанъ умолчалъ объ этомъ въ своихъ запискахъ, вѣроятно, щадя свою добрую мать, о которой отзывается онъ съ трогательною любовью.

отецъ приходилъ видѣться со мной, я едва ли не считалъ его за чужаго. Такъ привычка обратилась у меня въ другую природу! Но не долго мнѣ дано было наслаждаться счастьемъ: ибо дѣдъ мой овдовѣлъ; одинокій и печальный, онъ не могъ болѣе пещись о мнѣ, и меня возвратилъ моему отцу.» ^(б)

Въ 1801 году 2-го сентября, Михаилъ Воронцовъ поступилъ въ Дмитровскую духовную семинарію, гдѣ обучался (первоначально грамматикѣ и ариѳметикѣ) съ такимъ прілежаніемъ, что, бывало, когда товарищи его въ свободные часы забавлялись играми, онъ подъ кустомъ гдѣ-нибудь твердилъ латинскіе вокабулы. Въ октябрѣ 1805 года, по собственному прошенію, онъ перемѣщенъ въ Московскую славяно-греко-латинскую академію; но предварительно держалъ экзаменъ и оказался достойнымъ синтаксическаго класса, въ которомъ онъ и прежде числился ^(б). По ходатайству его двоюроднаго дяди, іеродіакона Амвросія, ризничаго на Саввинскомъ архіерейскомъ подворьѣ (въ Москвѣ) ^(г), взялъ его къ себѣ преосвящ. Августинъ, викарій московскій, въ посошники,

(б) Отецъ Михаила, Лаврентій Герасимовъ вступилъ, впрочемъ не ранѣе 1799 года, во второй бракъ съ Агрипиной Алексѣевною, отъ которой имѣлъ троихъ дѣтей. Когда послѣ вѣнчанія съ нею пришелъ изъ церкви, то заставилъ сына своего Михаила поклониться ей въ ноги, говоря: «вотъ тебѣ вторая мать,—люби ее и слушайся!» Въ 1820 году мая 23 го онъ переведенъ былъ причетникомъ въ г. Дмитровъ къ Благовѣщенской церкви; умеръ 1831 года, марта 28-го.

(в) Дѣла архива московскаго семинарскаго правленія 1805 г., № 394.

(г) Амвросій посвященъ въ іеромонаха 1812 года апрѣля 14-го и съ этого времени исправлялъ экономскую должность. Съ 1815 года ноября 1-го находился на Троицкомъ Сухаревскомъ подворьѣ, гдѣ проходилъ должности крестоваго іеромонаха, епархіальнаго духовника и эконома. Съ 1826 года октября 3-го былъ настоятелемъ въ Николаевскомъ перервинскомъ мон.; съ 1828 года мая 9-го игуменомъ той же обители, а потомъ вскорѣ (съ 27-го числа) архимандритомъ серпуховскаго Высоцкаго монастыря; скончался 4-го марта 1842 г. Митрофанъ въ надгробномъ словѣ обращался къ почившему съ такими словами: «чтожъ, наконецъ я воздамъ тебѣ, о мужъ приснопамятный, возлюбленный и присный мой, ты, который отъ юности моей былъ первымъ моимъ наставникомъ, добрымъ попечителемъ и толико всегда благодѣтельнымъ участникомъ въ судьбѣ дней моихъ?...

т.-е. для ношенія и держанія при немъ, во время архіерейскихъ службъ, архіерейскаго жезла. Но это не ослабляло въ мальчикѣ ревности къ ученію. Въ разрядномъ спискѣ за 1807 годъ онъ, тогда ученикъ риторики, значится подъ 3-мъ №; а въ слѣдующемъ году за благоправіе и успѣхи награжденъ былъ книгой ^(д). Онъ рано почувствовалъ склонность къ поэзіи и предался ей сладостному влеченію. Вотъ какъ онъ изображаетъ себя въ письмѣ къ одному изъ знакомыхъ:

Хоть музы мнѣ не улыбались,
И я позтомъ не рождепъ;
Но чувства мнѣ въ удѣлѣ достались
Къ красамъ поэзіи—съ времянь
Туманной школьной жизни....

Въ высшихъ классахъ, Воронцовъ обучался наукамъ философскимъ, богословскимъ и другимъ предметамъ. Живя тогда не у дяди, а на квартирѣ, «въ наемной, тѣсной хатѣ» (въ Зарядѣ), онъ давалъ уроки въ богатыхъ домахъ, напр. въ домѣ генеральши А. Н. Неклюдовой, гдѣ и самъ научился говорить по-французски. Любознательный, онъ находилъ время посѣщать и лекціи профессоровъ Московскаго университета. Съ 1812 года апрѣля 1-го дня, былъ учителемъ нижней информаторіи ^(е) въ той же академіи. Спустя немного времени, именно 4-го числа мая, правленіе Московской академіи представляло митрополиту Платону, что къ замѣщенію наставнической вакансіи по классу поэзіи, оно признаетъ достойными, «по особенной способности къ стихотворству», учителя грамматики Θεодора Платонова ^(ж) и низшаго латин-

(д) Наставникомъ его по классу риторики былъ Павелъ Чертковъ, въ монашествѣ Пареній, съ 25-го ноября 1811 года префектъ академіи. Въ санѣ архіепископа владимірскаго онъ писалъ (1845, іюня 30) къ Митрофану: „помню я васъ, по бытности школьнымъ учителемъ вашимъ, какъ лучшаго ученика.“

(е) Въ ней учили начаткамъ латинскаго языка и правописанію на Русскомъ.

(ж) О. Е. Яковлевъ-Платоновъ извѣстенъ сочиненіями: «Надпись на крестѣ Господа Иисуса Христа» и «Апостолы». Какъ товарищъ Митрофана по академіи (вмѣстѣ учились и служили), велъ съ нимъ въ послѣдствіи дружескую переписку. Скончался въ свѣтскомъ званіи 1853 года, погребенъ въ Моск. Даниловѣ мон.

скаго класса информатора Михаила Воронцова. Изъ нихъ первый и былъ опредѣленъ учителемъ поэзіи, а второй на мѣсто его — учителемъ грамматики. Но училищная дѣятельность Михаила Лаврентіевича на нѣкоторое время была прервана въ смутный 1812-й годъ. Онъ находился въ свитѣ преосвящ. Августина, во время удаленія его изъ Москвы (въ два часа по полудни на 2-е число сентября) отъ Французовъ. Во Владимірѣ (на Клязьмѣ) разстался съ нимъ и сопутствовалъ архимандриту московскаго Златоуста монастыря Лаврентію ^(в). По прибытіи вмѣстѣ съ нимъ въ Вологду, жилъ здѣсь слишкомъ два мѣсяца; написалъ латинскіе стихи (элегію) на смерть митрополита Платона († 11-го ноября); въ концѣ декабря возвратился въ Москву.... Въ слѣдующемъ году 13-го сентября Михаилъ Л—чъ назначенъ учителемъ риторики, поэзіи и исторіи въ Перервинской семинаріи ^(и). Есть нѣсколько латинскихъ стиховъ, писанныхъ имъ на Перервѣ, въ числѣ коихъ: *eminentissimo Augustino puerilis gratulatio* (преосвященнѣйшему Августину привѣтъ отъ дѣтей), на день рожденія. Для отдыха и развлеченія ученикамъ, а вмѣстѣ съ цѣлю пріучить ихъ къ внѣшней развязности и свободному выраженію мыслей, — въ семинарскихъ классахъ, въ свободное отъ ученія время, устраивались театральныя представленія, для которыхъ учитель Воронцовъ составлялъ піесы. Сверхъ того, онъ любилъ музыку и, извлекая изъ своихъ гуслей стройныя звуки, тому же искусству обучалъ и пѣвчихъ. Въ эту

(в) Онъ же и префектъ Перервинской семинаріи. На другой день по пріѣздѣ во Владимірѣ, о. Лаврентій выѣхалъ догонять обозъ съ драгоцѣнностями Моск. святыни, шедшій въ Вологду, и догнавъ его въ Ярославль; вмѣстѣ съ обозомъ продолжалъ путь въ Вологду... Со 2-го апрѣля 1813 года настоятельствомъ въ Богоявленскомъ мон.; въ юнѣ 1816 переведенъ въ Высокопетровский; съ 19-го января 1819 былъ епископомъ Дмитровскимъ, викаріемъ московскимъ. Скончался 17-го декабря 1847 г., въ санѣ архіепископа Черниговскаго. Жизнеописаніе его см. въ „Странникѣ“ 1862, октябрь.

(и) Въ послужномъ его списокѣ за 1813 годъ читаемъ еще: „на нѣмецкій языкъ переводить, а на французскомъ говорить и обучать умѣть.“ Въ позднѣйшихъ спискахъ (напр. 1836 г.) значится онъ учителемъ риторики и франц. языка.

пору его жизни Господь спасъ его отъ нечаянной смертной опасности: ходилъ онъ съ Я. О. Колоколовымъ на богомолье. Въ лѣсу застала ихъ сильная гроза, отъ которой они надѣялись укрыться подъ деревомъ. Но во время грозы опасно стоять подъ деревомъ. Вспомнивъ это, Михайль Л—чъ и самъ поспѣшно отошелъ въ сторону отъ дерева и своего спутника убѣдилъ сдѣлать то же. Лишь только они отошли отъ дерева, какъ страшный ударъ молніи раздробилъ его въ щепы!

Въ 1814 году преобразованы по новому уставу двѣ семинаріи въ московской епархіи: Перервинская и Виѳанская. Въ профессора словесныхъ наукъ Спасо-виѳанской семинаріи преосвященный Августинъ рекомендовалъ учителя риторики въ Перервинской семинаріи Михаила Воронцова, «который, при отличныхъ дарованіяхъ и многихъ свѣдѣніяхъ, имѣеть особенный даръ витійства и рѣдкую склонность къ ученымъ занятіямъ»⁽ⁱ⁾. Онъ, однакожь, не былъ утвержденъ и, по увольненіи отъ училищной службы, въ томъ же (1814) году ноября 13-го вступилъ въ бракъ съ Ольгою Никитичной, дочерью священника церкви Гребневской Богоматери, на Лубянкѣ, Н. П. Цвѣткова. 3-го числа декабря, онъ былъ рукоположенъ во священника къ церкви св. Іоанна Богослова, что въ Бронной^(к). Но при ней не было священническаго до-

(i) Свѣдѣніе о семъ сообщено Н. П. Розановымъ.

(к) Церковь эта уцѣлѣла во время нашествія непріятельскаго, но утварь въ ней была разграблена, стропила подъ желѣзною крышей сожжены. Дома священно-и-церковно-служителей сгорѣли, и изъ нихъ былъ на лице одинъ дьячекъ, мой дѣдъ, священникъ Димитрій Ивановичъ, скончавшійся въ Кіевѣ. Священнослуженіе въ сей церкви и мірскія требы исправлялъ священникъ съ причтомъ Θεодоро-студитской ц., къ которой Іоанно-Богословская была приписана. Октября 6-го дня 1813 года, вслѣдствіе прошенія прихожанъ Богословской ц. о дозволеніи исправить ее, преосв. Августинъ далъ такую резолюцію: «какъ Богословская церковь имѣеть доходы съ лавокъ (одна въ ножевомъ, другая въ шпажномъ ряду), и архитектурою лучше Θεодоро-студитской, то ее сдѣлать самостоятельною, а Θεодоро-студитскую къ ней приписать, и священника (Евѳимія Васильевича Нечаева) съ причтомъ перевести къ ней, а потому и исправить Богословскую ц. дозволить». Но отъ 7-го ноября 1814 года послѣдовала

ма, вслѣдствіе чего Михаилъ Л—чь нѣкоторое время жилъ въ чужомъ домѣ до построенія своего.

И. А. Геймъ, ректоръ Московскаго университета, отношеніемъ къ преосв. Августину отъ 3-го сентября 1815 года, просилъ «назначить кого-либо изъ духовныхъ особъ для обученія въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ (на Тверской улицѣ), два дня въ недѣлю — въ среду и субботу, отъ 8 до 10 часовъ, закону Божию ^(а). Жалованья ему за трудъ сей на первый случай полагается триста рублей въ годъ». Законоучителемъ опредѣленъ 7-го числа священникъ Михаилъ Л—чь, «который, — какъ отзывался о немъ преосвященный въ письмѣ къ Гейму (сент. 11-го), — по благонравію и просвѣщенію своему подаетъ надежду, что можетъ съ успѣхомъ проходить оную должность». Преподавателемъ закона Божія и вмѣстѣ церковной исторіи въ пансіонѣ онъ былъ четыре года съ половиною ^(б). Въ 1819 году была напечатана проповѣдь о. Михаила на освященіе церкви, устроенной въ домѣ пансіона. Въ ней повторилъ онъ слова императора Александра I-го, сказанныя его величествомъ въ пансіонѣ 18-го августа 1816 года и вырѣзанныя золотыми буквами на доскѣ, — слѣдующія слова: «истинное просвѣщеніе основано на религіи и Евангеліи».

Ноября 6-го дня 1815 года преосв. Августиномъ о. Михаилъ отъ Богословской, что въ Бронной, церкви переведенъ, согласно его прошенію, къ Николаевленской церкви (на Арбатѣ). Съ 1818 года, онъ неустанно проповѣдывалъ въ сей церкви во всѣ воскресные и праздничные дни, начавъ съ катехизическихъ поученій. Его проповѣди, писанныя живымъ и одушевленнымъ слогомъ, дышатъ истиннымъ благочестіемъ и пастырскою ревностію. Проводя, въ поучительномъ

другая резолюція: «Федоро-студитскую ц. по довольному числу дворовъ, сдѣлать самостоятельную, и прежняго священника съ причтомъ при ней оставить.» (Дѣла архива московской дул. консисторіи.)

(а) До сего времени законъ Божій преподавалъ проф. Снегиревъ, отецъ извѣстнаго археолога Ивана Мих. Снегирева.

(б) См. книгу Н. В. Сушкова: «московскій университетскій благородный пансіонъ».

словѣ на день усѣкновенія главы св. Іоанна Крестителя (1835 г.), ту мысль, что «истина, какъ замѣтилъ нѣкто изъ древнихъ, можетъ быть нарушаема людьми двойнымъ образомъ: или ложью или молчаніемъ, когда боятся оскорбить и унижить печальною истиною того, кого любятъ», — проповѣдникъ взываетъ: «жестокое сожалѣніе! ... Нѣтъ, это не должно быть такъ! Я выскажу моему другу всю полезную для него истину, не только со всею откровенностію и безпристрастіемъ, но даже и съ строгостію, если она будетъ нужна. Лучше любить съ строгостію, нежели обманывать съ пріятною снисходительностію. Пусть скажутъ, что говорить правду значитъ терять дружбу. Я великодушно готовъ пожертвовать самую дружбу, только бы могъ приобрести и спасти отъ гибели брата моего: ибо никто не можетъ быть другомъ чело-вѣка, если не будетъ сперва другомъ истины, говорить блаженный Августинъ». Вѣрный долгу говорить истину, о. Михаилъ, дѣйствительно, смѣло и съ жаромъ обличалъ въ своихъ проповѣдяхъ многіе современные пороки и худыя обы-чай. И несмотря на обличительный тонъ его проповѣдей, москвитяне во множествѣ собирались въ храмъ Николая явлен-наго слушать проповѣдника. «Какъ теперь вижу огромный съѣздъ экипажей, простирающійся въ два ряда отъ церкви по всему переулку, говорилъ нашъ знакомый. О. Михаилъ возбуждалъ вниманіе къ себѣ не только внутренними до-стоинствами проповѣдей своихъ, но и самую наружностію: потому-что отличался величественною осанкою, смѣлою по-ступью и звучнымъ, входящимъ въ душу голосомъ (теноръ). Но еще болѣе въ проповѣдникѣ нравились слушателямъ искусство произношенія и приличныя тѣлесныя движенія при семъ. Однажды, въ праздникъ св. Николая Чудотворца, при молитвенномъ, въ концѣ слова, обращеніи къ святителю, онъ, въ избыткѣ религіознаго чувства, палъ на колѣна пе-редъ образомъ, а вслѣдъ за нимъ пали въ слезахъ и слуша-тели!». Такъ-то слова трогаютъ и убѣждаютъ, а примѣръ увлекаетъ! За прилежное проповѣданіе слова Божія, на не-го возложенъ набедренникъ (1836 г. марта 4-го); еще преж-де (1831 г. февраля 13-го) была пожалована ему скуфья.

Отець Михаилъ во многихъ домахъ давалъ уроки по закону Божію. Часто посѣщалъ болѣзненную, но благочестивую, и и благотворительную графиню В. Н. Панину, искавшую, въ бесѣдѣ съ духовнымъ отцемъ, не земныхъ утѣшеній ^(н). Но я его домъ былъ открытъ для многихъ его духовныхъ дѣтей. Съ знатными онъ обращался «со всякою внимательностію къ ихъ знатности, и притомъ такъ, чтобы не унижить достоинства и собственного сана, не измѣнить строгости своего долга» (изъ его проповѣди). Для бѣдныхъ родныхъ домъ его служилъ всегдашнимъ пріютомъ. Не проходило почти дня, когда бы не было у него кого нибудь изъ родныхъ: одни пріѣзжали, а другіе уѣзжали, довольные гостепримствомъ и радушіемъ добрыхъ хозяевъ.

1829 года іюля 30-го тяжело заболѣла (заваломъ въ боку) и ровно чрезъ мѣсяць тихо скончалась Ольга Никитична, добрая жена отца Михаила, попечительная о дѣтяхъ мать и гостепримная хозяйка. Погребена на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Горько плакалъ вдовецъ и нѣкоторое время не могъ успокоится отъ снѣдавшей его тоски. . . И въ часы радости нерѣдко проливалъ онъ слезы, вспоминая о подругѣ своей, отшедшей въ вѣчность!. Но пастырскія занятія и отчасти стихотворство облечали его сердечную скорбь: ибо опытомъ дозвано, что у кого дѣло на рукахъ, у того половина горя на душѣ. Въ посланіи «къ врачу возлюбленному» А. Н. Цвѣткову онъ извѣщаетъ о себѣ (15-го іюля 1831 г.):

Мой другъ! пока я живъ, любитель чистыхъ музъ.

Хоть горькій я несу судьбы святой искусь,

Хоть тяжело одному влачить дней сирыхъ бремя:

Но должно ль убивать въ постыдной лѣни время?

Изъ дѣтей отца Михаила (всѣхъ было 9) находится въ живыхъ одинъ Нилъ Михайловичъ, священникъ Страстнаго женскаго монастыря въ Москвѣ. Старшій сынъ его Константинъ, утѣшавшій родителя благопріемъ, способностями и

(н) Она жила въ приходѣ Николая чуд., что въ Хлыновѣ; скончалась 9-го апрѣля 1841 года. Согласно ея завѣщанію (отъ 2-го сент. 1839), въ Николаевскую церковь внесены на помяновеніе 6000 р.

пріятнымъ голосомъ, умеръ въ отроческомъ возрастѣ. Грусть родителя о ранней кончинѣ его (15-го января 1832 г.), трогательно изображена въ слѣдующихъ стихахъ:

Отлетѣлъ мой соловей,
Первенецъ любви моей.
Мнѣ тебя ужъ не лобзать,
Милыхъ взоровъ не видать!
Ты въ таинственный предѣлъ
Соловей мой отлетѣлъ,
И не въ чуждый темный край,
Но въ пресвѣтлый Божій рай!
Твоя чистая душа,
Бренны узы отложя,
Милой матери съ душой
Обнялась въ странѣ святой!
Ахъ, разлука мнѣ тяжка;
Но тебѣ тамъ жизнь сладка,
О, безцѣнный соловей!...
Пой въ раю; тамъ веселѣй!
Мало въ здѣшней ты странѣ
Пѣлъ для насъ въ твоей веснѣ;
Улетѣлъ отъ злой зимы:
Скоро ль вмѣстѣ будемъ мы?.

Тутъ кстати чтобъ о дѣтяхъ не тужилъ, ему чужихъ, дѣтей дали подѣ опеку. ^(о)

И всѣхъ-то ихъ устроилъ я къ мѣстамъ,
Сиротъ-невѣсть далъ добрымъ женихамъ,
Другихъ сиротъ имѣніе умножилъ....

Отецъ Михаилъ имѣлъ сначала долгъ на себѣ по случаю покупки дома, а послѣ и самъ давалъ въ займы.

Но ни одинъ должникъ не расплатился,
Кто умеръ, кто въ безпутствѣ разорился.
И денегъ я себѣ не нажилъ въ прокъ..

(о) Съ 1830 г. онъ состоялъ опекуномъ надъ малолѣтними дѣтьми и имѣніемъ Покровской, въ Лѣвшинѣ, церкви священника Г. А. Левитскаго (+ 1830, 4 марта). Не была снята съ него и прежняя опека (съ 9-го февраля 1825 года) надъ дѣтьми и имѣніемъ родственнаго ему Троицкаго, на Листахъ, умершаго священника Владиміра Никитича Цяѣткова; уволенъ отъ ней въ 1838 г.

Въ 1836 году при немъ начата перестройка, въ Николаевской церкви, придѣла въ честь Ахтырскія иконы Богоматери, пришедшаго въ ветхость, при чемъ дано разрѣшеніе и на переименованіе придѣла, согласно желанію прихожанъ, въ честь новоявленнаго угодника Христова, Воронежскаго святителя Митрофана, тѣмъ болѣе, что въ приходской церкви имѣется уже издавна придѣлъ *во имя Покрова пресв. Богородицы* ^(п).

Между тѣмъ высокопреосвященный Филаретъ, умѣвшій распознать людей, предложилъ о. Михаилу новый родъ жизни—монашество. Нечаянность этого предложенія встревожила его; считая себя недостойнымъ и не готовымъ къ принятію ангельскаго образа, онъ не епѣшилъ изъясненіемъ согласія. Предложеніе повторено было до трехъ разъ. Въ послѣдній разъ благопочетительный архипастырь обѣщаль ему: «тебя на видъ тотчасъ поставлю, ты у меня не глупый»; а относительно сына сказалъ ему: «сынъ твой можетъ при тебѣ воспитываться». Считая предложеніе богомудраго и прозорливаго іерарха за призваніе Божіе и ободренный духовнымъ сновидѣніемъ (казалось ему во снѣ, что его благословляли святители московскіе, прославленные отъ Бога нетлѣніемъ, когда онъ прикладывался къ ихъ св. мощамъ), отецъ Михаилъ наконецъ далъ согласіе на принятіе монашества. Тогда преосвященный митрополитъ благословилъ его и сказалъ ему: «побывай (за вечерней) въ Златоустовѣ монастырѣ, и потомъ приди ко мнѣ».

3-го сентября высокопреосвященный Филаретъ доношеніемъ въ св. Синодъ представилъ трехъ кандидатовъ на вакансію архимандрита въ третьекласный Златоустовъ монастырь ^(р). Изъ нихъ опредѣлень, октября 12-го 1837 г., первый—отецъ Михаилъ, «по тому уваженію, что онъ, проходя болѣе

(п) Новый придѣлъ освященъ былъ архим. Митрофаномъ, 26-го ноября 1840 года.

(р) 19-го іюня рѣшено дѣло о переведеніи Златоустовскаго архимандрита Даніила (изъ іеромонаховъ Пекинскій миссіи) въ Каванскій университетъ на кафедру китайскаго языка, съ званіемъ ординарнаго профессора; въ концѣ іюля онъ уже отправился въ путь.

20-ти лѣтъ священническое служеніе съ постоянно-честнымъ поведеніемъ, пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ проповѣдника слова Божія и что по сему особенно можетъ соотвѣтствовать мѣстнымъ потребностямъ службы, какъ удостовѣряетъ митрополитъ московскій». Октября 22 московскій святитель съ отеческою улыбкою спросилъ его: «какое бы онъ избралъ себѣ монашеское имя? Онъ произнесъ имя Воронежскаго святителя Митрофана. Архипастырь замѣтилъ: «я самъ такъ думалъ, потому что ты почтилъ его хвалебнымъ пѣснопѣніемъ»^(с). На другой день, въ субботу, отецъ Михаилъ служилъ послѣднюю литургію въ Николо-явленской церкви, при которой находился іереемъ въ продолженіе 22-хъ лѣтъ. Въ прощальномъ словѣ онъ благодарилъ прихожанъ за благорасположеніе къ нему и любовь, «плодомъ коихъ, говорилъ онъ, было то, что я всегда съ радостію, а не воздыхая творилъ дѣло Божіе, дѣло моего служенія среди васъ... Я не упускалъ возвѣщать вамъ волю Божію; сѣялъ среди васъ слово Христово, настоялъ *благовременнъ и безвременнъ*... Вечеромъ того же дня, въ крестовой церкви Троицкаго подворья, во время всенощнаго бдѣнія онъ постриженъ самимъ митрополитомъ въ монашество и нареченъ Митрофаномъ. При этомъ обрядѣ, читая одну молитву, святитель прослезился... Проведя ночь въ Петровскомъ монастырѣ, іеромонахъ Митрофанъ въ воскресенье 24 числа октября — день Скорбящей Божіей Матери, на литургіи въ той же крестовой церкви поставленъ его высокопреосвященствомъ въ архимандрита Златоустова монастыря, а передъ вечерней введенъ о. благочиннымъ въ управленіе монастыремъ. Въ новомъ санѣ и на новомъ мѣстѣ онъ съ прежнею ревностію продолжалъ проповѣдывать слово Божіе, и тѣмъ привлекалъ въ монастырь многихъ слушателей. Въ воскресные и праздничные дни, на правомъ клиросѣ монастырской церкви пѣли воспитанники моск. семинаріи, въ числѣ 8 или болѣе чловѣкъ, за что пользовались отъ монастыря квартирой и отопленіемъ.

(с) Ниже мы будемъ говорить объ этомъ пѣснопѣніи.

Черезъ мѣсяць послѣ поступленія въ монастырь, именно 26-го ноября, архимандритъ Митрофанъ былъ назначенъ присутствующимъ членомъ консисторіи. Дѣлами по вѣрен-ной ему части 1-го стола второй экспедиціи ^(г), онъ зани-мался добросовѣстно и усердно, хотя находилъ ихъ для себя слишкомъ обременительными и всегда опасался подвергнуть себя, равно и производителей дѣлъ, отвѣтственности предъ высшимъ начальствомъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ (1837—42), пока московскій первосвятитель присутство-валъ въ св. Синодѣ ^(в), Митрофанъ писалъ его высокопре-освященству поздравительныя, отъ лица консисторіи, рѣчи на день ангела (1-го декабря), на праздникъ Рождества Хри-стова и день Нового года, на св. Пасху и на случай пожало-ванія какою-нибудь наградою. Какъ члену консисторіи, ему однажды по почтѣ было прислано безъимянное письмо отъ 3-го января 1849 г.; оно показано имъ самому владыкѣ. На томъ же листѣ письма святитель написалъ слѣдующее: «Рев-нитель безъ нужды скрывается. Напоминаніе заслуживаетъ вниманіе. О. архимандритъ скажетъ благочиннымъ членамъ консисторіи, а они прочимъ благочиннымъ, а благочинные священникамъ, чтобы для кажденія въ церквахъ употребле-емъ былъ ѳиміанъ, издревле принятый церковію, а произ-вольные виды куреній вводимы не были».

Кромѣ присутствованія въ консисторіи, съ 1837 по 1846 годъ состоялъ онъ членомъ комитета для провѣрки, по про-шествіи каждаго мѣсяца, консисторскихъ суммъ; а съ 8-го октября 1838 года, обще съ секретаремъ консисторіи, Счастливымъ, порученъ былъ ему также ежемѣсячный над-зоръ за приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ, хранимыхъ въ кон-

(г) Со времени раздѣленія, въ 1839 году, Моск. дух. консисторіи на двѣ экспедиціи, наблюденію Митрофана былъ вѣренъ 1-й столъ въ второй экспедиціи, въ которомъ, по его собственно части, соединены были дѣла разнаго рода, напр. слѣдственные по всей Моск. епархіи, о наложеніи церковной эпитиміи на виновныхъ, по приговорамъ свѣтскихъ правительственныхъ мѣстъ, и другія.

(у) Владыка ежегодно бралъ отпускъ въ Москву съ поло-вины мая по 1-е число сентября.

систерскомъ архивѣ ^(ф). Въ томъ же году начальствомъ возложена на него ежегодная повѣрка экономическихъ отчетовъ по Московской семинаріи и подвѣдомымъ ей училищамъ.

Вступая, 18-го января 1839 года, въ управленіе Знаменскимъ монастыремъ, что на старомъ государевомъ дворѣ, о. Митрофанъ обратился къ братіи съ поучительнымъ словомъ. Онъ взывалъ: «молю васъ, братіе, утвердить вашу братскую ко мнѣ любовь и довѣріе: ибо *любы вся созидаетъ*, по слову апостола.... Сія добродѣтель украшаетъ собою смиренныя обители вѣры; она оживляетъ и плодотворитъ всѣ другія добродѣтели». При немъ въ 1843—44 годахъ поновлена соборная Знаменская церковь и сдѣланы были измѣненія въ украшеніяхъ храмовой иконы Знаменія Пресв. Богородицы, — той самой, предъ которою молился благочестивѣйшій государь Михаилъ Ѳедоровичъ и отецъ его святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ. Эти измѣненія, не скрывъ древности ея, придали ей только видъ благообразнѣйшій ^(х).

Архимандрить Митрофанъ находился, по назначенію, при торжественномъ открытіи Бородинскаго памятника, 26-го августа 1839 года, въ присутствіи въ Бозѣ почившаго государя императора Николая Павловича. Съ 20-го января 1840 года былъ однимъ изъ членовъ строительнаго комитета, учрежденнаго по случаю имѣющей начаться постройки зданій для Московской семинаріи ^(у). Мая 20-го участвовалъ

(ф) Для этой цѣли еще въ 1824 году былъ учрежденъ особый комитетъ, который разобралъ дѣла въ архивѣ по тому же плану, какъ они были разобраны при митрополитѣ Платовѣ, т. е. въ особыхъ связкахъ по монастырямъ, московскимъ церквамъ и по уѣздамъ, и сдѣлалъ дѣламъ описи. Дѣла консисторскаго архива сохраняются въ такомъ видѣ по настоящее время. «Прав. Обзорніе» 1868, іюль, статья Н. П. Розанова.

(х) Въ обновленную церковь, по предложенію настоятеля, пожертвованы купцемъ П. Д. Плигинымъ потиръ, дискосъ и принадлежности ихъ, серебряные, искусной работы, вѣсомъ 5 ф. 6 зол. (Историческое описаніе Моск. Знаменскаго мон., архим. Сергія. М 1866, стр. 36, 50, 62-63.)

(у) Въ исторіи Моск. семинаріи можно различать три періода: *перервинскій*, когда семинарія была верстахъ въ пяти отъ Москвы, при Николоперервинскомъ мон.; періодъ пребыванія ея (съ 1-го сентября 1823 г.) при Заиконоспаскомъ мон. (въ центрѣ города);

въ ревизіи отчетовъ комиссіи, учрежденной по случаю возобновленія каедральной въ Чудовъ монастырѣ церкви.

Отъ іюня 30-го 1845 года писалъ къ нему преосвященный Пареній, архіепископъ Владимірскій: «не очень радуется меня, что доселѣ занимаете третьекласный монастырь. Ваши достоинства и служеніе, казалось, должны были давно приподнять васъ. Развѣ нѣтъ вакансій? Или не хороша погода?» Случилось такъ, что въ томъ же году октября 5 Митрофанъ переведенъ былъ въ Боявленскій второкласный монастырь^(н).

Онъ оставилъ не мало доказательствъ своей заботливости о благолѣпіи монастыря^(м), но преимущественно заботился о соблюденіи строгаго порядка въ отправленіи церковнаго богослуженія. Доказательствомъ послѣдняго служить сохранившееся письмо къ нему (21-го января 1850 года) отъ купцевъ (негоціантовъ и торговцевъ) московскаго Китая города. Они заявляютъ свою благодарность какъ настоятелю, такъ и братіи Боявленской обители, за благочинное и неспѣшное богослуженіе, за внятное чтеніе и пѣніе, въ особенности за умилненное пѣніе стихиръ на голосъ канонарха; также за предстояніе монашествующихъ на обоихъ клиросахъ, «въ

и послѣдній періодъ (съ 1 ноября 1844) на настоящемъ ея мѣстѣ, т. е. въ домѣ бывшемъ графа Остермана (въ каретномъ ряду).

(ч) Въ донсеніи св. Синоду отъ 21 августа м. Филаретъ «долгомъ поставляя извѣстить, что перемѣщеніе архимандрита Боявленскаго Евсевія, жительствующаго въ лаврѣ при академіи, въ Петровскій монастырь, представляеть ту сообразность съ обстоятельствами монастырей, что Высокопетровскій, нѣсколько лѣтъ имѣвшій наличнаго настоятеля, удобнѣе можетъ на нѣкоторое время быть предоставленъ отсутствующему; а боявленскій нѣсколько лѣтъ управляемый отсутствующимъ настоятелемъ, имѣеть нужду получить наличнаго, для употребленія ближайшаго и непрерывнаго дѣйствованія къ его благоустройству».

(ш) Не задолго до его перемѣщенія возобновлена была (къ 15-му сент.) верхняя Боявленская церковь. Въ его настоятельство, глава на этой церкви перекрыта вновь англійскимъ бѣлоглянцевымъ желѣзомъ; крестъ на ней поставленъ новый (1849 г.); наружныя стѣны окрашены бирюзовымъ кокеромъ (1848); для соборнаго служенія въ монастырѣ, устроены приличныя торжественнымъ праздникамъ парчевыя облаченія. Полковницею В. А. Азанчевскою, пожертвована серебряная вызолоченая риза на придѣльную икону святителя Алексія, въ 250 р. сер. (1847).

благоговѣннїи и страхѣ Божїемъ, какъ ангели Божїи,—не смѣющихся и не говорящихъ.»

Въ 1848 году 10-го іюня поручено ему, какъ «лицу свѣдущему и благонадежному», имѣть наблюденіе за печатаніемъ въ Московской Синодальной типографїи рукописи богослужебнаго Евангелїя (въ количествѣ 1200 экзем.) для болгарскихъ церквей^(ш). Онъ долженъ былъ тщательно просматривать вновь каждый печатанный листъ, уже окончательно просмотрѣнный корректорами Синодальной типографїи; исправлять допущенныя погрѣшности; въ случаѣ сомнѣнїя въ вѣрности текста, или дополненїи и указанїи (указательныхъ таблицъ), обращаться къ печатному греческому церковному тексту Евангелїя и къ таблицамъ онаго, заимствуя оное изъ греческаго монастыря (въ Москвѣ), и къ изданїю славянскаго Евангелїя по Остромирову списку, и, если нужно, къ рукописямъ библіотекъ Синодальной и Успенскаго собора. О сомнѣнїяхъ, которыя не разрѣшились бы таковыми справками, немедленно надлежало представлять владыкѣ съ мнѣніемъ, а въ отсутствїе его изъ Москвы—преосв. викарію^(ъ).

(ш) Тайный совѣтникъ Стурдза, въ письмѣ (отъ 17 янв.) къ оберъ-прокурору св. Синода, графу Н. А. Протасову, объясняя, что большинство священниковъ въ Болгарїи затрудняются по малограмотности въ прїисканїи дневныхъ и совпадающихъ съ ними евангелїй, и что отъ сего происходятъ иногда во время богослуженїи ошибки и несообразности съ уставами церкви, просилъ отъ имени нѣкоторыхъ ревнителей православїа въ Болгарїи, надѣлать ее изданїемъ доставленнаго (г. Стурдзю) при семъ письмѣ въ рукописи дневнаго Евангелїя. Св. Синодъ, имѣя въ виду, что въ прежнее время и въ Россїи печатаемы были Евангелїя, расположенныя не по историческому порядку происшествїй, а по порядку праздниковъ и недѣль, начиная съ перваго дня Пасхи, опредѣлили: составленную въ подобномъ же порядкѣ рукопись Евангелїя для болгарскихъ церквей, препроводить къ м. Филарету съ тѣмъ, чтобы, по разсмотрѣнїи оной и соображенїи съ древнимъ, бывшимъ въ Россїи подобнымъ изданїемъ, передалъ оную въ Моск. Синодальную типографїю для отпечатанїя подъ главнымъ его наблюденїемъ.

(ъ) Въмѣстѣ съ архимандритомъ трудились Петропавловской, за Москвою рѣкою, церкви священникъ А. М. Соколовъ († 5-го янв. 1849), а по его смерти, Казанскаго собора протоіерей А. И. Невоструевъ.

За смертью архим. Гавріила, настоятеля Спасо-Андроникова монастыря, о. Митрофанъ временно управлялъ этою обителью съ 13-го августа по 14-е число октября 1848 года.

Ихъ императорскимъ высочествамъ, великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Николаевичамъ угодно было, проѣздомъ чрезъ г. Серпуховъ, 5-го сентября 1850 года, въ восемь часовъ пополудни, посѣтить Высоцкій монастырь. Встрѣчу у вратъ монастырскихъ, по распоряженію митрополита, производилъ Богоявленскій архимандритъ Митрофанъ ^(а); онъ же, съ крестомъ въ рукахъ, сопровождалъ высокихъ посѣтителей въ поклоненіи монастырской святыни. Изъ его донесенія епархіальному начальнику извѣстно, что великіе князья особенное вниманіе обратили на древнія иконы, въ соборной церкви, византійскаго письма, присланныя въ даръ Высоцкому монастырю константинопольскимъ патріархомъ Аѳанасіемъ ^(б); также съ любопытствомъ разматривали двѣ крашенинныя ризы, принесенныя въ сію обитель преп. Сергіемъ. «Эта древность, сказалъ великій князь Николай Николаевичъ, для меня дороже всякой драгоценности. Потомъ сошли въ нижній придѣльный храмъ Рождества Пресв. Богородицы, гдѣ есть древніе образа. «Какъ хорошо они сохранились до сихъ временъ!» изволили замѣтить ихъ высочества. Въ церкви св. Аѳанасія Аѳонскаго почиваетъ подъ спудомъ преп. Аѳанасій, игумень Высоцкаго мон., ученикъ патріарха Аѳанасія. Приложась къ его гробницѣ, великіе князья разбирали на ней надпись ^(в). Оставляя обитель, посѣщеніе которой, по словамъ ихъ высочествъ, доставило имъ удовольствіе, высокіе путешественники по Россіи просили молитвъ у братіи и за

(а) Высоцкій арх. Мельхиседекъ сконч. 16-го марта 1850 года, а новый настоятель еще не вступилъ въ управленіе монастыремъ.

(б) Обитель сію заложилъ собственными руками преп. Сергій Радонежскій и поставилъ въ ней игуменомъ ученика своего св. Аѳанасія, который въ 1383 г. хиротонисанъ въ патріарха константинопольскаго.

(в) «Преставился сей преп. отецъ нашъ игумень Аѳанасій, второй начальникъ святыхъ обители сей, яко повѣствуется отъ мірозданія 6.904 гѣта мѣсяца сентемврія въ 12 день и погребенъ на семь мѣстѣ».

тѣмъ, при монастырскомъ колокольномъ звонѣ, отправились въ дальнѣйшій путь по тульскому тракту.

Митрофанъ могъ свободно говорить на латинскомъ и французскомъ языкахъ, и потому былъ употребляемъ для услугъ иностранцамъ, имѣвшимъ духовный санъ и желавшимъ лично ознакомиться съ древностями и святыней г. Москвы. Митрополитъ Агаангель (изъ Грековъ), управлявшій Балаклавскимъ Георгіевскимъ монастыремъ близъ Севастополя, въ бытность свою въ Москвѣ, останавливался въ Богоявленскомъ монастырѣ, посѣтилъ вмѣстѣ съ о. Митрофаномъ кремлевскіе соборы, Троицкую-Сергіеву лавру и послѣ говорилъ въ письмѣ къ нему: «не знаю, какими словами благодарить васъ за то добродушное ваше участіе, какое принимали въ исполненіе моихъ священныхъ обѣтовъ, а равно и за то страннолюбивое угощеніе, коимъ доставляли мнѣ удовольствіе и покой (п. отъ 18-го сент. 1846) ^(а).» Архимандрита удостоили своимъ милостивымъ посѣщеніемъ: преосвященнѣйшій митрополитъ литовскій Іосифъ (въ 1843 г.) и преемникъ въ Бозѣ почившаго *Филарета*, высокопреосвященный митрополитъ Иннокентій, первый разъ въ санѣ протоіерея (1839), въ другой разъ уже іерархомъ (1840) ^(ю).

1842 года мая 8-го дня прибылъ въ Москву, на возвратномъ пути изъ Петербурга въ свою епархію, митрополитъ кievскій Филаретъ. Онъ остановился, за отсутствіемъ Московскаго архипастыря, на Троицкомъ подворьѣ, а на другой день изволилъ кушать у преосвященнаго викарія Іосифа. Къ

(а) Съ 1856 г. онъ жилъ на покоѣ въ греческой іерусалимской патриархіи; сконч. 20-го мая 1865 г. Некрологъ его смъ въ „Странникѣ“ 1865, томъ III, соврем. хроника.

(ю) Преосв. Діонисій, бывшій епископъ пермскій, конецъ своей жизни провелъ въ Богоявл. мон.; онъ сконч. 24-го апрѣля 1846 г., погребенъ въ Знаменской церкви Андроникова мон. Митрофанъ почтилъ его надгробнымъ словомъ. Неофитъ митрополитъ иліопольскій и ливанскій, проживавшій (съ января 1848 года) въ Богоявленскомъ мон. для сбора добротныхъ подавій въ пользу Антиохійской церкви, считалъ Митрофана „однимъ изъ лучшихъ друзей“ своихъ (п. отъ 5-го дек. 1850 г., на имя Нила М—ча, изъ Петербурга). Сконч. 3-го дек. 1853 г. въ Богоявл. мон., погребенъ въ Покровскомъ.

объединенному столу былъ приглашенъ и Митрофанъ. По его словамъ, «митрополитъ (Кіевскій) въ обращеніи съ другими простъ, добродушенъ, невозносителенъ. Его бесѣда обнаруживаетъ въ немъ набожность, — она растворена особенно аскетизмомъ. Съ увлекательнымъ восторгомъ онъ говорилъ о Кіевѣ, о святыняхъ Кіевской и не разъ приглашалъ ѣхать съ собой Спасо-андрионовскаго архимандрита Гермогена ^(я): они хорошо знаютъ одинъ другаго и сочувствуютъ между собой. За столомъ преосвященнѣйшій кушалъ довольно и себя великимъ постникомъ не выказывалъ; любитъ хорошій чай и защищалъ употребленіе онаго противъ возраженій викарія». 10 числа митрополитъ священнодѣйствовалъ св. литургію въ большомъ Успенскомъ соборѣ. Онъ «служить довольно просто, не продолжительно, но съ набожностію и смиреніемъ.» Свою записку о Кіевскомъ владыкѣ о. Митрофанъ кончаетъ латинской фразой: *quem volebam param, videbam!*

Архимандритъ Митрофанъ, съ свойственною ему ревностію, до конца жизни занимался проповѣданіемъ слова Божія не только въ своей обители, но и во многихъ другихъ мѣстахъ, когда открывался случай, или по назначенію начальства. Первосвященникъ Филаретъ нерѣдко возлагалъ на него этотъ благочестивый трудъ; иногда назначалъ ему проповѣдь наканунѣ того дня, въ который она должна быть сказана во храмѣ, напр., при празднованіи рожденія царственнаго лица. Составленіе церковныхъ словъ отъ постоянного упражненія было для него нетруднымъ дѣломъ. Января 9-го 1844 года владыка извѣщалъ его: «Не предвидѣнно для меня случилось, что завтра говорить поученіе расположился преосвященный (викарій Іосифъ). Посему завтра, о. архимандритъ, останьтесь въ покоѣ, и не гнѣвайтесь, что трудъ вашъ недостигнулъ конца. Дѣло послушанія и дѣло полезнаго размышленія ва-

(я) См. о немъ въ «Душеполезномъ Чтеніи» 1866, мартъ. Пр. Филаретъ, въ бытность свою въ Москвѣ, по случаю коронаціи государя императора Николая Павловича (1826 г.), останавливался въ покояхъ Гермогена. Защищая, въ разговорѣ съ высокимъ гостемъ, преподаваніе въ институтахъ франц. языка, о. Гермогенъ сказалъ: «надобно знать франц. языкъ для того, чтобы не знать французовъ (губерноровъ) и француженокъ».

ми совершенно.» Цѣня въ немъ всегдашнюю непрекословную покорность, знаменитый начальникъ подарилъ проповѣднику книгу: *Камень вѣры*, съ собственноручною надписью: «архимандриту Митрофану въ благодарность за готовность другъ друга тяготы носить. Ноября 19, 1844.»^(e) Сверхъ того, отъ 5-го ноября 1846 года имъ доведено до свѣдѣнія св. Синода, что арх. Митрофанъ «постоянно усерднымъ и ревностнымъ прохожденіемъ возложенныхъ на него должностей и исполненіемъ особо возлагаемыхъ на него порученій, а также и назидательными поученіями въ словѣ Божіемъ, заслуживаетъ особенное вниманіе и признательность начальства.» Въ слѣдующемъ году мая 10-го, онъ былъ всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й ст.

Изъ проповѣдей своихъ только нѣкоторыя, особенно замѣчательныя по случаямъ, при которыхъ онѣ произносились, издавалъ онъ отдѣльными брошюрами, или помѣщалъ, начиная съ 1847 года, въ московскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ.^(f) Въ 1850 году онъ собралъ эти напечатанныя проповѣди свои (числомъ 13) и издалъ ихъ въ одной книгѣ,

(e) Слово м. Филарета на освященіе храма въ г. Бронницахъ, 3-го февраля 1846 года, произнесено было не имъ «самолично, но чрезъ друга уста» — о. Митрофаномъ.

(f) По Высочайше утвержденному учрежденію о губернскихъ управленіяхъ, издаваемые при оныхъ вѣдомости должны быть рассылаемы во все церковныя приходы, какъ городскіе, такъ и сельскіе. Въ 1846 г. онѣ доставлялись въ приходы г. Москвы; съ 1847 г. и во все сельскіе приходы. Митрополитъ Филаретъ, по полученіи, въ ноябрѣ 1846 года, программы вѣдомостей, которую редакція почла долгомъ предложить на его обсужденіе, написалъ 23-го числа слѣд. революцію: «какъ вѣдомости пойдутъ по всемъ сельскимъ церквамъ: то полезно было бы, если бы въ неофициальную часть входили между прочимъ статьи понятныя и полезныя для сельскихъ жителей въ духовномъ и нравственномъ отношеніи. Должно надѣяться, что начальство издающее вѣдомости приметъ сіе съ благорасположеніемъ. Посему пусть Боголюбенскій о. архимандритъ сообразяся представить мнѣ, кто бы изъ духовенства могли симъ заняться и какимъ образомъ». Отцомъ Митрофаномъ былъ сочиненъ «проектъ состава духовно-нравственныхъ статей, предназначаемыхъ для помѣщенія въ моск. губ. вѣдомостяхъ», и также списокъ лицъ изъ моск. духовенства, которыя могутъ быть призваны къ сему общеплезному дѣлу. Въ этотъ краткій списокъ онъ и себя включилъ.

позъ заглавіемъ: *Слова и рѣчи на разные случаи...* Потомъ въ этомъ же году онъ издалъ, также въ одной книгѣ, выборъ изъ многочисленныхъ не напечатанныхъ проповѣдей своихъ, подъ заглавіемъ: *Поучительныя слова (15) на высоко-торжественные дни и на разные случаи..* Онъ готовилъ для изданія и третью книгу такого выбора. Вотъ отзывъ о проповѣдникѣ преосвященнѣйшаго Паренія, заключающійся въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ его письма къ Митрофану (1845 г. іюня 30): «два присланныя вами слова прочелъ съ удовольствіемъ. Не видно въ нихъ того жара и живости, которыми вы отличались въ молодости, но ихъ, съ преуспѣяніемъ въ возрастѣ, замѣнило преуспѣяніе въ основательности, стяжанной многолѣтними занятіями.»^(а)

О достоинствѣ проповѣдей Митрофана читатели могутъ судить по слѣдующему извлеченію изъ его проповѣди, писанной въ 1838 г. на царскій день: «Хвалить и прославлять Бога есть упражненіе для насъ, какъ для твари разумной и свободной, сямое естественное. Не правда ли, сл., что все прекрасное и превосходное въ самомъ себѣ восхищаетъ, плѣняетъ и приводитъ насъ въ удивленіе? Чѣмъ болѣе открываемъ добротъ и совершенствъ въ какомъ-либо предметѣ, тѣмъ болѣе продолжается наше удивленіе, болѣе увеличивается восторгъ и наслажденіе. Отъ сего-то невольно раждается въ насъ глу-

(а) Въ журналѣ: «Москвитянинъ» (1850, іюнь) было заявлено слѣдующее: «архимандритъ Митрофанъ пользуется въ здѣшней столицѣ давнишнею и заслуженною славою церковнаго проповѣдника, и конечно, очень многіе изъ читателей его проповѣдей часто были и слушателями живой его проповѣди, и знаютъ его, какъ отличнаго оратора. И самыя слова его заключаютъ въ себѣ много внутреннихъ достоинствъ. Они отличаются правильнымъ построеніемъ, ясностію мысли, хорошимъ знаніемъ и приличнымъ употребленіемъ св. Писанія, многими удачными примѣненіями и оборотами. Слова погребальныя заключаютъ въ себѣ много трудностей для проповѣдника. Часто нужно бываетъ обозрѣвать въ нихъ гражданскую и семейную жизнь умершаго, но обозрѣвать взглядомъ духовнымъ, не опуская ничего, что можетъ возбудить христіанское сочувствіе, и съ другой стороны, не пускаясь въ житейскія подробности, неумѣстныя на церковной кафедрѣ. Арх. Митрофанъ умѣетъ часто совмѣстить въ словахъ своихъ все важное и нужное, что представляетъ жизнь умершаго, и на все бросить взглядъ, приличный служителю вѣры.»

бокое чувство уваженія къ тѣмъ лицамъ, кои превосходятъ насъ своими отличными качествами, дарованіями или доблестями. Отселѣ наши похвалы, восписуемая имъ при ихъ жизни, памятники, воздвигаемые въ честь ихъ послѣ смерти. И это такая дань или память сердца, которой мы никакъ не можемъ возбранить себѣ, при всемъ нашемъ самолюбіи, — поколику, усвоивъ другимъ справедливую честь, сами услаждаемся ихъ преимуществами. И если таковы бываютъ въ насъ чувства уваженія къ подобнымъ намъ человѣкамъ, чтожь сказать о высочайшемъ, всесовершеннѣйшемъ существѣ Божіемъ, котораго хвалить и чтить несравненно болѣе свойственно нашей мыслящей природѣ? Совершенства Божіи всегда и всюду открыты предъ нами, — сіяютъ яко солнце въ полудни. Все влечетъ, все движетъ, все возноситъ умъ и сердце наше къ Богу, — и дивныя дѣла творенія, и чудеса Его промысла, и дары благодати Его. Куда ни обратимся, къ видимой ли природѣ, или внутрь насъ самихъ, — вездѣ встрѣчаемся съ мыслью о Богѣ, такъ что ни на одно мгновение не можетъ сія мысль возникнуть въ душѣ нашей, не возбуждая чувствъ благоговѣнія и признательности нашей къ *Царю въковъ, единому нетлѣнному, невидимому, премудрому Богу*, подобно какъ древле въ благочестивомъ царѣ израильскомъ и *остатокъ помышленія праздновалъ* Ему (Псал 75, 11). Все существо наше, вся внутренняя, вся кости не рекутъ ли въ насъ, какъ въ восторженномъ Давидѣ: *Господи, Господи! Кто подобенъ Тебѣ* (34, 10)? И поистиннѣ, когда вся видимая тварь, всякое дыханіе непрестанно хвалить Господа, когда *небеса повѣдаютъ славу Божію*, когда *день дни открываетъ о Немъ свой глаголь*, и *нощь нощи открываетъ познаніе* о Немъ (18, 1. 3), неестественно было бы намъ, разумнымъ и живымъ созданіямъ, премолчать хвалы Господни, для которыхъ имѣемъ предметы всегда новые, обильные, неистощимые...» (Поуч. слова на высокаторж. дни и на разные случаи. Стр. 7, 8).

Архим. Григорій.

(ОКОНЧАНІЕ БУДЕТЬ).

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ*.

ХІ. Паремія, положенная на вечернѣ въ понедѣльникъ третьей седмицы Великаго поста. Быт. 6, 9—22.

Въ сей пареміи идетъ рѣчь объ избраніи и приготовленіи Ноя для сохраненія, во время предстоящаго потопа, человѣческаго рода и другихъ тварей.

Гл. 6. ст. 9. Ное человекъ праведенъ, совершенъ сый въ родѣ своемъ, Богу угодн Ное.

Передъ симъ Бытописатель говорилъ о всеобщемъ нравственномъ растлѣніи людей, объ угрозахъ Божіей истребить ихъ и о томъ, что одинъ Ной обрѣлъ благодать предъ Богомъ (ст. 1—7^(а)). Теперь же замѣчается, чѣмъ Ной заслужилъ эту благодать, это благоволеніе Божіе. Онъ былъ *праведенъ*, т.-е. благочестивъ и добродѣтеленъ. Онъ былъ *совершенъ въ родѣ своемъ*, т.-е. въ нравственномъ отношеніи былъ образцомъ совершенства между людьми современнаго ему поколѣнія, нечестивыми и развращенными. *Богу угодн Ное*. Его благочестіе и добродѣтель тѣмъ выше были въ очахъ Божіихъ, чѣмъ труднѣе было сохранить ихъ тому, кто, живя среди общества людей нечестивыхъ, на каждомъ шагу встрѣчалъ искушенія и соблазны.

* Предшествующіе десять паремій см. въ Душеполез. Чтеніи за 1866 и 1867 годы.

(а) См. изъясненіе пареміи о семъ въ Душеп. Чтеніи 1867 г. Ч. III. Стр. 174—181.

10. Родѣ же Ное три сыны, Сима, Хама, Іафееа.

О сихъ сыновьяхъ Ноя, родившихся у него спустя 500 лѣтъ его жизни, Бытописатель упоминалъ въ родословіи допотопныхъ патриарховъ (5, 32). Теперь онъ снова упоминаетъ о нихъ, какъ о предназначенныхъ къ спасенію отъ потопа вмѣстѣ съ отцемъ.

11. Раствлѣся же земля предъ Богомъ, и наполнися земля неправды.

Раствлѣся земля предъ Богомъ. Нечестіе и развратъ достигли такой степени, что самая земля явилась оскверненною ими и неспособною въ очахъ Божіихъ.—*И наполнися земля неправды.* На всѣхъ мѣстахъ обитанія людей обитали и господствовали всякаго рода неправды, т.-е. насильственные посягательства на честь, собственность и жизнь ближняго. Отъ насилій нигдѣ не было безопасности.

12. И видѣ Господь Богъ землю, и бѣ растлѣна, яко растли всяка плоть путь свой на земли.

Если сказано, что Богъ увидѣлъ растлѣніе, оскверненіе земли, это значитъ не то, что Онъ только теперь замѣтилъ оное,— оно отъ вѣка было извѣстно Всевѣдущему,— а то, что теперь Онъ обратилъ на него особенное вниманіе. Положеніе дѣлъ на растлѣнной землѣ было таково, что Онъ уже не могъ оставаться долготерпѣливымъ зрителемъ ихъ. Далѣе терпѣть растлѣніе земли и ея обитателей нельзя было, потому что уже совсѣмъ не стала людей благочестивыхъ, потому что *всяка плоть растлила путь свой на земли*, т.-е. всѣ люди, обратившись въ плотоугодниковъ, совершенно сбились съ праваго пути.

13. И рече Господь Богъ Ною: время всякаго челоуѣка приде предъ Мя, яко исполнися земля неправды отъ нихъ: и се Азъ погублю ихъ и землю.

Прежде съ угрозою объ истребленіи людей Господь обращался ко всѣмъ имъ чрезъ Ноя (Быт. 6, 3. 7); теперъ же, видя ихъ нераскаянность, уже одному Ною объявляетъ Свою волю объ истребленіи ихъ, говоря: *время есякаго человека прииде предъ Мя*, т.-е. время погубленія людей уже наступило, гнѣвный Мой взоръ уже обращенъ на нихъ (*время прииде предъ Мя*), и силы природы, готовыя быть орудіемъ Моего гнѣва, ждутъ только Моего мановенія. *Яко исполнися земля неправды отъ нихъ: и се Азъ погублю ихъ и землю.* Господь опредѣлилъ погубить не только растлѣнныхъ обитателей земли, но и самую землю, т.-е. совершить на ней такой переворотъ, что все живущее на ней (растенія и животныя) должно погибнуть, всѣ дѣла рукъ человѣческихъ и даже неорганическія существа (камни) должны быть разрушены или, по крайней мѣрѣ, сдвинуты съ своихъ мѣстъ. И растенія и животныя и камни и дѣла рукъ человѣческихъ сами по себѣ, какъ неразумные предметы, не могутъ быть признаны виновными въ чемъ нибудь предъ Богомъ, но они осквернены прикосновеніемъ къ нимъ нечистыхъ людей, носятъ слѣды ихъ вопіющей на небо неправды, и потому вмѣстѣ съ виновными осуждаются на потребленіе или по крайней мѣрѣ на превращеніе, дабы видѣли виновные, какъ тяжка ихъ вина. — Слѣды этого переворота, произведеннаго потопомъ, представляютъ намъ теперь слои коры земной.

14. Сотвори убо себѣ ковчегъ отъ дровъ (негниющихъ) четверугольныхъ: гнѣзда сотвориши въ ковчезѣ и посмолиши его внутрьуду и виѣуду смолою.

Однѣзъ Ной съ семействомъ и съ немногими представителями родовъ животнаго царства назначается для сохраненія отъ всеобщаго погубленія, которое предположено произвести чрезъ потопъ. Для спасаемыхъ отъ потопа Господь повелѣ-

ваетъ Ною устроить судно не въ видѣ корабля съ кормиломъ, мачтами и парусами, но въ видѣ ковчега, ибо это судно назначается не для плаванія собственно въ одну какую-либо сторону, а для сохраненія тварей, къ чему форма ковчега была болѣе удобна. Ковчегъ долженъ быть устроенъ изъ деревъ *негниющихъ*, или смолистыхъ (по еврейскому тексту), т.-е. кипарисовъ или кедровъ, — изъ *четвероугольныхъ*, т.-е. вытесанныхъ въ видѣ четвероугольныхъ брусевъ. Внутри ковчега должны быть приготовлены *гнѣзда*, т.-е. разныя отдѣльныя помѣщенія для разнородныхъ обитателей его и для пищи имъ. Изнутри и снаружи онъ долженъ быть покрытъ смолою для предохраненія отъ гнилости и воды и можетъ быть для смягченія непрятнаго запаха, неизбѣжнаго при накопленіи тяжелыхъ испареній отъ дыханія животныхъ и отъ нечистотъ.

15. И тако сотвориши ковчегъ: трехъ сотъ лактей долгота ковчега, и пятидесяти лактей широта, и тридцати лактей высота его.

Если подъ линейною мѣрою, именуемою лактемъ, будемъ разумѣть здѣсь лакоть шестидланную, которая употребляема была у Евреевъ до вавилонскаго плѣна (Иезек. 40, 5) и равнялась нашимъ 10, 5 вершкамъ, то ковчегъ въ длину былъ 65 сажень, 1 аршинъ, 14 вершковъ, въ ширину — 10 саж., 2 аршина, 13 вершковъ, и въ высоту — 6 сажень, 1 аршинъ, 11 вершковъ.

16. Собирая сводомъ сотвориши ковчегъ, и въ лакоть свершиши его свыше: дверь же ковчега сотвориши отъ страны: обиталища двокровна и трекровна сотвориша въ немъ.

Ковчегъ долженствовалъ имѣть кровлю плоскую, которая, впрочемъ, называется сводомъ, потому что къ срединѣ долж-

на быть едва замѣтно поднята на локоть и такимъ образомъ быть двухскатною для стока воды. Для проведенія въ ковчегъ свѣта и воздуха надлежало быть въ немъ отверстію. Оно и было, ибо ниже сказано будетъ Бытописателемъ, что до окончанія потопа Ной открывалъ окно ковчега, которое сдѣлалъ, и выпускалъ въ окно сперва врана, потомъ голубицъ (8, 6). Это отверстіе, полагають, было въ перегибѣ кровли ковчега посрединѣ ея и простиралось во всю длину кровли. Входъ въ ковчегъ заповѣдано устроить въ видѣ двери съ боку его. По высотѣ онъ долженъ имѣть три яруса, или жилья, отдѣленныхъ особыми *кровами*, т.-е. потолками: нижнее (*κατωγεα* ⁽⁶⁾), среднее и верхнее. Среднее названо *двокровнымъ*, потому что находилось подъ вторымъ кровомъ, или потолкомъ, верхнее — *трекровнымъ*, потому что находилось подъ третьимъ кровомъ, или потолкомъ. Кромѣ этихъ ярусовъ могла быть въ ковчегѣ подводная часть (трюмъ), хотя объ ней не упоминается, — для балласта, для прѣсной воды, для дровъ и для продовольственныхъ запасовъ.

17. Азъ же се наведу потопъ, воду на землю, погубити всяку плоть, въ нейже есть духъ жизни подъ небесемъ, и елика суть на земли, скончаются.

Ковчегъ предназначается только для немногихъ единицъ изъ разныхъ родовъ животнаго царства, для сохраненія сихъ родовъ. Прочія животныя, какія только есть *подъ небесемъ и на земли*, т.-е. птицы небесныя и звѣри, живущіе на сушѣ, обрекаются на погибель въ водахъ потопныхъ.

18. И поставлю завѣтъ Мой съ тобою: видѣши же въ ковчегъ ты, и сынове твои, и жена твоя, и жены сыновъ твоихъ съ тобою.

(6) Это греческое слово значитъ именно нижнее помѣщеніе, а не вообще *обиталища*, какъ переведено послavianски.

Завѣтъ значитъ союзъ, основанный на взаимныхъ обязательствахъ вступающихъ въ союзъ сторонъ. Вступая въ союзъ съ Ноемъ, Господь, какъ видно изъ всего послѣдующаго, принимаетъ на Себя обязательство и общается сохранить Ноя съ семействомъ во время потопа. Ной же съ своей стороны завѣтомъ съ Богомъ обязывается принять на себя трудъ построения ковчега и не ослабѣвать въ семъ трудѣ, какія бы не встрѣтилъ при этомъ препятствія отъ людей нечестивыхъ, и какъ бы ни былъ продолжителенъ и тяжелъ этотъ трудъ самъ по себѣ. Господь, вѣрный завѣту съ Ноемъ и обѣщанію сохранить его во время потопа, заповѣдуетъ ему, когда будетъ готовъ ковчегъ, войти въ него со всѣмъ семействомъ, состоящимъ изъ 7 душъ: его жены и трехъ сыновей съ женами.

19. 20. И отъ всѣхъ скотовъ и отъ всѣхъ гадъ, и отъ всѣхъ звѣрей, и отъ всякія плоти, два два отъ всѣхъ введеша въ ковчегъ, да питаеша съ собою: мужескій полъ и женскій будутъ. Отъ всѣхъ птицъ пернатыхъ по роду, и отъ всѣхъ скотовъ по роду, и отъ всѣхъ гадовъ, ползающихъ по земли по роду ихъ, два два отъ всѣхъ внидутъ къ тебѣ, питатися съ тобою, мужескій полъ и женскій.

Съ людьми должны быть сбережены отъ всеобщей гибели тѣ безсловесныя, которыя назначены для распложенія отъ нихъ подобныхъ имъ по окончаніи потопа, какъ сберегаются зимою въ житницахъ сѣмена на посѣвъ весною. Въ ковчегѣ должны быть помѣщены: *скоты*, т.-е. домашнія четвероногія животныя, *гады*, т.-е. пресмыкающіяся, *звери*, т.-е. дикія, живущія въ лѣсахъ и поляхъ четвероногія, *птицы*, — вообще всякая *плоть*, т.-е. всё тѣ животныя, которыхъ родъ могъ быть возобновленъ послѣ потопа не иначе, какъ

отъ животныхъ, сбереженныхъ въ ковчегѣ. Что же касается до животныхъ, которыя могли сохраниться подъ водою въ сѣменахъ и изъ нихъ послѣ потопа возродиться отъ теплоты солнечной, тѣхъ, очевидно, не говоря, о рыбахъ, не нужно было брать въ ковчегъ. Отъ каждаго рода животныхъ должно быть въ ковчегѣ *два два*, т.-е. по парѣ, состоящей изъ мужскаго и женскаго пола. Счисленіе *два два* (*duo duo*) въ значеніи пары встрѣчается и въ новозавѣтномъ писаніи, — именно оно употреблено объ апостолахъ, посланныхъ Господомъ Иисусомъ по-двое на проповѣдь Евангелія (Марк. 6, 7). Не сказано, какъ Ной долженъ былъ собрать животныхъ въ ковчегъ, — не сказано, конечно, потому, что это было и не дѣло Ноя, а дѣло особеннаго промысленія Божія, — Ною предоставлено только пустить въ ковчегъ животныхъ, которыя сами по тайному внушенію Божію соберутся къ нему.

21. Ты же возни себѣ отъ всѣхъ брашенъ, яже явите ясти, и собереши къ себѣ (*и заготовь у себя*), и будетъ тебѣ и онимъ брашно.

Не сказано, одну ли только растительную пищу надлежало припасти для всѣхъ животныхъ, или для пищи плотояднымъ — другихъ животныхъ. Нѣтъ необходимости предполагать послѣднее. Если не по естественной потребности, то по нуждѣ и будучи притомъ безъ движенія, плотоядныя безсловесныя могли довольствоваться растительною пищею, къ которой они также могли привыкнуть, какъ привыкла наконецъ къ ней домашнее плотоядное животное — кошка. Количество запасовъ для продовольствія людямъ и животнымъ, при благословеніи Божіемъ, могло быть достаточно умѣренное.

22. И сотвори Ное вся, елика заповѣда ему Господь Богъ, тако сотвори.

Ной въ точности исполнилъ повелѣніе Божіе касательно сооруженія ковчега и приготовленія продовольственныхъ запасовъ. Безъ сомнѣнія трудъ сооруженія требовалъ продолжительнаго времени, судя по громадности размѣровъ и сложности внутренняго устройства ковчега, и также потому, что трудъ этотъ раздѣляли съ Ноемъ, по всей вѣроятности, одни сыновья. Во время строенія ковчега могла продолжаться устная проповѣдь Ноя современникамъ о покаяніи; но и самое строеніе, происходившее на виду у всѣхъ и съ извѣстною цѣлію, могло служить лучшею проповѣдію и даже замѣнять словесную. Терпѣніе и мужество, съ какими Ной переносилъ, въ продолженіи времени строенія ковчега, оскорбленія отъ нечестивыхъ и боролся съ трудностями самаго дѣла, свидѣтельствуютъ о крѣпкой вѣрѣ Ноя въ Бога и Его обѣтованія: «ею осудилъ онъ весь міръ и сдѣлался наслѣдникомъ праведности по вѣрѣ». (Евр. 11, 7).

ХІІ. Паремія, положенная на вечернѣ во вторникъ третьей седмицы Великаго поста. Быт. 7, 1—5.

Въ сей пареміи идетъ рѣчь о послѣднемъ, за семь дней до начала потопа, повелѣніи Божіемъ Ною вступить въ ковчегъ.

Гл. 7. ст. 1. Рече Господь къ Ною: види ты и весь домъ твой въ ковчегъ, яко ты видѣхъ праведна предо Мною въ родѣ семъ.

Время, 120 лѣтъ, данное на покаяніе людямъ, протекло. Люди не вразумлялись проповѣдію Ноя о покаяніи и не страшились угроженія погибелью. Между тѣмъ ковчегъ уже былъ готовъ и осталось только семь дней до приведенія въ исполненіе сей угрозы (ст. 4). До сихъ поръ Ной не чуждался сношеній съ нечестивыми современниками, обличая и враз-

умляя ихъ. Теперь Господь повелѣваетъ ему съ семействомъ вступить въ ковчегъ, и тѣмъ прервать всякое общеніе съ ними, уже обреченными на погибель. Господь подтверждаетъ Ною, что спасаетъ его отъ общей погибели потому, что его одного нашелъ праведнымъ, т.-е. добродѣтельнымъ и благочестивымъ между всѣми его современниками.

2. 3. Отъ скотовъ же чистыхъ введи къ себѣ семь семь, мужескій полъ и женскій: отъ скотовъ же нечистыхъ два два, мужескій полъ и женскій. И отъ птицъ небесныхъ чистыхъ семь семь, мужескій полъ и женскій, препитати сѣмя по всей земли.

Въ заповѣди о построеніи ковчега сказано, что животныя должны быть впущены въ ковчегъ по парѣ; теперь же, когда наступило время исполнить повелѣніе о животныхъ, оно выражено точнѣе. И теперь остается въ силѣ прежнее распоряженіе о введеніи въ ковчегъ животныхъ по парѣ, по четами, но прибавлено, что чистыя животныя должны быть въ ковчегѣ не по одной четѣ отъ каждаго рода, а по семи единицъ отъ каждаго рода, т.-е. по три четы, съ прибавленіемъ одного нечетнаго — сѣдмаго. И тѣ, и другія берутся въ ковчегъ для *препитанія сѣмени по всей земли*, т.-е. для сохраненія чрезъ нихъ племени, имѣющаго отъ нихъ расплодиться по лицу всей земли. Какихъ скотовъ и птицъ считать чистыми, какія нечистыми, указано въ законахъ Моисеевыхъ: къ чистымъ отнесены здѣсь скоты и птицы жертвенныя и вмѣстѣ дозволенныя къ употребленію въ пищу, — изъ первыхъ телець, овца и козель, изъ послѣднихъ голубь (домашній) и горлица (дикій голубь). Кромѣ того къ чистымъ отнесены въ законѣ многія четвероногія и птицы, которыя назначены только для употребленія въ пищу, а не вмѣ-

стѣ для жертвы, —напримѣръ, лань, косуля (Лев. 11. Числ. 6, 30). Прочія животныя, которыхъ употребленіе въ жертву и въ пищу воспрещено, объявлены въ законѣ нечистыми. Нечистыхъ отъ каждаго рода должно быть по одной парѣ въ ковчегѣ, потому что они назначаются только для размноженія рода, а чистыхъ въ бѣльшемъ количествѣ, потому что кромѣ сохраненія и размноженія рода, для чего достаточна одна пара, остальные понадобятся для благодарственной жертвы, которую Ной принесетъ послѣ потопа (Быт. 8, 20), и для пищи, ибо послѣ потопа Богъ благословитъ людямъ мясояденіе (Быт. 9, 2). Но какимъ образомъ Ной могъ отличить животныхъ чистыхъ отъ нечистыхъ, прежде чѣмъ это различіе указано въ законѣ? Можно думать, что Ной получилъ о семъ особое откровеніе отъ Бога. Впрочемъ, что касается животныхъ собственно жертвенныхъ, различіе ихъ отъ нежертвенныхъ извѣстно было людямъ съ первыхъ временъ существованія человѣческаго рода, также изъ откровенія Божія. Ибо если еще до потопа люди научены были Богомъ приносить въ жертву животныхъ, то, конечно, Онъ же научилъ ихъ, какихъ именно животныхъ приносить въ жертву. Законъ Моисеевъ только утвердилъ то, что извѣстно было въ этомъ отношеніи прежде.

4. Еще бо дней семь, Азь наведу дождь на землю четыредесять дней и четыредесять ночей: и постреблю всякое востаніе, еже сотворихъ, отъ лица всея земли.

Семь дней назначаются для того, чтобы Ной успѣлъ въ это время принять въ ковчегъ разнородныхъ обитателей его и размѣстить ихъ въ заранѣе приготовленныхъ для нихъ отдѣленіяхъ. Черезъ семь дней начнется дождь, который будетъ непрерывно идти въ продолженіе сорока сутокъ, и тогда про-

изойдетъ такое наводненіе, что *всякое востаніе еже сотвори Господь*, все, что ни вызвано къ жизни Творческою силою, весь міръ живыхъ существъ (ст. 22) погибнетъ.

ХІІІ. Паремія, положенная на вечернѣ въ среду третьей седмицы Великаго поста. Быт. 7, 6—9.

Въ сей пареміи говорится о вступленіи Ноя съ семействомъ и съ безсловесными въ ковчегъ.

Ст. 6. 7. Ное бѣ лѣтъ шестисотъ и потопъ водный бысть на земли. Виде же Ное, и сынове его, и жена его, и жены сыновъ его съ нимъ въ ковчегъ, воды ради потопа.

Итакъ изъ всего рода человѣческаго только восемь душъ спасаются отъ воды потопной (1 Петр. 3, 20). Оставшіеся внѣ ковчега черезъ нѣсколько дней должны погибнуть. Но и теперь они не помышляютъ о грозящей имъ гибели, безопасно продолжая прежній образъ жизни: по прежнему предаются невоздержанію въ пищѣ и въ питіи, по прежнему женятся и выходятъ замужъ (Мат. 24, 38), помышляя объ однихъ плотскихъ удовольствіяхъ и о размноженіи своего рода, накануне своей гибели. Подобная безопасность, по слову Христа Спасителя, будетъ предъ вторымъ пришествіемъ Его (—37).

8. 9. И отъ птицъ чистыхъ, и птицъ нечистыхъ, и отъ скотъ чистыхъ, и отъ скотъ нечистыхъ, (и отъ звѣрей), и отъ всѣхъ гадовъ пресмыкающихся на земли. Два два внидоша къ Ною въ ковчегъ, мужескій полъ и женскій, якоже заповѣда (Господь) Ною.

Какъ ни многочисленны животныя, пришедшія къ ковчегу, они удобно могли помѣститься въ немъ на пространствѣ болѣе 3,000,000 кубическихъ футовъ. Притомъ о количествѣ животныхъ, бывшихъ въ ковчегѣ, нельзя судить по примѣчаемому нынѣ чрезвычайному разнообразію ихъ. Это разнообразіе не всегда означаетъ родовое различіе, но происходитъ также отъ ихъ смѣшенія, отъ свойства странъ, въ которыхъ они обитаютъ и многихъ другихъ причинъ. Животныя, принадлежащія къ такимъ видоизмѣненіямъ, могли не быть въ ковчегѣ безъ всякаго ущерба для ихъ рода. Собраніе животныхъ къ ковчегу съ разныхъ концовъ свѣта и въ порядкѣ было дѣломъ единственно воли Божіей, облеченной всемогуществомъ. Если Богу ничего не стоило сотворить животныхъ, могъ ли Онъ затрудниться собраніемъ ихъ въ одно мѣсто для спасенія ихъ, и могъ ли не устроить, чтобъ они собрались въ свое время, попарно, не произвели безпорядка при вступленіи въ ковчегъ, свирѣпыя и многосильныя по природѣ не нанесли при семъ какого вреда кроткимъ и маломощнымъ, и все сдѣлались покорными Нюю, какъ хозяину?

Свящ. В. Нечаевъ.

РАЗМЫШЛЕНІЕ ХРИСТІАНИНА

ПРИ ВОСПОМИНАНИИ О ДНѢ СВОЕГО РОЖДЕНІЯ.

Каждому изъ насъ свойственно памятовать день своего рожденія, какъ день, съ котораго, вмѣстѣ съ дарованіемъ жизни, начался для насъ рядъ многообразныхъ къ намъ милостей Божіихъ. Но чтобъ это памятованіе не оставалось для насъ безплоднымъ, оно должно соединяться съ размышленіемъ, воспользовались ли мы, какъ слѣдуетъ, этими милостями, — другими словами: каждый разъ, какъ возбуждается въ душѣ нашей воспоминаніе о днѣ нашего рожденія, мы должны вопрошать свою совѣсть: радостенъ ли день нашего рожденія для родителей нашихъ, для ближнихъ нашихъ, для неба, для Господа, для насъ самихъ? Безпристрастные отвѣты на сіи вопросы полезны въ томъ отношеніи, что могутъ повести насъ къ исправленію усмотренныхъ нами недостатковъ и погрѣшностей нашихъ, или къ пріобрѣтенію тѣхъ духовныхъ совершенствъ, которыхъ намъ еще недостаетъ.

Итакъ радостенъ ли день рожденія нашего для родителей нашихъ? Родители добрые радуются сколько о томъ, что у нихъ есть дѣти, столько, и еще болѣе о томъ, что у нихъ дѣти добрыя. Какая скорбь для родителей, когда они видятъ дурную жизнь дѣтей своихъ! Грустно обращается взоръ ихъ къ тому дню, когда Господь благословилъ ихъ чадородіемъ. Сердце родительское не призываетъ на дѣтей гнѣва Божія,

напротивъ, исполнено желанія имъ всѣхъ благъ, исполнено молитвы о вразумленіи и исправленіи ихъ: тѣмъ не менѣе благословеніе Божіе никогда не почиваетъ на дѣтяхъ, которыя не стараются быть утѣшеніемъ родителей своихъ. Посему каждый сынъ, каждая дочь должны быть озабочены тѣмъ, таковы ли они, чтобы можно было родителямъ ихъ веселиться о нихъ? Горе дѣтямъ, если ихъ образъ мыслей и жизни источаетъ родителямъ ихъ источникъ слезъ! Но, должно прибавить, горе и родителямъ, если отъ ихъ безпечности и небреженія объ образованіи ума и сердца дѣтей въ духѣ церкви Христовой, отъ ихъ недобраго примѣра, зависитъ то, что они не веселятся о чадахъ своихъ!

Радостенъ ли день рожденія нашего для ближнихъ нашихъ? Ближніе наши въ правѣ требовать отъ насъ содѣйствія ихъ благосостоянію, и никто не въ правѣ отказывать въ этомъ содѣйствіи, тѣмъ болѣе вредить имъ: ибо всѣмъ безъ исключенія дана заповѣдь: *возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе* (Матѣ. 22, 39), и всякій, для исполненія сей заповѣди, получилъ отъ Господа, если не пять талантовъ, если даже не два, то непременно одинъ, которымъ онъ можетъ достаточно служить и себѣ, и ближнимъ, и Богу. Тѣмъ болѣе обязаны служить другимъ тѣ, которымъ дано для этого больше средствъ. И какъ благословляется тотъ, кто, по слову апостольскому, *не своихъ си ищетъ, но яже ближняго* (1 Кор. 10, 24)! И какой ропотъ скорби, негодованія поднимается противъ тѣхъ самолюбцевъ, которые стараются жить только для себя, которые слѣпы и глухи къ бѣдности, къ болѣзни, къ скорби ближняго, которые скорѣе возьмутъ у ближняго, чѣмъ дадутъ ближнему, для которыхъ, лишь бы только имъ было хорошо, лишь бы только ихъ какая-нибудь страсть находила себѣ удовлетвореніе, ничего не стоитъ, что ближній ихъ страдаетъ, гибнетъ, ничего даже не стоитъ

такъ или иначе содѣйствовать разстройству ближняго, которые изъ всѣхъ и изъ всего хотятъ извлечь выгоды для себя, и никому и ничему не хотятъ отдать въ жертву ни спокойствія, ни удовольствія, ни другія своихъ выгодъ! Нѣтъ такимъ людямъ мира и благословенія отъ ближнихъ, отъ отечества, ни тогда, когда они живутъ на землѣ, ни тогда, когда сходятъ съ земли. Какоежь тяжкое бремя лежитъ на нихъ! Посему необходимо вопрошать себя: что я сдѣлалъ для ближняго, для общества, по мѣрѣ данныхъ мнѣ силъ и средствъ? Помогалъ ли я бѣдному, утѣшалъ ли несчастнаго, облегчалъ ли чье-нибудь затруднительное положеніе? Не вредилъ ли кому словомъ, дѣломъ, примѣромъ? Благословляетъ меня ближній мой, благодаритъ ли Бога за жизнь мою? Имѣю ли я право на память, на благодарность родной моей страны, въ томъ хотя кругу, въ которомъ жилъ и дѣйствовалъ я?

Радостенъ ли день рожденія нашего для неба?—Мы, или, по крайней мѣрѣ, многіе изъ насъ, помышляющіе болѣе о земномъ, нежели о небесномъ, болѣе о видимомъ, нежели о невидимомъ, среди заботъ мірскихъ, среди суеты житейской, и не думаемъ вовсе о томъ, что есть, кромѣ видимыхъ, еще невидимые свидѣтели нашей жизни, свидѣтели, принимающіе живое участіе въ судьбѣ нашей, съ любовію слѣдящіе за движеніями нашими, радующіеся о успѣхахъ нашихъ въ добрѣ, сѣтующіе о паденіяхъ нашихъ, охраняющіе насъ отъ зла, споспѣшествующіе намъ въ добрѣ, истинные друзья наши, любящіе насъ болѣе земныхъ нашихъ друзей. Это ангелы и святые. Радостно смотрятъ они на жизнь нашу, когда мы, хотя претыкаемся, но все еще идемъ по пути спасенія; печально, тяжело имъ смотрѣть на насъ, когда мы идемъ по пути погибели. Легче бы имъ было, еслибъ вовсе насъ не было, нежели видѣть насъ на краю бездны адовой, съ слабою надеждою избавленія отъ погибели. Они знаютъ, что они

нѣкогда будутъ свидѣтелями суда надъ нами, а нѣкоторые будутъ и судьями нашими. Ихъ любовь къ намъ, ихъ забота, ихъ ходатайство о насъ у Бога послужать только къ осужденію нашему, если мы не воспользуемся ихъ пособіемъ для нашего спасенія. Посему, ради ихъ любви къ намъ, ради собственнаго нашего спасенія, намъ должно вопрошать себя: такъ ли мы живемъ, чтобъ радовались о нашей жизни небожители?

Радостенъ ли день рожденія нашего для Господа?—Богъ сотворилъ человѣка, далъ ему Свой образъ, поставилъ его владыкою всей видимой твари. Человѣкъ оказался недостойнымъ такой любви къ нему Бога. Господь наказалъ его, но не отвергъ отъ себя, не погубилъ; сначала обѣщалъ послать, потомъ дѣйствительно послалъ ему Спасителя, въ лицѣ едиnorodнаго Сына своего, Господа нашего Иисуса Христа. Сынъ Божій содѣлался Богочеловѣкомъ, и, для искупленія нашего, низшелъ до самой крайней степени униженія, до страданія и смерти; славнымъ воскресеніемъ своимъ содѣлался начаткомъ умершихъ, славнымъ вознесеніемъ и сѣдѣніемъ одесную Бога Отца облекъ насъ славою вѣчною; послалъ Духа святаго для запечатлѣнія въ насъ дѣла искупленія. Ради едиnorodнаго Сына своего, Богъ терпитъ грѣшника, всѣми средствами зоветъ его на покаяніе, пріемлетъ кающагося, и какъ пріемлетъ? Съ распростертыми объятіями даетъ ему благодать свою для противодѣйствія грѣху, для содѣланія добра и укрѣпленія въ добрѣ. Какая бездна любви! Какъ этой любви радостно бываетъ, когда чувствуютъ ее, соотвѣтствуютъ ей! Какъ тяжело, когда не чувствуютъ, оскорбляютъ, отвергаютъ ее! Но сколько долготерпѣлива, столькоже правосудна любовь Божія. Есть въ Писаніи мѣсто, гдѣ говорится, что *раскаялся Иегова, что создалъ человѣка на земль, и возскорбѣлъ въ сердцѣ своемъ* (Быт. 6, 6). Сіе сказано о людяхъ,

жившихъ до потопа. Не разъ взывалъ Онъ къ нимъ о покаяніи, угрожалъ погибелью, но они не вразумились. Онъ погубилъ ихъ въ безднѣ водной, изъ которой они перешли въ бездну адову. Гнѣвъ Божій угрожаетъ всякому погибелію, кто, исполняя не волю Божию, но волю страстей своихъ, оказываетъ *пренебреженіе къ Духу Божію*, и превращаетъ себя *въ плоть* (Быт. 6, 3). Какъ слѣдственно важень долженъ быть для каждаго вопросъ: радуется ли о мнѣ Господь? не оскорбляю ли я любви Его своей жизнію? не пренебрегаю ли многочисленными и разнообразными внушеніями Его благодати? Уже не раскаялся ли Онъ, что сотворилъ, искупилъ меня? Не говорить ли о мнѣ Спаситель мой тогоже, что сказалъ нѣкогда объ одномъ изъ учениковъ своихъ, содѣлавшемся послѣ предателемъ Его: *добро бы было ему, аще не бы родился человекъ той* (Мат. 26, 24)?

Радостень ли день нашего рожденія для насъ самихъ?... Но этотъ вопросъ пусть каждый рѣшитъ самъ, принявъ въ соображеніе прежде изложенныя размышленія. Иначе можеть быть, какъ это часто и бываетъ, и радость о жизни ошибочна, и скорбь о жизни неосновательна.

И такъ, радостень ли день нашего рожденія, или, что тоже, радостна ли жизнь наша для родителей нашихъ, для ближнихъ нашихъ, для Неба, для Господа, для насъ самихъ? Да дастъ намъ Господь желаніе и силу рѣшить сіи вопросы въ славу Божию, во благо ближнихъ и отечества, на радость небожителей, на собственную нашу вѣчную радость о жизни.

Протоіерей Н. Рудневъ.

АРХИМАНДРИТЪ МИТРОФАНЪ,

НАСТОЯТЕЛЬ МОСКОВСКАГО БОГОЯВЛЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ.^(а)

Не ограничиваясь сочиненіемъ однѣхъ проповѣдей, архимандритъ Митрофанъ перевелъ на русскій языкъ какую-то древнюю славянскую рукопись, и переводъ свой подъ заглавіемъ: *Будильникъ или христіанскія чтенія о памяти смертной*, представилъ преосвященному митрополиту Филарету на усмотрѣніе, съ изъявленіемъ желанія напечатать. Черезъ нѣсколько времени, владыка отправилъ къ нему письмо слѣдующаго содержанія:

«Не препятствую вамъ, отецъ архимандритъ, будить спящихъ вашимъ *Будильникомъ*, ѣдущимъ на *четверочастной колесницѣ*; но не могу сказать, чтобы выборъ вашъ былъ хорошъ. Вы хорошо сдѣлали, что пропустили Овидіевы превращенія, которыми будильникъ хочетъ изъяснять духовныя истины: но по сему могли вы примѣтить, до какихъ нелѣпостей доводитъ писателя мнимое краснорѣчіе и остроуміе. Почти во всемъ, что онъ говоритъ, является принужденнымъ, празднословнымъ, одностороннимъ. Надобно ли исписать листъ, упомянуть объ оракулахъ, о сивиллахъ, о философахъ, объ Александрѣ Великомъ, привести Тертуллиана, Кипріана, Сенеку, чтобы доказать, что всѣ умираемъ? Онъ рассказываетъ выдумки, приводитъ темныя свидѣтельства подъ названіемъ прекрасныхъ, въ простыхъ словахъ находитъ смыслъ, котораго въ нихъ нѣтъ. Надобенъ ли странный рассказъ, что Ной роздалъ потомкамъ кости Адама, кому руку, кому ногу, чтобы вывести заключеніе: всѣ умираемъ?»

(а) Окончаніе. См. октябрскую книжку.

«Изъ гробовой земли рождается новый человекъ. Что это значить?»

«Къ зачатію новаго человека не требуется ни продолженія времени, ни великихъ трудовъ, ни усилія. Сей новый человекъ рано начинается и весьма скоро рождается. Сіе бываетъ отъ одного воззрѣнія. Правда ли это? Вспомните слова апостола: чадца моя, имижже паки болѣзную?»

«Больше сей книги надобно было бы написать, если бы показать все, что въ ней сказано не въпадѣ. Окт. 17. 1847 г.»

Кромѣ проповѣдей архимандритомъ Митрофаномъ напечатаны (Губ. вѣд. 1847 г.) слѣдующія его произведенія: 1) *Сказаніе о чудотворной иконѣ Знаменія пресв. Богородицы*, почерпнутое изъ житія св. Іоанна, архіепископа Новгородскаго; 2) *Нѣчто достопамятнаго о Моск. Богоявленскомъ монастырѣ*, въ 12-ти статьяхъ, изобилующихъ краснорѣчіемъ; 3) *Церковь преп. Марона чудотворца*, въ Москвѣ (что въ старыхъ панѣхъ) и 4) *Свѣдѣнія о св. Маронѣ чудотворцѣ*.

Замѣчательнѣе разсказъ его, подъ заглавіемъ: *предвкушеніе силы грядущаго вѣка*, написанный имъ въ санѣ священника, и только недавно напечатанный въ «Душеполезномъ Читаніи» (1866 г. ч. 2-я, Извѣстія и замѣтки, стр. 10—19). Необыкновенное происшествіе, описываемое здѣсь, «есть одно изъ тѣхъ, которыми разрѣшаются нѣкоторыя недоумѣнія наши въ наукѣ о душѣ и проясняются нѣкоторыя тайны ея состоянія за гробомъ» (предисловіе).

Митрофанъ, по его собственному сознанію, поэтомъ не рожденъ; но любовь къ поэзіи была въ немъ столь велика, что и во снѣ онъ иногда сочинялъ стихи, которые послѣ записывалъ. Изъ его стихотвореній извѣстно въ печати: *Хвалебное приношеніе вѣры новопрославленному святителю Митрофану*, въ 5-ти пѣсняхъ (М. 1836 г.). По поводу этого сочиненія, членъ цензурнаго комитета при Моск. дух. академіи, блаженной памяти протоіерей Ѳ. А. Голубинскій, написалъ сочинителю (тогда бывшему священникомъ) два письма, которыя мы помѣщаемъ здѣсь, въ сокращенномъ видѣ.

1. «Съ душевнымъ удовольствіемъ я получилъ и прочелъ стройныя ваши пѣснопѣнія въ честь и славу св. Митрофана. Въ одобреніи ихъ къ напечатанію не можетъ быть никакого сомнѣнія. Только позвольте попросить васъ, не можно ли вамъ исправить слѣдующіе стихи:

Въ IV пѣсни: *старецъ хилый*... Хорошо сказать такъ о старцахъ обыкновенныхъ, но не о св. Митрофанѣ. — ...*Праха анахорета*. Очень хорошее слово (Анахоретъ) въ нынѣшнемъ слогѣ; но не въ устахъ св. Митрофана. Онъ такъ едва ли говорилъ. — *Шумитъ сердитою волной*... Не видно близкаго сходства между шумомъ сердитыхъ волнъ и тихимъ стеченіемъ народа къ гробу святаго.

Въ V пѣсни: *повѣй, повѣй еще, бывое*. Слово: *бывое* очень хорошо въ балладахъ, элегіяхъ и романсахъ: но кажется еще не введено въ слогъ эпическихъ стихотвореній.

«Дохнулъ и все родное пало,
«И съ корнемъ вырвано изъ нѣдръ.

Слишкомъ много сказано. И въ нашъ вѣкъ не всѣ заражены страстью къ лжемудрованіямъ; и въ золотыя годы Екатерины было не мало вольнодумцевъ, еще хуже нынѣшнихъ.

Сообщая вамъ сіи замѣчанія, надѣюсь, что вы припишете оныя истинному побужденію, изъ котораго произошли оныя, т. е. искреннему желанію, чтобы прекрасное стихотвореніе ваше было какъ можно совершеннѣе и свободнѣе отъ притязаній критики... 1835 г. ноября 3-го дня».

2. «Приношу вамъ усерднѣйшую благодарность за дорогой и любезный подарокъ книжки вашего гимна св. Митрофану. Вы доставили мнѣ пріятное удобство не только самому услаждаться перечитываніемъ изліяній чистой души вашей, воспламененной усердіемъ къ великому угоднику Божію, но и раздѣлить это услажденіе съ другими. По нынѣшней же почтѣ отправляю въ Воронежъ четыре книжки ваши, и одну изъ нихъ приношу въ даръ преосвященнѣйшему Антонію. Какъ желалъ бы назвать ему имя сочинителя, чтобы онъ помянулъ это имя предъ мощами Святителя! но не имѣя на то вашего позволенія, не смѣю быть откровеннымъ; по крайней мѣрѣ напишу только одно имя Михаила, не сказывая, кто этотъ

Михаилъ... Дай Богъ, чтобы многіе въ нашемъ отечествѣ съ услажденіемъ и пользою читали это выраженіе усердной вѣры, и читая, болѣе и болѣе воспламенялись огнемъ вѣры и благовѣнія къ угоднику Божію! Дай Богъ вамъ за душевное ваше приношеніе вѣры удостоиться благихъ даровъ Святителя здѣсь на землѣ и нетлѣннаго вѣнца въ вѣчности... 1836 г. мая 10-го дня».

Весьма замѣчательно произведеніе Митрофана: *Радонежскій пустыиникъ, св. Сергій чудотворецъ*, жизнеописательное стихотвореніе въ девяти пѣсняхъ (1849). Преосв. Пареній писалъ о немъ сочинителю: «я читалъ и читаю его съ душевнымъ услажденіемъ, радуясь, что священный огонь поэзіи доселѣ теплится внутри васъ и свѣтитъ внѣ». Николай, епископъ Калужскій, бывшій викарій Московскій (1831-34), замѣчаетъ въ письмѣ (отъ 6-го августа) къ нему: «какая плавность и стройность въ стихахъ вашихъ безъ всякой потери мыслей! Это вашъ даръ, о которомъ я зналъ еще въ Тамбовѣ (гдѣ былъ ректоромъ семинаріи), куда вы писывали стихами къ А. А. Колоколову. Этотъ даръ вашъ и доселѣ въ васъ не старѣетъ. А тому прошло уже двадцать лѣтъ. Какъ вы, а я старъ; уже за 60-ть лѣтъ. Желаю вамъ юнѣть. Поэты, по сильному ихъ воображенію и живости, способныѣе къ тому, нежели прочіе. Да будетъ это такъ!»

«Жизнь великаго угодника, — писалъ къ автору Ѳ. Е. Яковлевъ, сама по себѣ есть красота чудная, привлекательная, нестарѣющая, какъ нетлѣнность его тѣла, и неуядаемая, какъ благодать. Она, конечно, вдохнула вамъ изложеніе стройное, проникнутое духомъ вѣры, благочестія и назидательности. Предчувствіе ваше, выраженное въ стихѣ:

«Дерзай! Мнѣ тайное вѣщаетъ вдохновенье.

оправдалось, какъ нельзя лучше. Душа ваша, какъ видно изъ всего сочиненія, рада была святому впечатлѣнію и нашла благопріятный случай развить настроеніе затаенныхъ чувствъ вашего богомыслия.... Я не поверхностно прочелъ вашу поэму и не безотчетно любовался ею.... Есть въ ней описанія, которыя замѣтны своей живописью; напримѣръ,

вотъ описаніе нравовъ нашихъ предковъ (стр. 8); нельзя прочесть его безъ особеннаго удовольствія:

Языкъ не утонченъ учтивостью бездушной,
 Но въ искреннихъ сердцахъ, при простотѣ радушной,
 Хранилось дружество до двери гробовой,
 Какъ лучшій благъ земныхъ источникъ родовой....

«Это вырвалось прямо изъ глубины любящаго вашего сердца. И стихъ пламень и языкъ пріятель; поэзія сердца всегда была истинной поэзіей. Описаніе старца ⁽⁶⁾ красиво и величественно (стр. 19.):

Величественъ былъ видъ священнаго лица:
 Сребристой сѣдиной, во образъ вѣнца,
 Глава его съ брадой почтено украшалась,
 И мантия съ ramenъ волнами внизъ спускалась;
 Онъ взоры возводилъ умильно на востокъ,
 И съ старческихъ ланитъ струился слезъ потокъ,
 Чуть движимы уста молитву совершали,
 И вздохи тихіе грудь старца колебали.

«Если бы явился теперь кому бы то ни было такой благовидный старецъ, то остановилъ бы и взоры и вниманіе и благочестивое къ нему уваженіе. Чѣмъ ближе поэзія подходитъ къ натурѣ, тѣмъ становится интереснѣе; потому что сама натура, которой мы любуемся, есть поэзія; на ней лежитъ печать вѣчнаго вдохновенія. Стихотворецъ ошибается, если хочетъ украсить природу; фантастическія украшенія ослѣпляютъ, но не привлекаютъ: это кимваль бряцающій.

«Отроческое поведеніе Сергія (стр. 27. 28) очерчено счастливыми стихами. Они столько же наивны, какъ сердечное расположеніе святаго отрока, — разнообразны, какъ труды его, и сосредоточены, какъ благодать, рано его постигшая. И отрочество и изложеніе его соединенно дѣйствуютъ на душу пріятными ощущеніями.

«Воспоминаніе усопшихъ, которыхъ мы сердечно любили, читается съ теплотою сердечной. Истинная любовь не ограничивается временемъ. Какъ ни страшнымъ рубежемъ

(6) Въ одинъ день отецъ послалъ Варѳоломея (прежнее имя св. Сергія) искать коней. На полѣ подъ дубомъ увидѣлъ онъ незнакомаго старца, черноризца, пресвитера....

кажется гробъ, она переступаетъ чрезъ него, сохраняетъ свои чувства, и, если нѣтъ болѣе на свѣтѣ ея любимца, бесѣдуетъ съ его могилой. Стихи (стр. 42) выразительно передаютъ эту мысль, и навѣваютъ на душу — тихую, благочестивую задумчивость, въ которой предчувствіе другой жизни и будущее соединеніе душъ притупляютъ ужасъ смерти.

Но пища для любви воспоминанье милыхъ;
 Ей слезы сладостны; съ ней мы, въ мечтахъ унылыхъ,
 Всѣ любимъ средь могилъ задумчиво ходить,
 И тайны грустныхъ думъ съ усопшими дѣлать!
 Любовь горячая, какъ чистый неба пламень,
 Блюдетъ ихъ милый прахъ, вливаетъ чувства въ камень,
 Стоящій, какъ скрижаль завѣтныхъ сердца словъ,
 На рѣзкой грани двухъ сосѣдственныхъ міровъ.
 Любовь заботливо ихъ гробы посѣщаетъ,
 И души ихъ своей молитвой услаждаетъ!

«Описаніе пустыннаго лѣса (стр. 47) очень живописно:

Взошли (в) и надъ главой ихъ дубы вѣковые,
 И сосны черныя, и ели гробовыя,
 Накинувъ свой покровъ, затмили сводъ небесъ:
 Казалось, что и міръ совсѣмъ для нихъ исчезъ.
 Далекій отъ жилищъ лѣсъ дикій, непроходный
 Пустынножительству давалъ пріютъ удобный.
 Не достигалъ сюда ни взоръ, ни слѣдъ людской;
 Ни съ сѣтью звѣроловъ, ни дровосѣкъ съ пилой
 Не приходилъ смущать сонъ дѣвственной дубравы и проч.

«Ландшафтъ дикій, мастерски схваченный съ природы. «Пустынножительство изображено прекрасно (стр. 48 до 52). Контрасты много придаютъ ему разнообразія и занимательности. Простыя вещи въ рукахъ святыхъ становятся выше драгоценностей, равно какъ и самые святые мужи, ничего не значущіе въ глазахъ міра, возвышаются предъ Богомъ, какъ звѣзды Божіи.

Они заброшены, забыты какъ невѣжды,
 Въ вертепахъ, въ пропасть безъ пищи, безъ одежды,
 Какъ странники земли, какъ мученники слезъ;
 Но соль земли они, наслѣдники небесъ.

(в) Родные братья Стефанъ и Варооломей, ища мѣста для пустынножительства, вошли въ густой, дремучій боръ.

«Искушенія подвижниковъ изложены съ довольною подробностью (стр. 61—65). И точно,

Въ страну безстрастїа, чтобъ Божій миръ вкусить,
Какъ трудно съ плотію путь ровный проложить!

«Появленіе медвѣдя картинно:

Косматый ломить все мѣгучею стопою,
Реветь грозой, трясеть сердитою главою,
Сверкаетъ молніей неистовыхъ очей,
И съ пастью страшною у самыхъ сталъ дверей.

«Много и другихъ примѣчательныхъ мѣстъ находится въ вашей поэмѣ; выписаны мною тѣ, которыя болѣе другихъ бросились въ глаза, отличаясь, кромѣ внутренняго достоинства, стихомъ стройнымъ, благозвучнымъ и красивымъ. Да и вообще стихосложеніе ваше было бы очень прїятно, если бы не врывались въ него иногда формы словъ славянскихъ, какъ то: власы, млеко, брега, воспрянуть, чревоносящая и прочія... Впрочемъ замѣчаніе мое не походить на придирки нашихъ крикуновъ журналистовъ, которые смотрятъ въ увеличительное стекло на пылинки, а горы другихъ достоинствъ въ то же время ускользаютъ изъ ихъ глазъ. Въ вашемъ сочиненіи, безъ преувеличенія скажу, горы благочестивыхъ мыслей, чистой правственности и религіозности».

Неизданными остаются: *Пѣснопись* (изъ 4-хъ пѣсней) св. мученикамъ *Сергію и Вакху*, составленное въ 1846 году; *Св. Алексій, Божій человекъ*, стихотвореніе въ 5-ти пѣсняхъ, 1849 года. Въ послѣднее время жизни своей о. архимандритъ сочинялъ духовное стихотвореніе, подъ заглавіемъ: *Товій*, и только успѣлъ написать 5 пѣсень объ этомъ извѣстномъ библейскомъ лицѣ. Въ началѣ одного изъ поименованныхъ стихотвореній (св. Сергій и Вакхъ), эпиграфъ составляютъ слова: *мнѣ же злыо честни быша друзи Твои, Боже!* (Псал. 138, 17.) Благочестивый писатель имѣлъ право примѣнять ихъ къ себѣ.

Знакомый съ иностранными языками, Митрофанъ въ 1843 г. издалъ въ свѣтъ: *Пять сатиръ Горация въ стихахъ*, переводъ съ латинскаго. Въ слѣдующемъ году, «желая способствовать духовному благу поступающихъ въ монаше-

ство», онъ просилъ архипастырскаго благословенія издать переводъ книги Людовика Франциска Блозія, подъ заглавіемъ: *Speculum religiosorum* ^(г). Осторожный архипастырь не согласился на это. Вотъ подлинныя его слова. «Фев. 28. Чѣмъ болѣе уважаю благонамѣренный трудъ, тѣмъ болѣе прискорбно мнѣ, что не могу одобрить напечатаніе сего сочиненія, особенно въ настоящемъ его видѣ. Нѣкоторыя мѣста въ переводѣ не ясны, и подвержены неправильному приложенію. Нѣкоторыя наставленія такъ приспособлены къ практикѣ монастырей Западной церкви, что въ отношеніи къ православному монашеству будутъ частію неясны, частію противорѣчуци принятымъ отъ святыхъ отецъ правиламъ. Есть ученія, кромѣ замѣченныхъ цензурою, въ духѣ западной мистики изложенныя односторонно, и потому подверженныя неправильному приложенію. Монашество православное не скудно наставленіями святыхъ отецъ и не имѣетъ нужды быть переучиваемо по западнымъ руководствамъ; а если имѣетъ нужду, то въ новыхъ, болѣе удовлетворительныхъ переводахъ книгъ отеческихъ, или въ извлеченіяхъ, приспособленныхъ ко удобнѣйшему употребленію.»

Впрочемъ трудъ Митрофана не былъ напрасенъ; по исправленіи и сокращеніи, переводъ его былъ помѣщенъ сперва въ «губернскихъ вѣдомостяхъ» 1847 г., а въ 1849 году изданъ

(г) Сначала онъ послалъ свой переводъ въ цензурный комитетъ. «Возвращая къ вашему высокопреподобію тетрадки вашего перевода», писалъ цензоръ протоіерей П. С. Делицынъ (отъ 8-го февраля 1844 г), «признаю нужнымъ довести до вашего свѣдѣнія о существующемъ указѣ св. Синода, по которому «сочиненія духовныхъ лицъ должны быть принимаемы въ цензуру и достойныя по разсмотрѣніи одобряемы къ напечатанію не иначе, какъ ежели тѣ сочиненія войдутъ туда съ вѣдома и разсмотрѣнія епархіальнаго преосвященнаго.» Правда, что указъ сей состоялся еще 25 ноября 1822 года, т. е. до Высочайше утвержденного устава нынѣшней цензуры, и повидимому простирается на сочиненія, а не на переводы; но нашъ комитетъ особенно руководствовался и руководствуется онымъ въ разсужденіи лицъ московской епархіи, потому что такое положеніе измышлено нашими владыкою и ему весьма памятно. А потому...не излишне будетъ до приступленія къ печатанію испросить позволеніе и благословеніе его высокопреосвященства.»

отдѣльною книжкой, подъ заглавіемъ: *Наставленія христіанину для руководства въ религіозно-правственной дѣятельности (въ письмахъ), составленныя по Блозію*. Преосв. Пареній писалъ къ издателю: «и еще отъ васъ подарокъ для душевной пищи! Трудъ благочестивый, дѣло святое! Это въ родѣ подражанія безцѣнной книжкѣ: «Подражаніе Іисусу Христу». Истинно-христіанскіе, практическіе уроки для преуспѣванія въ разумѣ духовномъ и благочестіи! И для трудившагося питательно, и для читателя христіолюбиваго спасительно. Благоволите выслать 25 экземпляровъ, съ означеніемъ цѣны, для ищущихъ спасенія. Предметъ вами избранъ очень интересный. Я бы считалъ не излишнимъ расширить объемъ книжки дополненіемъ важнѣйшихъ истинъ вѣры и христіанскихъ обязанностей, въ родѣ: *Брань духовная*, изданная и сочиненная Итальянцемъ Лаврентіемъ Дономъ Скуполи.»

Въ апрѣлѣ 1844 года, на разсмотрѣніе московскаго іерарха былъ представленъ о. Митрофаномъ опытъ перевода (съ латинскаго) нѣкоторыхъ писемъ св. Григорія Двоеслова, съ приложеніемъ оглавленія и другихъ вѣроучительныхъ писемъ его, избираемыхъ для перевода и изданія въ свѣтъ. Мудрый архипастырь отвѣтствовалъ (отъ 21-го іюня 1845 г): «Изъ писемъ Св. Григорія можно сдѣлать выборъ, и составить собраніе занимательное и полезное. Но выборъ долженъ быть внимательный, и переводъ точный и ясный. Напримѣръ, письма, въ которыхъ святой Григорій полагаетъ, что солдату, не выслужившему узаконенныхъ лѣтъ, надобно дозволить идти въ монастырь, не полезно переводить, и цензура не должна одобрить къ напечатанію такія письма.»

О. архимандритъ снова представилъ на разсмотрѣніе митрополиту переводъ нѣкоторыхъ твореній Григорія Двоеслова, какъ видно изъ слѣдующаго отзѣва московскаго святителя о семъ трудѣ: «Возвращаю рукопись. Много читать нѣтъ времени, и, признаюсь, утомительно».

«Изъ писаній Св. Григорія Двоеслова самая удобочитаемая книга есть Разговоры. Въ прочихъ многое можетъ быть сокровищемъ, если выбрать и отдѣлить: но иное затрудняетъ.

«Обличеніе тягача, нежели наказаніе». Не правда.—

arguere больше, нежели corrigere. Но когда вы перевели сіи слова примѣнительно къ славенскому тексту псалма: мысль получила ложный видъ.

«Посль смерти переходятъ къ жизни черезъ огонь испытанія.»— Это немножко пахнетъ западомъ, и, можетъ быть, не отъ сочинителя, а отъ издателя. Одинъ изъ издателей сего писателя хвалился въ предисловіи, что очистилъ его отъ мнѣній благопріятствующихъ не Римлянамъ. Издатели сего писателя также признаются, что есть жалобы на произвольность смысловъ, которые онъ даетъ текстамъ. Просвѣщенные и благорасположенные люди уважатъ въ семъ нравственное и духовное направленіе: а простые такими образцами сбиваются съ пути. Посему будетъ ли трудъ вашъ по читателямъ и общаетъ ли желаемый плодъ?— Предоставляю вамъ разсудить и рѣшить сіе. Не препятствую: но одобреніе произнести сомнѣваюсь. Окт. 31, 1847».

Митрофанъ перевелъ также на русскій языкъ нѣсколько писемъ (57) блаж. Иеронима, трактатъ его о подвижничествѣ, нѣкоторыя изъ твореній св. Кипріана, блаж. Августина и др. На французскій языкъ переложены имъ: «Богомысленное размышленіе» св. Дмитрія Ростовскаго о пресвятыхъ страстяхъ Господа нашего Іисуса Христа», и пять поучительныхъ словъ митрополита Филарета. По прочтеніи какой-то иностранной статьи, полученной отъ Митрофана въ русскомъ переводѣ, владыка увѣдомилъ его: «не смущайтесь французскимъ безуміемъ. Сказка о истязанныхъ будто бы Римско-католическихъ монахиняхъ теперь, кажется, и отъ самаго римскаго двора объявлена сказкою, не имѣющею основанія» (Март. 8, 1846).

Митрофанъ имѣлъ рѣдкій даръ располагать въ свою пользу людей. Онъ имѣлъ счастливую наружность: его величественная осанка внушала почтительность къ нему; его открытый видъ съ пріятной улыбкой на устахъ — любовь къ нему. Въ обращеніи съ нимъ всякій могъ цѣнить его добрую, открытую и дружелюбную душу. А рѣчь его, всегда умная, живая, и растворенная сердечностію, была такъ увлекательна, что всѣ любили говорить съ нимъ и слушать его. У него бывали многіе не только для пріятнаго собесѣдованія, но и

за словомъ совѣта, за утѣшеніемъ въ скорбяхъ, или за вещественною помощію, и уходили отъ него удовлетворенные. Онъ и самъ бывалъ у родныхъ, къ которымъ постоянно питалъ нѣжную привязанность, у своихъ старинныхъ пріятелей ^(д), для ласки и привѣта, или чтобы раздѣлить съ ними «честную трапезу»; но не тяготился и одиночествомъ, которое ведетъ въ общество небесное.

«Сижу и въ тайнѣ ублажаю

«Мой одинокій, тихій бытъ.

Свободное время онъ, обыкновенно, посвящалъ чтенію духовныхъ книгъ и собственнымъ духовнымъ сочиненіямъ и переводамъ. Въ послѣдніе годы жизни своей трудился, ни зная усталости, нерѣдко «съ часовъ полночныхъ»; даже выучился по англійски, такъ что могъ писать на этомъ языкѣ. Но ни усиленные занятія, ни общество, ни друзья — ничто не могло заглушить оставшееся въ немъ послѣ сердечныхъ утратъ чувство грусти, которое по временамъ находило на него, особенно подъ конецъ жизни. Онъ самъ выразилъ это въ стихахъ своихъ, въ этомъ вѣрномъ зеркалѣ души его:

Братья, други! грустно мнѣ
 Съ вами въ дольнѣй сей странѣ!
 Я люблю васъ, други, братья!
 Всѣ вы Божія семья.
 Сладки ваши мнѣ объятія,
 Съ вами жизнь красна моя.
 Но тоскѣ моей простите,
 Съ миромъ къ приснымъ отпустите...

Эта грусть, при содѣйствіи благодати, переходила у него въ *печаль яже въ Бозѣ* (2 Кор. 7; 10), и изливалась въ молитвѣ и слезахъ; то были слезы уже не мірской тоски, безотрадныя и горькія, а духовнаго умиленія. Сынъ его Нилъ Михайловичъ сообщилъ намъ слѣдующее: однажды вмѣстѣ съ родителемъ, я слушалъ вечерню въ алтарѣ соборной церкви Знаменскаго монастыря. Родитель мой, слѣдя за канонархомъ, сказывавшимъ стихиры, пѣлъ довольно громко, и

(д) Таковъ былъ протоіерей Троицкой на Арбатѣ церкви С. И. Тихомировъ-Платоновъ (+ 1866 г.), другъ и Ѳ. Е. Яковлева,

голосъ его, сливаясь съ голосами поющихъ монаховъ, пріятно раздавался подъ сводами алтаря. Когда запѣли умиленный тропарь: «къ Богородицѣ прилежно нынѣ притецемъ», тогда голосъ началъ стихать и наконецъ замолкъ... Я взглянулъ на моего родителя. Онъ стоялъ, сложа крестообразно руки на груди своей; его кроткій взоръ неподвижно устремленъ былъ на икону Богоматери, и обильныя горячія слезы струились изъ очей его!

Господь, *всѣмъ человекомъ хотящій спастися, и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4), велъ своего избраннаго такъ, какъ бы онъ не желалъ, но туда, куда желаетъ достигнуть, т. е. въ царство небесное; разными скорбями и испытаніями отрѣшалъ Господь душу его отъ міра, прежде нежели она отрѣшилась отъ тѣла.

Въ латинской автобіографіи искренно пишетъ онъ: «вспоминавая о протекшихъ дняхъ моей жизни, я не хотѣлъ издавать въ свѣтъ то, о чемъ, при случаѣ, молча, размышлялъ самъ съ собою: потому что не завидую другимъ въ славѣ или имени народномъ; не стараюсь снискать себѣ память у потомковъ, или благодарность отъ гражданъ. Самый опытъ убѣдилъ меня въ томъ, что всѣ, такъ называемыя, блага вѣка сего тлѣнны и мимотечны. Только бы меня, бѣднаго раба Христова, Отецъ нашъ, сущій на небесахъ, не отчуждилъ отъ завѣта своей благодати; только бы меня не ипаче возжелало блаженнѣйшее общество праведныхъ; только бы мнѣ, по смерти моей, выпалъ счастливый жребій получить жизнь вѣчную: одного этого желаю, а касательно прочаго, каково бы оно ни было или чѣмъ бы ни казалось, я мало или вовсе не забочусь».

О. Митрофанъ, не чуждаясь живаго, помнилъ часъ смертный:

Будеть время, и со мною
Смерть поступитъ, какъ съ травою.
Взмахомъ роковой косы
Посѣчетъ меня украдкой,
И поставитъ на вѣсы
Предъ Тобой, Иисусе сладкій!

Не войди тогда со мной
 Но дѣламъ въ судъ грозный, строгій,
 Но прости мнѣ грѣхи мнѣ многи,
 Со святыми упокой!

Надъ скромнымъ ложемъ его былъ изображенъ на стѣнѣ, въ настоятельскихъ покояхъ Знаменскаго монастыря, надгробный памятникъ съ надписью: hic requiescam in pace (здѣ почію въ мирѣ), а въ Богоявленскомъ монастырѣ—гробъ виванскаго Лазаря. Такимъ образомъ отходя ко сну, онъ поминалъ смерть, которой сонъ есть образъ и преддверіе. Какъ онъ внимателенъ былъ къ своимъ видѣніямъ во снѣ, въ какомъ благочестивомъ духѣ взиралъ на нихъ, видно изъ слѣдующаго стихотворенія, въ которомъ, выражая передъ родственникомъ свою радость по случаю изданія книги: «Радо-нежескій пустынный, Сергій чудотворецъ», — архимандрить говоритъ:

Пишу еще въ стихахъ тѣ замогильны тайны,
 Какія видѣлъ я во снѣ моемъ не разъ,
 Какъ старецъ, вашъ отецъ, (е) и братья глазъ на глазъ
 Являлись мнѣ; въ какомъ всѣ были положеньи,
 Что завѣщали мнѣ объ ихъ поминовеньи...
 Одинъ до васъ тогда касался разговоръ
 (Все послѣ изложу). И не мечта, не вздоръ
 Въ расказѣ будутъ томъ, а важныя видѣнья,
 Какъ свыше данныя, и въ родѣ откровенья.
 Хотите, вѣрите мнѣ, хотите, другъ мой, нѣтъ,
 Мнѣ трудно самому дать вѣрный въ томъ отчетъ.
 Хоть правда, что и снамъ не всякимъ вѣрить должно,
 А нѣчто принимать правдоподобно можно.
 Вы знаете, что я и самъ не суевѣръ,
 Не пустосвятъ, но цвѣтъ вещей что бѣлъ, что сѣръ,
 Умѣю распознать... Вотъ первый сна образчикъ:
 Разъ вижу предъ собой не гробъ, а красный ящикъ
 Квадратный, мѣрою сажени въ двѣ иль три,
 Обитый золотомъ не сверху, а внутри.
 Тотъ ящикъ былъ пустой; лишь крестъ въ немъ на престольный
 Лежалъ на пеленѣ... Вдругъ со стороны угольной
 Явился старецъ нашъ, священникомъ одѣтъ,

(е) Священникъ Никита Петровичъ. Изъ троихъ сыновей его одинъ жилъ на Кавказѣ.

И крестъ тотъ съ пеленой изъ ящика беретъ.
 «Пойдемъ, мнѣ говорить, я дамъ благословенье
 Троймъ моимъ сынамъ: ихъ будто безъ призранья
 Оставилъ я, и всѣхъ въ разрозненныхъ мѣстахъ».
 И сталъ онъ на амвонъ; я въ царскихъ былъ вратахъ.
 Смотрю: являетесь вы вмѣстѣ, трое братья,
 Другъ друга сжавшими въ тѣснѣйшія объятія,
 И пали предъ отцемъ. Возвысивъ крестъ святой,
 Онъ двумъ сказалъ: «останьтесь вы со мной;
 А ты, Василій, встань и этотъ крестъ неси
 Вотъ съ нимъ (ж), и на моей могилѣ водрузи».
 Ты всталъ (а прочіе лежали не вставая)
 И руки старчески съ слезами лобызая,
 Понесъ тотъ крестъ со мной изъ церкви вонъ.
 Тѣмъ кончились тогда видѣніе и сонъ (з).

Еще въ 1846 году о. архимандритъ жаловался (въ лат. автобіографіи) на болѣзнь въ ногахъ, отъ которой даже опасался умереть, и взывалъ съ псалмопѣвцемъ: *Господи, уповаіе мое отъ юности моя; въ Тебѣ утвердихся отъ утробы, отъ чрева матере моея Ты еси мой покровитель... Не отвержи мене во время старости: виегда оскудѣвати крѣпости моея, не остави мене* (Псал. 70). За два года до кончины, онъ по временамъ чувствовалъ головокруженіе, и въ послѣдній—роковой для него годъ (1850 г.) часто говаривалъ, что ему недолго жить. Послѣднее его поученіе на 22-ю недѣлю по пятидесятницѣ (о богатомъ и Лазарѣ) осталось не дописаннымъ. Послѣднюю обѣдню онъ служилъ задумчивый, вмѣстѣ съ преосвященнымъ викаріемъ Филошеемъ (нынѣ архіепископъ Тверской), 13-го ноября, въ день праздника св. Іоанна Златоуста, въ томъ же Златоустовѣ монастырѣ, гдѣ совершилъ первую обѣдню въ санѣ архимандрита. На другой день онъ былъ въ консисторіи, а въ среду 15-го числа у него неожиданно открылись припадки водяной болѣзни: но еще онъ перемогалъ себя. «19-го числа я пришелъ къ нему пополудни, — пишетъ Нилъ Михайловичъ, — и увидѣвъ его пожелтѣвшее лице, удивился. Родитель сказалъ мнѣ, что

(ж) Указавъ на о. Митрофана.

(з) Это было на 15-ое число сентября. Другія сновидѣнія не были записаны.

въ прошлую ночь онъ сильно страдалъ, но теперь, — благодареніе Богу, — чувствуетъ себя лучше. «Вчера, прибавилъ онъ, я подписался на консисторской повѣсткѣ, что нынѣшній день не могу быть (на царской панихидѣ) въ Архангельскомъ соборѣ, по болѣзни. Нынѣ утромъ, по этому случаю, владыка прислалъ Александра Петровича (своего секретаря) освѣдомиться о моемъ здоровьѣ.» Между тѣмъ его клонило ко сну, и онъ, разговаривая со мной, заснулъ. Проснувшись, говорилъ: «какой у меня прекрасный сонъ — тихій и спокойный! Это оттого, можетъ быть, что я провелъ эту ночь дурно.» вмѣсто лекарствъ, прописанныхъ врачомъ, онъ употреблялъ при мнѣ *богоявленскую* воду, — часто, но понемногу принималъ ее. «Это лучшее лекарство, говорилъ онъ; такъ и чувствуешь, какъ благодать, ей дарованная, облегчаетъ внутреннюю боль.» — Послѣдовалъ минутный сонъ. — Пробудясь, онъ замѣтилъ мнѣ: «что ты все молчишь? Скажи мнѣ что-нибудь или почитай Московскія вѣдомости.» Надо замѣтить: онъ искренно любилъ отечество и принималъ живое участіе во всѣхъ судьбахъ его, особенно въ отношеніи къ духовенству и образованію ⁽⁴⁾. «Я сталъ читать, но голосъ измѣнилъ мнѣ и на моихъ глазахъ навернулись слезы. Видя мою грусть, онъ сказалъ: «да, пора и мнѣ умереть! Отецъ мой умеръ на 60-мъ году; братъ Петръ тоже ⁽⁵⁾; приходитъ и моя чередка. Довольно пожилъ; испыталъ въ жизни много скорбей, но Богъ посылалъ и радости. Я пользовался любовью многихъ; и начальство меня любило и награждало. Ты уже устроенъ (я былъ тогда діаконъ); благодарю милосердаго Бога!... Когда я умру, положи меня съ братомъ Петромъ». За тѣмъ о. архимандритъ медленно ходилъ по комнатѣ, держась за мою руку. — «Въ день ангела (23-го числа), сказалъ онъ, не стану никого звать, а уѣду куда нибудь, чтобы избѣжать суеты». Послѣ вечерни пришли навѣстить его нѣкоторые

(и) См. въ «Москвитинѣ» (1850 декабрь), некрологъ арх. Митрофана.

(і) Священникъ Петръ Лаврентьевичъ, сдавши свое мѣсто, жилъ въ Знаменскомъ мон., при Митрофанѣ; сконч. 15-го сентября 1845 года.

изъ родственниковъ; онъ спокойно велъ съ ними разговоръ. Но къ ночи ему стало много хуже. Въ 9-ть часовъ пріѣхалъ врачъ и положеніе больного призналъ весьма опаснымъ. Тотчасъ мы послали въ Златоустовъ монастырь за духовникомъ іеромонахомъ Арсеніемъ^(к); онъ медлилъ.... Изъ аптеки принесено было новое лекарство. «Это послѣднее?» спросилъ больной нетвердымъ, едва внятнымъ голосомъ. Я, какъ могъ, успокоивалъ его, совѣтуя предаться всеблагой волѣ Божіей, и въ то же время предложилъ ему оспориться, на что онъ вполне согласился. Пока приготовлялись монашествующіе, я, стоя на колѣнахъ у бользнаго одра его и пребѣждая свое волненіе, читалъ вслухъ акаѳистъ Божіей Матери. Въ это время дыханіе его становилось очень трудно и двѣ слезы скатились изъ его глазъ.» Такъ, уста его уже не могли звать къ Тебѣ, благодатная, о предстательствѣ; но сердце его еще умоляло Тебя! Началось таинство елеосвященія. При чтеніи втораго Евангелія, страждущій о. архимандритъ, склонивъ голову на мои руки и племянника своего С. А. Л—го тихо предалъ духъ свой Богу, въ три четверти 12-го часа ночи. Такъ внезапно найде на него чагъ смертный!^(л) Духовникъ уже не засталъ его въ живыхъ: но тѣмъ, не менѣе онъ умеръ о Господь, слѣдственно можно уповать, что онъ узрѣлъ жизнь вѣчную. «Доброе сердце, чистые нравы, честность правилъ, благочестивый и просвѣщенный трудъ никогда не забываются у Бога. И самый свѣтъ, какъ онъ ни

(к) Свѣдѣніе о немъ см. въ Душеполезномъ Чтеніи 1867, ноябрь.

(л) Нилъ М—чъ видѣлъ замѣчательный сонъ передъ выѣздомъ о. архимандрита изъ Златоуста въ Знаменскій мон. «Въ гостинной комнатѣ моего родителя, рассказывалъ онъ, сидѣли будто два архіерея въ полномъ облаченіи. Одинъ изъ нихъ преосв. Августинъ, портретъ коего висѣлъ надъ диваномъ (на портретѣ онъ также въ полномъ архіерейскомъ облаченіи), а другой неизвѣстный. Слышу: они говорятъ между собой: «пора намъ внять его!» Понимая эти слова въ отношеніи къ моему родителю, я началъ со слезами просить ихъ оставить его на землѣ: потому что я еще малъ и жить безъ него мнѣ трудно будетъ. Вглянувъ на меня, они сказали: «ну дадимъ ему десять лѣтъ.» Сонъ этотъ, видѣнный въ январѣ 1839 года, оправдался: родитель мой, чрезъ десять лѣтъ, сталъ жаловаться на разстройство здоровья, а въ 1850 г. *взятъ* изъ здѣшней жизни.

криводушень, не можетъ не сознать достоинства истинныхъ заслугъ.» ^(м)

Какъ скоро распространилась вѣсть о кончинѣ Митрофана, народъ во множествѣ притекалъ поклониться и *молитву пролить ко Господу* о упокоеніи души его. Въ день погребенія, 23-го ноября, когда празднуется обрѣтеніе мощей св. Митрофана, епископа Воронежскаго, многотрудное тѣло соименнаго ему настоятеля Богоявленскаго монастыря торжественно перенесено было въ нижнюю Казанскую церковь, похожую на усыпальницу, потому что въ ней погребены многіе знаменитые вельможи, которыхъ могилы означены великолѣпными памятниками съ надписями, фамильными гербами и портретами: здѣсь же надгробный камень на могилѣ Черниговскаго боярина Федора Михайловича Бяконта, родителя святителя Алексія. Божественную литургію въ монастырской церкви отправлялъ въ этотъ день преосвященный Филовей. За тѣмъ происходило отпѣваніе усопшаго, которое совершилъ, вмѣстѣ съ пресвященнымъ викаріемъ и прочимъ многочисленнымъ духовенствомъ, присвопамятный митрополитъ Филаретъ. И при этомъ обрядѣ онъ, блаженный, не могъ удержаться отъ слезъ: онъ хоронилъ своего постриженника и вѣрнаго слугу! Не трогательно ли было внимать «погребальнымъ молитвамъ о упокоеніи души архимандрита Митрофана — возносимымъ надъ тѣломъ его въ тотъ самый день, когда церковь воспѣвала имя святителя Митрофана?.. Она какъ бы передавая новопреставленнаго покровительству Прославленнаго, дабы, можетъ быть, тотъ же святой былъ руководителемъ его и тамъ, который былъ его хранителемъ здѣсь.» Такъ размышлялъ въ послѣднемъ прощальномъ словѣ ^(н), при гробѣ умолкшаго проповѣдника, о. протоіерей Параскевіевской церкви, что въ Охотномъ ряду, нынѣ кафедральнаго Архангельскаго собора, Петръ Евдокимовичъ Покровскій, членъ консисторіи. Между окружавшими гробъ было много духовныхъ дѣтей, которыхъ покойный пріобрѣлъ въ санѣ

(м) Изъ письма къ Митрофану Ф. Е. Яковлева, отъ 24 сент., 1848 года.

(н) Напечатано въ 1851 году.

іерея храма Николая чудотворца, но еще болѣе обычныхъ слушателей его краснорѣчивыхъ и вразумительныхъ бесѣдъ. Тѣло его, согласно его желанію, предано землѣ въ оградѣ Покровскаго монастыря, подлѣ его единственнаго роднаго брата. Литію при опущеніи гроба въ могилу, совершалъ преосв. Филовей.— На могилѣ архимандрита, усердіемъ его добраго сына, много плакавшаго о смерти своего родителя, поставленъ изящный памятникъ, въ видѣ пирамиды, увѣчанной крестомъ: ибо у креста находятъ утѣшеніе всѣ, коихъ ничто въ свѣтѣ не можетъ утѣшить!

Въ заключеніе повторимъ два стиха изъ завѣщанія Митрофана къ сыну:

Отъ сердца къ Богу воздохни,
 Меня въ молитвѣ помяни!

Архим. Григорій.

БОГОЧЕЛОВѢКЪ ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ ^(а).

Послѣ общихъ замѣчаній объ изображеніяхъ человѣка въ церковной живописи займемся обзоромъ отдѣльныхъ личностей. Нѣтъ никакой возможности говорить подробно объ изображеніяхъ каждой личности въ отдѣльности, и потому мы удовольствуемся замѣчаніями объ изображеніи личностей, которыя особенно часто встрѣчаются въ иконописи: — таковы изображенія Богочеловѣка, Богородицы, Предтечи, Апостоловъ и т. д.

Начнемъ замѣчаніями объ изображеніи Богочеловѣка.

По свидѣтельству церковныхъ историковъ: Евсевія, Созомена, Кедрина, упоминаемая въ Евангеліи кровоточивая жена, исцѣленная Господомъ нашимъ, въ знакъ своей благодарности, воздвигла изваяніе Спасителя въ городѣ Панадѣ (Кесарія Филиппова); но это, можетъ быть, очень сходное изображеніе, было уничтожено изувѣрствомъ язычниковъ при Юліанѣ отступникѣ. Во 2-мъ вѣкѣ у гностиковъ были изображенія Спасителя. Одна женщина въ Римѣ (секты Карпократы) воздавала поклоненіе Спасителю на ряду съ изображеніями Пифагора и ап. Павла. Александръ Северъ въ своей моленной поставилъ съ изображеніями Авраама, Орфея, Аполлонія Тіанскаго и ликъ Христа Спасителя. Неизвѣстно, каковы были черты этого лика ^(б).

(а) Продолженіе статьи: «человѣкъ въ церковной живописи». См. сентябрьскую и октябрьскую книжки Душеп. Чтенія.

(б) Словарь христіан. древностей аб. Мартини стр. 293, 332, 334.

Евангеліе, конечно, вѣрнѣйшій источникъ свѣдѣній о Господѣ нашемъ, но оно даже ученіе и чудеса Господни изображаетъ не многословно, а о вѣшности Спасителя говоритъ слишкомъ кратко. Изъ показаній евангелистовъ можно узнать, или вѣрнѣе, вывести, очень немногое, именно: что вѣшнимъ образомъ Господь не отличался отъ своихъ учениковъ, или вообще отъ Галилеянъ (Мѡ. 26, 69 — 75); что, будучи кротокъ и смиренъ сердцемъ (Мѡ. 11, 29), Онъ иногда одушевлялся, во время бесѣды, и тогда говорилъ *со властію*, такъ, какъ никто изъ людей говорить не можетъ (Іоан. 7, 44 — 47), а въ обыкновенное время говорилъ тихо, опустя очи (Лук. 6, 20), можетъ быть отъ этого казался старше своихъ лѣтъ (Іоан. 8, 57). По воскресеніи вѣшній видъ Его настолько измѣнился, что и ученики иногда не узнавали Его (Мѡ. 27, 17. Лук. 24, 16. Іоан. 21, 12). Вотъ все, что можно узнать изъ Евангелія.

На памятникахъ древне-христіанскаго искусства Господь Іисусъ Христосъ изображался разнымъ образомъ. Первоначальный образъ представленія, самый древній — это символическій. Спаситель изображался въ видѣ рыбы (*ιχθύς*), въ видѣ креста, въ видѣ агнца, въ видѣ добраго пастыря, несущаго на плечахъ заблудшую овцу, въ видѣ Орфея, игрою на лирѣ укрощающаго звѣрей....^(в)

Къ неменѣе глубокой древности относятся господствующій нынѣ обычай изображать Христа въ длинномъ хитонѣ, съ длинными волосами, и небольшою раздвоенною бородою. Г. Муравьевъ въ Римскихъ письмахъ (Часть 1, стр. 274) и Мартиньи (стр. 333) упоминаютъ объ иконѣ II в., на которой Спаситель изображенъ сходно съ нынѣ принятымъ подобіемъ. Она находится въ Римскихъ катакомбахъ Каллиста

(в) См. Словарь Аб. Мартиньи. Сборникъ древнерус. искусства ст. Буслаева стр. 44. Страницъ 1867, ст. Катакомбы — май.—

и снимокъ приложенъ въ сочиненіи Мартиньи (на стр. 333). На другихъ древнихъ памятникахъ, а именно на христіанскихъ гробницахъ (саркофагахъ) Господь изображается также довольно сходно съ нынѣшнимъ: въ длинномъ хитонѣ и мантии, со свиткомъ, жезломъ, крестомъ или ключами въ рукахъ, но не въ зрѣломъ возрастѣ, а юнымъ, безбородымъ и кудрявымъ. Обычай изображать Христа въ этомъ послѣднемъ видѣ сохранялся еще до X вѣка, какъ видно напр. на мозаикахъ базилики св. Марка въ Венеціи ^(г). Замѣчаютъ, впрочемъ что древніе художники писали Спасителя юнымъ, когда въ изображаемомъ событіи Онъ являлся какъ Чудотворецъ, Сынъ Божій, Слово, искони соприсносущное Отцу; а когда писали Его въ качествѣ Просвѣтителя ^(д), Учителя, то придавали Ему бороду, атрибутъ зрѣлости, опытности, мудрости. И въ нашей сельской иконописи изрѣдка встрѣчается изображеніе Господа въ юномъ видѣ, — отголосокъ пріемовъ древнѣйшей поры искусства. Обыкновенно въ такомъ случаѣ Онъ пишется на облакахъ, сѣдящимъ за трапезою, на которой иногда поставляется хлѣбъ и чаша, наприм. на иковѣ Арх. Михаила (не вѣрнѣе ли сказать — Апокалипсическаго всадника?).

Въ 944 г. по усиленнымъ стараніямъ Греческаго Императора Константина Порфирогенета, изъ Едессы перенесенъ въ Константинополь нерукотворенный образъ Господень, чудесно отпечатлѣвшійся на убрусь. Не находимъ нужнымъ излагать здѣсь исторію св. Убруса до принесенія въ Царьградъ, потому что она всякому болѣе или менѣе знакома, по разсказу Четьихъ-Миней; передадимъ лучше преданіе о дальнѣй-

(г) Живописная энциклопедія 1847 г. т. 1. стр. 38.

(д) Мартиньи стр. 334.— Книга дорогая для христіанской археологій!

шей судьбѣ этой иконы, потому что оно довольно малоизвѣстно ^(е).

Замѣтимъ сначала, что вѣроятно со времени перенесенія св. Убруса въ Византію, и сталъ распространяться и повсюду утверждаться общепринятый типъ Спасителя, а прежніе разнообразныя приемы ^(ж) начали сглаживаться, исчезать ^(з).

Вотъ дальнѣйшая исторія св. Убруса. Константинопольскій императоръ Іоаннъ Палеологъ, за важныя услуги, оказанныя гевуезскимъ флотомъ въ войну съ Сарацинами (по-

(е) Матеріаломъ послужать: статья о Нерукотвор. образѣ въ вѣдомостяхъ Моск. Городс. Полиціи 1848 г., № 84, и брошюра: Подробное сказаніе о Нерукот. образѣ Господа нашего Іисуса Христа, именуемомъ с. Убусъ. Москва. 1865.

(ж) Блаж. Августинъ говоритъ: *Dominicae facies carnis innumerabilium cogitationum diuersitate uariatur et figuratur.* А св. Иринеи еще за двѣсти лѣтъ до Августина утверждалъ, что нѣтъ общепринятаго подобія Христова, См. словарь Мартиньи стр. 293.

(з) При патріархѣ Геннадіѣ одинъ живописецъ осмѣлился дать Господу Іисусу Христу черты Юпитера и за это у него отсохла рука. Исцѣленъ молитвою св. Геннадія. Наказаніе послѣдовало конечно не за то, что живописецъ пренебрегъ условнымъ, общепринятымъ подобіемъ (мы видѣли, какъ долго его не было) и не за то, что взялъ за образецъ античное подобіе (писали же Спасителя въ видѣ Орфея, Улисса), а вѣроятно за то, что избралъ именно типъ Громовержца, и тѣмъ какъ будто провелъ параллель между нимъ и Спасителемъ. *Кое общеніе Христу со идоломъ?* А эта параллель была бы очень ярка, очень бросалась бы всякому въ глаза. Типъ Юпитера (конечно прекрасный въ художественномъ отношеніи) настолько оригиналенъ, выразителенъ, что, видѣвши его однажды, не узнать не возможно, и всякій христіанинъ, поклоняясь такой иконѣ, невольно воспоминалъ бы о Юпитерѣ. (Улицы и площади Константинополя были богато украшены изваяніями прежнихъ боговъ по свидѣтельству Кедрина). Пусть помнятъ этотъ случай живописцы, и не принимаютъ за писаніе лика Спасителя вѣра, какъ попало. *Со страхомъ Божиимъ и вѣрою* (и любовію, какъ прибавляютъ Греки) *присутствуйте.*

лов. 14 в.), пожаловалъ начальнику эскадры храброму моряку Леонардо Монтальто Эдесскій Нерукотворенный образъ Спасителя. Монтальто, въ послѣдствіи дожъ республики, съ величайшимъ благоговѣніемъ хранилъ безцѣнную святыню почти 20 лѣтъ въ своей семейной моленной, и ежедневно возжигалъ предъ нею свѣчу. Его душеприкащикъ Ардименто, сообразно его завѣщанію (1384), передалъ образъ армянскимъ монахамъ, чина св. Василя Великаго, въ монастырь св. Вареоломея, въ 1388 г., что значится въ архивахъ Генуезской республики.

Въ 1507 г. Генуя была покорена Людовикомъ XII, и св. Убрусь похищенъ начальникомъ форта (*castelletta*), при помощи монастырскаго служителя Лоренца ди Варизи, и нѣсколько времени находился въ неизвѣстности. Возвращенный изъ Франціи, онъ, съ годъ, хранился въ каедральномъ соборѣ Генуи, пока въ церкви св. Вареоломея не было приготовлено для него удобное и безопасное помѣщеніе, усердіемъ нѣкоего Франческо Ферраріо. Съ этого времени (1508) св. Убрусь хранится въ особомъ ковчегѣ за шестью замками, и сталъ выставляться на поклоненіе вѣрующихъ однажды въ годъ. Выставка совершалась каждый разъ по особому опредѣленію Сената. Изъ 11-ти ключей часовни первый хранился у дожа, — его носилъ государственный секретарь; другой въ потомствѣ Ф. Монтальто фамиліи Ферраріо, а потомъ Кавари. Въ 1537 году повелѣно было Сенатомъ выставлять образъ не въ Пасху, а въ Духовъ день, — какъ время болѣе удобное для пилигримовъ, по причинѣ ясной и сухой погоды. Съ 1654 г. по распоряженію папы Иннокентія XII въ монастырѣ св. Вареоломея вмѣсто Василянъ заступили Варнавиты. Въ 1798 г. св. Убрусь остался непотревоженнымъ, и четыре года не былъ выставляемъ на поклоненіе народу. Съ 1805 г., по присоединеніи Лигуріи къ Франціи, выстав-

ки продолжались по просьбѣ Варнавитовъ, съ позволенія полицейскаго комиссара. По декрету 13 мая 1806 г. комиссаръ квартала св. Викентія всегда бываетъ при отпираниі и запираніи и письменно доносить объ этомъ. Съ 1810 по 1814 г. выставокъ не было; съ 1819 г. прежній порядокъ возстановился.

При выставкѣ Нерукотвореннаго образа соблюдается слѣдующая церемонія. Въ его часовнѣ совершается служеніе 9 дней сряду. Въ послѣдній день, по опредѣленію муниципалитета, вечеромъ, ковчегъ со св. Убрусомъ открывается въ присутствіи городскихъ властей и народа, а въ Духовъ день въ 6 часовъ утра выносятъ его на паперть и осѣняютъ народъ и городъ, послѣ чего онъ ставится на престолъ. Это повторяется 3 дня. Если народу очень много, то выносъ повторяется чрезъ каждые три часа, а въ промежутокъ этого времени народъ прикладывается. Вечеромъ третьяго дня св. Убрусъ кладутъ на мѣсто, при начальникахъ города, и составляется актъ, который хранится въ архивѣ города. Впрочемъ, по важнымъ причинамъ, открывается образъ Господень и въ неопредѣленное время. Такихъ случаевъ было донинѣ всего одиннадцать.

Спрашивается: нынѣ существующій въ Генуѣ образъ Господень есть ли подлинный св. Убрусъ? Вопросъ этотъ интересенъ для всякаго вѣрующаго, а тѣмъ болѣе онъ важенъ для церковнаго живописца. Если въ Генуѣ хранится подлинный нерукотворенный образъ Господень, — для христіанскаго искусства это радость и торжество: это древнѣйшій, точнѣйшій, совершеннѣйшій документъ! Ужь если въ большей части священныхъ изображеній мы, вмѣсто историческихъ портретовъ, видимъ только условныя, преданіемъ и практикою искусства освященные черты, то по крайней мѣрѣ для изображенія Начальника вѣры мы имѣли бы историческую

точку опоры, — Его подлинный образъ! Къ сожалѣнію, подлинность генуезской святыни подвержена сомнѣніямъ ^(и).

1) Образъ этотъ былъ однажды похищенъ и нѣсколько времени (1507, 1508) находился въ неизвѣстности... Когда онъ снова возвратился, — кто могъ свидѣтельствовать, что этотъ образъ есть тотъ самый, который похищенъ, тѣмъ болѣе, что Убрусъ Господень выставлялся на поклоненіе вѣрующимъ рѣдко, выставлялся на короткое время, прикрытый двойнымъ стекломъ?

2) Одинъ италіянскій священникъ Капеллетти, тщательно изслѣдовавшій этотъ вопросъ, признаетъ генуезскій образъ «писаннымъ рукою Ананіа, эдесскаго живописца», и вѣроятно имѣетъ къ тому основанія. Вѣдь грунтованное для письма полотно и чистый платъ или убрусъ, рисунокъ отъ руки и фотографическій отпечатокъ на ткани, при внимательномъ изслѣдованіи, отличить не очень трудно.

3) Когда завоеванная Французами сѣверная Италія подпала совершенно ихъ власти, все картины, манускрипты, вообще все рѣдкости въ видѣ трофеевъ препровождались (1810) въ столицу Франціи. Нерукотворенный образъ остался въ Генуѣ, какъ «не древней живописи и малоцѣнный».

4) На поляхъ генуезскаго образа вышита исторія его якобы греческою царевною. Но это неправдоподобно, судя по тому, что на образѣ эдесскій епископъ представленъ въ латинской митрѣ.

5) Сенаторъ, дѣйств. тайн. совѣтникъ Горголи, занимавшійся вопросомъ о мѣстѣ находженія св. Убруса и другихъ святынь, нарочно писалъ объ этомъ патріарху Константинопольскому, и вотъ сущность полученнаго имъ отвѣта: по

(и) Выше указанная мною брошюра противоположнаго мнѣнія. Пользуемся случаемъ рекомендовать приложенный къ ней снимокъ (на стали) генуезской иконы.

разграбленіи Цареграда крестоносцами въ 1204 г., похищенъ ими и Нерукотворенный образъ; но корабль, везшій эту святыню, равно какъ и драгоценный престолъ Софійскаго храма, потонулъ въ Мраморномъ морѣ, и увлекъ въ пучину неощенную святыню... Греческіе корабельные кормчіе, по преданію изъ рода въ родъ, помнятъ и указываютъ путешественникамъ въ Пропонтидѣ мѣсто, поглотившее священную добычу. Патріархъ прибавляетъ, что при введеніи Христіанства въ Россію, вѣроятно, были принесены и копии съ Нерукотвореннаго образа, и что искать ихъ слѣдуетъ въ древнѣйшихъ церквахъ Кіева и Новгорода ⁽¹⁾.

И такъ о видѣ Господа нашего Иисуса Христа мы можемъ знать только съ копій весьма отдаленныхъ и нѣкоторыхъ описаній.

Древнѣйшее изъ этихъ описаній, впрочемъ по многимъ

(1) Въ Москвѣ (вѣроятно принесенная Іоанномъ III послѣ покоренія Новгорода) есть такая икона, извѣстная подъ именемъ Корсунской, въ Успенскомъ соборѣ, другая въ Спасо-Андрониковѣ монастырѣ, третья въ церкви Владимірской Божіей Матери у старыхъ Никольскихъ воротъ, четвертая въ церкви Спаса за золотою рѣшеткою. О другихъ замѣчательныхъ иконахъ Нерук. образа см. въ вышеупомянутой брошюрѣ: Подробное сказаніе о Нерук. образѣ... Москва 1865. Въ началѣ XI в. находилась въ Римѣ одна икона, надѣлавшая много шума. Г. Перкенъ (1672—1742) посвятилъ ей цѣлый томъ. Особенно ставила въ тупикъ глубокомысленныхъ комментаторовъ подпись внизу. Мабильонъ полагалъ, что это значить *abraxas*—слово, употребляемое Василидианами, какъ талисманъ. Перкенъ возопилъ противъ этого. Гардуэнъ началъ путать, къ чему былъ склоненъ отъ природы; о. Гоноре де Сентъ-Марій доказалъ, что надпись—московская, и при помощи двухъ русскихъ медиковъ, открылъ, что эти слова суть: *Obraz Gospoden na oubrous*, которыя значать, по его словамъ: образъ Господень на убрूसѣ. Это объясненіе подтверждено русскимъ царемъ Петромъ I во время пребыванія его въ Парижѣ 1717 г. (Вѣд. Моск. Город. Полици, вторникъ, 20 апрѣля 1848 г., № 84-й.)

обстоятельствамъ признаваемое апокрифическимъ, есть донесеніе якобы іудейскаго проконсула Публія Лентула римскому сенату. Оно приложено къ рукописному Евангелію Іенской бібліотеки, написано золотыми буквами на пергаментѣ и подъ нимъ сдѣлано хорошее изображеніе лика Господня. Вотъ его переводъ. «Въ настоящее время явился у насъ, и нынѣ еще живъ, человекъ съ высокими качествами души и добродѣтельнѣйшій; имя Ему Іисусъ Христъ. Народъ почитаетъ Его могущественнымъ и великимъ пророкомъ, а Его ученики называютъ Его Сыномъ Божиимъ. Онъ воскрешаетъ мертвыхъ и исцѣляетъ всякаго рода болѣзни и недуги однимъ словомъ Своимъ. Сей человекъ имѣетъ высокій и чрезвычайно стройный станъ, видъ Его исполненъ важности, необыкновенно выразителенъ и сильно дѣйствуетъ на всѣхъ, такъ что смотрящіе на Него не могутъ не любить Его и вмѣстѣ съ тѣмъ не чувствовать предъ Нимъ какого-то необычайнаго благоговѣйнаго страха. Волосы Его имѣютъ цвѣтъ созрѣлаго орѣха, безъ блеску и гладки до ушей, а отъ ушей до плечъ и ниже кудрявы и блестящи; посреди головы раздѣляются они на двѣ стороны, по обычаю Назореевъ. Чело гладкое и чистое; на всемъ лицѣ вѣтъ никакого пятна, и оно украшено легкимъ, темноватымъ румянцемъ; носъ и уста правильные; бороду имѣетъ такого же цвѣта, какъ и волосы на головѣ, густую но не длинную, раздвоившуюся на концѣ. Взглядъ Его тихъ, скромный, величественъ и необыкновенно пріятенъ; глаза Его *небеснаго цвѣта*, проникающіе въ душу и блестящіе.... Ростъ Его высокій, руки прямыя и чрезвычайно красивыя, и Онъ часто воздвѣваетъ ихъ; плеча стройныя». (Занимаясь наружностію мы опускаемъ здѣсь описанія нравственныхъ качествъ, принадлежащія скорѣе перу христіанина, чѣмъ язычника).

«Сіяніе и величіе божества, говоритъ бл. Іеронимъ, со-

крытое въ плоти, просвѣчивало на Его лицѣ и придавало Ему привлекательность, которая покоряла всѣхъ, кто имѣлъ счастье созерцать Его».—«Можетъ быть, говоритъ Оригенъ, не доставало чего нибудь тѣлесной красотѣ Спасителя, но выраженіе лица Его было благородно, небесно!»

Послѣднее по порядку времени, но за то наиболѣе достоверное, описаніе принадлежитъ церковному историку (около 1350 г.). Никифору Каллисту. Вотъ его слова: «Вотъ изображеніе Господа нашего Иисуса Христа, какое только можно представить въ описаніи чрезъ письмо, всегда несовершенное: лицо Его замѣчательно было красотою и выразительностію. Ростомъ былъ Онъ по крайней мѣрѣ 7 палмъ (5 футовъ, 4 дюйма, 2 линіи). Волосы Его походили на русые; они были не слишкомъ густы, но нѣсколько курчавы на оконечностяхъ. Брови у Него были черныя, но не совсѣмъ круглыя; глаза каріе, исполненные необычайной жизни и необычайной красоты. Носъ прямой, правильный, борода русая и довольно короткая, но волосы на головѣ носилъ Онъ длинные. Онъ наклонялъ немного голову, и отъ того казался нѣсколько ниже. Цвѣтъ лица Его былъ почти пшеничный, когда пшевица начинаетъ поспѣвать. Лицо Его было ни кругло, ни продолговато; Онъ много походилъ на свою Матерь, особенно по вижней части лица и былъ нѣжно румянь».

Св. Іоаннъ Дамаскинъ въ своемъ описаніи внѣшности Богочеловѣка прибавляетъ еще, что у него были сросшіяся брови—черта не встрѣчающаяся у другихъ описателей. —За нимъ повторили Елпій, Діонисій ^(к).

Да и можно ли придать этому Лику какія нибудь однооб-

(к) Всѣ эти описанія заимствованы изъ слѣд. сочиненій: Подробное Сказаніе о Нерукотв. образѣ, 1865. Москва; Вѣдомости М. Город. Полиціи; Археолог. Словарь Мартиньи; Труды Кіев. Д. Академіи, 1867, февраль; О иконописаніи. Москва 1845.

разныя черты, какое нибудь ясное выраженіе, когда въ лицѣ Богочеловѣка все—тайнство, все—непостижимое сліяніе величія и униженія, блеска и тѣни, Божества и челоѣчества? То бесѣдующій о красотѣ лилій, о свободѣ беззаботныхъ птицъ, то раздѣляющій суровые труды рыбарей; то милостивый и добрый, когда прощаетъ падшихъ, ласкаетъ дѣтей, указываетъ на небеснаго Отца, который посылаетъ дождь и солнце безъ разбора добрымъ и злымъ, то суровый и грозный, когда бичуетъ торгашей и лицемѣровъ; то изнемогающій отъ усталости, жажды и глада, то величественно-спокойный, когда однимъ именемъ Своимъ заставляетъ отступить цѣлую толпу, когда поражаетъ искусителя на горѣ сорокодневной... Какая кисть, какое перо въ состояніи уловить образъ столь сіяющій и столь неопредѣленный, то меланхолическій, какъ лунное сіяніе, то строгій и поражающій, какъ раскаты грома! Агнецъ и левъ отъ Іуды, голубь и орелъ, камень претыканій, о который разобьются упавшіе на него, и который раздавитъ тѣхъ, на кого обрушится, *знаменіе прерѣкаемо* (Лук. 2, 34), невечернее Солнце, сіяющее въ полуночномъ туманѣ надъ волнами Галилейскаго моря! *Удивися Твой разумъ, Христе, отъ мене, услышавшу преславная вельнія смотрѣнія Твоего!* (Ирмол. гласъ 6-й, пѣснь 4-я). Выпадаетъ кисть и рѣзецъ изъ рукъ художника, когда онъ обдумываетъ, какимъ бы образомъ въ одномъ законченномъ видѣ выразить личность столь подвижную, характеръ столь чудно-двойственный, существо столь необыкновенное...

Церковному художнику остается придерживаться подобія, освященнаго преданіемъ церкви — это вопервыхъ; а вовторыхъ, сообразно мѣсту, времени, положенію дѣла—придавать, на изображеніи священныхъ событій, этому Лику выраженіе благопотребное и приличное. А все-таки какъ бы желательно, чтобъ одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ и безспорнѣй-

шихъ (по мнѣнію знатоковъ иконнаго дѣла) снимковъ св. Убруса былъ, сколько возможно болѣе распространенъ въ безчисленныхъ экземплярахъ между художниками и вѣрующими! Изобрѣтеніе фотографіи и метахромотипіи, даетъ къ этому видимому самая удовлетворительныя средства ^(д).

Въ заключеніе общихъ замѣчаній о наружности Господа Иисуса Христа сдѣлаемъ еще небольшую отмѣтку касательно иконъ св. Убруса. Въ старинныхъ сельскихъ церквахъ нерѣдко встрѣчаются древнія изображенія Нерукотвореннаго образа необычайной величины, съ ликомъ колоссальныхъ размѣровъ. Къ числу подобныхъ иконъ можно отнести образъ, находящійся въ Нижегородскомъ кафедральномъ соборѣ, принесенный изъ Суздаля и прославленный чудотвореніями. Впрочемъ онъ немного больше натуры, а случается видѣть ликъ

(д) Называемый греческимъ словомъ — *метахромотипія*, новоизобрѣтенный способъ воспроизведенія живописи — состоитъ въ слѣдующемъ: на приготовленной особымъ способомъ бумагѣ печатается требуемое изображеніе масляными красками, но не такъ, какъ обыкновенная хромолитографія, а въ обратномъ порядкѣ тоновъ, т.-е. цвѣта, долженствующіе лежать сверху, налагаются прежде, а уже на нихъ помѣщаются нижніе, основныя цвѣта, при чемъ краскамъ и тонамъ сообщаются особенная сила и густота. Полученное такимъ способомъ изображеніе, по свойству бумаги, на которой исполнено, и съ помощью нѣкоторыхъ приѣмовъ переводится всецѣло до малѣйшаго атома краски на какую угодно поверхность, на холстъ, дерево, желѣзо, стекло, такъ что краски всѣ перейдутъ на избранную поверхность, а бумага, на которой онѣ были прежде, снимается совершенно чистая. Въ результатѣ получаютъ изображенія, воспроизводящія подлинникъ съ самою строгою точностію, и какъ бы писанныя отъ руки. Такимъ образомъ иконы, исполненныя съ помощью метахромотипіи, сохраняютъ всѣ достоинства иконописи, съ тою притомъ пользою, что десятки тысячъ иконъ будутъ всѣ одинаковы и всѣ какъ одна оригинальная. Сынъ Отечества 1862 г. № 287. Этимъ способомъ печатаются Святцы Г. А. Солнцева, да что-то очень ужъ медленно!

въ аршинъ длины! Не входя въ разсужденія о вкусѣ нашихъ предковъ, думаемъ, что такія иконы, вѣроятно, назначались для большаго разстоянія, ставились или на горнемъ мѣстѣ, или въ глубинѣ купола. И нынѣ, или писать ихъ вовсе не слѣдуетъ, или надобно ставить въ перспективѣ отдаленныхъ мѣстностей, потому что вблизи онѣ не всегда производятъ то впечатлѣніе, какого бы желалось благочестивому христіанину или развитому любителю искусства.

Изображенія *Христа-Младенца* очень распространены и въ восточной и въ западной живописи. Живописцы западные и наши подражатели ихъ особенно любятъ писать Его обнаженнымъ; иконописцы напротивъ всегда прикрываютъ Его одежду; только на нѣкоторыхъ иконахъ можно видѣть отступленіе отъ этого обычая: открытыя колѣна (на иконѣ подъ названіемъ *Достойно*), или грудь (*Нечаянная радость*), или то и другое (*О всецѣлая Мату!*). Совершенно обнаженнымъ Младенецъ-Исусъ пишется только въ чашѣ Іоанна Крестителя. Живописцы, рисуя наготу младенческаго тѣла, вѣроятно, гонятся просто за красотой, хотя въ этомъ способѣ представленія есть доля вѣроятности. Въ Италіи и въ другихъ южныхъ мѣстностяхъ, нерѣдко можно видѣть играющихъ дѣтей совершенно безъ одежды. Благорастворенный климатъ благословеннаго юга позволяетъ возрасту невинности являться въ прародительской одеждѣ невинности. *Бѣста оба нага и не стыдястася* (Быт. 2, 25). Иконописцы избѣгаютъ наготы, вѣроятно, по чувству стыдливости. Впрочемъ и прикрытаго одежду Богомладенца они изображаютъ большею частію неудачно. Христосъ-Младенецъ нашихъ иконописцевъ, по замѣчанію г. Буслаева, «обыкновенно больше походитъ на маленькаго взрослого человѣка, съ рѣзкими чертами вполне сложившагося характера, какъ бы для выраженія той богословской идеи, что Предвѣчный Младенецъ, не

раздѣляя съ смертными слабостей дѣтскаго возраста, и въ младенческомъ Своемъ образѣ являетъ строгій характеръ Искупителя и небеснаго Судіи^(м). Но Тотъ, Кто сдѣлался подобнымъ челоуѣкамъ и по виду сталъ какъ челоуѣкъ (Филип. 2, 7),— развѣ не раздѣлялъ слабостей дѣтскаго возраста^(н)?

Господь (возрастный) изображается обыкновенно и преимущественно въ двухъ видахъ: или 1) въ *рабѣ зраць*, въ томъ видѣ, въ которомъ совершалъ Свое высокое служеніе челоуѣчеству; или 2) какъ Царь царствующихъ,— Господь Вседержитель и Судія (Апок. 19, 15. Иса. 6, 1. Дѣя. 1, 9. 10. 11. Мар. 1, 13. Апок. 21, 10—27; 22. 1—5. 7. 16). Въ этомъ послѣднемъ качествѣ Онъ представляется неодинаково. Иногда Онъ представляется въ царскомъ одѣяніи и митрѣ— какъ царь и первосвященникъ, а иногда (чаще), тоже сидящій на тронѣ^(о), но не съ покровенною главою и въ Своемъ обыкновенномъ одѣяніи. Древнѣйшее изображеніе (400 г.) въ этомъ послѣднемъ видѣ встрѣчаемъ въ археологическомъ словарѣ аб. Мартиньи, и оно очень сходно съ тѣмъ, какъ обыкновенно изображается въ нашей иконописи Господь Вседержитель, и отличается только латинскимъ сложеніемъ благословляющей руки^(п).

Теченіе рѣчи привело насъ къ разсужденію о формѣ благо-

(м) Сборникъ Общ. Древне-Рус. искусства, 1866 г., стр. 20.

(н) Картина какого-то западнаго живописца, представляющая Христа-Младенца уснувшимъ, положи голову на крестъ, какъ на возглавницу, довольно удачно выражаетъ идею Искупителя. Но она не можетъ быть иконою въ строгомъ церковномъ смыслѣ и стилѣ, хотя выражаетъ въ граціозной формѣ строгую и возвышенно-печальную идею.

(о) Или на радугѣ (Быт. 9, 12, 13), какъ наприм. на серебряной иконѣ пожертвованной Константиномъ Великимъ въ Латеранскую базилику. Прав. Собесѣдникъ 1865 г. февраль.

(п) Въ церкви св. Агаѳи въ Равеннѣ; подобное въ церкви св. Аквилина въ Миланѣ. См. Мартиньи стр. 436.

словающей десницы, какъ она изображается въ произведеніяхъ церковнаго искусства. Неизвѣстно, какимъ сложениемъ перстовъ благословлялъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ. Наши живописцы, нерѣдко копируя съ иностранныхъ образцовъ, придаютъ благословающей десницѣ два вида: или всѣ персты простерты, какъ будто для возложенія рукъ, или сложены по образу *латинскаго* перстосложенія, т. е. два меньшихъ перста пригнуты, остальные простерты. Иконописцы тоже пишутъ благословающую десницу Спаса въ двухъ видахъ: или даютъ перстосложеніе *именословное*, или старообрядческое, которое иные именуютъ *армянскимъ* замѣтимъ-довольно близкое къ латинскому). Мыслящій христіанинъ, конечно, не будетъ придавать существенной важности такимъ незначительнымъ разностямъ, тѣмъ болѣе, что изслѣдователи древностей единогласно говорятъ, что древняя церковь не придавала особаго значенія этой разницѣ. Во многихъ древнихъ храмахъ на мозаикахъ и фрескахъ Спаситель на одной стѣнѣ благословляетъ погречески, на другой полатински. Фоджини обнаружилъ барельефъ одного греческаго диптиха (помянника), на которомъ изображены вмѣстѣ апостолы Петръ и Андрей. Первозванный представитель восточной церкви, просвѣтитель Византіи, благословляетъ погречески, а Петръ по латинскому обряду ^(p). Г. Буслаевъ въ своемъ сочиненіи объ иконописаніи представляетъ снимокъ миниатюръ одной рукописи VI в., находящейся въ Туринской библіотекѣ: пророкъ Іоиль благословляетъ погречески, Михай полатински, или точнѣе сказать, старообрядческимъ крестомъ ^(c). Итакъ существенно важной разницы нѣтъ, но желательно, чтобы художникъ православный, пишущій для православныхъ, слагалъ благословающіе персты десницы Господней

p) Словарь Мартини стр. 85.

(c) Сборникъ общества древне-рус. искусства при стр. 86.

по православному обряду, имянословнымъ перстосложеніемъ. Теперь обратимся снова къ прерванной бесѣдѣ объ одеждѣ.

Касательно цвѣта одежды замѣтимъ, что царское одѣяніе на Господѣ пишется или бѣлое, или багряное (пурпуровое); обыкновенное же такъ: хитонъ красный, верхнее облаченіе (риза) голубое или синее.— Не пускаясь въ символическое объясненіе этихъ цвѣтовъ, замѣтимъ, что отступать отъ этого преданія, освященнаго вѣками, безъ нужды не надобно. Мартиньи полагаетъ, что Господь носилъ одѣяніе бѣлое. Этотъ цвѣтъ былъ въ большомъ употребленіи у Евреевъ. Климентъ Александрійскій совѣтуетъ христіанамъ носить бѣлую одежду. Часть ризы Господней, хранимая въ Москвѣ, бѣловатаго цвѣта ⁽¹⁾. Изъ раздѣла одежды Иисуса Христа между прочимъ видно, что она была полна и прилична, и вообще между вещами, Ему принадлежавшими, едва ли были такія, которыя бы не стоили чего-либо. Тканый хитонъ показываетъ даже избытокъ и изящество, и, какъ повѣствуетъ преданіе, былъ плодъ трудовъ Его Матери. Если сравнить одѣяніе Иисуса Христа съ суровою, пустынною одеждою Іоанна Крестителя, то усматривается значительная противоположность, которая простиралась и на весь внѣшній образъ жизни Иисуса и Его Предтечи ⁽²⁾. Иконописцы обкладываютъ золотыми позументами оплечья и края рукавовъ. Когда Господь изоб-

(1) Въ Трирѣ (Trèves) сохраняется хитонъ Господень (якобы). Онъ походитъ на шерстяной и отъ давности лѣтъ цвѣтъ его трудно опредѣлить. Можно утвердительно сказать только то, что онъ ближе къ темному, чѣмъ къ свѣтлому. Мартиньи стр. 512.

(2) «Послѣд. дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа». Одесса. 1860 г. стр. 414. Не смотря на безчисленныя изобрѣтенія нашего времени, намъ неизвѣстенъ секретъ этихъ нешвенныхъ одеждъ, коринскаго металла, греческаго огня и другихъ изобрѣтеній древности.

ражается одинокій или сѣдящій на престолѣ Вседержитель, тогда это прилично; но когда Господь изображается среди исторической обстановки, позументы, золото — неумѣстны. Господь могъ сказать, какъ ученики Его: *сребра и злата нѣсть у Мене!* (Дѣян. 3, 6).

Обыкновенная обувь палестинскаго простонародья—грубыя сандаліи; Господь не гнушался этой обувью... О, вы, *въ путь узкій хождшіи и прискорбный и крестъ, яко яремъ, вземшіи!* утѣшьтеся, *восклоните главы ваша!* Самъ *Начальникъ вѣры и Подвигположникъ* странствовалъ по землѣ въ сандаліяхъ; но когда Господь изображается въ царскомъ одѣяннѣ, въ прославленномъ видѣ, не слѣдуетъ Его писать въ сандаліяхъ или съ босыми ногами. Ничто не должно напоминать о состояннѣ уничиженія. Все говорить о славѣ Его: тронъ, держава, скипетръ, вѣнецъ, порфира: зачѣмъ же ноги напоминаютъ *о рабнѣ зраць?* На Царѣ славы все должно говорить о славѣ. *Исуса распятаго щцете?*— *Нѣсть здѣ!* (Мѡ. 28, 5).

На виньеткахъ разныхъ правоучительныхъ книжекъ можно нерѣдко видѣть картинку, гдѣ Господь, проповѣдующій въ Иерусалимскомъ храмѣ, представленъ въ чалмѣ. Отнюдь не принимая чалму за символъ исламизма (Евреи, Христіане носятъ ее на востокѣ также какъ Магометане по требованію климата), мы тѣмъ не менѣе не желали бы видѣть Исуса Назорея *въ чалмѣ!* Евреи не носили никакой головной покрывки; въ случаѣ жара, вѣтру, холоду, защищали голову мантией. Единый приличный Ему головной уборъ—*терновый вѣнецъ.* Живописцы изображаютъ его сплетеннымъ изъ толстыхъ вѣтвей терна, красиво извитый, но съ страшными иглами. Иконописцы нерѣдко рисуютъ намъ, какъ два воина, по чему-то желѣзными клещами, надѣваютъ его на невинную главу. Зачѣмъ эти щипцы? По замѣчанію приснопамятнаго

автора «Послѣднихъ дней земной жизни Іисуса Христа» этотъ вѣнецъ былъ просто сплетенъ изъ первой колючей травы, какая росла на дворѣ преторіи Пилатовой, а не непременно изъ настоящаго терна; да хоть-бы и изъ терна, развѣ грубыя руки палачей боялись дотронуться до терна безъ перчатокъ? Развѣ вѣнецъ былъ свить изъ раскаленныхъ желѣзныхъ прутьевъ? За чѣмъ же щипцы? ^(ф)

Христось на Іордань у иконописцевъ пишется такъ, какъ будто Онъ стоитъ подлѣ стѣны, на которой написаны Іордань и береговыя скалы; т. е. Христось обнаженъ, но не погруженъ въ воду, которая остается позади Его какъ декорація. Не худо бы руководиться въ этомъ случаѣ однимъ изъ древнѣйшихъ изображеній крещенія (V в.) въ церкви Предтечи въ Равеннѣ: Христось стоитъ погруженный въ струи Іордана по поясъ ^(х). Это ближе къ дѣйствительности, къ погруженію....

Живописцы рисуютъ крещеніе весьма разнообразно. По большей части Спаситель препоясанный стоитъ по колѣна въ водѣ, — а можно ли на такой глубинѣ окунуться человѣку съ головою? Іоаннь простираетъ надъ Нимъ руку, иногда по западному съ раковиной для обливанія, — а для чего обливать человѣка изъ маленькаго черепка, когда онъ стоитъ среди

(ф) По мнѣнію нѣкоторыхъ путешественниковъ терніе вѣнца — трава, именуемая поарабски *набекою*, по листьямъ и цвѣту похожая на плющъ, и теперь во множествѣ растущая въ Палестинѣ. См. *Послѣд. дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа*. Изд. 2-е, Одесса 1860 г. стр. 360 и 517. По мнѣнію св. Аѳанасія Александрійскаго для вѣнца были употреблены вѣтви *атада* или *рамна*, самаго большаго изъ колючихъ растений Палестины. См. *Душеп. Чтеніе* 1867 г. декабрь; 1863 г. №№ 1—5.

(х) Рисунокъ и описаніе см. въ Сбор. Моск. Общ. древ. рус. искусства стр. 52. Къ сожалѣнію на указанномъ образцѣ Креститель поливаетъ голову Спасителя изъ раковины: черта чисто западная.

такого приволья воды? Другое дѣло, еслибы крещеніе происходило среди безводной степи.... Пишущему случилось видѣть еще болѣе замысловатый эстампъ: на заднемъ планѣ гѣры, покрытыя городами и селеніями (пустыня Іорданская)! Ближе широкая полоса Іордана; на первомъ планѣ, среди гростника, въ какой-то мелкой лужицѣ, вѣроятно въ заливѣ Іордана, на колѣнахъ стоитъ Господь, а Іоаннъ поливаетъ Его изъ раковины. Сколько несообразностей вдругъ! За чѣмъ креститься въ лужѣ, когда Іорданъ вполоть? Къ чему становиться на колѣна, когда погрузиться за мелководіемъ все-таки никакъ не возможно? На что обливанье при обилии воды? А ужъ если непременно нужно обливанье, то не удобнѣе ли оно на берегу, на травѣ, чѣмъ въ тинистой заводи или въ лужѣ? Всѣ этѣ несообразности происходятъ отъ погони за оригинальностью, новостью композиціи!

Христосъ распятый. Первенствующая церковь избѣгала этого изображенія по очень понятнымъ причинамъ. Искупителя челоѣчества, Свѣтъ міра, Единороднаго отъ Отца выставлять въ такомъ позорномъ, такомъ ужасающемъ (скажемъ смѣло), въ такомъ унизительномъ, отвратительномъ видѣ опасно было на глаза только увѣровавшихъ, новонасажденныхъ христіанъ (1 Кор. 1, 23). Язычники такъ зло, такъ жестоко издѣвались надъ распятымъ Богомъ! И потому въ христіанской иконографіи до временъ Константина нѣтъ ни малѣйшаго намека на ужасную казнь Агнца, закланнаго за грѣхи вселенной. Потомъ появляются намеки, довольно робкія указанія на кончину Искупителя ^(u): здѣсь вы видите среди цвѣточнаго вѣнка крестъ; тамъ—Агнца несущаго на плечѣ крестъ, или стоящаго у креста и облитаго кровію; въ одномъ мѣстѣ крестъ среди двоихъ разбойниковъ, а надъ нимъ

(u) Мартини—Crucifix.

въ медальонѣ ликъ крестнаго страдальца; въ другомъ на жертвенникѣ или въ средоточіи креста заколенный Агнецъ....^(ч) Новорожденная церковь боялась встревожить нѣжныя сердца потрясающимъ зрѣлищемъ позорной казни! Не ранѣ VI вѣка (586) является страшная икона^(ш) Распятія, и то въ глубинѣ Галліи (около 593 г), когда не только очевидцевъ этой пытки не осталось въ живыхъ, но и самое преданіе отъ времени утратило первоначальную яркость колорита. Но и то дояго послѣ этой попытки церковь не смѣла изображать распятаго Богочеловѣка среди исторической обстановки. Пятошестыи соборъ (692) запретилъ символическія изображенія: тогда стали писать Господа на крестѣ, но какъ будто не висящаго, а стоящаго, съ поднятою главою, въ хитонѣ (безъ рукавовъ—colobium), хотя по римскому обычаю—распинали преступниковъ обнаженныхъ, что и Евангеліе подтверждаетъ (Мѡ. 27, 35). Такъ писали еще въ началѣ VIII вѣка. Позднѣе, когда память безславной казни исчезла изъ воспоминаній народа, христіанское искусство понемногу стало осмѣливаться писать Распятаго безъ одежды, въ одномъ препоясаніи. Любопытно видѣть, что въ глубинѣ Великороссіи, въ глухихъ селеніяхъ, гдѣ не мало писанныхъ и рѣзныхъ иконъ Распятія въ церквахъ, благочестіе старушекъ препоясуетъ Распятаго дорогою пеленою отъ персей до ступни. Драгоценный знакъ (не въ обиду новѣйшему искусству будь сказано: оно право съ исторической точки зрѣнія) внутренней связи нашей церкви съ древнѣйшими преданіями христіанства!

Живописцы рисуютъ иногда распятаго Іисуса въ терновомъ вѣнцѣ, иногда безъ него; иконописцы—всегда съ непо-

(ч) См. статью о христ. живописи Прав. Собесѣдникъ 1865 г. февраль.

(ш) Мартиньи стр. 191.

кровенною головою. Которые ближе къ исторической правдѣ, не легко рѣшить. Но изображеніе въ терновомъ вѣнцѣ ярче выставляетъ насмѣшливый вопросъ Пилата: *Царя ли вашего распу?* (Іоан. 19, 15.) Терновый вѣнецъ на Распятомъ служитъ какъ будто поясненіемъ надписи: *Иисусъ Назарянинъ Царь Іудейскій!* ^(ш)

Кстати о надписи. Иконописцы даютъ ей всегда видъ деревянной дощечки (или даже перекладки, что очевидно излишне и напрасно), а живописцы чаще — видъ лоскута бумаги, полуразвернутаго на манеръ свитковъ. Первое, по нашему мнѣнію, вѣрнѣе: 1) пергаментъ и папирусъ были дороги; дешево и удобнѣе было употребить на это лубокъ (*liber*) или дощечку. 2) Полуразвернутая четвертка бумажки не удовлетворяетъ цѣли, для которой назначена. Гдѣ уписать на ней довольно сложную надпись, да еще на трехъ языкахъ? Кто разберетъ такую мелкую скоропись, тогда какъ Евангеліе утверждаетъ, что *мнози чтоша* (Іоан. 19, 20). 3) Сохранившееся *надписаніе вины* ^(ъ) имѣетъ видъ деревянной дощечки, а не пергаментнаго или папируснаго лоскута. Показываемый въ Римѣ, въ базиликѣ Креста, обломокъ этой святыни имѣетъ 7 дюймовъ вышины и 13 длины. Матеріаль, повидимому, дерево или лубокъ; буквы красныя по бѣлому полю. Надписи сохранилась самая незначительная часть.

Въ живописи церковной, обыкновенно вмѣсто надписи, вѣроятно ради краткости, помѣщаются только начальныя буквы словъ и притомъ либо на одномъ русскомъ, либо на одномъ латинскомъ: I. N. Ц. I; I. N. R. I. На иконѣ Сорокина, извѣстной пишущему по удачному фотографическому

(ш) Авторъ «Послѣднихъ дней жизни Иисуса Христа», увѣряетъ что писаніе въ вѣнцѣ — древнее обыкновеніе, имѣющее видъ историческаго предавіи. Стр. 396.

(ъ) Словарь Мартиньи стр. 193 и 513.

снимку, всё три надписи воспроизведены на подлинныхъ языкахъ, съ надлежащею полнотою. Примѣръ достойный подражанія, хоть и неподражаемый, для сельскихъ мастеровъ.

Иногда, подражая западнымъ образцамъ, пишутъ Распятіе висящимъ на трехъ гвоздяхъ, т. е. будто ноги сложены одна на другую (и даже безъ подставки или подножія) и прибиты однимъ гвоздемъ. Очевидно трудно сдѣлать такъ, принимая въ расчетъ обыкновенную тяжесть человеческого тѣла. Развѣ у желѣзнаго Рима желѣзо было дороже папируса?

Касательно подножія замѣтимъ, что живописцы часто его опускаютъ, но почти всё древнія изображенія Распятія имѣютъ подножія; это даетъ право предполагать, что подножіе было у Римлянъ дѣйствительно въ употребленіи ^(а). Почему иконописцы пишутъ подножіе всегда покривившимся, отъ лѣвой руки зрителя къ правой, сказать не можемъ ^(б).

Христосъ во славу. Иконописцы отличаютъ состояніе славы сіяніемъ вокругъ всей фигуры на иконахъ Преображенія, Воскресенія, Вознесенія. Живописцы воскресшаго и воз-

(а) Мартини стр. 193. Но «Послѣдніе дни земной жизни Иисуса Христа» стр. 392 и примѣч. стр. 522 л.—противоположнаго мнѣнія. Первый говоритъ о подножіи Григорій Туронскій (VII в.), не поминая источниковъ. С. Димитрій Ростовскій не высказываетъ рѣшительнаго мнѣнія.

(б) Въ словарь Мартини, въ дополненіе къ сказанному о распятіи, предлагаются еще слѣдующія, важныя для благочестиваго любопытства свѣдѣнія: Терновый вѣнецъ находится въ Парижѣ; гвоздь и игла отъ терна въ Трирѣ (Trier); хитонъ тамъ же. Плащаница въ городѣ Turin, губка въ церкви Іоанна Латеранскаго въ Римѣ, копіе въ Ватиканской базиликѣ. Касательно другихъ памятниковъ земной жизни и страданій Господа Мартини замѣчаетъ, что, будучи свидѣтельствомъ искренней вѣры и глубокаго благочестія нашихъ предковъ, они не всё въ состояніи выдержать историческую критику. Напримѣръ вмѣсто четырехъ крестныхъ гвоздей, ихъ, по равнымъ мѣстамъ, насчитывается двадцать четыре.

носящагося Господа нерѣдко пишутъ почти совѣмъ обнаженнымъ. Не лучше ли писать Его въ обычномъ одѣяніи? «Въ тотъ же конечно часъ, въ который воскресъ Христосъ изъ мертвыхъ, Онъ явился впервые Магдалинѣ, но явился въ одеждѣ вертоградара; въ тотъ же день, въ который воскресъ отъ гроба, явился Онъ двумъ ученикамъ Своимъ, шедшимъ за шестьдесятъ стадій отъ Иерусалима, но явился опять въ одеждѣ. Гдѣ Онъ могъ взять одежду, въ столь короткое время по воскресеніи? Конечно тамъ же, гдѣ берутъ ее Ангелы, когда, по изволенію Божію, являются людямъ, — т.-е. въ нѣдрахъ всемогущества Божія.» ^(б) Въ этихъ состояніяхъ славы, пожалуй, не мѣшало бы писать Спасителя и въ бѣломъ свѣтовидномъ сіяющемъ облаченіи. Но говоря вообще, обычное, красное одѣяніе лучше: оно напоминаетъ намъ побѣду Воскресшаго и Вознесшагося надъ врагами нашего спасенія, кровавымъ цвѣтомъ одежды свидѣтельствующаго о пораженіи ихъ и погубленіи. Въ такомъ видѣ представляется Онъ у пророка Исаи. *Кто сей пришедшій отъ Едома, червлены ризы Его? Сей красенъ во утвари зѣло съ крѣпостію. Почто червлены ризы Твоя, и одежды Твоя, яко отъ истоптанія точила?* (Исаи 63, 1. 2. 3.)

Разставаясь съ непостижимой и неизяснимою личностію Бога, ставшаго человѣкомъ, Царя, пріявшаго рабій зракъ, заключимъ замѣчаніемъ, что ни одна личность исторіи и мифологіи, ни одно лицо Вѣтхаго и Новаго Завѣта, однимъ словомъ никто изъ земнородныхъ не служилъ столько разъ задачей для искусства, тѣмъ для безчисленнаго множества художниковъ всѣхъ степеней искусства и отраслей, всѣхъ вѣковъ, странъ и народовъ. Въ какихъ видахъ и положеніяхъ не изображали Его ^(в) искусства живописи, ваянія, музыки,

(б) См. ст. «Икона Воскресенія», Душен. Чт. 1867 г. апрѣль.

(в) Онъ былъ даже предметомъ каррикатуръ: на стѣнѣ дворца

поэзіи, исторіи! Какими облаками сомнѣній не стараются облагать лучезарную личность Богочеловѣка враги Его отъ фариисеевъ до Ренана и ему подобныхъ!—Отраднo думать, что, исключая этихъ *сыновъ погибели*, всему челоѣчеству эта личность въ живописи, скульптурѣ, поэзіи, всегда и вездѣ, была, есть и будетъ предметомъ благоговѣйнаго созерцанія, размышленія, почтенія, любви, утѣшенія, отрады и надежды, радости и славы. Попомни это художникъ, когда берешь ты кисть, и намѣреваешься изобразить достопокланяемый ликъ Богочеловѣка, Искупителя міра.

Свящ. В. Владимірскій.

цезарей на горѣ Палатинской кинжаломъ или гвоздемъ на царапано было такое изображеніе,—очень неуклюжаго рисованья: челоѣкъ съ ослиною головою распятъ на крестѣ, а другой стоитъ предъ нимъ и молится. Безграмотная греческая подпись гласить: «Алексамень покланяется своему богу!»—Ученый Іезуитъ Гаруччи добылъ дозволеніе вынуть, снять часть штукатурки, на которой начертано это странное изображеніе. Аб. Мартини видѣлъ въ музеѣ Кирхера эту замѣчательную рѣдкость, и приложилъ копію съ рисунка, въ словарь своемъ, къ статьѣ о клеветахъ, которымъ подвергались первенствующіе христіане. (Стр. 95). *Слава долготерпѣнію Твоему, Господи!*

С Л О В О

ВЪ ПАМЯТЬ ОТКРЫТІЯ БРАТСТВА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ.^(а)

Да разумѣваемъ другъ друга въ поощреніи любве и добрыхъ дѣлъ (Евр. 10, 24.)

Настоящее собраніе наше, слушатели, представляетъ отрадное христіанской душѣ явленіе, какъ собраніе братской семьи, составившейся для одного изъ самыхъ благихъ дѣлъ челоуѣколюбія: можемъ быть увѣренными, что Тотъ, Кто осудилъ нѣкогда преграждавшихъ дѣтямъ доступъ къ Нему, теперъ съ отеческимъ благоволеніемъ взираетъ на общій братскій трудъ, имѣющій цѣлю открыть, облегчить и уравнять для дѣтей путь къ Господу,— путь христіанскаго просвѣщенія и приготовленія къ служенію св. церкви. Возрастающая благоуспѣшность предпріятія, продолжающееся покровительство Царственныхъ лицъ и сочувствіе, встрѣчаемое во всѣхъ сословіяхъ общества, служатъ для насъ видимымъ знаменіемъ благословенія Божія.

(а) Говорено 12 октября въ братской церкви святителя Николая (явленнаго), въ концѣ литургіи, совершенной Высокопресвященнѣйшимъ Иннокентіемъ, митрополитомъ московскимъ. Братство открыто за три года предъ симъ для вспоможенія бѣднымъ ученикамъ духовнаго званія.

Да и может ли быть иначе? Если и единичное, малѣйшее дѣло милосердія имѣетъ цѣну въ очахъ Всеблагаго Отца небеснаго: то сколь же угодно Ему совокупное и постоянное дѣйствіе многихъ, направленное къ одной благодѣтельной цѣли, объемлющее многія лица и многія нужды? Такой способъ благотворенія, исходящій изъ духа любви христіанской, освященъ апостолами. Такъ церковь антиохійская въ виду угрожающаго голода учреждаетъ сборъ, въ которомъ каждый участвуетъ, чѣмъ можетъ, и собранное посылается въ Іерусалимъ къ пресвитерамъ *рукою Варнавлею и Савлею* (Дѣян. 11, 29. 30) Апостоль Павелъ для галатійской, коринтской, и для другихъ, вѣроятно, церквей, устанавливаетъ, чтобы каждый изъ вѣрующихъ по воскреснымъ днямъ отлагалъ, сколько позволяетъ ему состояніе, дабы благовременно можно было отослать нуждающимся собранное пособіе (1 Кор. 16, 2. 3). Такъ въ первенствующей церкви, которая вся представляетъ какъ бы одну семью, одно братство, видимъ *благотвореніе*, соединяющееся съ *общеніемъ* (Евр. 13, 16),— видимъ первообразъ братскихъ союзовъ, составляемыхъ съ благотворительною цѣлю.

Благотворительность настоящаго времени сознаетъ, какъ скудны плоды милосердія, дѣйствующаго по-одиночкѣ, безъ опредѣленной цѣли, наугадъ, и раздробляющагося на мелкія подаянія; и потому охотно избираетъ другой способъ служенія бѣднымъ, въ которомъ средства и усердіе многихъ лицъ совокупляются для удовлетворенія извѣстнаго рода нуждъ, и оказывается помощь, по возможности правильно распредѣляемая, болѣе или менѣе дѣйствительная, достигающая цѣли. Говоримъ это не въ укоризну подаянію бѣднымъ безъ разбора,— широка заповѣдь милосердія и богоугодно исполненіе ея во всякомъ видѣ; блаженъ тотъ, кто можетъ благотворить всегда, вездѣ и всякимъ образомъ.

Но когда ограниченность собственных средств позволяет удѣлять другимъ немного, помогать только нѣкоторымъ: тогда неразумно ли и не справедливо ли желать, чтобъ это немного шло на пользу истинно нуждающимся, и въ соединеніи съ другими подобными жертвами могло служить дѣйствительнымъ вспомощеніемъ? Да и вообще желающихъ благотворить не можемъ не указать на превосходство общественной, правильно устроенной благотворительности передъ частною. Для кого дѣла милосердія составляютъ не буквальное только и мертвое исполненіе долга, но — суть истинно *милыя сердцу* дѣла; кто имѣетъ въ виду не только получить вѣчное для собственной души спасеніе сими легкими средствами, но и облегчить по возможности нужды и страданія ближнихъ: тому недостаточно отверзать щедрую руку просящимъ, закрывая въ то же время глаза, чтобы не видѣть близко ихъ бѣдственнаго состоянія; тотъ чувствуетъ потребность войти въ ихъ нужды полнымъ вниманіемъ и участіемъ, и озаботиться по возможности достаточнымъ удовлетвореніемъ ихъ. Впрочемъ да не подумаетъ кто, что имѣющій въ настоящемъ утѣшеніе видѣть плоды благотворенія, лишаетъ себя чрезъ то награды вѣчной. Если позволительно желать и надѣяться спасительныхъ молитвъ отъ вспомощеныхъ: то откуда и ждать самой вѣрной и самой теплой молитвы, какъ не отъ тѣхъ лицъ, которыя получаютъ вѣрное, постоянное, по возможности удовлетворительное вспоможеніе? Съ этой стороны, братія, избранный нами родъ служенія бѣднымъ именно таковъ, что въ немъ цѣль благотворительности совершенно совпадаетъ съ желаемою наградою: вспомоествуя бѣднѣйшимъ служителямъ Церкви въ воспитаніи и приготовленіи дѣтей ихъ на служеніе Церкви, благотворящіе и въ этихъ будущихъ служителяхъ алтаря пріобрѣтаютъ себѣ постоянныхъ молитвенниковъ и въ настоящемъ

имѣютъ столь же усердныхъ молитвенниковъ въ родителяхъ ихъ. Могутъ еще указать на то, что личныя дѣла милосердія, оставаясь тайною, совершеннѣе исполняютъ заповѣдь Христову, тогда какъ участіе въ общественномъ благотвореніи по необходимости дѣлается извѣстнымъ, чего избѣгаютъ многіе Христолюбцы. Таковымъ замѣтимъ, что если братство по необходимости гласно ведетъ счетъ своимъ членамъ, то при этомъ самое количество приношенія можетъ, по желанію приносящаго, оставаться скрытымъ; а то, которое предполагается, какъ необходимое, такъ ничтожно, что не можетъ быть предметомъ тщеславія. Не желающіе вовсе быть извѣстными могутъ вносить свои жертвы, не называя даже и своего имени. Замѣтимъ и то, что Господь запрещаетъ намѣренную извѣстность благотворенія, когда оно трубитъ передъ собою, но не только не оуждаетъ, когда дѣла милосердія неизбѣжно, по самому свойству своему, бывають открытыми безъ всякаго желанія благотворящаго, но даже поставляетъ каждому въ обязанность распространять славу Божію, служа для другихъ примѣромъ добраго дѣланія: *яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже на небесѣхъ.*

Сія-то обязанность взаимнаго назиданія и возбужденія къ добру служитъ основаніемъ всякаго братскаго благотворительнаго союза: здѣсь нѣтъ мѣста тщеславію, ибо нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго, и невольная скудость приношенія восполняется избыткомъ усердія; но здѣсь и нѣтъ нужды скрываться, напротивъ всѣ должны быть вѣдомы другъ другу, соревнуя въ усердіи къ общему дѣлу: *да разумьваемъ другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ.* Братство — это не мертвое хранилище, куда складываются вещественныя пособія, — это живой цѣльный организмъ, который чрезъ взаимодѣйствіе членовъ растеть и крѣпнеть, рас-

пространяя далѣ и далѣ свое благодѣтельное вліяніе. Оно видитъ множествомъ глазъ, отъ которыхъ трудно укрываться нуждѣ истинной, хотя и невѣдомой многимъ, и нуждѣ мнимой, злоупотребляющей человѣколюбіемъ; оно дѣйствуетъ множествомъ рукъ, и потому дѣйствуетъ неуставно и по возможности благовременно. Изъ всѣхъ видовъ общественнаго служенія бѣднымъ — братство можно признать совершеннѣйшимъ, ближайшимъ къ духу христіанской любви: тогда какъ въ другихъ подобныхъ учрежденіяхъ одни жертвуютъ, не входя ни въ какое общеніе съ нуждающимися, не зная, кому и на что именно идутъ пожертвованія, а другіе, распоряжающіеся собранными средствами, имѣютъ въ этомъ распоряженіи опредѣленный родъ службы, болѣе или менѣе вознаграждаемой; братство не представляетъ ничего подобнаго, ничего удовлетворяющаго личнымъ интересамъ, и безкорыстно совершаетъ дѣло любви, давая полный просторъ лишь сердечному участію въ нуждающихся и бѣдствующихъ.

Исторія свидѣтельствуетъ, что братства являлись спасительными средствами въ самыя трудныя годы, служили важнѣйшимъ нуждамна рода. Говоритъ ли при этомъ о важности назначенія нашего братства? Она понятна всякому благомыслящему и благожелательному человѣку. Если въ настоящее время всѣ понимаютъ большую, нежели когда-нибудь, потребность въ просвѣщенныхъ пастыряхъ церкви: то далеко не всѣ правильно видятъ и понимаютъ настоящее положеніе ихъ и тѣ условія, среди которыхъ воспитываются будущіе пастыри. Въ то время, какъ одни, и это — масса общества, вслѣдствіе многихъ и разныхъ причинъ, остаются равнодушными къ судьбѣ духовенства, другіе стараются возбудить противъ него общественное мнѣніе, крича объ его недостаткахъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ, возбуждая недовѣріе къ его служенію, презрѣніе къ его образованію; въ то

время, какъ вещественныя средства церкви и государства не могутъ быть столь обширны, чтобъ открыть двери духовнаго просвѣщенія для всѣхъ тѣхъ, которые достойно могли бы имъ воспользоваться, а собственныя средства служителей церкви для этой цѣли вовсе ничтожны; въ это, по истинѣ, тяжелое для насъ время нельзя не признать въ высшей степени благодѣтельнымъ то учрежденіе, которое съ предложеніемъ существенной помощи идетъ на встрѣчу нашему бѣдному учащемуся и желающему учиться юношеству.

Братіе-споспѣшники благаго дѣла! Предвидя въ ближайшемъ будущемъ потребность новыхъ жертвъ и еще большихъ заботъ для достиженія поставленной намъ цѣли, не будемъ охладѣвать въ сочувствіи и усердіи къ труду, принятому во имя человеколюбія и во благо Церкви.

Прот. И. Богословскій-Платоновъ.

ОТНОШЕНИЕ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ЦЕРКВАМЪ, СО ВРЕМЕНИ РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ ДО ПАДЕНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ.

I.

Общая характеристика отношеній римской церкви къ восточнымъ церквамъ.

Главною причиною раздѣленія церквей были притязанія папъ распространить свое господство на восточную церковь, которымъ восточная церковь не захотѣла подчиниться. Папы не думали оставлять своихъ притязаній и послѣ того, какъ послѣдовалъ формальный разрывъ между церквами. Благопріятныя историческія условія, въ какихъ находилась западная церковь въ средніе вѣка, и стѣсненное политическое положеніе православнаго востока усиливали въ папахъ надежду подчинить своей власти восточную церковь. Подъ вліяніемъ этой надежды съ одиннадцатаго вѣка и до позднѣйшихъ временъ папы не пропускали ни одного столѣтія безъ попытокъ распространить свое вліяніе въ восточныхъ церквахъ. Этими попытками по преимуществу и характеризуются отношенія римской церкви къ восточнымъ церквамъ, со времени раздѣленія церквей до настоящаго времени.

Способы, какими пользовалась римская церковь къ распространенію своего вліянія на востокъ, бывали весьма разнообразны. Иногда папы, подъ видомъ отеческой заботливости о восточныхъ христіанахъ, по ихъ мнѣнію, погибающихъ въ общеніи съ римскою церковію, обращались къ представителямъ восточныхъ церквей съ ласками и обѣщаніями, съ

предложеніями мира и любви, приглашали ихъ къ братскому совѣщанію объ устраненіи разногласій существующихъ между церквами, созывали соборы для возстановленія мира церковнаго, всегда впрочемъ имѣя въ виду при этомъ собственно не изслѣдованіе истины, не безпристрастное уясненіе и устраненіе разномысліи, не братское примиреніе двухъ церквей между собою, какъ равной съ равною, а непремѣнно подчиненіе восточной церкви своему вліянію. Эти мѣры мало имѣли успѣха; неискреннія попытки къ соединенію только болѣе усиливали раздѣленіе между церквами, и сама римская церковь обращалась къ публичнымъ совѣщаніямъ о примиреніи церквей больше за тѣмъ, чтобы только торжественно заявить свои притязанія на восточную церковь. Главнымъ же образомъ римская церковь разчитывала всегда на силу своего политическаго вліянія. Она старалась привлекать на свою сторону государей восточныхъ различными союзами, политическими выгодами и обѣщаніями, не совѣмъ вѣрно разчитывая на то, что на востокѣ церкви находятся въ большей зависимости отъ свѣтскаго правительства, и такимъ образомъ надѣясь подчинить себѣ ихъ чрезъ посредство свѣтскаго правительства.

Когда православные государи оказывались неподатливыми на прельщенія латинства, папы возбуждали противъ нихъ западныхъ государей, заводили политическія интриги, созывали противъ православныхъ странъ крестовые походы, мечтали силою оружія и хитростями политики подчинить себѣ православный востокъ. Когда не оказывалось возможности сразу подчинить своему вліянію цѣлую церковь или цѣлую страну, папы старались дѣйствовать постепенно, отторгать на свою сторону членовъ православной церкви по частямъ. Для этого они старались имѣть въ православныхъ странахъ своихъ миссіонеровъ—пропагандистовъ, которые бы тайными и явными—религіозными и политическими, нравственными и безнравственными средствами вездѣ пріобрѣтали новыхъ прозелитовъ римской церкви, съ тѣмъ чтобы чрезъ нихъ постепенно можно было распространять вліяніе латинства на цѣлую страну. — Условія, на какихъ папы привлекали къ союзу съ римскою церковію другія церкви, бывали также весьма различны. Одно

главное требованіе, на которомъ всегда твердо стояла римская церковь, состояло въ томъ, чтобы всякая другая церковь, вступающая въ союзъ съ нею, непременно признала верховный авторитетъ папы. Затѣмъ если встрѣчались другія разномыслія церковныя, разности въ догматахъ, обрядахъ и дисциплинѣ церковной, римская церковь дѣйствовала смотря по обстоятельствамъ. Иногда, когда это представлялось возможнымъ, папы настоятельно требовали отъ другихъ церквей полного принятія латинства, т.-е. принятія всѣхъ догматовъ, обрядовъ, церковныхъ правилъ и (латинскаго) богослужебнаго языка римской церкви. Въ большей части случаевъ, когда не представлялось возможности сразу олатынить извѣстную церковь или страну, они довольствовались только такъ называемою унією, т.-е. требовали, чтобы въ извѣстной церкви или странѣ признавъ былъ верховный авторитетъ папскій, и затѣмъ всѣ остальные догматы, обряды и правила церковныя могли оставаться до времени неприкосновенными, или нѣкоторые изъ нихъ были оставляемы неприкосновенными, а другіе уничтожались, или приводимы были къ согласію съ римскою церковію. Такая унія впрочемъ всегда допускалась папствомъ болѣе или менѣе неискренно, по необходимости, до времени, чтобы только привлечь какой нибудь народъ къ союзу съ римскою церковію, и не запугать его сразу слишкомъ строгими требованіями. Такая унія повремени должна была служить переходомъ къ чистому и полному латинству. Постепенно въ церквахъ, принимающихъ унію, были уничтожаемы обрядъ за обрядомъ, догматъ за догматомъ, богослуженіе приводилось въ большее и большее согласіе съ латинскимъ, и наконецъ вполне замѣняемо было латинскимъ, такъ что народъ нерѣдко совершенно забывалъ объ особенностяхъ своего прежняго церковнаго быта, и о томъ, на какихъ условіяхъ онъ первоначально согласенъ былъ вступить въ общеніе съ римскою церковію. Чтобы достигнуть этого, папы нерѣдко намѣренно старались о томъ, чтобы народъ и низшее духовенство въ церквахъ, принимающихъ унію, были невѣжественны, а на высшихъ церковныхъ мѣстахъ епископскихъ старались имѣть людей искусныхъ и вполне преданныхъ имъ. Эти

епископы втайнѣ придерживаясь чистаго латинства, но не показывая этого явно, старались вездѣ поставлять такихъ священниковъ, которые бы или были вполне единомысленны съ ними, или по своему невѣжеству могли служить слѣпымъ орудіемъ ихъ замысловъ; съ такими священниками, при невѣжествѣ народа въ дѣлахъ вѣры, имъ удобно было мало-по-малу вводить въ народъ новыя молитвы и обряды, учреждать новые праздники въ честь латинскихъ святыхъ, перепечатывать богослужебныя книги съ измѣненіями въ пользу латинства и т. д. И такимъ образомъ случалось, что иной народъ, нѣкогда принадлежавшій къ православной восточной церкви, дѣлался латинствующимъ, самъ того не замѣчая, и продолжая искренно считать свою вѣру древнею, православною восточною вѣрою. Искоренивъ въ извѣстной странѣ прежніе обряды, и утвердивъ въ ней латинство, папскіе агенты старались истреблять въ ней и всѣ историческіе памятники, напоминающіе о томъ, что страна эта нѣкогда не принадлежала латинству.

При такой широкой свободѣ и разнообразныхъ средствахъ пропаганды, владѣя въ средніе вѣка большимъ политическимъ могуществомъ, и пользуясь стѣсненнымъ положеніемъ, политическими невзгодами православныхъ восточныхъ странъ, греческихъ и славянскихъ, римская церковь въ различныя времена успѣла оторвать отъ православной восточной церкви въ унию или въ латинство цѣлыя племена и страны, цѣлые милліоны бывшихъ сыновъ православія. Въ другихъ православныхъ племенахъ и странахъ она производила великія смуты, сопровождавшіяся тяжелыми бѣдствіями для цѣлыхъ народовъ. Но при всемъ томъ римской церкви никогда не удавалось совершенно поколебать и подчинить себѣ православную восточную церковь. Въ самыя тяжелыя времена своей исторической жизни, восточная церковь, охраняемая и руководимая промысломъ Божиимъ, удерживая свою самостоятельность, оставалась вѣрною хранительницею древнихъ преданій, и живою обличительницею неправдъ римской церкви. И до настоящаго времени папство не оставляетъ своихъ прежнихъ притязаній на восточную церковь. Но въ послѣднія времена, при ослабленіи самого папства, и болѣе твердою,

сравнительно съ прежними временами, политическомъ положеніи православнаго востока, папству в се менѣе и менѣе остается надеждъ достигнуть своей цѣли подчиненія православнаго востока. Таковъ общій характеръ отношеній римской церкви къ православнымъ восточнымъ церквамъ, со времени ея отдѣленія отъ нихъ до позднѣйшихъ вѣковъ.

II.

Отношенія Римской церкви къ Греческимъ церквамъ въ 11-мъ и 12-мъ вѣкахъ. Искорененіе православія въ южно-италійскихъ церквахъ; насилія крестоносцевъ на востокъ въ Антиохійскомъ и Іерусалимскомъ патріаршествахъ; сношенія папъ съ греческими императорами династіи Комниновъ.

Притязательныя стремленія папства, послѣ раздѣленія церквей, прежде всего обращены были на тѣ изъ православныхъ греческихъ церквей, которыя были ближе къ папскому господству. Въ южной Италіи (въ Апуліи, Калабріи и Сициліи) жили Греки, признававшіе надъ собою власть византійскихъ императоровъ долгое время и послѣ того, какъ Римъ и вся верхняя Италія отложились отъ нея. Въ церковномъ отношеніи греко-италійскія церкви до VIII-го вѣка находились въ зависимости отъ папы. Но когда папы во время смутъ иконоборческихъ при Львѣ исаврійскомъ отложились отъ Византійской имперіи, императоры греческіе перечислили южно-италійскія церкви въ округъ Константинопольскихъ патріарховъ. Въ то время какъ римская церковь начала уже значительно отступать отъ древнихъ преданій, въ церквахъ южной Италіи строго держались греческихъ обрядовъ, и совершалось богослуженіе на греческомъ языкѣ. Папамъ конечно было это непріятно, и они старались распространить свое вліяніе въ южно-италійскихъ церквахъ. Въ 10-мъ и 11-мъ вѣкахъ власть византійскихъ императоровъ въ южной Италіи стала слабѣть; вмѣстѣ съ тѣмъ стало болѣе и болѣе усиливаться здѣсь вліяніе латинства. Въ половинѣ XI-го вѣка въ южной Италіи и Сициліи утвердились Норманны. Норманскіе князья на первыхъ порахъ находились во враждебныхъ отношеніяхъ съ папами, но потомъ (со временъ папъ Николая II-го и

Григорія VII) сдѣлались самыми вѣрными союзниками и даже ленниками Римской церкви. Въ это время папамъ стало удобно отторгнуть южно-Италійскія церкви отъ союза съ православно-восточными церквами. Въ 1098-мъ году папа Урбанъ II-й самъ путешествовалъ въ южную Италію, и здѣсь держалъ соборъ въ городѣ Бари, съ цѣлію убѣдить южно-италійскихъ Грековъ въ правильности римскаго ученія объ исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына. Главнымъ образомъ ораторствовалъ здѣсь въ пользу латинскаго догмата знаменитый въ то время западный Богословъ Ансельмъ, архіепископъ Кантербурійскій, составившій послѣ собора и особенное сочиненіе объ этомъ предметѣ. Въ заключеніе собора положено было проклятіе на всѣхъ не пріемлющихъ римскаго ученія о Духѣ Святомъ. Греки южной Италіи еще долго и послѣ того не хотѣли оставить своихъ древнихъ догматовъ и обрядовъ, и ввести въ свои храмы богослуженіе на латинскомъ языкѣ. Особенно твердо держалось греческое богослуженіе въ южно-италійскихъ монастыряхъ. Но отторгнутые отъ живой связи съ восточными церквами и стѣсненные со всѣхъ сторонъ вліяніемъ латинства, южно-италійскія церкви должны были наконецъ принять латинское исповѣданіе и богослуженіе. вмѣстѣ съ тѣмъ стала упадать здѣсь и греческая народность. Греческіе поселенцы южной Италіи, принявши латинство, постепенно слились съ другими итальянцами, и въ настоящее время въ этихъ нѣкогда православныхъ греческихъ странахъ не осталось никакихъ слѣдовъ православія и греческой народности.

Въ концѣ II вѣка начались, въ 12 и въ 13 вѣкахъ продолжались такъ называемые крестовые походы съ запада на востокъ. Эти крестовые походы и вообще много послужили возвышенію папъ на западѣ, и между прочимъ содѣйствовали распространенію вліянія ихъ на восточныя церкви. Крестовые походы предпринимались, какъ извѣстно, для освобожденія святой земли отъ невѣрной власти магометанъ—Турокъ. Этой цѣли они не достигли; Іерусалимъ и другія святія мѣста, лишь на недолгое время завоеванныя крестонос-

цами, опять остались и до сихъ поръ остаются въ рукахъ Турокъ. Но восточнымъ христіанамъ крестоносцы принесли болѣе зла, чѣмъ Туркамъ. Восточные христіане вначалѣ радовались возникшему на западѣ движенію къ освобожденію святой земли, но скоро они должны были убѣдиться, что власть латинянъ для нихъ еще болѣе тяжела, чѣмъ самое иго Турковъ. Проходя въ Палестину черезъ Грецію, полчища крестоносцевъ, вопреки всякому международному праву и братскому христіанскому чувству, оскорбляли и грабили православныхъ Грековъ. Это послужило первымъ поводомъ къ непріязни между крестоносцами и Греками. Императоры византійскіе вступали въ мирные переговоры съ вождями крестоносцевъ; но вожди отказывались отвѣчать за насильственные дѣйствія безпорядочнаго войска. А духовенство латинское оправдывало грабежи крестоносцевъ тѣмъ, что крестоносцы, какъ воины Бога, имѣютъ право во всякой землѣ брать, что имъ нужно, потому что вся земля достояніе Божіе. Когда крестоносцы перебрались въ Азію, и стали утверждать свою власть въ городахъ Сиріи и Палестины, они всюду вмѣстѣ съ тѣмъ старались утверждать и господство папы. Въ Антіохіи и Іерусалимѣ, не обращая вниманія на то, что эти города издревле имѣли своихъ равныхъ по правамъ римскому папѣ православныхъ патріарховъ, крестоносцы вновь поставили своихъ латинскихъ патріарховъ. А православные патріархи, которые даже во время магометанскаго владычества жили на своихъ каѳедрахъ, при владычествѣ крестоносцевъ должны были удалиться отъ нихъ и искать убѣжища и защиты у византійскихъ императоровъ. Когда одинъ изъ византійскихъ государей Іоаннъ Комнинъ ходатайствовалъ предъ крестоносцами о томъ, чтобы въ Антіохіи позволено было жить православному патріарху хотя совмѣстно съ латинскимъ патріархомъ, и хотѣлъ даже за большія деньги выкупить Антіохію у крестоносцевъ, папа Иннокентій II-й горячо протестовалъ противъ этого, какъ противъ святотатствъ и оскорбленія правъ римской церкви. Подобнымъ образомъ и въ другихъ городахъ крестоносцы, вмѣстѣ съ утвержденіемъ своего владычества, поставляли латинскихъ

епископовъ и митрополитовъ; монастыри наполняли латинскими монахами, а православныхъ монаховъ выгоняли изъ нихъ; древними памятниками православной святыни,—св. мощами, особенно чтимыми иконами, разными драгоценностями церковными, распоряжались какъ своею собственностію, и многія изъ нихъ отправляли на западъ въ даръ папѣ и государямъ западнымъ. При этомъ даже незамѣтно было со стороны латинскаго духовенства, находившагося между крестоносцами, какихъ-либо стараній разумными убѣжденіями, проповѣдью располагать восточныхъ христіанъ къ принятію латинства. Они считали здѣсь утвержденіе латинства дѣломъ уже поконченнымъ вмѣстѣ съ утвержденіемъ самой политической власти крестоносцевъ, и во имя этого требовали отъ восточныхъ христіанъ подчиненія себѣ, какъ бы они издавна были покорныя чада или подданные римской церкви. Тамъ, гдѣ встрѣчалось неповиновеніе или сопротивленіе, они обращались къ мѣрамъ насильственнымъ. Особенно много приходилось терпѣть отъ насильственной пропаганды латинства жителямъ острова Кипра, гдѣ крѣпче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, держалось владычество крестоносцевъ. Здѣсь латинское духовенство сожигало на кострахъ и распинало на крестахъ православныхъ христіанъ, не хотѣвшихъ отступить отъ своей вѣры. Разумѣется, подобными дѣйствіями латинское духовенство и вообще крестоносцы не только не внушали восточнымъ христіанамъ расположенія къ римской церкви и къ папѣ, напротивъ еще болѣе усиливали непріязнь между церквами.

Захвативъ подъ свою власть православные восточные патріархаты—Антіохійскій и Іерусалимскій, крестоносцы съ завистію обращали свои взоры на Константинополь—главную опору православія и восточной церкви. Тѣмъ не менѣе прямо заявить какія либо притязанія на Константинополь въ началѣ не представлялось ни благовиднаго повода, ни возможности. Византійская имперія въ 12-мъ вѣкѣ подъ управленіемъ умныхъ и мужественныхъ императоровъ династіи Комниновъ была довольно сильна. Императоры византійскіе старались по возможности воздерживаться отъ враждебныхъ столкновеній

съ крестоносцами. Поэтому, не смотря на фанатическія возванія нѣкоторыхъ латинскихъ епископовъ, которые еще въ половинѣ XII-го вѣка (во время 2-го крестоваго похода при Людовикѣ VII-мъ) возбуждали крестоносцевъ овладѣть Константинополемъ—гнѣздомъ еретиковъ, долго не рѣшались обратитъ свое оружіе противъ Константинополя.

Папы въ началѣ надѣялись, что константинопольскіе Греки, въ виду успѣшнаго распространенія латинскаго господства на востокѣ, сами обратятся къ римской церкви... Были нѣкоторыя частныя обстоятельства, усиливавшія въ папахъ эту надежду. У папъ въ 12 вѣкѣ возникали нерѣдко столкновенія съ германскими императорами (Генрихомъ V-мъ, Фридрихомъ Барбаруссой). Въ виду этихъ столкновеній, у нѣкоторыхъ папъ, въ то время уже считавшихъ себя полноправными раздаятелями царскихъ вѣнцовъ и титуловъ, появлялась мысль совсѣмъ уничтожить на западѣ императорскій титулъ (имъ же обязанный своимъ происхожденіемъ при Карлѣ Великомъ), и утвердить этотъ титулъ за однимъ византійскимъ императоромъ въ тѣхъ видахъ, что византійскіе императоры будутъ надежнѣе, чѣмъ германскіе, вѣрными союзниками папства, и помогутъ ему подчинитъ своей власти греческую церковь. Подъ вліяніемъ этой мысли, между папами и византійскими императорами неоднократно начинались переговоры объ императорскомъ титулѣ и соединеніи церквей (у папъ Урбана II-го и Пасхалиса II-го съ императоромъ Алексѣемъ Комнинымъ, у папъ Адриана IV-го и Александра III-го съ Еммануиломъ Комнинымъ). Честолюбивые Комнины, можетъ быть на самомъ дѣлѣ прельщались честію имѣть за одною византійскою короною императорскій титулъ и на мѣсто упраздненной германской имперіи, распространять свое вліяніе на самую западную Европу, а можетъ быть только опасались чрезъ прямое несогласіе съ папами навлечь на имперію непріятность отъ крестоносцевъ,—во всякомъ случаѣ считали нужнымъ поддерживать добрыя отношенія съ папами, и даже ласкать ихъ надеждою на соединеніе церквей. Въ сущности Комнины, сами близко входившіе въ церковныя интересы своего народа, вовсе не

имѣли намѣренія уступить папѣ самостоятельность греческой церкви, но по наружности они старались выказывать большое расположеніе къ нему, писали льстивые письма папамъ, посылали богатые вклады въ римскую церковь и въ извѣстные западные монастыри Ключьни и Монте-Кассино, позволили въ своихъ владѣніяхъ строить латинскіе храмы и монастыри, возбуждали между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ разсужденія о мѣрахъ къ соединенію церквей. При дворѣ византійскихъ императоровъ устроились публичныя совѣщанія объ этомъ предметѣ между папскими посланниками и учеными греческими богословами (изъ нихъ въ особенности извѣстны диспуты миланскаго архіепископа Хризолана съ Евстратіемъ митрополитомъ никейскимъ при Алексіѣ Комнинѣ, и гаверьберскаго епископа Ансельма съ Никитою никоидійскимъ при Іоаннѣ Комнинѣ). Папы присылали также посланія къ греческимъ епископамъ, въ которыхъ приглашали ихъ соединиться съ римскою церковію, сравнивая греческую церковь съ погибшею овцою и потерянною драхмою, а себя съ любвеобильнымъ евангельскимъ пастыремъ, заботящимся о спасеніи каждой погибающей овцы. Епископы и богословы греческіе, не желая, вопреки видамъ своего правительства, раздражать папъ прямымъ противорѣчіемъ, давали папамъ и ихъ посланнымъ вѣжливые отвѣты на всѣ приглашенія и увѣщанія, но тѣмъ не менѣе старались объяснить имъ, что такое великое дѣло, какъ соединеніе церквей, не можетъ совершиться иначе, какъ послѣ безпристрастаго изслѣдованія причинъ разрыва на вселенскомъ соборѣ, и только тогда, когда папы откажутся отъ своихъ деспотическихъ притязаній къ порабощенію всѣхъ церквей, перестанутъ считать греческую церковь заблудшею овцою и потерянною драхмою, и когда римская церковь оставитъ свои отступленія отъ древнихъ православныхъ преданій (извѣстны въ такомъ духѣ отвѣты Никиты Никоидійскаго и Василія Фессалонитскаго на приглашенія къ соединенію).

Въ большинствѣ народа и духовенства греческаго не было никакого расположенія къ соединенію съ римскою церковію; напротивъ въ виду насилій производимыхъ крестоносцами

на востокѣ, усиливалась все болѣе и болѣе непріязнь къ латинству. Крестоносцы нерѣдко сами жаловались папѣ, что Греки почти не считаютъ ихъ за христіанъ. Такое настроеніе противъ латинства поддерживали въ народѣ и многіе высшіе пастыри греческой церкви и ученые греческіе богословы. Въ полемическихъ сочиненіяхъ того времени, касавшихся латинства, высказывалось уже гораздо болѣе непріязненное отношеніе къ нему, нежели въ предшествовавшіе вѣка. Патріархи константинопольскіе Михаилъ Анхіаль, Никита Муитанъ, александрійскій патріархъ ученый Теодоръ Вальсамонъ прямо называли латинянъ злѣйшими еретиками. Подъ вліяніемъ раздраженнаго національнаго и религіознаго чувства у Грековъ уже къ концу 12-го вѣка появился такой обычай, который служилъ крайнимъ выраженіемъ непріязни къ латинству,—обычай перекрещивать латинянъ при обращеніи въ православіе. Обычай этотъ не могъ быть оправданъ согласіемъ съ древними церковными правилами, но онъ естественно объясняется тѣми отношеніями, въ какія поставило себя къ восточнымъ церквамъ латинство своими притязаніями и насиліями. Въ послѣдующіе вѣка обычай этотъ то былъ отмѣняемъ въ греческихъ церквахъ, то опять возобновлялся, по мѣрѣ того, насколько ослабѣвало или опять усиливалось религіозное и національное раздраженіе Грековъ противъ латинцевъ, возбуждаемое несправедливыми и насильственными дѣйствіями послѣднихъ. Въ народѣ греческомъ были недовольны и тѣми двусмысленно тонкими отношеніями къ Риму, въ какихъ держало себя правительство византійское по политическимъ расчетамъ. Это недовольство въ особенности усилилось въ послѣдніе годы правленія императора Еммануила Комнина, который, вступивъ въ бракъ съ дочерью антиохійскаго вождя крестоносцевъ Райнальда Марією, ласкалъ латинцевъ при своемъ дворѣ, давалъ имъ большія привиллегіи въ торговлѣ, право строить свои церкви и монастыри въ его владѣніяхъ, въ слѣдствіе чего очень много латинцевъ поселилось въ Константинополѣ. Когда императоръ Еммануиль умеръ, и правительницею государства, за малолѣтствомъ наследника престола, сдѣлалась вдова его

латинянка Марія, народъ взбунтовался. На престолъ былъ возведенъ двоюродный братъ умершаго государя Андроникъ Комнинъ, состоявшій подъ опалю у прежняго государя, заклятый врагъ латинянъ. Возбужденные имъ, Греки разграбили и сожгли въ Константинополѣ весь латинскій кварталъ, избили множество латинянъ, и между прочимъ папскаго легата кардинала Іоанна, жившаго въ Константинополѣ для переговоровъ о соединеніи церквей, другихъ латинянъ схватили и продали въ рабство, самыя церкви и больницы ихъ разграбили и разрушили. Это было въ 1180-мъ году. Чрезъ вѣсколько лѣтъ послѣ этого, въ 1185-мъ году, крестоносцы отплатили Грекамъ еще большими неистовствами и жестокостями, овладѣвъ греческимъ городомъ Фессалоникою.

До такихъ крайностей развилась вражда между греческимъ и латинскимъ христіанствомъ въ 12-мъ вѣкѣ. Непріязнь эта сдѣлалась теперь уже не религіозною только, но и глубокою національною враждою; вмѣстѣ съ тѣмъ и раздѣленіе, утвердившееся между церквами, сдѣлалось еще болѣе крѣпко и глубоко.

III.

Владычество Латинянъ въ Константинополѣ въ 13 вѣкѣ. Сношенія папъ съ Никейскими императорами.

Въ концѣ XII-го вѣка (11095 г.) въ Византійской имперіи произошелъ переворотъ. Императорская династія Комниновъ, въ слѣдствіе крайняго деспотизма и невыносимыхъ жестокостей послѣдняго изъ нихъ Андроника Комнина, была низвергнута. На престолъ взошла новая династія императоровъ Ангеловъ. Византійская имперія въ самые первые годы управленія новой династіи начала показывать признаки разслабленія. Между разнородными племенами, входившими въ составъ ея, возникали частыя возмущенія. На окраинахъ имперіи (въ Болгаріи, Эпирѣ) образовались новыя самостоятельныя государства. Въ самомъ семействѣ новой царской династіи открылись междоусобія. Императоръ Исаакъ Ангелъ (1201 г.) былъ низвергнутъ съ престола, ослѣпленъ и посаженъ въ тюрьму братомъ своимъ, который вступилъ на

престоль подь именемъ Алексѣя III-го. Теперь открылись западному властолюбію возможность и поводъ осуществить свои притязанія на Константинополь.

Сынъ низверженнаго императора Исаака, царевичъ Алексѣй скитался по Европѣ, и просилъ западныхъ государей помочь ему возвратить престоль, отнятый дядею. Просьбы его вначалѣ не имѣли успѣха. Наконецъ крестоносцы, съ благословенія папы Иннокентія III-го, вновь собиравшіе свои дружины въ Венеціи для похода въ св. Землю, согласились помочь ему. Царевичъ Алексѣй обѣщаль имъ за это уплатить огромную сумму денегъ (200,000 марокъ серебра), подкрѣпить ихъ для похода въ Палестину десятитысячнымъ войскомъ, доставлять имъ туда въ продолженіи года съѣстные припасы, и наконецъ даже способствовать подчиненію греческой церкви римскому папѣ. Крестоносцы, обольщенные такими обѣщаніями, отправились съ царевичемъ Алексѣемъ, и въ іюлѣ 1203-го года обложили осадю Константинополь. Императоръ Алексѣй III бѣжалъ изъ столицы. Константинопольскіе греки явились къ крестоносцамъ съ мирными предложеніями, вывели изъ тюрьмы слѣпаго Исаака Ангела, и вновь возвели его на престоль вмѣстѣ съ сыномъ Алексѣемъ IV-мъ. Теперь Алексѣю IV-му пришло время расплачиваться съ крестоносцами. Во всей казнѣ Константинопольской не могло найдтись столько денегъ, сколько онъ имъ обѣщаль. Назначены были усиленные налоги, и самъ Алексѣй IV отправился по провинціямъ собирать деньги для крестоносцевъ. Для пополненія казны, онъ рѣшилъ коснуться церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, сталъ обращать въ деньги церковныя драгоценности. Это возбудило въ народѣ большое волненіе. Крестоносцы настойчиво требовали денегъ, и считая себя благодѣтелями императора, небрежно и враждебно относились къ Грекамъ, оскорбляли ихъ, грабили и жгли селенья и монастыри въ окрестностяхъ Константинополя. Между Греками сдѣлалось извѣстнымъ и то, что царевичъ Алексѣй обѣщаль предать греческую церковь Латинянамъ и уже началъ склонять патріарха Іоанна Каматира къ подчиненію папѣ. Греки, выведенные изъ терпенія, убили Алексѣя IV-го;

отецъ его Исаакъ умеръ съ горя и испуга; на престолъ возведенъ былъ одинъ изъ предводителей возмущенія Алексѣй V Мурцуфль, ожесточенный врагъ Латинянь. Крестоносцы рѣшились жестоко отмстить Грекамъ за такое своеволие. Константинополь вновь былъ осажденъ, и не смотря на отчаянное сопротивленіе Грековъ, взятъ Латинянами 13-го апрѣля 1204-го года. Императоръ и патріархъ Константинопольскіе бѣжали изъ города. При взятіи Константинополя крестоносцы ознаменовали себя такими неистовствами и жестоко, стями, до какихъ рѣдко доходили самые варварскіе народы—самые заклятые враги христіанства—магометане, при завоеваніи христіанскихъ городовъ. Греки безъ всякаго состраданія были избиваемы, даже и тѣ, которые сами покорно отдавались во власть крестоносцевъ. Не было пощады ни званію, ни полу, ни возрасту; благородныя женщины, дѣвы, монахини подвергались безчестію, имущества константинопольскихъ гражданъ были разграблены. Изъ церквей константинопольскихъ однѣ были обращены въ складочное мѣсто для награбленныхъ имуществъ, а другія сдѣланы мѣстомъ для буйныхъ оргій крестоносцаго воинства. Въ самомъ Софійскомъ соборѣ крестоносцы пировали и кощунствовали съ развратными женщинами, плясали въ священныхъ одеждахъ, пили вино изъ священныхъ сосудовъ, ругались надъ святыми тайнами. Священники и монахи латинскіе расхищали изъ греческихъ церквей драгоцѣнныя иконы, св. мощи и другіе предметы благоговѣйнаго почитанія Грековъ, отнимали и перекрадывали ихъ другъ у друга, и пересылали на западъ въ даръ папѣ и государямъ западнымъ. Въ это время перевезены были въ Римъ мощи св. апостола Андрея (по преданію — основателя византійской церкви), древнихъ великихъ іерарховъ и учителей константинопольскихъ Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго, Іоанна Милостиваго и другихъ святыхъ, часть креста Господня, ризы Божіей Матери и другіе священные предметы. Точно также были разграблены, или совсѣмъ разрушены крестоносцами памятники наукъ и искусствъ, которыхъ много было въ Константинополь, — древ-

нія рукописи, дорогія книги, художественныя изваянія, статуи и т. под.

Разграбивши столицу Греческой имперіи, крестоносцы избрали одного изъ своихъ вождей — Балдуина, графа фландрскаго, императоромъ константинопольскимъ, венеціанскаго каноника Θому Морозини патриархомъ, и послали папѣ донесенія о своихъ успѣхахъ, съ богатыми подарками, прося его принять подъ свое покровительство новую державу, и прислать на востокъ новыя дружины, а также побольше священниковъ, монаховъ, ученыхъ богослововъ, церковныхъ книгъ для утвержденія въ Греціи политическаго и духовнаго господства латинства. Иннокентій III хотѣлъ показать видъ, что онъ очень недоволенъ крестоносцами за то, что они забыли о главной священной цѣли своего предпріятія, и вмѣсто Іерусалима, находящагося въ рукахъ Турковъ, завоевали Константинополь, имѣвшій свое христіанское правительство. Онъ строго укорялъ ихъ за тѣ неистовства и насилія, какія они дозволили себѣ при завоеваніи Константинополя, главнымъ образомъ изъ опасенія, что эти неистовства и насилія могутъ повредить латинству въ глазахъ Грековъ. Впрочемъ папа здѣсь же успокоивалъ себя и крестоносцевъ тѣмъ, что можетъ быть самъ Промыслъ Божій избралъ ихъ орудіями своей воли для того, чтобы наказать непокорныхъ Грековъ за ихъ упорство и привести ихъ въ послушаніе апостольскому престолу. Потому, благословляя успѣхи крестоносцевъ и утверждая избранныхъ ими императора и патриарха, папа внушалъ крестоносцамъ, что они должны твердо держать пріобрѣтенныя ими по волѣ Божіей владѣнія, и епископамъ латинскимъ, находящимся въ Константинополѣ писалъ, чтобъ они немедленно заняли греческія церкви и вводили вездѣ латинскіе обряды.

Утвердивъ свою власть въ Константинополѣ, крестоносцы отправились завоевывать провинціи Греческой имперіи. Здѣсь также они производили вездѣ насилія и грабежи, также предавались святотатству и кощунству; въ Θεссалоникахъ, напримѣръ, нагло ругались надъ мощами св. Димитрія Солунскаго. Покоренные Греки были обращены въ

рабство. Имперія, подъ верховною властію находившагося въ Константинополь императора, была раздѣлена на множество большихъ и мелкихъ ленныхъ владѣній, подъ управленіемъ различныхъ князей, графовъ, бароновъ и т. д.

Въ церковномъ отношеніи въ Греціи учреждено 32 латинскихъ митрополій и около 100 епископствъ. Православные епископы были прогоняемы съ своихъ мѣстъ, и въ случаѣ неповиновенія подвергались тяжкимъ преслѣдованіямъ.

Съ покореніемъ Византійской имперіи латинскому господству, сокрушенъ былъ главный центръ православія на востокъ. Восточные патріархи—Антіохійскій, Іерусалимскій, Александрійскій давно уже находились подъ чуждымъ игомъ. Южныя славянскія государства—Болгарія и Сербія—только что начали укрѣпляться. Западные славяне—Далматскіе и Хорватскіе Сербы, Моравцы, Чехи, Поляки всѣ уже болѣе или менѣе находились подъ политическимъ вліяніемъ латинскаго міра и духовнымъ господствомъ папства. На сѣверъ славянскій—православную Россію надвигалась страшная гроза—нашествіе Монголовъ. Папство же находилось тогда именно на самой вершинѣ своего политическаго могущества и духовнаго вліянія. Папою былъ Иннокентій III, даровитѣйшій и вліятельнѣйшій человекъ своего времени, который по произволу распоряжался царскими коронами во всей Западной Европѣ, и имѣлъ подъ своимъ вліяніемъ многочисленнѣшее духовное и мірское воинство—монаховъ и рыцарей, готовыхъ всевозможными средствами утвердить власть папства вездѣ, гдѣ только имъ было бы указано. Время было самое благопріятное для утвержденія власти папской надъ восточными церквями. И папа Иннокентій III вполне надѣялся на это. Онъ торжественно провозглашалъ, что теперь-то Самарія (такъ называлъ онъ Греческую церковь) обратилась ко Господу (т. е. подчинилась папѣ), и имя Господне будетъ согласно призываться въ Данѣ и Вевилѣ (въ Римѣ и Константинополь). Посылая легата за легатомъ для устроенія латинской церкви въ Греціи, папа Иннокентій разсылалъ миссіонеровъ и во всѣ православ-

ныя славянскія страны, писалъ письма къ государямъ Сербскимъ и Болгарскимъ, и князьямъ Русскимъ, и всѣхъ приглашалъ послѣдовать примѣру матери восточныхъ церквей-Константинопольской церкви, въ покорномъ подданствѣ которой онъ уже не сомнѣвался.

Надежды папскія однакожь не оправдались. Скоро папа сталъ получать извѣстія отъ своихъ епископовъ и самыхъ императоровъ Константинопольскихъ, что Греки вовсе не думаютъ подчиняться римской церкви, напротивъ высказываютъ самое крайнее озлобленіе противъ латинства, что они считаютъ законными пастырями только своихъ Греческихъ священниковъ и епископовъ, и тѣхъ изъ нихъ, которые подвергаются преслѣдованіямъ отъ латинскаго духовенства, ублажаютъ, какъ мучениковъ,— что Греки считаютъ оскверненными самые храмы, въ которыхъ совершается латинская служба, вымываютъ и выскребаютъ престолы, на которыхъ совершается безкровная жертва латинскими священниками, перекрещиваютъ латинцевъ, обращающихся къ Греческой церкви,— и даже (по выраженію императора Балдуина) считаютъ латинявъ не за людей, а хуже собакъ, и не считаютъ за грѣхъ убивать ихъ, гдѣ только представится случай. Неоднократно были употребляемы насильственные мѣры для приведенія Грековъ къ покорности; но эти мѣры возбуждали только большее озлобленіе въ Грекахъ. Въ 1213 году при Генрихѣ, второмъ латинскомъ императорѣ въ Константинополѣ, папскій легатъ Пелагій закрылъ всѣ православныя церкви, окончательно объявилъ Греческое богослуженіе запрещеннымъ, священниковъ Греческихъ разсадилъ по тюрьмамъ, морилъ голодомъ, предавалъ пыткамъ. Греки возмутились и прямо заявили императору, чтобы онъ, господствуя надъ ихъ тѣлами, не позволялъ никому касаться ихъ души и совѣсти, не принуждалъ ихъ оставлять вѣру предковъ,— иначе всѣ они должны будутъ бѣжать изъ его владѣній. Папскій легатъ долженъ былъ удалиться изъ Константинополя, и впоследствии ознаменовалъ себя новыми неистовствами на островѣ Кипрѣ.

Папа Иннокентій увидѣлъ необходимость, оставивъ преждевременныя надежды, обратить болѣе серьезное вниманіе на положеніе восточныхъ церквей, и принять болѣе дѣйствительныя мѣры къ утвержденію своего вліянія въ нихъ. Въ 1215-мъ году созванъ былъ имъ 4-й Латеранскій соборъ (по счету латинянь 12-й Вселенскій), въ присутствіи четырехъ латинскихъ восточныхъ патріарховъ, многихъ епископовъ и свѣтскихъ пословъ латинскаго Константинопольскаго императора. На этомъ соборѣ, въ виду положенія дѣлъ на востокѣ, въ виду приверженности восточныхъ христіанъ къ своему народному богослуженію и древнимъ обрядамъ, и предубѣжденій ихъ противъ латинства, принято было измѣнить систему латинской пропаганды въ православныхъ странахъ, дѣйствовать вмѣсто принужденія и насилія мѣрами послабления и хитрости, допускать возможныя уступки восточнымъ христіанамъ (въ греческихъ и славянскихъ странахъ), оставлять имъ ихъ богослуженіе на народномъ языкѣ и ихъ древніе обряды неприкосновенными, и лишь постепенно вводить у нихъ полное подданство папѣ и латинскія нововведенія. Эта новая система, положившая начало такъ называемой *уніятской* пропагандѣ, по времени принесла много плодовъ римской церкви, преимущественно въ славянскихъ странахъ; но между Греками въ то время она имѣла мало успѣха: никакія уступки, ласки и обѣщанія не могли примирить Грековъ съ латинствомъ въ виду того насилія, какое представлялось имъ въ самомъ фактѣ владычества латинянь въ Константинополѣ.

Постоянная непріязнь, питаемая поработченными Греками къ ихъ поработителямъ, не могла обѣщать прочности и самому политическому господству Латинянь на востокѣ. Лишь въ первое десятилѣтіе своего существованія латинская Константинопольская имперія казалась довольно сильною. Далѣе, обезпокоиваемая частыми возмущеніями и постояннымъ непріязненнымъ настроеніемъ покоренныхъ Грековъ, ослабляемая большими переселеніями ихъ въ другія страны подъ покровительство православныхъ государей, часто тревожимая нападеніями сосѣднихъ государствъ, латинская

Константинопольская имперія стала быстро клониться къ упадку. Только присылка новыхъ военныхъ дружинъ и большихъ денежныхъ вспомоствованій съ запада могла на нѣсколько десятковъ лѣтъ поддержать существованіе ея. вмѣстѣ съ ослабленіемъ латинской Константинопольской имперіи, падала и латинская церковь въ Греціи. Черезъ какіе нибудь десятка два лѣтъ во всей Греціи, вмѣсто предположенныхъ ста слишкомъ латинскихъ епископовъ, могли оставаться только три прелата и самъ латинскій патріархъ константинопольскій съ своимъ дворомъ содержался на вспомоствованіи папы.

По мѣрѣ ослабленія латинской Константинопольской имперіи, въ сосѣдствѣ съ нею усиливались независимыя греческія владѣнія. Крестоносцы при завоеваніи византійской имперіи успѣли подчинить себѣ не всѣхъ Грековъ. Еще до утвержденія крестоносцевъ въ Константинополь, двумя братьями изъ фамиліи Ангеловъ — Михаиломъ и Теодоромъ было основано независимое отъ Византіи государство въ Епирѣ. По завоеваніи Константинополя Латинянами, образовались два независимыя греческія владѣнія въ Малой Азіи — въ Трапезунтѣ подъ управленіемъ двухъ братьевъ Комниновъ Алексѣя и Давида, и въ Никеѣ подъ предводительствомъ Теодора Ласкариса — зятя императора Алексѣя III-го. Владѣтели всѣхъ трехъ государствъ, заявляли притязанія считаться какъ бы преемниками власти византійскихъ императоровъ, и усвоили себѣ императорскій титулъ. Но по времени всего болѣе возвысились изъ нихъ никейскіе государи (Теодоръ Ласкарисъ 1-й, его зять Іоаннъ Дука Ватаца, Теодоръ Ласкарисъ 2-й). Въ Никеѣ поселились и православные патріархи греческіе, удалившіеся изъ Константинополя. Они своимъ авторитетомъ усиливали власть никейскихъ государей, и короновали ихъ вѣнцомъ древнихъ императоровъ византійскихъ. Греки смотрѣли на Ласкарисовъ, какъ на законныхъ преемниковъ прежнихъ своихъ императоровъ — Комниновъ и Ангеловъ, и какъ на будущихъ освободителей всей греческой имперіи отъ власти Латинявъ. Государи никейскіе своими умными и удачными дѣйствіями

поддерживали въ Грекахъ эту надежду. Маленькое Никейское государство, въ началѣ заключавшееся только въ стѣнахъ одного города, расширялось болѣе и болѣе приобрѣтеніемъ новыхъ городовъ и областей. Множество византійскихъ Грековъ, тяготившихся владычествомъ Латинцевъ, переселялось во владѣнія никейскихъ государей. Прочіе Греки, оставашіеся подъ латинскимъ господствомъ, готовы были встрѣтить ихъ въ Константинополѣ, какъ своихъ освободителей и законныхъ государей. Никейскіе государи вначалѣ вели себя очень осторожно, старались не раздражать крестоносцевъ, но потомъ, по мѣрѣ разширенія своихъ владѣній и ослабленія Латинской имперіи, сами стали обнаруживать свои планы на освобожденіе Константинополя.

Латиняне и папы не могли оставить въ покоѣ это независимое греческое государство. Въ началѣ они относились къ нему съ высокоумрѣемъ и пренебреженіемъ. Папа Иннокентій III писалъ къ Феодору Ласкарису I-му, чтобы онъ не усволялъ себѣ незаконныхъ притязаній, и подчинился въ политическомъ отношеніи своему законному государю, латинскому Константинопольскому императору, и въ духовныхъ дѣлахъ латинскому Константинопольскому патріарху. Но потомъ, когда никейское государство значительно уже укрѣпилось, а Латинская имперія въ Константинополѣ ослабѣла, папы измѣнили свои отношенія къ никейскимъ государямъ и стали склонять ихъ къ союзу съ римскою церковью уже не тономъ власти и угрозы, а мягкими увѣщаніями и обѣщаніями, какъ прежнихъ греческихъ императоровъ Комниновъ. Никейскіе государи, неувѣренные въ твердости своего положенія, и знавшіе, что папы хлопочуть на западѣ о возбужденіи новыхъ крестовыхъ походовъ на востокъ, старались до времени не раздражать папъ, и подобно прежнимъ византійскимъ императорамъ ласкали ихъ надеждами на соединеніе церквей. Неоднократно по этому случаю возникали сношенія между Римомъ и Никеею. Замѣчательнѣйшія изъ этихъ сношеній были въ 1232-мъ году при папѣ Григоріѣ IX-мъ и императорѣ никейскомъ Іоаннѣ Дукѣ Ватакисѣ. Императоръ поручилъ вести эти сношенія никей-

скому патріарху Герману. Патріархъ Германъ писалъ письма къ папѣ и кардиналамъ. Въ самой Никее были открытыя совѣщанія между греческимъ и латинскимъ духовенствомъ. Греки высказывали латинянамъ, что они согласны были бы соединиться съ римскою церковью, еслибы не страшились тѣхъ тяжелыхъ притязаній и насилій, какими латинская церковь вездѣ обременяетъ покаяющихся ей, — что для соединенія церквей необходимо устраненіе разногласій въ догматахъ вѣры и безпристрастное обсужденіе дѣла на Вселенскомъ соборѣ. Между тѣмъ во время самыхъ переговоровъ съ латинянами патріархъ Германъ разсылалъ посланія къ Грекамъ, находящимся подъ властью крестоносцевъ, на островѣ Кипрѣ, въ которыхъ убѣждалъ ихъ твердо стоять противъ угнетавшей ихъ силы латинства и не принимать никакихъ латинскихъ нововведеній. Переговоры эти, подобно всѣмъ прежнимъ, не привели ни къ чему; можетъ быть помогли только никейскому императору отклонить отъ своего государства опасность, угрожавшую съ запада отъ крестоваго похода, созываемаго папою Григоріемъ. Въ послѣдствіи папы Иннокентій IV и Александръ IV старались возобновить переговоры о соединеніи церквей, но еще съ меньшимъ успѣхомъ. Государя никейскіе по мѣрѣ усиленія своего не считали нужнымъ даже и по наружности поддерживать въ папахъ надежду на присоединеніе греческой церкви.

Въ шестидесятыхъ годахъ 13-го столѣтія латинская имперія въ Константинополѣ дошла до послѣдней степени своего ослабленія. Послѣдній императоръ константинопольскій изъ латинявъ Балдуинъ II-й сколько ни ѣздилъ по западнымъ землямъ, сколько ни просилъ западныхъ государей поддержать войсками и деньгами падавшую имперію, не имѣлъ викакаго успѣха. Никейскіе государи могли наконецъ осуществить свою мысль объ освобожденіи столицы св. Константина изъ подъ власти пришельцевъ. Эту честию пришлось воспользоваться императору Михаилу VIII-му Палеологу, который открылъ собою рядъ новой и послѣдней царственной византійской династіи — Палеологовъ (Онъ остался послѣ Θεодора Ласкариса II-го опекуномъ его сына

Іоанна, и пользуясь расположеніемъ войска, сначала объявилъ себя соправителемъ несовершеннолѣтняго наслѣдника престола, потомъ и совѣмъ устранилъ и ослѣпилъ его). 25-го іюля 1261 года Михаилъ Палеологъ послалъ небольшой отрядъ греческаго войска къ Константинополю. Константинопольскіе Греки сами отворили ему ворота города. Императоръ Балдуинъ, латинскій патріархъ и прочіе латинцы, оставшіеся въ городѣ, бѣжали изъ него. 15-го августа 1261 г., въ день Успенія Божіей Матери, которую Греки всегда почитали покровительницею своего царствующаго града, императоръ Михаилъ Палеологъ торжественно съ крестнымъ ходомъ вступилъ въ Константинополь и возстановилъ здѣсь тронъ православныхъ греческихъ императоровъ.

На западѣ долго еще не могли отказаться отъ мысли владѣть Константинополемъ. Императоръ Балдуинъ долго скитался и просилъ помощи при дворахъ западныхъ государей къ возвращенію утраченнаго владѣнія. Папы (Урбанъ IV и Климентъ IV) дѣлали воззванія къ приготовленію новыхъ крестовыхъ походовъ на востокъ. Но между западными владѣтелями, послѣ нѣсколькихъ неудавшихся опытовъ къ утверженію латинскаго вліянія на востокѣ, уже немного было охотниковъ вновь тратить на это свои войска и деньги; въ самомъ народѣ охладѣлъ энтузіазмъ къ крестовымъ походамъ. Потомки Балдуина II-го еще около столѣтія (до 1383 года) продолжали титуловаться императорами константинопольскими, но безъ тѣни власти на востокѣ. А латинскихъ патріарховъ для Константинополя папы продолжаютъ избирать и до настоящаго времени, — также и для Антіохіи, Іерусалима и Александріи. Эти патріархи живутъ въ Римѣ, въ числѣ почетныхъ сановниковъ папскаго двора. Въ титулахъ сихъ папы какъ бы находятъ утѣшеніе номинально властвовать надъ восточными церквами, вмѣсто дѣйствительнаго преобладанія въ нихъ, котораго въ Римѣ тщетно добивались въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ.

(ОКОПЧАНІЕ БУДЕТЬ).

Священникъ А. Иванцовъ-Платоновъ.

МАЛЫЙ ВХОДЪ НА ЛИТУРГІИ ОГЛАШЕННЫХЪ. ^(а)

Въ заключеніе пѣнія стиховъ третьяго антифона на литургіи оглашенныхъ совершается торжественный обрядъ входа въ алтарь съ Евангеліемъ, называемаго малымъ въ отличіе отъ великаго входа съ Дарами во время херувимской пѣсни на литургіи вѣрныхъ.

Малый входъ совершается такъ: отверзаются царскія врата. Священникъ и діаконъ, ставши предъ святымъ престоломъ, творять три поклона. Потомъ священникъ, взявъ съ престола книгу Евангелія, вручаетъ ее діакону. Открывается шествіе. Впереди идетъ свѣщеносецъ со свѣтильникомъ. За нимъ слѣдуютъ діаконъ съ Евангеліемъ и священникъ. Они обходятъ престолъ съ правой стороны, выходятъ изъ алтаря сѣверною дверью и ставъ противъ отверстыхъ царскихъ вратъ, преклоняютъ главы. Діаконъ говоритъ: *Господу помолимся*, и священникъ про себя читаетъ молитву входа. Въ ней онъ проситъ Господа, чтобы со входомъ ихъ Онъ сотворилъ входъ святыхъ ангеловъ, сослужащихъ имъ и славословящихъ благость Божію. По окончаніи молитвы, священникъ восклоняетъ главу, и діаконъ указуя ему правую рукою на востокъ, говоритъ тихо: *благослови, владыко, святыи входъ*. Священникъ благословляетъ рукою на востокъ, произнося: *благословенъ входъ святыхъ Твоихъ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ*, — и цѣлуетъ Евангеліе, держимое предъ нимъ діакonomъ. Затѣмъ діаконъ становитъ

(а) Продолженіе труда о литургіи; см. сентяб. книжку.

ся впереди священника лицомъ къ востоку, и дождавшись окончанія третьяго антифона, возвышаетъ нѣсколько Евангеліе и, дѣлая имъ небольшой крестъ, возглашаетъ: *премудрость, прости*. Затѣмъ онъ вступаетъ въ алтарь и полагаетъ на престолѣ Евангеліе. За діакономъ, поклонившись, входитъ священникъ. Оба цѣлуютъ край святой трапезы. Между тѣмъ пѣвцы поютъ: «Приидите поклонимся и припадемъ ко Христу спаси ны Сыне Божій поющія ти: аллилуія», — и къ сему присовокупляютъ пѣніе разныхъ тропарей и кондаковъ. Затѣмъ слѣдуетъ пѣніе Трисвятаго, соединяемое съ тайною молитвою священника въ алтарѣ, чтобы Господь, вмещающій трисвятой пѣсни отъ серафимовъ, принялъ ее и отъ людей.

Таковъ уставъ малаго входа. Теперь надлежитъ изъяснить значеніе его въ составѣ литургіи оглашенныхъ.

Надобно замѣтить, что уставъ малаго входа на литургіи сходенъ съ уставомъ входа на вечерняхъ, положеннаго въ воскресные и праздничные дни. На праздничной вечернѣ, какъ и на литургіи, передъ входомъ отверзаются царскія врата; потомъ діаконы и священникъ, предшествуемые свѣтильникомъ, обогнувъ престолъ съ правой стороны, выходятъ изъ алтаря сѣверною дверью и внѣ алтаря останавливаются предъ царскими вратами. Далѣе слѣдуетъ тайная молитва входа, благословеніе его, возглашеніе: «премудрость, прости» — и вступленіе священнослужащихъ въ алтарь къ престолу, при пѣніи пѣвцами пѣсни Христу: *Свѣте тихій*, соотвѣтствующей стиху: *Приидите поклонимся*. Разность въ томъ, что діаконы на вечернемъ входѣ несутъ вмѣсто Евангелія кадило, но это не всегда: когда положено за вечернею чтеніе изъ Евангелія, тогда діаконы идутъ съ Евангеліемъ. Разность еще въ томъ, что на вечернемъ входѣ не положено Трисвятое, зато словословіе святой Троицы: *поемъ Отца*,

Сына и Святаго Духа Бога — включено въ составъ вечерней пѣсни: *Свѣте тихій*. Есть притомъ древніе списки вечерни, въ которыхъ полагается Трисвятое и молитва Трисвятаго, читаемая тайно священникомъ, какъ и на литургіи ^(а). Итакъ вообще обрядъ входа на литургіи и вечернѣ представляетъ больше сходства, чѣмъ различія. При сходствѣ этого обряда въ литургіи и вечернѣ должно быть сходно и значеніе его въ той и другой службѣ. Оно объясняется значеніемъ алтаря и престола.

Алтарь есть священнѣйшая часть новозавѣтнаго храма, соотвѣтствующая тому отдѣленію въ ветхозавѣтной скинии и храмѣ, которое называлось *Святое Святыхъ*. Оно образовало самое небо, гдѣ обитаетъ Богъ во славу Своей, среди приближенныхъ къ Нему и всегда вѣрныхъ Ему слугъ, святыхъ ангеловъ (Евр. 8, 5; 9, 24). Тоже значеніе безъ сомнѣнія имѣетъ и христіанскій алтарь. Главную святыню алтаря составляетъ святая трапеза. Она соотвѣтствуетъ главнѣйшей святынѣ ветхозавѣтной скинии и храма, помѣщавшейся въ Святомъ Святыхъ,—ковчегу завѣта. Ковчегъ завѣта не только служилъ образомъ престола славы Божіей на небесахъ, но вмѣстѣ имѣлъ значеніе престола, на которомъ Богъ на землѣ благоволилъ являть Свое особенное присутствіе, какъ Царь избраннаго народа, и съ котораго Онъ принималъ поклоненіе и объявлялъ Свои повелѣнія чрезъ первосвященника или чрезъ другихъ избранниковъ. Херувимы, осѣнявшіе своими крылами ковчегъ, изображали собою присутствіе небесныхъ силъ, предстоявіе ихъ престолу Царя небснаго. Еще большую святость, чѣмъ ковчегъ завѣта, или лучше, крышка его, именуемая очистилищемъ,—имѣетъ святая трапеза въ алтаряхъ новозавѣтныхъ. На ней, какъ на престолѣ, присутству-

(а) См. въ Требникѣ Гоара разночтенія, приложенныя къ чину вечерни. Изд. 1730 г. стр. 36.

еть Царь нашъ Господь Іисусъ въ пречистомъ тѣлѣ и крови Своей, священнодѣйствуемыхъ на ней, и хранимыхъ на ней, присутствуетъ постоянно, непрерывно, тогда какъ надъ ковчегомъ завѣта Господь только по временамъ открывалъ Свое присутствіе. А гдѣ Христосъ Богочеловѣкъ, тамъ Богъ Отецъ и Богъ Духъ Святой, по нераздѣльному божеству. Посему святая трапеза въ нашихъ храмахъ есть престолъ всѣхъ Лицъ святя Троицы, единосущныхъ и по одинаковости божескаго существа и власти сопрестольныхъ. Но преимущественно на семъ престолѣ открывается присутствіе Богочеловѣка, — оно открывается не только въ святыхъ тайнахъ тѣла и крови Его, а вмѣстѣ въ знаменіяхъ Его служенія человѣческому спасенію, — въ книгѣ Евангелія и Крестѣ, лежащихъ на св. трапезѣ. При такомъ значеніи алтаря и престола понятно, что знаменуетъ то, когда алтарь, большею частію закрытый отъ взоровъ народа, отверзается при обрядахъ входа, и святыня его, престолъ Царя славы, дѣлается доступною зрѣнію всѣхъ предстоящихъ. Не ясно ли, что этимъ знаменательно выражается мысль о ближайшемъ нашемъ общеніи съ небеснымъ Царемъ, тайно присутствующимъ на престолѣ алтаря? Не есть ли это, такъ сказать, милостивое явленіе Царя всечeskихъ предъ подданными Своими, новозавѣтными вѣрующими, подобное торжественнымъ выходамъ земныхъ царей къ подданнымъ ихъ, собравшимся во дворецъ? И изшествіе изъ алтаря священнослужащихъ къ народу по отвертїи алтаря, не есть ли это нѣчто подобное тому, когда предъ выходомъ земнаго царя ближайшіе къ нему слуги выходятъ изъ его внутреннихъ покоевъ, предваряя его появленіе къ народу, и становятся рядомъ съ народомъ для встрѣчи вмѣстѣ съ нимъ царя? А возвращеніе священнослужащихъ въ алтарь чрезъ царскія двери, не есть ли это особенное въ лицѣ ихъ приближеніе къ Царю небесному всего предстоящаго народа для

принесенія Ему въ самомъ священномъ мѣстѣ Его присутствія жертвы хвалы и благодаренія?— Не то было во времена ветхозавѣтныя. Ветхозавѣтное Святое Святыхъ съ его ковчегомъ завѣта никогда не открывалось для народа и доступно было только первосвященнику, одинъ разъ въ году входившему въ оное съ кровію очищенія. Эта сокровенность главѣйшаго отдѣленія ветхозавѣтнаго святилища напоминала людямъ, что они недостойны ближайшаго общенія съ Царемъ своимъ, и чрезъ это напоминаше смиряла предъ неприступнымъ Величествомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ Богочеловѣкъ Своєю кровію примирилъ людей съ Богомъ и съ нашею человѣческою плотію вознесся на небеса, и такимъ образомъ въ Своемъ лицѣ ввелъ насъ въ ближайшее съ Нимъ общеніе, — съ тѣхъ поръ потеряли значеніе и внѣшніе знаки удаленія людей отъ Бога, т. - е. замкнутость Святого Святыхъ. Замѣнившій оное новозавѣтный алтарь съ находящимся въ немъ престоломъ уже не можетъ теперь быть столь же неприступнымъ, какъ оно было неприступно. Правда и алтарь тоже недоступенъ для мірянъ; но онъ недоступенъ теперь только для ихъ входа, а отнюдь не для зрѣнія.

Итакъ обрядъ входа въ алтарь есть выраженіе ближайшаго общенія новозавѣтныхъ вѣрующихъ съ своимъ Господомъ, невидимо присутствующимъ на престолѣ алтаря. На вечернѣ этотъ обрядъ бываетъ не ежедневно, а только по праздникамъ, но на литургіи онъ повторяется ежедневно, потому что литургія сама по себѣ есть праздникъ, есть торжество нашего общенія съ Богомъ, и такое притомъ торжество, въ которомъ еще знаменательнѣе, чѣмъ въ праздничной вечернѣ выражается сіе общеніе, какъ это сейчасъ откроется изъ слѣдующихъ замѣчаній на отдѣльныя части, изъ которыхъ слагается обрядъ малаго входа на литургіи.

При совершеніи обряда малаго входа берется съ престола

книга Евангелія и выносится изъ алтаря для показанія народу. Книга эта имѣетъ такую же священную важность для новозавѣтныхъ вѣрующихъ, какую имѣли для ветхозавѣтныхъ скрижали десяти заповѣдей: и скрижали и Евангеліе свидѣтельствуешь о законодательной власти Царя небснаго, простиравшейся въ ветхомъ завѣтѣ собственно на одинъ избранный народъ, а въ новомъ завѣтѣ простирающей на вѣрующихъ во Христа изъ всѣхъ народовъ. Посему какъ надъ крышкою ковчега съ скрижалями завѣта поставлены были херувимы, благоговѣнно склонявшіе къ ней лица свои, такъ на книгѣ на престольнаго Евангелія, покрывающаго собою часть престола, возлѣ ликовъ каждаго изъ четырехъ евангелистовъ изображаются лица херувимскія въ томъ видѣ, какъ о нихъ говорится въ откровеніи Іоанна Богослова, — въ видѣ четырехъ животныхъ: льва (царя звѣрей), тельца (царя домашнихъ животныхъ), орла (царя птицъ) и человѣка (царя надъ всѣми животными). Въ этомъ именно видѣ Тайнозритель видѣлъ ихъ вокругъ престола Агнца на небесахъ (Апок. 4, 6—8). Въ подобномъ также видѣ херувимы явились пророку Іезекилю въ томъ видѣніи, которымъ онъ призванъ былъ къ пророческому служенію (гл. 1), — съ тѣмъ впрочемъ различіемъ, что въ Іезекилевомъ видѣніи каждый изъ херувимовъ имѣлъ по четыре лица названныхъ животныхъ, и что они были не вокругъ престола Божія, какъ въ откровеніи Іоанна, а образовали сами собою престолъ Богу, подвижный наподобіе колесницы. Если такимъ образомъ херувимы въ обоихъ видѣніяхъ пророковъ новозавѣтнаго и ветхозавѣтнаго являются неизбѣжными, самыми близкими слугами Господа сѣдѣщаго на престолѣ, то теперь понятно и то, почему изображенія херувимовъ были сдѣланы надъ ковчегомъ завѣта, — этимъ престоломъ Божиимъ въ ветхозавѣтномъ святилищѣ, и дѣлаются на верхней доскѣ на престольнаго Евангелія, которое состав-

ляетъ необходимую принадлежность престола въ нашихъ храмахъ, и которое, если можно сказать, само есть движущійся, подобно видѣнному Іезекіилемъ, престолъ Божій. Но скрижали закона никогда не показывались народу; если же напротивъ христіанскому народу показывается Евангеліе, лежащее на престолѣ, то что это означаетъ, какъ не то, что въ царствѣ благодати общеніе Царя сего царства съ вѣрующими гораздо ближе, гораздо тѣснѣе, чѣмъ общеніе Бога съ людьми въ ветхомъ заветѣ?

Тайная молитва священника предъ вступленіемъ въ алтарь чрезъ царскія двери (*молитва входа*) содержаніемъ своимъ приспособлена къ значенію этого обряда, какъ такого дѣйствія, чрезъ которое выражается приближеніе вѣрующихъ, въ лицѣ священнослужащихъ, къ Господу, подобное близости къ Нему непрестанно предстоящихъ Ему вѣрныхъ Его слугъ, святыхъ ангеловъ и архангеловъ. — Соотвѣтственно сему, священникъ молить Господа, «устровшаго на небѣхъ разряды и сонмы ангеловъ и архангеловъ для прославленія Своего, да содѣлаетъ Онъ, чтобы съ земными служителями Его вступили въ алтарь и ангелы, и приняли участіе въ ихъ служеніи и словесіяхъ Ему всеблагому, какъ они служатъ и прославляютъ Его на небесахъ».

Предъ вступленіемъ въ алтарь діаконъ предлагаетъ священнику освятить сіе дѣйствіе благословеніемъ: *благослови владыко святыи входъ*, — потому что мѣсто, въ которое надлежитъ вступить, *свято есть*, какъ мѣсто особеннаго присутствія Божія. И это освященіе нужно теперь не для однихъ священнослужащихъ, но вмѣстѣ для всего предстоящаго народа, если не ногами, то духомъ своимъ должствующаго вмѣстѣ съ ними, въ лицѣ ихъ, вступить въ Святое Святыхъ. Священникъ преподаетъ освященіе крестообразнымъ оскененіемъ благословляющей руки на востокъ, и сло-

вами: «Благословенъ входъ святыхъ Твоихъ (*т.-е. входъ во святилище Твое*) всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ»,— и потомъ благоговѣнно касается устами Евангелія, поднесеннаго ему діакономъ.

Слѣдующее за тѣмъ возгласеніе діакона: *премудрость, прости*—заключаетъ въ себѣ напоминаніе предстоящимъ, чтобы при ближайшихъ за симъ дѣйствіяхъ богослуженія вели себя, какъ свойственно мудрымъ (*премудрость!*), съ надлежащимъ разумѣніемъ важности ихъ,— и держали себя благоговѣнно (*прости*—стоя прямо), и тѣло охраняя отъ небрежнаго положенія, и душу отъ разбѣянности. Рядъ сихъ дѣйствій открывается приближеніемъ къ престолу священнослужителей при пѣніи: *приидите поклонимся*, а заканчивается пѣніемъ Трисвятаго. Если когда, то преимущественно во время этихъ пѣснопѣній предстоящіе должны помнить, что они предстоятъ лицу Царя небснаго, невидимо присутствующаго на престолѣ алтаря, и находятся въ обществѣ ангеловъ, вмѣстѣ съ ними славословящихъ Его.

Подданные земнаго царя, когда онъ предъ ними показывается, выражаютъ почтеніе къ нему низкими поклонами или, какъ на востокѣ, поверженіемъ лицъ предъ нимъ,— и восторженными восклицаніями. Подобно сему и мы должны выразить почтеніе къ Царю небесному, какъ сіе внушаетъ намъ церковь тою пѣснію, которую велѣдъ за возгласомъ діакона: *премудрость, прости*, поютъ на клиросѣ,— пѣнію: «Приидите поклонимся и припадемъ ко Христу. Спаси ны, Сыне Божій, поющія ти, аллилуія» ⁽⁶⁾. Пусть каждый

(6) Начальныя слова этой пѣсни взяты изъ 7 стиха 94-го псалма: «приидите поклонимся и припадемъ Ему, и восплачемся предъ Господомъ сотворшимъ насъ.» Изъ этого же псалма взяты стихи 3-го вседневнаго антифона. См. февральскую книжку Душеп Чтенія, стр. 196.

при семъ, взирая на Евангеліе и углубляя взоръ внутрь алтаря къ престолу, если не тѣломъ, то душею смиренною и сокрушенною, повергается ^(в) предъ Царемъ Христомъ, невидимо возсѣдающимъ на престолѣ, вzywая къ Нему, яко единому имущему власть спасти и погубить насъ, о спасеніи,—но вмѣстѣ пусть съ дерзновеніемъ вмѣстѣ съ ангелами поетъ Ему, какъ общему Царю ангеловъ и челоуѣковъ, ангельскую (Апок. 19, 6) пѣснь: *аллилуія* (хвалите Господа).

Къ словамъ: *спаси ны Сыне Божій*, присовокупляются дополнительныя выраженія, приспособленныя къ дню, или празднику,—именно во дни памяти святыхъ поется: «спаси ны Сыне Божій, во святыхъ дивенъ сый», во дни воскресныя: «спаси ны, Сыне Божій, воскресый изъ мертвыхъ»; въ великіе праздники Господскіе: «спаси ны, Сыне Божій, рождейся отъ Дѣвы» (на Рождество Христово), — «во Иорданѣ крестивыйся» (на Богоявленіе), — «вознесыйся во славу» (на Вознесеніе), и т. д. — За пѣніемъ: *приидите поклонимся*—слѣдуетъ пѣніе разныхъ такъ называемыхъ тропарей и кондаковъ ^(г)— краткихъ пѣснопѣній храмовыхъ, праздничныхъ,

(в) По свидѣтельству Николая Вулгариса, благочестивые предки наши дѣйствительно при пѣніи этого стиха, всѣ отъ царя до послѣдняго нищаго, повергались на землю. Дмитревскаго Изъясненіе на литургію. Ч. II, § 47.

(г) *Тропарь*—это названіе общее для каждаго въ отдѣльности церковнаго пѣснопѣнія. И дѣйствительно это названіе усвоется, въ богослужебныхъ книгахъ, напрям. стихамъ канона, стихирамъ: *Анѣльскій соборъ удивися*, поемымъ по непорочныхъ въ воскресныя дни, сѣдальны. См. въ «Обозрѣніи богослуж. книгъ свящ. Никольскаго» стр. 32. 208. Но въ тѣснѣйшемъ смыслѣ тропарями называются тропари такъ называемые отпустительныя, поемые предъ отпусомъ вечерни, и на *Богъ Господи* и *явися намъ* въ утренѣ. Слово тропарь *Тропаріον*, *modulatio*, происходитъ отъ *Троπος*—*modus*, мѣра, и означаетъ стихъ мѣрно, сладкозвучно исполняемый въ пѣніи. — Кондакъ по содержанію не отличаетъ

дневныхъ, въ честь Господа Иисуса, пресвятой Богородицы и святыхъ. Всѣ эти пѣснопѣнія имѣють внутреннюю связь съ пѣснію Христа: *приидите поклонимся*. Святая церковь научаетъ насъ этими пѣснопѣніями поклоняться Христу не только лично, но и въ лицѣ святыхъ, начиная съ Богоматери, какъ Дивному во святыхъ *Приидите поклонимся и припадемъ ко Христу*, явившему свою силу и славу въ воскресеніи изъ мертвыхъ, въ вознесеніи, въ низпосланіи Святаго Духа, и потому воззовемъ Ему: «Камени запечатану отъ Іудей, и воиномъ стрегущимъ пречистое тѣло Твое, воскресль еси трдневень спасе» и д., или: «Вознеслся еси во славу Христе Боже нашъ» и д., или: «Благословень еси Христе Боже нашъ, иже премудры ловцыявлей, низпославъ имъ Духа Святаго.» и д. Но и при пѣніи пѣснопѣній въ честь святыхъ, велѣдъ за *приидите поклонимся и припадемъ ко Христу*, также опять воздается честь Христу же, прославившему себя въ лицѣ святыхъ, совершавшихъ свои подвиги во славу Его, силою Его.

Когда отверзаются царскія врата алтаря, когда открывается очамъ всѣхъ предстоящихъ престолъ и отъ лица ихъ совершается торжественный входъ въ алтарь священнослужащихъ, — тогда сими знаменательными дѣйствіями выражается

ся отъ тропаря. Маркъ ефесскій въ своемъ извѣстіи о кондакахъ пишетъ: творецъ кондаковъ — чудный Романъ; онъ получилъ даръ сей отъ Богородицы, явившейся ему во снѣ и подавшей свитокъ (τόμος) съ повелѣніемъ съѣсть; исполняя это, онъ тотчасъ всталъ, — это было въ день Рождества, — взошелъ на амвонъ и началъ пѣть: *Дѣва днесъ*. Послѣ того онъ составляя и другіе кондаки. Отъ того свитка (τόμος) пѣсни его и называются кондаками». Дюканжъ и Мошфоконъ доказали древними рукописями, что словами *Κοντακία*, или *Κονδακία* дѣйствительно назывались свертки исписаннаго панируса; въ частности же этимъ словомъ называли свертки съ церковными пѣснями, или службами». Истор. обзоръ пѣснопѣвцевъ, архіеп. Филарета Черниг. стр. 151. 152.

близкое общеніе наше не съ однимъ Богочеловѣкомъ, но вмѣстѣ съ Богомъ Отцемъ и Богомъ Духомъ Святымъ, потому что престолъ есть мѣсто царственнаго присутствія не одного Сына Божія, но всѣхъ Лицъ Пресвятыя Троицы. Посему отъ лица всего предстоящаго народа, зрящаго прямо къ престолу своего Царя и Бога, не одному Христу воздается поклоненіе (*приидите поклонимся*) и несется хвалебная пѣснь (*аллелуя*), но къ сему присовокупляется пѣснословіе ко всѣмъ Лицамъ Святыя Троицы, яко сопрестольнымъ и единочестнымъ, — именно поется Трисвятая пѣснь: «Святый Боже (*Отче*), Святый крѣпкій (*Сыне*), Святый безсмертный (*Душе*), помилуй насъ» ^(а). И какъ пѣніе стиха: *приидите по-*

(а) Наименованіе сей пѣсни Трисвятою произошло отъ троекратнаго повторенія въ ней слова *Святый*. Святый значитъ здѣсь свято, или благоговѣнно чтимый. Въ семъ смыслѣ Богъ называется Святымъ во многихъ мѣстахъ св. Писанія, напримѣръ: «Воспою Тебѣ въ гуслехъ, Святый Израилевъ» (Псал. 70. 22). Въ томъ же смыслѣ называются святыми и другія существа; но въ Богѣ достоинство святочтимости не допускаетъ никакого сравненія ни съ чѣмъ, что только именуется, кромѣ Его, святымъ, священнымъ. По своему существу, вѣчному и неизмѣняемому, по своимъ безпредѣльнымъ совершенствамъ, Онъ превознесенъ надъ всѣмъ существующимъ, такъ что всякая другая святость, или святыня какъ бы исчезаетъ предъ Его неизреченною святочтимостію, и потому Писаніе именуетъ Его не только святымъ, но и *Единымъ Святымъ* (1 Цар. 2, 5), какъ единую самобытную Святость. — Въ Трисвятой пѣсни каждому изъ Лицъ святыя Троицы усвоется имя *Святого*, чтобы видно было, что всѣ три Лица равночестны, и нѣтъ между ними ни большаго, ни меньшаго по Божеству и власти. — Когда же мы взываемъ къ Нимъ въ Трисвятой пѣсни *помилуй насъ*, а не *помилуйте насъ*, то чрезъ сіе исповѣдуемъ въ Трехъ одинаго Бога. — Что молитва Трисвятаго дѣйствительно относится ко Святой Троицѣ, это можно видѣть между прочимъ изъ того, что св. церковь въ правдникъ Пятидесятницы именно словами сей молитвы научаетъ насъ воспѣвать Отца, Сына и Святаго Духа: «Святый Боже, вся содѣявый Сыномъ, содѣйствомъ Святаго Духа; Святый крѣпкій, имже Отца познахомъ, и

клонимся и припадемъ ко Христу, спаси ны, Сыне Божій, поющія ти: аллилуія, вводитъ насъ въ общеніе не только съ Христомъ—царемъ нашимъ, но и съ благоговѣющими предъ Нимъ ангелами, ибо *аллилуія* есть ангельская пѣснь: такъ и въ пѣніи Трисвятой пѣсни мы соединяемся также съ ангелами, ибо эта пѣснь принята отъ ангеловъ, какъ о семъ свидѣтельствуется благочестивое преданіе ^(е). И изъ Писанія

Духъ Святой прииде въ міръ; Святой Безсмертный, Утѣшительный Душе, отъ Отца исходяй и въ Сынѣ почивай: Троице святая, слава Тебѣ. Въ 5-мъ столѣтіи послѣдователи Евтихіева лжеученія, не обращая вниманія на то, что молитва Трисвятаго относима была ко всѣмъ тремъ лицамъ Божества, дерзнули дать ей такой видъ, чтобъ она относилась къ одному лицу Иисуса Христа. Къ словамъ: «Святой Боже, Святой Крѣпкій, Святой Безсмертный», они прибавили: *распятый за насъ*, для распространенія еретическаго мудрованія, будтобы Христосъ на крестѣ страдалъ Божествомъ, а не человѣчествомъ, которое въ лицѣ Его якобы поглощено было Божескою природою,—мудрованіе, которое никакъ нельзя примирить съ безстрастностію Божескаго естества и съ непреложнымъ соединеніемъ съ нимъ человѣческаго естества. Но такое прибавленіе, искажавшее смыслъ молитвы Трисвятаго, тогда же было осуждено пастырями православной Церкви, и сіе осужденіе, съ преданіемъ анаѳемѣ приѣмлющихъ это прибавленіе (армянъ), подтверждено на Трульскомъ вселенскомъ соборѣ въ 681 году (правило 81).—Въ молитвѣ Трисвятаго первое лице Св. Троицы названо Богомъ,—названіе общее всѣмъ тремъ Лицамъ, но въ приложеніи къ одному Богу Отцу оно указываетъ на то, что Онъ есть источникъ начало Божества, ибо отъ Него раждается Сынъ, и исходитъ Духъ Святой. Второе Лице наименовано *Крѣпкимъ*,—имя также общее для всѣхъ Лицъ, но въ приложеніи къ Сыну оно напоминаетъ намъ, что Онъ есть Божія сила (1. Кор. 1, 24), которою все сотворено и все сотворенное держится. Третье Лице названо *Безсмертнымъ* въ томъ смыслѣ, что Духъ Святой, какъ источникъ жизни и безсмертія, есть виновникъ естественной и благодатной жизни въ тваряхъ.

(е) По свидѣтельству преданія, въ началѣ 5-го вѣка, при патріархѣ константинопольскомъ Проклѣ, когда по случаю безвед-

извѣстно, что Трисвятая пѣснь есть ангельская. Ею непрерывно славословятъ Бога херувимы, окружающіе престолъ Его. Они, по слову новозавѣтнаго Тайнозрителя, ни днемъ, ни ночью не имѣютъ покоя, взывая: «Святъ, Святъ, Святъ, Господь Богъ Вседержитель» (Апок. 4, 8). Тоже славословіе возглашаютъ Ему серафимы, какъ сіе мы знаемъ изъ того видѣнія, которымъ Исаія призванъ къ пророческому служенію. Онъ удостоился видѣть Господа, сѣдящаго въ храмѣ или надъ храмомъ, на величественномъ престолѣ. Предъ престоломъ были серафимы, изъ которыхъ каждый имѣлъ по шести крылъ: двумя они закрывали лица свои, двумя прикрывали ноги, и двумя летали. И зывали другъ къ другу (т. е. попеременно, на два лика): «Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѣ! Вся земля полна славы Его». Стѣны зданія потрясались отъ ихъ восклицанія, и по всему храму разносилось куреніе (Ис. гл. 6).— Не подобное ли сему зрѣлище представляетъ алтарь христіанскій, или лучше весь христіанскій храмъ во время пѣнія Трисвятаго? Всѣ предстоящіе въ храмѣ не находятся ли въ сіе время въ положеніи Исаіи, не видятъ ли, подобно ему, престолъ Господа Саваоѣа? И пѣніе Трисвятаго на двухъ клиросахъ, близъ отверстыхъ вратъ алтаря, не есть ли воспроизведеніе двухорнаго серафимскаго пѣнія, слышаннаго Исаіею? И самые серафимы не окружаютъ ли

рiа и продолжительнаго землетрясенiя, на открытомъ мѣстѣ было общее молебствіе объ отвращеніи бѣдствiя, одинъ отрокъ невидимою силою былъ поднятъ на воздухъ, и спустившись невредимъ, объявилъ, что онъ слышалъ ангеловъ поющихъ: «Святый Боже, Святый Крѣпкій, Святый Безсмертный». Вѣрующіе тотчасъ же всѣмъ соборомъ воспѣли ангельскую пѣснь, съ прибавленіемъ словъ: *помилуй насъ*. Бѣдствіе прекратилось и съ того времени молитва Трисвятаго вошла въ составъ литургiи. Бѣльшія подробности о Трисвятомъ см. въ нашей особой статьѣ о немъ. Душ. Чтен. 1862 г. ч. 3 стр. 294.

въ это время престоль въ алтарѣ, какъ они окружаютъ на небесахъ престоль Бога Вседержителя, и не вторятъ ли нашему пѣнію, или лучше не предшествуютъ ли намъ своимъ примѣромъ въ пѣніи Трисвятаго? Не даромъ же, конечно, церковь научила священника, вступающаго въ алтарь, молить Бога, да введетъ Онъ въ алтарь и святыхъ ангеловъ, которые бы вмѣстѣ съ нимъ славословили Его, и служили Ему.

Но участвовать въ пѣніи Трисвятаго въ обществѣ чистыхъ и безгрѣшныхъ ангеловъ не можетъ безъ нѣкотораго смущенія чловѣкъ, тревожимый сознаниемъ своихъ грѣховъ. Подобное смущеніе испыталъ Исаія, когда вдругъ предсталъ престолу Бога Вседержителя, окруженнаго серафимами, поющими Ему Трисвятое. Онъ желалъ бы и самъ принять участіе въ ихъ пѣніи, но не дерзнулъ на это, помысливъ, что его нечистыя уста недостойны воспѣвать хвалу Богу вмѣстѣ съ безгрѣшными пѣвцами. Онъ могъ только проговорить: «Жалкій я чловѣкъ, стою на краю гибели. Уста мои нечисты и живу среди людей съ нечистыми устами». — Подобное сознание душевной нечистоты должно быть присуще каждому изъ насъ при пѣніи Трисвятаго, а потому оно поется или читается во всѣхъ церковныхъ службахъ, за исключеніемъ литургіи вѣрныхъ (послѣ *Вирюю*), — не въ томъ составѣ, какъ пѣли его серафимы по видѣнію Исаіи. Серафимы только прославляли *святость* Божію, а мы грѣшныя научены бъ прославленію сей неизрѣченной святости (*Святый Боже, святый Крѣпкій, святый Безсмертный*) присовокуплять смиренное моленіе *о помилованіи* насъ, ибо вмѣстѣ съ Исаіею должны исповѣдать предъ Богомъ: жалкія мы по грѣхамъ существа! Уста наши слишкомъ нечисты, чтобы можно было славословить Тебя, Господи, съ чистѣйшими серафимами. — Но Исаія, исповѣдавшій себя жалкимъ и достойнымъ гибели за

грѣхи свои, ободренъ былъ Господомъ Саваоѳомъ. Господь повелѣлъ одному изъ серафимовъ очистить Исаію прикосновеніемъ къ его устамъ горящаго угля, чтобы онъ могъ славословить Его очищенными устами. — И каждый изъ насъ имѣетъ нужду въ очищеніи благодатію для того, чтобы мы достойно и съ дерзновеніемъ могли воспѣвать Богу Трисвятую пѣснь. Вотъ почему священникъ по вступленіи въ алтарь, передъ тѣмъ какъ слѣдуетъ пѣть Трисвятое, отъ лица всѣхъ въ тайной молитвѣ просить Бога, — «Трисвятою пѣснію отъ серафимовъ воспѣваемаго и отъ херувимовъ славословимаго и отъ всей небесной силы поклоняемаго, и сподобившаго насъ стать предъ славою святаго Его жертвенника и должное поклоненіе и славословіе Ему принести, — просить Его о томъ, чтобы Онъ не только принялъ и отъ устъ насъ грѣшныхъ Трисвятую пѣснь, но вмѣстѣ простилъ намъ всякое согрѣшеніе, и освятилъ (*какъ очистилъ Исаію*) наши души и тѣлеса.»

Предъ окончаніемъ этой тайной молитвы, діаконъ напоминаетъ священнику о наступленіи времени для пѣнія Трисвятаго и проситъ у него благословенія на сіе: «Благослови владыко, время Трисвятаго». Священникъ, преподавъ требуемое благословеніе, произноситъ вслухъ заключительныя слова молитвы, которую доселѣ читалъ про себя: «Яко святъ еси Боже нашъ, и тебѣ славу возсылаемъ, Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно...» Окончаніе возгласа: *и во вѣки вѣковъ*, священникъ предоставляет договорить діакону. Для сего діаконъ выходитъ изъ алтаря царскими вратами, но прежде чѣмъ скажетъ эти слова, онъ напередъ останавится предъ мѣстною иконою Спасителя и произнесетъ: *Господи, спаси благочестивыя и услыши ны*; и когда эту же краткую молитву пропоютъ на клиросѣ, тогда уже онъ, обратившись къ народу, громогласно скажетъ: *и во вѣки вѣковъ*, давая

симъ возгласомъ и поднятіемъ ораря знакъ къ пѣнію Трисвятаго. Это пѣніе, послѣ столькихъ приготовленій, тотчасъ же и начинается.—Слова: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны» разрываютъ связь священническаго возгласа и въ большей части списковъ литургіи Златоустовой, греческихъ и славянскихъ, не имѣются ^(*); тѣмъ не менѣе ихъ нельзя считать излишними: они служатъ окончательнымъ приготовленіемъ вѣрующихъ къ начатію столь важной пѣсни, какъ Трисвятое, и представляютъ краткое изложеніе предшествующей тайной молитвы священника. Какъ священникъ въ сей молитвѣ проситъ Господа благоволительно призрѣть на насъ грѣшныхъ, дерзающихъ славословить Его Трисвятою пѣнію, и принять изъ нашихъ устъ сію пѣснь: такъ и діаконъ и вслѣдъ за нимъ всѣ предстоящіе смиренно умоляютъ Господа, *да спасетъ благочестивыхъ*, т. е. да не осудитъ, да не отринетъ, да не погубитъ православныхъ (*благочестивые* значитъ православные), дерзающихъ предъ престоломъ Его пѣть Ему Трисвятую пѣснь, и да *услышитъ* отъ нихъ пѣніе ея съ такимъ же благоволеніемъ, какъ благоволительно внемлетъ Онъ тому же пѣнію отъ устъ серафимовъ и херувимовъ.—Когда же священникъ служитъ одинъ безъ діакона, тогда возгласъ: *яко святъ еси Боже нашъ* произносится безъ перерыва и безъ вставки словъ: *Господи, спаси благочестивыя*.

По знаку діакона, данному ораремъ, раздается дружное пѣніеликовъ: «Святый Боже...» до трехъ разъ, потомъ слѣдуетъ *Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь: Святый безсмертный помилуй насъ*,—и наконецъ еще разъ повторяется въ полномъ

(ж) У Гоара въ Евхологіи, въ разночтеніяхъ, приложенныхъ къ чину Златоустовой литургіи, указанъ одинъ Венеціанскій списокъ съ словами: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны». Изд. 1730 г. р. 73.

видѣ—*Святый Бже*... Если когда, то преимущественно въ сіи минуты присутствующіе въ церкви должны слѣдить за пѣніемъ ликовъ, воспѣвая въ сердцахъ своихъ предъ Господомъ то, что возглашается устами поющихъ. Всѣ присутствующіе должны помнить, что поющіе поютъ не отъ себя только, но отъ лица всѣхъ ихъ. Только при такомъ единодушномъ участіи въ славословіи Трійпостасному Божеству можетъ быть оно угодно Ему, какъ угодно славословіе Серафимовъ.—Въ заключеніе пѣнія ликовъ *маголють Трисвятое священникъ и діаконъ* въ алтарь. Это какъ бы отголосокъ громогласнаго пѣнія ликовъ. Тихо замолкаетъ онъ и такимъ образомъ заканчивается весь обрядъ, служащій торжественнымъ выраженіемъ нашего общенія съ Господомъ.

Въ дополненіе къ сказанному о маломъ входѣ укажемъ на особенности этого обряда въ нѣкоторые праздники.

1) Въ нѣкоторые великіе праздники, передъ мгновеніемъ вступленія въ алтарь, діаконъ къ словамъ: *премудрость, прости*—присовокупляетъ такъ называемый входный стихъ. Онъ положенъ на литургіи въ тѣ праздники, въ которые поются особенные антифоны, именно въ праздники Рождества Христова, Богоявленія, Ваій, Пасхи, Вознесенія, Пятидесятницы, Преображенія и Воздвиженія,—и заимствуется обыкновенно изъ тѣхъ псалмовъ, изъ которыхъ выбраны стихи для сихъ антифоновъ. Заимствованіе, какъ и выборъ стиховъ антифона, большею частію приспособлено къ свойству праздника. Кромѣ того входный стихъ полагается на праздникъ Срѣтенія, а у Грековъ и Благовѣщенія, хотя для сихъ праздниковъ нѣтъ особыхъ антифоновъ.

а) На праздникъ Рождества Христова входный стихъ взятъ изъ 109 псалма (ст. 3 и 4), изъ котораго заимствованы стихи 3-го антифона на сей праздникъ: *Изъ чрева прежде*

денницы родихъ Тя. Клятсѣя Господь и не раскается: ты іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову. Рѣчь идетъ о вѣчномъ рожденіи Сына отъ Отца и о вѣчномъ Его священствѣ. Самъ Богъ Отецъ здѣсь является свидѣтельствующимъ о Сынѣ въ томъ и другомъ отношеніи. Рожденіе Сына отъ *существа Своего*, Богъ Отецъ представляетъ подъ образомъ рожденія изъ чрева, и чрезъ то указываетъ на Его единосущіе съ Собою; рожденіе Его *предвѣчное* представляетъ подъ образомъ рожденія прежде *денницы* (утренней звѣзды). Это значитъ, что Сынъ Божій существовалъ искони, прежде чѣмъ сотворено было видимое небо, украшенное звѣздами, ярче которыхъ блещетъ утренняя звѣзда. Подобное о вѣчномъ бытіи Сына сказано въ другомъ псалмѣ: *прежде солнца пребываетъ имя Его* (Пс. 71, 17).—Рожденный прежде вѣкъ Сынъ Божій, отъ вѣчности же предопредѣленъ Богомъ Отцемъ на подвигъ искупленія человѣческаго рода, и сіе предопредѣленіе, какъ неизмѣнное, утверждено клятвою Бога Отца,—т.-е. Богъ Отецъ сказалъ въ предвѣчномъ совѣтѣ: какъ неизмѣнно Мое Божество, такъ неизмѣнна Моя воля быть Единородному Сыну Моему Искупителемъ грѣшныхъ людей.—Какъ Искупителя, Богъ Отецъ именуетъ Сына Своего іереемъ, потому что искупленію надлежало совершиться посредствомъ жертвы, которую Онъ имѣлъ принести на крестѣ. ИскуПЛЕНІЕ посредствомъ сей жертвы совершено однажды, но Принесшій ее есть *вѣчный* Іерей, потому что сила Его жертвы простирается на всѣ времена.—Онъ *іерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову*, т.-е. по подобію Мелхиседека (Евр. 7, 3. 15), который, по словамъ Ап. Павла въ посланіи къ Евреямъ, прообразовалъ собою вѣчное, непреходящее, въ противоположность Левитскому, священство Христово тѣмъ самымъ, что въ повѣствованіи Моисея онъ представляется безъ родословія, не видно ни начала его дней, ни конца жизни. Эти

обстоятельства опущены въ исторіи Мелхиседека не случайно и просто, а съ намѣреніемъ указать въ немъ образъ вѣчно пребывающаго священства Христова (Евр. 7, 3). Апостоль указываетъ и на многія другія черты сходства Мелхиседека съ Христомъ (въ 7-й главѣ Евр.)

б) На Богоявленіе и на праздникъ Ваій входный стихъ одинъ, — взять изъ 117 псалма (ст. 26. 27), изъ котораго взяты стихи 3-го антифона на сіи праздники: *Благословенъ грядый во имя Господне, благословихомъ вы изъ дому Господня, Богъ Господь и явися намъ.* Въ псалмѣ, содержащемъ сей стихъ, воспѣвается торжество надъ врагами неизвѣстнаго Вождя, служащаго образомъ Христа. Словами стиха: «благословенъ грядый во имя Господне», народъ привѣтствуетъ сего Вождя, возвращающагося съ поля брани и грядущаго въ храмъ во имя Господне, чтобы воздать Господу славу за побѣду. Народъ выражаетъ желаніе, чтобы *благословеніе* Божіе всегда пребывало надъ Вождемъ. — *Благословихомъ вы изъ дому Господня.* Привѣтствуя и встрѣчая благословеніями Вождя, народъ благословляетъ и сподвижниковъ его, раздѣлявшихъ съ нимъ его военные труды и теперь сопровождающихъ его въ храмъ для участія съ нимъ въ благодареніи Господу. Народъ привѣтствуетъ ихъ съ такою же радостію, съ какою семья встрѣчаетъ кого-либо изъ членовъ своихъ, возвратившагося послѣ продолжительной отлучки. Мы, говорятъ народъ тѣмъ, кому дѣлаетъ встрѣчу, принадлежимъ вмѣстѣ съ вами къ одной семьѣ, къ одному *дому Господню*, и потому благословляемъ васъ, какъ родныхъ. — *Богъ Господь и явися намъ.* Господь, Которому мы служимъ — говорятъ встрѣчающіе Вождя и его сподвижниковъ, — есть единый истинный Богъ, и Онъ-то явился намъ теперь въ силѣ Своей, побѣдоносной надъ врагами нашими.

Со всѣми этими привѣтственными восклицаніями, цер-

ковъ научаеъ насъ обращаться ко Христу Спасителю, грядущему на Иорданъ при началѣ Своего общественнаго служенія, и въ Иерусалимъ въ концѣ сего служенія. Въ томъ и другомъ случаѣ шествіе Его страшно для враговъ нашего спасенія и мы вселомскими привѣтствіями выражаемъ радость о нашемъ спасеніи и Спасителѣ.

в) На праздникъ Пасхи входный стихъ взять изъ 67 псалма (ст. 27), изъ котораго взяты стихи для 3-го антифона на сей праздникъ: *Въ церквахъ благословите Бога Господа отъ источникъ Израилевыхъ.* Сими словами Псалмопѣвецъ приглашаетъ къ прославленію Господа, въ торжественныхъ церковныхъ собраніяхъ, всѣхъ Израильтянъ, которые произошли отъ 12 сыновей Израиля, словно ручьи изъ источниковъ. Тѣми же словами св. церковь призываетъ къ прославленію Господа христіанъ, имѣющихъ, въ лицѣ 12 апостоловъ Христовыхъ, своихъ духовныхъ родоначальниковъ.

г) На Вознесеніе Господне входный стихъ — одинъ изъ стиховъ 1-го антифона на сей праздникъ: *Взыде Богъ въ восклицаніи, Господь во гласъ трубнѣ.* (См. наше изъясненіе сего антифона въ сентябрьской книжкѣ).

д) На праздникъ Пятидесятницы входный стихъ взять изъ 20-го псалма (ст. 14), изъ стиховъ котораго составленъ 3-й антифонъ на сей праздникъ: *Вознесися Господи силою Твоею, воспоемъ и поемъ силы Твоя.* Т.-е. покажи, Господи, Твою побѣдоносную силу надъ врагами нашего спасенія, смири ихъ подъ Твою высокую руку: тогда мы торжественно будемъ воспѣвать Твое могущество.

е) На Преображеніе входный стихъ: *Господи, послѣ свѣтъ Твой и истину Твою, та мя настависта и ведоста въ гору святую Твою,* — взять изъ 42-го псалма (ст. 4), въ которомъ благочестивый Израильтянинъ жалуется на враговъ своихъ, заставившихъ его удалиться изъ оте-

чества, и просить Господа дать ему возможность возвратиться въ отечество и за сіе возблагодарить Его жертвою во святилищѣ на святой Сіонской горѣ. *Господи*, говоритъ между прочимъ Израильтявинъ, *посли свѣтъ Твой и истину Твою*, т. е. дай мнѣ на себѣ испытать Твое благоволеніе, обрати ко мнѣ свѣтлое, благосклонное лице Твое; дай мнѣ надъ собою испытать *истину Твою*, т. е. вѣрность Твою въ исполненіи твоихъ обѣтованій вѣрнымъ Тебѣ рабамъ Твоимъ. *Тамъ настависта и введоста въ гору святую Твою*. Твоимъ благоволеніемъ и истиною устрой мнѣ обратный путь въ отечество, дай мнѣ снова узрѣть святую гору Твою и здѣсь, во святилищѣ Твоемъ, отъ глубины благодарной души исповѣдать милость Твою и истину Твою.

Не безъ соотвѣтствія съ празднуемымъ событіемъ эти слова Псаломѣвца избраны для входнаго стиха на праздникъ Преображенія. Слава преображенія Христова есть образъ славы, ожидающей вѣрныхъ рабовъ Божіихъ въ вѣчности. Гора преображенія есть образъ горнихъ обителей въ дому Отца небеснаго, уготованныхъ любящимъ Его. Живя на землѣ, мы находимся вдали отъ сихъ горнихъ обителей, какъ бы въ изгнаніи, подобномъ тому, на котореѣ жалуется въ псалмѣ Израильтянинъ. И вотъ св. церковь псаломскими словами этого Израильтянина хочетъ пробудить въ насъ желаніе и надежду водворенія въ небесныхъ обителяхъ и научить насъ, подобно ему, взывать: «Господи! яви намъ милость и истину Твою, чтобы при помощи ихъ, какъ вѣрныхъ путеводителей, мы могли достигнуть святой горы Твоей, горняго Іерусалима и здѣсь, въ обществѣ святыхъ ангеловъ и человѣковъ, немолчно воспѣвать Твою благодать».

ж) На Воздвиженіе входный стихъ взять изъ 98 псалма (ст. 5), изъ стиховъ котораго составленъ 3-й антифонъ въ сей праздникъ: *Вознесите Господа Бога нашего, и по-*

кланяйтесь подножію ногу Его, яко свято есть. Подножіемъ Господа въ ветхомъ завѣтѣ назывался ковчегъ завѣта, надъ крышкою котораго (очистилицемъ) Господь являлъ Свое царственное присутствіе. Давидъ сказалъ: «я имѣлъ намѣреніе построить покойный домъ для ковчега завѣта Іеговы, и для подножія ногъ Бога нашего» (1 Парал. 28, 2). Въ новозавѣтный праздникъ Воздвиженія Креста Господня, св. церковь псаломскими словами входнаго стиха приглашаетъ насъ превозносить хвалами распятаго за насъ Христа Бога нашего и поклоняться Ему на Голгоѣѣ, которая была мѣстомъ Его распятія и такимъ образомъ сдѣлалась подножіемъ ногъ Его, пригвожденныхъ ко кресту.

2. Къ особенностямъ обряда малаго входа должно отнести также замѣну въ нѣкоторые дни Трисвятой пѣсни другими стихами. Такъ въ праздникъ Воздвиженія и въ недѣлю Крестопоклонную, вмѣсто *Святый Боже* поется: «Кресту Твоему поклоняемся Владыко» и проч. Въ Рождество Христово, въ Богоявленіе, въ Лазареву и Страстную Субботы, во всѣ дни Пасхальной седмицы, въ Пятидесятницу, вмѣсто Трисвятаго поется: «Елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь (Гал. 3. 27). Аллилуія». Эта послѣдняя замѣна допущена въ память обычая древней церкви совершать таинство крещенія надъ новообращенными преимущественно въ сіи дни. Слова апостола: *Елицы во Христа креститесь...* — имѣютъ такой смыслъ: тѣ, которые приемиютъ крещеніе христіанское, установленное Самимъ Христомъ, — слагаютъ въ водахъ крещенія ветхаго человѣка, какъ никуда негодную одежду, и дѣлаются новыми людьми, преобразуясь въ образъ Христа праведника, становясь подобными Ему.

Свщ. В. Нецаевъ.

ВОПРОСЫ Г. ВЕРЦЕЛУСА И ОТВѢТЫ НА НИХЪ.

Вопросъ 1-й. Въ книгѣ Іисуса Навина (10, 13) сказано: «ста солнце и луна въ стояніи.... Не сіе ли есть писано въ книгахъ праведнаго: и ста солнце посредѣ неба и не идяше на западъ».... — Вѣдь единственное чудо это совершилось при Іисусѣ Навинѣ: то какъ же самъ онъ говоритъ, что объ этомъ чудѣ уже писано въ какихъ-то прежнихъ книгахъ? Пророчественно что ли писано о томъ впередъ? И какія это книги праведнаго, не попавшія въ Библию? Вѣроятно онѣ утрачены въ бурныя времена плѣненій въ числѣ многихъ другихъ книгъ, о которыхъ упоминаетъ св. Іоаннъ Златоустъ.

Отвѣтъ. На *книги* или, по еврейскому подлиннику, на *книгу праведнаго*, упоминаемую въ книгѣ Іисуса Навина, есть указаніе въ позднѣйшихъ времени І. Навина св. книгахъ, именно во 2 кн. Царствъ (1, 18): здѣсь, по *книгѣ праведнаго*, приводится плачевная пѣснь Давида о смерти Саула и Іоанаѳана. Но этимъ вопросъ, очевидно, не рѣшается, а только немного измѣняется и притомъ еще болѣе затрудняется: какимъ образомъ книга Іисуса Навина могла ссылаться на книгу, писанную явно уже по смерти перваго Израильскаго царя Саула, много позднѣе времени Навина? — Въ разрѣшеніи этого затрудненія есть мнѣніе, что книга Іисуса Навина названа такъ не по своему писателю, а только по главному предмету своего содержанія, и что писана она позднѣйшимъ Іисуса Навина св. писателемъ, уже во времена царей Божія народа. Но этому мнѣнію противорѣчитъ прямо свидѣтельство въ кн. Іисуса Навина, что самъ онъ *вписыв-*

валъ въ книгу закона Божія, (то есть, по нашему словопотребленію, въ св. Библию, заключающую уже въ себѣ законодательныя книги Моисея) дѣписанія о событіяхъ своего времени (Ис. Нав. 24, 26. слч. Второз. 31, 9). Видно, что книга Іисуса Навина писана имъ самимъ Недоумѣніе объ указаніи, въ этой книгѣ, на позднѣйшую времени Іисуса Навина *книгу праведнаго* разрѣшается просто тѣмъ, что это указаніе, какъ и сказаніе о смерти и погребеніи Іисуса Навина и другихъ, слѣдовавшихъ за тѣмъ событіяхъ (24, 30—36), или какъ замѣчаніе о возстановленіи Іерихона, бывшемъ уже въ вѣкъ Ахава царя Израильскаго (6, 25, сн. 3. Цар. 16, 34), внесено въ книгу Іисуса Навина уже послѣ него кѣмъ-либо изъ позднѣйшихъ собирателей св. ветхозавѣтнаго канона, каковы были, по свидѣтельству Іудейскаго историка Іосифа Флавія, не простые люди, а тоже пророки ^(а). Свящ. достоинство книги Іисуса Навина чрезъ эти позднѣйшія вставки, дѣланныя рукою боговдохновенныхъ же мужей, очевидно—ничего не могло терпѣть: потому что эти вставки принадлежали одному и тому же верховному автору св. книгъ — Духу Святому. — Что же касается до самой *книги праведнаго*, объ ней ничего нельзя сказать обстоятельнаго; потому что она не дошла до насъ. Впрочемъ изъ того, что уважительно ссылались на нее боговдохновенные писатели, ясно, что она была книга благочестиваго и правдиваго содержанія; а изъ того, что она не вошла въ ветхозавѣтный св. канонъ, какъ въ непреложное руководство вѣры на всѣ времена, видно, что она и не имѣла такого значенія и назначенія свыше.

Вопросъ 2-й Извѣстныя слова Іисуса Христа: «и будетъ едино стадо и единъ пастырь», къ какому времени относятся:

(а) Есть и въ Моис. пятокнижии подобныя, позднѣйшія Моисея, вставки или прибавленія, сдѣланныя рукою послѣдующихъ пророковъ (см. Второз. 34, 5—12.)

къ вѣку настоящему, или грядущему? Если къ первому, то онѣ не состоятся, потому что даже предъ самую кончину міра не будетъ единого стада, а напротивъ будетъ раздѣленіе Христовыхъ и антихристовыхъ: если къ послѣднему, то и тогда будетъ еще стадо отверженныхъ, только безъ пастыря; если же тѣ слова относятся просто къ стаду вѣрныхъ, то это стадо и теперь есть.

Отвѣтъ. Вся сила этого вопроса держится на томъ, что въ немъ слова Христовы: *и будетъ едино стадо и едины Пастырь*, берутся не въ общей связи рѣчи, а отрывочно, и произвольно предполагается въ нихъ такой смыслъ, будто никогда ужъ не будетъ никакого раздѣленія между Христовыми и не-Христовыми, а все люди составятъ единое нераздѣльное стадо единого Божественнаго Пастыря — Христа. Связь рѣчи никакъ не допускаетъ такого смысла приведенныхъ Христовыхъ словъ. Прочитаемъ эти слова въ общемъ составѣ рѣчи Христовой. Господь, сказавъ, что Онъ знаетъ Своихъ (овецъ) и онѣ знаютъ Его, и что Онъ душу Свою полагаетъ за овецъ, продолжаетъ: *и нынѣ овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего: и тыя Ми подобаетъ привести, и гласъ Мой услышатъ: и будетъ едино стадо и едины Пастырь* (Іоан. 10. 14—16). Ясно, что, по мысли Христовой, *будетъ едино стадо*, объемлющее въ своемъ единствѣ не только уже послушныхъ Христову гласу и знающихъ Христа—овецъ *отъ двора сего*, среди котораго Христосъ тогда находился и который былъ именно дворъ дома Израилева, богоизбранный Еврейскій народъ, — но и *нынѣшнихъ* еще овецъ, которыя *не суть отъ двора сего*, которыя слѣдовательно принадлежатъ другимъ народамъ, самую свою (языческую) національностію отдѣленнымъ отъ Божія народа, и однако также узнаютъ Христа и окажутся послушными Христову гласу. Сказать то же короче: *будетъ едино ста-*

до вѣрующихъ во Христа — безразлично какъ изъ Іудеевъ, такъ и изъ язычниковъ, и равно или одинаково надъ всеми вѣрующими, безъ различія національностей будетъ *единъ Пастырь*—Самъ Христосъ. Исполненіе этого началось и продолжается съ самаго того времени, какъ Христосъ душу Свою положилъ равно за Іудеевъ и язычниковъ, и по воскресеніи вознесся на небо, какъ Вѣчно—живый Ходатай предъ Отцемъ за все человѣчество и ниспослалъ св. Духа, изливающаго любовь Божію равно на всехъ вѣрующихъ изъ всякихъ національностей и усвояющаго Христа безразлично всемъ, подъ общимъ же для всехъ условіемъ, — вѣры. — Предложившему вышеприведенный вопросъ о единомъ стадѣ и единомъ Пастырѣ, можетъ быть, покажется нашъ отвѣтъ не довольно многозначительнымъ, подобно какъ ему показалось какъ будто недостаточнымъ разумѣть подъ стадомъ Христовымъ просто стадо вѣрныхъ. Но мы просимъ его вспомнить, что призваніе въ Христово стадо, безразлично или на общихъ правахъ вѣры, Іудеевъ и язычниковъ требовало перемѣны всего ветхозавѣтнаго церковнаго порядка, продолжавшагося цѣлыя тысячелѣтія, и составляло великую тайну для тогдашняго времени, съ открытіемъ которой, по объясненію Ап Павла, раскрывалась и предъ самыми небожителями недовѣдомая до толѣ «многообразная премудрость Божія» (Еф. 3, 3—10.) Слова Христовы: *и будетъ едино стадо* и проч., разумѣли о собраніи въ одно общее Христово стадо, съ вѣрующими Іудеями, и вѣрующихъ изъ язычниковъ — и св. Отцы.

Вопросъ 3-й. Изъ книги Дѣяній апостольскихъ (15, 2. 4) видно, что во время недоумѣнія въ церкви, для разрѣшенія нѣкоторыхъ вопросовъ, отряжены были ап. Павель и Варнава и посланы въ Іерусалимъ. Спрашивается: кто же могъ послать апостоловъ? Неужели простые, такъ сказать, рядовые христіане, ученики ихъ и послѣдователи? Вѣдь въ писа-

ни сказано, что «нѣсть ученикъ надъ учителя своего, ни посланникъ болій пославшаго его, и что меньшій посылается отъ большаго.» Конечно апостолы дѣйствовали по внушенію св. Духа; но тутъ рѣчь идетъ и о наружномъ порученіи, и не сказано, чтобъ это порученіе дано было Варнавѣ и Павлу соборомъ апостоловъ; да собора тогда и не было, ибо онъ только еще собирался въ Іерусалимѣ.

Отвѣтъ. Слишкомъ много сказано: «отряжены были Павелъ и Варнава.» Это было бы чисто демократическимъ преобладаніемъ «простыхъ или рядовыхъ христіанъ» надъ представителями церковными, и притомъ апостолами. Такого преобладанія также не было въ апостольской церкви, какъ не было и іерархическаго преобладанія надъ церковію. По сказанію книги Дѣяній Апостольскихъ, дѣло было такъ, что, по случаю появленія въ антиохійской церкви іудействующихъ лжеучителей и состязанія съ ними апостоловъ Павла и Варнавы, *учиниша взыти Павлу и Варнавѣ и нѣкимъ другимъ отъ нихъ ко апостоламъ и старцемъ во Іерусалимѣ о вопрошеніи семъ.* (Дѣян. 15, 1. 2). Это значитъ, что, по общецерковному въ Антиохіи затрудненію, Павелъ и Варнава отправились въ Іерусалимъ, слѣдуя, по внушенію именно Духа Святаго (см. Гал. 2, 1. 2.), общецерковному же желанію и рѣшенію, а не своему только личному. Такъ и на соборѣ апостольскомъ разбирали и рѣшали всецерковный вопросъ не одни только сами апостолы, но и пресвитеры, да и не одно только церковное пастырство, но вмѣстѣ со *всею церковію* или со всецерковнымъ *братствомъ* (Дѣян. 15, 22. 23), единодушно внимая и соизволяя, одушевляющему церковъ, Духу Святому (25 и 28 ст.). Такова норма истинно-апостольской Церкви на всѣ времена, въ отношеніяхъ между іерархіею и прочимъ составомъ церковнымъ по дѣламъ и вопросамъ обще-церковнымъ.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА

КЪ РЕКТОРУ МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

АРХИМАНДРИТУ ФИЛАРЕТУ,

ВЪ ПОСЛѢДСТВИИ ЧЕРНИГОВСКОМУ АРХІЕПИСКОПУ.

1. Преподобнѣйшій отецъ ректоръ! Поздно благодарю васъ и сотрудниковъ вашихъ за поздравленіе съ днемъ моего ангела: за то довольно рано поздравляю васъ и ихъ съ приближающимся праздникомъ, и призываю вамъ Божіе благословеніе на новолѣтіе.

Инструкцію эконома пропустилъ я для опыта, не имѣвъ удобства изслѣдовать ее въ подробностяхъ; а думаю, что пересмотръ понадобится. Приводите къ точности порядокъ и чистоту во всемъ, и единообразную правильность. На Петербургскую академію теперь обращается въ семь отношеніи вниманіе не безъ обличенія: не лучше ли усовершенствовать дѣло по усердію, не требуя дѣлопонудителей? Намъ указываютъ на примѣры свѣтскихъ учебныхъ заведеній, которыя личнымъ вниманіемъ Государя Императора доведены до удивительной точности. Недавно онъ изволилъ посѣтить одно военно-учебное заведеніе, возвращаясь съ пожара ночью, и нашелъ все въ должномъ положеніи, даже до послѣдней кострюли, которая не оставлена послѣ ужина, какъ случилось, но тотчасъ вычищена, и поставлена на своемъ мѣстѣ въ ряду прочихъ.

Если въ каталогѣ бібліотеки даже отцы церкви поставлены въ рядъ съ Виргиліемъ или Тацитомъ: то конечно надобно исправить каталогъ по возможности безъ отлагательства.

О. исправляющаго должность инспектора можете въ свободное время отпустить въ Москву. Жалѣю, что не удалось

написать сего ранѣе. Дѣло его, кажется, оканчивается, и не должно озабочивать его послѣдствіями.

За Кіевскій мѣсяцесловъ не сердитесь, какъ и за все не должно сердиться, что другіе дѣлаютъ несогласно съ нашимъ убѣжденіемъ. Должно дѣлать справедливое и полезное по совѣсти, и полагать наше дѣло въ руки Провидѣнія. Если благословится успѣхомъ, слава Богу. Если и къ добру направленное по грѣхамъ нашимъ превращено будетъ: смиримся и осудимъ свой помысль, а не станемъ судить другихъ, и роптать на нихъ. Помнится, я вамъ говорилъ, что мѣсяцесловъ пересматривать должно скромно, и не входить въ то, что можетъ быть терпимо, хотя и могло быть лучше.

Получилъ я отъ васъ переводъ Діонисія Ареопагита: но, кажется, еще остается за академію переводъ чего-то изъ Златоуста. Предостерегайтесь отъ обвиненій въ замедленіи. Мирствуйте. Филаретъ м. Московскій.

Декабря 19 1836 г.

2. Преподобнѣйшій отецъ ректоръ! Съ радостію о воскресемъ Господѣ говорю вамъ: радуйтесь, и миръ Его вамъ призываю. Благодарю за слово утѣшенія васъ и сотрудниковъ вашихъ. Скажите благодарность мою и Виѳанскому о. ректору съ его сотрудниками.

Благодарю и за то, что приглашаете меня къ возвращенію. Надѣюсь, что послушаюсь васъ вскорѣ. Филар. м. Москов.

Мая 6. 1837 г.

Если предписаніе комиссіи духовныхъ училищъ разрѣшаетъ васъ преподавать уроки богословскіе не только на латинскомъ, но и на Русскомъ языкѣ: то вы можете дѣлать сіе безопасно. Я никогда небылъ противъ сего: но забылъ, что было такое предписаніе. И читатели латинскаго языка не могутъ осудить того, что дѣлается по разрѣшенію начальства. Положеніе комиссіи Д. У. 1825 года о Теофилактовой книгѣ de credendis надѣюсь, также не будетъ сильно защищать комиссія 1837 г. Учите истинѣ и православію, и поручайте себя Духу истины, наставляющему и учить и защищать дѣло ученія.

За сочиненіе о постахъ благодарю. Нѣкоторыя, и кромѣ меня, приняли оное хорошо.

Книжки: *Исусъ*, неодобренной къ перепечатанію, вѣроятно, продаваемы были послѣдніе экземпляры. Если не возобновится сіе: можно промолчать о семъ, чтобы не произошло больше движенія, нежели пользы.

Книги, которыхъ части были въ разсмотрѣніи духовнаго цензурнаго комитета, и которыя не показаны комитету для удостовѣренія въ правильности печатнаго текста, можетъ купить комитетъ или академія и пересмотрѣть, и если напечатано что нехорошее, тогда вступиться. А безъ сего споръ съ свѣтскимъ цензурнымъ комитетомъ былъ бы, можетъ быть, безъ нужды. Вы напрасно думаете, что не получили благословенія моего оставить академію, когда получили указъ консисторіи, посланный по моей резолюціи. Иное дѣло, если консисторія потребовала васъ въ учебные дни, безъ яснаго означенія моего на сіе утвержденія: но васъ требовали во дни неучебные. Что замедлили принять монастырь, сіе менѣе важно: а что въ высокаторжественный день не говорили назначенной проповѣди, сего похвалить не могу.

За пересмотръ книжки о обращеніи изъ поморской секты благодарю.

Царскій путь креста читалъ я давно въ русскомъ изданіи. Помню, что встрѣчалъ хорошее, а частію длинноту и принужденность. Начивая пересматривать, теперь встрѣчаю не мало такого, что меня останавливаетъ. Слишкомъ дико, что I. X. говоритъ словами Виргилія. Надобно подумать, что дѣлать съ сею книгою, особенно въ такое время, въ которое и лучшая сторона ея нападеніямъ подвержена. Нельзя почесть окончательными и переводъ и переписку книги, въ которой Тома Кемпійскій называется *Кимпійскимъ*, путь представляется *правильнымъ*, въ которой ставрофила *заблудила, идя, куда идется*.

О росписаніи одежды въ академіи теперь начинаемъ разсуждать. Вы не сказали мнѣ о семъ когда писали въ комиссію, а ея канцелярія ожидала подобнаго представленія, и

еще ожидала бы, если бы я не спросилъ о Вашемъ представленіи.

Отъ преосвященнаго Могилевскаго не хороша вѣсть о сынѣ новопросвѣщеннаго Сергія. Онъ въ острогѣ за нѣкоторыя шалости. Такъ сказано въ письмѣ, и нѣтъ изъясненія. Въ такомъ случаѣ, если и освободится, полезно ли вызывать его къ отцу?

Преосвященный Могилевскій не очень доволенъ своимъ миссіонеромъ Темкинымъ, и ему приходитъ мысль, не замѣнить ли его Сергіемъ.

3. Миръ Вамъ, отецъ Ректоръ, и сущимъ съ вами!

Если подтвердится, что билета на азбуку не выдано: тѣмъ лучше для Васъ и для комитета.

Димитрій во Іеродиакона рукоположенъ.

Теперь дѣло о постриженіи Ржаницына и Корсунскаго. Есть обстоятельства, по которымъ постриженіе одного изъ нихъ можетъ произойти въ Москвѣ. Думаю взять перваго, если Вы неимѣете ничего противъ сего. Въ такомъ случаѣ пришлите его мнѣ скорѣе. Хорошо, если онъ будетъ у меня во вторникъ поутру. Съ нимъ должно быть, что нужно для его постриженія. Если что неготово, займуйте. Если случится, что будете имѣть причину послать не его, а Корсунскаго: можете сіе сдѣлать, также немедля, и объясня мнѣ причину. Указъ остается у меня и препроводится къ Вамъ, когда надобно будетъ.

Скажите о. Ректору Виѣанскому, что г. Кони хочетъ пополнить ихъ Физическій кабинетъ, и для того желаетъ имѣть списокъ вещамъ уже существующимъ. Пусть войдетъ съ нимъ въ сношеніе, непосредственно, или какъ найдетъ удобнѣе. Филаретъ М. Московскій.

Ноября 7. 1837 г.

4. Миръ Вамъ, отецъ Ректоръ и сущимъ съ вами. Хорошіе переводы святыхъ отцевъ печатать дѣло хорошее, и я буду сему радъ. Но желалъ бы знать, что Вы хотите печатать.

Если сочиненіе Руднева сдѣлалось порядочнымъ: упот-

ребите оное, какъ слѣдуетъ. По распоряженію Канцлера, кажется, надобно послать въ другую Конференцію, для опредѣленія достоинства сочиненія,

Кто воспользовался лучшими рукописями покойнаго о. Поликарпа, я незнаю; что я получилъ, то къ Вамъ и препроводилъ.

Журналомъ причислить сумму къ академическимъ не служить доказательствомъ дѣйствительнаго причисленія, когда она въ приходъ не записана. Но какъ теперь дойти до того, что сдѣлано съ суммою, которая получена и потеряна изъ вида въ 1818 году?— Я могу сказать все тоже что говорилъ уже, что надобно первому члену академическаго правленія пристально смотрѣть за полученіемъ суммъ, и за поступленіемъ ихъ въ свои мѣста.

Не худо спросить по сему дѣлу бывшаго эконома іеромонаха Месодія, не припомнитъ ли онъ чего. И о суммѣ 1821 года за нѣмецкую грамматику, поискать бы кого современнаго и спросить. Вѣроятно, или теперь, или по требованію контроля понадобится произвести о каждой изъ сихъ суммъ особое маленькое дѣло, которое кончится манифестомъ.

Довольно по времени, хотя еще не на все отвѣчаю. Потерпите и простите. Филаретъ М. Московскій.

Ноября 27. 1837 г.

5. Если, отецъ Ректоръ, срокъ одежды студентовъ прошелъ, и нужда въ новой настоятъ: устройте по существующему росписанію. Ибо если комиссія Д. У. промедлила донынѣ: трудно теперь достать скорое и удовлетворительное рѣшеніе, при отсутствіи большей части членовъ ея.

О постриженіи студента въ монашество я представилъ, и для него и для Поликарпа посылаю, по обычаю, рясу, полукафтанье и поясъ. Раздѣлите, кому что годится.

Что касается до награжденій наставникамъ: я радъ утѣшать мирно и полезно трудящихся. Но въ вѣдомостяхъ не о томъ дѣло. О семъ надобно разсуждать особо.

Благословеніе Господне Вамъ и суцимъ съ вами. Филаретъ М. Московскій.

ОТНОШЕНІЕ РИМСКОЙ ЦЕРКВИ КЪ ГРЕЧЕСКИМЪ ЦЕРКВАМЪ, СО ВРЕМЕНИ РАЗДѢЛЕНІЯ ЦЕРКВЕЙ ДО ПАДЕНІЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ. *

IV.

Лионская Унія.

Латинское владычество въ Константинополѣ довело до крайней степени непріязнь Грековъ противъ Рима и папства. Память о немъ на долгое время глубоко оставалась въ душахъ Грековъ. Трудно было послѣ этого ожидать, чтобы греческая церковь, отстоявшая свою самостоятельность отъ притязаній латинства подѣ властію крестоносцевъ, добровольно подчинилась папѣ, находясь подѣ покровительствомъ своихъ православныхъ государей... Между тѣмъ однакожь, почти вслѣдъ за уничтоженіемъ латинской имперіи въ Константинополѣ, папамъ удалось на нѣкоторое время польстить себѣ надеждою на осуществленіе своихъ притязаній въ восточной церкви. Со стороны самаго правительства византійскаго сдѣлана была довольно рѣшительная попытка присоединить греческую церковь къ римской. Правда, попытка эта въ сущности была дѣломъ личнаго произвола и придворной интриги; она принята была чисто по политическимъ расчетамъ, и отъ начала до конца ведена была неискренно, мѣрами обмана и насилія; потому она не нашла сочувствія въ греческомъ духовенствѣ и народѣ, и не имѣла никакого успѣха, никакого

* Окончаніе. См. ноябрьскую книжку.

серьезнаго значенія. Тѣмъ не менѣе на нѣкоторое время она сильно заинтересовала папство, и папство до настоящаго времени любитъ вспоминать о ней съ пріятностію и придавать ей серьезное значеніе. Эта попытка извѣстна подъ названіемъ Ліонской уни. Императоръ Михаилъ Палеологъ, положившій конецъ латинскому владычеству въ Константинополѣ, опасался, какъ бы, въ слѣдствіе происковъ и просьбъ Балдуина II-го и воззваній папы Урбана IV-го, не собрались на западъ новыя ополченія крестоносцевъ для завоеванія Константинополя. Въ самой Греціи было много недовольныхъ имъ за то, что онъ ослѣпилъ законнаго наследника Ласкарисовъ, порученнаго его попеченію и самъ занялъ его престолъ. Благочестивый патріархъ Арсеній отлучилъ его отъ церкви за это преступленіе. Императоръ низложилъ патріарха Арсенія, и возвелъ на его мѣсто своего любимца и угодника Германа Адрианопольскаго епископа, котораго впрочемъ скоро долженъ былъ удалить въ слѣдствіе ропота народнаго; потомъ сдѣлалъ патріархомъ придворнаго духовника, слабохарактернаго Іосифа, который и разрѣшилъ его отъ наложеннаго запрещенія. Но это произвело большое смятеніе. Многочисленная партія приверженцевъ патріарха Арсенія не хотѣла подчиниться Іосифу, и продолжала считать императора отлученнымъ отъ церкви. Эта партія производила большія волненія въ церкви. Сильные вельможи, завидовавшіе возвышенію Михаила Палеолога, могли пользоваться этими смятеніями для политическихъ цѣлей... Чтобы обезопасить себя отъ нападений съ запада, и упрочить свое положеніе на Константинопольскомъ престолѣ, Михаилъ Палеологъ вздумалъ укрѣпить себя союзомъ съ папствомъ, имѣвшимъ тогда еще сильное вліаніе на политическія дѣла Европы. Для этой цѣли онъ рѣшился вступить съ папами Урбаномъ IV, затѣмъ съ Климентомъ IV въ сношенія о соединеніи церквей, и какъ человекъ настойчиваго деспотическаго характера готовъ былъ употребить всевозможныя мѣры для выполненія своего предпріятія. Папы въ началѣ не довѣряли Михаилу Палеологу, злобились на него за низпроверженіе латинской имперіи, и не хотѣли имѣть съ нимъ дѣла. Наконецъ, когда въ 1271-мъ году вступилъ на папскій

престоль Григорій X-й, самъ прежде жившій на востокѣ, и пламенно мечтавшій объ утвержденіи тамъ римскаго господства, переговоры о соединеніи церквей пошли дѣятельнѣе. Императоръ началъ готовить народъ и духовенство къ предполагаемому соединенію; но народъ и духовенство, за исключеніемъ немногихъ личностей единомысленныхъ съ императоромъ, льстившихъ ему, или обманчиво представлявшихъ себѣ дѣло униі, не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ въ пользу римской церкви. Императоръ дѣйствовалъ сначала просьбами и убѣжденіями, потомъ угрозами и насиліемъ: многіе епископы были сосланы въ ссылку, другіе посажены въ тюрьмы. Обманомъ, лестью и тюремнымъ заключеніемъ императоръ успѣлъ склонить на свою сторону краснорѣчивѣйшаго и вліятельнѣйшаго изъ Константинопольскихъ духовныхъ Іоанна Векка—патріаршаго хартофилакса. Но и переходъ Векка на сторону униі не только не помогъ этому дѣлу, но напротивъ его самого лишилъ довѣрія и уваженія въ глазахъ духовенства и народа.

Между тѣмъ папа Григорій назначилъ въ Ліонѣ соборъ въ 1274-мъ году (14-й вселенскій по счету Латинянъ). На этотъ соборъ должны были прибыть посланные отъ греческаго императора для заключенія условій о соединеніи церквей. Императоръ приказалъ своимъ единомышленникамъ составить отъ имени греческой церкви грамоту, въ которой бы греческая церковь обязывалась признать себя зависимою отъ римской церкви—почитать папу первымъ епископомъ во всемъ христіанскомъ мірѣ, поминать имя его на службахъ церковныхъ, и въ случаѣ надобности представлять на рѣшеніе папѣ важнѣйшія сомнительныя дѣла, возникающія въ греческой церкви,—но съ тѣмъ условіемъ, чтобы символъ вѣры, всѣ догматы и обряды греческой церкви оставались неприкосновенными при соединеніи съ римскою церковью. Къ этой грамотѣ успѣли набрать незначительное число епископскихъ подписей,—за большую часть греческихъ епископовъ, несоглашавшихся на унию поддѣланы были рукою императорскаго писца фальшивыя подписи, — и съ этою грамотою послали въ Ліонъ для заключенія мира церковнаго отставленнаго отъ долж-

ности и нелюбимаго въ народѣ за угодничество императору патріарха Германа съ нѣсколькими лицами изъ Константинопольскаго клира и придворными свѣтскими чиновниками; а патріарха Іосифа, въ то время занимавшаго Константинопольскій престолъ и несоглашавшагося на унію, принудили удалиться въ монастырь. Посланные Михаила Палеолога съ богатыми подарками папѣ прибыли въ Ліонъ, и здѣсь безъ всякихъ разсужденій о причинахъ, сущности и значеніи разногласій существовавшихъ между восточною и западною церквами, въ торжественномъ собраніи западныхъ прелатовъ 6-го іюля 1274-го года дали отъ имени греческой церкви клятвенное обязательство на соединеніе съ римскою церковію и признаніе главенства папы.

По возвращеніи пословъ изъ Ліона императоръ приказалъ объявить унію съ римскою церковью, и поминать имя папы на церковныхъ богослуженіяхъ. На престолъ патріаршества Константинопольскаго возведенъ былъ Іоаннъ Веккъ, въ дарованіяхъ и энергичности котораго императоръ надѣялся найти сильную опору дѣлу Уніи. Но народъ и духовенство продолжали относиться къ Уніи также непріязненно, какъ и прежде. Православные Греки не хотѣли молиться въ тѣхъ церквахъ, гдѣ поминалось имя папы. Въ Константинополѣ возникли сильныя смуты и распри между православною и уніятскою партією. Противъ императора и патріарха стало распространяться недовольство и озлобленіе. Пользуясь такимъ замѣшательствомъ народнымъ, нѣкоторые изъ сильныхъ вельможъ, ненавидѣвшихъ Михаила Палеолога, стали возбуждать въ провинціяхъ открытые мятежи противъ императорской власти. Императоръ хотѣлъ силою заставить народъ повинаться себѣ. Ссылки, пытки и казни усилились въ чрезвычайной степени. Съ другой стороны патріархъ Веккъ и другіе ученые приверженцы уніи (Константинъ Мелетивіотъ, Георгій Метохитъ и др.) старались дѣйствовать на народъ мѣрами убѣжденія; они распространяли такія мысли, что Унія есть дѣло въ высокой степени нравственное и христіанское, и въ политическомъ отношеніи для Грековъ весьма полезное, что римская церковь такая же православная церковь, какъ и

греческая, что въ самомъ важномъ пунктѣ разногласія между греческою и римскою церковью относительно исхожденія Св. Духа легко примирить ученіе той и другой церкви, если принять для выраженія этого ученія такую формулу, что Духъ Святой исходитъ не просто отъ Отца, какъ читается въ Греческомъ символѣ, и не отъ Отца и Сына, какъ учитъ западная церковь, *а отъ Отца чрезъ Сына*, какъ учили будто бы многіе древніе учителя церковные, восточные и западные^(а). Но ни деспотическая настойчивость императора, дѣйствовавшего мѣрами насилія, ни убѣжденія уніятской партіи греческихъ богослововъ не подвигали впередъ дѣла уніи. Векъ, разочарованный въ своихъ уніятскихъ стремленіяхъ и въ народной къ нему расположенности, оставилъ управление церковными дѣлами; самъ императоръ, утомленный пытками и казнями, въ послѣдніе годы своего правленія предоставилъ успѣхъ Уніи на произволъ судьбы. Между тѣмъ въ Римѣ ошибочно представляли, что въ греческой церкви воля императора можетъ сдѣлать все, и отъ стараній Михаила Палеолога ожидали совѣтъ не такихъ результатовъ. Тамъ не только надѣялись, что греческая церковь по волѣ императора безпрекословно признаетъ себя зависимою отъ папы, но думали даже, вопреки самымъ условіямъ ліонскаго договора, по времени распространить въ ней всѣ новоизмышленные догматы и обряды западные, и утвердить на востокѣ политическое вліяніе папъ въ такой же степени, въ какой оно было въ то время на западѣ. Съ этою цѣлю въ 1279-мъ году папа Николай III послалъ въ Константинополь своего легата, который былъ бы тамъ постояннымъ представителемъ его

(а) Дѣло конечно здѣсь было не въ томъ, какое выраженіе употреблять въ догматѣ объ исхожденіи Св. Духа *отъ* Сына или *чрезъ* Сына а въ томъ, какой смыслъ соединять съ тѣмъ или другимъ выраженіемъ. Еслибы католики или уніаты разумѣли выраженія *чрезъ Сына* или *отъ Сына* въ смыслѣ временнаго благодатнаго исхожденія св. Духа на людей, Греческая церковь могла бы согласиться на это. Но въ примѣненіи къ догмату о вѣчномъ упостасномъ происхожденіи Духа выраженіе *чрезъ* Сына, также какъ и *отъ* Сына, не могло найти себѣ основанія въ словѣ Божіемъ и ученіи древней церкви.

власти, и постепенно старался бы вводить въ греческую церковь латинскіе догматы и обряды, и распространять свое вліяніе при дворѣ въ самыхъ политическихъ дѣлахъ. Но ближайшее ознакомленіе съ состояніемъ греческой церкви и настроеніемъ греческаго народа на мѣстѣ должно было показать папскимъ уполномоченнымъ, что уніи въ греческой церкви въ сущности вовсе не существуетъ. Въ Римѣ стали высказываться недовольства и жалобы на Михаила Палеолога за невыполненныя обѣщанія. Императоръ продолжалъ расточать передъ папою новыя завѣренія въ своемъ усердіи къ дѣлу уніи. Наконецъ фальшь и самообольщеніе съ той и другой стороны должны были разоблачиться. Папа Мартинъ IV въ 1281-мъ году вновь наложилъ проклятiе на Михаила Палеолога, какъ на лживаго обманщика и упорнаго ослушника римской церкви. Императоръ, узнавъ объ этомъ, самъ во время церковной службы остановилъ дьякона, хотѣвшаго по уніятскому обычаю поминать имя папы.

Такъ рушилась сама собою эта фальшивая сдѣлка, извѣстная подъ именемъ Ліонской уніи, основанная на обманѣ и насиліи, и неимѣвшая себѣ никакой опоры въ убѣжденіяхъ и чувствахъ православнаго народа. Никакихъ добрыхъ положительныхъ результатовъ для возстановленія истиннаго мира между церквами она не принесла, — только еще болѣе возбудила въ Грекахъ непріязнь къ римской церкви и недовѣріе ко всякимъ попыткамъ на примиреніе съ нею въ будущемъ времени, и оставила на будущія времена тяжелый урокъ относительно того, какъ несообразно въ великомъ дѣлѣ церковномъ водиться чуждыми церкви интересами и побужденіями, полагаться на какія либо внѣшнія силы, дѣйствовать противными духу церкви мѣрами принужденія и обмана и т. д.

Разстройство, произведенное этою уніею въ греческой имперіи и церкви, было такъ сильно, и народное озлобленіе противъ нея такъ велико, что когда въ 1282 г. умеръ главный виновникъ ея императоръ Михаилъ Палеологъ, народъ не допустилъ, чтобы ему оказаны были почести царскаго погребенія, и отъ жены его и сына наслѣдника престола Андроника потребовалъ, чтобы они дали публичное завѣреніе въ

своёмъ несочувствіи дѣлу уніи, и постарались искоренить и заглазить всё слѣды ея въ греческой церкви. Въ 1283-мъ году въ Константинополь собранъ былъ для этой цѣли соборъ; на немъ осуждено было главное латинское нововведеніе о происхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына, и вмѣстѣ съ тѣмъ примирительная уніятская формула о происхожденіи Духа Святаго *отъ Отца чрезъ Сына*; патріархъ Веккъ и другіе главные виновники уніи низведены съ церковныхъ степеней и посланы въ ссылку; патріархомъ сдѣланъ былъ ученый богословъ Григорій Кипрскій, давній противникъ Векка и его уніятскихъ мыслей. Всѣ участвовавшіе въ уніи по увлеченію или по принужденію должны были подвергнуться строгимъ эпитиміямъ. Церкви, въ которыхъ поминалось имя папы и совершалось уніятское богослуженіе, вновь освящены, какъ оскверненныя. При всемъ томъ порядокъ въ Греческой церкви, растроенный, въ нѣсколько лѣтъ насильственного распространенія уніи, ссылкой и низложеніемъ множества епископовъ, распрями духовенства и народа, не могъ быть восстановленъ въ цѣлые десятки лѣтъ.

V.

Отношеніе между римскою и греческою церквами въ XIV-мъ и XV-мъ столѣтіяхъ.—Флорентійская уніа.—Паденіе Константинополя.

Послѣ Лионской уніи на долгое время въ Грекахъ оставалась такая глубокая непріязнь къ латинству, что правительство византійское, несмотря на все свое стѣсненное положеніе и на представлявшіяся отъ союза съ Римомъ выгоды, долго не рѣшалось вступать съ папами въ новыя соглашенія о соединеніи церквей, чтобы не вызвать раздраженія народнаго.

Между тѣмъ положеніе Византійской имперіи было весьма стѣсненное. Наступали послѣднія времена ея существованія. Византійское правительство опасалось новыхъ нападений съ запада. Папы Бонифацій VIII-й, Климентъ V и ихъ дальнѣйшіе преемники въ XIV-мъ вѣкѣ продолжали возбуждать западныхъ государей и рыцарей къ крестовому походу на востокъ противъ непокорныхъ Грековъ. Правда, ихъ воззва-

нія имѣли мало успѣха; вся опасность для Византійской имперіи съ этой стороны ограничилась тѣмъ, что рыцари-Тамплиеры еще разъ въ 1306-мъ году завоевали и разграбили Фессалонику — несчастный городъ, болѣе всѣхъ другихъ греческихъ городовъ потерпѣвшій отъ насилій западнаго крестоноснаго воинства. Но гораздо большая опасность, на которую вначалѣ Византійское правительство обращало мало вниманія, но которая съ теченіемъ времени возрастала болѣе и болѣе, угрожала Греческой имперіи съ Азіатскаго востока. Въ сосѣдствѣ съ имперіею стали усиливаться новые завоеватели, османскіе Турки. Съ самаго начала 14-го вѣка они стали нападать на Византійскую имперію, и затѣмъ до половины 15-го вѣка они отнимали у ней городъ за городомъ, область за областью, пока не положили конца ея существованію. Сильная опасность со стороны Турковъ стала угрожать Византійской имперіи со времени султана Урхана, который въ 1339-мъ году взялъ Никомидію, и овладѣлъ азіатскими областями Византійской имперіи

Съ 1355-го года Османы утвердились въ Европѣ. Въ 1369-мъ султанъ Мурадъ утвердилъ уже свою столицу въ Адрианополѣ. Къ концу 14-го вѣка при султанѣ Баязетѣ Турки покорили Македонію, Фессалию, Элладу и Пелопонесъ. Византійская имперія съ начала XV-го вѣка ограничивалась небольшою областью, прилегавшею къ Константинополю.

Византійское правительство можетъ быть спасло бы свою имперію отъ Турковъ, еслибы при самомъ первомъ напорѣ этой силы на Европу успѣшило соединиться съ другими православно-христіанскими племенами, занимающими юговостокъ Европы, съ Болгарами и Сербаміи. Но великое несчастье и вина юговосточныхъ православныхъ племенъ заключались въ томъ, что они непрестанно враждовали между собою, и не только не соединялись въ виду общей опасности, но даже нерѣдко направляли другъ на друга силы враговъ. Это несчастье сгубило всѣ юговосточныя православныя государства. Первымъ изъ нихъ пала Болгарія, подчиненная ближайшимъ родственнымъ племенемъ Сербовъ. За тѣмъ и Сербія, со-

всѣми подчиненными ей племенами, сдѣлалась достояніемъ Турковъ. Затѣмъ пришла очередь и до Византійской имперіи.

Византійское правительство, по старому предразсудку своему, полагало единственный источникъ спасенія на западѣ въ Римѣ. Но западъ Европейскій, въ которомъ папство воспитало пренебреженіе и ненависть къ православному востоку, не только съ равнодушіемъ, но иногда и съ злорадованіемъ смотрѣлъ на гибель православныхъ восточныхъ государствъ, не обращая вниманія и на то, что невѣрная сила, сокрушавшая ихъ, могла въ послѣдствіи сдѣлаться опасною и для всей христіанской Европы. На западѣ говорили, что востокъ схизматическій по справедливости терпитъ наказаніе Божіе отъ руки Турковъ за свое давнее упорство и непокорность римской церкви. Сами папы, своими прежними воззваніями возбуждавшіе въ западныхъ народахъ только непріязнь къ востоку, не могли уже новыми воззваніями возбудить въ нихъ состраданія къ погибавшимъ православнымъ восточнымъ племенамъ.

Въ виду народной непріязни къ латинству, византійское правительство на первыхъ порахъ тайло свои новыя сношенія съ папами. Въ первый разъ послѣ несчастной Ліонской уніи, императоръ Андроникъ младшій въ 1339 году, по взятіи Никомидіи Турками, послалъ посольство на западъ съ просьбою о помощи къ авиньонскому папѣ Бенедикту XII. Посольство это было отправлено тайно отъ народа, и возложено не на византійскаго Грека, а на пришлеца, ученаго греческаго монаха изъ Калабріи Варлаама, который самъ въ послѣдствіи оказался виновникомъ большой церковной смуты на востокѣ, едва ли не какъ агентъ латинства. Варлаамъ въ двухъ замѣчательныхъ рѣчахъ при авиньонскомъ дворѣ развивалъ такія мысли, что западные христіане непременно должны оказать восточнымъ помощь противъ Турковъ, какъ по братскому христіанскому долгу, такъ и въ интересъ своего собственнаго благосостоянія, ибо опасность отъ Турковъ грозитъ не одной Византійской имперіи, аи всей христіанской Европѣ, — что безкорытною братскою помощію западные христіане скорѣе всего могутъ привлечь къ себѣ восточныхъ

христіанъ, также какъ прежде они всего болѣе озлобили ихъ противъ себя насиліями и притѣсненіями, что до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ это озлобленіе, нечего и думать о соединеніи церквей, а когда пройдетъ оно, легко будетъ устранить и всѣ другіе церковные поводы къ разрыву. Безпристрастные доводы Варлаама мало, однакожь, подѣйствовали на латинцевъ. Они отвѣчали ему: «а чтоже если мы подадимъ помощь Грекамъ, и Греки не присоединятся къ римской церкви?»...

Въ 1350 году папа Климентъ VI-й самъ возобновилъ переговоры о соединеніи церквей съ греческимъ императоромъ Іоанномъ Кантакузеномъ. Но Кантакузенъ, твердо преданный ученію своей церкви, и мало нуждавшійся въ союзѣ съ папою (потому что онъ заключилъ союзъ съ Турками), довольно сухо отвѣчалъ папѣ, что соединеніе церквей можетъ состояться не иначе, какъ послѣ тщательнаго обсужденія церковныхъ разногласій на вселенскомъ соборѣ, — не на такомъ соборѣ, каковъ былъ при Михаилѣ Палеологѣ Лионскій соборъ, а на такомъ, на которомъ бы было совершенно свободно и безпристрастно изслѣдовано дѣло представителями всѣхъ восточныхъ патріарховъ, и который бы былъ собранъ въ которомъ нибудь изъ пограничныхъ городовъ на срединѣ разстоянія между Римомъ и Византією. Папы же въ то время высказывали такое убѣжденіе, что для соединенія греческой церкви съ римскою нѣтъ надобности въ новомъ соборѣ — такъ какъ на предшествовавшихъ соборахъ всѣ разногласія, существующія между церквами уже разрѣшены въ пользу римской церкви, и такимъ образомъ Грекамъ только остается безпрекословно принять всѣ ея мнѣнія.

Преемникъ Кантакузена Іоаннъ VI-й Палеологъ, въ виду опасности отъ Турковъ, уже проникшихъ въ Европу, былъ уже гораздо болѣе своего предшественника податливъ на желанія папы. Онъ сначала въ 1355 году засылалъ пословъ къ Иннокентію VI-му, затѣмъ въ 1389 году самъ ѣздилъ въ Римъ, униженно пѣловалъ папскую туфлю, исповѣдывалъ предъ Урбаномъ VI-мъ латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, обѣщалъ своихъ дѣтей воспитывать въ

латинствѣ, и одного изъ нихъ оставить заложникомъ въ Римѣ въ знакъ вѣрности, взявъ даже отъ папы переносный латинскій алтарь для отправленія латинскаго богослуженія при своемъ константинопольскомъ дворѣ.

Все это впрочемъ дѣлаемо было безъ всякаго участія со стороны народа, и не имѣло никакого значенія для греческой церкви. Въ политическомъ отношеніи униженіе императора предъ папою также не принесло никакой пользы Грекамъ. Папа разослалъ воззванія къ рыцарямъ Іоаннитскаго ордена, къ генуэзцамъ, венеціанцамъ, убѣждалъ ихъ подать помощь Грекамъ, соединиться для составленія новаго крестоваго похода на востокъ, но убѣжденія папы не имѣли успѣха.

Подобно Іоанну VI и его преемникъ Еммануилъ Палеологъ (1399—1425 г.) ѣздилъ на западъ въ Венецію, Францію, Англію, умолялъ о помощи папъ Бонифація IX-го и Иннокентія VII-го безъ всякаго успѣха. Бонифацій IX убѣждалъ западныхъ христіанъ подать помощь Грекамъ во имя того, что они все-таки носятъ названіе христіанъ, и въ той надеждѣ, что они за благодареніе оказанное имъ сдѣлаются покорными сынами римской церкви, но его никто не слушалъ. А папа Иннокентій VII долженъ былъ прямо сказать самому императору Еммануилу, что онъ ясно предвидитъ неминуемую и скорую гибель Византійской имперіи безъ помощи европейскаго запада, но ничѣмъ не можетъ помочь этой бѣдѣ. Точно также не имѣло никакихъ важныхъ послѣдствій и посольство, отправленное императоромъ Еммануиломъ въ 1414-мъ году на Констанскій соборъ для испрошенія помощи у западныхъ государей и переговоровъ о соединеніи церквей.

Наконецъ предпослѣдній изъ Палеологовъ Іоаннъ VI, въ виду крайняго положенія имперіи, которая въ его время уже вся почти заключалась въ стѣнахъ одного Константинополя, окруженнаго со всѣхъ сторонъ Турками, и не имѣла даже и 10000 собственнаго войска, рѣшился во что бы то ни стало пріобрѣсть помощь съ запада, и для этого рѣшительнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ повелъ переговоры о соединеніи церквей сначала съ папою Мартиномъ IV-мъ, потомъ съ Евгеніемъ IV, который самъ прежде былъ легатомъ на

востокѣ, лично зналъ положеніе восточныхъ церквей, и тѣмъ ревностиѣ поэтому готовъ былъ стараться о подчененіи ихъ своему влиянію.

Папы въ то время имѣли особенныя побужденія хлопотать о присоединеніи греческой церкви. Папская власть въ XIV вѣкѣ, въ слѣдствіе долгихъ злоупотребленій, крайней распущенности Авиньонскихъ папъ, и соблазнительныхъ распрей между Римомъ и Авиньономъ во время такъ называемаго великаго раскола западной церкви (1378—1414), сильно поколебалась. Папы потеряли свое прежнее влияніе на западѣ Европы, должны были въ своей же церкви, въ средѣ своего латинскаго духовенства бороться съ сильною либеральною партією, которая желала ограничить папскую власть властію вселенскихъ соборовъ и для этой цѣли созывала уже два собора въ Пизѣ (въ 1408) и въ Констанцѣ (въ 1414 г.), и вновь созывала соборъ въ Базелѣ (1431—1437 г.). Папамъ нуженъ былъ какой-нибудь особенно благоприятный случай, какое-нибудь блистательное дѣло, которымъ бы они могли поднять свой упадавшій авторитетъ въ общественномъ мнѣніи Европы, и взять верхъ надъ враждебною имъ партією. Такимъ блистательнымъ дѣломъ представлялось папству присоединеніе греческой церкви. Поэтому папа Евгений IV со всею ревностію схватился за предложеніе Іоанна Палеолога, и готовъ былъ даже сдѣлать значительныя пожертвованія и уступки и надавать Грекамъ самыхъ щедрыхъ обѣщаній съ тѣмъ только, чтобы достигнуть предполагаемаго соединенія церквей.

Между тѣмъ и члены враждебнаго папѣ Базельскаго собора, слышавъ о намѣреніи Греческаго императора присоединиться къ римской церкви, старались склонить его на свою сторону, и расточали предъ нимъ щедрыя обѣщанія. Папская и Базельская партіи готовы были вступить въ открытую борьбу изъ-за того, кому достанется честь присоединенія греческой церкви. Самъ Іоаннъ Палеологъ долго колебался, къ какой сторонѣ пристать. Наконецъ папа, надававшій ему болѣе льстивыхъ обѣщаній, склонилъ его на свою сторону.

Чтобы дать какой-нибудь ходъ своимъ замысламъ въ на-

родѣ, предубѣжденномъ противъ латинства и всякихъ сдѣлокъ съ нимъ, императоръ всячески старался о томъ, чтобы предполагаемое соединеніе не представлялось дѣломъ его личнаго произвола и политическихъ расчетовъ (какъ неудачная унія Михаила Палеолога), а свободнымъ дѣломъ самой церкви, вызваннымъ искреннею ревностію о возстановленіи мира церковнаго. Императоръ поэтому настаивалъ, чтобы это дѣло рѣшено было на вселенскомъ соборѣ, собранномъ со всею важною и видимымъ безпристрастіемъ, наподобіе древнихъ вселенскихъ соборовъ, изъ представителей западной и восточной церкви. А чтобы придать этому собору болѣе политическаго значенія, императоръ просилъ папу пригласить на него и западныхъ государей или уполномоченныхъ пословъ отъ нихъ для соглашенія о поддержаніи падавшей греческой имперіи. Папа соглашался на требованія императора тѣмъ охотнѣе, что для него представлялся случай созвать подъ своимъ предсѣдательствомъ торжественнѣйшій вселенскій соборъ, и противопоставить его авторитетъ авторитету базельскаго собора.

Долгое время шли переговоры о томъ, гдѣ собрать этотъ предполагаемый соборъ. Греки не хотѣли, чтобы соборъ былъ созванъ въ Римѣ, гдѣ значеніе и самостоятельность представителей ихъ церкви могли быть совершенно подавлены вліяніемъ западной партіи. Но такъ какъ нельзя было созвать собора и въ Константинополѣ, угрожаемомъ Турками, то они требовали, чтобы соборъ созванъ былъ въ какомъ-нибудь изъ италіянскихъ городовъ, ближайшихъ къ востоку. Рѣшили наконецъ избрать для этого Феррару. Греки, при бѣдности своей, затруднились тѣмъ, на что проѣхать въ Италію и жить тамъ. Папа взялся перевезти ихъ на своихъ собственныхъ судахъ, и содержать на свой счетъ во все время пребыванія ихъ въ Италіи.

Чтобы дать замышляемому дѣлу видъ полнѣйшаго безпристрастія, императоръ приказалъ разослать посланія по всѣмъ восточнымъ церквамъ, чтобы каждый изъ восточныхъ патріарховъ назначилъ отъ себя два полномочныхъ представителя на соборъ; кромѣ собственно греческихъ епископовъ положено

было пригласить представителей и изъ другихъ православныхъ, странъ—изъ Россіи ^(б), Болгаріи, Сербіи, Румыніи, Грузіи, и взять на соборъ знаменитѣйшихъ греческихъ ученыхъ духовныхъ и свѣтскихъ. Впрочемъ число всѣхъ восточныхъ епископовъ назначенныхъ на соборъ было не болѣе 25-ти; большая часть ихъ принадлежала къ Константинопольской церкви, и нѣкоторые вѣроятно уже предварительно вошли въ соглашеніе съ императоромъ относительно своихъ дѣйствій на соборѣ; изъ другихъ церквей, изъ цѣлыхъ обширныхъ православныхъ странъ назначено было по одному—по два представителя. Отъ восточныхъ патріарховъ представителями были назначены личности, предварительно указанные самимъ императоромъ и жившія въ Константинополѣ; и послѣ по усмотрѣнію императорской партіи онѣ произвольно перечислялись отъ одного патріарха къ другому. Во главѣ всѣхъ представителей греческой церкви, отправились на соборъ самъ императоръ и Константинопольскій патріархъ Іосифъ—человѣкъ престарѣлый, больной и слабо-характерный, въ которомъ императоръ не надѣялся встрѣтить какого-либо противодѣйствія своимъ планамъ на соборѣ. 22-го ноября 1437 года Греки отправились изъ Константинополя, 3-го марта 1438 года прибыли въ Италію. Съ самаго начала при свиданіи греческихъ епископовъ съ латинскими между ними поднялись недоразумѣнія и споры изъ-за того, какія церемоніи должно соблюдать при встрѣчѣ патріарха съ папою, должны ли они встрѣтиться какъ равный съ равнымъ или какъ низшій съ высшимъ, или гдѣ должно быть устроено на соборѣ мѣсто для греческаго патріарха—рядомъ съ папскимъ, или въ нѣкоторомъ почтительномъ отдаленіи отъ него. Споры изъ-за подобныхъ внѣшнихъ церемоній естественно не могли обѣщать мирныхъ соглашеній въ разсужденіяхъ о важнѣйшихъ

(б) Въ Россію незадолго передъ этимъ нарочно отправленъ былъ митрополитомъ, помимо желанія великаго князя и духовенства русскаго, Грекъ Исидоръ, втайнѣ предрасположенный къ уни; онъ самъ также вопреки желанію великаго князя и духовенства русскаго, и отправился на соборъ представителемъ за русскую церковь, и явился тамъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ поборниковъ соединенія.

предметахъ разномыслія церковнаго, о догматахъ церковныхъ, о правахъ и самостоятельности церквей. Далѣе Греки, надѣявшіеся вліяніемъ собора пріобрѣсти для своей имперіи помощь съ запада, скоро должны были увидѣть, что соборъ этотъ на самомъ западѣ не можетъ быть такъ вліятеленъ, какъ общалъ имъ папа. Папа дѣйствительно приглашалъ на этотъ соборъ западныхъ государей; но они не являлись и даже не присылали пословъ своихъ. Епископовъ со всей западной церкви собралось къ открытію собора только 70, между тѣмъ какъ на другихъ западныхъ такъ называемыхъ вселенскихъ соборахъ бывало ихъ до тысячи и болѣе. Большая часть западныхъ епископовъ сочувствовала враждебному папѣ базельскому собору. Тщетно папа гремѣлъ прещеніями противъ базельскаго собора, и приказывалъ присутствовавшимъ на немъ епископамъ перейти на соборъ въ Феррару. Епископы базельскаго собора протестовали въ свою очередь противъ собора Феррарскаго и подъ угрозой низложенія требовали, чтобы папа распустилъ его. Далѣе съ первыхъ же мѣсяцевъ послѣ прибытія Грековъ въ Италію папа сталъ задерживать обѣщанное имъ содержаніе и это въ продолженіе всего пребыванія Грековъ въ Италіи было употребляемо имъ, какъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ склонить Грековъ къ покорности и соглашенію. Какъ скоро Греки начинали о чемъ либо горячо спорить съ латинянами, имъ не давали содержанія; когда же они склонялись къ уступчивости, имъ выдавали жалованье, задержанное за цѣлые мѣсяцы, въ награду за послушаніе.

Лѣтомъ открылась въ Феррарѣ моровая язва, и жертвою ея сдѣлались нѣкоторые изъ Грековъ. Все это привело Грековъ въ такое уныніе, что они стали просить императора о возвращеніи въ Константинополь. Но имъ сказано было, что нечего и думать о возвращеніи не пришедшихъ къ какому либо соглашенію съ папою, да притомъ и не на чемъ и не на что возвратиться (такъ какъ у нихъ не было ни своихъ судовъ, ни денегъ). Нѣкоторые епископы тайно бѣжали изъ Италіи. Императоръ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы изъ остальныхъ никто не былъ выпущаеми изъ города. При такомъ

положеніи дѣла конечно нельзя было думать о серьезномъ и безпристрастномъ изслѣдованіи причинъ раздѣленія и мѣръ къ соединенію церквей. Тѣмъ не менѣе, чтобы дать дѣлу видъ настоящихъ соборныхъ разсужденій, начаты были между греческими и латинскими богословами совѣщанія о главныхъ предметахъ разномыслія между церквами — сначала частныя съ іюня, потомъ торжественныя съ октября 1438 года. Съ той и другой стороны избраны были лучшіе ученые и ораторы для веденія совѣщаній.

Изъ Грековъ преимущественно отличались митрополиты Маркъ ефесскій и Виссаріонъ никейскій (оба ученые и красно-рѣчивые, — но одинъ твердо преданный православію, другой втайнѣ расположенный къ униі), и свѣтскіе ученые—Гемистъ Плетонъ, Георгій Схоларій, изъ западныхъ богослововъ кардиналы Юліанъ Цезарини, Николай Албергати и ученый испанскій докторъ доминиканецъ Іоаннъ Monte Nigro. Главными предметами споровъ были латинское ученіе о чистилищѣ и прибавленіе къ символу вѣры слова *Filioque*. Относительно перваго вопроса не пришли ни къ чему опредѣленному, во второмъ—греческіе богословы, основываясь на ясныхъ свидѣтельствахъ древнихъ вселенскихъ соборовъ и св. отцевъ, ясно доказали произвольность и несправедливость латинскаго прибавленія къ символу. Западные богословы старались прекратить разсужденія объ этомъ вопросѣ, въ которомъ ясно чувствовали свою несостоятельность и на мѣсто изслѣдованія свидѣтельствъ древней исторіи, прямо говорившихъ противъ западнаго нововведенія, намѣренно старались перевести споръ въ пустыя отвлеченныя схоластическія умствованія. Императоръ греческій постоянно внушалъ своимъ епископамъ быть сдержаннѣе и уступчивѣе въ спорахъ съ латинянами, и чтобы они на самомъ дѣлѣ были сдержаннѣе и уступчивѣе, приказалъ за каждымъ совѣщаніемъ наблюдать своему свѣтскому чиновнику, и обо всемъ доносить ему; а самымъ твердымъ и непреклоннымъ защитникамъ православія, каковъ былъ по преимуществу митрополитъ ефесскій Маркъ, прямо запрещало было являться на соборъ и вступать въ состязанія.

Тѣмъ не менѣе, однакожь, приверженцы униі видѣли, что

если даже совѣщанія соборныя будутъ продолжаться въ такомъ тонѣ, какъ они начались въ Феррарѣ, онѣ никогда не приведутъ къ желаемой цѣли.

Чтобы дать дѣлу другое направленіе, въ началѣ 1439 года, какъ бы изъ опасенія возобновленія въ Феррарѣ на лѣто моровой язвы, рѣшились перенести соборъ далѣе въ глубь Италіи — во Флоренцію. Тамъ предположено было поставить Грековъ еще въ болѣе стѣсненное положеніе, и волей-неволей вынудить ихъ къ покорности требованіямъ папскимъ. Для виду и здѣсь слѣлано было нѣсколько открытыхъ совѣщаній объ исхожденіи Духа Святаго отъ Сына. Но эти совѣщанія не имѣли уже никакого серьезнаго и искренняго значенія. Главный защитникъ православія Маркъ Ефесскій на нихъ почти вовсе не являлся. Тайные руководители уніи, каковы были Виссаріонъ митрополитъ Никейскій и Исидоръ Русскій, въ Феррарѣ еще показывавшіе себя преданными православію, во Флоренціи явно перешли на сторону уніи. Прочіе греческіе епископы принуждены были молчать; ораторствовали одни западные богословы о преимуществахъ западнаго ученія предъ восточнымъ.

Когда и такой способъ убѣжденія никого не убѣдилъ въ преимуществахъ западнаго ученія предъ восточнымъ, императоръ приказалъ своимъ епископамъ составить такую формулу соединенія, въ которой бы искусно были примирены или скрыты разномыслія между церквами, или предложенъ былъ бы какой-нибудь способъ примирить церкви, не касаясь вѣроисповѣдныхъ разностей между ними. Когда и это подало новый поводъ къ разнорѣчіямъ и спорамъ, приказано было прекратить всѣ разсужденія, прямо отбирать голоса, кто согласенъ на унію и кто несогласенъ. Тогда начали дѣйствовать главные руководители уже давно замышленной уніи: Виссаріонъ Никейскій, Исидоръ Русскій и императорскій духовникъ Григорій Мамма. Фальшивыми убѣжденіями во имя спасенія отечества, лъстивыми обѣщаніями, богатыми подарками, роскошными обѣдами, наконецъ угрозами и представленіемъ невозможности противорѣчить папѣ, живя на его счетъ въ Италіи, они стали переманивать одного епископа за дру-

гимъ на сторону уніи. И когда почти всѣ дали вынужденное согласіе на нее, составленъ былъ актъ соединенія, въ которомъ, по настоящему требованію папскому признаны были всѣ незаконныя преимущества, усвоенныя на Западѣ римскому престолу, и латинское ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына; относительно прочихъ предметовъ разномыслія Грекамъ предоставлялась свобода держаться своихъ древнихъ мнѣній, или слѣдовать ученію римской церкви.

5-го іюля 1439 года греческіе епископы, собравшись у императора, подписали этотъ актъ измѣны православію. Не доставало подъ нимъ подписи патріарха константинопольскаго Іосифа, который незадолго передъ тѣмъ умеръ, и трехъ мѣстоблюстителей патріарховъ восточныхъ Діонисія Сардійскаго, Антонія Ираклійскаго и Марка Ефесскаго. Діонисій умеръ еще въ Феррарѣ, Антоній не явился на собраніе подъ предлогомъ болѣзни, Маркъ не хотѣлъ идти ни на какія сдѣлки съ латинствомъ. Антонія принудили подписаться на одрѣ болѣзни, но Марка не могли склонить на измѣну православію никакія убѣжденія и угрозы.

Когда принесли къ папѣ этотъ актъ, подписанный греческими епископами, первый вопросъ его былъ: «подписался ли Ефесскій», и когда ему сказали, что нѣтъ, Евгеній произнесъ: «ну, такъ мы ничего не сдѣлали». Въ этихъ словахъ папы вѣрно выразилось и значеніе Марка, главнаго представителя православія въ то время, и незначительность результатовъ, достигнутыхъ соборомъ. Тѣмъ не менѣе актъ соединенія между греческою и римскою церквами былъ торжественно объявленъ во флорентійскомъ соборѣ 6-го іюля 1439 года. А незадолго передъ тѣмъ, 25-го іюня, на базельскомъ соборѣ было произнесено осужденіе и отлученіе на папу Евгенія, и рѣшено избрать вмѣсто него другаго папу. Неискренность примиренія, заключеннаго во Флоренціи между Греками и латинянами, стала обнаруживаться немедленно, когда Греки еще были въ Италіи. По заключеніи примиренія между Греками и латинцами начались новые споры. Тѣ самыя изъ греческихъ епископовъ, которые дали согласіе на унію, не хотѣли служить и причащаться вмѣстѣ съ латин-

скими епископами, не хотѣли поминать имени папскаго на богослуженіи. Папа съ своей стороны не позволялъ Грекамъ во Флоренціи открыто служить литургію по греческому обряду.

Когда же греческіе епископы возвратились въ Константинополь, многіе изъ нихъ прямо объявили народу, что они вынуждены были во Флоренціи подписать согласіе на унію, и горько раскаявались въ этомъ, какъ въ измѣнѣ православію. Народъ сильно возмутился противъ папства, проклиналъ флорентійское соединеніе, и ублажалъ Марка—твердаго защитника православія. При такомъ положеніи дѣла нельзя было и думать о распространеніи, ни даже объ обнародованіи уніи. Пытались провести унію въ народъ незамѣтно и постепенно; для этого на высшія мѣста церковныя старались возводить тайныхъ приверженцевъ уніи; на самый патріаршій престолъ константинопольскій преемственно одинъ за другимъ воздвигимы были уніаты—Митрофанъ Кизическій и Григорій Мамма. Старались привлечь народъ въ унію тѣмъ, что на первыхъ порахъ позволяли всѣмъ послѣдователямъ уніи безразлично содержать греческія мнѣнія и обряды или латинскія. Но твердые и прозорливые защитники православія Маркъ Ефесскій, его ученые послѣдователи Геннадій Схоларій, сдѣлавшійся въ послѣдствіи однимъ изъ знаменитѣйшихъ патріарховъ Константинопольскихъ, Сильвестръ Сиропулъ, написавшій исторію флорентійскаго собора и другіе поборники православія тщательно разоблачали замыслы и интриги уніатской партіи, и утверждали въ народѣ преданность православію. Въ 1450 году три восточные патріарха александрійскій, антиохійскій и іерусалимскій со многими епископами составили въ Константинополѣ соборъ, на которомъ низложили уніата патріарха Григорія Мамму, возвели на престолъ константинопольскій православнаго патріарха Аеанасія, и произнесли отъ всей восточной церкви осужденіе на флорентійскій соборъ и на приѣмлющихъ его неправое соединеніе. Самъ императоръ Іоаннъ Палеологъ, главный виновникъ этой неудавшейся уніи, еще прежде отрекся отъ нея передъ смертію своею въ 1448 году. Уже при пре-

емникъ Іоанна Палеолога Константинъ XI-мъ, когда Константинополь со всѣхъ сторонъ окруженъ былъ турками, за нѣсколько мѣсяцевъ до паденія греческой имперіи, прибылъ изъ Рима кардиналъ Исидоръ, бывшій митрополитъ Русскій, и объявилъ въ храмѣ св. Софіи декретъ флорентійскаго собора 12 декабря 1452 года. Греки разбѣжались изъ храма, и перестали посѣщать его, такъ какъ онъ, по ихъ убѣжденіямъ былъ оскверненъ уніятствомъ. Только три епископа и нѣсколько священниковъ рѣшились принять унію. Ненависть къ уніи въ народѣ дошла до ожесточенія. Греки бѣгали отъ уніятскихъ священниковъ, какъ отъ зачумленныхъ и скорѣе соглашались умереть безъ покаянія, нежели принять напутствіе отъ кого либо изъ такихъ священниковъ. Въ Константинополѣ повсюду раздавались клики: «лучше достанемся Туркамъ, чѣмъ папистамъ, лучше турецкая чалма, чѣмъ папская тіара». Въ такихъ обстоятельствахъ Константинополь былъ взятъ Магометомъ II, 29 мая 1453 г. Унія флорентійская не только не предотвратила, но можетъ быть напротивъ ускорила паденіе греческой имперіи, возбудивъ противъ Грековъ особенную подозрительность со стороны Турокъ, и увлекши народъ въ религиозныя волненія въ то время, когда ему нужно было сосредоточить всѣ оставшіяся у него силы на поддержаніе погибавшей свободы и народности.

Западъ не оказалъ никакой помощи погибавшему Константинополю. Правда, была послѣ флорентійскаго собора сдѣлана къ этому одна попытка; но попытка эта кончилась въ высшей степени несчастливо. Воззванія папы Евгенія IV, и хлопоты одного изъ главныхъ дѣятелей флорентійской уніи кардинала Юліана Цезарини, равно какъ и сознание опасности, угрожавшей отъ Турокъ всему западу Европы, побудили наконецъ въ 1444 году одного молодого горячаго епропейскаго государя Владислава Венгерскаго съ большимъ войскомъ выступить на борьбу противъ Турокъ. Но войско это было разбито на голову подъ Варною; самъ Владиславъ былъ убитъ, также и кардиналъ Цезарини. Послѣ этого никто изъ Европейскихъ государей не осмѣливался противостать сокрушительной силѣ Турокъ.

Подобно тому какъ въ Греціи, и въ другихъ православныхъ странахъ—въ Россіи Грузіи, Молдавіи, Сербіи, Болгаріи флорентійская унія не имѣла никакого успѣха. Въ Россіи при первой попыткѣ возвратившагося изъ Италіи митрополита Исидора помянуть имя папы на богослуженіи, великій князь и народъ такъ возстали противъ этого, что Исидоръ едва успѣлъ бѣгствомъ спастись отъ раздраженія народнаго. Онъ ушелъ въ Римъ, и тамъ умеръ кардиналомъ; точно также другой изъ греческихъ митрополитовъ ревностный приверженецъ уніи Виссаріонъ Никейскій, поселившись въ Италіи, не только въ награду за свою приверженность къ уніи получилъ кардинальское достоинство, но и приобрѣлъ себѣ такое уваженіе въ западной церкви, что его неоднократно хотѣли избрать папою. Такимъ образомъ всѣ результаты флорентійскаго собора по отношенію къ восточной церкви, очевидно, были ничтожны; тѣмъ не менѣе западные ученые богословы и историки доселѣ стараются представить эти результаты въ другомъ, совершенно невѣрномъ и преувеличенномъ видѣ. Они любятъ указывать на флорентійскій соборъ во свидѣтельство того, что вотъ нѣкогда восточная церковь совершенно готова была признать главенство папы и даже латинскій догматъ объ исхожденіи Св. Духа отъ Сына, и признала бы, еслибы только не помѣшалъ этому одинъ человекъ, мятежный Маркъ Ефесскій. Самый ходъ дѣла ясно показываетъ, на сколько флорентійское опредѣленіе могло служить выраженіемъ убѣжденій восточной церкви, и какъ вообще восточная церковь сама по себѣ далека была отъ всякихъ сдѣлокъ съ латинствомъ, предпринимавшихся во имя ея авторитета лишь нѣсколькими личностями, которыя руководились въ великомъ дѣлѣ церковномъ даже и не церковными, а политическими интересами.

Священникъ А. Иванцовъ-Платоновъ.

БОГОМАТЕРЬ, ПРЕДТЕЧА, ЕВАНГЕЛИСТЫ, АПОСТОЛЫ

И ПРОЧІЕ СВЯТЫЕ

ВЪ ЦЕРКОВНОЙ ЖИВОПИСИ.

Б о г о м а т е р ь .

Исключая достопоклоняемый ликъ Спасителя, нѣтъ въ христіанской иконографіи ни одного предмета, который бы такъ часто былъ изображаемъ. такъ увлекалъ сердце, такъ упражнялъ талантъ художниковъ всѣхъ временъ, какъ ликъ Пресвятой Дѣвы.

Въ первенствующей Церкви были еще нѣкоторыя сомнѣнія: былъ ли Искупитель міра прекрасенъ по внѣшнему образу и подобію? ^(а) Но касательно лика Святѣйшей изъ Дѣвъ никогда не было ни малѣйшаго сомнѣнія: Она было *олицетвореніе доброты*, *figura probitatis*,—голосъ всей Церкви, выраженный св. Амвросіемъ Медиоланскимъ (*de virgin. L. I. II. c. 2.*) Всѣ художники съ перваго, кто осмѣлился изобразить «честнѣйшую херувимъ Матерь Бога нашего», малые и великіе, старались придать лику Приснодѣвы всю красоту и нѣжность, все достоинство и величіе, какія воображеніе и кисть ихъ придать были въ состояніи.

Самое первое по времени, послѣ приписываемыхъ преданіемъ св. ев. Лука иконъ Богоматери, изображеніе, въ которомъ

(а) См. Сбор. общ. древ. руск. искусства, ст. г. Буслаева объ иконописи, стр. 49.

она является, есть *поклоненіе волхвовъ*,—икона, многократно встрѣчаемая на фрескахъ и саркофагахъ катакомбъ. Обыкновенно Она изображалась и изображается въ самонѣжнѣйшей юности; боголѣпная чистота сіяетъ во всѣхъ чертахъ Ея лика. Какъ замужняя женщина, Она имѣетъ на главѣ покрывало, ниспадающее на плечи, по обычаю замужнихъ женщинъ Іудейскихъ ^(б). Иногда же Она пишется съ непокрытою главою, въ знакъ Ея приснодѣвства, съ распущенными по плечамъ волосами. Со временъ Юстиніана встрѣчаются изображенія Приснодѣвы безъ Предвѣчнаго Младенца на рукахъ. Иногда изображалась Она стоящею на драконѣ — намекъ на пророчество, что *Смья жены сотретъ главу змія* (Быт. 3, 15); иногда окруженная свѣтомъ, какъ Апокалипсическая *жена, стоящая въ солнцѣ* (Ап. 12, 1.); иногда съ мечемъ въ груди, въ воспоминаніе Симеонова пророчества *объ оружіи, которое пройдетъ душу Ея*. (Лук. 2. 35) ^(в). Позднѣйшая иконопись преимущественно любила изображать Ее, какъ Матерь Бога, высшую небесъ, Царицу Ангеловъ. Облаченіе Ея отличается столько же простотою, сколько и вкусомъ: красная (символь страданій), оранжевая (аттрибутъ вдохновенія), пурпурная (воспоминаніе о царскомъ происхожденіи) верхняя одежда (гиматіонъ), синяя или голубая (небо) нижняя—вотъ весь нарядъ Ея! И тяжело смотрѣть, какъ иногда какой нибудь немудрый изографъ умудрится распестрить Ее всевозможными колерами: покрывало желтое или зеленое; подрукавники бѣлые или голубые; туника розовая или пурпурная, желтой поясъ, мантия синяя или фіолетовая.... Цѣлая радуга! Да еще кстати распустить великолѣпные волосы и дорогой

(б) Пять дней въ св. землѣ. Душеп. Чт. замѣтка объ одеждѣ нынѣшнихъ Виолеемлянковъ.

(в) См. о Христ. Живописи Правосл. Собесѣдникъ 1865 г. февраль.

булавкой пришилить очень казисто написанный вуаль! О, Ты, любившая скрывать глаголы въ сердцѣ своемъ, дочь Царева, которой красота внутрь, прости имъ: *не вѣдятъ бо что творятъ!*—Не хуже этихъ италіанизированныхъ художниковъ умѣютъ обезобразить ликъ Приснодѣвы наши византійствующіе художники. Надѣнутъ на непорочную главу громадную, тяжелую и неуклюжую корону, обвѣшаютъ покрывало *рясами златыми*. Мишура, мишура ^(г). Прости имъ; *не вѣдятъ, что творятъ!* Зачѣмъ Ея чистотѣ, зачѣмъ Ея красотѣ эти тряпки, эти погремушки? *Вся чиста еси ближняя моя и порока нѣсть въ тебѣ* (macula non!) — вотъ Ея уборъ (Пѣснь пѣсней 3, 7.)

Историческихъ свидѣтельствъ о наружности Богоматери мы не имѣемъ, если не принимать во вниманіе поздняго свидѣтельства Георгія Кедрина (Synopsis), писателя XI в., который, по преданію, говоритъ: «имѣла возрастъ средній, шеничный цвѣтъ лица, волосы бѣлокурые, взоръ свѣтлый, очи миловидныя, любила одежды не крашенныя.»

Есть существенная разница между тѣмами и манерами ху-

(г) Здѣсь рѣчь идетъ не о золотѣ собственно, а о вкусѣ. Повторимъ сказанное прежде: всѣ эти украшенія идутъ въ дѣло, когда Приснодѣва изображается какъ Царица небесъ въ идеальномъ величіи своемъ (напр. икона Кіевопечерской Б. Матери). но неумѣстны среди исторической обстановки, напр. на иконахъ Благовѣщенія, Введенія и т. п. Да и тамъ надо беречь золото,—вкусъ дороже золота.— На челѣ и плечахъ Богородицы обыкновенно изображаются три золотыя звѣзды, якобы въ знакъ того, что Она до рождества, въ рождествѣ, по рождествѣ пребыла Дѣвою, и потому есть и называется *Приснодѣва*. Не отрицая такого символическаго объясненія, замѣтимъ, что эти звѣзды или банты—довольно обыкновенное украшеніе одеждъ у древнихъ. Они дѣлались изъ металла или пурпура, назывались Calliculae, накладывались на подолъ и плечахъ разныхъ одеждъ въ различномъ количествѣ, напр. на одеждѣ Дидоны на ватиканской рукописи Виргиліевой Енеиды.— См. у Мартиньи Calliculae.

дожниковъ сѣвѣра и юга, запада и востока. Протестантскій сѣверъ избралъ преимущественно предметомъ вдохновеній образъ страждущаго Искупителя, югъ—Мадонну ^(а). Западъ изображаетъ Ее преимущественно какъ Матерь и Дѣву, востокъ преимущественно какъ Царицу. Въ восточной иконографіи Она постоянно изображается въ богатой одеждѣ, часто съ короною на главѣ, сѣдящею на тронѣ (даже во время Благовѣщенія). Невозставая противъ такого направленія, замѣтимъ однако, что первенствующая церковь не боялась принимать благочестивымъ вниманіемъ къ обыденной жизни Дѣвы Назаретской. Древнія иконы Благовѣщенія представляютъ ее запряжею, или съ кувшиномъ въ рукѣ у источника, выслушивающею привѣтствіе Ангела. Хотя новые иконописцы, принимая во вниманіе безсѣменное зачатіе и безболѣзненное рожденіе Іисуса Христа, справедливо пишутъ ее сидящею, но древнѣйшіе иконописцы не затрудняются представлять ее лежащею у яслей, по образу обыкновенныхъ женъ родильницъ.... Но да не будетъ спора! Оба направленія равночестны, приличны и святы. Въ защиту западнаго направленія искусства, на которое нападать обратилось въ привычку, въ общее мѣсто, смѣемъ возвысить нашъ смиренный голосъ. Не безчестно художнику приникнуть благоговѣйнымъ вниманіемъ и къ частностямъ, такъ сказать, домашней жизни Присводѣвы. Благоговѣйно и честно изображать ее какъ Царицу небесъ; не нескромно изображать ее и какъ жену тектона Галилейскаго. Осмѣлился же Вселенскій Учитель ^(б) благоговѣйною мыслию

(а) Картины Рус. живописи С. П. Б., по поводу Мадонны Бруни.

(б) Прочтите это замѣчательное слово Златоуста въ прологѣ подь 25 марта: «лице дѣвиче, устроеніе дѣвиче, очи дѣвичи, смѣхъ дѣвичъ, бесѣда дѣвича, а чрево не дѣвиче, а матернее!» Пусть примуть во вниманіе это тѣ, которые не желаютъ прида-

погрузиться въ частную жизнь Пренепорочной, воспроизвести въ умѣ ея мысли и рѣчи, сомнѣнія Іосифа, слезы и *смѣхъ дѣвичь*. . . Пусть только художникъ съ чистымъ сердцемъ приступаетъ къ изображенію «Чистѣйшей свѣтлостей солнечныхъ.»

По ходу рѣчи всего ближе говорить объ иконѣ *Благовѣщенія*. *Благовѣщеніе на колодезь*, или у источника, и съ веретеномъ въ современной иконописи что-то не встрѣчается; встрѣчается обыкновенно Благовѣщеніе съ книгой; тутъ же иногда, въ миниатюрѣ, гдѣ нибудь въ дальнемъ уголкѣ, рисуется нѣчто въ родѣ бесѣдки или бельведера, къ которому слетаетъ ангелъ: это *благовѣщеніе во храмъ*. Въ живописи Благовѣщеніе изображается чрезвычайно разнообразно, но рѣдко удачно. Удачнѣе другихъ пишущему кажется рисунокъ помѣщенный въ св. исторіи Базарова. Въ углу комнаты у наоя, стояла Пр. Дѣва и молилась;— вдругъ скрипнула дверь— она обернулась: входитъ Ангелъ. Просто, естественно. Но за чѣмъ же ангелъ присѣдаетъ на одно колѣно? Это не въ обычаяхъ еврейскихъ. Неумѣстны также золотыя кресла, занавѣсы, богатыя облаченія на иконописныхъ изображеніяхъ Благовѣщенія. Живопись избѣгаетъ этой ошибки, но иногда впадаетъ въ другую крайность, въ театральность: вмѣсто иконы выходитъ какая-то иллюминація, букетъ цвѣтовъ, нѣжныхъ зрѣніе, что-то въ родѣ такъ называемыхъ *живыхъ картинъ*. Архангелъ весь изъ эфира и радуги; одежды ослѣпительной бѣлизны вѣютъ какъ облако, кисея, газъ; блѣдно-лиловыя крылья, шолковый розовый шарфъ (орарь); что-то въ родѣ жилета (корсетъ?) разстегнутое на груди блещетъ оранжевымъ атласомъ; золотыя кудри вѣютъ; поза, жестъ, все раз-

вать изображенію Богородицы не только красоты, но даже и юности.

читано на эффектъ! Приснодѣва на колѣнахъ, въ красивой позѣ на бархатной подушкѣ съ золотыми кистями; бѣлье такъ сіяюще, складки голубаго одѣянія до того бирюзово-небесны, столь накрахмалены, такъ щеголевато сложены, что, видимо, не обыкновенную жизнь, не происшествіе въ Назаретѣ пишетъ живолисецъ, а все подбираетъ для блестящей *живой картины!* Нѣтъ, берите сюжеты для подобныхъ произведеній откуда угодно, только Благовѣщенія не трогайте!

Богородица является еще на иконахъ Рождества, Распятія, во гробъ положенія, Вознесенія, Сошествія св. Духа и Успенія. Обо всѣхъ этихъ иконахъ довольно замѣтить: 1) на нихъ не слѣдуетъ писать Ее въ богатой одеждѣ; 2) не то лице Ея на Успеніи, что на Благовѣщеніи; но старость должна быть благоизрядная, святолѣпная. На иконѣ Успенія иногда, гдѣ нибудь на сторонкѣ, изображается, какъ Пр. Дѣва, являсь Апостолу Томѣ, въ утѣшеніе, даритъ ему свой поясъ. Поясъ пишется обыкновенно въ родѣ нашихъ: узенькая ленточка, или снурокъ аршина въ полтора длиною. Брачный поясъ Еврейскихъ дѣвицъ былъ великолѣпный и дорогой шарфъ, нѣсколько разъ обвивавшій талію. Отдавая его избраннику, этимъ выражали согласіе на бракъ. Такимъ образомъ Пр. Дѣва, отдавая, по смерти, свой поясъ, образно и лаконически говоритъ: *Я—Приснодѣва!* (Мой поясъ до гроба не принадлежалъ никому)! Какой выразительный урокъ любвеобильному; но всегда склонному къ сомнѣніямъ апостолу!

Нѣкоторые новые живописцы изображаютъ Богородицу, лежащую въ обморокѣ у подножія креста («Христосъ на Голгоѣ» Штейбена, «снятіе со креста» Даніеля Вольтерры). Строгіе иконопочитатели соблазняются такимъ видомъ изменоженія..... Полагаемъ, что лучше избѣгать изображенія этой тягостной сцены, но она совершенно возможна, очень

вѣроятна. Пусть всякій представитъ себѣ положеніе матери въ такихъ обстоятельствахъ, матери съ душею столь возвышенной и любвеобильной, какъ душа Приснодѣвы Маріи. Во дни молодости являлся Ей сіяющій Ангелъ, говорилъ Ей торжественныя и радостныя рѣчи: у Ней будетъ Сынъ! Онъ наследуетъ престолъ прародителя Давида! Царству Его не будетъ конца! А теперь, когда и силы оскудѣли, и кормить некому, этотъ Сынъ, *чаяніе языковъ, утѣха Израиля, со беззаконными вмѣняся*, повѣшенъ какъ бунтовщикъ, измѣнникъ! «Теперь Марія оставалась одна въ семь мірѣ, оставалась матерію уже не Іисуса, всѣми любимаго и уважаемаго, Коего страшился самъ Синедрионъ, Который составлялъ предметъ надеждъ Израиля, — а Іисуса, всѣми оставленнаго, поруганнаго, окончившаго жизнь на Голгоѣѣ, вмѣстѣ съ злодѣями» (*). О вы, мимоходящіе путемъ симъ, обратитесь, взгляните! Есть ли болѣзнь, подобная болѣзни моей! (Плачь Іереміи 1, 12). Пусть прочитаютъ обильный слезами канонъ повечерія Вел. Пятницы, *плачь Богородицы*, твореніе св. Андрея Критскаго, и вникнуть въ эти рѣчи, полная неутѣшнаго горя! Незабвенный авторъ «Послѣднихъ дней зем. жизни Іисуса Христа», описывая, какъ Голгоѣскій Страдалецъ поручилъ свою сиротѣющую Матеръ попеченіямъ возлюбленнаго ученика, вслѣдъ за тѣмъ замѣчаетъ, что, по ходу евангельскаго повѣствованія, замѣтно отсутствіе Богоматери на Голгоѣѣ... (в); что, повидимому, ученикъ удалилъ Ее съ лобнаго мѣста отъ тягостнаго зрѣлища послѣднихъ минутъ крестной смерти, а самъ вскорѣ возвратился принять послѣдній вздохъ своего друга и Бога. Не отстраняя сего изъясненія, съ неменьшею вѣроятностію можно допустить, что Она, не удаляясь

(ж) Послѣдніе дни з. жизни Господа нашего І. Христа 1860 г. Изв. 2. Стр. 423.

(в) Тамже стр. 425

отъ креста, впала въ безчувствіе, выслушавъ крестное завѣщаніе, и такимъ образомъ была избавлена тягостнаго зрѣлища милосердіемъ Сына, не попускающаго искушенія выше силы. Такая догадка подкрѣпляется, если принять въ соображеніе разстояніе Голгофы отъ Іерусалима. Какъ успѣлъ проводить Ее туда и придти обратно возлюбленный ученикъ Ея Сына и нареченный сынъ Его Матери?

Всякому извѣстно, какъ много такъ называемыхъ «явленій» Богородицы; но вѣроятно никто не знаетъ полного числа всѣхъ явленій и опредѣляемыхъ ими наименованій иконъ. Однѣ изъ иконъ Богородицы называются по изображенному событію: «Не рыдай мене Мати», «Цѣлованіе Маріино»; другія по именамъ Богородицы: «Неопалимая купина», «Нетлѣнный цвѣтъ»; третья по Ея свойствамъ и силамъ: «Всѣхъ скорбящихъ Радость», «Умягченіе злыхъ сердець», «Утоли моя печали»; четвертая по мѣсту явленія: Іерусалимская, Казанская, Кіевопечерская, Θεодоровская и т. д. Всѣ вмѣстѣ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, какою глубокою и теплою вѣрою, какимъ всеобщимъ почтеніемъ народовъ окружено имя Заступницы рода христіанскаго.

Невозможно имѣть точные снимки со всѣхъ иконъ Богородицы. Писать съ первой попавшейся суздальской копіи, или печатной картинки, неловко. Въ первыхъ много ошибокъ, а во вторыхъ—произвола. Что дѣлать? Мы держимся того мнѣнія, что лучше рисовать съ суздальскихъ копій и лубочныхъ картинъ (онѣ строже держатся оригинала, копируютъ по возможности буквально); но не обязанъ образованный художникъ буквально копировать грубоватость, неуклюжесть первоначальныхъ рисунковъ,—эти фигуры безъ округлости и свѣтотѣни, лица безъ жизни и выраженія, контуры членовъ и складки одеждъ безъ истины, безъ рельефности... Какъ хорошій музыкантъ, нашедши гдѣ-нибудь въ старинномъ оби-

ходѣ древній выразительный мотивъ, но изложенный дубовато, чуть не на крюковыхъ нотахъ, перекладываетъ его на современную нотную систему, придѣлываетъ приличный аккомпаниментъ къ его мелодіи, и тѣмъ воскрешаетъ и оживляетъ спавшее музыкальное зерно, — и оно развертывается въ невиданной красотѣ, съ новымъ благоуханіемъ: такъ художникъ-живописецъ, заимствуя сюжетъ изъ древней композиціи, можетъ и долженъ облечь данную тему всѣмъ богатствомъ свѣтотѣни, колорита, истины и красоты, какое даетъ ему современное состояніе техники искусства. Зачѣмъ я стану писать лицо цвѣта темной охры, когда могу придать ему естественную бѣлизну и румянецъ, или—тонкія икры и сухія руки у Младенца, когда это неправда? На одной иконѣ Предвѣчный Младенецъ обнимаетъ выю Своей Пречистой Матери, а другую руку положилъ на грудь; но рука обнимающая^(и) сдѣлана столь длинна, что, обвившись около шеи, выходитъ еще цѣлою кистью подъ ухомъ. Такую ошибку, очевидно, не слѣдуетъ копировать. Можетъ быть на это скажутъ: икона чудотворная. Чудеса Божіей благодати не имѣютъ ничего общаго съ искусствомъ иконописца или неискусствомъ. Неграмотные рыбаки покорили вселенную силою слова, но Василій Великій и Златоустъ изъ-за этого не бросили изученіе діалектики и литературную обработку своихъ твореній.

(и) Къ слову: на иконѣ *Троеручицы* пишутъ у Богородицы три руки естественныхъ. Неестественно; несправедливо, безобразно. Третья рука должна быть написана металлическая, серебряная, висающая на цѣпочкѣ у иконы. Акую руку привѣсилъ къ иконѣ св. Іоаннъ Дамаскинъ въ память чудеснаго исцѣленія своею неправедно отсѣченной руки, по обычаю, ведшемуся еще отъ глубокой древности. Подлинникъ находится въ Хиландарской обители св. Саввы, и при брошюрѣ *Описаніе Хил. Лавры* приложено литографическій снимокъ съ этой иконы. Краткая исторія Хиландарской Лавры на св. горѣ Аѳонской. С. П. Б. 1862.

Предтеча.

Вовсѣ времена, у всѣхъ народовъ, при всевозможныхъ религіяхъ, находились возвышенныя души, которыя, не удовлетворяясь существующею, такъ сказать, общенародною формою богопочтенія, порывались служить Верховному Существо способомъ болѣе возвышеннымъ, болѣе строгимъ, чѣмъ обыкновенные смертные. Не говоря о древнихъ гимнософистахъ и современныхъ факирахъ Индіи, укажемъ на религіи наиболѣе чувственныя: древне-греческую и мусульманскую: — и тамъ есть проблески, порывы своего рода подвижничества: стоики, пифагорейская школа, дервиши.... Видно корни аскетизма (что ни говорятъ) лежать въ глубинѣ человѣческой природы, въ сокровенныхъ тайникахъ человѣческаго духа! Но само собою понятно, что внѣ истинной религіи этотъ аскетизмъ представляетъ явленіе болѣе или менѣе уродливое.

Св. пророкъ Илія, пророкъ ветхозавѣтный и св. Іоаннъ креститель, стоящій на рубежѣ ветхаго и новаго завѣтовъ, два совершенныхъ образца этого направленія человѣческаго духа, которымъ стремились и стремятся подражать подвижники ветхаго (Ессеи) и новаго завѣтовъ. Здѣсь мы займемся Предтечею. Высокими похвалами удостоилъ его Спаситель. «На что смотрите идете вы въ пустынные окрестности Іордана? На тростникъ качаемый вѣтромъ? Или на богато одѣтаго человѣка? Такихъ много при царскихъ дворахъ. Или на пророка? Да! этотъ человѣкъ выше пророка! онъ выше всѣхъ рожденныхъ женами! Какъ великій свѣтильникъ, онъ горитъ и свѣтитъ далеко вокругъ!» ⁽¹⁾ Лук. 7, 24—28; Иоан. 4, 35.

(1) Около времени І. Христа, у Іудеевъ былъ обычай въ праздникъ пасхи по вечерамъ зажигать на дворѣ храма большіе свѣтильники. По возвышенному положенію святилища, яркій свѣтъ ихъ видѣнъ былъ изъ дальнихъ частей св. града. Можетъ быть съ этими свѣтильниками Господь сравниваетъ предтечу. Даютъ

Какъ образецъ суроваго подвижничества, отчужденія всѣхъ удобствъ жизни ради Бога, и простоты, представляетъ его церковь. «Онъ живяше въ пустыни безводнѣй и безтравнѣй, никогда же піяше вина, ни иного питія мірскаго; ни въ храмѣхъ живяше, но подъ камнемъ вкопався; столъ, и трапеза, и одръ ему бѣше земля; развѣ нужды естественныя единою днемъ вкушаше акриды и медъ дивій; чаша же ему пригорщи бѣше, а питіе изъ камене текущая вода». (Уставъ. Августа 29 числа.)

Исходя изъ этого представленія, церковная живопись изображаетъ его такъ: вы видите его исхудалаго отъ поста, обозженнаго южнымъ солнцемъ, одѣтаго какъ послѣдній изъ нищихъ. Вы слышите его рѣчь пламенную, странную, неумолимую, падающую какъ сѣкира острая на всѣ встрѣчаемыя имъ неправды. Ничто не останавливаетъ его. Онъ говоритъ правду всѣмъ. Душа его окрѣпла въ молчаніи предъ лицомъ единаго Господа. Въ христіанской иконографіи (объ уклоненіяхъ скажемъ послѣ) онъ является обыкновенно высокимъ, худощавымъ мужемъ среднихъ лѣтъ, въ одеждѣ изъ власовъ верблюжьихъ, узкой, короткой, обдерганной, почти безрукавной, подпоясанный грубымъ ремнемъ (у иныхъ живописцевъ съ блестящею стальною пряжкой!). Обыкновенно эта одежда пишется чѣмъ-то въ родѣ вывороченнаго полушубка. Не правдоподобнѣе ли было бы писать грубую суконную

и такое объясненіе: Передъ богатыми и знатными людьми, во вечерамъ, обыкновенно шли одинъ или нѣсколько служителей съ факелами, и освѣщали дорогу. Господь называетъ Іоанна такимъ факеломъ или факелоносцемъ. Такое объясненіе состоитъ въ близкой связи съ словами: *вотъ Я посылаю ангела (служителя, вѣстника) Моего предъ лицомъ Твоимъ.* (Лук. 7. 27.) Другіе служители шли впередъ и предупреждали, чтобы прохожіе убирались съ дороги. Это *гласъ вопіющаго: — уготовайте путь Господень* (Мар. 1. 3).

ткань въ родѣ нашего армяка? Простъ народѣ, бѣдняки на востокѣ, доселѣ носятъ одежду изъ верблюжьей шерсти, родъ кавказской бурки ^(к) *аба, бязь, аба*. Судя по такой безцеремонной простотѣ одѣянія намъ кажется излишне писать Іоанна въ епанчѣ и сандаляхъ. Даже Господь, позволивъ сандалии, вещь необходимую странствующему, запретилъ своимъ ученикамъ носить двѣ одежды (Мар. 6, 9); а Іоаннъ доволѣствовался только крайне необходимымъ ^(л).

Въ расположеніи волосъ на головѣ и бородѣ у него и у пророка Іліи замѣчается какая-то особенность. При всемъ неискusstвѣ иконописцы, видимо, стараются написать волосы всклокоченными, разтрепанными (*власы терхавы*) и тѣмъ выразить его полное пренебреженіе къ внѣшности во имя духа. Не баловаль себя этотъ чловѣкъ, не холилъ, да за то не спускалъ и сильнымъ земли, — ни синедріону, ни царямъ!

Нерѣдко онъ изображается крылатый, отчасти въ знакъ его равноангельскаго житія, отчасти какъ намекъ на слова пророчества: *се азъ пошлю ангела моего предъ лицемъ твоимъ*. (Лук. 8, 27. Мал. 3, 1.)

(к) См. это слово въ энцикл. Лексик. Плюшара. — Этой тканью покрываютъ вьюки съ товарами во время перевозки. Значитъ она на востокѣ тоже, что у насъ рогожа. Говорятъ, впрочемъ, что *одежда изъ волосъ верблюжьихъ* есть нѣчто въ родѣ войлока, который, свалаявшись на животномъ, состригается вдругъ, какъ руно съ мериносовъ, и по этому должна походить на вывороченный полушубокъ, — но доказательства не приводятъ, источниковъ не указываютъ.

(л) *Акриды* — саранча и *медъ дивій* — пчелиный дикій медъ — роскошь въ своемъ родѣ. Есть указанія, что оба эти продукта были гораздо неприхотливѣе, скуднѣе вышеписанныхъ кушаний: просто пустынные растенія въ родѣ солодкового корня (*агулюмеру*), или кислицы — щавеля (*ахрисъ*) — доселѣ расгущія въ пустынѣ сорокодневной. (Странникъ 1865 Март.) До такой крайности ограничилъ потребности плоти преемникъ Іліи и предшественникъ Мессіи.

Восточная живопись даетъ ему въ руки хартію или чашу или то и другое вмѣстѣ. Въ чашѣ пишется или его же мертвая голова, намекъ на его мученическую кончину, или младенецъ, на котораго онъ указываетъ перстомъ. Странно видѣть Крестителя, держащаго въ рукахъ свою голову. Что касается до младенца, кажется, напрасно окружаютъ голову его вѣнцомъ и надписываютъ О. Ѡ. Н. Прежде мы уже говорили о древнемъ обычаѣ вмѣсто надписи употреблять символы: мечъ и церковь въ рукахъ св. Николая значить *защитникъ Церкви*; черепъ подъ крестомъ—*лобное мѣсто*, голгова. Очень вѣроятно, что сосудъ съ младенцемъ въ рукахъ Предтечи значить просто: *Креститель*. Въ западныхъ изображеніяхъ въ рукахъ Іоанна видится крестообразный жезлъ съ ленточкой, или вѣрнѣе сказать бумажкой, на которой написано, гдѣ удастся: *esse Agnus Dei*. Такъ изображенъ Креститель и на знаменитой картинѣ Иванова: «Первое явленіе Христа народу.»

При постоянномъ стремленіи къ красотѣ (иногда въ ущербъ правдѣ), при полной свободѣ фантазіи (несвязанной преданіемъ), при всегдашнемъ исканіи новости и оригинальности, западные живописцы рисовали Предтечу во всевозможныхъ видахъ. У насъ очень распространены литографическія картинки, на которыхъ вы видите Предтечу въ видѣ полуобнаженнаго мальчика, обнимающаго шею барашка (картина Доменикино), или въ видѣ молоденькаго пастушка, сидящаго на развалинахъ какого-то храма и стерегущаго агнца, который пасется возлѣ него. Извѣстно, что VI вселенскій соборъ запретилъ подобныя изображенія.

Мы уже не разъ повторяли и еще повторимъ: время подобныхъ аллегорій и аналогій миновало; языкъ символовъ сталъ нынче малопонятенъ, и потому долженъ быть оставляемъ и картины подобнаго прикровеннаго содержанія надобно допускать съ большою осмотрительностію и послѣ строгаго, тща-

тельного выбора. Ошибка въ подборѣ аллегорическихъ фигуръ, небольшой промахъ, — и аллегорія превращается въ гротескъ. Изобразите прекрасный ландшафтъ; на переднемъ планѣ дерево; змѣя, скрываясь въ сучьяхъ, держитъ яблоко, а двѣ неосторожныя птицы подлетаютъ клевать его: притча выходитъ удовлетворительная; но, при той же обстановкѣ, напишите сатану, который, сидя подъ деревомъ, съ блюдечка кормитъ вишнями ручныхъ домашнихъ голубей — будетъ карриатура. На древнихъ памятникахъ встрѣчается изображеніе Сусанны въ видѣ агницы между волковъ — выразительная эмблема; но было бы смѣшно видѣть изображеніе Сусаны въ видѣ женщины, на которую нападаютъ два рогатыхъ козла... Здѣсь умѣстно извѣстное изреченіе: отъ высокаго до смѣшнаго одинъ шагъ. Аллегорическія картины, скрывающія Предвѣчное Слово подъ видомъ животнаго и возвышенное дѣло спасенія подъ образомъ дѣтской забавы, несовмѣстны съ достоинствомъ и величіемъ изображаемыхъ событий.

На иконѣ явленія Ангела Захаріи, отцу Предтечи, напрасно Захарія изображается съ нынѣшнимъ церковнымъ кадильцемъ. Кажденіе состояло въ томъ, что священникъ насыпалъ съ алтаря жертвеннаго углей въ большую кадильницу — жаровню, и, внесши во Святое, ставилъ на алтарь кадильный, воскурялъ съ молитвою оиміамъ и, преклоня главу имени Божію, удалялся (Исх. 30, 1—10; 34—47. Лев. 16, 12—13.). По этому *покадити* (Лук. 1, 9.) въ сирскомъ выражено точнѣе: *положить оиміамъ* ^(м). Въ рукахъ Захаріи должна быть курильница въ родѣ той, съ какою изображенъ Ааронъ въ св. Исторіи Базарова. Нынѣшнее кадило съ цѣпями явилось не ранѣ XII вѣка ^(н). Слѣдовательно также ошибочно

(м) Дух. Вещда 1860 г. № 26.

(н) Martigni — Encensoir.

писать кадило въ рукахъ Ап. Петра (на иконѣ Успенія), архидіакона Стефана и др. святыхъ ветхозавѣтной и первенствующей церкви. Другое дѣло *кацея*, ящикъ съ ладаномъ ^(о), видимый на многихъ старинныхъ иконахъ.

На иконѣ *рождества Предтечи* иногда пишутъ Захарію въ священническомъ церковномъ облаченіи, въ кидарѣ, съ нагрудникомъ и пр., иногда въ домашнемъ одѣяніи въ мантии и въ шапкѣ похожей на чалму. Последнее приличіе и правдоподобіе. Дѣйствіе не въ храмѣ, а въ частномъ жилищѣ (Лук. 1, 23. 39. 58), не въ Іерусалимѣ, а въ Іугѣ или Іетѣ, близъ пустыни Зифъ (Лук. 1, 80; Нав. 15, 27), гдѣ равноапостольная Елена, основываясь на свѣжемъ преданіи, построила монастырь (Видъ см. въ пут. А. Норова, ч. 1. стр. 324). Съ какой же стати одежда Аарона въ такой глуши? Вѣдь облаченіе только и употреблялось — что въ храмѣ, не надѣвалось даже въ синагогѣ, не то-что въ домашнемъ быту.

Усѣкновение. Рождество, усѣкновение, иногда и обрѣтеніе главы Предтечевой у иконописцевъ не рѣдко пишутся на фонѣ иконы Крестителя въ миниатюрномъ видѣ, безъ соображенія хронологическихъ промежутковъ и разстояній. Усѣкновение въ иконописи происходитъ на дворѣ темницы, обнесенномъ тыномъ изъ бревень; спекуляторъ только замахнулся мечомъ, а нетерпѣливая царевна уже стоитъ на крыльцѣ, въ дверяхъ, и ожидаетъ кроваваго дара. Крыльцо дворца, выходящее на дворъ темницы (о правдоподобіи пока не говоримъ), напоминаетъ зрителю судьбу этихъ миниатюрныхъ цариковъ, креатуръ Рима, въ родѣ Ирода Агриппы, которые подлымъ искательствомъ у сенаторовъ и отпущениковъ цезаря, съ великимъ трудомъ и несмѣтными издержками, приоб-

(о) Брошюра: Великій постъ въ Іерусалимѣ. М. 1867 г. изданіе редакціи Душеп. Чтенія.

рѣтали крошечную, мишурную корону и, насладившись кратковременнымъ упоеніемъ ефемерной власти, кончали карьеру гдѣ-нибудь въ глухомъ углу Галліи или въ туманной Британіи, въ голодной ссылкѣ. Живописцы представляютъ дѣйствіе, ближе къ тексту Евангелія, въ самой темницѣ (Мѣ. 14, 10). Сырая, мрачная тюрьма вѣетъ могильнымъ склепомъ; суровый старый палачъ съ мечемъ, еще дымящимся отъ крови казненнаго праведника, подаетъ мертвую голову сіяющей красотой и молодостію дѣвицы въ античномъ костюмѣ танцовщицы; а за нею уходитъ вверхъ лѣстница, вся залитая свѣтомъ сверху; тамъ освѣщеніе, оттуда долетаютъ звуки музыки, веселый смѣхъ гостей, аромать куреній... а здѣсь мракъ, поросшіе мохомъ камни, ржавыя цѣпи, запахъ плѣсени и свѣжей крови... эта сіяющая дѣвица, этотъ мрачный палачъ, и между ними голова и трупъ величайшаго изъ пророковъ, погибшаго безъ суда, безъ славы, въ глухой тюрьмѣ, по капризу злобной женщины.... «Прощай моя безмолвная пустыня! Прощайте тихіе берега и быстрыя волны Іордана, и Ты, желанный Женихъ дочери Сіоновой! Тебѣ *подобаетъ расти, мнѣ же малитися! Радость моя исполнися!*» (Іоан. 3, 29. 30.). Сколько великолѣпныхъ контрастовъ! Потрясающій эффектъ! Къ сожалѣнію ради этого надо забыть, что дѣвица не приходила въ темницу, а ей принесли (Мѣ. 14, 11) въ ея комнату такой гостинецъ; забыть, что уже близко очень зала пировъ отъ тюрьмы, — всего черезъ лѣстницу, какъ во дворцѣ Венеціанскаго Дожа. Шнорръ еще больше удаляется отъ правдоподобія. Справа, въ уровень съ поломъ темницы рѣшетчатое окно, въ которое заглядываютъ какія-то лица — вѣроятно ученики Іоанновы, пришедшіе унести останки Предтечи (а о казни заранѣе неизвѣстно было никому — она опредѣлена мгновенно въ продолженіе пирушки). Вверху изъ пиршественной залы въ тем-

ницу полукруглыя окна (вѣроятно для лучшей вентиляціи той и другой), — въ нихъ виднѣются гости и пирующій царь съ фіаломъ въ рукѣ. Зачѣмъ эти окна? По расположенію этажей выходитъ темница двухъэтажная сквозная зала: къ чему такая вышина? А зала пира, гдѣ-то въ антресоляхъ, низменная комната, съ окошками на полу—къ тюремѣ, чтобы возлежащіе освѣжали свою веселость и свою грудь видомъ этого погребя и воздухомъ каземата! Нѣмецъ перемудрилъ! Нельзя ли бы написать такъ: — тюрьма. Справа воинъ съ факеломъ и тарелкою, слѣва другой съ мечемъ и головою; по срединѣ трупъ. Надъ нимъ широкое рѣшетчатое окно, сквозь которое виднѣется черезъ садъ веселая пирушка на ярко освѣщенной террасѣ дворца. Кромѣ истины тутъ художникамъ представляется случай блеснуть огненнымъ освѣщеніемъ и туманною картиною отдаленнаго пира.

Обрътеніе главы Предтечи. Глава изображается обыкновенно въ золотомъ сосудѣ. Служба на этотъ день (24 фев.) говоритъ о скудельномъ, а не о золотомъ. Вѣроятно изъ какого нибудь апокрифическаго сказанія заимствована на иныхъ иконахъ воскресенія Христова слѣдующая сцена: щель въ родѣ колодца, на краю которой Іоаннъ Креститель, съ бумагою въ рукѣ, говоритъ выглядывающимъ оттуда душамъ вѣсть воскресенія. Іоаннъ проповѣдалъ *сущимъ во адѣ Бога явльшася плотію*, но не воскресшаго.

Наконецъ еще замѣтка съ технической стороны: если гдѣ, то на иконѣ Предтечи какъ-то особенно неумѣстны—яркій колоритъ, живые цвѣта. Все (исключая развѣ пейзажъ) должно быть сухо, бѣдно, тоще, сурово. Худое лице, необрунные волосы, грязнобурные лохмотья, сухія, голыя, загорѣлыя руки и ноги, каменистая обнаженная почва, накаленная солнцемъ. Забудьте на время всю калейдоскопическую игру колеровъ, фейерверки и бенгалики яркаго, радужнаго колорита. Живые

колера, сочная кисть, внѣшняя красота фигуры и стана, мягкія одежды, все земное изящество здѣсь не у мѣста. *Се иже мягкая посящѣи, въ домъхъ царскихъ суть.* (Матѳ. 10, 8).

Е в а н г е л и с т ы .

Изображенія Евангелистовъ являются не ранѣе V вѣка. Первоначальный образъ представленія былъ символическій, т. е. писались, сообразно видѣнію Іезекіиля (1 гл.) и Апокалипсису Іоанна Богослова (6, 6. 7.), только атрибуты евангелистовъ — четыре животныхъ. Мозаика въ церкви Галлы Плакидіи въ Равеннѣ и церкви св. Сатиры въ Миланѣ представляетъ древнѣйшія изображенія такихъ атрибутовъ^(п). Въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ (557) изображены уже сами евангелисты, сѣдящіе съ книгами и при нихъ символы: у Матѳея человѣкъ, у Марка левъ, у Луки телець (оба безъ крыльевъ), у Іоанна орелъ.^(р) Иногда головы символическихъ животныхъ окру-

(п) Снимки см. въ много-разъ упомянутомъ сочиненіи г. Буслаева, и у Мартини.

(р) Знаменованіе символическихъ животныхъ разсматриваютъ различно: или по отношенію къ Спасителю, или по отношенію къ Евангелистамъ. По отношенію къ Спасителю объясняютъ такъ: сошедъ съ небесъ, Онъ сталъ *человѣкомъ*; какъ *телець*, былъ жертвою искупленія; какъ *левъ* поразилъ враговъ своихъ и, какъ *орелъ*, вознесся на небеса. По отношенію къ писателямъ объясняютъ такъ: при Матѳеѣ пишется *человѣкъ*, потому что Матѳеѣй, писавшій для Евреевъ, преимущественно занялся *человѣческою* генеалогіею Мессіи, указывая Его происхожденіе отъ Давида и Авраама. Маркъ, словно рыкающій левъ, начинаетъ *гласомъ вопіющаго въ пустынь*, и изображаетъ преимущественно царственную силу Господа надъ стихіями и людьми, болѣзнями и демонами. Лука начинаетъ *разказомъ* о священникѣ Захаріи — символъ жречества жертвенный телець. Іоаннъ какъ орелъ воспарилъ къ солнцу и орлинымъ окомъ проникнулъ въ бездны Предвѣчнаго Бытія.

жены вѣнцами, иногда нѣтъ; иногда они крылаты, иногда нѣтъ, послѣднее рѣже. Сохранились два образчика очень странной композиціи: Евангелисты представлены въ обыкновенныхъ одеждахъ и положеніяхъ, но съ головами тѣхъ животныхъ, которыя служатъ имъ символами. Это что-то въ родѣ изображеній мученика Христофора.

Обыкновенно пишутся Матѳей, Іоаннъ старцами, а Маркъ и Лука среднихъ лѣтъ. Богословъ въ исторической обстановкѣ (Тайная вечеря, Распятіе, Положеніе во гробъ, Преображеніе) пишется юный, а какъ евангелистъ, пишется сѣдой, лысый, съ большою бѣлою бородою. Живописцы впрочемъ этого не наблюдаютъ, пишутъ его иногда въ качествѣ евангелиста, но съ небольшою бородкою, двадцати-тридцати лѣтъ возрастомъ^(с). По мѣсту, гдѣ находится изображеніе, еванге-

Въ видѣніяхъ Іезекииля и Іоанна Богослова подъ образами животныхъ представляются херувимы. Изображеніе тѣхъ же животныхъ при евангелистахъ, или на книгахъ Евангелія знаменуетъ благоговѣніе херувимовъ предъ святынею Евангелія, подобно тому какъ изображенія херувимовъ, поставленныя надъ ковчегомъ съ скрижалями Завета, свидѣтельствовали также о благоговѣніи ихъ къ этой ветхозавѣтной святынѣ. Это простое объясненіе не слѣдуетъ ли предпочесть другимъ, очевидно натянутымъ? *Ред.*

(с) У пишущаго есть барельефъ—медальонъ, на которомъ Богословъ изображенъ со свиткомъ, какъ Евангелистъ, но безбородый, съ великолѣпными локонами на плечахъ а на фонѣ виднѣтся урна, изъ которой поднимается змѣя. Какъ этотъ атрибутъ языческаго Эскулапа заползъ на икону Богослова, не понимаемъ. А вѣроятно барельефъ не личная фантазія литейщика, а копія съ какого нибудь извѣстнаго изваянія. Ужь если бы и можно придать урну и змѣю кому нибудь изъ евангелистовъ, то скорѣе Лукѣ, который былъ врачъ. Онъ же по преданію и живописецъ. Первый восковыми красками написалъ (ἐκ κερῶ ζωγραφῆσαι) иконы Богородицы и апостоловъ Петра и Павла. (См. Сказанія о вѣдшемъ видѣ св. мужей и женъ. Труды Кіев. Духов. Академіи. Январь.) Впрочемъ Мартиньи признаетъ его только врачомъ, на основаніи Писанія. (Колос. 4, 14).

листы пишутся съ различной обстановкой. Когда они пишутся въ парусахъ купола, то представляются на облакахъ; когда пишутся на стѣнахъ, изображаются всегда въ какихъ-то богатыхъ палатахъ, и тутъ какъ-то странно бросаются въ глаза ихъ атрибуты: на мраморномъ полу растянулся телець, подъ столомъ—левъ, какъ кошка; не лучше ли сдѣлать такъ: на стѣнѣ, за евангелистомъ, пусть виднѣется барельефъ съ тельцомъ, или на пьедесталѣ изваяніе льва. Пишущій видѣлъ на окладѣ евангелія гравированное чернью изображеніе Іоанна Богослова: на столѣ предъ нимъ сидитъ орелъ, и держитъ въ клювъ чернильницу на суркѣ или цѣпочкѣ; однако не безъ дѣла сидитъ! Но обыкновенно въ изображеніяхъ Богослова больше гармоніи: пустынная мѣстность, море и скалы, на скалахъ орелъ... Иногда вмѣсто избитаго пучка свѣта (который въ живописи означаетъ озареніе, просвѣщеніе свыше и является на каждой живописной иконѣ неизбѣжно) на иконѣ Богослова случается видѣть попытку написать что-то въ родѣ грозы. . . Это повидимому намекъ на преданіе о написаніи Евангелія, при чемъ былъ громъ и землетрясеніе, или указаніе на имя евангелиста: *сынъ грома*. Иногда онъ диктуетъ въ пенсерѣ Прохору, который въ этомъ случаѣ пишется молоденькимъ, какъ будто мальчикомъ, который занимается каллиграфіей подъ руководствомъ наставника. Излишне. Какое намъ дѣло, собственноручно или чрезъ секретаря писалъ сынъ громовъ? Все равно: отъ него вышелъ громовый манифестъ о предвѣчномъ рожденіи Слова.

Иконописцы представляютъ евангелистовъ въ богатыхъ креслахъ пишущими за столомъ по книгѣ, иногда при свѣтѣ свѣчи, гусинымъ перомъ. Свитокъ былъ употребительнѣе книги въ тѣ времена. Перо употреблялось тростниковое, а не гусиное; свѣчи употреблялись ли, неизвѣстно; во всеобщемъ употребленіи были лампы (*lucernae*). Впрочемъ свѣча рисуетъ

ся вѣроятно не только для занятія пустаго мѣста, а больше какъ намекъ на свѣтъ Евангелія: *Людіе съдѣици во тьмѣ видѣша свѣтъ велій* (Матѹ. 4, 16). *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12). *Вы есте свѣтъ міра: не можетъ градъ укрытися верху горы стоя, ниже вжигаютъ свѣтильника, и поставляютъ его подъ спудомъ, но на свѣщницу и свѣтитъ всмъ*, (Матѹ. 5, 14).

Св. царь Константинъ, передъ придѣломъ Креста въ Іерусалимѣ, гдѣ хранилось животворящее древо, повѣсилъ четыре паникадила *secundum numerum quatuor evangeliorum*. Такіе намеки обычны у первенствующихъ христіанъ и оттуда зашли они и въ искусство.

А П О С Т О Л Ы .

Самый древній способъ изображенія апостоловъ, по обыкновенію, былъ символическій. Они изображались подъ видомъ овецъ: *се азъ посылаю васъ яко овцы посреди волковъ* (Лук. 10, 3), въ видѣ голубей: *будите убо мудри яко змии и црли яко голубіе* (Мѹ. 10, 16), въ видѣ пальмъ, рыболововъ (Мѹ. 4, 19). Часто изображались они и въ человѣческомъ видѣ, но безъ отличительныхъ атрибутовъ, по которымъ бы можно было отличить ихъ одного отъ другаго. Только Петра можно узнать по ключамъ. Прочіе обыкновенно держатъ въ рукахъ свитки. Павелъ въ позднѣйшія времена сталъ писаться съ мечемъ, а потомъ и прочіе съ орудіями ихъ мученій или кончины. Тома пишется иногда съ наугольникомъ, — намекъ на то, что онъ явился къ индѣйскому царю въ качествѣ архитектора. Изображенія ихъ всѣхъ можно почитать условными. Только лики Петра и Павла имѣютъ вѣроятно основаніемъ нѣкоторое портретное сходство. Они

на всѣхъ памятникахъ изображаются одинаково: одинъ съ короткою, круглою бородою, другой съ длинною. Нѣкоторые христіанскіе памятники, на которыхъ они изображены, по времени восходятъ почти къ годамъ ихъ блаженной кончины, такъ что художники работали ихъ лики можетъ-быть со словъ свѣжаго преданія, если не вовсе съ показаній очевидцевъ. Въ 160 г. по Р. Х. въ Римѣ былъ у нѣкоей жены образъ апостола Павла, а въ это время былъ еще въ живыхъ св. Поликарпъ, ученикъ св. Іоанна Богослова и учитель Иринея, которому и обязаны мы этимъ свѣдѣніемъ. Притомъ и описаніе Никифора Каллиста, составленное по источникамъ, хранившимся въ константинопольской библіотекѣ, удивительно согласуется со всѣми художественными изображеніями первопрестольниковъ. Св. апостоль Петръ, по описанію Каллиста, былъ прямъ и высокъ ростомъ; волосы на головѣ и бородѣ густые, курчавые, недолгіе, лицо круглое, черты простонародныя (вульгарныя), брови — дугою, носъ долгій и къ концу расширенный. Св. апостоль Павелъ, напротивъ, былъ низокъ ростомъ, сутуловатъ, чело имѣлъ обнаженное, бороду долгую и прямую, лицо продолговатое, брови нависшія, носъ прямой и долгій, сложеніе слабое. Въ чертахъ и цвѣтѣ лица виднѣлось нѣкоторое благородство — деликатность (Martigni 536).

Что касается до изображенія прочихъ святыхъ, то они пишутся и должны писаться сообразно описаніямъ Подлинниковъ. Конечно, Подлинники составлены неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно по какимъ даннымъ, подъ вліяніемъ какихъ авторитетовъ; нерѣдко разногласяютъ между собою, содержатъ ошибки противъ исторіи, географіи, этнографіи; но за нихъ

авторитетъ давности; всё привыкли къ ихъ рисункамъ, освященнымъ преданіемъ, а главное — другихъ источниковъ нѣтъ, и потому надобно пользоваться тѣмъ, который есть, и въ томъ видѣ, каковъ онъ есть. Желательно было бы, чтобы кто-нибудь, знающій иконное дѣло, сдѣлалъ сводъ всѣхъ разнообразныхъ подлинниковъ, освѣтилъ историческою критикою и очистилъ ихъ отъ противорѣчій и издалъ сравнительный Подлинникъ для руководства и справокъ художникамъ-иконописцамъ. А то теперь, напримѣръ, пророка Даниила кто напишетъ юнымъ безбородымъ, кто — почтеннымъ старцемъ. Св. мученика Вонифатія иные пишутъ въ шлемѣ, эпанчѣ и бронѣ, иные просто въ хитонѣ; Соломона то въ далматикѣ, то въ туникѣ по колѣна и мантии. «Кто старикомъ изображаетъ св. Тихона, кто молодымъ, кто толстымъ, а иной — испостившимся, — и разнообразіе идетъ въ безконечность^(т)». Въ атрибутахъ тоже разнообразіе безконечное: св. Великомученица Варвара иногда въ коронѣ, иногда съ открытою головою; въ рукахъ то мечъ, то хартія, то чаша, то крестъ, то пальма, — столпотвореніе Вавилонское, смѣшеніе языковъ! Г. Буслаевъ рекомендуетъ два изъ Подлинниковъ: Строгоновскій самый полный сборникъ — сводъ изъ всѣхъ, со всѣми ихъ разнорѣчіями и противорѣчіями, и Долотовскій критическій выборъ XVIII вѣка. Но гдѣ ихъ взять сельскому и даже городскому иконописцу? Поневоля приходится руководиться указаніями перваго попавшаго подъ руку списка. Святцы г. А. Солнцева были бы хорошимъ пособіемъ для иконописца, но они къ несчастію еще не по средствамъ нашимъ скуднымъ артистамъ, да и Богъ одинъ знаетъ, выдутъ ли они когда сполна, или останутся на полудорогѣ, какъ и

(т) «Замѣтки объ иконахъ, распространенныхъ между нашимъ простымъ народомъ». Духъ христіанина, февраль 1863—64.

многія другія хорошія предпріятія. Пока печатаются мета-хроматическіе Святцы, не худо бы издать ихъ же посредствомъ хоть литографіи для руководства иконописцевъ ^(у). Можно съ увѣренностію сказать, что они сдѣлались бы настольною книгою для всякаго иконописца, который любитъ и уважаетъ свое искусство. Будемъ ждать и надѣяться.

Свщ. В. Владимірскій.

(у) Да не подумаетъ читатель, что мы хотимъ сковать свободу творчества Подлинниками, Святцами, заставляя изображать *по писанному*. Мы не то хотимъ сказать. Художнику развитому, образованному, съ природнымъ вкусомъ и даромъ творчества, эти руководства послужатъ только пособіемъ, справочною книгой, не связывая крыльевъ свободной фантазіи. Варьируй сколько угодно, только знай границы! А нашимъ смиреннымъ артистамъ, которые художествуютъ въ глуши уѣздныхъ городовъ, признаться, и лучше было бы, еслибы они, не распуская паруса воображенія, смиренно держались береговъ—копировали бы съ хорошихъ образцовъ. Главное: меньше ошибокъ! А если сдѣлаешь, то вина оригинала, съ котораго писано, а копировщикъ въ сторонѣ.

ИЗЪЯСНЕНІЕ ЦЕРКОВНОЙ ПѢСНИ.

„Вознесена Ты видѣвши церковь на крестѣ, Солнце праведное, ставъ чинѣ своемъ, достойно взывающи: слава силѣ Твоей Господи.“
(Ирмосъ 4-й пѣсни канона, на гласъ 4.)

Не много словъ въ сей священной пѣсни, а смыслъ ея далеко не многимъ изъ людей понятенъ. Причина сей непонятности заключается частію въ церковно-славянскоѣ разстановкѣ словъ, спутывающей не довольно внимательныхъ, частію въ образныхъ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, недосызаемыхъ для недовольно просвѣщенныхъ ^(а)

Чтобы яснѣ видѣть, о чемъ въ разсматриваемой нами пѣсни говорится и какъ слова въ ней одно къ другому относятся,

(а) Въ сей священной пѣсни разнородныя понятія: церковь и солнце стоятъ почти рядомъ и такое близкое ихъ сочетаніе, по собственному нашему наблюденію, весьма многихъ, не хотящихъ или не могущихъ, какъ слѣдуетъ, вникнуть въ содержаніе пѣсни, спутываетъ въ ея пониманіи. «О чемъ говорится въ сей пѣсни?» неравъ приходилось намъ спрашивать подобнаго рода людей. «Говорится,» отвѣчали они, «о солнцѣ, что оно остановилось въ своемъ дѣйствиіи, то-есть затмилось въ то время, какъ Господь Иисусъ Христосъ былъ распятъ на крестѣ.» — Конечно, они указываютъ на событіе, дѣйствительно производившее во время распятія Господа (Матѣ. 27, 45); но не о томъ рѣчь въ разсматриваемомъ ирмосѣ. Многихъ также спутываетъ въ пониманіи пѣсни слово: «на крестѣ», стоящее въ ней рядомъ съ понятіемъ: «церковь»; имъ кажется непонятнымъ: какъ такъ церковь на крестѣ? По ихъ разуму слѣдовало бы сказать: крестъ на церкви.

считаемъ нужнымъ прежде всего разставить ихъ въ порядкѣ Русскаго языка такимъ образомъ: «Церковь, видѣвши Тя, Солнце праведное, вознесена на крестѣ, ста въ чинѣ своемъ, достойно зывающи: слава силѣ Твоей, Госноди.»—Итакъ въ сей пѣсни говорится не о солнцѣ, какъ ошибочно думаютъ пѣкаторые, а о церкви, говорится, что она, «видѣвъ Господа Иисуса Христа, Который былъ и есть Солнце праведное, вознесеннымъ на крестѣ, ста въ чинѣ своемъ, достойно зывая: слава силѣ Твоей, Госноди.»—Въ семъ порядкѣ мы и будемъ изъяснять пѣснь.

Церковь. Что надобно разумѣть здѣсь подѣ именемъ церкви? Очевидно, не зданіе молитвенное, не храмъ,—ибо церкви приписывается въ пѣсни видѣніе Господа, вознесеннаго на крестѣ, — а церковь, какъ общество вѣрующихъ въ Господа Иисуса Христа, Спасителя человѣковъ. Это та самая церковь, которую создать обѣтоваль Онъ избраннымъ Своимъ ученикамъ на камени ихъ вѣры въ Его Божественное достоинство (Матѣ. 16, 18), и которую дѣйствительно создалъ Онъ, основаль и водрузилъ Своими крестными страданіями и смертію (Дѣян. 20, 28). Это та самая церковь, которую потомъ избранные ученики Господа, по славномъ Его вознесеніи, облеченные силою свыше (Лук. 24, 49. Дѣян. 2, 4), согласно съ Его Божественнымъ повелѣніемъ (Матѣ. 28, 18—20), «наченше отъ Іерусалима» (Лук. 24, 47), распространили и разширили по всей вселенной (Марк. 16, 20. Колос. 1, 5—6), изъ вѣрующихъ въ разныхъ мѣстахъ составивъ отдѣльныя общества или церкви, которымъ вполнѣ передали письменно и устно Богопреданныя имъ ученіе и таинства вѣры (2 Солув. 2, 15. 1 Кор. 14, 40) и, для храненія сихъ сокровищъ вѣры, поставили пастырей и учителей (Дѣян. 14, 23; 20, 28), обязавъ тѣхъ изъ нихъ, которые, облечены епископскою властію, передавать, чрезъ таинственное

рукоположеніе, власть учить и священнодѣйствовать и инымъ достойно избраннымъ лицамъ (1 Тим. 5, 22; 2 Тим. 2, 2. Тит. 1, 5). Эта единая, святая соборная и Апостольская церковь непрерывно со времени основанія, по обѣтованію Господа, должна пребывать на землѣ и пребудетъ неодолимо никакими ухищреніями ада (Мате. 16, 18) до самой кончины вѣка (Мате. 28, 20. 1 Кор. 11, 26)

Видѣвши Тя. Яснѣе по русски: увидѣвъ Тебя, или: послѣ того какъ увидѣла Тебя. Первые члены церкви, бывшіе современниками земной жизни Основателя ея, могли видѣть Его въ разныхъ положеніяхъ чувственными очами; но для позднѣйшихъ членовъ церкви доступно созерцаніе Его только очами вѣры, которое впрочемъ блаженнѣе чувствнаго видѣнія, по слову нашего Христа Спасителя, сказанному Ап. Ѳомѣ: «блажени не видѣвши, и вѣровавшіе» (Іоан. 20, 29). О видѣніи въ такомъ же смыслѣ говорится и въ другихъ церковныхъ пѣсняхъ. Такъ въ воскресную всенощную службу, по прочтеніи священникомъ святаго Евангелія объ одномъ изъ явленій воскресшаго Господа, клиръ поетъ: «Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу.» Ясное дѣло, слово: «видѣвше» надобно понимать не въ чувственномъ, а въ духовномъ смыслѣ; «видѣше» именно въ только что прочтенномъ святомъ Евангеліи, которое выносятся за тѣмъ на средину храма для поклоненія предстоящихъ, для поклоненія какъ бы къ видимому Самому воскресшему Господу Іисусу.

Солнце праведное. Господь Іисусъ Христосъ, Котораго св. церковь увидѣла вознесеннымъ на крестѣ, называется въ пѣсни «солнцемъ праведнымъ.» Наименованіе это взято изъ 2 стиха 4-й главы пророка Малахіи. «И взойдетъ для васъ,»—говоритъ пророкъ отъ лица Божія, —«боящіеся имени Моего, солнце правды.»—Это солнце прав-

ды и явилось на землѣ въ лицѣ воплотившагося насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія, Единороднаго Сына Божія, Господа Іисуса Христа. Наименованіе Его Солнцемъ правды можетъ означать солнце *истинное*, какъ и именуется Господь Іисусъ Христосъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ церковныхъ, — напримѣръ: «пришелъ еси истинное Солнце на западъ, къ ногамъ Іуды приклонився» (въ книгѣ: «акаѳистъ Божеств. страстемъ Христовымъ» на стиховнѣ стихира). Воплотившійся нашего ради спасенія, Единородный Сынъ Божій, явившись на земли для просвѣщенія омраченнаго грѣхомъ человѣчества, дѣйствовалъ не заимствованнымъ свѣтомъ, каковымъ дѣйствовали ветхозавѣтные пророки и довершившій рядъ ихъ святой Предтеча, — каковымъ дѣйствовали послѣ святыя Апостолы, а Своимъ собственнымъ, ниоткуда не занятымъ свѣтомъ. «Не бѣ той Свѣтъ,» — говоритъ святой Евангелистъ Іоаннъ Богословъ объ Іоаннѣ Крестителѣ, — «но да свидѣтельствуеть о Свѣтѣ. Бѣ Свѣтъ истинный, Иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ» (1, 8. 9.). Какъ предвѣчное Слово, какъ истинный Богъ, Онъ отъ вѣчности былъ самобытный Свѣтъ, отъ вѣчности Источникъ свѣта для другихъ: въ семь разумѣ и можно прилагать къ Нему наименованіе «Солнца правды» т.-е. Солнца истинности, Солнца независимаго, самосущаго.»

Но примѣнительно къ контексту рѣчи пророка Малахіи, гдѣ Господь Іисусъ Христосъ именуется Солнцемъ правды, слово: «правды» или «праведное» собственно надобно относить къ правосудію, и Солнцемъ правды Господь Іисусъ въ такомъ случаѣ называется потому, что Его правосудіе соединено съ всевѣдѣніемъ, предъ которымъ, какъ при дневномъ свѣтѣ солнца, *вся нага и объявлена* (Евр. 4, 13.), отъ котораго не укроется ни одно темное дѣло и даже сокровенная нечестивая мысль (1 Кор. 4, 5). При такомъ соединеніи въ лицѣ Хри-

ста всевѣдѣнія съ правосудіемъ, каждому воздано будетъ по дѣламъ и праведные строго будутъ отличены отъ нечестивыхъ, о чемъ именно и идетъ рѣчь у пророка Малахіи. Приведши возраженіе Іудеевъ, будто бесполезно служить Богу и никакой нѣтъ выгоды отъ храненія Его заповѣдей, такъ какъ, по ихъ наблюденію, «живущіе беззаконно благоденствуютъ и, тогда какъ искушаютъ Бога, остаются невредимы,»—пророкъ на это возраженіе отвѣчаетъ: «но въ то же время боящіеся Іеговы говорятъ другъ другу: Іегова вникаетъ и слышитъ, и пишется книга памятная предъ лицемъ Его о боящихся Іеговы и чтущихъ имя Его. И будутъ они, говоритъ Іегова воинствъ, Моими въ тотъ день, въ который Я сотворю мою собственность; и Я буду беречь ихъ, какъ человекъ бережетъ сына своего, почтительнаго къ себѣ. И обратитесь, и увидите различіе между праведникомъ и нечестивымъ, между служащимъ Богу и неслужащимъ Ему. Ибо вотъ идетъ день, пылающій, какъ печь; тогда всѣ гордецы и всѣ, дѣлающіе беззаконіе, будутъ соломой, и попалить ихъ, говоритъ Іегова воинствъ, день оный грядущій, который не оставитъ у нихъ ни корня, ни вѣтвей. И взоидетъ для васъ, боящіеся имени Моего, Солнце правды, и подъ крыльями Его исцѣленіе; и выйдете и будете прыгать какъ откормленные тельцы. И будете попирать беззаконныхъ, ибо они будутъ пепломъ подъ ногами вашими, въ тотъ день, который Я сотворю, говоритъ Іегова воинствъ» (—3, 14—18; 4, 1—3). Подобными чертами избражалъ правосудіе грядущаго Мессіи святой Іоаннъ Предтеча. «Уже бо и сѣкира при корени древа лежитъ, — говорилъ Онъ надмѣвавшимся своимъ происхожденіемъ отъ Авраама Фарисеямъ и Саддукеямъ, но не творившимъ дѣлъ Авраама, — всяко убо древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаемо бываетъ, и во огонь вметаемо... Емуже (то

есть у грядущаго Мессіи) лопата въ руцѣ Его, и отребить гумно свое, и собереть пшеницу свою въ житницу, плевъ же сожжетъ огнемъ негасающимъ» (Мѡ. 3, 10. 12). Явившись на земли, для спасенія падшаго во глубину золь челоуѣчества, не имѣвшаго возможности собственными силами возстать, Богочелоуѣкъ Господь Іисусъ Христосъ воспринялъ на Себя всѣ грѣхи всѣхъ временъ челоуѣчества и, какъ Любитель правды (Пс. 10, 7), первоначально осудилъ ихъ въ Самомъ Себѣ, положивъ за нихъ душу Свою на крестѣ (Іоан. 10, 17. 18), а потомъ воспринялъ, по своей челоуѣческой природѣ, отъ Отца своего небеснаго судъ надъ челоуѣчествомъ (Іоан. 5, 22), и такъ какъ Онъ, содѣлавшись челоуѣкомъ, въ то же время не переставалъ быть Богомъ, — то судъ Его надъ людьми, какъ судъ Бога всевѣдущаго (1 Іоан. 3, 20), всемогущаго (Псал. 32, 9; Лук. 1, 37), неизмѣняемаго (Іак. 1, 17), Ревнителя правды (Второз. 4, 24. Евр. 12, 29), содѣлался судомъ праведнымъ, строго различающимъ праведныхъ отъ нечестивыхъ. «Грядетъ часъ, говоритъ Онъ іудеямъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія. И изыдутъ сотворшіи благая, въ воскрешеніе живота, а сотворшіи злая, въ воскрешеніе суда. Не могу Азъ о себѣ творити ниче-соже. Якоже слышу, сужду, и судъ Мой праведенъ есть, яко не ищу воли моя, но воли пославшаго Мя Отца» (Іоан. 5, 28—30). — «Иже», — говоритъ о Господѣ Іисусѣ Христѣ свя-тый апостолъ Павелъ, — «воздастъ коемуждо по дѣломъ Его. Овымъ убо по терпѣнію дѣла благаго, славы и чести и нетлѣнія ищущимъ (то-есть тѣмъ, которые постоянствомъ въ добромъ дѣлѣ ищутъ славы, чести и безсмертія, воздастъ) животъ вѣчный. А иже по рвенію противляются убо истинѣ, повинуются же неправдѣ (такимъ людямъ воздастъ) ярость и гнѣвъ» (Римл. 2, 6—8). Поистинѣ, — скажемъ словами

святаго пророка Исаи, — «препоясаніемъ чреслъ Его, то есть воплотившагося Господа Іисуса Христа содѣлалась правда и препоясаніемъ бедръ—Его истина» (11, 5).

Вознесена на крестъ. Выраженіе взятое отъ ветхозавѣтнаго прообраза повѣшеннаго на древо Моисеемъ мѣднаго змія (Числ. 21, 8 и сл.) и неоднократно употребленное самимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, отъ Котораго перешло и въ церковную пѣснь. «Якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, говорилъ Господь Іисусъ Христосъ, тако подобаетъ вознестися Сыну человѣческому, да всякъ вѣруй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный.... Егда вознесете Сына человѣческаго, тогда уразумѣете, яко Азь есмь, и о себѣ ничесоже творю, но, якоже научи мя Отець мой, сія глаголю.... Аще Азь вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ себѣ. Сіе же глаголаше (по замѣчанію евангелиста), назнаменуя: кою смертію хотяше умерети» (Іоан. 3, 14. 15; 8, 28; 12, 32. 33).

Для чего Господь Іисусъ Христосъ, когда предрекалъ Іудеямъ о своемъ распятіи на крестѣ, указывалъ имъ на ветхозавѣтный прообразъ змія? Святой Іоаннъ Златоустъ такъ отвѣчаетъ на сей вопросъ: «для того во первыхъ, дабы они уразумѣли, что ветхозавѣтное имѣетъ сродство съ новозавѣтнымъ, а не чуждо одно другому; во вторыхъ, дабы ты позналъ, что Онъ не по неволѣ шель на страданіе; наконецъ, дабы научить тебя, что и для Него отъ сихъ страданій не происходитъ какой либо вредъ, а рождается спасеніе многихъ. Дабы кто не сказалъ: какъ возможно спастись увѣровавшимъ въ Распятаго, когда Онъ и Самъ одержимъ былъ смертію? потому Онъ и ведетъ насъ къ ветхозавѣтному событію. Ибо, если на мѣдное изображеніе змія Іудеи взирая, спасались отъ смерти: тѣмъ болѣе вѣрующіе въ Распятаго несомнѣнно получаютъ, и притомъ гораздо большее благодѣяніе. Ибо это

совершается не по безсилію Распинаемаго и не потому, что Его одолѣли Іудеи, но поелику Богъ возлюбилъ міръ, — вотъ почему одушевленный храмъ Его распинается, да всякъ вѣрующій въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный» (изъ 27 бесѣды на еванг. Іоанна).

Ста въ чинѣ своемъ. Чтобы узнать истинный смыслъ сего неудобопонятнаго выраженія, обратимся къ древней пѣсни святаго пророка Аввакума, по образцу которой составлены ирмосы четвертыхъ пѣсней канона. Въ пѣсни пророка содержащейся въ 3-й главѣ находимъ то же самое выраженіе; — «ста въ чинѣ своемъ». Такъ, изчисляя и прославляя различныя чудныя и славныя дѣянія, совершенныя Господомъ для Его избраннаго народа—Іудеевъ со времени изшествія ихъ изъ Египта, пророкъ доходитъ до чудеснаго остановленія солнца и луны при Іисусѣ Навинѣ (кн. Ис. Нав. 10, 13), и это чудесное событіе такъ изображаетъ: «воздвижеса солнце и луна ста въ чинѣ своемъ» (—ст. 11), по русскому переводу: «солнце, луна остановились въ селеніи своемъ»; по книгѣ Іисуса Навина: «и ста солнце и луна въ стояніи». Сказанное у пророка о солнцѣ и лунѣ церковный пѣснописецъ примѣняетъ къ церкви, конечно, потому, что видитъ нѣкоторое прообразовательное сходство ветхозавѣтнаго событія, бывшаго при Іисусѣ Навинѣ, съ положеніемъ новозавѣтной церкви. Ветхозавѣтное событіе происходило такъ: Іисусъ Навинъ, вождь израильскій, выступаетъ противъ пяти Ханаанскихъ царей, начавшихъ воевать съ Гаваонитянами, союзниками Израильскими, и поражаетъ ихъ. Такъ какъ день преклонялся къ вечеру, то, чтобы довершить славную побѣду, онъ простираетъ руки свои, вопія къ Богу о помощи, и останавливаетъ дѣйствіемъ силы Божіей солнце и луну въ ихъ теченіи. «Солнце остановись надъ Гаваономъ и луна надъ долиною Аіалонскою. И остановилось

солнце и луна стояла, доколѣ народъ мстиль врагамъ своимъ (Ис. Нав. 10, 12—13. Слич. Сирах. 46, 3—6). Такъ солнце и луна, покорившись велѣнію Іисуса, останавливаются въ своемъ теченіи, и бездѣйственнымъ своимъ положеніемъ, простиравшимся до тѣхъ поръ, пока онъ совершенно не поразилъ враговъ, обнаружили въ себѣ какъ бы благоговѣйное удивленіе и почтеніе къ славной его побѣдѣ. Всѣ эти обстоятельства ветхозавѣтнаго событія удобно примѣняются къ Господу Іисусу Христу и Его церкви, обществу вѣрующихъ въ Него. Господь Іисусъ Христосъ, вождь истиннаго Израиля, показующій ему путь въ небесное отечество (Іоан. 14, 6. Рим. 9, 6—8), является на землю, для пораженія исконнаго врага его, сатаны съ клеветами. Вся жизнь Господа Іисуса была рядомъ непрерывныхъ подвиговъ противъ сихъ враговъ нашего спасенія, но для довершенія славной своей побѣды надъ ними Онъ наконецъ простираетъ руки Свои на крестъ, страдаетъ и умираетъ и тѣмъ полагаетъ конецъ царству грѣховной, сатанинской тьмы, чего знаменіемъ служило помраченіе свѣтилъ небесныхъ (Мѡ. 27, 45), и полагаетъ крѣпкое, неокрушимое основаніе царству свѣта, Церкви своей святой. Увидѣвъ, коль высокою цѣною, именно крестными страданіями и смертію ея духовнаго Свѣта, Господа Іисуса Христа пріобрѣтено для вѣрующихъ въ Него славное искупленіе и спасеніе (1 Петр. 1, 18. 19), святая Христова церковь пришла въ духовный восторгъ, въ состояніе благоговѣйнаго удивленія и почтенія къ столь высокой за нее принесенной жертвѣ, въ состояніе, намекомъ на которое служили солнце и луна при побѣдѣ Іисуса Навина, и какъ тѣ не измѣняли своего положенія до тѣхъ поръ, пока Іисусомъ не была совершенно и окончательно одержана надъ врагами побѣда: такъ и святая Христова церковь пребудетъ въ состояніи благоговѣй-

наго удивленія и почтенія къ высокой побѣдѣ Господа Иисуса Христа надъ врагами спасенія во все время пребыванія своего на земли, пока подъ ногами Господа не испразднится самый послѣдній, порожденный грѣхомъ, врагъ—смерть (1 Кор. 15, 25. 26.; Рим. 6, 23). Что побѣда Иисуса Навина надъ врагами, сопровождавшаяся чудеснымъ остановленіемъ солнца и луны, предъизображала побѣду Господа Иисуса Христа надъ врагами спасенія, на это есть ясное свидѣтельство святаго Амвросія Медиоланскаго. «Солнце стало, говорить сей святой отецъ, потому что во Иисусѣ познало образъ будущаго. Ибо не своею силою Иисусъ Навинъ, но таинствомъ Христа властвовалъ надъ небесными свѣтилами» (Apolog. David cap. 4.)

Достойно зывающе: слава силъ Твоей, Господи.
«Отъ избытка сердца глаголють уста (Лук. 6, 45)». Пришедши въ восторгъ, исполнившись чувствъ благоговѣйнаго удивленія и почтенія отъ созерцанія духомъ вѣры высоты крестнаго подвига, понесеннаго Господомъ Иисусомъ Христомъ, единственно только для искупленія, спасенія вѣрующихъ въ Него,—святая Христова церковь не могла оставаться въ сдержанномъ безмолвномъ положеніи и тотчасъ же стала изливать преисполнявшія ее чувства въ пѣніяхъ и пѣсняхъ духовныхъ, воздавая тѣмъ съ своей стороны достойную по возможности честь кресту Христову. Въ честь и славу креста Христова она сплела неимовѣрное множество витѣватыхъ пѣснопѣній и ничему такъ часто не посвящаетъ своихъ богослуженій, какъ крестнымъ страданіямъ и смерти Спасителя. «Веселится о Тебѣ церковь Твоя, Христе, зовущи: Ты моя крѣпость, Господи, и прибѣжище и утвержденіе» (Ирмосъ на гл. 4.)

По кончинѣ міра, перешедши изъ состоянія благодати въ состояніе славы, изъ состоянія вѣры въ видѣніе, наслажденіе

и блаженство (2 Кор. 5, 7; 1 Кор. 13, 8; 1 Іоан. 3, 2), изъ состоянія борьбы со врагами, въ состояніе торжества, святая Христова церковь и тамъ на небѣ въ царствѣ славы будетъ находить для себя неизъяснимое блаженство въ неумолчномъ славословіи крестныхъ подвиговъ своего Спасителя: «Святъ, Святъ, Святъ Господь Богъ Вседержитель», неустанно день и ночь она будетъ тамъ взывать предъ Сѣдящимъ на престолѣ Искупытельнымъ Ангеломъ, — «Иже бѣ и сый и грядый... Достоинъ еси, Господи, пріяти славу и честь и силу, яко Ты еси создалъ всяческая, и волею Твоею суть, и сотворени», то есть, по русскому переводу: «ибо Ты сотворилъ все, и все по Твоей волѣ существуетъ и сотворено» (Апок. 4, 8. 11. Слич. ст. 2 и гл. 5, ст. 6).

Діаконъ Николай Воиновъ.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

ГЛАВА XXV *.

Царь Феодоръ и правитель Борисъ Годуновъ.— Установленіе патріаршества.— Права и преимущества патріарха.— Убіеніе царевича Дмитрія.— Прославленіе мощей преп. Антонія Римлянина и св. князя Романа Углицкаго.— Крымскій ханъ подъ Москвою.— Достопамятное слово Феодора Годунову.— Бѣдствіе Нижегородскаго Печерскаго монастыря.— Кончина Феодора.— Воцареніе Бориса.

Послѣ ужасной грозы Іоанновой, внезапно наступило время мира и всеобщаго благоденствія. Дворъ царскій не представлялъ уже страшной и отвратительной картины свирѣпства и разврата неслыханнаго; напротивъ того юный вѣнценосецъ былъ для подданныхъ образцемъ кротости, сострадательности, искренней набожности, цѣломудрія и тихой семейной жизни.

Царь Феодоръ, рожденный отъ перваго брака царя Іоанна Васильевича, былъ слабъ душою и тѣломъ. Не одаренный отъ природы способностію къ труду, почти постоянно больной, онъ уклонялся отъ всѣхъ дѣлъ государственныхъ. По словамъ современниковъ, Феодоръ вставалъ обыкновенно въ четыре часа утра, и ждалъ духовника въ спальнѣ, наполненной иконами, освѣщенной днемъ и ночью лампадами. Духовникъ

(*) Предшествующія главы см. въ книжкахъ Душен. Чтенія 1865, 1866 и 1867 годовъ.

приходилъ къ нему съ крестомъ, благословеніемъ, святою водою и съ иконою Угодника Божія, празднуемаго въ тотъ день Церковію. Государь кланялся до земли, молился вслухъ минутъ десять или болѣе; шелъ къ царицѣ и вмѣстѣ съ нею къ утренѣ; возвратясь садился на креслахъ въ большой горницѣ, гдѣ привѣтствовали его съ добрымъ днемъ нѣкоторые ближніе люди и монахи; въ 9 часовъ ходилъ къ литургіи, въ 11 обѣдалъ; послѣ обѣда спалъ не менѣе трехъ часовъ; ходилъ опять въ церковь къ вечернѣ, и все остальное время до ужина проводилъ съ царицею, съ шутами и съ карлами, смотря на ихъ кривлянья или слушая пѣсни — иногда же любуясь работою своихъ ювелировъ, золотарей, швцовъ, живописцевъ; ночью, готовясь ко сну, опять долго молился съ духовникомъ и ложился съ его благословеніемъ. Онъ любилъ пышность и благолѣпіе обрядовъ церковныхъ, любилъ звонъ колоколовъ, всякую недѣлю посѣщалъ монастыри въ окрестностяхъ столицы, иногда забавлялся медвѣжьею травлею. Случалось, что челобитчики окружали Θεодора при выходѣ изъ дворца: «избывая мірскія суеты и докуки», онъ не хотѣлъ слушать ихъ и посылалъ къ правителю.

Кто же былъ этотъ правитель, облеченный, при жизни царя, неограниченною царскою властію? Грозный самодержецъ, ясно сознавая неспособность своего преемника, назначилъ ему созѣтниками «и блюстителями державы» пятерыхъ знаменитыхъ вельможъ ^(а); но одинъ изъ нихъ, ближайшій

(а) Князя Ивана Мстиславскаго, сына рѣдной племянницы в. к. Василя и слѣд. двоюроднаго брата царя Іоанна, человека безхарактернаго и неспособнаго; князя Ивана Петровича Шуйскаго, прославившагося защитою Пскова и другими отважными дѣлами воинскими; Никиту Романовича Юрьевича, чтимаго народомъ брата незабвенной царицы Анастасіи, какъ вельможу благодушнаго, сохранившаго себя чистымъ отъ всякаго зла, даже въ бѣдственную эпоху кровопійства; Бѣльскаго, хитраго и

къ новому царю, по родству и дружбѣ, Борисъ Феодоровичъ Годуновъ умѣлъ отстранить нѣкоторыхъ изъ нихъ и вполне подчинить себѣ остальныхъ.

Не только важное значеніе Годунова при жизни послѣдняго царя изъ рода князей Варяжскихъ и по пресеченіи царскаго рода, но и вліяніе дѣлъ его на послѣдующія судьбы Русской церкви и государства заставляютъ насъ ознакомиться ближе съ этою необыкновенною личностью. Борисъ находился тогда въ полномъ цвѣтѣ жизни, въ полной силѣ душевной и тѣлесной, имѣя 32 года отъ рожденія. Величественною красотою, повелительнымъ видомъ, смысломъ быстрымъ и глубокимъ, сладкорѣчіемъ обольстительнымъ превосходя всѣхъ вельможъ (какъ говоритъ лѣтописецъ), Борисъ хотѣлъ и умѣлъ благотворить, но единственно изъ любви къ славѣ и власти; видѣлъ въ добродѣтели не цѣль, а средство къ достиженію цѣли. Если бы онъ родился на престолѣ, то заслужилъ бы имя одного изъ лучшихъ вѣнценосцевъ въ мірѣ; но рожденный подданнымъ, съ необузданною страстію къ господству, не могъ одолѣть искушеній, тамъ, гдѣ зло казалось для него выгодною — и проклятіе вѣковъ заглушаетъ въ исторіи добрую славу Борисову. Блистая умомъ въ дѣлахъ внутренней и внѣшней политики, всегда осторожной и миролюбивой, Борисъ спокойно благоустроилъ Русское царство, старался казаться безпристрастнымъ, но всегда готовъ былъ жертвовать тѣми, которыхъ считалъ своими врагами, не затрудняясь ни знатностію ихъ, ни важными заслугами государственными⁽⁶⁾.

гибкаго любимца Грознаго царя и наконецъ Бориса Годунова, шурина царя Феодора (роднаго брата царицы Ирины).

(6) Вотъ примѣръ, какъ умѣлъ Годуновъ оберегать себя. Открыто было намѣреніе митрополита Діонисія и князей Шуйскихъ, съ многими участниками, ударить челомъ Феодору, чтобы онъ развелся съ неплодною супругою, отпустивъ ее, какъ вторую Соломонію, въ монастырь, и взявъ другую, дабы имѣть наслед-

Въ глазахъ Россіи и всѣхъ, сносившихся тогда съ Москвою, державъ, онъ стоялъ на высшей степени величія, какъ полный властелинъ царства, не видя вокругъ себя ничего, кромѣ слугъ безмолвныхъ, или громко славословящихъ его высокія достоинства, не только во дворцѣ кремлевскомъ, въ ближнихъ и въ дальнихъ краяхъ Россіи, но и внѣ ея, предъ государями и министрами иноземными, получая на свое имя грамоты и дары отъ союзныхъ вѣнценосцевъ. Всѣ видѣли въ немъ правителя царства и притомъ «правителя изряднаго» (т. е. превосходнаго, выходящаго изъ ряда правителей обыкновенныхъ).

Въ то время, когда всѣ дѣла внутреннія и внѣшнія зависѣли вполнѣ отъ правителя Годунова, только одно важное дѣло должно быть приписано собственному желанію царя Θεодора: это учрежденіе патріаршества Московскаго и всея Россіи. Со временъ св. Владиміра до царя Θεодора, Русская іерархія не искала чести равенства съ древними патріаршими престолами востока: Визавтія державная, гордая не согласи-

никовъ, необходимыхъ для спокойствія державы. Это моленіе, будто бы внушаемое опасеніемъ видѣть конецъ Рюрикова племени на тронѣ, хотѣли подкрѣпить волненіемъ черни. Выбрали, какъ пишутъ, и невѣсту, княжну Мстиславскую. Борисъ успѣлъ захватить заговоръ въ самомъ началѣ: княжна Мстиславская была пострижена; изъ враждебнаго рода Шуйскихъ бояринъ князь Андрей сосланъ въ Каргополь и тамъ уморень, а знаменитый князь Иванъ Петровичъ удалень въ Бѣловерскую обитель преп. Кирилла и вскорѣ удалень: спаситель Пскова, мужъ безсмертный въ исторіи предалъ позорной петлѣ свою голову, увѣнчанную лаврами, въ одной изъ монастырскихъ башенъ, извѣстной подъ названіемъ «мѣшка»! Митрополитъ Діонисій лишень престола (какъ кажется, безъ суда) и заточень въ Новгородскій Хутынской монастырь. Вмѣсто его возведенъ на первосвятительскую каеэдру Ростовскій архіепископъ Іовъ, пастырь добродушный, искренно преданный Годунову.

лась бы на равенство своей іерархіи съ Кіевскою или Московскою; Византія, раба Оттомановъ, не отказала бы въ томъ Іоанну III, сыну и внуку его. Русская митрополія, въ послѣднее время, почти не зависѣла отъ Царьграда; Русскаго перво-святителя, съ половины XVI столѣтія, называли «святѣйшимъ» и отличали особеннымъ уваженіемъ, какъ предстоятеля Церкви обширной, наслаждавшейся благоденствіемъ. Естественно, что благочестивый царь Θεодоръ, услаждавшій душу свою только дѣлами набожности и благочиніемъ церковныхъ обрядовъ, желалъ почитать митрополита всея Россіи саномъ патріарха.—Къ тому же надежда найдти въ Русскомъ патріархѣ защиту православію, угнетенному на востокѣ игомъ мусульманства, а съ запада тѣснимому папизмомъ, также располагала желать возвышенія сана для Русскаго митрополита.

Въ 1586 году прибылъ въ Москву, за милостынею, Антиохійскій патріархъ Іоакимъ. Благочестивый царь предложилъ собору святителей и боярской думѣ свое желаніе объ учрежденіи патріаршескаго достоинства въ Русскомъ царствѣ ^(в). Годунову поручено совѣтываться о томъ съ Антиохійскимъ іерархомъ. Іоакимъ, соглашаясь съ мыслями благочестиваго царя, обѣщалъ предложить это дѣло собору патріарховъ.

(в) Соборъ, одобривъ желаніе царское говорилъ: «благочестивый царю! аще восхощетъ благочестивая ти держава, да возвѣстится о семъ писаніе вселенскимъ четыремъ патріархамъ. Понеже благочестивая ти держава и мы всѣ имѣемъ сихъ яко столпы благочестію, аще и во области поганыхъ суть, но святая, якоже рече писаніе, николи же осквернена бывають». Къ тому же, говорилъ еще соборъ. пусть не думаютъ другіе народы. особенно же пишущіе противъ святой нашей вѣры латинскіе и прочіе еретики, что въ царственномъ градѣ Москвѣ патріаршій престолъ устроенъ только одною царскою волею и проч. (Допол. къ ист. акт. II, стр. 191 и 192).

На слѣдующій годъ полученъ былъ отвѣтъ изъ Константинополя, что патріархи Цареградскій и Антиохійскій согласны съ желаніемъ царя и что они послали за Александрійскимъ и Іерусалимскимъ для совѣщанія и рѣшенія соборнаго, положивъ отправить въ Россію патріарха Іерусалимскаго. Но нужды церви Цареградской потребовали, чтобы отправился въ Россію не четвертый, а первенствующій между патріархами, патріархъ Константинопольскій, къ области котораго издревле принадлежала Церковь Русская. Въ іюль 1588 года прибылъ въ Москву святѣйшій Іеремія, пастырь знаменитый какъ просвѣщеніемъ, такъ и страданіями за Церковь. Вся Москва была въ радостномъ волненіи, когда первенствующій святитель православнаго христіанства, благословляя народъ и душевно умиляясь его радостнымъ привѣтствіемъ, ѣхалъ на осляти къ царю по стогнамъ Московскимъ; за нимъ ѣхали на коняхъ митрополитъ Монеувасійскій (или Мальвасійскій) Іероѳей и архіепископъ Элассонскій Арсеній. Когда они вошли въ Златую палату, Теодоръ всталъ, чтобы встрѣтить Іеремію въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трона; посадилъ близь себя, съ любовію принявъ дары его: икону съ памятниками страстей Господнихъ, съ каплями Христовой крови, съ мощами св. царя Константина—и велѣлъ Борису Годунову бесѣдовать съ нимъ наединѣ. Патріархъ передалъ правителю свою исторію. Главною причиною бѣдствій, говорилъ патріархъ, былъ одинъ отступникъ Грекъ, который, промѣнявъ вѣру на выгоду земную, донесъ султану, будто Іеремія богатъ, будто храмъ его владѣтъ сокровищами, которымъ нѣтъ цѣны; къ тому же другой искалъ почести, отъ которой Іеремія готовился отказаться за старостію. Султанъ нарушилъ обѣщаніе Магомета II, давшаго за себя и преемниковъ клятву не вступаться въ дѣла христіанства и велѣлъ Теолишту быть патріархомъ безъ соборнаго опредѣленія.—Іеремія смѣло напомнилъ черезъ

пашей о клятвѣ султана, и султанъ сослалъ его на островъ Родось, гдѣ пробылъ онъ четыре года. Амуратъ отставилъ и Θεопишта, ограбилъ церковь Божію, превратилъ патріаршій храмъ въ мечеть, и возвратилъ Іеремію изъ заточенія къ новымъ скорбямъ. «Обливаясь слезами, заключилъ патріархъ, вымолилъ я у Амурата позволеніе ѣхать въ христіанскія земли для милостыни, чтобы построить новый храмъ истинному Богу. Слышавъ о такомъ благочестивомъ царѣ, пришелъ я сюда, чтобы помочь намъ царь въ нашихъ скорбяхъ».—За тѣмъ первосвятитель объявилъ, что прибылъ съ соборнымъ опредѣленіемъ объ открытіи патріаршества въ Россіи.

Оставалось избрать патріарха. Бѣдствія святѣйшаго Іереміи возбудили въ Θεодорѣ желаніе успокоить страдальца-святителя въ Россіи, что, по мнѣнію Царя, возвысило бы и достоинство патріарха Русскаго. Но представились и затрудненія. Если патріархомъ Москвы будетъ незнающій языка Русскихъ: трудно имѣть съ нимъ сношенія, особенно по дѣламъ тайнымъ; не хотѣлось также доброму царю огорчить Іова лишеніемъ Московской каѳедры, особенно при просьбѣ правителя Бориса за Іова. И такъ царь велѣлъ предложить святителю Іереміи: «ты извѣстилъ, что, по грѣхамъ христіанскимъ, султанъ воздвигъ на Церковь и на тебя гоненіе; по сему благочестивый самодержецъ молитъ святыню твою остаться въ Русскомъ царствѣ и патріаршествовать на престолѣ Владиміра и всей Россіи съ именемъ вселенскаго; онъ обѣщаетъ во всемъ успокоить тебя и твоихъ». Іеремія искренно благодарилъ добраго царя; но далъ замѣтить, что, оставаясь вдали отъ царя, будетъ онъ бесполезенъ и для Русской и для Константинопольской Церкви, наконецъ сказалъ, что желаетъ лучше раздѣлять скорби той Церкви, которую «какъ мать, воспріялъ», и куда его зовутъ скорби епископовъ и всей паствы. Объявилъ и то, что готовъ исполнить опредѣленіе со-

бора патріарховъ объ открытіи патріаршества въ Россіи. Святителю предлагалъ вторично о томъ же и соборъ Русскихъ пастырей; но онъ опять отказался и благословилъ Государя избрать соборомъ патріарха Русскаго, съ тѣмъ чтобы и впередъ патріархи поставлялись въ Россіи своими митрополитами, по чину церковному.

Собрался многочисленный Соборъ Русскихъ пастырей и царь предложилъ имъ сдѣлать совѣтъ о патріархѣ. Въ храмѣ Успенія Богоматери, въ придѣлѣ Похвалы Ея, гдѣ совершалось вообще избраніе пастырей, происходило совѣщаніе о назначеніи великаго первосвятителя Русской Церкви. По окончаніи совѣщанія, патріархъ принялъ на себя представить царю имена трехъ избранныхъ, и вынулъ жребій митрополита Юва. Поставленіе патріарха происходило 23 января 1589 года. Престолъ покрытый парчею для царя и два стула, обитыхъ темнымъ (смирненнымъ) бархатомъ для патріарховъ, поставлены были на амвонѣ, возвышенномъ 12 ступенями; отъ помоста храма по сторонамъ были скамьи для архіереевъ.— Нареченный патріархъ исповѣдалъ на орлѣ предъ лицемъ всего Собора, предъ Богомъ и избранными ангелами Церкви его, праведную, непорочную вѣру. По прочтеніи сумвола вѣры, взоидя на амвонъ, онъ пріялъ осѣненіе патріаршее и цѣлованіе епископовъ и, поклонясь, удалился въ предѣлъ Богоматери.

Когда служившій патріархъ со всемъ соборомъ епископовъ вошелъ на маломъ входѣ въ алтарь и пѣли пѣснь трисвятую, протоіерей соборный и архидіаконъ привели нареченнаго Юва предъ царскія двери, а два епископа ввели его въ олтарь. Патріархъ вселенскій, возложивъ на него руки и развернувъ надъ главою Евангеліе, призывалъ божественную благодать, какъ на нуждающагося въ сугубой благодати для высокаго своего званія. Такъ совершилось посвященіе патріарха все-россійскаго.

Послѣ литургій, которую совершили оба патріарха, великолѣпное торжество въ домѣ царя дополнило общую радость о великомъ святителѣ земли Русской. Патріарха вселенскаго долго еще честили въ радушной Москвѣ; такъ что онъ пробылъ на сѣверѣ, со времени прибытія, почти годъ. Избраніе и поставленіе патріарха царь велѣлъ описать на пергаментѣ; грамота была скрѣплена печатями царя, обоихъ патріарховъ и всѣхъ архіереевъ русскихъ и греческихъ, а въ рукоприкладствѣ участвовали весьма многіе архимандриты и игумены.

Черезъ два года патріархъ Іеремія прислалъ соборную грамоту объ утвержденіи патріаршества въ Россіи за подписью его, патріарховъ Іерусалимскаго и Антіохійскаго (Александрійскій въ это время скончался), 19 митрополитовъ, 19 архіепископовъ и 20 епископовъ. Въ грамотѣ писано: «Во первыхъ признаемъ и совершаемъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ поставленіе и именованіе патріаршеское господина Іова, да почитается и именуется и впредь съ нами патріархами и будетъ чинъ ему въ молитвахъ послѣ Іерусалимскаго; а главнымъ и начальнымъ содержать апостольскій престолъ Константинова града, какъ и иные патріархи держать; вовторыхъ дарованное нынѣ имя и честь патріаршества не только одному господину Іову дано и утверждено неколебимо, но позволяемъ и по немъ поставлять Московскимъ Соборомъ начальныхъ властей въ патріархи по правиламъ.»

Такъ патріаршество Русское утверждено всею православною Церковію! Видимымъ поводомъ сего важнаго нововведенія было, какъ сказали мы выше, одно благочестивое желаніе царя Θεодора ^(г), но промыслъ Божій невидимо творилъ Свое

(г) Напрасно Карамзинъ искалъ начала патріаршества въ властолюбивыхъ замыслахъ Годунова: набожный Θεодоръ не отважился бы на важное нововведеніе церковное, если бы не

дѣло въ церкви Своей. Онъ готовилъ въ патріархахъ Русскихъ защиту для отечества на близкое время скорбей и потрясеній, которыхъ не могли еще предвидѣть люди. Онъ незримо устроилъ обстоятельства дѣла такъ, что патріаршество Русское явилось какъ бы по внезапному стеченію случаевъ, къ взаимному утѣшенію востока и сѣвера.

Права новаго первосвятителя-патріарха по управленію Церковью Русскою были тѣ же, какъ и права митрополитовъ, его предмѣстниковъ. Только преимущества священнослуженія, сообразныя сану, возвышали его предъ прочими архіереями ^(а). Но какъ санъ, такъ и эти преимущества сообща-

имѣлъ своихъ собственныхъ благочестивыхъ побужденій. Сверхъ того правитель, въ объясненіяхъ съ Іереміею, является скорѣе противникомъ, нежели доброжелателемъ патріаршества, а ту услугу, которой будто бы ожидалъ Годуновъ отъ Іова патріарха, могъ оказать ему тотъ же Іовъ и въ санѣ митрополита.

(д) Особенности патріаршаго священнослуженія: новопосвященный патріархъ объѣзжалъ кремль на ослати, «благословляя градъ и люди». Патріархъ облачался среди церкви на амвонѣ о 3 ступеняхъ, съ 4 свѣщниками по сторонамъ. Предъ пѣніемъ Трисвятаго, когда возглашалось ему многолѣтіе, онъ благословлялъ народъ, сидя предъ св. трапезою, лицомъ къ западу. Во время причащенія, онъ причащалъ архіереевъ изъ своихъ рукъ. Одежды его въ богослуженіи: саккосъ съ нашивною епитрахилью, усыпанною жемчугомъ, по подобію Ааронова нагрудника, омофоръ, митра съ крестомъ на верху, иногда съ зубчатою короною по опушкѣ, стихарь (подризникъ), поясъ, епитрахиль и поручи его съ гамматами, какъ символами токовъ крови Іисусовой, два энколпія или панагіи и крестъ. Мантия его бархатная зеленая съ струями золотыми и серебряными, на которой скрижали вверху съ образомъ Благовѣщенія или съ крестами и херувимами, а внизу съ звонками. Пастырскій жезлъ съ змїями, символомъ мудрости; глобукъ бѣловидный съ нашивнымъ крестомъ и иногда съ серафимами. Въ церковномъ ходу предъ патріархомъ несли свѣчу, а во время путешествія предшествовалъ ему крестъ и послѣдовалъ жезлъ.

ли ему высокое значеніе въ глазахъ духовенства и народа, и благочестіе чадъ Церкви окружало его глубокимъ уваженіемъ.

Патріарху, какъ и митрополиту всей Россіи, окончателно принадлежалъ судъ церковный, но съ прежнимъ ограниченіемъ; дѣла важныя для всей Церкви рѣшались на Соборѣ. И Соборы при патріархахъ были часты. За патріархомъ оставалась особенная важность голоса на Соборѣ. — Область патріарха, какъ епархіальнаго святителя, была весьма обширна ^(e): но она была та же, что и область Московскаго митрополита. Въ послѣдствіи времени съ одной стороны она увеличилась частію нѣсколькими монастырями съ принадлежащими къ нимъ сельскими храмами, взятыми подъ непосредственное вѣдѣніе патріарха, частію селами, пожертвованными или купленными въ пользу новыхъ или прежнихъ патріаршихъ монастырей. Дворъ и управленіе прежнихъ митрополитовъ сохранились въ прежнемъ своемъ значеніи, но получили болѣе наружнаго величія: штатъ патріарха былъ многочисленный; чиновниковъ въ его распоряженіи было великое множество, какъ говорилъ очевидецъ. Штатъ образованъ былъ по примѣру царскаго: были бояре, стольники, боярскіе дѣти и другія должностныя лица.

Вмѣстѣ съ возвышеніемъ Московскаго первосвятительскаго престола на степень патріаршества, возвышены и нѣкоторыя изъ епархіальныхъ каедръ. Тою же грамотою Московскаго Собора, которою узаконено патріаршество, положено быть въ Россіи 4 митрополитамъ, 6 архіепископамъ и 8 еписко-

(e) Московская патріаршая епархія въ началѣ своемъ заключала въ себѣ нынѣшнія епархія: Московскую (исключая Коломенскую область), Костромскую, Вятскую, Нижегородскую, Курскую и Орловскую, съ участками епархій Архангельской, Владимірской, Новгородской и Тамбовской. Предѣлы епархій были довольно перепутаны.

памъ. Сему возвышенію основаніемъ поставлена сообразность съ саномъ патріарха и благолѣпіемъ церкви. Постановленіе собора о митрополитахъ тогда же приведено было въ исполненіе: саномъ митрополита почтены были пастыри: Новгородскій, Казанскій, Ростовскій и Крутицкій, постоянный помощникъ (викарій) патріарха. На степень архіепископа возведены прочіе прежніе епископы, кромѣ Коломенскаго. Изъ числа же новыхъ кафедръ епископскихъ замѣщены только двѣ—Псковская и Корельская.

Таковы были дѣла церковныя въ Московскомъ государствѣ. Дѣла гражданскія, внѣшнія и внутреннія, оставались въ твердыхъ рукахъ Годунова; для него наступалъ рѣшительный часъ, и самовластный правитель дерзнулъ наконецъ приподнять для себя завѣсу будущаго!

По воцареніи Θεодора, младенецъ царевичъ Димитрій, сынъ царя Іоанна отъ послѣдняго брака его, былъ удаленъ въ предоставленный ему родителемъ городъ Угличъ, вмѣстѣ съ матерью, царицею Марією, и братьями ея боярами Нагими. Могъ ли Годуновъ спокойно наслаждаться величіемъ и властію, помышляя о близкой кончинѣ удрученнаго болѣзнію Θεодора, и о законномъ его наслѣдникѣ ^(ж), воспитываемомъ матерью и родными, въ явной, хотя и почетной ссылкѣ, въ ненависти къ правителю, въ чувствахъ злобы и мести? Что ожидало въ такомъ случаѣ Ирину? Монастырь. Что ожидало Годунова? Темница или плаха... Уже дѣла обнаружили душу Борисову: въ ямахъ, на лобномъ мѣстѣ изгибли несчастные, которхъ опасался правитель: кто же былъ для него опаснѣе Димитрія? Борисъ не страшился случая, безпримѣрнаго въ нашемъ отечествѣ отъ временъ Рюрика до Θεодора: трона

(ж) При судѣ надъ Шуйскими, желавшими расторгенія брака Θεодора съ неплодною царицею, Годуновъ напоминалъ, что есть законный наслѣдникъ державы—царевичъ Димитрій.

упраздненнаго, конца племени державнаго, мятежа страстей въ выборѣ новой династіи, и твердо былъ увѣренъ, что скипетръ, выпавъ изъ руки послѣдняго вѣнценосца Мономаховой крови, будетъ врученъ тому, кто уже давно и славно царствовалъ безъ имени царскаго. Алчный властолюбецъ видѣлъ, между собою и престоломъ, одного отрока безоружнаго, какъ голодный волкъ видитъ агнца! Сначала правитель надѣялся возбудить въ народѣ ненависть къ царевичу, распуская слухъ, что отрокъ Димитрій есть совершенное подобіе отца — любить муки и кровь, даже самъ для потѣхи убиваетъ животныхъ. Эта сказка осталась безъ успѣха. Годуновъ мыслить объявить Димитрія незаконнорожденнымъ, какъ сына шестой или седьмой супруги Іоанна; не велѣлъ молиться о немъ и поминать его имени на богослуженіи: но, разсудивъ, что это супружество, хотя и дѣйствительно беззаконное, было однакожь утверждено или терпимо церковною властію, что Димитрій, не смотря на то, во мнѣніи людей, остался бы царевичемъ, единственнымъ наслѣдникомъ бездѣтнаго Θεодора, — ненасытный властолюбецъ рѣшился прибѣгнуть къ яду или ножу; онъ искалъ только, кому отдать ихъ въ руки для совершенія убійства.

Начали съ яда. Мамка царевича, Василиса Волохова, и сынъ ея, Осипъ, продавъ Годунову свою душу, служили ему орудіемъ; но зелье смертоносное не вредило отроку, по словамъ лѣтописца, ни въ яствахъ, ни въ питіи. Нашли чело-вѣка надежнаго, дьяка Михайла Битяговскаго, ознаменованнаго на лицѣ печатью звѣрства, такъ что дикій видъ его ручался за вѣрность во злѣ. Годуновъ высыпалъ золото, обѣщаль совершенную безопасность; велѣлъ извергу ѣхать въ Угличъ, чтобы править тамъ земскими дѣлами и хозяйствомъ вдовствующей царицы, не спускать глазъ съ обре-

ченной жертвы и не упустить первой минуты благопріятной. Виѣсть съ нимъ пріѣхали въ Угличъ сынъ его, Данило, и племянникъ Никита Качаловъ, также удостоенные совершенной довѣренности Годунова. И вотъ 15 мая 1591 года «царевича въ Угличѣ не стало». Какъ же это случилось? Въ полдень, когда во дворцѣ не было никого изъ Нагихъ, мамка Волохова вывела царевича на дворъ; сюда же сошла и кормилица, Ирина Жданова. Убійцы уже дожидались жертвы. Осишь Волоховъ, взявъ царевича за руку, спросилъ: «это у тебя, государь, новое ожерелье?» Отрокъ поднялъ голову и отвѣчалъ: «нѣтъ, старое». Въ эту минуту сверкнулъ ножъ: но убійца не захватилъ гортани и убѣжалъ. Димитрій упалъ. Кормилица пала на него, чтобы защищать его собою и стала кричать. Битяговскій и Качаловъ отняли у нея царевича, дорѣзали и кинулись внизъ съ лѣстницы, въ самое то мгновеніе, когда царица вышла изъ сѣней на крыльцо.... Осмилѣтній страсотерпецъ лежалъ окровавленный въ объятіяхъ той, которая вскормила его своею грудью; онъ «трепеталъ какъ голубь» испуская духъ, и скончался, уже не слыша воплей отчаянной матери. По звону на соборной колокольнѣ, откуда пономарь видѣлъ убійство, прибѣжали братья царицы Нагіе, дворъ наполнился смятеннымъ народомъ. Угличане, озлобленные убіеніемъ царевича, умертвили убійцъ: Битяговскаго, Качалова, Волохова и еще нѣсколько человекъ; мамку сохранили живою для показаній. Увѣряютъ, что злодѣи, издыхая, облегчили свою совѣсть искреннимъ признаніемъ; наименовали и главнаго виновника Димитріевой смерти: Бориса Годунова.

Но виновникъ преступленія самъ былъ распорядителемъ слѣдствія и суда: слѣдователи, присланные въ Угличъ, Крутицкій митрополитъ Геласій, бояринъ кн. Василій Ивановичъ

Шуйскій ^(з), окольнічій Клешнинъ и дьякъ Вылузгинъ, въ угодность правителю, засвидѣтельствовали неправду: они объявили, что царевичъ игралъ въ тычку ножемъ и «тутъ пришла на него падучая немочь, и зашибло его и учало его бити; да какъ его било, и онъ поколоса ножемъ самъ». Самый первый вопросъ на слѣдствіи предложенъ такъ: «какимъ обычаемъ царевича не стало? И что его болѣзнь?» Вообще слѣдственное дѣло, сохранившееся до нашего времени, доказываетъ, что слѣдователи дѣйствовали криводушно ^(и). Царская дума утвердила слѣдствіе, и донесла царю, что «жизнь царевича прекратилась судомъ Божиимъ; что Ми-

(з) Правитель успѣлъ уже примириться съ Шуйскими и вступить съ ними въ родство, женивъ кн. Димитрія Шуйскаго (роднаго брата кн. Василя) на своей свояченицѣ, дочери Малюты Скуратова.

(и) Никто изъ современниковъ не сомнѣвался, что царевичъ убитъ по волѣ Годунова. Только въ наше время стали возникать сомнѣнія: нѣкоторые полагали, что вмѣсто царевича подставленъ и убитъ другой ребенокъ; другіе раздѣляли мнѣніе слѣдователей о самозакланіи царственнаго отрока; наконецъ третьи отвергали виновность Годунова. Но если бы убитый не былъ царевичемъ, могли ли не видѣть обмана не только царица и братья ея, но и весь народъ Углицкій, хорошо знавшій и любившій Димитрія? При осмотрѣ тѣла царевича, въ лѣвой рукѣ его нашли ширинку (платокъ), а въ правой орѣхи: могъ ли онъ держать орѣхи, если бы бросалъ ножемъ въ тычку? Если бы онъ, въ припадкѣ болѣзни, упалъ на ножъ, горло было бы проколото, а въ дѣйствительности — гортань была перерѣзана рукою сильнаго злодѣя, а не слабою, дѣтскою. Если же царевичъ палъ отъ руки злодѣя, то кого можно считать главнымъ виновникомъ страшнаго преступленія, кромѣ правителя Годунова? Кому, кромѣ Бориса, нужна была смерть Димитрія? Предѣлы статьи не дозволяютъ намъ дальнѣйшихъ подробностей; желающіе могутъ найти ихъ въ превосходной статьѣ покойнаго преосв. Филарета Черниговскаго: «Исслѣдованіе о смерти царевича Димитрія» (Чтенія въ Общ. Ист. и Древн. Росс. 1838. № 1).

хайло Нагойъ есть виновникъ кровопролитія ужаснаго и дѣйствовалъ по внушенію личной злобы; что граждане Углицкіе вмѣстѣ съ нимъ достойны казни за свою измѣну и беззаконіе». Бояръ Нагихъ сослали въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую царицу, неволею постриженную, отвезли въ дикую пустыню, въ обитель св. Николая на Выксѣ (близъ Череповца); тѣла злодѣевъ, Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою честію, а гражданъ тамошнихъ, объявленныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около 200; другимъ отрѣзали языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ, такъ, что древній, обширный Угличъ, гдѣ было, если вѣрить преданію, болѣе 100 церквей и не менѣе 30 тысячъ жителей, опустѣлъ на вѣки, въ память ужаснаго Борисова гнѣва на смѣлыхъ обличителей преступленія. Тѣло невиннаго страдальца царевича предано землѣ въ Углицкомъ Спасскомъ соборѣ⁽ⁱ⁾.

Царь Θεодоръ, по словамъ лѣтописца, горько плакалъ о смерти нѣжно-любимаго брата, наконецъ сказалъ: «да будетъ воля Божія!» и всему повѣрилъ. Еще нѣсколько лѣтъ продолжалась тихая, чуждая житейскихъ попеченій, богомольная жизнь послѣдняго царя изъ дома Рюрика. По выраженію лѣтописца: «Господь возлюбилъ смиреніе царево» и посылалъ Русской землѣ благодатныя знаменія Своего благоволенія. Къ числу такихъ знаменій относится прославленіе мощей двухъ угодниковъ Божіихъ: преп. Антонія Римлянина, Новгородскаго чудотворца и св. князя Романа Углицкаго.

Протекло уже 450 лѣтъ послѣ преставленія преподоб.

(i) Прославленіе мощей св. страстотерца царевича Димитрія будетъ описано въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Антонія. Послѣ трехъ пожаровъ въ XIV вѣкѣ и страшнаго разгрома въ 1570 году ^(к) обитель совершенно заустѣла, такъ что не было въ ней ни братіи, ни церковной службы. Гонителю Новгорода, Грозному царю, пришло наконецъ на мысль, что нельзя оставить въ заустѣннн монастыря столько знаменитаго по святости основателя его, чудодѣйственно прибывшаго изъ Рима. Для возобновленія обители, царь избралъ и послалъ туда игуменомъ добродѣтельнаго старца Кирилла ^(л), который собралъ братію и ввелъ строгій уставъ общежитія, чѣмъ навлекъ на себя злобу людей неблагонамѣренныхъ и былъ ими отравленъ на трапезѣ; но по усердной молитвѣ къ Божіей Матери и преп. Антонію получилъ исцѣленіе. За этимъ первымъ чудомъ преподобнаго, по возобновленіи обители его, вскорѣ послѣдовали и другія чудеса.

Между тѣмъ, какъ продолжались благодатныя исцѣленія у раки преп. Антонія, въ обители его жилъ добродѣтельный и блаженный старецъ Ананія ^(м) иконописецъ, который 33 года провелъ въ монастырѣ неисходно, и имѣлъ у себя ученика, именемъ Нифонта ^(н). По кончинѣ праведнаго своего наставника,

(к) Разгромъ Новгорода и развореніе обители преп. Антонія описаны нами въ XXIV главѣ этихъ Разсказовъ.

(л) Кириллъ Завидовъ, въ послѣдствіи архимандритъ Сергіевой лавры (съ 1594 г.), а съ 1605 года митрополитъ Ростовскій, скончался въ 1619 году и погребенъ въ Ростовскомъ Успенскомъ соборѣ. (Историч. описаніе Святотроицкой Серг. лавры изд. 1857 г. стр. 90. Древнія святыни Ростова Великаго, соч. гр. М. Толстаго, изд. 3-е 1866, прилож. I, стр. 12 и 13).

(м) Ананія иконописецъ, помѣщенный въ спискѣ святыхъ Новгородскихъ въ одной рукописи XVII вѣка, погребенъ въ обители; но мѣсто могилы его забыто.

(н) Этотъ самый Нифонтъ написалъ обширное описаніе предложенія мощей преподобнаго Антонія и бывшихъ при томъ чудесъ. Онъ говоритъ о себѣ такъ: «Азъ многогрѣшный первый желатель быхъ и понудитель предложить честное тѣло преподоб-

этотъ Нифонтъ, одушевляемый живою вѣрою и любовію къ чудотворцу Антонію, сподобился дивнаго сновидѣнія, и послѣ того рѣшился приподнять доску, прикрывавшую раку, чтобы видѣть святыхъ и нетлѣнныхъ мощи, лежавшія поверхъ земли въ каменномъ глубокомъ гробѣ, ниже помоста церковнаго. Это было при державѣ благочестиваго царя Θεодора Іоанновича, при святѣйшемъ патріархѣ Іовѣ и первомъ митрополитѣ Новгородскомъ Александрѣ. Нифонтъ повѣдалъ о нетлѣнной мощи игумену Кириллу, игумень митрополиту, а митрополитъ обѣщался донести царю и патріарху, но не успѣлъ того исполнить, потому что вскорѣ скончался. Между тѣмъ игумень Кириллъ, по волѣ царя Θεодора, сдѣлался архимандритомъ великой лавры преп. Сергія Радонежскаго, куда вслѣдъ за нимъ перешелъ и Нифонтъ, непрестанно умоляя Кирилла, чтобы позаботился о начатомъ святомъ дѣлѣ. Архимандритъ нашелъ случай доложить царю въ присутствіи правителя Бориса Годунова ^(о) о нетлѣнныхъ мощахъ преп. Антонія.

Новому митрополиту Новгорода Варлааму поручено было патріаршею грамотою освидѣтельствовать и открыть святыхъ мощи. Когда сняли богато украшенную раку, стоявшую надъ

наго изъ гроба на верхъ земли» (лист. 215). Описаніе составлено имъ въ Сергіевой Лаврѣ въ первые дни царствованія Бориса Годунова, 22 марта 7106 (1598) года, по повелѣнію патріарха Іова, отъ котораго были сообщены ему подлинныя документы: «взимахъ у него (патріарха) чудесемъ святаго писанныя памяти до преложенія честнаго и многочудеснаго тѣла преподобнаго и имена исцѣлѣвшимъ» (лист. 216). Монахъ Сергіевой Лавры Германъ Тулуновъ списалъ сказаніе Нифонта въ 1627 году, и былъ безъ сомнѣнія современникомъ сего послѣдняго. Тѣмъ важнѣе для насъ трудъ старца-Германа, въ Миней-четвѣ мѣсяца августа, писанной его рукою (Библ. Серг. лавры рук. № 681).

(о) Нифонтъ говоритъ о Борисѣ: «Бояринъ Борисъ Θεодоровичъ баше мужъ добродѣтеленъ весьма и богобоязливъ и весьма кияше всякою добродѣтелію Богу и чловѣкомъ» (лист. 179).

гробомъ чудотворца, то митрополитъ, наклонившись, увидѣлъ нетлѣнное тѣло, лежащее подобно живому на два локтя ниже помоста. Не осмѣливаясь взять святыню руками, братія вмѣстѣ съ новымъ игуменомъ Трифономъ стали копать землю подлѣ гробницы. Тогда отъ святыхъ мощей дивное благоуханіе разлилось въ воздухъ. Цѣльбоносные останки чудотворца оказались лежащими на огромномъ камнѣ, съ которымъ вмѣстѣ были приподняты на помость церковный 1 іюля 1597 года.

Явленіе св. мощей сопровождалось множествомъ чудотвореній. Митрополитъ со всѣмъ Новгородскимъ духовенствомъ и множествомъ народа совершилъ крестный ходъ изъ Софійскаго собора въ Антоніевъ монастырь и, приблизившись къ многоцѣлебной рактѣ, своими руками снялъ покровъ съ чудотворца, при чемъ весь храмъ наполнился сладостнымъ благоуханіемъ; святыя мощи были обнесены вокругъ храма и поставлены въ церкви Рождества Богородицы надъ прежнею могилою преподобнаго. Съ того времени учрежденъ митрополитомъ Варлаамомъ, по волѣ царя Феодора и по благословенію патріарха Іова, ежегодный крестный ходъ въ обитель чудотворца, въ первую пятницу послѣ праздника Петра и Павла, совершаемый и донынѣ.

Игумень Трифонъ былъ отправленъ въ Москву къ царю и патріарху съ грамотою объ открытіи святыхъ мощей, а между тѣмъ чудеса и исцѣленія продолжались безпрерывно. Братія обители сообщали о нихъ въ Москву игумену Трифону, а онъ докладывалъ царю и патріарху. Благочестивый Феодоръ, въ послѣдніе дни своей жизни, радовался проявленію благодати Божіей чрезъ новаго чудотворца.

Въ древнемъ Угличѣ, вскорѣ послѣ раззоренія его неправеднымъ судомъ, какъ бы въ утѣшеніе оставшимся горестнымъ жителямъ, прославлены нетлѣніемъ и чудесами мощи

св. князя Романа, обрѣтенныя, при перестройкѣ собора, въ 1595 году ^(п) Онѣ были освидѣтельствованы, по распоряженію патріарха Іова, Казанскимъ митрополитомъ Гермогеномъ, и поставлены открыто въ томъ самомъ соборномъ храмѣ, гдѣ таились до времени, въ нѣдрахъ земли, другія негнѣнныя мощи св. царевича и стратотерпца Димитрія.

Въ 1594 году Крымскій ханъ Казы-Гирей сдѣлалъ внезапный и коварный набѣгъ на Русскую землю въ то самое время, когда послы его заключали миръ съ Москвою. Онъ прошелъ безпрепятственно до села Коломенскаго и встрѣтилъ отпоръ только подъ стѣнами Москвы: здѣсь войско Русское сразилось съ невѣрными, въ виду храмовъ и палатъ кремлевскихъ, предъ глазами царя и царицы. Стѣны, башни, колокольни были унижены вооруженными и безоружными, исполненными любопытства и ужаса: дѣло шло о Москвѣ. Народъ то безмолвовалъ, то вопилъ, слѣдуя душею за всѣми движеніями кровопролитной сѣчи, зрѣлища новаго для нашей древней столицы, которая видала приступы къ стѣнамъ ея, но еще до того времени не видала полевой битвы на своихъ равнинахъ. Въ эти роковые часы, когда сильно трепетало сердце и въ столѣтнихъ старцахъ Московскихъ, одинъ человекъ наслаждался спокойствіемъ души непоколебимой: тотъ, чье имя вмѣстѣ съ Божіимъ призывалось Русскими воинами въ пылу битвы, тотъ, за кого они умирали предъ стѣнами столицы: самъ государь!... Утомленный долгою молитвою, Ѳеодоръ мирно отдыхалъ въ часъ полуденный; всталъ и равнодушно смотрѣлъ изъ высокаго своего терема на битву. За нимъ стоялъ одинъ добрый бояринъ и плакалъ. Ѳеодоръ обратился къ нему, увидѣлъ его слезы и сказалъ: «будь спокоенъ! зав-

(п) Св. князь Романъ Владиміровичъ Углицкій, внукъ в. к. Константина Всеволодовича, жилъ въ бѣдственное время нашествія Батыева и преставился въ 1285 году.

тра не будетъ хана!» Битва была нерѣшительна и прекратилась къ вечеру, но слово царское, по замѣчанію современниковъ, оказалось пророчествомъ: ханъ со всеми своими полчищами, бѣжалъ ночью за часъ до разсвѣта, преслѣдуемый Русскою ратью, предводимую правителемъ Годуновымъ!

Въ 1596 году царь Ѳеодоръ былъ утѣшенъ переложеніемъ нетлѣнныхъ и многоцѣлебныхъ мощей св. митрополита Алексія въ новую серебряную раку. Онъ приказалъ Годунову прикоснуться къ мощамъ и сказалъ ему достопамятное слово: «Осязай святыню, правитель народа христіанскаго! Управляй имъ и впредь съ ревностію. Ты достигнешь желаемого: но все суета и тлѣніе на землѣ.»

Почти въ то же время набожное сердце Ѳеодора глубоко огорчено было бѣдствіемъ знаменитой обители Печерской Нижегородской, гдѣ спасались вѣкогда угодники Божіи: Діонисій Суздальскій, ученикъ его Евфимій и Макарій Желтоводскій или Унженскій ^(р): гора, подъ которою стоялъ монастырь, вдругъ съ трескомъ и колебаніемъ двинулась къ Волгѣ, засыпала и разрушила церковь, келліи, ограду. Сія гибель мѣста святаго поразила воображеніе народное и названа въ лѣтописи «великимъ знаменіемъ» того, что ожидало Россію, чего ожидалъ и Ѳеодоръ, замѣтно слабѣя и изнемогая. Онъ предвидѣлъ близкій конецъ свой и часъ насталъ.

И въ цвѣтущей юности не имѣвъ иной важной мысли, кромѣ спасенія души, онъ въ это время еще менѣе заботился о мірѣ и царствѣ; ходилъ и ѣздилъ изъ обители въ обитель, благотворилъ нищимъ и духовенству, особенно греческимъ монахамъ, Іерусалимскимъ, Пелопонисскимъ и другимъ, которые приносили къ намъ драгоцѣнности святыни

(р) О свят. Діонисіи, преп. Евфиміи и Макаріи мы упоминали уже прежде.

(однѣ нерасхищенныя Турками!): кресты, иконы, мощи. Въ концѣ 1597 года Феодоръ впалъ въ тяжкую болѣзнь: 6 января открылись въ немъ явные признаки близкой смерти, къ ужасу столицы. Народъ любилъ Феодора, какъ ангела земнаго, и приписывалъ дѣйствию ревностныхъ молитвъ его благосостояніе отечества; любилъ съ умиленіемъ, какъ послѣдняго царя Мономаховой крови и когда въ отверстыхъ храмахъ усердныя толпы Москвичей еще съ надеждою молили Бога объ исцѣленіи государя добраго, тогда патриархъ, вельможи, сановники, уже не имѣя надежды, съ сокрушеніемъ сердца предстояли одру болящаго, въ ожиданіи послѣдняго дѣйствія Феодоровой самодержавной власти, завѣщанія о Россіи сиротѣющей. Первосвятитель Іовъ дрожащимъ голосомъ сказалъ: «Свѣтъ въ очахъ нашихъ меркнетъ; праведникъ отходитъ къ Богу.... Государь! кому приказываешь царство, насъ сирыхъ и свою царицу?» Феодоръ тихо отвѣтствовалъ: «въ царствѣ, въ васъ и въ царицѣ воленъ Господь Всевышній.... оставляю грамоту духовную.» Завѣщаніе было уже написано; Феодоръ вручалъ державу Иринѣ, а «душу свою приказывалъ» великому святителю Іову, двоюродному брату Феодору Никитичу Романову-Юрьеву (племяннику царицы Анастасіи), и шурина Борису Годунову, то есть, избралъ ихъ быть главными совѣтниками трона. Въ 11 часовъ вечера Іовъ помазалъ царя елеемъ, исповѣдалъ и приобщилъ святыхъ таинъ; въ часъ утра 7 января 1598 года, Феодоръ испустилъ духъ безъ судорогъ и трепета, незамѣтно, какъ бы заснувъ тихо и сладко ^(с).

(с) Въ «книгѣ о Россійскихъ святыхъ» царь Феодоръ Іоанновичъ поставленъ въ ликъ Московскихъ чудотворцевъ. Повѣствуютъ, что въ предсмертномъ томленіи онъ бесѣдовалъ съ кѣмъ-то незримымъ для другихъ, именуя его великимъ святи-

Всѣ присягнули съ усердіемъ вдовствующей царицѣ Иринѣ, но скоро узнали, что вмѣстѣ съ нею вдовствуетъ и тронъ Мономаховъ, что вѣнецъ и скипетръ лежатъ на немъ праздно, что Россія, не имѣя царя, не имѣетъ и царицы: Ирина приняла постриженіе иноческое въ Новодѣвичьемъ монастырѣ съ именемъ Александры. Изъ всѣхъ областныхъ городовъ созваны люди выборные на Великій Соборъ и наконецъ 17 февраля 1598 года, правитель Борисъ Годуновъ единогласно избранъ и возведенъ на престолъ царскій.

Окончимъ словами нашего незабвеннаго исторіографа: «что повидимому могло быть торжественнѣе, единодушнѣе, законнѣе сего нареченія? И что благоразумнѣе? Переимѣнилось только имя царя: власть державная оставалась въ рукахъ того, кто уже давно имѣлъ оную и властвовалъ счастливо для цѣлости государства, для внутренняго устройства, для внѣшней чести и безопасности Россіи. Такъ казалось; но сей, человѣческою мудростію надѣленный, правитель достигъ престола злодѣйствомъ.... Казнь небесная угрожала царю преступнику и царству несчастному ^(т)

Графъ М. Толстой.

телемъ, и что въ часъ кончины Θεодора ощущалось неизреченное благоуханіе въ палатахъ кремлевскихъ.

(т) Карамзина Исторія Гос. Россійскаго Т. X. конецъ III-й главы.

ПАРЕМІИ ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ *.

XIV. Паремія, положенная на вечернѣ въ четвертокѣ 3-й седмицы великаго поста. Быт. 7, 11—24; 8, 1—3.

Въ сей пареміи содержится описаніе потопа въ его началѣ, продолженіи и начинающемся прекращеніи.

Гл. 7. ст. 11. Бысть въ шестьсотное лѣто въ житіи Ноевѣ, втораго мѣсяца, въ двадцать седмый день мѣсяца, въ день той разверзошася вси источницы бездны, и хляби небесныя отверзошася.

Шестьсотое лѣто Ноева житія падаетъ на 2256 годъ отъ сотворенія міра, на 3252-й до Рождества Христова. — *Втораго мѣсяца, въ двадцать седмый день мѣсяца.* Бытописатель, опредѣляя время года, когда начался потопъ, имѣетъ въ виду не церковный годъ, который установленъ въ Ветхомъ Заветѣ не раньше исхода Евреевъ изъ Египта и начинался ближайшимъ къ осеннему равноденствію новолуніемъ, по нашему послѣ 10-го марта (Исх. 12, 1. 2), — а годъ гражданскій, который начинался въ ближайшее послѣ осенняго равноденствія новолуніе, по нашему послѣ 10-го сентября

* Предшествующія 13 паремій см. въ Душеполез. Чтеніи за 1866 и 1867 годы.

(Исх. 13, 16; 34, 22). Посему подъ вторымъ мѣсяцемъ года потопнаго должно разумѣть часть нашего октября и ноября, а 27 день втораго—это одинъ изъ дней нашего ноября,—какой именно, неизвѣстно, потому что неизвѣстно, въ какой день было въ тотъ годъ новолуніе.—*Въ день той разверзашася вси источники бездны и хляби небесныя отверзашася.* Причиною потопа было устремленіе на земную поверхность водъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ—снизу и сверху. Снизу разверзлись вси источники бездны, т. е. открылись проходы для воды изъ подземныхъ огромныхъ вмѣстилищъ ея. Существованіе ихъ доказывается холодными вулканами, нерѣдко случающимися послѣ землетрясеній, затопленіями огромныхъ пространствъ водами, выступившими изъ земли ^(а), искусственно просверленными колодцами, дающими воду даже въ Сахарской степи. Подземныя вмѣстилища воды, по наблюденіямъ естествоиспытателей, столь огромны, что въ сравненіи съ ними вся видимая нами и измѣряемая вода такъ же незначительна, какъ вся видимая нами суша незначительна въ сравненіи съ объемомъ всего земнаго шара. Эти наблюденія подтверждаются и исторіею сотворенія земли. По свидѣтельству бытописателя, земная планета, прежде чѣмъ на ней открылась суша, вся покрыта была водою, которая уже въ третій день творенія *собрася въ собранія своя* (Быт. 1, 9). Судя по избытку первоначальной воды, которой достаточно было для покрытія всей земли со всѣми ея горами и холмами, нельзя разумѣть подъ этими *собраніями* только извѣстныя намъ моря и рѣки. Куда же дѣвался этотъ избытокъ? Кромѣ видимыхъ морей, озеръ и рѣкъ, для него нашлось помѣщеніе въ подземныхъ

(а) Напримѣръ въ древнія времена затоплена мѣстность Содома и Гоморра, въ недавнее время затоплена на нѣскольکو десятковъ верстъ равнина близъ Байкала.

хранилищахъ, внутреннѣйшихъ полостяхъ и пещерахъ. Посему псалмопѣвецъ говорить о землѣ: *Господь на моряхъ основалъ ю есть и на рѣкахъ уготовалъ* (утвердилъ) *ю есть* (Пс. 23, 1. 2). *Исповѣдайтеся Господеви, утвердившему землю на водахъ* (—135, 6). И вотъ изъ этихъ-то подземныхъ вмѣстительствъ, заключающихъ въ себѣ несравненно большее количество воды, чѣмъ сколько ея находится на поверхности земной, Господь всемогущею Своею силою извелъ воды для того, чтобы покрыть ими землю, въ наказаніе обитателей ея, подобно тому, какъ онѣ покрывали ее до третьяго дня творенія. Подземныя воды, открывши себѣ всевозможные проходы на землѣ, подъ морями и рѣками, усилили воду морей и рѣкъ и подняли ее до необыкновенной высоты.— О водѣ, устремившейся для потопленія земнаго шара сверху, сказано: *и хляби небесныя отверзошася. Хляби небесныя* — это запасы воды въ облакахъ и парахъ земной атмосферы. По наблюденіямъ естествоиспытателей, въ допотопной атмосферѣ эти запасы были несравненно обильнѣе, чѣмъ въ позднѣйшее время. Ископаемые остатки растеній и животныхъ, находимые въ полярныхъ странахъ, показываютъ, что климатъ здѣсь былъ весьма умѣренный, подобный климату южной Россіи или сѣверной Италіи, такъ что тамъ даже зимою температура не опускалась до точки замерзанія. Такое состояніе температуры, по мнѣнію ученыхъ, зависѣло именно оттого, что тогдашняя атмосфера несравненно больше насыщена была влагою, чѣмъ въ позднѣйшія времена, и дожди ниспадали чаще. Еще большіе запасы влаги были въ странахъ удаленныхъ отъ полюсовъ и близкихъ къ экватору ^(а). Такимъ образомъ въ рукахъ пра-

(а) См. въ Хр. Чт. 1861 г. ноябрь: «Разборъ сужденій новѣйшихъ естествоиспытателей о Ноевомъ потопѣ.» стр. 322.

восуднаго Господа были готовыя естественныя средства для потопленія земли не только внизу, въ источникахъ бездны, но также въ нижнихъ и верхнихъ слояхъ воздуха, насыщенныхъ обильною влагою: по манію Господа она устремилась на землю не въ видѣ дождевыхъ капель и струй, а въ видѣ потоковъ, о силѣ которыхъ можно получить повятіе по сравненію съ стремленіемъ воды, прорвавшей плотину, и опустошающей все попадающеея ей на пути. Это именно значить выраженіе: *хляби небесныя отверзошася*, т.-е. воды воздушнаго неба, дотолѣ какъбы запруженныя; проторглись и съ силою водопада низринулись на землю.

12. И бысть дождь на землю четыредесять дней и четыредесять ночей.

Сорокъ сутокъ непрерывно низвергался на землю проливной дождь и притомъ не въ одной какой-либо полосѣ нашей планеты, а повсюду. Въ настоящее время, при настоящемъ состояніи атмосферной влажности, это не возможно безъ возврата новыхъ испареній изъ морей и рѣкъ, не мысимаго при проливномъ дождѣ. Но не говоря уже о томъ, что о тогдашнемъ состояніи атмосферы нельзя судить по нынѣшнему, можно думать, что Господь, уготовляя заранѣе казнь нечестивымъ, всемогущею силою, задолго до потопа, удерживалъ запасы воды отъ обильнаго проліянія на землю, для того, чтобы накопить ее столько, сколько могло достать для непрерывнаго, въ теченіи 40 сутокъ, низпаденія на всю земную поверхность.

13—16. Въ день той вииде Ное, Симъ, Хамъ, Іафеевъ, сынове Ноевы, и жена Ноева, и три жены сыновъ его съ нимъ въ ковчегъ: и вси звѣріе земнія по роду, и вси скоти по роду, и всякій гадъ движущійся на земли по роду, и всякая птица пер-

натая по роду своему. Внидоша къ Ною въ ковчегъ два два (*по парѣ*), мужескій полъ и женскій, отъ всякія плоти, въ нейже есть духъ животный: и входящая мужескій полъ и женскій отъ всякія плоти внидоша къ Ною въ ковчегъ, якоже заповѣда Господь Богъ Ною: и затвори Господь Богъ ковчегъ отвиѣ его.

По повелѣнію Божію (см. 12-ую и 13 пареміи), Ною съ семействомъ и животными надлежало перебраться въ ковчегъ въ теченіе седми дней до начала наводненія. Ной такъ и поступилъ, какъ ему повелѣно (ст. 4 и 5): всѣ семь дней употреблены были для переселенія въ ковчегъ и для удобнаго размѣщенія въ немъ многочисленныхъ обитателей его, — вдругъ въ одинъ день сдѣлать этого было невозможно. Посему если еще сказано, что *въ день той*, т. е. въ самый день наступленія потопа, — *вниде Ной* съ семействомъ и *внидоша* всѣ животныя, сіе должно понимать такъ, что въ этотъ день, вѣроятно утромъ, окончательно перебрались въ ковчегъ и устроились въ немъ люди и безсловесныя. — Бытописатель, перечисляя вошедшихъ въ ковчегъ людей и животныхъ (дикихъ звѣрей, домашнихъ скотовъ, пресмыкающихся и летающихъ), повторяетъ сказанное имъ о томъ же прежде, — повторяетъ для того, чтобы всякій видѣлъ и помнилъ, что кромѣ перечисленныхъ тварей всѣ остальные, не могущія жить въ водѣ или возродиться изъ сѣменъ, должны погибнуть, и чтобы, видя это и помня, научился благоговѣть предъ судомъ Божіимъ. — *И затвори Господь Богъ ковчегъ отвиѣ его*. Самъ Богъ, руководившій Ноемъ при построеніи ковчега, приводвореніи въ него, Самъ Онъ затворяетъ за Ноемъ дверь ковчега, безъ сомнѣнія, такъ плотно, чтобы ни вода не могла проникнуть въ судно, ни потопающіе люди не могли отворить его для спасенія отъ гибели. Можетъ быть

при семъ надлежало снаружи покрыть смолою створы двери, чего Ной, находясь внутри ковчега, самъ не могъ сдѣлать.

17. И бысть потопъ четыредесять дней и четыредесять ночей на земли, и умножися вода, и взя ковчегъ, и возвысися отъ земли.

Бысть потопъ четыредесять дней и четыредесять ночей. Идетъ рѣчь собственно о дождѣ, какъ объ одной изъ причинъ потопа, — дождь, какъ выше было сказано (ст. 12), дѣйствительно продолжался 40 сутокъ непрерывно. Черезъ 40 сутокъ наводненіе уже достигло до такой высоты, что вода подняла ковчегъ, и онъ началъ носиться по безбережному морю, безъ кормила, безъ парусовъ. Одинъ Богъ былъ кормчимъ этого судна, одинъ Онъ управлялъ его движеніями и наблюдалъ за его безопасностію. Ной во всемъ предался волѣ Божіей и спокойно обиталъ въ ковчегъ, какъ бы на твердой землѣ. Чего ему было бояться? Онъ жилъ въ помощи Бога вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворился.

18—20. И возмогаше вода, и ужножашея зѣло на земли, и ношашеся ковчегъ верху воды. Вода же возмогаше зѣло зѣло на земли: и покры вся горы высокія, яже бяху подъ небесемъ: пятьнадесять локтей горѣ возвысися вода, и покры вся горы высокія.

Если и по прекращеніи проливнаго дождя изъ хлябій небесныхъ, продолжавшагося только 40 сутокъ, вода потопная прибывала все болѣе, пока наконецъ покрыла самыя высокія горы, то слѣдуетъ заключить, что главною причиною всемірнаго потопа были не хляби небесныя, а подземныя воды, которыя дѣйствовали съ преимущественною силою и продолжительностію. — Если сказано, что вода поднялась на пятнадцать локтей, покрывъ *всѣ горы высокія*, это должно понимать не въ отношеніи къ горамаъ, ибо ихъ высота различ-

на, — но въ отношеніи къ ковчегу, который, всюду носясь по водамъ, нигдѣ не касался горныхъ вершинъ, покрытыхъ водою, хотя погружался на 15 лактей.

21—23. И умре всякая плоть движущаяся по земли, птицъ и скотовъ, и звѣрей, и всякій гадъ движущійся на земли, и всякій человѣкъ. И вся елика имуть дыханіе жизни, и все, еже бѣ на суши, умре. И потребися всякое востаніе (*существо*), еже бяше въ лицѣ всея земли, отъ человѣка даже до скота, и гадовъ, и птицъ небесныхъ, и потребишася отъ земли: и оста Ное единъ, и иже съ нимъ въ ковчезѣ.

Хотя потопъ былъ посланъ на землю собственно за грѣхи людей, но чтобы люди видѣли, какъ тяжка ихъ вина, казнь за нее распространена на несмысленную тварь. Казнь эта тѣмъ поразительнѣе, что отъ нея погибло несметное множество животныхъ. Родъ человѣческій, какъ произшедшій отъ одной четы, не могъ въ теченіе двухъ тысячъ съ небольшимъ лѣтъ до потопа распространиться по всему лицу земли ⁽⁶⁾. По сотвореніи бывъ поселены въ одной избранной мѣстности, люди изъ ней, какъ изъ средоточія, могли расселяться по землѣ только постепенно, мало-по-малу. Но животныя буквально наполняли всю землю, потому что и сотворены были вдругъ въ огромномъ количествѣ; въ исторіи о сотвореніи ихъ не сказано, чтобы каждый родъ ихъ явился на свѣтъ только въ одной четѣ, и притомъ въ одномъ мѣстѣ, а сказано прямо напримѣръ о животныхъ сухопутныхъ: *да изведетъ земля душу живу, четвероногая и гады и звѣри*

(6) По свидѣтельству геологическихъ данныхъ, люди до потопа даже въ Европѣ не успѣли расселиться, не говоря о другихъ болѣе отдаленныхъ частяхъ свѣта.

земли по роду: и бысть тако (Быт. 1, 24), т. -е. на всей землѣ, безъ всякаго ограниченія мѣстомъ, показались животныя и безъ сомнѣнія во многихъ однородныхъ четахъ. Понятно, въ какомъ огромномъ количествѣ они должны были расплодиться ко времени потопа. Но во время потопа *умре всякая плоть движущаяся по земли*,—умре не только въ мѣстахъ обитанія человѣка и вмѣстѣ съ человекомъ, но и въ отдаленныхъ отъ него мѣстахъ, за десятки тысячъ верстъ отъ его обитанія, куда не досягала до нихъ власть человѣка. Видно тяжка была вина человѣка предъ Богомъ, когда надлежало осудить за нее на гибель несмысленную тварь, и когда отъ этой гибели не могли спасти ее громады разстоянія, отдѣлявшія ее отъ человѣка.

24. И возвысися вода надъ землею дней сто пятьдесятъ.

Наводненіе, начавшееся съ 27 дня втораго мѣсяца, возростало въ теченіе 150 дней, преимущественно, какъ выше было замѣчено, отъ дѣйствія подземныхъ водъ, продолжавшагося и по прекращеніи дождя изъ хлябій небесныхъ. Безъ сомнѣнія всемогущій Богъ могъ бы въ одинъ день, даже въ одну минуту произвести то, что происходило въ теченіе 150 дней, и такимъ образомъ вдругъ погубить людей, обреченныхъ на потопленіе: но неспѣшностію казни давалось имъ время на покаяніе. Если не дѣйствовали на людей угрозы наказаніемъ, могло подѣйствовать на нихъ приведеніе въ исполненіе сихъ угрозъ; спасаясь отъ поглощенія водою на деревья, на вершины горъ, и видя, что нигдѣ нѣтъ спасенія для нихъ, они самою неминуемостію бѣды могли быть пробуждены отъ духовной безпечности, въ которой жили до толѣ, смириться предъ карающимъ Богомъ и воззвать къ Нему, да спасетъ ихъ отъ вѣчной гибели, если не угодно

Ему избавить ихъ отъ временной. Что не всѣ погибшіе въ потопѣ погибли духовно, видно изъ того, что, по слову Ап. Петра, Господь Иисусъ, сошедъ по смерти душею въ адъ, принесъ сюда вѣсть о спасеніи духамъ нѣкогда непокорнымъ ожидавшему ихъ Божію долготерпѣнію во дни Ноя, во время строенія ковчега (1 Петр. 3, 20.).

Несомнѣнно, что потопъ при Ноѣ былъ всемірный, а не ограничивался одною или нѣсколькими странами. Если Бытописатель говоритъ, что вода при Ноѣ «покры вся горы высокія, яже бяху подъ небесемъ», что тогда «умре всякая плоть», что вода поднималась все выше въ продолженіе 150 дней, то этими выраженіями ясно означается всеобщность потопа не только въ отношеніи къ роду человѣческому, но и въ отношеніи къ цѣлой землѣ. Можно ли представить столь необыкновенное и столь продолжительное возвышеніе воды на какомъ бы ни было мѣстѣ, не допустивъ, что уровень ея былъ тогда выше всей поверхности суши?—Притомъ, еслибы потопъ простирался только на одну страну, гдѣ жилъ Ноѣ, то зачѣмъ Богъ повелѣлъ ему строить ковчегъ и собирать сюда животныхъ? Не проще ли было бы, вмѣсто того чтобы возлагать на Ноя этотъ громадный трудъ, удалить его изъ угрожавшей потопомъ страны въ другія мѣста, какъ удаленъ былъ Лотъ съ семействомъ изъ обреченнаго на гибель Содома?—Еще: по окончаніи потопа, Богъ далъ торжественное обѣщаніе Ною, что *впередъ не будетъ потопъ водный, еже истлѣти всю землю* (Быт. 9, 11). Это обѣщаніе должно понимать такъ, что впередъ не повторится потопъ *всемирный*, подобный бывшему при Ноѣ, — ибо частныя, мѣстныя наводненія бывали и послѣ Ноя.—Сказаніе св. писанія о всемірномъ потопѣ подтверждается также преданіями древнихъ народовъ (указаніе на эти преданія см. въ библейской исторіи мит. Филарета въ концѣ втораго періода), и слѣдами это-

го событія, до сихъ поръ видными на землѣ. Такъ на горныхъ высотахъ отъ 12,000 (на Кордильерахъ въ Америкѣ) до 16,000 футовъ (на Гималайскомъ хребтѣ въ Азіи) надъ уровнемъ моря, попадаются остатки животныхъ, которыя обыкновенно обитаютъ въ долинахъ, какъ-то: оленей, лошадей, медвѣдей, слоновъ, мамонтовъ и другихъ. Окаменѣлыя раковины животныхъ, обитающихъ въ моряхъ, встрѣчаются не только вдали отъ морскихъ береговъ, но также на весьма значительной высотѣ надъ морскимъ уровнемъ, отъ 8,000 футовъ (на горахъ пиринейскихъ) до 18,000 (на Гималаѣ). На равнинахъ и по склонамъ горъ на высотѣ 2000 футовъ, какъ напримѣръ въ горахъ альпійскихъ, разбросаны заносные камни, часто непомѣрной величины, такіе, которые по своему составу не принадлежатъ къ тѣмъ горнымъ породамъ, на которыхъ они покоятся нынѣ, и сходны съ породами весьма отдаленными отъ нихъ. На камняхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Франціи и Германіи замѣчаются отпечатки растеній восточной Индіи и южной Америки^(в).

Гл. 8 ст. 1. И помяну Богъ Ноа и вся звѣри, и вся скоты, и вся птицы, и вся гады пресмыкающіяся, елика бѣху съ нимъ въ ковчезѣ: и наведе Богъ духъ на землю, и преста вода.

И помяну Богъ Ноа и вся звѣри... Богъ, какъ существо неизмѣняемое и всевѣдущее, никого и ничего не можетъ забывать. Но человѣкъ, постигнутый горемъ и лишеніями, можетъ иногда тревожиться опасеніями, не забылъ ли его Богъ, помнить ли о немъ, не пересталъ ли заботиться о немъ. Подобныя опасенія могли иногда смущать и благочестиваго

(в) Бóльшія подробности см. въ помянутой статьѣ Хр. Чтенія 1861 г. «Разборъ сужденій новѣйшихъ естествоиспытателей о Ноевомъ потопѣ».

Ноя. Живя безвыходно и долго въ ковчегѣ и не видя конца бѣдствію потопа, все болѣе усиливавшася, Ной могъ по временамъ предаваться грустнымъ мыслямъ о своемъ положеніи и о положеніи заключенныхъ съ нимъ въ ковчегѣ существъ, хотя эти грустныя мысли не переходили въ ропотъ на Бога и не измѣняли господствующаго въ немъ настроенія души преданной Богу, вѣрующей и уповающей на него. Подъ вліяніемъ ихъ Ной, естественно, желалъ скорѣйшаго прекращенія своего какъ бы темничнаго заключенія, и могъ говорить передъ Богомъ: «доколь, Господи, будетъ длиться гнѣвъ твой на землю, опустошаемую потопомъ? Будетъ ли конецъ нашей тѣсноты? Не забылъ ли ты насъ Господи? Помяни насъ ради благости твоя (Псал. 24, 7), прекрати бѣдствіе потопа и ускори извести насъ изъ этой тѣсноты на просторъ...» Теперь понятно, что значитъ *помяну Богъ Ноя*. Это человѣкообразное о Богѣ выраженіе примѣнено къ чувствованіямъ Ноя предъ Богомъ, которыя Ной выражалъ передъ Нимъ, какъ бы передъ человѣкомъ. «Не забудь насъ Господи, вспомни про насъ», — говорилъ Ной, и Богъ внялъ его мольбѣ, *помянулъ* его и всѣхъ живущихъ съ нимъ, т.-е. призналъ благовременнымъ остановить возрастаніе потопа и приблизить срокъ освобожденія изъ ковчега заключенныхъ въ немъ. — *И наведе Богъ духъ* (т.-е. вѣтеръ) *на землю, и преста вода*, т.-е. перестала подниматься.

2. И заключишася источницы бездны, и хляби небесныя: и удержася дождь отъ небесе.

Проходы водъ изъ подземныхъ водоемовъ закрылись, слѣдственно устранена главная причина возрастающаго наводненія. Что касается до хлябій небесныхъ, то дѣйствіе ихъ сильно было собственно только въ первые 40 сутокъ отъ начала потопа, когда шелъ изъ нихъ непрерывный проливной

дождь. По истеченіи 40 сутокъ сила хлябій небесныхъ истощилась, и дождь изъ нихъ хотя продолжался, но не безпрерывно; а теперь чрезъ 150 дней отъ начала потопа дождь совсѣмъ прекратился, небо если и не совсѣмъ очистилось отъ тумановъ, но гонимые вѣтромъ они уже не изливали дождя.

3. И вспятъ поиде вода идущая отъ земли: и умяляшеся вода по стѣ пятидесяти днехъ.

Гонимыя вѣтромъ воды стали постепенно убывать на сушѣ и возвращаться къ первоначальнымъ своимъ вмѣстителямъ: большая часть воды открыла себѣ, по манію Божию, проходы для стока въ подземныя полости и пещеры, остальная часть должна была осѣсть въ морскихъ и рѣчныхъ ложахъ. Такая убыль воды на сушѣ началась ровно по истеченіи 150 дней послѣ 27 дня втораго мѣсяца, когда пошелъ потопный дождь.

Свящ. В. Нечаевъ.

ЗАМЕРЗАНИЕ ВОДЫ.

Повесть холодный северный вѣтръ, и вода твердѣеть, какъ хрусталь (Сир. 43, 22.)

Въ странахъ, имѣющихъ умѣренный и особенно холодный климатъ, наступленіе зимы обыкновенно сопровождается тѣмъ, что въ озерахъ, рѣкахъ и другихъ вмѣстилищахъ воды поверхность ея превращается въ ледъ. Удивительны дѣйствія зимней стужи! Вода, вещество жидкое и текучее, отъ дуновенія вѣтра приходившее въ волненіе, теперь отъ холода *твердѣеть, какъ хрусталь*. Ледяной покровъ воды становится столько твердымъ, что на немъ открываются удобныя дороги между мѣстами раздѣленными прежде, являются новые пути, по которымъ безопасно ходятъ люди и перевозятся значительныя тяжести. Особенно поразительными являются дѣйствія холода въ полярныхъ моряхъ: тамъ образуются громадныя массы льда, которыя, будучи переносимы теченіями океана въ мѣста болѣе теплыя, являются какъ пловучія ледяныя горы, приводящія въ удивленіе и страхъ мореплавателей съ ними встрѣчающихся.

Дѣйствія холода, обнаруживающіяся въ замерзаніи воды, подобно другимъ явленіямъ природы, кажущимся разрушительными, не могутъ простираются далѣе тѣхъ предѣловъ, какіе положены для нихъ премудростію Всеблагаго Творца міра, не могутъ разрушить жизни на земномъ шарѣ. Въ самомъ дѣлѣ, зимніе морозы не препятствуютъ человѣку пользоваться

ся водою. Дѣйствія мороза не могутъ простираются далеко во внутренность земли, а потому изъ подземныхъ источниковъ, изъ ключей и колодцевъ, человѣкъ можетъ получать для себя воду и зимою такъ же, какъ и въ другое время года. Но особенно заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что въ большихъ вмѣстилищахъ воды, открытыхъ для дѣйствія холоднаго воздуха, какъ-то въ озерахъ, рѣкахъ и даже въ прудахъ, при всей суровости и продолжительности зимней стужи, вода не можетъ вымерзнуть окончательно. То-есть, ледъ образуется только на поверхности воды, а близъ береговъ и въ немногихъ другихъ случаяхъ можетъ частію образоваться и на днѣ, — вся же вода находящаяся въ срединѣ остается жидкою, незамерзшею. Если обратимъ вниманіе на какое-нибудь глубокое вмѣстительство воды и сравнимъ количество воды превратившейся въ ледъ съ количествомъ воды незамерзшей, то окажется, что первое, по сравненію съ послѣднимъ, весьма незначительно. Все это замѣчается не только въ странахъ обитаемыхъ нами, но и въ странахъ болѣе холодныхъ. Оттого въ зимнее время, какъ и лѣтомъ, мы удобно можемъ доставать себѣ воду въ прорубяхъ изъ рѣки или пруда; и жизнь обитающихъ въ водѣ животныхъ зимою не прекращается: множество рыбъ плаваетъ въ водѣ и наслаждается свойственною имъ жизнію и теперь, какъ и въ другое время года.

Въ указанныхъ явленіяхъ можно усматривать распоряженіе Промысла Премудраго Творца, по волѣ Котораго вода обильно снабжена средствами защищающими ее отъ чрезмерно сильнаго вліянія на нее зимней стужи. Разсмотримъ же, въ чемъ состоятъ эти средства.

Вода по внѣшнему своему виду является намъ въ трехъ состояніяхъ: твердою, — въ видѣ льда и снѣга, жидкою, и въ видѣ паровъ; каждое изъ сихъ состояній зависитъ отъ

большей или меньшей степени тепла, или, иначе сказать, отъ температуры. Замерзаніе воды можетъ начаться только тогда, когда она охладится до значительной степени; температура, при которой начинается этотъ переходъ воды въ твердое состояніе, называется точкою замерзанія, и на термометрахъ, у насъ употребляющихся, означается нулемъ (0°); отсюда идетъ счетъ градусовъ тепла и холода. Вода имѣетъ то свойство, что какъ вообще охлажденіе ея, такъ тѣмъ болѣе охлажденіе до того, чтобы она могла замерзнуть, происходитъ медленно, съ большею постепенностью. Всѣми этими обстоятельствами уже по необходимости замедляется замерзаніе воды въ большихъ вмѣстителяхъ.

Но особеннаго вниманія заслуживаетъ тотъ законъ, по которому происходитъ измѣненіе объема воды при ея охлажденіи: въ этомъ отношеніи вода представляетъ замѣчательное исключеніе изъ другихъ тѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстно, что тѣла при нагрѣваніи расширяются въ своемъ объемѣ а при охлажденіи сжимаются. По большей части замѣчаютъ, что это уменьшеніе объема при охлажденіи продолжается и тогда, когда тѣло переходитъ въ твердое состояніе; а потому вообще твердое тѣло опредѣленнаго объема имѣетъ бѣльшую плотность и бѣльшій вѣсъ, нежели то же самое тѣло того же объема, находящееся въ расплавленномъ состояніи. Отсюда объясняется явленіе, замѣчаемое при расплавленіи многихъ металловъ: кусокъ твердаго металла обыкновенно тонетъ, будучи опущенъ въ расплавленную массу того же самага металла; подобное можно замѣтить при расплавленіи воска, стеарина и другихъ тѣлъ. Но при охлажденіи воды замѣчается иное: теплая вода, охлаждаясь болѣе и болѣе, сначала сжимается подобно прочимъ тѣламъ, но охладившись до температуры $3\frac{1}{4}$ градусовъ тепла (по Реомюрову термометру), снова начинаетъ расши-

ряться, и эта расширяемость продолжается и при дальнѣйшемъ ея охлажденіи до самаго замерзанія, такъ что ледъ бываетъ значительно легче холодной воды, и льдины плаваютъ по водѣ. Разширеніе воды при ея замерзаніи обнаруживается въ разныхъ явленіяхъ: такъ извѣстно, что стеклянные сосуды съ водою, выставленные на сильный морозъ, трескаются при замерзаніи воды; если выставить на морозъ даже металлическій крѣпкій сосудъ, наполненный водою и плотно закупоренный, то при замерзаніи воды обнаруживается такая страшная сила, что сосудъ можетъ разлетѣться на части. Должно впрочемъ замѣтить, что извѣстны и нѣкоторыя другія тѣла разширяющіяся при переходѣ изъ жидкаго состоянія въ твердое, но число этихъ тѣлъ весьма незначительно; по большей же части объемъ тѣлъ постоянно уменьшается при ихъ охлажденіи.

Разширеніе воды при ея замерзаніи является могущественнымъ средствомъ для защиты ея отъ холода. Въ самомъ дѣлѣ, съ наступленіемъ холоднаго времени года поверхность озеръ, прудовъ и рѣкъ, отъ соприкосновенія съ холоднымъ воздухомъ и отъ другихъ причинъ, охлаждается; слои воды, находящіеся на поверхности, вслѣдствіе охлажденія сжимаются, становятся болѣе тяжелыми и опускаются въ глубину; другія частицы, находившіяся внизу, занимаютъ ихъ мѣсто на поверхности воды, но и онѣ охладившись опускаются внизъ. Такимъ образомъ происходитъ постепенное охлажденіе всей массы воды вслѣдствіе поднятія и опусканія ея частицъ. Но при охлажденіи воды до $3\frac{1}{4}$ градусовъ тепла, это движеніе слоевъ ея прекращается: ибо при дальнѣйшемъ охлажденіи вода расширяется, становится легче, а потому уже не опускается внизъ, но находится на своемъ мѣстѣ и защищаетъ ниже лежащій слой воды отъ дальнѣйшаго охлажденія. При продолжающемся холодѣ поверхность воды замерзаетъ, и этотъ ледяной покровъ служитъ также защитой для воды отъ холода, а потому дальнѣйшее замерзаніе происходитъ медленно, и толщина льда увеличивается понемногу; во глубинѣ же вода содержитъ въ себѣ около $3\frac{1}{4}$ градусовъ тепла; эта температура очень значительна въ сравненіи съ температурою воздуха въ зимнее время. Такъ происхо-

дить замерзаніе воды во вмѣстилищахъ прѣсной воды; въ моряхъ же и соленыхъ озерахъ холодныхъ странъ, законъ измѣненія объема ея при охлажденіи нѣсколько измѣняется; но то обстоятельство, что вода расширяется при замерзаніи, что ледъ легче воды, замѣчается повсюду.

Представимъ же себѣ, что было бы, если бы вода отъ охлажденія постоянно сжималась, подобно большей части другихъ тѣлъ. Тогда частицы ея, замерзшія на поверхности, дѣлаясь отъ сжиманія болѣе тяжелыми, опускались бы внизъ; болѣе теплыя поднимаясь также замерзали бы и опускались, а потому вся масса воды въ непродолжительное время превратилась бы въ массу льда. Человѣкъ не могъ бы зимою доставать себѣ воды изъ ея вмѣстилищъ; рыбы и другія живыя твари находящіяся въ водѣ должны были бы умереть. И съ наступленіемъ весны и лѣта отъ медленнаго таянія льдовъ, неизбѣжнаго при толстотѣ ихъ массы, продолжался бы въ нашихъ умѣренныхъ странахъ мертвящій холодъ. Природа окружающая насъ приняла бы тогда суровый видъ. Но всѣ такія бѣдствія предотвращены попечительностію Творца, благоволившаго даровать водѣ особые законы, относительно вліянія на нее зимней стужи.

Поистинѣ, благъ Господь ко всѣмъ твореніямъ Своимъ (Псал. 144, 9); *въ Его рукъ душа всего живущаго и духъ всякой плоти человѣческой* (Іов. 12, 10). Благодѣтельность Творца опредѣлила воззвать существа отъ небытія къ бытію, премудрость Его даровала имъ все нужное для продолженія ихъ жизни. Промыслъ Божій опредѣлилъ, чтобы однимъ изъ необходимыхъ условій къ поддержанію жизни обитателей земли была вода, и тотъ же Промыслъ предохраняетъ ее какъ отъ всего, что могло бы сдѣлать ее неспособною къ сей цѣли, такъ и отъ чрезмѣрно сильнаго дѣйствія на нее зимней стужи. «Хвалите Господа всѣ бездны, градъ, снѣгъ и туманъ, духъ бури испосняющія слова Его» (Псал. 148, 7, 8).

Димитрій Голубинскій.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО ФИЛАРЕТА.

1. Къ архіепископу Рязанскому Гавріилу.

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!—Привѣтствую васъ радостію Рождества Спасителя и даромъ новаго лѣта. Иже нова вся творить, да даруетъ вамъ новыя силы къ продолженію общепользнаго дѣйствованія ко славѣ Его.—Благодарю, что вы мое смиреніе словомъ и желаніями благими посѣтили.—Вы справедливо догадывались, что день освященія храма въ новомъ кадетскомъ корпусѣ былъ для меня многотруденъ. Я предъ тѣмъ болѣе недѣли не выходилъ изъ дома отъ простуды, и потому былъ безсиленъ. Утомленный же дѣйствіемъ освященія, едва не безгласенъ былъ во время литургіи и съ трудомъ рѣшился говорить слово. Малый отдыхъ послѣ церковнаго служенія далъ мнѣ возможность быть и за обѣдомъ, отъ котораго также, какъ должностнаго, неудобно было мнѣ уклониться.—Разрѣшительное дѣйствіе вашей болѣзни хотя и ослабило васъ, но мнѣ кажется, должно имѣть хорошее послѣдствіе. Для нѣкотораго укрѣпленія тѣла отвиѣ не испытывали ль вы отираніе кельнскою водою пополамъ съ теплотою водою?—Преосвященный Гедeonъ не крѣпкаго здоровья. Видя его въ проѣздѣ въ Петербургъ и обратно, я думалъ ранѣе прошедшаго года, что ему хорошо было бы остаться въ Полтавскомъ климатѣ.

Множество безмѣстныхъ—общее затрудненіе; хотятъ помочь сему тѣмъ, чтобы причетническихъ дѣтей не пускать въ высшія училища. Я сказалъ, что еслибы сіе несчастное правило было взято ранѣе, то не было бы митрополитовъ Платона, Михаила, первосвященныхъ Тихона Воронежскаго и Иннокентія Пензенскаго. Владыка Кіевскій,

услышавъ тоже, пишетъ ко мнѣ тоже. Да даруетъ Господь мудрость братіямъ нашимъ, иже въ Петербургѣ, побѣдить затрудненія, которыя сами умножаютъ уменьшеніемъ штатныхъ мѣстъ.—Прося молитвъ вашихъ, съ истиннымъ почтеніемъ и любовію о Господѣ пребываю вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Филаретъ, митрополитъ Московскій. Въ Москвѣ генваря 1, 1850.

2. Княгиня Вяземской.

Благословеніе и миръ отъ Господа рабъ Его кн. Елисаветъ и чадамъ твоимъ съ тобою. Сегодня второе ваше изъ слободы вашей письмо получаю; благодарю за воспоминаніе обо мнѣ; а что сомнѣваетесь писать ко мнѣ, то напрасно: не приписывайте мнѣ такого недосуга, который бы не позволилъ читать ваши письма. Оставьте сію мысль о недосугѣ моемъ для того, чтобы, когда я неисправенъ въ отвѣтахъ, судить обо мнѣ благосклонно.

Вы живете въ *слободѣ*; имя слободы произошло въ старину отъ *свободы*, потому и вамъ надо пользоваться свободою отъ суеты городскихъ, для спокойствія души, и не унывать. Васъ приводятъ въ уныніе отдаленность отъ знаемыхъ, но и въ отдаленности видимой есть близость душъ, наипаче обращающихся къ Богу.—И такъ съ воспоминаніемъ о знаемыхъ обращайтесь къ Нему (что и они конечно дѣлаютъ), и упокоивайтесь въ желаніи, да все въ Немъ едино будетъ.

Болѣзнь дочери есть причина заботы, которой я не стану оспаривать у матери, однакоже забота не лекарство ни для дочери, ни для матери. Просите Бога, чтобъ далъ средства врачеванія, употребляйте ихъ и опять просите Бога, чтобы Онъ благословилъ ихъ дѣйствіе. Сказать ли вкратцѣ, что значать всѣ причины вашего унынія и самое уныніе? Все тайныя призыванія Божіи, чтобы вы паче и паче къ Богу прибѣгали. Ибо хотя и теперь прибѣгаете, но, безъ сомнѣнія, не почитаете себя достигшими; а Онъ по благости Своей все употребляетъ для привлеченія васъ къ Себѣ, для приближенія, и наконецъ для глубокаго внутренняго соединенія съ Нимъ въ вѣрѣ и любви. Въ семъ заключается отгадка

многого загадочнаго въ жизни, но отгадка сія такъ велика, что, пока живемъ, частозагадка всегда остается не отгаданною. Положимся на Премудраго, Который составилъ загадку жизни, и отъ Него же съ терпѣніемъ и надеждою подождемъ разрѣшенія. Да разрѣшить Онъ ваши заботы въ спокойствіе, скорби въ утѣшеніе, молитвы въ исполненіе; да покрываетъ васъ и чадъ вашихъ.

Слава Богу, что волненіе сосѣдства не `касается вашихъ. Да вразумитъ Онъ васъ поддержать ихъ предостерегательно смотрѣніемъ за своими, наблюденіемъ между ими порядка безъ излишней строгости и попечительнымъ снисхожденіемъ къ нимъ безъ послабленія.

Въ П... буря не шумитъ попрежнему, но облака не сходятся. 23 іюня.

3. Къ ней же (поздравленіе со днемъ рожденія)

Благословеніе и милость отъ Господа рабѣ Его кв. Елисаветѣ и чадамъ твоимъ. Желаю, чтобы вчера, какъ слышу, начавшійся новый годъ вашъ принесъ вамъ новую благодать отъ Источника благихъ, новый свѣтъ познавать Его, новую силу любить Его и творить волю Его, новую помощь въ дѣлахъ земнаго званія вашего. Вчера я помышлялъ о семъ и написать сіе желалъ, но былъ воспрепятствованъ.

Вы жалуетесь на себя. Безъ сомнѣнія, лучше былобы, если въ стремленіи къ Богу ничто не удерживало, никакая скорбь, никакая забота, даже и естественная о присныхъ; но когда еще до сего не достигнуто, благоугодно и то Всеблагому Отцу Небесному, когда мы отъ узъ, привязывающихъ насъ къ земному, возводимъ къ Нему взоры, простираемъ руки, жалуемся на себя, что не довольно усиливаемся освободиться, и умоляемъ Его, чтобы послалъ намъ силу. И такъ жалуйтесь на себя, только не себѣ, а Богу; между тѣмъ не унывайте, не оставляйте надежды, не отдавайтесь добровольно тому, на что жалуетесь, и милосердый Богъ не оставитъ Своего въ васъ дѣла, а кромѣ Его кто сотворитъ? Богъ да благословитъ путь вашъ и да устроитъ благое начало дѣлу сына вашего. 12 августа.

4. Г-жѣ Хитровой.

Услышавъ, что здоровье ваше не въ желаемомъ положеніи, и призывая вамъ помощь отъ Господа, пожелалъ я притомъ, навѣстить васъ посредствомъ сихъ строкъ, такъ какъ и вы вашими письмами по временамъ меня посѣщали.

Съ надеждою на Бога, съ послушаніемъ волъ Его святой, да приложится попеченіе о вашемъ здоровіи тѣлесномъ и душевномъ, и преимущественно душевномъ. Вы отдадите справедливость сей мысли: потому что здоровіе тѣлесное на время, а въ здоровіи душевномъ заключается начало вѣчной жизни. Желаю, чтобы вамъ дано было, не послѣдовать обычаю многихъ, которые заботятся о врачеваніи тѣла, и отлагаютъ врачеваніе души до безнадежности врачеванія тѣлеснаго. Лучшій порядокъ, хотя, можетъ быть, не многими соблюдаемый, есть тотъ, чтобы поспѣшать употребленіемъ врачеванія духовнаго, предлагаемаго святою церковію, которое вѣрно и всегда полезно душѣ, и которымъ благословляется и споспѣшествуется и тѣлесное врачеваніе. Желаю, чтобы Господь расположилъ вашу душу лучше моихъ напоминаній своею благодатію; напоминанія же мои, предлагаемыя вамъ какъ себѣ, примите какъ плодъ искренняго желанія вамъ истиннаго блага. Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ пребываю. Москва, 19 января 1846 г.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ОСЕНТЯВРЬ.

1868.

ОПИСАНІЕ БОГОСЛОВСКИХЪ УЧИЛИЩЪ НА ВОСТОКЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ 1860 г.)

I. Халкинское Богословское училище.

Въ 1844 году, въ первое патріаршество патріарха Германа, на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ, именуемомъ Халки (въ 2-хъ часовомъ разстояніи отъ Константинополя), учреждено училище подъ именемъ *Богословскаго училища великой Христовой церкви* съ цѣлью доставлять умственное и нравственное образованіе молодымъ людямъ, желающимъ посвятить себя на служеніе церкви.

Училище сіе находится въ вѣдѣніи константинопольскаго патріарха. Но такъ какъ по множеству возложенныхъ на него заботъ, онъ лично не въ состояніи наблюдать постоянно и во всѣхъ подробностяхъ за состояніемъ сего училища, то онъ съ сѣномъ своимъ ежегодно избираетъ изъ числа пребывающихъ въ Константинополь архіереевъ 3-хъ, которые подъ именемъ Ефоріи (попечительства) составляютъ посредствующую инстанцію между патріархомъ и училищнымъ начальствомъ (Схолархомъ, ректоромъ) и какъ бы соотвѣтствуютъ нашему духовно-учебному управленію и отчасти академической конференціи.

Подобныя попечительства подъ именемъ Ефорій или Епитропій изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ учреждаются въ Константинополь и вообще на Востокъ и для другихъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, также въ приходахъ, для наблюденія за дѣлами церковными и общинными, при построеніи новыхъ церквей и въ другихъ весьма многихъ случаяхъ, когда частнымъ лицамъ поручается общественное дѣло и требуется наблюденіе за ихъ

дѣйствіями, котораго духовенство и народъ не могутъ и не желаютъ предоставить мѣстному правительству. Всѣ эти ефоріи и епитропіи, во множествѣ существующія на Востоку, даютъ православнымъ христіанамъ возможность, безъ учрежденія присутственныхъ мѣстъ и безъ особыхъ издержекъ, сохранять, при существованіи магометанскаго правительства, по возможности самостоятельное и независимое управленіе нѣкоторыми народными и церковными дѣлами.

О дѣятельности этихъ ефорій и объ усердіи православнаго населенія въ Турціи могутъ дать понятіе слѣдующія цифры. Гатигумаюномъ 1856 г. всѣмъ поданнымъ Порты разрѣшено безпрепятственно воздвигать новыя и исправлять старыя церкви, монастыри, учебныя, благотворительныя и другія заведенія. Съ обнародованія указа до іюня 1860 года греческою (т. е. православною) общиною въ Турціи воздвигнуто вновь или исправлено 843 зданія, а всѣми остальными общинами 191 (армянами 121, армяно-католиками 26, латинами 22, евреями 13, протестантами 6, казаками 3).—Въ Константинополь строится и приближается къ концу огромная и великолѣпная церковь св. Константина и Елены, первая съ 1453 года.

Что касается до названія епитроповъ, оно имѣетъ весьма обширное и разнообразное значеніе. Такъ называются греками и сильнодальный оберъ-прокуроръ въ Аѳинахъ, и патріаршіе повѣренныя, и церковныя старосты, и опекуны и т. д. Члены нынѣ созванной европейской комиссіи въ греческихъ газетахъ также называются епитропами.

Ефорія халкинскаго Богословскаго училища избираетъ учителей и представляетъ патріарху и синоду о ихъ опредѣленіи и также объ увольненіи ихъ, по собственному ихъ желанію или по представленію о семъ Схоларха; опредѣляетъ духовника и іеромонаха для совершенія ежедневнаго богослуженія, эконома, письмоводителя, бібліотекаря и врача (первыхъ двухъ съ вѣдома патріарха); по испытаніи учителями желающихъ вступить въ число воспитанниковъ, разсматриваетъ требуемыя отъ нихъ поручительства, и отсылаетъ ихъ Схоларху, выдавъ имъ билетъ на вступленіе; по представленію Схоларха исключаетъ неблагодежныхъ учениковъ; присутствуетъ при экзаменахъ, при чемъ одинъ изъ ея членовъ читаетъ выдаваемый дипломъ; посѣщаетъ въ другія времена училище, и обязана пещись обо всемъ, что относится къ содержанію, внутреннему составу и преуспѣванію училища. Со всѣми своими распоряженіями Ефорія относится исключительно къ Схо-

ларху, а въ концѣ года представляетъ патріарху отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ. По истеченіи годичнаго срока тѣ же самыя лица могутъ быть назначены ефорами и на слѣдующій годъ.

Внутреннее управленіе училищемъ ввѣрено Схоларху, который назначается самимъ Вселенскимъ патріархомъ и его синодомъ. Схоларху подчинены, какъ наставники, такъ и экономъ и всѣ другія должностныя лица въ училищѣ, и въ случаѣ надобности, онъ дѣлаетъ имъ замѣчанія или представляетъ объ увольненіи ихъ. Онъ преподаетъ, если желаетъ, нѣкоторыя изъ богословскихъ и философскихъ предметовъ и имѣетъ высшій надзоръ за преподаваніемъ всѣхъ наукъ: наставники обязаны предъявлять ему свои программы и въ преподаваніи соображаться съ его замѣчаніями; онъ же имѣетъ высшее наблюденіе за нравственностью учениковъ, подвергаетъ ихъ наказанію, или представляетъ объ исключеніи ихъ; онъ предсѣдательствуетъ при экзаменахъ, читаетъ годичный отчетъ, подписываетъ и вручаетъ воспитанникамъ дипломы (утвержденные подписью патріарха). Схолархъ ведетъ постоянныя сношенія съ Ефорією, въ которую черезъ него же препрождаются прошенія учителей и другихъ лицъ, не имѣющихъ права сноситься съ Ефорією помимо его. Въ случаѣ надобности Схолархъ относится непосредственно къ самому патріарху. Онъ имѣетъ постоянное пребываніе въ училищѣ.

Хозяйственныя заботы по училищу лежатъ не на Схолархѣ, а на казначеѣ, который вмѣстѣ съ ефорами ежегодно избирается изъ числа синодальныхъ архіереевъ Патріархомъ и его синодомъ, и въ которомъ, такъ сказать, сосредочивается хозяйственное управленіе заведенія. Онъ хранитъ назначенныя для его содержанія суммы и завѣдываетъ ими подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Ефорій, чрезъ расходчика или подрядчика припасаетъ все, что требуется для училища, раздаетъ самъ или чрезъ эконома жалованье наставникамъ и прочимъ лицамъ и т. д. Экономъ, который подчиненъ Схоларху и можетъ быть удаленъ по его требованію, однакоже непосредственно отъ казначея получаетъ все нужное для содержанія заведенія, и ему же ежедневно доноситъ о расходахъ и нуждахъ онаго. По истеченіи годичнаго срока казначей представляетъ патріарху подробный отчетъ объ употребленіи училищныхъ суммъ и т. д. По увѣренію нынѣшняго казначея, преосвященнаго амасійскаго, содержаніе халкин-

скаго училища обходится ежегодно въ 500.000 піастровъ, т. е. 25.000 руб. сереб.

Совокупное участіе патріарха, Ефоріи, казначея, и Схоларха въ управленіи училищемъ выражается, по весьма распространенному на Востокъ обычаю, слѣдующимъ образомъ. Печать училища составлена изъ 4-хъ частей, изъ коихъ одна хранится у патріарха, двѣ у ефоровъ и казначея, а четвертая съ рукояткою или ключемъ у Схоларха, и слѣдовательно можетъ быть употреблена только въ полномъ собраніи всѣхъ сихъ лицъ. Сею организациею управленія отстранена возможность произвольныхъ дѣйствій со стороны Схоларха, безъ излишняго стѣсненія его власти. Въ самомъ училищѣ ему подчинены всѣ и все, и не обремененный хозяйственными заботами, онъ тѣмъ невозбраннѣе можетъ заниматься главною своею обязанностию: руководить воспитанниковъ и самихъ наставниковъ къ предназначенной цѣли.

Теперешній Схолархъ митрополитъ ставропольскій Константій Типальдосъ—уроженецъ Ионическихъ острововъ и состоитъ въ англійскомъ подданствѣ. Прежде въ продолженіи 20 лѣтъ онъ былъ учителемъ семинаріи основанной въ Корфу Англичаниномъ лордомъ Гильфордомъ и удался оттуда, какъ говорятъ, по неудовольствію съ англійскимъ правительствомъ. Онъ снискалъ всеобщее уваженіе своихъ соотечественниковъ своею ученостью и другими достоинствами. Настоящее мѣсто онъ занимаетъ болѣе 16 лѣтъ, т. е. съ самаго основанія халкинскаго училища. Столь долгое пребываніе его въ главѣ училища не мало способствовало къ тому, чтобъ упрочить его вліяніе и возвысить значеніе его, такъ что ему подчиняются и Ефоры, тѣмъ болѣе, что они смѣняются весьма часто; вслѣдствіе чего даже въ такихъ распоряженіяхъ, которыя по уставу предоставлены усмотрѣнію Ефоріи, послѣдняя обыкновенно соображается съ желаніемъ Схоларха. Съ другой стороны долгое пребываніе Типальдоса во главѣ училища дало ему возможность, съ полнымъ успѣхомъ, согласно съ предначертанными мыслями устроить и направлять зеведеніе, которое проникнуто все однимъ духомъ и держится единымъ вліяніемъ начальства. Нельзя не сознаться, что подобныхъ плодовъ нельзя ожидать тамъ, гдѣ должность ректора составляетъ только переходную ступень, и гдѣ онъ отзывается весьма часто именно въ то время, когда онъ могъ бы начать благотворную дѣятельность. При училищѣ состоитъ

письмоводитель, опредѣляемый Ефорією, и зависящій непосредственно отъ Схоларха.

Халкинское Богословское училище назначено воспитывать служителей церкви, и молодые люди, вознамѣрившіеся избрать другой образъ жизни, въ училище не допускаются. При вступленіи отъ всѣхъ воспитанниковъ требуется: 1) чтобъ они дали обѣщаніе соблюдать въ точности всѣ правила и постановленія училищныя, и принять хиротонію въ самомъ училищѣ, до окончанія курса, какъ только достигнуть требуемаго для того канонами возраста (а); 2) чтобъ они представили отъ кого нибудь изъ архіереевъ поручительство за себя, что въ точности исполнять предложенныя условія. Если поручитель какого-нибудь изъ учениковъ скончается прежде исполненія сихъ условій, то ученикъ сей долженъ представить другаго поручителя. Если ученикъ пожелаетъ оставить училище до окончанія курса, или будетъ исключенъ изъ онаго по какой нибудь винѣ, а также если онъ откажется отъ исполненія данныхъ имъ обѣщаній, то поручитель его вознаграждаетъ училище, внося за каждый годъ пребыванія его въ немъ 25 турецкихъ лиръ, т. е. 2.500 піастровъ или 125 руб. сер.

Необходимость этихъ, повидимому, нѣсколько стѣснительныхъ условій объясняется слѣдующимъ. Училище халкинское содержится пожертвованіями архіереевъ. Пожертвованія сіи дѣлаются съ тою именно цѣлю, чтобы доставлять приличное умственное и нравственное образованіе служителямъ церкви. Кто подчиняется сему предназначенію, тотъ по праву пользуется ея благодѣяніями, т. е. получаетъ бесплатно содержаніе и обученіе. А кто не желаетъ подчиняться объявленнымъ условіямъ и хочетъ избрать иное поприще, тѣмъ предоставляется получать образованіе индѣ. Церковь же изъ своихъ скудныхъ средствъ не обязана и не можетъ давать безвозмездно воспитаніе всѣмъ безразлично. Кто воспользовался ея благодѣяніемъ, и уклоняется отъ цѣли, съ которою оно дано, тотъ восхищаетъ назначенное для другаго. Справедливость требуетъ, чтобъ оно было возвращено. Подобное же обязательство избрать духовное званіе существуетъ въ Аѳинахъ для воспитанни-

(а) Прежде отъ воспитанниковъ при вступленіи требовалось еще обѣщаніе, по окончаніи курса наукъ, какъ бы въ вознагражденіе за полученное ими воспитаніе, непременно послужить три года, по назначенію великой церкви. Въ послѣднемъ изданіи устава (1857 г.) сіе условіе исключено.

ковъ Ризаріевской семинаріи, но тамъ оно не исполняется. О нарушеніи же сего обязательства со стороны халкинскихъ воспитанниковъ не слыхать. Причины сей разности могутъ заключаться въ личномъ вліяніи Типальдоса и во всемъ внутреннемъ устройствѣ халкинскаго училища, которое незамѣтно располагаетъ воспитанниковъ къ принятію духовнаго званія. Отчасти сему способствуютъ внѣшнія, мѣстныя обстоятельства. Въ Элладскомъ королевствѣ положеніе духовенства весьма стѣсненное и нисколько не обезпеченное, и молодымъ людямъ открыты служебныя и другія поприща. Въ Турціи же христіанамъ заграждены почти всѣ пути; для вступленія въ купеческое сословіе не всѣ имѣютъ средства; за симъ остается только званіе врача (весьма почетное на Востока), званіе учителя, не всегда завидное, и духовное званіе, которое многіе и весьма охотно избираютъ. Изъ халкинскихъ воспитанниковъ нѣкоторые уже занимаютъ епископскія кафедры, въ томъ числѣ преосвященный Игнатій (болгаринъ) Родосскій, Неофитъ Хіосскій, Мелетій Раскійскій, и Иларіонъ (болгаринъ) Левкій. Другіе стоятъ на епископской очереди, т. е. занимаютъ мѣста архимандритовъ, епитроповъ, іеродіаконовъ, письмоводителей у патріарховъ или епископовъ. Другіе назначены іерокириксами (священнопроповѣдниками). Очень многіе, оставаясь въ духовномъ званіи, занимаютъ учительскія мѣста, какъ въ европейской, такъ и въ азіатской Турціи, двое въ самомъ халкинскомъ училищѣ: архимандритъ Аноимъ (болгаринъ) и іеродіаконъ Григорій Гогосъ. Схолархъ патріаршей школы въ Іерусалимѣ — Халкинскій воспитанникъ. Нѣкоторые, весьма немногіе, поступаютъ на Аѳонъ, но тамъ не уживаются: тѣсенъ монашескій путь молодымъ богословамъ, имѣющимъ въ виду епископскую кафедру. Въ настоящее время халкинское училище должно еще возвыситься. По новымъ постановленіемъ Константинопольскаго народнаго собранія (впрочемъ еще не вполнѣ утвержденнаго) отъ кандидатовъ въ епископы будетъ требоваться, чтобъ они или окончили курсъ, или выдержали испытаніе въ богословскомъ училищѣ.

Основанное въ бывшемъ монастырѣ святыя Троицы (б),

(б) На островѣ Халки существуетъ и другое училище, такъ называемое коммерческое или купеческое, впрочемъ только потому, что оно содержится пожертвованіями купцовъ. И оно учреждено въ зданіи бывшаго Богородицкаго монастыря, и слыветъ въ народѣ училищемъ Богородицкимъ (τῆς Παναγίας), точно такъ какъ Богословское называется Троицкимъ. Схолархъ

халкинское училище сохранило многія черты монашескаго общежитія. Одежда воспитанниковъ монашеская: черные подрясники, темно-синій поясъ, низенькія греческія камилавки. Ежедневно неупустительно совершается богослуженіе (при которомъ обязаны присутствовать всѣ живущіе въ заведеніи): утромъ въ 6 часовъ полунощница, утренняя и часы, вечеромъ вечерня и повечеріе; по воскресеньямъ и праздникамъ совершается литургія. Дневныя службы поются учениками поочередно. Старшіе воспитанники, посвященные въ іеродіаконы, говорятъ проповѣди съ амвона въ присутствіи наставниковъ и товарищей, въ которыхъ этимъ самымъ возбуждается соревнованіе и желаніе принять хиротонію. Передъ трапезою и послѣ оной бываетъ обычная молитва; во время трапезы читается какая-либо духовная книга. Къ общей трапезѣ являюся не только всѣ воспитанники, но и наставники, экономъ и другія лица живущія въ заведеніи. Постъ соблюдается со всею строгостію. Въ комнату другаго позволяется войти днемъ не надолго и по нуждѣ. Ученики исповѣдуются и причащаются св. Таинъ по крайней мѣрѣ 4 раза въ годъ, въ самые праздники по окончаніи постовъ. Предъ св. причастіемъ, по древнему обычаю, доннынѣ соблюдаемому также и въ Москвѣ въ Великій четвергъ (в), совершается елеосвященіе.

Наставники живутъ въ самомъ заведеніи и присутвуютъ при богослуженіи и общей трапезѣ. Преподаватели всѣхъ богословскихъ предметовъ непременно должны быть лица посвященные. Приставника (инспектора), положеннаго по уставу для надзора за воспитанниками, въ настоящее время не имѣется. Самъ Схолархъ, и одинъ онъ имѣетъ наблюденіе за нравственностью и поведеніемъ воспитанниковъ (г). Свободою, предоставленною имъ они не пользуются во зло: обращеніе и свободно и прилично. скромно и съ нѣкоторымъ достоинствомъ. За нарушеніе

купеческаго училища — архимандритъ Анеимъ Мазараки. Такое подчиненіе свѣтскаго училища духовному лицу на Востокѣ нисколько не кажется страннымъ.

(в) Въ Успенскомъ соборѣ.

(г) Говорятъ, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ сами доносятъ Схоларху о всемъ, что случается въ заведеніи. Можно пожалѣть, что духовникъ является въ училище только для исповѣди; еслибъ онъ жилъ среди воспитанниковъ, онъ могъ бы имѣть больше на нихъ вліяніе и быть полезнымъ помощникомъ Схоларха въ наблюденіи за ихъ нравственностію.

правиль подчиненности полагаются Схолархомъ наказанія: публичный выговоръ и исключеніе. Куреніе табаку строго воспрещается въ училищѣ. Однако, при третьемъ посѣщеніи моемъ, я въ 200 шагахъ отъ заведенія встрѣтилъ одного изъ старшихъ воспитанниковъ съ папирскою. Впрочемъ обычай куренія очень распространенъ въ восточномъ духовенствѣ и тамъ этимъ никто не соблазняется.

Распредѣленіе дня въ Халкинскомъ училищѣ слѣдующее. Въ 6 часовъ всѣ собираются въ церковь для слушанія утрени, послѣ которой воспитанникамъ дается по чашкѣ кофею и ломтю хлѣба. Отъ 8 до 12 часовъ преподаваніе и заучиваніе уроковъ. Въ 12 часовъ обѣдъ, состоящій изъ супа и двухъ блюдъ, которыхъ, по восточному обычаю, ставятся передъ каждымъ воспитанникомъ особо, въ отдѣльныхъ чашахъ; кромѣ того подаются сыръ, оливки (маслины), по временамъ плоды; иногда вмѣсто десерта даютъ турецкіе огурцы. Послѣ обѣда до половины втораго отдыхъ; до половины четвертаго уроки. Въ 4 часа вечерня. Послѣ вечерни прогулка, и приготовленіе уроковъ. Въ 8 часовъ ужинъ (тоже, что за обѣдомъ, безъ супа), за которымъ слѣдуетъ повечеріе. Спать ложатся обыкновенно въ 10 часовъ. Приготовлять уроки и заниматься дозволяется воспитанникамъ въ своихъ комнатахъ. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ отдѣльныя комнаты, другіе помѣщаются по два, и по три въ одной комнатѣ.

Два іеромонаха для совершенія ежедневныхъ богослуженій живутъ въ самомъ училищѣ. При училищѣ состоитъ врачъ, посѣщающій оное ежедневно. Въ самомъ училищѣ находятся больница и аптека.

Вступающіе въ Халкинское Богословское училище обязаны представить свидѣтельство отъ эллинскаго училища (д), въ которомъ учились, что удовлетворительно зна-

(д) Такъ называются среднія учебныя заведенія, въ которыхъ главный предметъ преподаванія составляетъ древній, классическій эллинскій языкъ, основа образованія всѣхъ грековъ. Нисшія же училища (элементарныя) называются аллилодидактическими, по господствующей въ нихъ методѣ взаимнаго обученія. Эта метода очень полюбилась грекамъ, и когда я выражалъ удивленіе, отъ чего она такъ распространена у нихъ, мнѣ отвѣчали, что еще болѣе удивляются, отъ чего она не принята въ Россіи. Особенно указывали на то, что эта метода даетъ возможность, безъ значительныхъ средствъ, при одномъ, много двухъ учителей, обучать до 200, или 300 дѣтей. Не только въ Аѳинахъ, но и въ Константинополѣ трудно найти безграмотнаго грека.

ють слѣдующія науки: этимологію и начало синтаксиса эллинскаго языка, ариметику, политическую географію и священный катихизисъ. Независимо отъ сего бываетъ и вступительный экзаменъ, но до крайности снисходительный. Въ послѣднее же время, чтобъ еще болѣе облегчить вступленіе въ халкинское училище, при немъ устроенъ приготовительный классъ, въ которомъ преподаются: этимологія и начало синтаксиса греческаго языка ежедневно полтора часа; ариметика два часа въ недѣлю; политическая и священная географія 3 часа въ недѣлю.

Предметы преподаванія семилѣтняго курса въ халкинскомъ богословскомъ училищѣ въ настоящее время суть слѣдующіе:

а) *Бословіе*: въ 1-й годъ священная исторія (3 часа); въ 3 и 4-й годъ церковная исторія (2 часа); въ 5 годъ догматическое богословіе (3 часа) и введеніе въ св. писаніе (1 часъ); въ 6 годъ патрологія (2 часа), нравственное богословіе (3 часа), герменевтика (2 часа) и еврейская археологія; въ 7 годъ каноническое право и пастырское богословіе (3 часа). Всего на богословскіе предметы еженедѣльно посвящается 20 часовъ; кромѣ того по воскресеньямъ катихизисъ, заучиваніе изреченій св. писанія, церковное пѣніе. б) *Философія*: въ 4 годъ психологія и логика (2 часа); въ 5 годъ нравственная философія и исторія философіи (2 часа): всего еженедѣльно 4 часа. в) *Греческій языкъ* и эллинская словесность и риторика въ первые 5 лѣтъ: еженедѣльно 30 часовъ. г) *Латинскій языкъ* и латинская словесность, во 2, 3, 4 и 5 годы, еженедѣльно 14 часовъ. д) *Турецкій языкъ* въ первые три года еженедѣльно 6 часовъ. е) *Французскій языкъ* въ первые три года еженедѣльно 8 часовъ. ж) *Математика*: въ 1 годъ ариметика (2 часа); во 2 годъ геометрія (3 часа); въ 3 годъ алгебра (3 часа). Еженедѣльно 8 часовъ. з) *Гражданская Исторія* въ 3 и 4 годъ 2 часа. и) *Физикоматематическая географія*, во 2 годъ 2 часа. і) *Физика* въ 4 годъ 2 часа. Всѣхъ недѣльныхъ занятій 105 часовъ, которые по годамъ (курсамъ) распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Предметы преподаванія *въ первый годъ*: священная исторія (3 часа), греческій языкъ, синтаксисъ; чтеніе Василія Великаго, Ксенофонта, Исократы, Плутарха, Лисіи и Ликурга, съ грамматическимъ разборомъ и переложеніемъ на новогреческій языкъ (9 часовъ); турецкій языкъ (2 часа), французскій языкъ (чтеніе и этимологія 3 часа),

арифметика (2 часа). Всего 19 часовъ. По воскресеньямъ катихизисъ и церковное пѣніе.

Во второй годъ заучиваніе избранныхъ мѣстъ св. писанія по воскресеньямъ; греческій языкъ (Григорій Богословъ, Синесій, Демосфенъ, Эсхиль и Платонъ) съ разборомъ и переводомъ на новогреческій (6 часовъ); простыя сочиненія, жизнеописанія, описанія, нравственные характеры (1 часъ); латинскій языкъ: грамматика, Корнелій и Евтропій (3 часа); турецкій языкъ (2 часа); французскій языкъ: Синтаксисъ (3 часа); геометрія (3 часа); физико-математическая Географія и Хронологія (2 часа); церковное пѣніе по воскресеньямъ. Всего 20 часовъ.

Въ третій годъ церковная исторія (2 часа); эллинская филологія: Иродотъ и Фукидидъ (3 часа); эллинскія сочиненія: письма 1 часъ; латинскій языкъ: Кесарь, Киприанъ и Амвросій (5 часовъ); славянскій языкъ: этимологія, 3 часа; турецкій языкъ, 2 часа; французская словесность: поэты 2 часа; алгебра 3 часа; гражданская исторія 2 часа: всего 23 часа. По Воскресеньямъ церковное пѣніе и исторія пѣнія.

Въ четвертый годъ: Церковная исторія 2 часа, вмѣстѣ съ 3 курсомъ; философія, психологія и логика, 2 ч.; эллинская словесность,—поэты: Гомеръ, Еврипидъ, Теокрытъ, и стихотворенія Григорія Богослова — 3 часа. Эллинскія сочиненія, риторическія упражненія 1 часъ. Латинская словесность: Цицеронъ, Тертуліанъ, Иеронимъ, Саллюстій, Тацитъ (3 часа); славянскій языкъ: переводы св. отцевъ, синтаксисъ (3 часа). Опытная физика (2 часа); гражданская исторія, 2 часа, вмѣстѣ съ 3-мъ курсомъ. Всего 18 часовъ.

Въ пятый годъ: Введеніе въ св. писаніе 1 часъ; Догматическое богословіе 3 часа. Философія: естественное богословіе, нравственная философія и исторія философіи 2 часа; эллинская словесность—поэты Софокль, Эсхиль, Пиндаръ, и теорія поэзіи 3 часа. Риторика 2 часа. Стихотворныя сочиненія 1 часъ. Латинская словесность: Прозаики—Августинъ, поэты: Вергилій, Горацій, Овидій (3 часа). Славянская словесность (Прозаики, поэты и исторія славянской словесности) 3 часа. Всего 18 часовъ.

Въ шестой годъ. Нравственное богословіе 3 часа. Еврейская археологія 1 часъ. Герменевтика 2 часа. Патрологія 2 часа. Всего 8 часовъ. Сверхъ того риторическія упражненія.

Въ седьмой годъ: Каноническое право и пастырское бого-

словіе 3 часа. Богословскія разсужденія и упражненія въ произношеніи поученій.

Каждый урокъ не продолжается никакъ не болѣе одного часа, исключая уроковъ греческаго языка въ приготовительномъ классѣ.

Въ поясненіе и дополненіе вышеизложенной программы необходимо присовокупить нѣкоторыя примѣчанія.

1. При сравненіи количества часовъ, посвященныхъ различнымъ предметамъ, нельзя не обратить вниманія на преобладаніе греческаго языка, который занимаетъ 30 часовъ еженедѣльно, между тѣмъ какъ всѣ богословскіе предметы въ совокупности занимаютъ только 20. Сему указываютъ слѣдующія причины: 1) Трудность и обширность греческаго языка. Чтобы основательно знать оный, невозможно ограничиться знаніемъ одного современнаго языка, который постоянно измѣняется, очищаясь и приближаясь къ древнему (ε), а необходимо изучить древній, классическій языкъ во всемъ его развитіи, такъ какъ онъ не отжилъ, а напротивъ изъ него безирерывно заимствуютъ новыя выраженія; необходимо изучить творенія Гомера, Платона, другихъ языческихъ поэтовъ, прозаиковъ, и св. отцевъ церкви. Однимъ словомъ изученіе греческаго языка представляетъ такую обширную задачу, такія трудности, которыхъ нѣтъ для другихъ языковъ. 2) Трудности сіи вознаграждаются съ особенною пользою. Греческіе писатели представляютъ высочайшіе образцы по всѣмъ родамъ словесности, и изученіе ихъ, обогащая умъ множествомъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній, вмѣстѣ съ тѣмъ въ необыкновенной степени образуетъ вкусъ и развиваетъ понятія; по этому-то у всѣхъ

(ε) Въ отношеніи къ чистотѣ отъ иностранной примѣси, современный образованный греческій языкъ представляетъ рѣдкое явленіе: иностранныхъ словъ въ немъ почти нѣтъ; названія предметовъ житейскихъ (въ томъ числѣ и новѣйшихъ изобрѣтеній), ученныя выраженія употребляемыя въ различныхъ наукахъ, какъ богословскихъ, такъ и другихъ, все это передается прекрасными, чисто греческими словами. Въ этомъ отношеніи примѣръ грековъ, такъ настойчиво заботящихся объ очищеніи своего языка, кажется, заслуживаетъ подражанія. Если для другихъ народовъ не существуетъ или уже утратилась возможность совершенной чистоты, то кажется необходимо стремиться къ оной, и до послѣдней крайности отстаивать самостоятельность роднаго языка. Особенно въ сочиненіяхъ духовнаго содержанія, кажется, и возможно и необходимо охраняться отъ наплыва иностранныхъ наименованій, большею частію затемняющихъ истинный смыслъ:

европейскихъ народовъ изученіе классическихъ языковъ и литературъ считается краеугольнымъ камнемъ образованности. 3) Если таково изученіе греческаго языка для другихъ народовъ, тѣмъ важнѣе оно для самихъ Грековъ. Въмѣстѣ съ начатками общаго образованія подавая имъ ключъ ко всѣмъ сокровищамъ греческой словесности, древней и новой, и возможность дальнѣйшаго образованія, онъ предохраняетъ ихъ отъ увлеченія иноземнымъ вліаніемъ и иноземными понятіями, и служитъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ къ возбужденію и сохраненію въ нихъ народныхъ, патріотическихъ чувствъ. Наше время представляетъ поразительные примѣры, какъ могущественно дѣйствуетъ на умы народовъ изученіе ихъ исторіи и языка. Это поняли и Греки. Сознавая опасности, угрожающія имъ со стороны турокъ, латинской пропаганды, и европейской политики, они схватились за изученіе своей прошедшей жизни и своего языка, какъ за надежнѣйшее средство для возбужденія народныхъ чувствъ и огражденія своей политической и нравственной самостоятельности (ж). Что таковы причины и таковы слѣдствія преобладанія въ халкинскомъ училищѣ греческаго языка, въ этомъ сомнѣваться нельзя. И самъ Типальдосъ и всѣ воспитанники его проникнуты горячимъ патріотизмомъ. Была рѣчь объ учрежденіи въ Халкахъ особой кафедры для византійской исторіи, но это было запрещено турецкимъ правительствомъ. 4) Сознавая справедливость сихъ соображеній, нельзя однако не пожалѣть о томъ, что въ программѣ ученія, какъ справедливо замѣчено уже другими, много языческихъ писателей, а христіанскихъ мало. Златоуста нѣтъ. Изучаются только Василій Великій, Григорій Богословъ и Синесій, такъ что на пять языческихъ писателей, объясняемыхъ въ халкинскомъ училищѣ, едва приходится одинъ христіанскій. Слѣдствіемъ сего то, что въ продолженіе первыхъ пяти лѣтъ характеръ ученія болѣе свѣт-

(ж) Въ 1856 г. нѣкто Константинъ Цоканъ учредилъ въ Афинахъ премію въ 2,000 драхмъ (500 руб. сер.), которая должна быть выдаваема черезъ два года за лучшее ученое сочиненіе по предмету назначенному Афинскимъ университетомъ. Первою задачею, предложенною университетомъ, была «исторія новаго греческаго языка». Въ 1858 г. эта самая задача была предложена вновь, такъ какъ по обширности и трудности предмета, не представлено было ни одно сочиненіе по вызову университета. Наконецъ въ вышнѣмъ 1860 году на заданную тему представлено одно сочиненіе, которое и удостоено преміи.

скій, чѣмъ богословскій: на 30 уроковъ греческаго языка, 50 уроковъ по всѣмъ остальнымъ языкамъ и наукамъ, не приходится и 10 богословскихъ уроковъ. Отчасти это искупается тѣмъ, что ежедневно посвящаются по нѣскольку часовъ на молитву и что послѣдніе два года исключительно посвящены богословію. Однако, еслибъ и въ первые 5 лѣтъ изучалось болѣе христіанскихъ писателей (въ томъ числѣ и нѣкоторые аскетическіе), то воспитанники въ тѣ годы, когда наиболѣе опредѣляется и образуется характеръ, болѣе утверждались бы въ направленіи, соотвѣтственномъ ихъ сану.

II. Касательно славянскаго языка должно замѣтить, что для облегченія и изученія онаго, Типалдосомъ изданы славянскія грамматика и христоматія съ словаремъ. Самые же воспитанники не очень охотно и прилежно обучаются славянскому языку. Нѣкоторые изъ нихъ, впрочемъ, преуспѣваютъ настолько, что предпринимаютъ переводы съ русскаго языка на греческій. Иеродіаконъ Александръ Ласкарисъ, бывши еще въ Константинополь, перевелъ съ русскаго Священную Исторію Ветхаго и Новаго Завета. Иеродіаконъ Григорій Гогосъ также перевелъ съ русскаго нѣсколько сочиненій и теперь занимается переводомъ „Житій святыхъ россійской церкви“. Преподаватели и воспитанники въ Халкахъ очень жалуются на недостатокъ у нихъ славянскихъ и русскихъ книгъ, и очень просятъ чтобъ имъ доставлялись, какъ русскія духовныя повременныя изданія, такъ и другія книги. Желаніе ихъ кажется полезно удовлетворить, съ тою однако предосторожностью, чтобы книги туда посылались съ весьма строгимъ выборомъ, и чтобы въ числѣ ихъ не было такихъ, по которымъ Греки могли бы сдѣлать какія-либо не выгодныя для Россіи заключенія.

III. Преподаванію исторіи и математическихъ наукъ посвящено ограниченное время, а преподававшіяся въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ медицинскія и хозяйственныя науки вовсе не преподаются въ халкинскомъ училищѣ, такъ что память воспитанниковъ не обременяется, и вниманіе ихъ не раздробляется изученіемъ множества разнородныхъ наукъ, и въ преподаваніи сохраняется единство характера и направленія.

IV. Богословскія науки преподаются по запискамъ. Жалуются на недостатокъ православныхъ, полныхъ и вполне удовлетворительныхъ руководствъ. Пособіями же, кромѣ извѣстныхъ изданій Селле, и другихъ латинскихъ и

и протестантскихъ писателей, служатъ: по догматическому богословію неизданныя сочиненія врача Георгія Коресія, іеромонаха Аѳеима, Николая Логата и Евгенія Булгариса и извлеченіе (ἐπιτομή) изъ онаго, составленное Аѳанасіемъ Паріемъ. По нравственному и пастырскому богословію руководства переведенныя съ русскаго. По введенію въ св. Писаніе сочиненіе Аѳинскаго професора Кондогони (недавно издана первая часть). По патрологіи, его же руководство. Типальдось сверхъ того указаль на не очень подробное, но замѣчательное по своей отчетливости, разсужденіе о главнѣйшихъ отцахъ церкви и твореніяхъ ихъ, помѣщенное преосвященнымъ Никифоромъ Θεотокиемъ въ предисловіи къ его сочиненію: Σείρα 51 ὁμωνυματιστῶν εἰς τὴν Οκτάτευχον καὶ τὰ τῶν Βασιλείων (Лейпцигъ 1772 г.). По части церковной исторіи есть сочиненіе Митрополита Аѳинскаго Мелетія (продолженіе къ оному составлено Сергіемъ Макреемъ). Изданъ только переводъ этого сочиненія съ эллинскаго на новогреческій языкъ. Переводъ этотъ неудовлетворителенъ. Бывшій преподаватель философіи Евѳивулъ издалъ 1-ю часть исправленнаго имъ перевода, но въ послѣднее время отыскались нѣсколько полныхъ и хорошихъ рукописей подлиннаго сочиненія, и очень желаютъ издать оное, но останавливаются за недостаткомъ средствъ. По каноническому праву никакихъ руководствъ не имѣется.

V. Въ послѣдніе два года классныхъ уроковъ очень не много: въ 6-й годъ 8, а въ 7-й только 3 часа еженедѣльно. Между тѣмъ въ эти годы воспитанники едва ли не болѣе заняты, чѣмъ въ предыдущіе: они пишутъ проповѣди (которыя посвященными въ іеродіаконы произносятся на амвонѣ), сочиненіе на дидакторскую степень и другія сочиненія, подъ руководствомъ Схоларха. Наконецъ старшіе воспитанники становятся помощниками своихъ наставниковъ, т. е. преподають уроки всѣ въ приготовительномъ классѣ и нѣкоторые предметы воспитанникамъ первыхъ трехъ лѣтъ (а именно въ 1859—60 г. Священную исторію, французскій и турецкій языкъ первому курсу, а латинскій языкъ второму и третьему курсу). Этими болѣе самостоятельными занятіями довершается ихъ образованіе и развитіе.

Учебный годъ продолжается отъ 1-го сентября до конца іюня. Въ іюнѣ и іюль ежегодно бывають выпускные и переходные экзамены, на коихъ воспитанники испытуются, какъ и у насъ, по билетамъ; степень достоинства

означается отмѣтками 1 (посредственно), 2 (хорошо) и 3 (отлично хорошо). Къ отмѣткамъ по всѣмъ предметамъ преподаванія присовокупляются одна общая отмѣтка Схоларха, и прошлогодняя отмѣтка. Сумма сихъ отмѣтокъ раздѣляется на число предметовъ съ приложеніемъ 2-хъ (отмѣтки Схоларха и прошлогодней). Частнымъ опредѣляется степень достоинства ученика. Если остатокъ отъ дѣленія меньше половины дѣлителя, то онъ не принимается въ расчетъ, а если больше, то воспитанникъ удостоивается слѣдующей высшей степени. Получившій общую отмѣтку: посредственно, имѣетъ право вторично явиться на экзамень. Получившіе хорошо и отлично хорошо переводятся на высшій курсъ. Кто по всѣмъ предметамъ получить очень хорошо, противъ того въ спискѣ отмѣчаются пѣцѣфѣ (по всѣмъ отмѣткамъ). Воспитанники, удовлетворительно прошедшіе полный рядъ преподаваемыхъ въ училищѣ наукъ, и удовлетворительно выдержавшіе послѣднее испытаніе, удостоиваются степени дидактора (магистра) православнаго христіанскаго богословія.

При училищѣ есть бібліотека, состоящая изъ печатныхъ книгъ и рукописей (въ томъ числѣ копія различныхъ грамотъ, писанныхъ патріархами къ русскимъ царямъ). Воспитанникамъ 3-хъ высшихъ курсовъ дозволяется въ свободное отъ уроковъ время заниматься въ бібліотекѣ, а наставники могутъ и брать изъ оной книги на извѣстное время.

Въ зданіи бібліотеки помѣщаются и физическій кабинетъ и музей.

Составъ учителей Халкинскаго училища въ настоящее время слѣдующій.

1) Схолархъ, преосвященный митрополитъ ставропольскій Константинъ Типальдосъ преподаетъ пятому курсу философію (2 часа), введеніе въ св. Писаніе (1 часть) и догматическое богословіе (3 часа), шестому курсу патрологію (2 часа), седьмому курсу каноническое право и пастырское богословіе (3 часа): еженедѣльно 11 часовъ. Почти вся жизнь Типальдоса (20 лѣтъ въ Корфу, 16 въ Халки) посвящена образованію духовнаго юношества, что придаетъ особенное значеніе его преподаванію. Впрочемъ нельзя не сознаться, что еслибъ оказалось удобнымъ нѣкоторые изъ преподаваемыхъ предметовъ поручать другому лицу (з), то это дало бы возмож-

(з) Изъ пребывающихъ въ Константинополѣ ученыхъ богослововъ самый замѣчательный архимандритъ Діонисій Клеона,

ность Халкинскимъ воспитанникамъ изучить нѣкоторыя богословскія науки въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

2) Архимандритъ Анеимъ, воспитанникъ халкинскаго училища, обучавшійся потомъ и въ московской Духовной Академіи, Болгаринъ, второе по сану лице въ халкинскомъ училищѣ, преподаетъ церковную исторію (2 часа) и славянскій языкъ (9 часовъ); всего еженедѣльно 11 часовъ.

3) Геродиаконъ Григорій Гогось, халкинскій воспитанникъ, главный помощникъ Схоларха по преподаванію богословскихъ предметовъ, и, повидимому, довѣренное его лицо, преподаетъ четвертому курсу философію (2 часа), а шестому нравственное богословіе (3 часа), герменевтику (2 часа) и еврейскую археологію (1 часъ), сверхъ того риторику пятому курсу (2 часа). Всего еженедѣльно 10 часовъ.

4) Илія Танталидесъ преподаетъ эллинскихъ поэтовъ четвертому и пятому курсамъ, и упражняетъ воспитанниковъ другихъ курсовъ въ разнаго рода сочиненіяхъ. Танталидесъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ греческихъ поэтовъ настоящаго времени; пишетъ онъ стихотворенія и на эллинскомъ и на народномъ языкѣ и извѣстенъ также изданіемъ богословскихъ сочиненій ученаго константинопольскаго врача Стефана Караеодари. Онъ человѣкъ проникнутый глубокимъ чувствомъ благочестія, и хотя не получилъ систематическаго образованія, но поражаетъ какъ обширностью своихъ богословскихъ познаній, такъ и необыкновенною основательностью и мѣткостью сужденій о предметахъ вѣры, такъ что не знаешь: радоваться ли тому, что даже языческихъ поэтовъ объясняетъ халкинскимъ воспитанникамъ человѣкъ съ глубокимъ христіанскимъ чувствомъ, или жалѣть о томъ, что онъ не преподаетъ богословскихъ предметовъ, чему впрочемъ препятствуетъ и то, что онъ человѣкъ свѣтскій. Отъ усиленныхъ занятій Танталидесъ ослѣпъ, но съ помощью другихъ, продолжаетъ свои занятія.

5) *Христофоръ Софіанопулъ* преподаетъ эллинскую словесность (прозаиковъ), латинскую словесность и исторію, еженедѣльно 11 часовъ.

бывшій первымъ Схолархомъ патріаршаго училища въ Іерусалимѣ, а потомъ преподавателемъ богословіи въ Аѳинахъ, и удалившійся отсюда по преобладанію тамъ свѣтскаго духа, несогласнаго съ его направленіемъ. Въ 1858 г. онъ былъ изъ кандидатовъ на Александрійское патріаршество. Въ 1861 г. скончался.

5. *Христофоръ Хаджи* греческій языкъ въ первыхъ двухъ классахъ: ежедневно 15 часовъ.

6. *Теодоръ Кириадикъ* математику, географію и физику ежедневно 12. ч.

7. *Константинъ Анеопулъ* французскій и турецкій языки 2-му и 3-му курсу ежедневно 9 часовъ.

Кромѣ этихъ наставниковъ есть еще 5 младшихъ учителей изъ воспитанниковъ высшаго курса, которые преподаютъ священную исторію, латинскій, французскій и турецкій языки. На каждаго изъ нихъ приходится 2, 3 и болѣе 5 часовъ въ недѣлю.

Наконецъ трое изъ старшихъ воспитанниковъ преподаютъ въ приготовительномъ классѣ греческій языкъ ежедневно 1½ часа, ариметику (2 часа въ недѣлю) и географію (3 часа въ недѣлю).

Жалованіе халкинскихъ учителей было прежде 500 пиастровъ (25 руб.), 600 п. (30 р.) и 1000 п. (50 р.) ежемесячно. Въ послѣднее время оно увеличилось до 1200 п. (60 руб.) въ мѣсяць, а Илія Танталидесъ получаетъ ежемесячно до 1600 п. (80 р.), такъ какъ онъ по учености и дарованіямъ считается первымъ наставникомъ училища, и по своей слѣпотѣ особенно нуждается въ пособіяхъ. Наставникамъ прослужившимъ десятилѣтіе предоставляются особыя преимущества и льготы. Въ другихъ константинопольскихъ училищахъ, учителя получаютъ еще большее жалованье, такъ что не имѣютъ надобности искать себѣ другаго поприща.

ЗАПИСКИ МИССИОНЕРА ЧЕРНОАУЙСКАГО ОТДѢЛЕНІЯ АЛТАЙСКОЙ ДУХОВНОЙ МИССІИ ІЕРОМОНАХА АКАКІЯ, ЗА ЧЕТЫРЕ СЪ ПОЛОВИНОЙ МѢСЯЦА 1866 ГОДА.

Съ 16 августа я долженъ былъ сопровождать начальника Алтайской Духовной Миссіи о. архимандрита Владимира. По пріѣздѣ нашемъ на р. Чарышъ къ устью р. Кана для перемѣны лошадей, встрѣтился со мною не крещенный калмыкъ Тюду, сынъ инородца, крещеннаго около пяти лѣтъ тому назадъ. Я сталъ убѣждать его принять св. крещеніе. Сначала онъ молчалъ, потомъ далъ вѣкторую надежду на согласіе. Между тѣмъ надобно было отправляться въ дальнѣйшій путь: верховья лошади для

насъ уже были готовы. Отецъ архимандритъ отправился на р. Обай, я слѣдовалъ за нимъ. Тамъ онъ осматривалъ новое строеніе и мѣстность. Отсюда 18-го августа мы направили путь на р. Урсулъ и 19 августа поднявшись на верхъ Ябаганской горы, мы нашли тамъ калмыцкое *Обоо*. Это большая куча хворосту, калмыками набросаннаго въ продолженіи многихъ лѣтъ. Когда они, во время своего путешествія, восходятъ на гору, каждый изъ нихъ бросаетъ хворостину, въ знакъ благодарности шайтану, или курюмесю за то, что онъ будто бы помогъ взойти на верхъ горы, и помогаетъ спуститься съ оной внизъ. Иногда калмыки собираются на эту гору камлатъ и пить вино; и такимъ образомъ исправляютъ курюмесю праздникъ, и на эту кучу льютъ вино. Эта огромная куча хворосту походила на высокій стогъ сѣна, въ окружности около 15 саженой. Мы предали ее огню. Такъ какъ некрещенные считаютъ себя *невольными* читателями злыхъ духовъ, а крещеныхъ людей—свободными отъ недоброй ихъ власти; то всякаго рода дѣйствія, показывающія независимость христіанъ отъ демонскаго владычества, не только не возбуждаютъ въ некрещенныхъ негодованіе, но напротивъ усиливаютъ въ нихъ сознаніе превосходства христіанъ предъ язычниками, и язычники съ удовольствіемъ смотрятъ на подобныя дѣйствія, даже сами чувствуютъ себя безопасными въ присутствіи крещеныхъ; напримеръ, и въ этотъ разъ язычники не только не возражали противъ уничтоженія *Обоо*, но сами же помогали подкладывать огонь и съ торжествомъ взирали на истребленіе памятника своей невольной и разорительной подчиненности злымъ духамъ. О. архимандритъ водрузилъ на этомъ мѣстѣ крестъ. По приглашенію о. архимандрита мы сдѣлали поклоненіе живоначальной Троицѣ и животворящему Кресту Господню съ Трисвятою пѣснью и пѣніемъ тропаря: „Спаси Господи люди Твоя,“ и „Кресту Твоему“ на татарскомъ нарѣчій. Предварительно было произнесено поученіе о. архимандритомъ собранію крещеныхъ и некрещеныхъ. Здѣсь оканчивается Черноануйское отдѣленіе Миссіи, ограничиваясь Ябаганскимъ хребтомъ. Отсюда уже начинается урсульское отдѣленіе Миссіи, и рѣки отсюда текущія составляютъ Урсульскіе притоки. Мы отправились въ Урсулъ и прибыли уже ночью въ Урсульскій станъ около 9 часовъ. 20 августа съ вечера служили всенощное бдѣніе, поутру о. архимандритъ пригласилъ насъ соборнѣ съ нимъ служить литургію. Здѣсь

о. архимандритъ занимался нуждами новокрещенныхъ и учащимися инородческими дѣтьми. Вечеромъ онъ отслужилъ съ нами соборнѣ молебень съ акаеистомъ Божіей Матери. Отсюда я возвратился въ Мыюту, слѣдуя за о. архимандритомъ, а потомъ въ Удалу. По отбытіи о. архимандрита 22 сентября на рѣку Чапошъ (впадающую въ Катунь съ правой стороны ея) для обращенія идолопоклонниковъ калмыцкаго племени въ христіанство, на другой день я поѣхалъ вслѣдъ за нимъ, имѣя при себѣ все нужное для отправленія службы церковной, и пріѣхалъ на рѣчку Баранголь, гдѣ о. архимандритъ занимался проповѣданіемъ слова Божія и обращеніемъ инородцевъ. Новообращенные уже готовы были къ крещенію; только нѣкоторые изъ нихъ были больные; въ ожиданіи ихъ выздоровленія нѣсколько помедлили крестить и занимались то ученіемъ, то службою церковною, то пользованіемъ больныхъ. По звону колокола всѣ бывшіе съ нами христіане собирались на общественную молитву. 23 сентября о. архимандритъ со мною и діакономъ совершилъ таинство св. крещенія надъ 10-тью человекъ, при которомъ присутствовали осѣдлые инородцы и другаго званія люди. На другой день освящены были иконы и розданы новокрещеннымъ. Отсюда, слѣдуя за о. архимандритомъ, мы прибыли на самую рѣку Чапошъ, по берегу Катунни, гдѣ калмыки, желавшіе принять св. крещеніе, насъ ожидали. Здѣсь мы остановились въ большой куртѣ. Помѣщеніе было удобнѣе, нежели въ палаткахъ, и гораздо теплѣе. Сентября 27 дня, утромъ мы приготовили инородцевъ къ крещенію. Вечеромъ, въ той же куртѣ о. архимандритомъ и мною соборнѣ совершено было таинство св. крещенія взрослыхъ инородцевъ, а 28-го сентября крещены были ихъ малолѣтныя дѣти; за тѣмъ совершено всенощное бдѣніе о. архимандритомъ, а 29-го числа поутру въ 7 часовъ о. архимандритомъ и мною соборнѣ совершена была Божественная литургія съ особою торжественностію. Церковно-служители и инородцы читали и пѣли всю литургію на татарско-калмыцкомъ нарѣчій; вновь крестившіеся слушали очень внимательно и молились усердно. Чтеніе и пѣніе на понятномъ и родномъ ихъ нарѣчій на этихъ новыхъ христіанъ производило благотворное вліяніе, утѣшало и укрѣпляло ихъ въ общеніи съ православною церковію; курта, въ которой мы служили литургію, была полна молящихся. Однихъ вновь крестившихся собралось около *пятидесяти* человекъ. Служеніе было торжественно, какъ

въ дни св. Пасхи хотя богослуженіе совершалось не въ храмѣ, а въ юртѣ. Предъ причащеніемъ о. архимандритъ сказалъ новокрещеннымъ поученіе, выслушанное ими съ большимъ вниманіемъ. Потомъ благоговѣйно и смиренно приступали къ причащенію святыхъ таинъ.

Послѣ литургіи мы опять заняты были приготовленіемъ другихъ, оставшихся некрещенными, и уже вечеромъ, по захожденіи солнца, о. архимандритомъ, при сослуженіи моемъ, совершено надъ ними таинство св. крещенія.

По распоряженію о. архимандрита я освятилъ юрты нѣкоторыхъ новокрещенныхъ; а по возвращеніи отъ нихъ совершалъ всенощное бдѣніе. 30 сентября утромъ вставши послѣ полуночи въ 3 часа, по обычномъ приготовленіи къ литургіи, я занялся установленіемъ жертвенника и престола, а по разсвѣтѣ въ шесть часовъ, по предварительномъ распоряженіи о. архимандрита, предъ литургіею начался благовѣсть, созывающій новокрещенныхъ къ богослуженію. Скоро собрались всѣ новокрещенные инородцы, живущіе при р. Чапошѣ, и начата литургія; читали и пѣли все на татарскомъ нарѣчій. Солнце ярко сіяло надъ нами; казалось, самое небо радѣло съ нами радостью о приобрѣтеніи новыхъ чадъ св. церкви. Вчера крестившіеся, по предварительномъ поученіи, сказанномъ о. архимандритомъ приступили къ причащенію св. Христовыхъ таинъ. По совершеніи литургіи о. архимандритъ предложилъ новымъ причастникамъ назидательную и продолжительную бесѣду о томъ, какъ должно жить по христіански. Между тѣмъ я началъ приготовляться въ путь. Когда прощальная бесѣда съ новокрещенными кончилась, лошади были уже готовы и мы всѣ отправились въ путь по направленію въ Улалу. Погода была ясная и благопріятная для путешествія; душа наша была полна чувствъ радости и благодаренія Господу Богу, что Онъ сподобилъ насъ послужить приобрѣтенію многихъ новыхъ чадъ Христовой церкви и призвать ихъ къ спасительному участию въ св. Таинствахъ ея. При захожденіи солнца всѣ мы были уже въ Улалѣ.

Изъ Чапоша мы выѣхали съ добрыми задатками утѣшительной надежды, что новопросвѣщенные будутъ хранить вѣру и вести жизнь христіанскую. Но радость наша была омрачена печальнымъ извѣстіемъ, полученнымъ изъ Чапоша. Вскорѣ по отъѣздѣ нашемъ въ Улалу заводскіе крестьяне изъ Шульгина-Лога, раскольники, закоснѣлые враги православной вѣры, заселившіеся при устьѣ р. Ча-

поша по берегу р. Катуня, пріѣхали къ новокрещеннымъ въ юрты на верховыхъ лошадяхъ и грозили выгнать ихъ изъ Чапоша и юрты ихъ сжечь, плотника же, нанятаго о. архимандритомъ для постройки избы, выгнали. Иконы, данныя новокрещеннымъ и поставленныя въ юртахъ, сбросали на землю, съ кощунствомъ противъ ликовъ Спасителя и Божіей Матери. Кромѣ того въ угрозу сказали: если кто изъ миссіонеровъ пріѣдетъ въ Чапошъ, то они бросятъ его въ Катунь. Это, конечно, внушало намъ опасеніе, тѣмъ болѣе, что мѣсто при устьѣ р. Чапоша, гдѣ поселились эти раскольники, отдѣлено вообще отъ христіанскихъ осѣдлыхъ обществъ на довольно большомъ пространствѣ горами, неудобопроходимыми болотами и быстрыми водами р. Катуня. Октября 5 дня, по распоряженію начальника Миссіи о. архимандрита Владиміра, возложивъ надежду на Бога, я рѣшился ѣхать на Чапошъ для успокоенія и ободренія вновь крестившихся и утвержденія ихъ въ христіанской вѣрѣ и жизни, для огражденія ихъ и защиты отъ нападенія на нихъ раскольниковъ, и для устраненія препятствій съ ихъ стороны къ постройкѣ домовъ для новокрещенныхъ и небольшого домика на первый разъ, на случай пріѣзда миссіонеровъ.

Въ полдень я выѣхалъ изъ Улалы чрезъ р. Сютлту, на р. Ыню по горамъ покрытымъ снѣгомъ. Это былъ совершенно новый для меня путь и незнакомый. Ыхалъ я до самаго вечера; настала ночь; былъ сильный морозъ; луна со звѣздами на чистомъ голубомъ небѣ слабо освѣщала для меня путь. Съ высоты горы мы спустились въ топкую, болотистую долину большой Ыни. Вода, грязь и снѣгъ препятствовали намъ ѣхать, лошади у насъ вязли и падали. Долго мы бродили по сырой и топкой долинѣ; наконецъ, при Божіей помощи, мы добрались до сухой и твердой почвы. Лошади устали, сами мы изнемогли. Остановились ночевать на берегу р. Ыни, подъ открытымъ небомъ. Здѣсь не было ни калмыцкихъ кочевьевъ и ни одной пустой юрты. Надобно было бороться съ морозомъ; мы развели огонь, обогрѣлись, поужинали и, помолвившись Богу, легли спать. Октября 6 дня, рано по утру мы выѣхали на берегъ р. Катуня. Погода была ясная. Пробираясь по крутому обрывистому и каменистому берегу р. Катуня, заросшему лѣсомъ, добрались мы до широкой равнины Катунскаго берега. Здѣсь я уѣхалъ впередъ, оставивъ за собою спутниковъ своихъ со вьюками. Нечаянно встрѣтился мнѣ ѣхавшій верхомъ на ло-

шади крестьянинъ, въ синемъ кафтанѣ, съ сѣдою бородою. Онъ объявилъ мнѣ по секрету, что крестьяне-раскольники хотятъ миссіонеровъ бросать въ Катунь за то, что они не даютъ имъ селиться и высылаютъ съ Чапоша. „Ты, батюшка, поберегись, сказалъ онъ мнѣ, не ѣзди къ нимъ въ деревню, есть изъ нихъ люди опасные“. Я спросилъ: „неужели они намѣрены мнѣ сдѣлать какое зло?“—„Это можетъ быть; пожалуй и убьютъ“. Я въ отвѣтъ ему сказалъ: „благодарю за доброе слово; но будь спокоенъ, ничего не смогутъ сдѣлать противъ воли Божіей. Я ничего своего не ищу: Господь послалъ меня, Онъ и сохранитъ меня“. Крестьянинъ, увидя приближающихся моихъ спутниковъ, распростился и уѣхалъ отъ меня, опасаясь, чтобы враги не узнали, что онъ мнѣ передалъ. Я же продолжалъ спокойно свое путешествіе къ р. Чапошу, помышляя о томъ, какъ бы мнѣ успѣшнѣе исполнить обязанность моей службы, и забывъ объ угрозахъ мнѣ объявленныхъ въ Удалѣ и на пути. Я доѣхалъ до устья Чапоша и Воскресенская раскольничья деревня была уже передъ моими глазами. По прїѣздѣ въ деревню встрѣтился мнѣ рыжеволосый крестьянинъ изъ этихъ раскольниковъ; онъ везъ на лошади два бревна. При встрѣчѣ со мною поклонился. Я спросилъ его: куда ты везешь лѣсъ? Онъ, съ выраженіемъ досады, отвѣчалъ: „намъ нужно строиться,—все заводимся на новомъ мѣстѣ, домъ строить надобно.“ Не обращая вниманія на его свирѣпость, я спокойно сказалъ ему: кажется исправникъ запретилъ вамъ здѣсь строиться? Крестьянинъ еще сердитѣе началъ отвѣчать: „насъ начальство сюда причислило указомъ; исправникъ не можетъ намъ запретить“. Изъ опасенія, чтобъ онъ по своему раскольническому буйству не возбудилъ и другихъ къ словопренію и сопротивленію мнѣ въ дѣлѣ, прекративъ съ нимъ споръ, я сказалъ: „я прїѣхалъ сюда по распоряженію начальства не для того, чтобъ съ вами спорить и ссориться, а чтобъ исполнить назначенное мнѣ дѣло; потому ваша братія пусть мнѣ не мѣшаютъ“. Крестьянинъ поѣхалъ и сказалъ, что онъ мѣшать мнѣ не будетъ. Прїѣхавъ къ юртамъ новокрещенныхъ, я остановился въ той же большой юртѣ, въ которой мы совершали крещеніе и литургію. Новокрещенные увидѣвши меня были очень рады; они подтвердили дошедшее до насъ извѣстіе о притѣсненіяхъ и обидахъ имъ отъ крестьянъ-раскольниковъ. О семъ я донесъ кому слѣдуетъ для того, чтобы поступлено было съ этими кощунами, какъ они заслуживали.

Новокрещенные, видя и испытывая дерзкія нападенія и угрозы раскольниковъ, стали было впадать въ уныніе и бояться, чтобы не перебили ихъ, особенно женщины, когда остаются одиѣ. „До крещенія, говорили они, мы лишились земли; а по крещеніи грозятъ намъ огнемъ и лишеніемъ даже имущества нашего“. Я ободрялъ ихъ и старался утвердить ихъ въ надеждѣ на Бога. Я увѣрялъ ихъ, что Господь не оставитъ ихъ Своею милостію; они будутъ защищены, враги ихъ будутъ удалены отсюда, мѣстожителство утверждено будетъ за ними, и они будутъ жить покойно и благополучно.

Октября 7 дня, ожидаемый мною, подрядчикъ-плотникъ съ работниками пріѣхалъ изъ селенія Удалинскаго; они начали рубить и заготовлять лѣсъ для постройки избъ новокрещеннымъ. Крестьяне-раскольники цѣлою толпою приходили и спрашивали: почему мы начали лѣсъ рубить и хотимъ строить? и имѣемъ ли мы на это какія нибудь письменныя распоряженія отъ начальства? и. т. п. Я сказалъ имъ: „заводскіе и другіе крестьяне не имѣютъ правъ селиться на инородческихъ калмыцкихъ мѣстахъ и владѣть землею; а имѣютъ право только на мѣстахъ указанныхъ крестьянамъ при деревняхъ, къ которымъ они причислены, или на пусто-лежащихъ земляхъ заводскаго вѣдомства. Здѣшнее Чапошское мѣсто и земли принадлежатъ инородцамъ-калмыкамъ; а вы пришли на это мѣсто селиться и самовластно завладѣли чужею землею. Поэтому не вы должны насъ спрашивать: почему мы хотимъ здѣсь селиться, а мы должны васъ спросить: почему вы здѣсь заселились, пришедши изъ дер. Шульгина-Логу, гдѣ вамъ даны земли. Вы преступники и нарушители закона. Вы свое оставили, и завладѣли чужимъ, ваша часть въ Шульгиномъ-Логу остается для васъ; а то, чѣмъ вы здѣсь самовольно завладѣли, возвратится тѣмъ, кому законно принадлежить. И такъ, издавна здѣсь находившіеся жители, которыхъ вы разогнали,— владѣвшіе этою мѣстностію и хлѣбородною землею, и теперь имѣютъ полное право владѣть и заселяться. Вы разогнали ихъ, но Всемогущій Богъ призвалъ ихъ въ нѣдро церкви Своей святой и опять водворяетъ ихъ на семь мѣстѣ. Какъ они теперь, по милости Божіей, всѣ уже православные христіане, то здѣсь будетъ устроена и церковь для сихъ новыхъ чадъ Божіихъ.“ Раскольники со стыдомъ отъ меня ушли, конечно сознавая свою несправедливость.

Пока я здѣсь былъ, они никого ни въ чемъ не стѣсняли,

и мнѣ ничего непріятнаго не сдѣлали. 15 октября я отправился во свояси, и доѣхавъ до Чемада, отслужилъ все-нощное и литургію по просьбѣ его жителей. Отсюда я отправился въ Мыюту, но въ городахъ между Мыютою и Чемаломъ дорогу въ этотъ день завалило снѣгомъ такъ, что лошади не могли саней везти. Мы промедлили почти до 10-ти часовъ ночи. Лошади устали, мы сами начали зябнуть, своротили съ дороги, направили свой путь въ сторону и ночевали у новокрещенныхъ, въ избѣ новой, но сырой. Въ ней живетъ вдова съ дѣтьми; она рада была нашему прибытію и просила освятить домъ ея. По утру вставши, я совершилъ молебень и освятилъ домъ ея. Отсюда мы на верховыхъ лошадяхъ со вьюкомъ отправились въ Мыюту, гдѣ я по просьбѣ о. Арсенія служилъ литурію.

На пути въ Черный Ануй я заѣхалъ въ Ильинское и здѣсь занялся обращеніемъ идолопоклонниковъ, и совершилъ таинство крещенія надъ 3-ми обратившимися въ христіанство: *Василисою, Кузьмою и Ильеою*, и около полуночи 17 октября я пріѣхалъ въ свой станъ на Черномъ Ануѣ. Поутру 18 октября явились новообращенные инородцы 6-ть человекъ, предварительно приготовленные къ крещенію служащею старицею Ев. Ѳ. Баксариною. Я же, предварительно испытавъ ихъ и преподавъ имъ еще нѣсколько наставленій въ вѣрѣ, совершилъ надъ ними таинство крещенія. Христіанскія имена принявшихъ св. крещеніе изъ идолопоклонниковъ: *Іаковъ, Владиміръ и Елизавета*, изъ магометанъ: *Никита, Евфимія и Ѳеодора*. По возможности надобно было помочь имъ въ нуждахъ, особенно вдовѣ Евфиміи съ малолѣтною дочерью; она была крайне бѣдна и убога.

24 дня октября я отправился въ Ильинское для совершенія службы церковной и исправленія требъ. Дорога была завалена снѣгомъ. Во время моего путешествія настала ночь темная и былъ сильный буранъ. Я ѣхалъ бездорожицею, и долго спускался съ горы. Но Господь помогъ, и я доѣхалъ благополучно. Здѣсь я крестилъ одного младенца и трехъ возрастныхъ изъ идолопоклонниковъ, которые предварительно были научены молитвамъ и главнымъ истинамъ христіанской вѣры. Послѣ сего отслужено все-нощное бдѣніе и совершена литургія, предъ окончаніемъ которой предложено было поученіе.

При Божіей помощи обращено мною въ продолженіе октября мѣсяца 13-ть человекъ, а изъ магометанъ киргиз-

кайсаковъ мужскаго пола 1 человекъ, женскаго пола 2 человекъ, обоихъ половъ 3 человекъ. Изъ идолопоклонниковъ, Алтайскихъ калмыковъ мужскаго пола 7 человекъ, женскаго пола 3 человекъ, обоихъ половъ 10 человекъ. А всѣхъ вообще мужскаго пола 8 человекъ, женскаго пола 5 человекъ. Ноября 1-го дня поутру я совершилъ таинство святаго крещенія надъ матерью съ двумя дочерьми. Христіанскія имена ихъ: Софія, Вѣра и Надежда. Эта киргизка съ двумя дѣтьми была брошена и отвержена своимъ мужемъ по ея нежеланію принять святое крещеніе. Теперь по оглашеніи ея ученіемъ слова Божія она образумилась, съ удовольствіемъ отвергла прежнее свое магометанское зловѣріе, согласилась принять христіанство и съ радостными слезами приняла св. крещеніе. Теперь она живетъ съ мужемъ своимъ неразлучно и мирно. Сего же дня я направилъ путь свой на Абай; изъ Черно-Ануйскаго выѣхалъ утромъ, вечеромъ доѣхалъ до устья р. Кана, впадающаго въ Чарышъ. Здѣсь мы ночевали въ калмыцкой куртѣ; поутру я отправился, и на другой день къ вечеру достигъ Абайской равнины; осмотрѣлъ зданіе церковное, сдѣлалъ расчетъ съ подрядчикомъ, который при насъ еще началъ разнемогаться и теперь сильно сдѣлался боленъ. Я рѣшился пожить на Абаѣ, чтобы заняться обращеніемъ инородцевъ и вмѣстѣ подать возможную помощь больному, которая тѣмъ болѣе была нужна, что мѣсто сіе отдалено отъ христіанскихъ обществъ. Вскорѣ явился ко мнѣ нарочно посланный изъ селенія Черно-Ануйскаго и требовалъ моего возвращенія туда для напутствованія опасно больныхъ и для поданія имъ скорѣйшей помощи. Вслѣдъ за нимъ является другой нарочной и извѣщаетъ, что у больныхъ открываются опаснаго свойства кровотеченія и продолжаются безостановочно. Я долженъ былъ выѣхать изъ Абайской долины. 6 числа ноября съ вечера я отслужилъ всенощное, поутру часы и приготавлился къ выѣзду. Въ этотъ день больногорячкою оказался опаснымъ, но лечитъ его въ такомъ глухомъ мѣстѣ было нечѣмъ. При отсутствіи всякой помощи человѣческой, я рѣшился искать единственно помощи Божіей, совершилъ молебствіе Господу Богу, Божіей Матери и Архистратигу Михаилу, дабы Господь, молитвами Божіей Матери и Михаила Архангела исцѣлилъ этого больного и возставилъ его отъ одра болѣзни; ибо болѣзнь усилилась и достигла уже высокой степени развитія. 7 ноября я выѣхалъ съ своими сопутниками, взявъ

съ собой и больнаго. Къ полудню мы прїѣхали на Чарышъ къ устью р. Кана, гдѣ мы остановились для отдыха и перемѣны лошадей. Въ продолженіи этого путешествія, за больнымъ наблюдалъ я самъ. Онъ почувствовалъ позывъ на ѣду; на первой станціи я далъ ему съ молитвою кусокъ сухаго хлѣба съ солью. На станціи Канъ стало замѣтно, что болѣзнь начала, по милости Божіей, ослабѣвать. Мы напоили больнаго чаемъ съ ржаными сухарями. Здѣсь, въ татарской юртѣ лежа у огня, онъ почувствовалъ себя полудоровымъ. Отсюда, по захожденіи солнца, мы отправились въ путь. Въ Черно-Ануйскій станъ мы прїѣхали около полуночи. Больной, чувствуя склонность ко сну, легъ спать. Поутру онъ всталъ совершенно здоровымъ, и благодарилъ Бога, даровавшаго ему исцѣлѣніе предстательствомъ Божіей Матери и Архангела Михаила.

По прїѣздѣ моемъ я нашелъ, что миссіонерская комната сдѣлалась больницей: въ ней лежалъ больной горячкой и кровотеченіемъ носомъ. При помощи Божіей, дѣйствіемъ лекарства въ полчаса теченіе крови было остановлено. Поутру исповѣдавъ больнаго и причастивъ св. Таинъ, я оставилъ его на попеченіе другихъ, а самъ ходилъ по селенію, и также исповѣдывалъ и причащалъ опасно больныхъ.

Ноября 10 дня выѣхалъ въ селеніе Ильинское, и тамъ занимался съ новообращающимися и крестилъ одного изъ идолопоклонниковъ. Потомъ возвратился въ Черно-Ануйское. Ноября 13-го, я отслужилъ всенощное съ вечера, а поутру литургію о здравіи и исцѣленіи болящихъ. Въ концѣ литургіи сказано поученіе о краткости настоящей жизни и приготовленіи къ будущей вѣчной жизни. Занимался письменными дѣлами и разсматриваніемъ нуждъ новокрещенныхъ, которые пришли ко мнѣ; одни изъ нихъ просили хлѣба, другіе одежды, иные денегъ. Хлѣбъ былъ дорогъ, но все еще цѣна была сносна, да взять было негдѣ. Сколько у меня было хлѣба, дѣлилъ по немногу. Голодъ усиливался. Нѣтъ силъ отвратить это бѣдствіе. Сколько позволяли мои средства, я закупилъ до 200 пудовъ хлѣба, но онъ еще не былъ доставленъ по договору.

Въ ноябрѣ крещено мною пятнадцать человекъ: а) изъ магометанъ киргизкайсаковъ мужскаго пола 1 человекъ, женскаго пола 4 человекъ, обоихъ половъ 5 человекъ; б) изъ идолопоклонниковъ Алтайскихъ калмыковъ мужскаго пола 6 человекъ, женскаго пола — 4 человекъ, обоихъ половъ 10 человекъ.

Декабрь мѣсяцъ проведенъ мною въ разнообразныхъ занятіяхъ по требованію обстоятельствъ. Декабря 29 дня я выѣхалъ изъ Черно-Ануйскаго; мы доѣхали до р. Чарыша къ устью Кана. Ночь была чрезвычайно холодная и я сильно прозябъ. Остановились въ юртѣ одного калмыка, и обогрѣвшись у разведеннаго въ ней огня, мы выѣхали отсюда въ селеніе Тюдралинское, гдѣ меня ожидали какъ новокрещенные, такъ и желавшіе принять св. крещеніе. Сюда пріѣхали очень поздно. Изнемогшія силы мои отъ холода и путешествія настоятельно требовали успокоенія. На другой день я предложилъ имъ ученіе о Богѣ и вѣрѣ во Христа, о таинствахъ и проч. Потомъ совершилъ богослуженіе. По окончаніи службы, къ великому моему утѣшенію, всѣ тутъ бывшіе некрещенные единогласно изъявили свое желаніе быть христианами, и неотступно просили меня совершить надъ ними св. крещеніе. По предварительномъ, надлежащемъ приготовленіи ихъ, въ послѣдній день мѣсяца и года десять человекъ сподобились принять святое крещеніе.

Въ продолженіе декабря въ разныхъ селеніяхъ Черно-Ануйскаго отдѣленія миссіи крещено мною: а) изъ магометанъ киргиз-кайсаковъ мужскаго пола 7, женскаго пола 6 человекъ; — обоихъ половъ 13 человекъ; б) изъ идолопоклонниковъ Алт. калмыковъ муж. пола 6 чел., женск. 5 чел.; обоихъ половъ 11 человекъ.

Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ 1866 года по Черно-Ануйскому отдѣленію миссіи крещено 32 человекъ, а всѣхъ, по благодати Божіей призванныхъ ко Христу и крещенныхъ мною въ Черно-Ануйскомъ отдѣленіи миссіи въ 1866 году было 107 человекъ калмыковъ и киризовъ. Достаточныхъ изъ нихъ нѣтъ ни одного. Въ настоящее время всѣ безъ изъятія новокрещенные инородцы Черно-Ануйскаго отдѣленія страдаютъ отъ голода и холода.

1867 года, ноября 20 дня.

ИЗЪ ЖИЗНИ СВЯТИТЕЛЯ ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО.

Покойный святитель былъ, съ 15-го марта 1819 года по 26-е 1820 года сентября, архіепископомъ Тверскимъ. Цѣлый слишкомъ годъ Тверская епархія не имѣла счастья

видѣть лично своего архипастыря, хотя и получила отъ него привѣтственное посланіе, или грамоту, и хотя слышала объ немъ вѣсти самыя утѣшительныя. Необычайно быстрое возвышеніе его, гениальный умъ, неимовѣрная сила и значеніе его въ Петербургѣ, необыкновенная трезвенность и подвижничество — все это быстро сдѣлалось извѣстнымъ въ Твери всякому отъ мала до велика. До духовенства дошли слухи о его неимовѣрно-энергической дѣятельности и любви къ точному исполненію возложенныхъ обязанностей, къ порядку и аккуратности, объ отвращеніи отъ всякой небрежности, особенно въ богослуженіи церковномъ.

Въ половинѣ мая 1820 года святитель наконецъ прибылъ въ Тверь. Много трудовъ и занятій ожидало его на мѣстѣ новаго его служенія. Такъ какъ епархія долго лишена была присутствія архіерея, то въ ней накопилось множество лицъ, ожидавшихъ рукоположенія во священники и діаконы, много причетниковъ, ожидавшихъ посвященія въ стихари. Святитель почти ежедневно совершалъ священнослуженіе, и не пропускалъ ни одного праздничнаго и воскреснаго дня. Народъ съ необыкновенною любовію спѣшилъ во храмъ, гдѣ служилъ архипастырь, и съ жадностію слушахъ его возгласы и бесѣды.

И вотъ въ одно изъ служеній, совершаемыхъ имъ, случилось замѣчательное событіе. Вскорѣ послѣ пріѣзда его въ Тверь ему должно было служить въ храмѣ Живоначальныя Троицы, что за Волгою, близъ Отроча монастыря. Былъ храмовой праздникъ и крестный ходъ въ эту церковь. Священникъ и прихожане еще ранѣе, именно въ августѣ 1818 года, получили отъ предшественника владыки, высокопреосв. Серафима, разрѣшеніе обновить иконостасъ въ главномъ храмѣ, но къ празднику окончить работу не успѣли. Съ обновленіемъ иконостаса потребовалось обновить живопись на иконахъ; иконы, тоже не были готовы къ празднику. Староста церковный не рассуждалъ долго и не спросившись, быть можетъ, и священника, закрылъ тѣ мѣста, гдѣ стояли св. иконы, рогожами. Когда звали владыку на праздникъ, ни староста, ни священникъ никакъ не предупредили его объ этомъ. Въ праздникъ пріѣзжаетъ владыка служить. При самомъ входѣ во храмъ, его поразили эти рогожи, висѣвшія на мѣстахъ св. иконъ. Какъ молнія загорѣлся гнѣвъ его.

— Куда ты привелъ меня? — спросилъ онъ строго священника. Гдѣ у тебя святыя иконы? Кому станемъ мы

молиться? Похоже ли это на храмъ Божій, на домъ молитвы?

Священникомъ былъ человекъ весьма кроткій и добрый. Въ испугъ онъ не зналъ что дѣлать и что говорить. Да и некогда было много говорить. Владыка сталъ облачаться, но гнѣвъ его не проходилъ. Началась литургія; всѣ въ страхъ не знали, чѣмъ кончится дѣло, и на новаго архипастыря своего смотрѣли съ трепетомъ. Священникъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Служба между тѣмъ шла своимъ порядкомъ; приходитъ время херувимской пѣсни. Владыка видимо побѣдилъ свой гнѣвъ. Когда пошли съ великимъ выносомъ, онъ принялъ св. дискось изъ рукъ протодіакона и возгласилъ всю царскую фамилію съ свойственнымъ ему благоговѣніемъ и миромъ душевнымъ.

Но лишь только онъ сошелъ съ того мѣста, гдѣ обыкновенно архіерей принимаетъ изъ рукъ протодіакона св. дискось, и изъ рукъ архимандрита св. потиръ, и гдѣ онъ возглашаетъ всю царскую фамилію, и не успѣлъ еще сдѣлать двухъ шаговъ къ св. престолу, какъ раздается страшный, потрясающій звукъ. На то самое мѣсто, гдѣ стоялъ владыка съ св. дискосомъ, — грохнулась съ самага верха иконостаса довольно полновѣсная мѣдная лампада, висѣвшая на веревочкѣ предъ Распятіемъ Господнимъ, на самомъ верху иконостаса. Всѣхъ объялъ паническій страхъ. Владыка вздрогнулъ, и нѣсколько секундъ не двигался съ мѣста. Ранѣе минутой, — и лампада упала бы прямо на святителя, и мгновенно лишила бы его жизни. Бѣдный священникъ приходскій едва стоялъ на ногахъ. Владыка между тѣмъ поставилъ св. дискось на престолъ, и когда убрали лампаду, вышелъ изъ алтаря на тоже самое мѣсто, принялъ изъ рукъ архимандрита св. потиръ, докончилъ по уставу молитвенное поминовеніе св. правительствующаго сѣнода, синклита, военачальниковъ, градоначальниковъ, христоролюбиваго воинства и всѣхъ православныхъ христіанъ, и съ спокойствіемъ и свойственнымъ ему благоговѣніемъ вошелъ въ алтарь и поставилъ св. потиръ на престолъ.

Литургія продолжалась своимъ порядкомъ. Владыка былъ въ особенномъ благоговѣйномъ настроеніи духа: въ его чистой и прекрасной душѣ совершилось многое. Но сослужащіе стояли около престола Божія въ недоумѣніи и страхѣ. И не одинъ только приходскій священникъ, а многіе изъ бывшихъ въ алтарѣ молились Господу крѣпкою молитвою, чтобы Господь пронесъ бурю.

Но буря давно уже прошла, и благодатная тишина давно воцарилась въ сердцѣ владыки и сіяла во всѣхъ его взорахъ, хотя онъ, какъ священнодѣйствующій, не могъ и не хотѣлъ говорить о томъ сослужащимъ. Когда владыка приобщился св. таинъ, и по прочтеніи благодарственныхъ молитвъ сѣлъ въ алтарь, къ нему подходитъ священникъ. Безъ словъ, потому что не зналъ, что сказать въ свое оправданіе, со слезами на глазахъ онъ палъ предъ владыкою, ожидая себѣ страшнаго приговора. Владыка поднялся.

Встань, отецъ, — сказалъ онъ, поднимая священника и благословляя его. Мы оба согрѣшили предъ Господомъ и начали не въ мирѣ, а въ гнѣвѣ и враждѣ служить предъ Нимъ. Онъ хотѣлъ наказать насъ, но умилосердился и паденіемъ лампы показалъ, какъ близки мы были отъ гибели. Онъ вразумилъ насъ и призвалъ на путь покаянія. Простимъ другъ друга.

Владыка при семь еще разъ благословилъ священника и поцѣловалъ, примолвивъ:

— А ты виновать предо мною тѣмъ, что не предупредилъ меня о поправкахъ въ церкви.

Послѣ литургіи владыка зашелъ къ священнику въ домъ, сидѣлъ у него во время закуски, былъ смиренъ и благопривѣтливъ и вышелъ отъ него въ мирѣ и спокойствіи духа.

Протоіерей В. Владиславлевъ.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА ИЗЪ ДРЕВНЕЙ СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Прошлогодня поѣздка въ Вологду и Бѣлозерскій край познакомили меня съ сѣверною [оконечностію великаго княженія, основаннаго св. Андреемъ Боголюбскимъ въ Суздальской области. Западный край этой обширной державы съ древними городами: Переславлемъ Залѣскимъ, Ростовомъ, Ярославлемъ и Костромою, былъ знакомъ мнѣ еще прежде. Оставалось взглянуть на средоточіе, такъ сказать на сердце области Суздальской, и вотъ теперь исполняется это давнее мое желаніе.

Но можетъ быть читатель спросить меня: „что за древ-

няя, обширная область Суздальская, которой нѣтъ ни въ какой географіи?»

На этотъ вопросъ пусть отвѣтитъ древняя русская исторія.

Было время (за 1000 лѣтъ до насъ) когда на всемъ обширномъ пространствѣ на западъ отъ великаго Новгорода и Смоленска, на сѣверъ отъ Мурома, стоялъ одинъ только городъ Ростовъ Великій, существовавшій еще тогда, когда на берегахъ озера Каово или Неро (что нынѣ Ростовское озеро) обитала Меря, народъ Финскаго племени; нѣсколько позднѣе, въ томъ же краю возникъ Суздаль или Суждаль. Просвѣщенный святымъ крещеніемъ при равноапостольномъ Владимірѣ, этотъ край русской земли былъ удѣломъ св. страстотерпца Бориса, а по смерти его, причисленъ къ великому княженію, и управлялся мѣстными боярами: князья стремились ближе къ престольному Киеву, старѣйшему и богатѣйшему изъ городовъ русскихъ, облеченному правомъ старшинства надъ прочими удѣлами, домогались удѣловъ, сосѣднихъ съ нимъ, не любили свободнаго Новгорода, пренебрегали Ростовомъ, страню бѣдную, дикою и суровою. Только одинъ изъ великихъ князей, знаменитый Владиміръ Мономахъ посѣщалъ иногда сѣверную область свою и основалъ здѣсь новый городъ Владиміръ на берегахъ Клязьмы.

Послѣ смерти Мономаха, видимъ новое, замѣчательное явленіе—осѣдность пятаго сына его, Юрія Долгорукаго, на сѣверѣ, и притомъ не въ Ростовѣ, а въ младшемъ Суздаль; отсюда названіе земли Суздальской смѣняеть иногда въ лѣтописяхъ названіе Ростовской. Но, обстроивъ древній Ростовъ множествомъ городовъ новыхъ, Юрій скучалъ по Киеву и считалъ себя изгнанникомъ на сѣверѣ. „Неужели и дѣтямъ моимъ не будетъ части въ землѣ русской!“ говорилъ онъ, стараясь добыть Кіевъ.

Одинъ изъ младшихъ его сыновей, Андрей Боголюбскій, мыслилъ уже иначе: онъ любилъ сѣверъ, какъ родину, и не могъ ничего искать себѣ на югѣ, при жизни сыновей старшаго изъ Мономаховичей, Мстислава Великаго. Онъ удалился въ наслѣдную область, вопреки волѣ отца, радостно принятъ Ростовцами и Суздальцами и поселился во Владимірѣ. Андрей былъ истиннымъ самодержцемъ своей обширной державы, простиравшейся на западъ до Тверскаго княженія и владѣній Новгородскихъ, на югъ до предѣловъ Рязанскихъ, на востокъ до обиталищъ Мордвы и границъ Болгаріи (въ нынѣшней Казанской губерніи),

на сѣверъ до непроходимыхъ дебрей и тундръ, окаймлявшихъ Заволочье.

Таже область, въ нераздѣльномъ ея составѣ, досталась послѣ Андрея братьямъ его, сначала Михаилу, а потомъ Всеволоду. Старшій сынъ Всеволода, Константинъ отдѣлилъ всю сѣверную часть великаго княженія Ростовъ, Ярославль, Заволочье и Бѣлозерскій край — сыновьямъ своимъ; остальная область Суздальская досталась брату его Георгію, при которомъ совершилось разореніе и покореніе русской земли Монголами — страшною ордою Баттыя. Этимъ гибельнымъ событіемъ завершается первый, блистательный періодъ исторіи сѣвернаго великаго княженія

Второй періодъ этой исторіи мраченъ и безотраденъ, но онъ озаряется блескомъ великихъ дѣяній св. Александра Невскаго, сына того Ярослава Всеволодовича, который получилъ въ наслѣдіе горестное пепелище великаго княженія, разореннаго, залитаго кровью, поработеннаго варварами. Наконецъ послѣ долгихъ кровопролитныхъ распрей между князьями, разрывавшими на локутья наслѣдіе великокняжеское, возвышается мало-по-малу ничтожный городокъ, удѣлъ св. Давида, младшаго сына героя Невскаго. Сюда, къ благочестивому князю Іоанну Давидовичу приходитъ св. Митрополитъ Петръ, съ дивнымъ пророчествомъ о будущемъ величіи Москвы, здѣсь начинаетъ биться новое сердце Руси. Здѣсь утверждается единовластіе и самодержавіе, здѣсь великое княженіе развивается въ царство, въ сильную имперію, въ шестую часть вселенной.

Какъ дивны пути промысла Божія въ дѣлахъ человѣческихъ! Люди облеченные властію, дѣйствуютъ иногда безотчетно, или ищутъ только своей славы и корысти, а Тотъ, „имже царіе царствуютъ“, „направляетъ послѣдствія дѣлъ ихъ къ отдаленной цѣли, которая Ему единому вѣдома! Юрій Долгорукій, устроивая городокъ въ отнятой имъ вотчинѣ Степана Кучка, могъ ли предвидѣть будущее величіе Москвы? Сынъ его Андрей предчувствовалъ ли гибель южной Руси отъ Монголовъ, когда переносилъ престолъ великаго княженія изъ Кіева, потрясеннаго крамолами и междоусобіями, въ страну Суздальскую, хотя полудикую, но болѣе мирную, гдѣ народъ еще не изъявлялъ мятежнаго духа, не судилъ и не мѣнялъ Государей, но повиновался имъ усердно и сражался за нихъ мужественно? И св. князь Георгій, покоря Мордву и пола-

гая основаніе новому городу въ землѣ Низовской, при слияніи двухъ великихъ рѣкъ русскихъ Оки и Волги, думалъ ли, что ставитъ крѣпкій оплотъ противъ будущаго царства Казанскаго? Воистину, дивны дѣла Твои, Господи, и велика милость Твоя къ православной Твоей Руси!

Эти и подобныя мысли роились въ головѣ моей, между тѣмъ какъ сила пара быстро несла меня по чугунному пути отъ береговъ Москвы рѣки на берега Клязьмы. Вотъ уже и Владиміръ, нѣкогда престольный и царственный, богатый и славный, а теперь малозначительный губернский городъ! Поездъ пролетаетъ мимо его во всю длину, почти до восточной оконечности города. На обрывѣ крутой горы, высоко надъ желѣзною дорогою, мелькають зданія древнія и новыя: соборныя и приходскіе храмы, Рождественскій монастырь, присутственныя мѣста...

Послѣ краткаго отдыха на новомъ мѣстѣ, пишу къ вамъ эти строки и спѣшу, по благовѣсту колокола, призывающему къ вечернѣ, въ Успенскій Златоверхій соборъ.

25 іюня 1868 г.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Сейчасъ возвратился я изъ Успенскаго собора, нѣкогда Златоверхаго, и спѣшу передать вамъ, многуважаемый В. П., впечатлѣнія, которыя оттуда вынесъ. Этотъ древній памятникъ благочестія великихъ князей сѣверныхъ стоитъ на открытомъ, возвышенномъ мѣстѣ въ среднемъ городѣ (Кремль или Дѣтинцѣ), котораго стѣны, давно уже разрушенныя, замѣнены теперь тѣнистыми садами. Пятиглавый Успенскій соборъ сооруженъ весь изъ бѣлаго камня св. великимъ княземъ Андреемъ Георгіевичемъ Боголюбскимъ въ 1160 году, а спустя 29 лѣтъ возобновленъ послѣ пожара и увеличенъ пристройкою съ трехъ сторонъ новыхъ стѣнъ, братомъ храмоздателя в. к. Всеволодомъ. Лѣтописецъ, современникъ Андрея Боголюбскаго, говоритъ, что благочестивый князь „дивно украсилъ воздвигнутую имъ церковь многоразличными иконами, жемчугомъ и камнями драгоценными, сосудами золотыми и покрылъ верхи ея позлащенною медью (отсюда и названіе Златоверхаго собора). По вѣрѣ его и по усердію къ пресв. Богородицѣ, привелъ ему Богъ изъ всѣхъ странъ мастеровъ иноземныхъ, которые украсили церковь Богоматери краше всѣхъ церквей“. Повѣствуютъ, что въ соборѣ было

4 золотыхъ паникадила и болѣе 20 серебряныхъ, чудный серебряный амвонъ, мѣдный помость, позолоченныя двери, оклады на иконахъ, осыпанные жемчугомъ.

Входя въ соборъ западными дверями, нельзя незамѣтить съ перваго взгляда, что онъ весьма сходенъ съ Новгородскимъ Софійскимъ по множеству столповъ внутри его: сначала, безъ сомнѣнія, было только четыре столпа, на которыхъ утверждаются своды, а остальные сдѣланы изъ прежнихъ стѣнъ въ то время, когда Всеволодъ пристроилъ новыя стѣны. Впрочемъ полумракъ, производимый этими столпами, весьма приличенъ древнему святилищу — усыпальницѣ державныхъ властителей земли русской.

Къ сожалѣнію иконостасъ вовсе не соотвѣтствуетъ храму: онъ поставленъ при возобновленіи собора въ 1770 году, на сумму, пожалованную императрицею Екатериною II, и устроенъ во вкусъ того времени, съ многоразличными выступами и изгибами, съ рѣзьбою, въ западномъ вкусѣ, по темнозеленому полю. Тотъ же иконостасъ служить и для двухъ придѣловъ: на сѣверной сторонѣ св. князя Андрея и на южной св. князя Глѣба.

Въ иконостасѣ замѣчательны иконы:

1. Божіей Матери, чудотворная, писанная св. митрополитомъ Петромъ, когда онъ былъ еще игуменомъ Ратскимъ на Волыни, и поднесенная имъ блаж. Максиму, митрополиту Кіевскому. Это точный списокъ съ подлинной иконы, написанной, какъ увѣряетъ преданіе, св. евангелистомъ Лукою, принесенной изъ Царь-града въ Кіевъ и поставленной въ Вышгородѣ, откуда св. князь Андрей взялъ ее съ собою во Владиміръ. Здѣсь стояла она на этомъ самомъ мѣстѣ, и прозвана Владимірской, а въ 1395 году, при нашествіи Тамерлана, перенесена въ Москву, гдѣ и донынѣ находится въ царственномъ Успенскомъ соборѣ, здѣсь же замѣнена сказаннымъ спискомъ.

2. Икона Знаменія Богородицы, написанная въ 1646 году. Объ ней, въ записяхъ соборныхъ, сохранилось слѣдующее сказаніе: „Въ слободѣ Быковкѣ, находящейся въ предмѣстіи г. Владиміра, обыватель Сергій Іовлевъ, страдалъ съ малолѣтства разслабленіемъ ногъ. Онъ былъ круглый сирота; жилъ въ своемъ домѣ, доставшемся ему по смерти его родителей. Сострадательные люди навѣщали Іовлева и ходили за нимъ въ болѣзни, считая ее совершенно неизлечимою. Іовлевъ великодушно переносилъ свои страданія. Будучи не въ силахъ подняться на ноги, онъ лежа обращался съ усердною молитвою къ Богу и преимущественно поступалъ такъ

въ безмолвное ночное время. Молитва его была, наконецъ, услышана. Въ незапамятныя времена, въ слободѣ Быковкѣ, былъ храмъ во имя Воздвиженія честнаго креста Господня; въ послѣдствіи храмъ этотъ упраздненъ и то мѣсто, гдѣ онъ находился, находилось въ совершенномъ запустѣннѣи. Разъ въ полночное время Іовлевъ сталъ было засыпать, какъ слышитъ голосъ: “попроси, пусть напишутъ мой образъ Знаменія и поставятъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была церковь и ты исцѣлѣешь.” Гласъ этотъ повторился больноу трекратно. Іовлевъ сказалъ объ этомъ своимъ знакомымъ; тѣ, по своему усердію, не замедлили написать образъ Знаменія пресв. Богородицы. Но тутъ встрѣтилось недоумѣніе: гдѣ поставить образъ? Оставить его на открытомъ мѣстѣ, казалось неприличнымъ. Впрочемъ это недоумѣніе вскорѣ разрѣшилось: въ то же время былъ другой тяжко страдавшій отъ болѣзни, посадскій человекъ Логгинъ Сапожниковъ, жившій въ г. Владимирѣ. У Сапожникова былъ подготовленъ дубовый срубъ на избу. Послѣдовало ему видѣніе во снѣ, чтобы онъ дубовую храмину свою отдалъ подъ часовню и поставилъ ее въ слободкѣ Быковкѣ, гдѣ была нѣкогда церковь. Сапожниковъ такъ и сдѣлалъ.— Когда часовня была устроена, внесли въ нее образъ Знаменія Богоматери, совершили предъ нимъ молебствіе о здравіи болящихъ Сергія и Логгина, и оба они получили исцѣленіе. Это случилось 8 октября 1650 года. Съ того времени многіе больные стали притекать съ вѣрою къ чудотворной иконѣ и получали исцѣленія. Икона перенесена изъ Быковки въ соборъ въ 1652 году по указу царя Алексѣя Михайловича.

3. Образъ Спасителя высокаго Греческаго письма, въ золотой ризѣ, перенесенный изъ упраздненнаго Муромскаго Борисоглѣбскаго монастыря.

4. Небольшой, весьма мелко и искусно вырѣзанный изъ пальмоваго дерева образъ Богородицы, въ видѣ панагін съ частицами св. мощей, пожалованный императрицею Екатериною II духовнику ея, въ послѣдствіи епископу Владимірскому Павлу.

Много державныхъ возлегло на вѣчный покой подъ сѣнію величественнаго храма! Трое изъ нихъ, прославленные нетлѣніемъ и силою даровъ благодатныхъ, донинѣ невидимо покровительствуютъ своему престольному граду. Первый изъ нихъ св. великій князь Андрей, прозванный за благочестіе Боголюбскимъ, основатель сѣвернаго великаго княженія, храмоздатель собора, невинный стра-

далецъ, вкусившій смерть отъ руки присныхъ своихъ, почиваетъ открыто у сѣверной оконечности иконостаса, въ серебряной ракъ, устроенной усердіемъ Владимірцевъ въ 1820 году. Близъ гробницы поставленъ образъ св. князя, во весь ростъ, искусно вышитый шелками, серебромъ и золотомъ — работа царевны Софіи Алексѣевны.

На другомъ концѣ иконостаса, близъ южныхъ алтарныхъ дверей: открыто покоится достойный сынъ Андреева, св. князь Глѣбъ, юный дѣвственникъ и молитвенникъ, перешедшій въ вѣчную жизнь, въ 20 лѣтнемъ возрастѣ 20 іюня 1175 года, за 9 дней до страдальческой кончины боголюбиваго родителя. Еще издревле прославлены мощи св. Глѣба божественною силою: при нашествіи Батыя, когда соборный храмъ былъ объятъ пламенемъ, гробъ князя Глѣба остался неповрежденнымъ. При разграбленіи собора въ 1411 году, татары открыли гробъ, думая найти въ немъ церковныя сокровища, но внезапно вырвавшееся оттуда пламя поразило ихъ ужасомъ и заставило бѣжать изъ храма. Въ тяжкое время нашествія Ляховъ и Литвы, когда враги русской земли, завладѣвши Суздалемъ и Юрьевымъ, подступили къ Владиміру, въ полночь, стражи соборнаго храма, замѣтивъ въ немъ какое-то необыкновенное освѣщеніе, дали знать о семъ причетнику, жившему близъ собора. Причетникъ не менѣе стражей былъ удивленъ чрезвычайнымъ свѣтомъ въ храмѣ; отперъ церковь, вошелъ и видитъ, что-кто-то сидитъ у гробницы св. князя Глѣба и говоритъ ему: „Не ужасайся, человѣче! Не предастъ Господь градъ сей въ руки враговъ: ибо мы соблюдаемъ его и молимъ всемилостиваго Бога и Матерь Его Пречистую Богородицу. Но иди къ протопресвитеру сей церкви, повѣдай ему все, что слышалъ отъ меня, лежащаго въ этомъ гробѣ„. Сказавъ это, св. князь Глѣбъ сталъ невидимъ, съ тѣмъ вмѣстѣ и освѣщеніе въ храмѣ прекратилось. — Литовцы въ эту же ночь отступили отъ Владиміра, весьма худо укрѣпленнаго и почти беззащитнаго. Мощи св. князя — дѣвственника, открытыя въ 1702 году, почиваютъ въ серебряной ракъ и отличаются необыкновенною мягкостію и гибкостію; нетлѣвная рука бѣла какъ рука живаго человѣка; она легко поднимается и разгибается въ локтевомъ составѣ. Не могу найти словъ, чтобы выразить вамъ то чувство глубокаго умиленія, которое овладѣло мною, когда чудодѣйственная десница угодника Божія была возложена на грѣшную мою голову! Священный трепеть пробѣгалъ по нервамъ моимъ, какъ отъ электричес-

кой искры, всѣ житейскія помышленія замерли, а сердце билось невыразимо-радостнымъ ощущеніемъ! О если бы можно было привести къ этой священной гробницѣ тѣхъ несчастныхъ людей, которые отрицають все, чего не могутъ постигнуть своимъ слабымъ разумомъ при помощи чувствъ тѣлесныхъ! Пусть бы каждый изъ нихъ ощутилъ благодатное прикосновеніе мертвой по человѣчеству, но присно живой предъ Богомъ руки, и потомъ подыалъ бы голову изъ раки уже не съ прежними гордыми и лукавыми помыслами, а съ глубокимъ сознаніемъ своихъ заблужденій и своей грѣховности!

Въ срединѣ соборнаго храма, за правымъ клиросомъ, между двумя столпами, богомольцы лобызають открытыя мощи третьяго чудотворца Владимірскаго — св. великаго князя Георгія Всеволодовича, почивающія въ серебряной позолоченой рацѣ, устроенной въ 1645 году по обѣщанію святѣйшаго патріарха Іосифа, изъ келейной его казны. Сынъ велик. кн. Всеволода Георгіевича, прозваннаго Великимъ Гнѣздомъ, Георгій, еще при жизни отца прославился побѣдами, а наслѣдовавъ великое княженіе послѣ брата Константина, заботился о безопасности восточныхъ границъ Русской земли. Съ этою цѣлію онъ заложилъ (въ 1221 г.) Нижній-Новгородъ на Окѣ и Волгѣ; здѣсь построенъ имъ каменный храмъ Спасителю, какъ и въ Суздаль. Въ 1225 году основалъ онъ Юрьевецъ поволгскій. Занимаясь отъ души устройствомъ Русской земли, посылалъ онъ свое войско на помощь новгородцамъ противъ ливонскихъ нѣмцевъ; и когда потомъ сами новгородцы вынудили его на войну, онъ охотно согласился на мирныя ихъ предложенія и поспѣшилъ прекратить кровопролитіе. Въ 1228 г. наказалъ онъ войною дикую Мордву; потомъ заставилъ Болгаръ просить у него мира.

Никто не могъ ожидать того страшнаго бѣдствія, которое висѣло надъ Русью. Въ 1237 году Татары опустошили Рязань. Георгій послалъ къ Коломнѣ сына своего Всеволода; тотъ былъ разбитъ и бѣжалъ, оставивъ юнаго брата Владиміра въ плѣну. Тогда в. князь увидѣлъ опасность: поручивъ сыновьямъ защищать стольный Владиміръ, онъ самъ отправился собирать войска на сѣверѣ. Въ праздникъ Срѣтенія Господня, 2 февраля 1238 года, Татары подошли къ Владиміру. Въ городѣ ли великій князь? спросили чиновники Батя у Золотыхъ воротъ. Изъ города пустили въ отвѣтъ стрѣлы. Не стрѣляйте, кричали Татары и, показывая на плѣннаго князя Владиміра, говорили: узнаете

ли князя? Юный князь былъ блѣденъ и истомленъ страданіемъ. Всеволодъ и Мстиславъ заплакали. „Лучше намъ, братцы, сказали они дружинамъ, умереть за святую вѣру; чѣмъ быть въ ихъ неволѣ. Все это навелъ на насъ Богъ за грѣхи наши.“ Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что непріятель ставитъ вокругъ города стѣннобитныя орудія, а вечеромъ сталъ окружать его валами и тыномъ. Князя Всеволодъ и Мстиславъ, княгиня мать ихъ съ дочерьми и невѣстками, многіе вельможи собрались въ храмъ Богоматери и приняли отъ епископа Митрофана постриженіе въ схиму; всѣ принесли исповѣдь въ грѣхахъ своихъ, причастились св. таинъ и приготовились къ смерти. Февраля 7 въ воскресенье мясопустное городъ былъ взятъ и страшно опустошенъ. Святитель Митрофанъ, супруга Георгія Агаѳея, дочь Θεодора, невѣстки Марія и Христина страдальчески умерли въ пламени и дымѣ собора; сыновья Всеволодъ и Мстиславъ пали въ сраженіи, младшій Владиміръ убитъ еще прежде у Золотыхъ воротъ; большая часть жителей столицы убиты, немногіе взяты въ плѣнъ. Георгій, получилъ вѣсть о такой участи своего семейства и народа, предалъ себя въ волю Божию. Онъ сказалъ: „такъ ли, Господи, угодно милосердію твоему? зачѣмъ я остался одинъ?“

Благовѣрный Георгій подъ тяжестію бѣдъ не только не палъ духомъ, но еще окрѣпъ. Удалясь въ Ярославль, дорогой взялъ онъ съ собою племянниковъ: Василька Ростовскаго и Всеволода Ярославскаго съ ихъ дружинами. Слыша же о страшномъ по огромному числу непріятель, онъ рѣшился идти въ глухое мѣсто, на р. Сить, туда, гдѣ тянутся болота на огромныхъ пространствахъ. Здѣсь настигли его враги, закипѣла кровопролитная битва съ непріателемъ многочисленнымъ и остервенѣлымъ; русскія дружины, при всемъ мужествѣ, не устояли; в. к. былъ убитъ и съ нимъ пало множество войска его. Это было 4 марта 1238 г. Ростовскій епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ бѣлозерской стороны, отыскалъ въ кучѣ мертвыхъ обезглавленное тѣло в. к. Георгія. Онъ привезъ его въ Ростовъ и съ великою честію совершивъ надгробное служеніе, положилъ въ Ростовскомъ соборѣ; голова в. к. отыскана послѣ и положена въ гробъ его. На второмъ году послѣ кончины тѣло страдальца св. вѣры и отчизны, по распоряженію брата его, в. к. Ярослава, торжественно перенесено было во Владиміръ и положено въ соборномъ храмѣ. Тогда увидѣли чудо: „Глава святая прильнула къ святому тѣлу.

такъ что и слѣда не было отсѣченія на выѣ его; правая рука поднята была, какъбы у живаго, показывая на подвигъ.“

Современная лѣтопись такъ говоритъ о свойствахъ в. к. Георгія: Юрій украшенъ былъ добрыми качествами. Онъ старался выполнять заповѣди Божіи и хранилъ страхъ Божій въ сердцѣ своемъ; помнилъ слова Господа: „о семъ познають вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою.“ Даже врага своего отпускалъ съ дарами.... Былъ весьма милостивъ и не берегъ имѣнья своего, раздавая милостыню бѣднымъ, украшая храмы Божія иконами и книгами; почиталъ чинъ иноковъ и священниковъ и подавалъ имъ нужное. Приносилъ Господу молитвы днемъ и ночью.

Предъ мощами св. в. князя Георгія теплится огонь въ золотой лампадѣ, устроенной усердіемъ Великаго Князя Константина Николаевича, по случаю рожденія дочери его Великой Княжны Вѣры Константиновны. Древняя икона благовѣрнаго князя, лежавшая нѣкогда на гробницѣ его и украшенная стариннымъ басменнымъ окладомъ, стоитъ теперь въ иконостасѣ теплой церкви, пристроенной къ собору съ лѣвой стороны и посвященной св. князю Георгію. Близъ раки на столпѣ написаны золотомъ стихи, присланные, какъ увѣряетъ преданіе, отъ императрицы Екатерины II-й:

„Желанье въ варварѣ горѣло
Людей моихъ сжать, какъ траву,
Мой жизни духъ лишитъ и тѣло,
За тѣмъ мечемъ отъялъ главу.
Но Богъ мой духъ за вѣру праву.
Жить вѣчно внесъ въ небесну славу,
Главу-жъ прильнувшу къ тѣлу здѣсь,
Хранить чудесно и до днесь.“

Члены семейства страстотерпца Христова Георгія, окончившіе жизнь въ стѣнахъ сего храма и въ битвѣ съ врагами, почиваютъ вдоль сѣверной стѣны собора. Въ старинныхъ „рукописныхъ святцахъ“ всѣ они внесены въ число святыхъ.

Много и другихъ князей Русскихъ нашли себѣ вѣчное успокоеніе въ древней усыпальницѣ княжеской: 1) в. к. Константинъ Всеволодовичъ—братъ св. Георгія, тихій, кроткій и благочестивый, родоначальникъ владѣтельнаго дома князей Ростовскихъ, храмоздатель великолѣннаго Ростовскаго собора, любившій просвѣщеніе и собравшій бібліотеку въ то мрачное время невѣжества, когда многіе изъ кня-

зей были почти безграмотны. Умирая въ молодыхъ еще лѣтахъ († 1218 г.), онъ оставилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ говорилъ дѣтямъ своимъ: „любезныя дѣти, живите въ любви между собою, Бога бойтесь всею душею и заповѣди Его соблюдайте во всемъ; живите, какъ жилъ я: нищихъ, вдовъ и сирыхъ не презирайте, не уклоняйтесь отъ церкви, уважайте іерейскій и иноческій чинъ, слушайте книжное ученіе; будьте въ любви между собою и Богъ мира будетъ съ вами; слушайте старшихъ, они научатъ васъ добру, а вы еще молоды. Вижу, дѣти мои, что конецъ мой близокъ. Поручаю васъ Богу и пречистой Богородицѣ и брату моему Георгію, который вамъ будетъ вмѣсто меня“. 2) Другой братъ и преемникъ св. в. к. Георгія, Ярославъ Всеволодовичъ, возстановившій великое княженіе послѣ страшнаго разгрома Батыева, родитель св. Александра Невскаго, скончавшійся въ Ордѣ 30 сентября 1246 года. 3) Сынъ его Михаилъ; 4) Борисъ, сынъ св. князя Данила Московскаго; 5) Изяславъ и 6) Мстиславъ—сыновья св. князя Андрея Боголюбскаго. На гробницѣ перваго изъ нихъ лежить железный шеломахъ его и три стрѣлы, или лучше сказать, метательныя копья, трехгранныя, въ 2½ арш. длины и по 18 ф. вѣсу въ каждомъ; лѣтописецъ называетъ ихъ „самострѣльными богатырскими оружіями“.

Между доблестными властителями земли русской почиваютъ здѣсь и приснопамятные святители: блаж. Лука епископъ Ростовскій и Суздальскій, по словамъ лѣтописца, „молчаливый, смиренный, милостивый къ убогимъ, ласковый ко всѣмъ (†1189);“ св. Симонъ, подвижникъ и игуменъ Кіево-печерскій, писатель житій Печерскихъ угодниковъ Божіихъ (всей 3-й части Патерика), первый епископъ Суздальскій и Владимірскій по волѣ св. Андрея Боголюбскаго (†1226); добрый пастырь блаж. святитель Митрофанъ, пострадавшій, вмѣстѣ съ семействомъ великокняжескимъ, при нашествіи Батыя; блаж. Серапіонъ, по сказанію современниковъ, „мужъ учительный и сильный въ божественныхъ писаніяхъ“, оставившій нѣсколько поученій, сохранившихся въ библіотекѣ Сергіевой Лавры и въ наше время изданныхъ. Особенно читается здѣсь гробница блаж. Максима митрополита, родомъ Грека, пришедшаго во Владиміръ изъ разореннаго Кіева. Здѣсь онъ преставился въ 1305 году и погребенъ въ соборѣ, близъ входа на правой сторонѣ. Въ древнихъ святцахъ онъ называется святымъ и чудотворцемъ. Надъ гробницею святителя Максима по-

ставленъ принадлежавшій ему образъ Богородицы, именуемый Максимовскимъ; онъ написанъ въ 1299 году, когда святитель, не имѣя надежнаго пристанища, переходилъ съ мѣста на мѣсто, и проливалъ теплыя молитвы предъ Богоматерью объ указаніи ему воли Божіей. Надпись на иконѣ говоритъ: „сей святой и чудотворный образъ пресв. Богородицы написанъ бысть въ л. 6807 (1299) по видѣнію Максима митрополита владимірскаго и всея Руси, чудотворца, гречина родомъ; егда ему пришедшу отъ Кіева во Владиміръ и отъ путнаго шествія въ келліи своей мало уснувшу, абіе видитъ, аки на явѣ, свѣтъ великъ и необыченъ и въ томъ свѣтѣ явился ему пречистая Дѣва Богородица, держащи на руку превѣчнаго Младенца и глагола: рабе мой Максиме! добръ пришелъ еси съмо посѣтити градъ мой, и подаде ему омофоръ, глаголя: приими сей омофоръ и паси въ градъ моемъ словесныя овцы. Онъ же пріемъ возбудися отъ сна и въ келліи никогоже видѣ. И омофоръ обрѣтесе въ руцѣ его. Онъ же страхомъ объять бысть на многъ часъ, абіе повѣда в. к. Андрею (сыну св. Александра Невскаго) и построиша ковчегъ златъ и положиша въ него той омофоръ и прославися сіе чудо по всей Русской землѣ и Палестинѣ. И повелѣ написати сей образъ тѣмъ подобіемъ, якоже видѣ Максимъ святой. А омофоръ святой во время безбожнаго царевича Талыча, егда плѣни градъ и раззори (въ 1411 году) гдѣ скончался, (куда дѣвался) невѣдомо.“

Въ соборѣ погребены трое епископовъ Владимірскихъ прошедшаго столѣтія: Платонъ († 1757), Павелъ († 1769) и Іеронимъ († 1783). Два послѣдніе оставили по себѣ память возобновленіемъ соборнаго храма, по волѣ Екатерины II-й.

На хорахъ, гдѣ были нѣкогда потаенныя палаты, въ которыхъ задохлись отъ дыма супруга и дѣти св. князя Георгія, въ страшный день раззоренія Владиміра Батыемъ, сохраняется теперь соборная ризница, небогатая древними утварями, послѣ многихъ пожаровъ, раззореній и разграбленій. Впрочемъ здѣсь сохранились: золотой потиръ, вкладъ царей Іоанна и Петра и царевны Софіи, присланный въ 1686 году; два покрова того же времени на мощи св. князя Георгія, съ изображеніемъ его обниженнымъ жемчугомъ; напрестольный крестъ съ мощами, пожертвованный въ 1642 году вкладчикомъ „имя ему Богъ въсть“; замѣчательный большой ковшъ, употребляемый при водосвященіи, серебряный, плоскодонный. Этотъ ковшъ былъ

пожалованъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ стольнику Андрею Тимоѳеевичу Племянникову, а сыномъ его отданъ въ соборъ, какъ видно изъ надписи внутри ковша: „1708 году генваря въ 15 день, сей ковшъ далъ вкладу во Владимірь, въ соборную церковь пречистыя Богородицы Успеніе, стольникъ Григорій Андреевичъ по обѣщанію своему за совершившееся чудо цѣлбы отъ Бога, предстательствомъ Богоматери и святыхъ чудотворцевъ, отъ смертныхъ вратъ на животь возвращеніе“. Въ записяхъ соборныхъ значится, что Григорій Племянниковъ получилъ исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни по молитвѣ предъ Владимірской иконою Богоматери, писанною св. митрополитомъ Петромъ, и рѣшилъ употребить все свое имущество на поправку соборной церкви, которая совершенно обветшала, оставаясь триста лѣтъ безъ поддержки и клонилась къ разрушенію. Племянниковъ поновилъ ветхія иконы, поправилъ старинный иконостасъ, украсилъ одинъ изъ придѣловъ и началъ было укрѣплять стѣны собора извнѣ контрфорсами изъ бѣлаго камня, но смерть усерднаго благотворителя прекратала работу, и начатые имъ огромные контрфорсы окончены уже пожертвованіями другихъ лицъ.

Когда я вышелъ изъ собора, солнце клонилось къ западу, озаря послѣдними лучами громадную бѣлую массу древняго соборнаго храма и величавую колокольню новѣйшаго зодчества, построенную въ 1809 году. Мнѣ хотѣлось осмотрѣть Дмитріевскій соборъ, но онъ былъ запертъ и причтъ его живетъ далеко. Надѣюсь поговорить объ этомъ древнемъ и весьма красивомъ храмѣ въ слѣдующемъ письмѣ.

26 іюня 1868 г.

Графъ М. Толстой.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

ОКТАВРЬ.

1868.

ДНЕВНИКЪ АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО ЕВГЕНІЯ КАЗАНЦЕВА. ^(а)

ПЕРЕВОДЪ СЪ СОБСТВЕННОРУЧНАГО ЛАТИНСКАГО.

Евгеній родился 30 іюня 1778 года, утромъ, въ селѣ Бѣляницынѣ (б), отъ священника того села Евѣимія Алексіева и Наталіи и наименованъ Андреемъ, по имени св. Андрея Критскаго, коего память 4 іюля. Воспріемниками при крещеніи были: братъ родителя Гавріилъ и мать родителя Евфросинія. Брата и сестеръ имѣеть въ живыхъ нынѣ (в): Алексія, Анну и Марію (г), самъ всѣхъ ихъ младшій.

Предки мои преемственно были въ семь селѣ священниками: пращуръ Тимошей, овдовѣвши, постригся и нареченъ Тихономъ; пра-прадѣдъ Василій — мужъ святой и трезвой жизни — тѣмъ замѣчательнъ, что, спустя много лѣтъ по смерти, при копаніи для церкви рва, найденъ цѣлымъ и по тѣлу и по одеждѣ: но сіе въ огласку не пущено. Прадѣдъ Іоаннъ достопамятенъ лѣтами и дѣтьми: жилъ 93 года, имѣлъ пять сыновъ священниками, двухъ дочерей за священниками и третью за дьякономъ; дѣдъ Алексій (жена его Евфросинія вышеупомянутая воспріемница); отецъ — Евѣимій Казанцевъ.

(а) Объ юбилеѣ его архіерейства сказано въ августовской книжкѣ. Подстрочныя дополненія къ дневнику взяты изъ другихъ его записокъ и писемъ, нѣкоторыя — изъ изустныхъ его разсказовъ, или изъ другихъ источниковъ достовѣрныхъ.

(б) Село Бѣляницыно находится во Владимірской (прежде Судальской) епархіи, въ Юрьевскомъ уѣздѣ, отъ Юрьева около 15 версть.

(в) Писано за 40 лѣтъ.

(г) Марія лишилась зрѣнія отъ оспы въ младенчествѣ, но жила долго и умерла уже въ 1851 году, 75-ти лѣтъ.

Въ 1783-мъ году пятилѣтняго Андрея отецъ началъ учить чтенію, но по кратковременной болѣзни скоро умеръ (д). Преемникомъ его въ священствѣ былъ Гавріиль — дяди сиротъ, которому и вмѣстѣ съ нимъ матери своей Андрей обязанъ воспитаніемъ; читать же, писать и пѣть учился также у брата. Будучи осьми лѣтъ, могъ исправлять церковную должность при богослуженіи (е). Общество Андрея въ отрочествѣ ограничивались кругомъ своего семейства; дружнѣ всѣхъ былъ съ сестрой Маріей, какъ равной лѣтами. Особенно любилъ читать житія святыхъ, рисовать или лѣпить что-либо, часто ходилъ въ церковь, занимался сельскими трудами, свойственными отроческимъ лѣтамъ, въ которыхъ былъ такъ неутомимъ, что и въ праздники не позволялъ себѣ праздности.

Въ 1790 году братъ Алексѣй со всѣмъ семействомъ переселился въ Москву, и Андрей, будучи двѣнадцати лѣтъ, простился съ деревенскою жизнію. Братъ сначала въ Малыхъ Лужникахъ, потомъ на Крутицахъ и наконецъ у Покрова за Язую, подлѣ Лихарева двора, былъ причетникомъ; мать сначала въ Новинскомъ, потомъ въ Серебрянникахъ была протформею (тутъ былъ ея братъ причетникомъ).

Въ 1791 г. мая 1, Андрей, будучи тринадцати лѣтъ, поступилъ въ Троицкую семинарію (съ удержаніемъ пономарскаго мѣста въ Бѣляницынѣ, коимъ и пользовался до риторики, а въ риторикѣ для казеннаго кошта отказался: ибо отъ мѣста получалъ только по 10 р. въ годъ), которая была въ Сергіевой лаврѣ, при ректорѣ Меѳодіи и префектѣ Евлампіи, и получилъ родовое прозваніе: Казанцевъ.

Переводился изъ низшихъ классовъ въ высшіе въ слѣдующихъ годахъ: изъ информаторіи въ низшій грамматическій въ началѣ 1792; изъ сего въ высшій грамматическій въ половинѣ того же года; изъ этого въ риторикъ 1793; изъ риторики въ философію 1797; изъ этого класса въ богословіе 1799, которое слушавъ одинъ годъ, въ 1800 сдѣланъ учителемъ синтаксиса. Учился ровно девять лѣтъ. 1798 г. въ осень опредѣленъ былъ на платоническій коштъ и

(д) 1780 г. умеръ мой прадѣдъ, 1781 умеръ дѣдъ, 1783 отецъ, оставя по себѣ мать мою, сестру Анну 15-ти, брата Алексія 12, сестру Марію (лишенную зрѣнія) 7-ми, меня 5-ти лѣтъ. При семъ испрошено у преосв. Тихона Якубовскаго епископа суздальскаго пономарское мѣсто.

(е) Посвященъ въ стихарь преосв. Викторомъ еписк. суздальскимъ и получилъ пономарскую грамоту.

прозывался Платоновъ, какъ и всѣ пользовавшіеся симъ коштомъ; но 1799 въ осень же по приключившейся болѣзни лишень сего кошта и по прежнему сталъ прозываться—Казанцевъ.

Пока учился, ректорами преемственно были: послѣ Меѳодія Евлампій, послѣ Евлампія Августинъ; префекты же: послѣ сказаннаго Евлампія Августинъ, послѣ Августина Моисей, послѣ сего Мелхиседекъ. Учителей Андрей Казанцевъ слушалъ слѣдующихъ: въ информаторіи Адрианова; въ низшей грамматикѣ Ключарева; въ высшей грамматикѣ Александра Виноградскаго; въ риторикѣ сначала Никольскаго, потомъ Амвросія; въ философіи сказаннаго выше Моисея; въ богословіи вышесказаннаго Августина. Въ классахъ же экстраординарныхъ были слѣдующіе учителя: исторіи Стефанъ Крыловъ (въ послѣдствіи архіеп. Сергій); греческаго и еврейскаго языковъ Мелхиседекъ; французскаго Савва Крыловъ (въ посл. архіеп. Симеонъ); нѣмецкаго Казанцевъ не слушалъ; математики въ семинаріи не было. Прочіе предметы присоединялись къ вышесказаннымъ, какъ-то: катихизисъ къ информаторіи, ариѳметика къ низшей грамматикѣ, географія къ высшей грамматикѣ, поэзія къ риторикѣ.

Соученики, которые или вступили въ монашество, или особенно были дружны съ Казанцевымъ, суть слѣдующіе: 1) двумя курсами старшіе: Савва и Стефанъ Крыловы; 2) однимъ курсомъ старшіе: Музалевскій, Левшинъ, Бакшевскій; 3) того же курса: Дьяконовъ, Хотьковскій, Запольскій, Шумовъ, Орловъ; 4) однимъ курсомъ младшіе: Дроздовъ, Знаменскій, Докучаевъ, Зарѣцкій, Розановъ, Ширяевъ и обучавшійся въ Московской академіи Чертковъ.

Андрей Казанцевъ назначенъ учителемъ изъ Троицкой семинаріи въ Виѳанскую. Почему нужно прежде сказать о Виѳаніи и Виѳанской семинаріи. Черезъ лавру на востокъ течетъ малая рѣчка, съ которою около двухъ верстъ ниже соединяются съ обѣихъ сторонъ два подобныя ей ручья. При соединеніи ихъ была нѣкогда лаврская мельница съ птичьимъ и скотнымъ домомъ. Нравилось это мѣсто митрополиту Платону еще въ его юношествѣ, когда онъ былъ учителемъ въ Троицкой семинаріи. Итакъ, когда онъ сдѣлался архимандритомъ лавры, а потомъ и митрополитомъ московскимъ, то построилъ здѣсь подгородный домъ, наподобіе монастыря, съ стѣною кругомъ и башнями и храмомъ внутри и жилищами, для своего уединенія: но чтобы не показалось, что построилъ мона-

стырь, чего безъ Синода не позволялось, назначилъ здѣсь мѣсто для погребенія лаврскихъ монаховъ, и назвалъ весьма прилично Виѳаніей. Подлинно это мѣсто и по положенію, и по обилію водъ со всѣхъ сторонъ его омывающихъ, и по рощѣ съ сѣвера, востока и полудня окружающей, только на западъ открытое съ видомъ лавры, въ зелени и тѣни, есть пріятнѣйшее. Сюда Платонъ часто удалялся изъ Москвы, а съ 1793 года утвердилъ здѣсь постоянное пребываніе, проживая въ Москвѣ ежегодно только по нѣскольку мѣсяцевъ, чтобы не показалось, что совсѣмъ ее оставилъ.

Въ 1797 году императоръ Павелъ, послѣ своей коронаціи, посѣтивъ лавру, удостоилъ посѣщеніемъ и семинарію и Виѳанію и здѣсь у митрополита Платона принялъ обѣдъ со всѣмъ своимъ августѣйшимъ семействомъ; возвративъ въ Москву, чтобы оставить память своего пребыванія въ Виѳаніи и своего благоволенія къ Платону — бывшему нѣкогда его учителю, повелѣлъ, чтобы Виѳанія была второкласнымъ монастыремъ и притомъ училищнымъ, т. е. чтобы тамъ была и семинарія, для построенія которой и содержанія назначилъ и приличную сумму.

Въ третій послѣ сего годъ, то есть 1800 г., семинарія постройкою кончена и 6 августа въ день Виѳанскаго праздника Преображенія Христова, въ присутствіи м. Платона, торжественно освящена и названа Спасо-Виѳанскою. Учители и ученики избраны изъ Троицкой семинаріи. На первый разъ учреждены только три класса: низшій и высшій грамматическій и реторика, съ тѣмъ, чтобы въ послѣдствіи открылись и философія и богословіе. Введены также экстра-ординарные предметы: греческій языкъ, катихизисъ, ариѳметика, географія и исторія. Информаторіи не было положено, а изъ Троицкой информаторіи избиралось ежегодно потребное число учениковъ, чтобы всегда казалось, что Виѳанская семинарія раждается отъ Троицкой и есть какъбы ея отрасль.

Учителемъ греческаго языка и семинаріи префектомъ сдѣланъ іеромонахъ Гедеонъ; учителемъ риторики и исторіи Орловъ, который вскорѣ постриженъ въ монашество и названъ Мисаиломъ, ему же поручена и бібліотека; высшей грамматики и географіи — Андрей Казанцевъ; низшей грамматики и съ нею вмѣстѣ катихизиса и ариѳметики Громовъ.

Въ 1801 г. въ концѣ сентября, императоръ Александръ послѣ коронаціи, посѣтивши Лавру, гдѣ обѣдалъ у митр.

Платона, посѣтилъ и Виѳанію съ августѣйшею матерію и и в. к. цесаревичемъ, удостоилъ посѣщеніемъ и семинарію. Императоръ, когда взошелъ на открытую семинарскую галерею, подъ которою лежитъ большой прудъ, далѣе разстилаются поля и за ними открывается лавра, то воскликнулъ: „какой великолѣпный видъ!“ При входѣ императора въ аудиторію, м. Платонъ поднесъ ему оду, а воспитанники произнесли привѣтственный разговоръ, изложенный стихами; то и другое сочинено Казанцевымъ. При входѣ императора и при выходѣ въ семинарскія ворота вся семинарія, стоявшая на семинарскихъ галереяхъ, пѣла гимны, въ честь его сочиненные.

Въ 1802 г. въ началѣ января Мисаилъ перемѣщенъ въ лавру, а Андрей Казанцевъ заступилъ его мѣсто и по классу риторикѣ и по библіотекѣ. Въ томъ же году въ сентябрѣ, при переводѣ учениковъ изъ реторикѣ, открытъ классъ философскій, котораго учителемъ назначенъ прѣфектъ Гедeonъ.

1803 г. братъ Андрея, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ изъ Москвы опредѣленный въ священники на мѣсто близъ Калуги, перемѣщенъ въ село Ивановское, чего никогда не должнъ забывать Евгеній, какъ будетъ видно ниже. Мать же оставалась въ Москвѣ въ той же должности профессорни съ дочерью своей Маріей.

1804 годъ весьма замѣчателенъ въ жизни Андрея, ибо по совѣту митрополита Платона, который всегда къ нему благоволилъ, согласился вступить въ званіе монашеское и 29 іюля въ субботу представилъ прошеніе, которое въ слѣдующій день послано въ Синодъ. Не безъ борьбы выбрано было монашеское званіе. Сперва одинъ вельможа (ж) приглашалъ въ свѣтское и вскружилъ голову Андрею. Къ счастью пріѣхалъ братъ къ нему и удержалъ именемъ матери; потомъ одинъ московскій священникъ сдавалъ мѣсто со взятіемъ его дочери и отдачею всего имѣнія. Митрополитъ Платонъ воспротивился согласію на сіе Андрея и употребилъ свой

(ж) Графъ Кирилль Разумовскій, который, посѣтивъ Виѳанію и семинарію, слушалъ у Казанцева уроки и весьма полюбилъ его. Расположеніе графа продолжалось и послѣ, когда Казанцевъ вступилъ въ монашество: доказательствомъ любви его была трость подаренная Евгенію съ золотымъ набалдашникомъ, на которомъ былъ вензель графа подъ короною. Эту трость Евгеній всегда имѣлъ и носилъ съ любовію; къ сожалѣнію уже здѣсь въ Донскомъ около 1860 года она утратилась и гдѣ теперъ находится, Богъ вѣсть.

даръ слова (а даръ сей былъ въ немъ чудесный). чтобы склонить къ монашеству и склонилъ.

Того же года 1 сентября, при переводѣ учениковъ изъ философіи, открыто богословіе и префектъ, уже архимандритъ, Гедеонъ опредѣленъ ректоромъ семинаріи и учителемъ богословія, а Казанцевъ сдѣланъ префектомъ и учителемъ философіи, оставаясь бібліотекаремъ.

Между тѣмъ Синодъ, замѣтивъ разнорѣчіе въ означеніи лѣтъ Казанцева, такъ какъ по спискамъ Троицкой семинаріи, гдѣ онъ учился, выходитъ 28 лѣтъ, по спискамъ учительскимъ вѣанскимъ значится 26, а въ представленіи митрополита Платона показаны законные годы, т. е. 30,—прислалъ запросъ: какой счетъ вѣрнѣе. Платонъ отобралъ отъ просителя и отъ семинарскихъ правленій свидѣнія, и отвѣтъ Синоду заключилъ словами: *впрочемъ судина челоуьку есть мудрость и возрастъ старости житіе нескверное* (Прем. Сол. 4, 9).

Наконецъ по утвержденіи Синода, Андрей Евфимовичъ Казанцевъ 16 декабря, на двадцать седьмомъ году жизни, принялъ монашеское званіе въ лаврѣ препод. Сергія, въ трапезной церкви, послѣ утренняго богослуженія, и имя Андрея перемѣнилъ на имя Евгенія, удержавъ двѣ первыя буквы имени родителя. Обрядъ совершалъ намѣстникъ лавры, архимандритъ Симеонъ, а восприемникомъ былъ префектъ Троицкой семинаріи Самуиль. Того же декабря 25, въ праздникъ Рождества Христова, префектъ Евгеній, вызванный въ Москву, митрополитомъ Платономъ тамъ находившимся посвященъ въ іеродіакона, въ Чудовѣ монастырѣ, въ храмѣ, гдѣ почиваютъ мощи св. митрополита Алексія. 1805 г., по прошествіи цѣлаго года, митрополитъ Платонъ назначилъ также 25 декабря рукоположить Евгенія въ іеромонаха: но болѣзнь въ глазахъ, которою тогда сильно страдалъ Евгеній, воспрепятствовала исполненію намѣренія архипастыря. 1806 г. января 6 въ праздникъ Богоявленія, префектъ Евгеній, по излѣченіи отъ болѣзни, рукоположенъ митрополитомъ Платономъ въ іеромонаха въ лаврѣ, въ Троицкомъ соборѣ, гдѣ почиваютъ мощи препод. Сергія.

1807 г. по повелѣнію императора учреждается собраніе изъ членовъ Синода и другихъ лицъ, подъ названіемъ комитета, которому поручено разсудить объ улучшеніи состоянія служителей церкви и объ усовершенствованіи духовныхъ училищъ. Занятія комитета чрезъ семь мѣсяцевъ кончены и императоромъ утверждены. Опредѣлено быть

четыремъ академіямъ: въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани, подѣ управленіемъ комиссіи духовныхъ училищъ; каждой изъ нихъ подчинить извѣстное число семинарій, симъ уѣздныя училища, а симъ приходскія; для содержанія ихъ всѣхъ назначены доходы, которые получаютъ отъ продажи въ церквахъ свѣчъ. Уставъ для управленія академіями и семинаріями написалъ М. М. Сперанскій, а для училищъ приходскихъ и уѣздныхъ епископъ Теофилактъ, оба члены комиссіи.

1808 г., по уничтоженіи временнаго комитета, учреждена постоянная комиссія духовныхъ училищъ, которой членами назначены слѣдующія шесть лицъ: митрополитъ Амвросій, епископъ Теофилактъ, тайный совѣтникъ М. М. Сперанскій, синодальный оберъ-прокуроръ князь Голицынъ, придворный духовникъ П. В. Криницкій, оберъ-священникъ военнаго духовенства І. С. Державинъ. Первымъ стараніемъ комиссіи было учредить петербургскій округъ. Посему опредѣлено въ слѣдующемъ 1809 году открыть Петербургскую академію, избравши учениковъ изъ всѣхъ семинарій. Но прежде всего нужно было приготовить зданія и избрать способныхъ профессоровъ. Первый изъ всѣхъ въ началѣ 1808 года вызванъ былъ изъ Троицкой семинаріи ректоръ архимандритъ Евграфъ, который сначала сдѣланъ ректоромъ Александро-Невской, то-есть, прежней академіи, а потомъ имѣющей быть Петербургской, то-есть, новой. Ему предлежала забота приготовить зданія и всѣ въ нихъ принадлежности, прискаты наставниковъ, коихъ комиссія не приготовила, испытывать учениковъ, присылаемыхъ изъ всѣхъ епархій. Въ концѣ 1808 года, по одобренію Евграфа и по опредѣленію комиссіи, указомъ Синода вызываются изъ Троицкой семинаріи учителя: риторики Дроздовъ, греческаго и еврейскаго языковъ Ершовъ, грамматики Некрасовъ. Сильно возмущенъ былъ митрополитъ Платонъ требованіемъ столь многихъ въ одинъ годъ; особенно же скорбѣлъ, что берутъ отъ него Дроздова (въ то же время, по принятіи монашества, названнаго Филаретомъ), котораго, по превосходнымъ дарованіямъ ума высоко цѣнилъ. Посему просилъ Синодъ, чтобы сего оставили для его утѣшенія. Но поелику приближался новый 1809 годъ, который былъ назначенъ срокомъ ихъ прибытія въ Петербургъ, то они отправились прежде отвѣта Синода.

Въ началѣ 1809 г., чрезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда Филарета съ товарищами, полученъ ожидаемый указъ,

которымъ Синодъ оставлялъ Филарета (при Платонѣ), а на мѣсто его требовалъ префекта виванскаго Евгенія. Митрополитъ Платонъ какъ прежде Филарету, такъ теперь Евгенію предлагаетъ, чтобъ остался; и когда сей не только охотно согласился, но и просилъ объ этомъ, то Платонъ опять просить Синодъ, чтобъ и сего согласно его собственному желанію оставили и Филарета, уже отбывшаго, возвратили. Отвѣтъ послѣдовалъ объ одномъ отрицательный, о другомъ темный, именно: объ Евгеніѣ — чтобъ отправился безъ промедленія, о Филаретѣ — такъ какъ уже прибылъ въ Петербургъ, то въ будущемъ году можетъ быть уволенъ. Здѣсь конецъ пребыванія Евгенія въ Виваніи, въ которой онъ жилъ восемь лѣтъ съ половиною — почти столько же, сколько въ лаврѣ учился. Кого имѣлъ онъ сослуживцами, объ этомъ сказано; къ нимъ присоединить должно преемника Евгенія по классу риторики Докучаева, и между учениками принявшихъ послѣ монашеское званіе: Россова, Гжельскаго и Горяинова.

Съ великою печалію и слезами оставлялъ Евгеній Виванію, — не иначе какъ отечество. Ибо кто не знаетъ, какой мужъ былъ митрополитъ Платонъ? И Евгеній, доколѣ жилъ въ Виваніи, пользовался почти каждодневною съ нимъ бесѣдою и постояннымъ благоволеніемъ. Платонъ имѣлъ обыкновеніе, каждый день въ пятомъ часу по полудни, приглашать къ себѣ ректора, префекта и кого-либо изъ учителей и, или прогуливаясь съ ними по двору, или, когда не позволяла погода, сидя въ комнатахъ, велъ съ ними разговоръ и никогда не отпускалъ отъ себя ранѣе десятаго часа. Казанцевъ съ перваго прибытія въ Виванію до отъѣзда почти каждодневно бывалъ при сихъ бесѣдахъ. А рѣчь Платона была сколько полезна, столько и пріятна и по учености, и по опытности, и по сужденію, и по искренности, и по веселости, и по разнообразію. Благоволеніе свое къ Евгенію онъ изъяснялъ весьма многими знаками: то навѣщалъ и помогалъ ему въ болѣзняхъ, то его какія-либо сочиненія издавалъ въ свѣтъ, то неожиданно что-нибудь дарилъ ему, то вызывалъ его для присутствія въ ученыхъ собраніяхъ, то поручалъ ему что-либо написать и особенно въ разговорахъ большею частію къ нему обращался: по всему этому Евгеній не иначе почиталъ и любилъ его, какъ отца. Это чувство и во время пребыванія въ Петербургѣ не только не умалялось, но еще увеличивалось. Ибо, когда Платонъ, какъ человекъ, охладѣвалъ къ тѣмъ, которые его оставляли, къ Евгенію

напротивъ, хотя самъ себя называлъ старцемъ дряхлымъ, писалъ всегда собственною рукою (такихъ шесть писемъ Евгеній хранить, какъ драгоценнѣйшіе залого) и притомъ съ такимъ благорасположеніемъ, что называлъ его то сыномъ и братомъ, то другомъ и братомъ, то сыномъ любезнѣйшимъ и другими отеческими выраженіями. Поэтому никто не удивится, что Евгеній, живя въ Петербургѣ, часто усердно молилъ Бога, чтобы сподобилъ его нѣкогда увидѣть Платона и родительницу, что и исполнилось скорѣе, чѣмъ надѣялся. Но обратимся къ продолженію.

1809 г. февраля 7, передавши префектство и бібліотеку Докучаеву, отправился изъ Виѣнны и 15-го прибылъ въ Петербургъ, наканунѣ открытія новой академіи. Митрополитомъ Амвросіемъ принятъ весьма благосклонно, также и Теофилактомъ, который тогда имѣлъ великую силу. 16 февраля было торжественное освященіе Петербургской академіи, въ присутствіи Синода и комиссіи. По окончаніи церемоніи, когда члены всѣ, вставши, взаимно другъ друга поздравляли, Теофилактъ представилъ Евгенія князю Голицыну, а потомъ и митрополиту Амвросію, который до сего времени занятъ былъ церемоніею.

Черезъ нѣсколько дней предписаніемъ комиссіи Евгеній назначенъ инспекторомъ академіи и бакалавромъ философскихъ наукъ. На должности въ академіи и семинаріи опредѣлены слѣдующія лица: 1) въ академіи, ректоръ и профессоръ богословія Евграфъ, инспекторъ и бакалавръ философіи Евгеній, эстетики бакалавръ Леонидъ, исторіи гражданской и церковной бакалавръ Орловъ, математики профессоръ академикъ Гурьевъ, греческаго языка профессоръ грекъ Скивасъ, еврейскаго бакалавръ Ершовъ, французскаго бакалавръ нѣкто французъ аббатъ Боэ, нѣмецкаго бакалавръ нѣкто нѣмецъ Отто Смольянъ; 2) въ семинаріи: ректоръ и богословія профессоръ архим. Анатолій, инспекторъ и философіи профессоръ іеромонахъ Филаретъ.

Изъ учениковъ нѣкоторые приняли въ послѣдствіи монашеское званіе: Постниковъ, Богословскій, Богдановъ, Протопоповъ, Леонтовичъ, Гайтанниковъ и Городковъ. Къ нимъ слѣдуетъ присоединить тѣхъ, которые послѣ были съ Евгеніемъ (на Перервѣ) профессорами: Лебедевъ, Ломаковъ, Покровский, Богдановичъ и Кандорскій.

Пока жилъ въ Петербургѣ Евгеній, входъ ему былъ открытъ: къ м. Амвросію, къ князю Голицыну и къ еп. Теофилактору. Къ первому являлся три или четыре раза

въ недѣлю по должности инспектора; ко второму три или четыре раза въ мѣсяцъ, тоже по должности; къ послѣднему изъ уваженія, сначала чаще, а потомъ рѣже: ибо благоволеніе его казалось сомнительнымъ и притворнымъ. Въ близкое же общеніе Евгений входилъ съ своими профессорами и бакалаврами, особенно монашествующими.

11 ноября ректоръ Евграфъ внезапно умеръ, безъ сомнѣнія, отъ удара параличнаго, что бы ни говорили злоязычники. М. Амвросій хотѣлъ, пока не прибудеть преемникъ, должность его поручить Евгению, но Теофилакту это не угодно было. Преемникомъ назначенъ Московской академіи ректоръ Сергій. М. М. Платонъ по этому случаю снова просилъ Синодъ, чтобы возвратили ему или Филарета, или Евгения, такъ какъ въ одинъ годъ лишился столькихъ учителей и не имѣлъ кого бы сдѣлать ректоромъ Троицкой семинаріи. Определено послать Евгения (з) и указомъ Синода онъ сдѣланъ ректоромъ Троицкой семинаріи и учителемъ богословія, на мѣсто Самуила, который изъ ректора сдѣланъ намѣстникомъ лавры вмѣсто Симеона. Преемниками Евгения были определены: по должности инспектора архимандритъ Іона, по предмету философіи профессоръ Фесслеръ.

1810 г. февр. 23 ректоръ Евгений выѣхалъ изъ Петербурга, пробывъ тамъ годъ и нѣсколько дней. 1 марта явился къ м. Платону, которымъ принять не иначе, какъ сынъ отцемъ. Не нужно упоминать о томъ, что чувствовалъ Евгений, увидѣвъ Платона, Лавру и Вишенію. Радость возвратившагося равна была печали прежде отбывшаго. 4 марта вступилъ въ должность ректора семинаріи и учителя богословія.

Мать Евгения, которая, послѣ его отъѣзда въ Петербургъ, не оставалась болѣе въ Москвѣ, а переселилась къ сыну своему священнику въ Ивановское, услышавъ о его прибытіи, поспѣшила къ нему въ слѣдующее же лѣто и пробыла у него цѣлый мѣсяцъ, чего никогда прежде не было, какъ бы предчувствуя, что это было послѣднее

(з) При полученіи отъ М. Платона представленія, прежде сужденія о томъ въ Синодѣ, М. Амвросій призвалъ Филарета и объявивъ желаніе Платона, спросилъ его о согласіи. Онъ отвѣчалъ то же, что и при вызовѣ изъ Лавры въ Петербургъ, — что принявъ монашество, онъ отрекся отъ своей воли и предалъ себя въ волю власти. М. Амвросій призвалъ и Евгения и объявилъ ему то же. Сей радостно изъявилъ желаніе возвратиться къ Платону и даже просилъ о томъ: такъ и сдѣлано.

свиданіе. Ибо, возвратясь въ Ивановское, въ тотъ же 1810 годъ 8 декабря скончалась. Два ея послѣднія изреченія никогда не забудеть Евгений: одно выражало материнскую о немъ заботу, другое материнскую къ нему любовь. При отъѣздѣ въ Петербургъ послѣднія ея слова были: „*береги душу*“. При отъѣздѣ изъ лавры въ Ивановское, въ послѣдній разъ обнимая, сказала: „*ты не сынъ мой, ты отецъ мой!*“ Значить такая была мать, которую, живя въ Петербургѣ, достойно желалъ пламенно видѣть, и *увидѣлъ и возрадовался*. Погребена въ Ивановскомъ, далеко отъ родителей своихъ, что весьма прискорбно, и далеко отъ родныхъ живыхъ: ибо сынъ ея священникъ, послѣ нашествія французовъ лишившись всего своего имущества, вынужденъ былъ возвратиться на свою родину. Евгений, чтобы не прекратилась память его матери на мѣстѣ погребенія ея и не былъ попираемъ ногами гробъ ея, въ 1818 году положилъ надъ нею камень съ надписью и ежегодно посылаетъ причту нѣкоторую сумму, чтобы поминали *усопшую Платію*.

М. Платонъ не замедлил изъявить свое благорасположеніе ректору Евгению. Въ томъ же 1810 году 5 іюня въ праздникъ Пятидесятницы въ лаврскомъ Троицкомъ соборѣ рукоположилъ его во игумена Угрѣшскаго монастыря; а потомъ мѣсяца чрезъ два, по сношеніи съ Синодомъ, 6 августа, въ праздникъ Преображенія, въ Вифанской церкви Преображенія рукоположилъ въ архимандрита Дмитровскаго Борисоглѣбскаго монастыря. 1811 г. 19 августа объявилъ ему перемѣщеніе во второклассный Можайскій, такъ называемый Лужецкій монастырь. Нѣсколько спустя предлагалъ праздную архимандрію въ Волоколамскомъ монастырѣ, какъ болѣе достаточномъ, съ тою же степенью: но Евгений отрекся, какъ отъ низшаго степенію. Въ Троицкой семинаріи при немъ были три префекта преемственно: Иннокентій въ продолженіе двухъ лѣтъ; Неофитъ полтора года и Веніаминъ одинъ годъ. Въ монашество постригъ двухъ учителей: Никанора и Владиміра.

Пока живъ былъ м. Платонъ, Евгений не могъ изъ лавры такъ часто быть у него, какъ живши въ Вифаніи; впрочемъ и теперь постоянно каждую недѣлю бывалъ три раза: во вторникъ, въ четвергъ послѣ полудня и тамъ оставался до слѣдующаго утра; въ субботу же пріѣзжая послѣ полудня былъ тамъ и воскресенье до утра понедѣльника; сверхъ того на каждый праздничный день, когда не было ученья, пріѣзжалъ наканунѣ и уѣзжалъ на утро праздника,

проводя тамъ обѣ ночи. И какъ цѣнилъ эти посѣщенія достоуважаемый старецъ, довольно указать одинъ примѣръ; одинъ разъ благословивъ пришедшаго Евгенія, крѣпко сжалъ его руку и неоднократно поцѣловалъ ее, такъ что Евгеній едва могъ вырвать свою руку. И это было вмѣсто словъ. Ибо замѣтить должно, что въ послѣдніе годы Платонъ говорилъ тѣмъ менѣе, чѣмъ ближе склонялся къ смерти. И это также достойно памяти, что каждый день утромъ послѣ чаю, испытывая твердость руки и силы свои, писалъ разъ, или два, или и три, если позволяли силы, слѣдующій стихъ псалма: *услышу, что речетъ о мнѣ Господь Богъ: яко речетъ миръ на люди своя, и на преподобныя своя и на обращающыя сердца къ Немю* (Псал. 84, 9).

1812 г. при нашествіи Французовъ, ректоръ Евгеній на короткое время разстался съ Платономъ, но скоро возвратился и наконецъ лишился его на вѣки. 1 сентября при приближеніи опасности, ректоръ Евгеній, съ согласія префекта и учителей, представилъ митрополиту на разсмотрѣніе и, если будетъ угодно, на утвержденіе слѣдующее о семинаріи распоряженіе: учениковъ на все время опасности отпустить по домамъ; самому съ префектомъ и учителями, которые пожелаютъ, отправиться въ Вологду, взявши съ собою, какія можно, вещи и деньги семинарскія; учителямъ, которые не пожелаютъ имъ сопутствовать, отправиться куда кто пожелаетъ, получивъ до новаго года жалованье. Митрополитъ Платонъ подписалъ представленіе безъ всякаго ограниченія. Тяжело было это для Евгенія. Ибо нужно было неожиданно и можетъ быть на вѣки разлучиться отъ того, съ которымъ былъ почти неразлучно столько лѣтъ; но не смѣлъ предложить архипастырю своего желанія оставаться при немъ безъ вызова, чтобы не показаться навязчивымъ, видя притомъ, что къ нему уже прибыли изъ Москвы архимандритъ Ираклій и протоіерей Шумилинъ, одинъ давнишній его сослужитель, другой его родственникъ и притомъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Впрочемъ, чтобы не оставить свое желаніе безъ испытанія, спрашивалъ окружающихъ Платона, куда онъ намѣренъ выѣхать, если вынудитъ опасность; и, узнавъ, что онъ намѣренъ удалиться въ такомъ случаѣ въ Махру, рѣшился отправиться въ путь чрезъ Александровъ, который отстоятъ отъ Махры около 10 верстъ. Итакъ 2-го сентября вечеромъ съ префектомъ Неофитомъ и учителями Никаноромъ и Сорокинымъ выѣхалъ изъ

лавры и 3-го прибылъ въ Александровъ. А 4-го, оставивши въ Александровѣ спутниковъ и вещи свои, одинъ отправился въ Махру и чего искалъ, то нашелъ. Ибо Платонъ наканунѣ уже прибылъ въ Махру съ Иракліемъ и Шумилинымъ. Увиди Евгенія, сказалъ: „не съ неба ли упалъ?“. И, весьма весело пожимая его руку, не выпускалъ около часу, спрашивая, когда выѣхали и какой дорогой отправились и откуда прибыли. Наконецъ спросилъ: куда намъ ренъ продолжать путь? Евгеній откровенно сказалъ, что онъ готовъ или предшествовать ему, если куда далѣе отправится, или быть при немъ, если останется здѣсь. *Прошу*, говорить, *останься со мною*. И такъ Евгеній, отпустивъ своихъ спутниковъ, остался при Платонѣ, который, пробывъ въ Махрѣ нѣсколько дней, возвратился въ свою Виоанію. 30-го сентября, при нашествіи непріятелей на Дмитровъ, по настоятельному убѣжденію окружающихъ, чтобъ удалиться, долго медлилъ, наконецъ противъ воли соглашался, сказалъ: *влеките меня*, и когда всѣ желали и надѣялись, что отправится въ Ярославль, отправился опять въ ту же Махру, отъ которой весьма близко была другая толпа враговъ,— какъ бы предузнавая близкое бѣгство враговъ. 12-го октября, при изгнаніи враговъ изъ Москвы, тотчасъ возвратился въ Виоанію и уже болѣе не удалялся. И такъ во все время опасности и послѣ опасности, даже до смерти Платона, Евгеній неотлучно былъ при немъ.

Но — что доселѣ составляетъ тяжкую скорбь,— въ самое время кончины Платона, онъ не былъ при немъ. Ибо 8-го ноября, принявъ его благословеніе, отправился изъ Виоаніи въ лавру, потому что по минованіи опасности разсыпанная Троицкая семинарія начала собираться. Впрочемъ 10-го числа, по обыкновенію, поѣхалъ къ Платону изъ лавры, но у экипажа передомилась ось, посему вынужденъ былъ воротиться съ дороги и отложить поѣздку до завтра. 11-го послѣ полудня прискакалъ вѣстникъ, что митрополитъ близокъ къ смерти. Поспѣшилъ туда Евгеній, но нашелъ его уже бездыханнымъ. Скончался отъ возвращенія паралича, которымъ пораженъ былъ среди обѣда; выведенный изъ-за стола и положенный на софу, дышалъ около часу съ открытыми глазами и, при чтеніи духовникомъ канона на исходъ души, весьма тихо предавъ духъ Господу, на семдесятъ шестомъ году жизни. Погребенъ въ Виоаніи, на приготовленномъ уже задолго мѣстѣ, Августиномъ викаріемъ московской митрополіи.

Евгеній хотя то имѣлъ печальное утѣшеніе, что по приказанію викарія произнесъ надгробное слово надъ останками своего единственнѣйшаго отца и благодѣтеля. Неизвѣстно, предчувствовалъ ли онъ свою кончину; правда, онъ сказалъ наканунѣ вечеромъ и повторилъ утромъ въ самый день кончины: „уже рѣшено“. Но что рѣшено, никто спросить не смѣлъ, а самъ онъ ничего болѣе не прибавилъ, поелику, какъ замѣчено выше, мало говорилъ. Но что бы другіе ни думали, а мнѣ кажется, что онъ имѣлъ хотя темное предчувствіе своей смерти; не смѣю утверждать, что ясное: ибо въ тотъ день ничего онъ не сдѣлалъ такого, что бы показывало, что ясно предвидѣлъ наступающій часъ смерти: ибо и духовника не приглашалъ, и таинства Евхаристіи не принялъ, чего, безъ сомнѣнія, не упустилъ бы, потому что весьма часто ихъ принималъ прежде.

Послѣ кончины Платона, м. Амвросій, которому Евгений тотчасъ написалъ о сей потерѣ, подкрѣпилъ его благовременнымъ дѣйствительнымъ утѣшеніемъ, такъ написавши: *я, какъ его воспитанника, особенно для себя почти обязанностію, доколь буду жить, сколько могу, подавать тебѣ утѣшеніе, — что весьма вѣрно исполнилъ, благодѣтельствуя ему до самой смерти. Не малое утѣшеніе принесло и письмо Евлампія, который между прочимъ писалъ: дома имѣешь и утѣшеніе и примѣръ, то есть, отца твоего, всѣми добродѣтелями преукрашеннаго, котораго я зналъ отъ отрочества и всегда смотрѣлъ на него съ уваженіемъ и любовію, какъ на мудраго и благочестиваго мужа.* Утѣшали нѣсколько и письма князя Голицына и Теофилакта, тогда уже архіепископа, изъ которыхъ одинъ просилъ, а другой хвалилъ надгробное слово. Но весьма много обрадовалъ отвѣтъ Филарета. Евгений писалъ ему, что м. Платонъ весьма бы желалъ (ибо говорилъ объ этомъ), чтобы Филаретъ произнесъ надъ его останками надгробное слово. Въ отвѣтъ Филаретъ написалъ нѣсколько словъ въ похвалу великаго святителя, какъ древле Григорій въ похвалу В. Василія, и заключилъ письмо свое о себѣ скромно, о Платонѣ великолѣпно: *подлинно онъ былъ Великій Василій, но я не Григорій.* Еще не облегчилась одна скорбь, какъ постигла другая. Утѣшитель Евлампій слѣдующаго 1813 года мая 24 самъ скончался. Онъ какъ родственникъ былъ во всю жизнь великимъ благодѣтелемъ Евгенія; сею потерю такъ былъ пораженъ Евгений, что подвергся тяжкой и почти безнадеж-

ной болѣзни (уже подготовленной нашествіемъ французовъ и кончиною Платона), отъ которой не безъ чуда избавился, равно какъ и начало болѣзни было чудесное, что опускаемъ по краткости и по скромности (и). Но того нельзя молчать для славы Божіей, что послѣ этой болѣзни началъ чувствовать себя лучше и физически и нравственно. Въ 1814 году учреждена Московская Академія, съ ея округомъ, по примѣру Петербургской. Новая Академія учреждена въ Сергіевой Лаврѣ на мѣстѣ Троицкой семинаріи, а семинарія переносилась въ Виѣанію и соединялась съ Виѣанскою подъ однимъ названіемъ Спасо-Виѣанской. Московская прежняя Академія изъ Московскаго заиконоспаскаго монастыря переносилась въ подмосковный Перервинскій монастырь подъ названіемъ Московскои семинаріи, къ которой присоединилась и прежняя Перервинская. Ректору Евгенію порученъ былъ трудъ и даны деньги, чтобы приготовить зданія Троицкой семинаріи для новой Академіи; а префекту Лаврентію приказано приготовить зданія Перервинской семинаріи для новой Московской. Но едва толь-

(и) Вотъ что чудесно въ болѣзни. Видитъ Евгеній во снѣ, что сидитъ на стулѣ (въ комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно обѣдалъ); противъ него сидитъ нѣкто Моисей Петровичъ Платоновъ (изъ турокъ) и разговариваютъ. Вдругъ Моисей говоритъ: «знаете ли, отецъ Евгеній: мнѣ велѣно васъ умертвить. Подъ вами машина, а сейчасъ трону машину и васъ низвергнетъ внизъ и задавятъ.» — «Ахъ, пощадите, говоритъ Евгеній: я нисколько не готовъ, дайте вотъ нѣсколько время приготовиться и распорядиться.» — «Ну хорошо: остаетесь на девять дней, только въ десятый непременно опять будьте на этомъ мѣстѣ:» и кончилось видѣніе. Сонъ живо остался въ памяти по пробужденіи и сильно его безпокоилъ. Но день за день, впечатлѣніе ослабѣвало и воспоминаніе изглаждалось. И вотъ въ одинъ вечеръ Евгеній ужиналъ сидя на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ видѣлъ себя въ сказанномъ снѣ, ничего особенно не чувствовалъ, и вдругъ закрылъ глаза, покачнулся и рухнулъ назадъ со стуломъ. Келейникъ предъ нимъ стоявшій — мальчикъ съ ужасомъ бросился въ кухню (около 5 шаговъ) за другими прислужниками; вбѣжали, и Евгеній въ ту же минуту пришелъ въ память, но подняться не могъ; подняли, положили ту же на келейничью постель, вбѣжали извѣстить префекта (Неофита), который ту же минуту прибѣжалъ, и Евгеній говорить, что онъ живо вспомнилъ, что это тотъ самый день, который назначенъ былъ ему во снѣ; приказалъ поскорѣе пригласить духовника, принялъ таинства исповѣди и св. причастія, и по перенесеніи на его постель, болѣлъ тяжело, не поднималъ головы, что продолжалось около мѣсяца. Этому я очевидецъ: ибо я былъ тотъ самый келейникъ, который стоялъ предъ нимъ во время паденія. *Прот. И. Бл.*

ко Евгеній учредилъ порядокъ для своихъ занятій и заключилъ условія, какъ указомъ Синода переведенъ изъ Можайскаго монастыря въ Московскій ставропигіальный второкласный законоспасскій монастырь; а предписаніемъ комиссіи назначенъ ректоромъ и профессоромъ богословія Московской семинаріи. Почему, передавши, кому слѣдуетъ, дѣло и деньги, 1 сентября отправился въ Москву. Въ то же время, по одобренію комиссіи, высочайшимъ указомъ пожалованъ ему наперсный крестъ изъ драгоценныхъ камней за учебныя заслуги.

Принявъ въ свое управленіе Законоспасскій монастырь, Евгеній принялъ и прежнюю Академію отъ ректора Симеона и префекта Пареенія и Перервинскую семинарію отъ префекта Лаврентія. Наконецъ, когда собрались изъ Петербургской Академіи профессеры, а изъ прежней Московской ученики, и приготовлены были какъ классы, такъ и жилыя комнаты, 1-го ноября Московская семинарія на Перевѣ торжественно освящена въ присутствіи архіепископа Августина и другихъ любителей просвѣщенія. Профессоры здѣсь были при Евгеніи: философіи (онъ же и инспекторъ) Веніаминъ; исторіи (онъ же и библіотекаръ) Георгій Лебедевъ; математики и французскаго языка (онъ же и секретарь) Александръ Покровский, а потомъ Александръ Кандорскій; риторики и нѣмецкаго языка Стефанъ Лошаковъ; греческаго и еврейскаго языковъ Александръ Богдановичъ,— всѣ ученики Евгеніевы.

1815 г. обозрѣвалъ вмѣстѣ съ другими семинаріями и Московскую присланный отъ комиссіи ревизоръ Филаретъ, ректоръ Петербургской академіи. По засвидѣтельствванію его, отъ комиссіи объявлена Евгенію похвала за *хорошій порядокъ семинаріи и за отличные учениковъ успѣхи въ Богословіи.*

1816 г. ноября 18 по представленію комиссіи Евгенію пожалованъ орденъ Св. Анна 2 ст. за отличное прохожденіе должности по ученой части. 1817 г. іюля 30 указомъ Синода переведенъ изъ Законоспасскаго въ Московскій ставропигіальный первокласный Донской монастырь и вмѣстѣ съ тѣмъ уволенъ отъ ректорства и профессорства; но не могъ оставить семинаріи до 1 ноября, когда прибылъ преемникъ его Парееній.

Но и по отозваніи отъ должностей учебныхъ не былъ освобожденъ отъ ученыхъ занятій и самъ не оставлялъ ихъ. И вопервыхъ тогда же указомъ Синода сдѣланъ пред-

сѣдателемъ духовной цензуры, императоромъ Павломъ въ 1799 году въ семь монастырѣ учрежденной. Потомъ тщательно занимался сочиненіемъ и сказываніемъ въ церкви поученій, которыя всѣ собственноручныя оставилъ въ цензурѣ. Предсѣдателемъ цензуры былъ послѣднимъ и послѣ его это званіе отмѣнено, при учрежденіи цензуръ академическихъ.

Замѣчательно, что Евгенийъ большею частію въ своихъ должностяхъ былъ или первымъ или послѣднимъ: первымъ учителемъ синтаксиса въ виѣанской семинаріи вновь учрежденной, первымъ инспекторомъ и бакалавромъ въ петербургской академіи также вновь учрежденной, послѣднимъ ректоромъ троїцкой семинаріи переведенной потомъ въ Виѣанію и напротивъ первымъ ректоромъ въ московской семинаріи вновь открытой и наконецъ послѣднимъ предсѣдателемъ въ цензурѣ. А какъ начинаніе, такъ и окончаніе не лишено своихъ затрудненій и заботъ.

Въ томъ же сентябрѣ, по представленію синода, Высочайшимъ указомъ назначенъ вторымъ членомъ московской синодальной конторы (і). По сему случаю лично принесли благодарность государю, когда съ другими настоятелями монастырей представлялся августѣйшей фамиліи, которая въ то время находилась въ Москвѣ болѣе осьми мѣсяцевъ отъ 1 октября до 13 іюня.

1 ноября императрица Елисавета посѣтила монастырь и довольно много разговаривала съ Евгениемъ, по ея обыкновенію весьма благосклонно. Въ концѣ декабря по случаю праздника Рождества Христова вторично высшіе чины духовенства представлялись Высочайшей фамиліи: Марія Ѳеодоровна и Михаилъ Павловичъ болѣе, нежели другіе, говорили съ Евгениемъ, спрашивая подробно — она о монастырѣ, а сей о немъ самомъ. 1818 г. февр. 14 получилъ бронзовый въ память 1812 г. крестъ. Свидѣтельство на оный подписано переверенствующимъ св. синода членомъ м. Амвросіемъ. Тогожь года мая 24 посѣтила монастырь императрица Марія и обошла всѣ церкви; Евгенийъ сопровождалъ и показывалъ; потомъ осматривала памятники, и особенно отыскивала могилу Тутолмина, который сохранилъ невредимымъ отъ Французовъ Воспитательный домъ. Нашедши, почтила его наклоненіемъ головы, внимательно

(і) Въ конторѣ первымъ членомъ былъ пресвященный Августинъ, третьимъ Успенскій протопресвитеръ Я. Д. Никольскій — оба его учителя.

осматривала и читала надписи на памятникѣ. Читала надписи и на другихъ памятникахъ, спрашивая и безпрерывно говоря съ Евгениемъ. Наконецъ и объ немъ самомъ много спрашивала, откуда онъ и какія проходилъ должности, съ удивительнымъ снисхожденіемъ и благоволеніемъ; когда онъ упомянулъ о Виваніи и Платонѣ, сказала: *великій онъ былъ архипастырь!*

Въ началѣ іюня прибылъ въ Москву прусскій король съ своимъ сыномъ. Императоръ Александръ съ ними и съ братьями Константиномъ и Николаемъ, нынѣ Божіею милостію императоромъ, удостоилъ 8 іюня посѣщеніемъ Донской монастырь. Евгенийъ съ монашествующими въ свящ. облаченіяхъ встрѣтилъ ихъ въ святыхъ воротахъ съ святыми крестомъ и водою. Присутствовалъ и архіепископъ Августинъ, не въ облаченіи, а въ обыкновенной одеждѣ; императоръ, приложась ко кресту, представилъ его королю, сказавъ: архіепископъ Московскій. Совершивъ въ церкви обычное краткое молитвословіе и поднесши вторично крестъ, архіепископъ предшествовалъ и показывалъ императору и королю все, что достойно было вниманія. Евгенийъ слѣдовалъ за ними вблизи, не замѣчая въ толпѣ народа, что съ правой стороны подлѣ него идутъ великіе князья Константинъ и Николай. Когда же почувствовалъ, что кто-то его тронулъ рукой, обратился и увидѣлъ, что его тронулъ Николай Павловичъ, который сказалъ: *братъ желаетъ съ тобой говорить.* Съ этого времени Константинъ Павловичъ разговаривалъ съ Евгениемъ, спрашивая его то о томъ, то о другомъ, до тѣхъ поръ, пока императоръ, посѣтивъ церкви, взшелъ въ архимандритскія кельи. Здѣсь цесаревичъ разговоръ кончилъ. Императоръ, увидя между портретами знаменитыхъ мужей портретъ Платона, сказалъ королю: *это портретъ митрополита Платона.* Императоръ, подойдя къ экипажу, обратился и простился съ Августиномъ низкимъ наклоненіемъ головы, а потомъ съ Евгениемъ—меньшимъ.

13 іюня Николай Павловичъ вторично посѣтилъ монастырь по слѣдующему случаю. Около трехъ мѣсяцевъ предъ симъ умеръ какой-то гренадеръ изъ роты в. к. Николая Павловича, весьма имъ любимый за храбрость и заслуги. Къ Евгению пришелъ капитанъ спросить позволеніе похоронить умершаго въ Донскомъ, говоря, что это будетъ пріятно великому князю. Евгенийъ, хотя нѣсколько усумнился, но почелъ себя обязаннымъ позволить. Что говорилъ

съ капитаномъ, не помнитъ; но чрезъ нѣсколько дней съ удивленіемъ прочиталъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ, что ему отъ имени великаго князя объявляется благодарность и при томъ съ похвалою, будто онъ что-то особенное говорилъ на вопросы капитана. Не много спустя надъ умершимъ отъ роты поставленъ памятникъ съ епитафіей Жуковскаго. И такъ теперь Николай Павловичъ прибылъ посмотреть памятникъ. И какъ только увидѣлъ Евгенія, вышедшаго на встрѣчу ему за ворота, опять много благодарилъ, прибавивъ: „мы и публично объявили вамъ благодарность“, и не переставалъ говорить, пока подошли къ памятнику. Здѣсь приказалъ совершить литію, а потомъ осмотрѣлъ памятникъ и прочиталъ епитафію. Въ это время подошелъ Жуковскій, нѣсколько замедлившій. Тогда великій князь, обратясь къ Евгенію, сказалъ: *рекомандую В. А. Жуковскаго, знаменитаго нашего времени поэта.* Потомъ, не много благосклонно поговоривъ съ Жуковскимъ и сопутствовавшими ему лицами, пошелъ назадъ изъ монастыря, разговаривая весьма благосклонно съ Евгениемъ. Это былъ послѣдній день пребыванія августѣйшей фамиліи въ Москвѣ. Императоръ впрочемъ отбылъ въ Москву нѣсколькими днями прежде.

И такъ Евгеній въ 1818 году имѣлъ честь говорить со всею августѣйшею фамиліею и почти каждого принималъ въ своемъ монастырѣ и поднесъ святыя образа, исключая Александры Θεодоровны и Михаила Павловича, которые не посѣтили монастыря.

Тогожь іюня 16 императоръ утвердилъ избраніе синода, *быть архимандриту Донскому Евгенію епископомъ Курскимъ и Бѣлоградскимъ*, на мѣсто архіепископа Θεоктиста (к). Но достойно замѣчанія то, что между объявленіемъ указа и хиротоніею кандидата, 30 іюня, въ день рожденія Евгенія, исполнилось ему сорокъ лѣтъ, лѣта, по правиламъ церкви, законныя для поставленія епископа. 13-го іюля въ день арганхела Гавріила было обыкновенное нареченіе въ епископа въ Синодальной конторѣ; а 14, въ день апостола Акилы, рукоположеніе, которое совершалъ московскій архіепископъ Августинъ (нѣкогда учитель Евгенія въ богословіи) съ сослужащими митр. Іоною и архіепископами Пашутіемъ и Досіеемъ Грузинскими.

(к) Сперва представленъ былъ на Тулу съ Авраамомъ. А какъ полученъ репортъ о смерти преосвященнаго курскаго, то послѣдовалъ докладъ—изъ представленныхъ перваго, т. е. Евгенія опредѣлить на Курскую, втораго на Тульскую.—и утверждено.

Изъ Москвы въ Курскъ выѣхалъ 29-го іюля; въ границы курской епархіи въѣхалъ 6-го августа, въ праздникъ Преображенія Христова, при восходѣ солнца; и пробывъ нѣсколько дней въ Коренной пустынѣ для отдохновенія и приготовленія, вступилъ въ Курскъ 11-го іюля въ воскресенье. Курскъ не есть мѣстопробываніе епископа и дома не имѣеть, но Бѣлгородъ, который прежде былъ главнымъ епархіальнымъ городомъ. Итакъ изъ Курска отправился и прибылъ въ Бѣлгородъ 15 августа, въ день Успенія Богородицы.

Кромѣ обыкновенныхъ епархіальныхъ занятій и изученія законовъ, которыхъ знаніе для новаго епископа было новое, особенно для Евгенія, который ихъ только въ синодальной канторѣ нѣсколько, какъ говорятъ, коснулся губами,— и отъ того не легкое, много употребилъ старанія для распространенія Библіи и на обозрѣніе епархіи, испытывая священно и церковно-служителей, вразумляя раскольниковъ, возбуждая богатыхъ къ украшенію храмовъ, всѣхъ и cadaго склоняя къ христіанской жизни (г). Не менѣе заботился о семинаріи, то посѣщая классы по часту, то приглашая къ себѣ наставниковъ, то, при распредѣленіи на церковныя должности, ученыхъ всегда предпочитая неученымъ; оказалъ ей пособіе и тѣмъ, что съ великимъ усиліемъ выпросилъ 76 тысячъ на каменную постройку жилищъ для учащихъ и учащихся. Между тѣмъ часто произносилъ въ церкви поученія, которыя всѣ собственноручныя оставилъ въ семинаріи (болѣе 100).

1820 г. императоръ Александръ, посѣщая полуденныя губерніи, 26-го іюля прибылъ въ Курскъ и тамъ пробылъ два дня. Евгеній въ Знаменскомъ монастырѣ встрѣтилъ его по надлежащему; а во дворцѣ представлялся самъ во внутренней части дома и представилъ архимандритовъ и протоіереевъ во внѣшней части дома. Когда спросилъ императоръ: откуда поступилъ сюда,— и отвѣтилъ Евгеній, что изъ Донскаго монастыря, императоръ сказалъ: *такъ я и думалъ*,— доказательство царской памяти. Когда представилъ секретарь библейскаго общества одного изъ протоіереевъ, тотчасъ спросилъ: „есть здѣсь библейское общество?“ Есть. „Сколько книгъ разошлось въ семь году?“ Шестъ сотъ. „О, довольно!“ и потомъ много разсуждалъ о пользѣ сего учрежденія, и такимъ образомъ довольный и веселый отпустилъ всѣхъ радостными. Что же говорилъ

(г) Епархію обозрѣлъ всю въ три лѣта.

съ Евгеніемъ наединѣ въ кабинетѣ, о томъ говорить здѣсь не мѣсто.

1821 г. Евгеній возобновилъ и освятилъ свою домовую церковь, употребивъ не малую сумму, частію домовую, частію пожертвованную усердіемъ гражданъ, щедро помогавшихъ. Весь расходъ простирался до 14 тысячъ.

1822 г. февраля 19-го изъ трехъ кандидатовъ, избранныхъ Синодомъ, императоръ втораго Евгенія наименовалъ архіепископомъ псковскимъ, на мѣсто Евгенія Болховитинова, который сдѣланъ митрополитомъ кievскимъ. Курскою епархіею управлялъ четыре года неполные. Преемникомъ имѣлъ Владиміра, новгородскаго викарія. 30 марта, совершивъ священнѣйшій обрядъ умовенія ногъ, выѣхалъ изъ Вѣлгорода. При отбытіи сопровождаемъ былъ множествомъ народа и съ многими слезами. Отпраздновавъ два пасхальные дня въ Курскѣ, 4-го апрѣля послѣ литургіи выѣхалъ оттуда при такомъ же стеченіи и съ такими же чувствами народа. Границы епархіи оставилъ 5 апрѣля при закатѣ солнца. Путь имѣлъ не чрезъ Тулу, а чрезъ Калугу, гдѣ находятся три любимѣйшіе залога: друга Θεофила, благодѣтеля Евлампія и матери Наталіи, которыхъ гробъ посѣтилъ и почтилъ. Достопочтеннымъ епископомъ Филаретомъ принятъ прѣблагосклонно. Въ Москвѣ пробылъ нѣсколько дней у архіепископа Филарета, которымъ принятъ благосклоннѣйше; не могъ не заѣхать и въ Лавру, и въ Вицеанію, — тамъ вознести молитвы покровителю своему преподобному Сергію, здѣсь совершить поминовеніе сыновней любви надъ Платономъ.

23-го апрѣля, въ воскресенье, при восходѣ солнца прибылъ въ Псковъ и притомъ, чего прежде не зналъ, въ такой день, въ который изъ Елизаровскаго монастыря, отстоящаго на 25 верстѣ, приносится знаменитая чудесами икона Спасителя и торжественно вносится въ городъ и въ кафедральный соборъ предъ литургією. Отъ чего случилось такъ, что, слѣдуя за грядущимъ торжественно Спасителемъ, взшелъ въ городъ и соборъ и совершилъ первую литургію. 1823 г. объѣзжалъ епархію такимъ же образомъ и порядкомъ, какъ прежде обыкновенно курскую. Путь совершилъ въ 18 дней, отъ 12 до 30 іюня.

Того жъ мѣсяца 23 числа сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени, который получилъ 11 іюля, въ кафедральный праздникъ св. Ольги, жительницы и покровительницы Пскова. Грамота императорская начинается си-

ми словами: *Ревностные труды на пользу церкви и пастырскія ваши свойства обратили мое вниманіе....*

1824 г. января 1-го открыто попечительство о бѣдныхъ духовнаго званія; и по милости Божіей, въ пожертвованіяхъ недостатка не было, чему первый предшествовалъ.

Въ этотъ годъ Богъ вспомнилъ грѣхи его. 5-го января съ большой главы кафедральнаго собора вся кровля снесена бурей. *Въ іюль мѣсяцъ* каменная стѣна подлѣ кафедральнаго собора внезапно обрушилась, завалила входъ въ зимнюю церковь и самой церкви угрожала опасностію. *Въ сентябрь мѣсяцъ* при подгородномъ архіерейскомъ домѣ хлѣбный амбаръ, хотя съ каменными стѣнами, но съ тесовою крышей, съ прилегающими къ нему деревянными пристройками, въ которыхъ сушился хлѣбъ, весьма обширными и дорогими, со всѣми плодами, собранными съ полей для молоченья, сгорѣли до основанія, такъ что остались однѣ стѣны и тѣ растрескались и качались. 7-го ноября съ того самого дома, въ которомъ жилъ, почти половина крыши желѣзной снесена бурей. 1-го декабря кафедральный ключарь, человекъ прекрасный и честнѣйшій, которому весьма много вѣрилъ и все поручалъ, умеръ отъ паралитического удара. Потерпѣвши столько и столь тяжкихъ утратъ въ одинъ годъ, помощію праведнаго и милосердаго Бога и содѣйствіемъ добрыхъ гражданъ всѣ, или въ тотъ же годъ, или въ слѣдующій вознаградилъ счастливо и притомъ ни имущество, ни капиталы кафедры или дома не истощилъ, такъ что какъ денегъ, такъ и запасовъ домашнихъ оставилъ болѣе при отбытіи, чѣмъ сколько получилъ при поступленіи.

Заботясь объ епархіи и хозяйствѣ, не менѣе заботился и о семинаріи, для распространенія которой не дешевою цѣною купилъ сосѣдній довольно обширный домъ. Не оставялъ и писать и произносить проповѣди, которыхъ не мало собственноручныхъ оставилъ въ семинаріи. Общество библейское не равно успѣвало, при случившихся препятствіяхъ, которыхъ преодолѣть не могъ. Къ тому же присоединилось увольненіе министра духовныхъ дѣлъ, которымъ главнымъ образомъ поддерживалось это учрежденіе.

1825 г. іюля 24-го послалъ письмо, которымъ просилъ, чтобы перемѣстили въ тобольскую епархію, которая тогда была праздною. Какая тому была причина, ни въ письмѣ не объяснилъ, и никому не открылъ. Не было, впрочемъ, ни бѣдъ, которыя всѣ уже отвращены; не имѣлъ ни съ

гѣмъ и вражды или отъ кого-либо обиды, будучи со всѣми всегда откровеннымъ и искреннимъ; и въ послѣдней своей проповѣди предъ Богомъ свидѣтельствовалъ, что онъ всѣмъ и всѣми былъ доволенъ. Но бываютъ въ жизни случаи и намѣренія, коихъ основаніе одному Богу извѣстно. А что оно было достаточно и пристойно, этому тѣмъ болѣе можно вѣрить, что Евгенийъ во всю свою жизнь никогда никого и ни о чемъ не просилъ, всегда Богу поручая свою участь. Итакъ сентября 30-го императоръ Александръ въ Таганрогѣ подписалъ указъ: Евгения архіепископа псковскаго, согласно собственному его желанію, перевести въ тобольскую епархію (м).

24-го сентября Евгенийъ получилъ указъ, а 22-го ноября послѣ литургіи выѣхалъ: плакалъ самъ, и плакали всѣ какъ духовные, такъ и народъ, въ великомъ множествѣ провожавшій до воротъ города. 24-го переступилъ границу епархіи вскорѣ по захожденіи солнца. Управляя псковскою епархіей почти столько же, какъ и курскою, т. е., чегыре года не полные. Преемникомъ его назначенъ Меѳодій, архіепископъ астраханскій. Въ Москву прибылъ 30 ноября — въ тотъ самый день, въ который получена плачевнѣйшая вѣсть, что императоръ Александръ 19-го ноября въ Таганрогѣ, послѣ краткой болѣзни, скончался. Преемникомъ въ предшествіи в. к. Николая Павловича всѣми чинами въ Петербургѣ и Москвѣ объявленъ, какъ законный наслѣдникъ, Константинъ Павловичъ.

1-го декабря Евгенийъ присутствовалъ при публичномъ поминовеніи усопшаго императора въ каѳедральномъ соборѣ. 2-го далъ присягу Константину Павловичу въ домово́й архіепископской церкви. 6-го декабря въ день тезоименитства в. к. Николая Павловича, съ позволенія московскаго архіепископа, служилъ въ Синодальномъ Большомъ Успенскомъ соборѣ. 11-го выѣхалъ изъ Москвы въ Тобольскъ. Но любезнѣйшія ему мѣста Лавру и Виѳанію, хотя весьма желалъ, посѣтить не могъ, долго промедливъ за перемѣною лѣтнихъ экипажей на зимніе и опасаясь, чтобы не показаться произвольно медлившимъ. Во Владимірѣ видѣлъ Паренія, въ Нижнемъ Новгородѣ Антонія, въ Казани Амвросія, достоуважаемыхъ архипастырей. Первый — епископъ, второй — бывший Грузинскій католикосъ, третій — архіепископъ. Первымъ и третьимъ принять весьма лю-

(м) Члены Синода о его желаніи словесно объяснились съ г. А., а сей писалъ къ государю въ Таганрогъ.

безно. Въ Нижнемъ Новгородѣ совершилъ поминовеніе надъ епископомъ Мойсеемъ, недавно умершимъ, своимъ вѣкогда учителемъ, который погребенъ въ зимнемъ кафедральномъ соборѣ. 23, когда былъ въ Перми, полученъ манифестъ, которымъ по завѣщанію Императора Александра, послѣ добровольнаго в. к. Константина Павловича отъ Императорскаго достоинства отреченія, учиненному и доселѣ хранимому втайнѣ нынѣ же, по вторичномъ отреченіи Константина, обнародованному, объявленъ Императоромъ Николай Павловичъ. Евгений, послѣ торжественнаго молебствія съ епископомъ Діонисіемъ совершеннаго въ кафедральномъ соборѣ, далъ и подписалъ присягу новому Императору и его наслѣднику. 30 тогожъ декабря архіепископъ Евгений прибылъ въ Тобольскъ при захожденіи солнца: *позна солнце западъ свой* (Псал. 103, 19), и, вошедши въ соборъ кафедральный, принесъ торжественныя благодарныя молитвы и весьма радостному новому своему народу не безъ пріятныхъ слезъ преподалъ благословеніе. Преемствовалъ Амвросію Вещезерову, которому преемствовалъ также въ Донскомъ, дважды одного преемникъ. 1862 января 1 совершилъ первую литургію и первую произнесъ проповѣдь въ Новый Годъ новый архіепископъ къ новому народу изъ текста: *обновляйтесь*, которую и напечаталъ, равно какъ и послѣднюю псковскую.

Богу слава.

Кончилъ писаніе 1826 апрѣля 7.

ОПИСАНІЕ БОГОСЛОВСКИХЪ УЧИЛИЩЪ НА ВОСТОКѢ^(а).

(изъ путевыхъ записокъ 1860 г.)

2. Иерусалимское богословское училище.

Патріаршее Иерусалимское училище основано въ 1845 г. нынѣшнимъ Иерусалимскимъ патріархомъ Кирилломъ II. Помѣщается оно въ Крестномъ монастырѣ, близъ Иерусалима. Зданіе училищное просторное и великолѣпное. Содержится оно иждивеніемъ Иерусалимскаго патріаршаго престола или свято-гробской казны. По внутреннему устройству оно подобно Халкинскому училищу, уставъ ко-его служилъ образцомъ при составленіи устава для Иерусалимскаго училища. Оно состоитъ въ вѣдѣніи блажен-

(а) См. сентябр. книжку.

нѣйшаго патріарха; высшій надзоръ за нимъ порученъ Ефоріи (казначей нѣтъ), а управляется оно Схолархомъ.

Воспитанниковъ числомъ по уставу полагается 40. Въ 1859—60 было 44, изъ коихъ 33 Грека и 11 Арабовъ. Принимаются они отъ 15-ти до 20-ти-лѣтняго возраста. При вступленіи обязываются по окончаніи курса прослужить 3 года по назначенію патріарха; обязательства избрать духовное званіе отъ нихъ не требуется.

Предметы преподаванія слѣдующіе: а) *Богословіе*. Первому классу: Св. Катихизисъ (1 часъ), второму классу: Св. Исторія (3 часа), четвертому и пятому Церковная Исторія (3 часа), шестому Догматическое Богословіе (3 часа). Всего еженедѣльно 10 часовъ. б) *Греческій языкъ*, эллинская словесность, риторическія упражненія, еженедѣльно 36 час. первымъ 5 классамъ. в) *Латинскій языкъ*, воспитанникамъ II-V кл. 12 часовъ. г) *Арабскій языкъ*, преподаваніе коего, по мѣстнымъ нуждамъ, замѣняетъ преподаваніе Славянскаго языка, еженедѣльно 24 часа. д) *Философія* IV-му и V-му классу 6 часовъ. е) *Математика* II, III и IV клас. 9 час. ж) *Географія* II и III классамъ 6 часовъ. з.) *Гражданская Исторія* IV и V кл. 3 часа.

Полный курсъ полагается по уставу, въ 7 лѣтъ, изъ коихъ 2 послѣдніе года предназначаются исключительно для богословскихъ наукъ; но обыкновенно сокращается до 5 лѣтъ. Кажется, только 4 воспитанника окончили полный курсъ, а всего вышло изъ Крестнаго училища до 19 человекъ. Многіе изъ нихъ сдѣланы учителями въ разныхъ городахъ и деревняхъ Палестины.

Составъ учителей нынѣ слѣдующій: *Схолархъ* архимандритъ Германъ Григорасъ, халкинскій воспитанникъ, преподаетъ Догматическое Богословіе, Церковную Исторію и упражняетъ воспитанниковъ въ сочиненіяхъ; *Г. Леандръ* Арванитаки, бывшій преподаватель въ Халки, Эллинскую и Латинскую словесность; *Геродіаконъ Евгеній*—Катихизисъ, Св. Исторію, греческій языкъ (3 кл.) и ариметику; *Геродіаконъ Василій*—Греческій языкъ также латинскій и исторію. *Г. Савва Келисоголо*— философію, математику, и географію; *Геродіаконъ Иеронимъ*—греческій и арабскій языки (1 кл.) и политическую географію; *Г. Θεодоръ Сарруфъ* арабскій языкъ II, IV и V классамъ. *Г. Саруфъ*—сиріецъ, воспитанникъ крестнаго училища, и опредѣленъ въ немъ учителемъ, на мѣсто покойнаго родителя своего о. Спиридона Сарруфа. О. Спиридонъ, ученикъ знаменитаго Сирійскаго проповѣдника о. Іосифа, недавно погибшаго въ

Дамаскъ, жилъ прежде въ предѣлахъ Антиохійскаго патріархата, но оставался незамѣченнымъ и по сему былъ вызванъ въ Іерусалимъ блаженнѣйшимъ Кирилломъ на мѣсто преподавателя арабскаго языка; точно такъ же былъ приглашенъ въ Іерусалимъ блаженнѣйшимъ Кирилломъ изъ Триполиса другой даровитый сиріецъ архимандритъ Аѳанасій, который возобновилъ и привелъ въ благоустройство Белемендскій монастырь, основалъ въ немъ училище для Сирійцевъ, но чѣмъ-то навлекъ на себя неудовольствіе антиохійскаго патріарха. Въ Іерусалимѣ онъ приносилъ особенную пользу своимъ соотечественникамъ проповѣдями на мѣстномъ (арабскомъ) языкѣ; нынѣ онъ живетъ на покоѣ, въ Триполисѣ, на Іерусалимскомъ подворьѣ. Вообще вызовомъ подобныхъ людей, основаніемъ крестнаго училища и типографіи, печатаніемъ арабскихъ книгъ и т. д. блаженнѣйшій Кириллъ показалъ большее безпристрастіе и попечительность о своей паствѣ.

3. Аѳинское Ризаріевское церковное училище.

Аѳинское Ризаріевское церковное училище основано по завѣщанію Нѣжинскаго грека Георгія Родіонова Ризарія, который, съ братомъ своимъ Манѳомъ (Матвѣемъ), покинувъ въ 1806 г. родину свою, Эпиръ, болѣе 30 лѣтъ жилъ въ Россіи и не переставалъ благодѣтельствовать своимъ соотечественникамъ: основалъ эллинское училище въ Эпирѣ, издавалъ полезныя книги, въ греческую войну (1821 и 1829) пожертвовалъ около 40.000 рублей въ пользу своего отечества, выкупалъ множество плѣнныхъ, и былъ однимъ изъ основателей Элладскаго народнаго банка. Видя въ Элладскомъ королевствѣ недостатокъ духовнаго образованія, онъ собственно на учрежденіе церковнаго училища пожертвовалъ почти все состояніе свое и брата своего, т.-е. болѣе милліона драхмъ (250,000 руб.) и назначивъ 12 душеприкащиковъ, поручилъ имъ пещись объ исполненіи его завѣщанія. Георгій Ризарій скончался въ іюнь 1841 г., а въ январѣ 1843 послѣдовалъ королевскій указъ объ учрежденіи „церковнаго училища Манѳа и Григорія Ризаріевъ“.

Къ сожалѣнію заведеніе сіе въ настоящее время находится въ неудовлетворительномъ состояніи, и несотвѣтствуетъ своему предназначенію и благой мысли учредителя. Ризаріевское училище, находясь въ вѣдѣніи министерства духовныхъ дѣлъ, управляется комитетомъ изъ трехъ лицъ, поочередно избираемыхъ на три года, изъ

числа душеприкащиковъ Георгія Ризарія. Въ самомъ училищѣ нѣтъ ректора, а за его отсутствіемъ, нѣкоторыя изъ обязанностей его исполняетъ, сколько можетъ, экономъ. Какъ благоустройство халкинскаго училища свидѣтельствуемъ о власти и значеніи, которымъ ко благу заведенія пользуется его начальникъ, такъ и слабость управленія, происходящая отъ многоначалія или безначалія, не могла не отразиться въ неустройствѣ Ризаріевскаго училища. Оно называется церковнымъ, но нисколько не соотвѣтствуетъ сему названію. Для преподаванія богословскихъ предметовъ есть только одинъ наставникъ, Кондогони (онъ же и професоръ богословія въ университетѣ). 3 му классу онъ читаетъ Введеніе въ св. писаніе и 4 му церковную исторію (3 часа); кромѣ того экономъ низшимъ двумъ классамъ преподаетъ священную исторію и катихизисъ (по 3 часа), такъ что все богословское преподаваніе ограничивается 12 часами въ недѣлю, между тѣмъ какъ изученію эллинскаго языка посвящено 46, а латинскому 27 часовъ еженедѣльно. Богослуженіе хотя по уставу совершается ежедневно, но весьма сокращенно, утреня читается такъ: шестопсалміе, честиѣйшую, словословіе, отпускъ; вечерня читается безъ каѳисмъ. Посты соблюдаются не строго, такъ что въ сырную недѣлю хотѣли даже разрѣшить на мясо, что было отмѣнено по настоянію одного изъ старшихъ воспитанниковъ, Болгарина, объявившаго, что онъ въ противномъ случаѣ выйдетъ изъ училища. Наконецъ, хотя для воспитанниковъ Ризаріевскихъ по уставу положено обязательнымъ вступать въ духовное званіе, однако сіе не исполняется, тѣмъ болѣе, что за нарушеніе сего условія не обязаны вносить денежное вознагражденіе. Рѣшительно недоумѣваемъ, почему Ризаріевское училище называется церковнымъ, развѣ потому, что одежда воспитанниковъ полу-монашеская

Печальное состояніе Ризаріевскаго училища происходитъ отчасти отъ слабости управленія, отчасти отъ равнодушія со стороны инославнаго правительства къ духовнымъ нуждамъ народа (король католикъ, королева протестанка) (б); отчасти же оно есть слѣдствіе вліянія извѣстнаго Фармакида и подобныхъ ему людей. Изобличенный покойнымъ Экономосомъ въ отступленіи отъ чистоты и строгости церковнаго ученія (непризнаніи монашества, непочитаніи иконъ и т. п.), Фармакидъ пользовался къ

сожалѣнію большимъ уваженіемъ и при дворѣ, и въ университетѣ и въ Ризаріевскомъ училищѣ (в). Онъ-то часто говаривалъ, что ученикамъ нечего постыдиться и некогда молиться, и что они должны только заботиться объ ученіи. Вліяніе Фармакида отзывалось и въ самомъ преподаваніи нѣкоторыхъ предметовъ. Такъ напримѣръ учитель математики, Плутархъ Зохій, уроженецъ Ионическихъ острововъ, не упускаетъ случая разными намеками поколебать вѣру воспитанниковъ въ церковное ученіе.

Въ 1857 г. Зохій издалъ книжечку подъ заглавіемъ: „наставники, имѣющіе недостатокъ въ книгахъ и въ умѣ“, начинающуюся слѣдующими словами: „за нѣсколько мѣсяцевъ діаволь внушилъ мнѣ сочинить и издать опытъ рациональной ариеметики, къ которому я присовокупилъ разсужденіе о томъ, какъ у насъ преподается математика. Полагаю же, что къ сему безумному и дерзновенному предпріятію понудилъ меня діаволь, ибо въ противномъ случаѣ, я не дерзнулъ бы хулить шмелеобразный родъ даскаловъ, отъ лица ихъже огонь воспламенится, и подвигнуть противъ меня справедливый гнѣвъ ихъ. Но къ несчастію, еже писахъ, писахъ; я вынужденъ брать на себя роль діавола, ибо раскаяніе ни къ чему не полезно въ семъ случаѣ и т. д. Для меня одна надежда спасенія, одно доброе пристанище — подвизаться за истину и науку и т. д!“ Вотъ какъ находятъ возможнымъ выражаться наставники церковнаго училища въ Аѳинахъ!

Въ церкви Ризаріевскаго училища на иконостасѣ между иконами 1-го и 2-го яруса, крупными золотыми бук-

(в) Въѣсть съ печальными слѣдами разливающагося вольнодумства Эладское королевство представляетъ отрадные черты народной твердости въ вѣрѣ. Не смотря на то, что Фармакиды имѣли множество могущественныхъ покровителей, ревнитель Экономосъ, поддержанный народнымъ мнѣніемъ, заставилъ правительство удалить его отъ университета. Лѣтъ 30 тому на одномъ изъ эладскихъ острововъ, учредилъ училище нѣкто Теофиль Каиръ, и началъ внушать ученикамъ вольнодумныя мысли, сначала тайно, потомъ открыто. Совративъ многихъ молодыхъ людей, онъ былъ потребованъ на судъ, не согласился отречься отъ своего ученія (главный его догматъ: чего не постигаю умомъ, того и не принимаю), не захотѣлъ даже публично прочесть Символъ вѣры, чего отъ него требовали. Онъ былъ преданъ суду. Судьи, какъ говорятъ, склонялись уже къ снисхожденію, но народъ узнавши, что хотятъ оправдать еретика, едва не возсталъ, и заставилъ осудить Каира, который умеръ въ заточеніи въ 1850 г.

вами написано изреченіе: „Духъ есть Богъ, и иже кланяется ему, духомъ и истинною достоинъ кланяться.“⁴ Зная мысли объ иконопочитаніи Фармакидеса и подобныхъ ему людей, чувствуешь, что священныя сіи слова Истины изображены на столь необыкновенномъ мѣстѣ не ради утвержденія истины.

4. Богословскій факультетъ Аѳинскаго университета.

Богословскій факультетъ Аѳинскаго университета устроенъ по образцу нѣмецкихъ университетовъ: богословскія науки нынѣ преподаются въ немъ свѣтскими лицами. До 1858 г. былъ только одинъ богословскій профессоръ (онъ же преподаватель Ризаріевской семинаріи), Кондогони, издатель Патрологіи и Введенія въ св. писаніе. Другой профессоръ (Фармакидъ) только числился, но жилъ какъ бы въ изгнаніи изъ университета и не читалъ лекцій. Въ 1858 г. вторымъ профессоромъ назначенъ Ромбони, воспитанникъ С. Петербургской Духовной Академіи, обучавшійся послѣ въ Берлинѣ. Въ нынѣшнемъ (1860) году опредѣленъ наконецъ и третій профессоръ, Ликургосъ, обучавшійся въ Германіи (г). Кондогони читаетъ церковную исторію и патрологію, Ромбони догматическое, нравственное и обличительное Богословіе. Ликургосъ предполагаетъ читать энциклопедію Богословія.

Вообще въ Аѳинахъ мы видимъ одни слабыя начатки духовнаго образованія, а объ Аѳинскомъ богословскомъ факультетѣ можно сказать, что онъ до сихъ поръ не устроился, а только устроится.

К.

(г) О Ликургосѣ помѣщена въ 14 № Духовной Бесѣды 1858 г. статья протоіерея Василія Палисадова, который обвиняетъ его въ нѣкоторыхъ не совсѣмъ православныхъ мнѣніяхъ, по поводу публичнаго диспута его съ Германскими учеными. Статья протоіерея Палисадова вызвала до крайности горячее и запальчивое возраженіе со стороны Ликургоса, помѣщенное въ одномъ изъ Аѳинскихъ журналовъ нынѣшняго (1860) года.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА ИЗЪ ДРЕВНЕЙ СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ^(а).

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Сегодня удалось мнѣ осмотрѣть Димитріевскій соборъ, который отдѣляется отъ Успенскаго Златоверхаго длиннымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ. Лѣтописи умалчиваютъ о годѣ построенія этого замѣчательнаго храма; онѣ говорятъ только, что в. к. Всеволодъ (Большое Гнѣздо) поставилъ на дворѣ своемъ „прекрасную церковь великомученика Димитрія, дивно украсилъ ее иконами и писаніемъ (стѣннымъ) и перенесъ изъ Солуны гробовую доску св. Димитрія.“ Но изъ тѣхъ же лѣтописей видно, что въ 1193 году этой церкви еще не было, а въ 1197 году гробовая дска великомученика была поставлена уже въ готовой церкви, а потому закладку храма можно отнести къ 1194 или 1195 году. При построеніи храма, Всеволодъ не нуждался въ мастерахъ иноземныхъ („отъ нѣмецъ“, какъ выражается лѣтописецъ), и имѣлъ готовый образецъ въ церкви Покрова, близъ Боголюбова, построенной Андреемъ Боголюбскимъ.

Соборъ сложенъ изъ известковаго бѣлаго камня, привезеннаго изъ Болгаріи, по Волгѣ. Кладка зданія полубутовая: выводили параллельно двѣ стѣны, внутреннюю и внѣшнюю (послѣдняя служила облицовкою); промежутокъ ихъ наполняли булыжникомъ, обломками бѣлаго камня, и заливали известковымъ растворомъ, часто съ примѣсью ячменной или ржаной мякины: этотъ цементъ такъ окрѣпъ отъ времени, что при возобновленіи церкви во многихъ мѣстахъ оказался тверже камня внѣшней стѣны. Наружный видъ храма напоминаетъ Спасскій соборъ въ Переяславѣ Залѣсскомъ (построенъ в. к. Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году), съ тремя входными дверями на трехъ сторонахъ, кромѣ восточной, которая выдвигается впередъ тройнымъ алтарнымъ полукружіемъ. Своды (комары), опираясь на четырехъ внутреннихъ столпахъ, сведены подъ барабанъ и увѣнчаны шарообразною главою. На вершинѣ ея красуется мѣдный крестъ четвероконечный, съ красивою сквозною рѣзьбою изъ птичекъ и листьевъ; въ основаніи его полумѣсяцъ съ поднятыми вверхъ рогами. Наверху креста — птица (голубь). Придуманно нѣсколько за-

(а) См. сентябрьскую книжку «Душеполезнаго Чтенія».

мысловатыхъ догадокъ для объясненія значенія этой птицы, но дѣло объяснилось, само собой, очень просто. При снятіи креста для поновленія, оказалось, что желѣзный пруть, на которомъ утверждена птица, заржавѣлъ. По очисткѣ ржавчины, птица стала вертѣться во всѣ стороны по направленію вѣтра: понятно, что голубь съ распростертыми крыльями, служилъ для указанія вѣтровъ.

Особенно замѣчательны наружныя украшенія собора. Лицевыя стороны его (кромѣ восточныхъ полукружій) покрыты рельефными изображеніями, изсѣченными на тѣхъ же камняхъ, изъ которыхъ сложены стѣны: здѣсь видимъ образъ Спасителя и лики святыхъ среди растений и животныхъ въ разныхъ положеніяхъ. Нѣкоторые любители древности видятъ въ этихъ изображеніяхъ, олицетвореніе псалма: „Всякое дыханіе да хвалить Господа“, другіе—указаніе на одно изъ мѣстъ Апокалипсиса, гдѣ сказано, что всякое созданіе на небѣ, на землѣ, подъ землею и на морѣ славословитъ Сѣдящаго на престолѣ и Агнца (Апокалипс. V. 13); но едвали можно принять такое толкованіе, потому что кромѣ естественныхъ находится много баснословныхъ звѣрей и человѣческихъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ: напимѣръ двое борющихся; воинъ, закалывающій фантастическаго звѣря; человѣкъ, держащій лукъ въ рукахъ; другой, сидящій на львѣ, третій, также сидящій на львѣ и раздирающій ему пасть; гарпія, предлагающая какое-то орудіе стоящему на заднихъ лапахъ льву; два кентавра въ разныхъ положеніяхъ; львы раздирающіе козу, оленя, быка; грифонъ и орелъ, терзающіе маленькаго звѣрка; осель стоящій на заднихъ ногахъ передъ винограднымъ кустомъ; орлы въ геральдической постановкѣ. Трудно также принять мнѣніе графа С. Г. Строганова, что многія изображенія, намекающія на ристалище амфитеатра, и на древнія медали Македоніи, напоминаютъ событія изъ жизни св. великомученика Димитрія, который былъ проконсуломъ въ Македоніи и навлекъ на себя гнѣвъ царскій покровительствомъ одному изъ бойцевъ цирка; въ такомъ случаѣ чѣмъ же объяснить остальные изображенія? Не простѣ ли принять всѣ эти наружныя украшенія храма за проявленіе своеобразной фантазіи художника?

Вмѣстѣ съ другими храмами Владиміра и Димитріевскій соборъ подвергался многократно ограбленію и опустошенію отъ Татаръ и Литвы, а потому въ немъ не сохранилось никакихъ остатковъ внутренняго великолѣпія. Гробовая дска Селунская, съ написанною на ней

иконою великомученика, перенесена въ Московскій Успенскій соборъ, гдѣ и теперъ сохраняется. При царѣ Іоаннѣ Грозномъ, къ собору пристроены два придѣла, съ притворомъ и колокольнею. Этѣ пристройки отнимали у храма первоначальный древній его видъ, а потому покойный императоръ Николай Павловичъ, посѣтивъ Владиміръ въ 1834 году, повелѣлъ возстановить Димитріевскій храмъ въ первобытномъ его видѣ. Возобновленіе, съ уничтоженіемъ позднѣйшихъ пристроекъ, произведено на счетъ казны особою комиссіею, подъ предсѣдательствомъ графа С. Г. Строганова. Послѣ того соборъ освященъ въ 1847 году, а четыре года спустя купецъ Никитинъ устроилъ новую мѣдную крышу на верхнемъ куполѣ и позолотилъ ее.

Когда при возобновленіи отбили штукатурку, внутри храма оказалась подъ ней въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнная живопись, лучше сохранившаяся на парусахъ сводовъ подъ хорами у западной стѣны: на ней подъ южною аркою изображена Матерь Божія, сидящая на тронѣ съ двумя по сторонамъ ея ангелами. Подлѣ представлены праотцы: Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ съ надписями ихъ именъ; на самомъ краю видѣнъ слѣдъ стоящаго добраго разбойника съ высокимъ осмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. У Авраама на лонѣ Іисусъ младенецъ, озаренный небеснымъ свѣтомъ, а по обѣимъ сторонамъ вѣроятно праведники въ уменьшенномъ размѣрѣ и въ разныхъ положеніяхъ. Всѣ эти фигуры изображены сидящими въ вертоградѣ между фантастическими деревьями, на которыхъ видны птицы; на другой сторонѣ арки представлены двѣ горы: при одной на первомъ планѣ изображенъ въ разныхъ одѣяніяхъ соборъ святыхъ, предводимый Петромъ апостоломъ, съ надписью въ двухъ строкахъ: „Агіосъ“, и: „Петръ ведетъ вся святыхъ въ рай.“ При другой два трубачихъ ангела съ надписью: „ангелъ трубитъ въ землю, ангелъ трубитъ въ море.“

У западной стороны надъ входомъ, по обѣимъ сторонамъ средней большой арки изображенъ соборъ апостоловъ и ангеловъ; апостолы по шести на каждой сторонѣ сидятъ на престолахъ съ книгами въ рукахъ, какъ бы готовясь судить, по слову Спасителя, двѣнадцать колѣнъ Израиля; за ними стоятъ въ нѣсколько рядовъ ангелы съ жезлами, оканчивающимися на подобіе лиліи. Эти рисунки составляютъ часть изображенія страшнаго суда, но съ нѣкоторыми отступленіями отъ перешедшихъ въ Россію древнихъ греческихъ подлинниковъ; надобно полагать, что

недостатокъ мѣста заставилъ художника ограничиться нѣкоторыми частями первоначальной картины, и что при допущенныхъ измѣненіяхъ, онъ не только не стѣснялся современными начертаніями, но даже далъ совершенно новое расположеніе фигурамъ, оставаясь впрочемъ вѣрнымъ принятому на востокъ обычаю, писать страшный судъ на западной сторонѣ церкви. Въ рисовкѣ замѣчается вообще смѣлость, намегающая на кисть самостоятельнаго мастера; въ фигурахъ не видно ни неподвижности, ни сухости, ни условнаго расположенія складокъ—обыкновенныхъ признаковъ Византійскаго иконнаго стиля. Эти любопытныя фрески очевидно относятся къ времени построения собора, но Русскія на нихъ подписи, по мнѣнію знатоковъ дѣла, принадлежать къ началу XV вѣка. Онѣ могли быть сдѣланы при возобновеніи стѣнописи, которое приписывается преданіемъ знаменитому иконописцу-подвижнику, блаж. Андрею Рублеву.

Иконостасъ въ древнемъ вкусѣ, плоскій, пяти-ярусный, съ иконами греческаго письма. Нѣкоторыя изъ нихъ—старинныя, но всѣ онѣ принадлежали прежде другимъ церквамъ, откуда въ разное время взяты въ соборъ. Изъ числа вкладовъ замѣчательны: 1) Серебряные сосуды, пожертвованные въ 1714 году царевною Маріею Алексѣевою, сестрою императора Петра I; 2) серебряные вызолоченные сосуды со всѣмъ приборомъ, устроенные по древнему рисунку, повелѣніемъ Наслѣдника цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Александра Николаевича, въ 1845 году; 3) Деревянный раскрашенный подсвѣчникъ, поставленный въ храмъ св. Димитрія, какъ видно изъ надписи, въ 1604 году.

Въ югозападномъ углѣ собора погребень бывший намѣстникъ Владимірскій и Костромскій, генераль-аншефъ графъ Романъ Иларіоновичъ Воронцовъ (сконч. въ 1783 году). Памятникъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора поставленъ надъ могилою сыновьями его, и возобновленъ въ 1841 году внукомъ, графомъ Михаиломъ Семеновичемъ (въ послѣдствіи княземъ и фельдмаршаломъ).

Недалеко отъ соборовъ, при началѣ Дворянской улицы, возвышаются Златыя врата, построенныя Андреемъ Боголюбскимъ, при въѣздѣ въ городъ съ западной стороны. Онѣ заложены въ 1158 году и окончены въ 1164 году, при чемъ въ верхней ихъ части сооружена была церковь положенія ризы Богоматери.

Семь вѣковъ пронеслись надъ древнимъ зданіемъ, и те-

перь всякій, сколько нибудь знакомый съ Русскимъ стариннымъ зодчествомъ, съ перваго взгляда увидить, что врата потерпѣли большія перемѣны въ первоначальномъ, оригинальномъ своемъ видѣ. Старожилы утверждаютъ даже, что до пожара, бывшаго въ 1778 году 28 іюля, онѣ были выше, и помнятъ, что шпигъ ихъ украшался огромнымъ шаромъ. Пониженіе произошло естественно, отъ самаго времени, дѣйствующаго особенно на зданія безъ фундамента, а главное измѣненіе первобытнаго вида состоитъ въ пристройкѣ четырехъ готическихъ башенъ по обѣимъ сторонамъ, вмѣсто контрфорсовъ, по повелѣнію императрицы Екатерины, запретившей строго мѣстному начальству, доносившему объ угрожавшей опасности паданія обветшавшаго зданія, разрушать такую драгоценную древность. Въ лѣтописцахъ не находимъ свѣдѣній о причинѣ постройки Златыхъ воротъ, но можно думать, что строитель имѣлъ въ виду подражаніе Царюграду и Києву: въ первомъ изъ нихъ Золотыя ворота воздвигнуты Феодосіемъ Великимъ послѣ побѣды надъ хищникомъ престола Максимомъ, а въ Києвѣ великимъ Ярославомъ въ память разбитія Печенѣговъ подъ стѣнами Києва. Въ сѣверномъ великомъ княженіи было много подражаній южному; такъ рѣки и ручейки получили названіе южныхъ рѣкъ: Трубежа въ Переславлѣ Залѣскомъ, Лыбеди и Почайны во Владимірѣ.

Нынѣшняя Ризположенская церковь на Золотыхъ воротахъ однопрестольная, безприходная, устроена въ началѣ нынѣшняго столѣтія, бывшимъ Владимірскимъ губернаторомъ княземъ И. М. Долгорукимъ, и недавно возобновлена. Въ ней нѣтъ ничего древняго, но иконостасъ мелкой рѣзбы въ старинномъ вкусѣ очень красивъ.

На западной сторонѣ воротъ замѣчательна, по историческому воспоминанію, икона, на которой представленъ св. князь Андрей, молящійся предъ Владимірскою иконою Божіей матери и нѣсколько человекъ, чудесно спасшихся подъ развалинами. Въ рукописномъ житіи Боголюбскаго это событіе описано такъ: „Когда в. к. Андрей создалъ каменные златыя врата во Владимірѣ и на нихъ устроилъ прекрасную церковь, тогда стало сходиться туда множество народа, чтобы полюбоваться на красоту зданія. Известь, соединявшая сводъ надъ проѣздомъ, еще была сыра и вдругъ ворота упали, заваливъ собою двенадцать человекъ. Боголюбивый князь припалъ со слезами къ чудотворному образу Богородицы, обвиняя себя въ поги-

бели этихъ людей; но когда упавшее зданіе было разобрано, всѣ они оказались живыми и нисколько не поврежденными, по молитвамъ пресв. Богородицы.“

Къ обѣимъ сторонамъ Златыхъ воротъ примыкалъ высокой земляной валъ, на которомъ поставлена была деревянная стѣна—старинное укрѣпленіе и вмѣстѣ граница города. Стѣны давно уже нѣтъ и валъ нѣсколько отдаленъ отъ воротъ, для болѣе удобнаго проѣзда. Напротивъ Золотыхъ воротъ, на Студеной горѣ, стоялъ Батый съ своими страшными полчищами; отсюда ворвались они въ городъ. Здѣсь пали юные князья, сыновья св. в. к. Георгія Всеволодовича.

Кромѣ Золотыхъ воротъ, во Владимірѣ были Серебряныя, Мѣдныя, врата св. Ирины и Волжскія. Старожилы говорятъ, что въ концѣ прошедшаго столѣтія, противъ Золотыхъ вратъ, въ соотвѣтственность имъ, на другомъ концѣ городского вала, были видны развалины вратъ, подобныхъ Золотымъ, и то были Серебряныя. Гдѣ находились Мѣдныя—неизвѣстно. Врата св. Ирины были отъ рѣчки Лыбеди, а Волжскія отъ р. Клязьмы.

Времени, какъ вамъ извѣстно, у меня очень мало: спѣшу въ Суздаль. Сегодня же, а можетъ быть еще завтра, надѣюсь осмотрѣть бывшій Рождественскій монастырь (теперь архіерейскій домъ) и женскую Успенскую обитель. Въ слѣдующемъ письмѣ напишу вамъ объ этихъ двухъ священныхъ достопамятностяхъ Владиміра.

Графъ М. Толстой.

Г. Владимірѣ. 28 іюля 1868 года.

СЛОВО ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ПРОТОІЕРЕЯ МОСКОВСКОЙ ВОЗНЕСЕНСКОЙ У СЕРПУХОВСКИХЪ ВОРОТЪ ЦЕРКВИ СЕРГІЯ ГРИГОРІЕВИЧА ТЕРНОВСКАГО, СКАЗАННОЕ 16 СЕНТЯБРЯ.

Въ настоящій день собрались мы сюда, отцы и братія, чтобы отдать послѣдній долгъ христ. любви къ почившему духовному отцу и сослужителю нашему протоіерею Сергію. При этомъ скорбномъ случаѣ невольно вспоминаются мнѣ слова ап. Павла, которыя онъ сказалъ въ предчувствіи своего близкаго отшествія изъ міра, какъ для своего собственнаго утѣшенія, такъ и въ назиданіе одного изъ

своихъ учениковъ и преемниковъ въ пастырскомъ служеніи, и въ которыхъ указываетъ съ одной стороны черты истиннаго пастыря, а съ другой то, какая награда отъ Бога ожидаетъ его. „Подвигомъ добрымъ подвизахся, писалъ онъ къ ученику своему Тимоѳею, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія: не токможе мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его“ (2 Тим. 4, 7. 8).

Утѣшительно думать, что почившій собратъ нашъ по дѣламъ служенія своего былъ близокъ къ духу истиннаго пастыря, образецъ котораго представляетъ намъ въ своемъ лицѣ апостоль. Призванный Богомъ къ пастырскому служенію, онъ съ самаго начала и вѣрно понималъ свое высокое призваніе, и до конца жизни своей трудился надъ тѣмъ, чтобы остаться ему вѣрнымъ.

Безъ сомнѣнія одною изъ главнѣйшихъ обязанностей пастыря служить проповѣданіе слова Божія. Такъ именно понимали пастырское служеніе апостолы, почему и сами они дѣло евангельской проповѣди считали важнѣйшимъ дѣломъ своего служенія и преемникамъ своимъ внушали, чтобы они прилежащимъ добръ пресвитерамъ сугубую оказывали честь: паче же труждающимся въ словѣ и ученіи (1 Тим. 5, 17). Такъ же смотрѣла всегда на эту пастырскую обязанность и св. церковь, начиная съ апостольскихъ временъ: въ своихъ пастыряхъ она видѣла не только совершителей таинствъ и лицъ духовно правящихъ наслѣдіемъ Божиимъ, но вмѣстѣ и хранителей и провозвѣстниковъ Христова ученія и апостольскаго, обязанныхъ наставлять людей въ истинахъ вѣры и благочестія и мечемъ слова Божія ограждать ихъ отъ заблужденій и пороковъ. — Съ особеннымъ утѣшеніемъ и назиданіемъ для себя, мы можемъ видѣть, какъ тщательно исполнялъ эту священную обязанность почившій собратъ нашъ и служитель.

Постоянно въ теченіе многихъ лѣтъ почти не проходило дня воскреснаго или нарочитаго праздника, въ которые бы онъ, въ этомъ самомъ храмѣ и съ этого самаго мѣста не обращался къ своей паствѣ съ своимъ живымъ и назидательнымъ словомъ. Большая часть присутствующихъ здѣсь знаютъ и помнятъ, какое это было слово, какъ оно лилось прямо изъ сердца, какъ было просто и безыскусственно, какою въ тоже время было проникнуто теплотою и силою убѣжденія. Вотъ почему оно такъ увлекало всѣхъ

тѣхъ, которые приходили его слушать. Обращаюсь къ вамъ, бывшіе его слушатели и ученики: сохраните въ себѣ святое сѣмя слова Божія, которое съ такою готовностію и въ такомъ изабиліи насаждалъ въ вашихъ сердцахъ усердный сѣятель слова Божія, вашъ почившій пастырь; не забывайте его искреннихъ, исходившихъ отъ сердца наставленій и его самого не преставайте вспоминать въ своихъ молитвахъ предъ Богомъ.

Другимъ столь же важнымъ и священнымъ долгомъ пастырскаго званія служить руководство и управленіе совѣстію пасомыхъ. Получивъ отъ Бога власть вязать и рѣшить грѣхи человѣковъ, пастырь тѣмъ самымъ поставленъ судіею ихъ совѣсти и поступковъ и призванъ къ тому, чтобы разрѣшать всѣ недоумѣнія и затрудненія, возникающія внутри насъ—въ нашемъ умѣ и сердцѣ, и поражаемые какъ ходомъ внутренняго духовнаго развитія каждаго, такъ и теченіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ жизни. Многимъ изъ тѣхъ, которые здѣсь присутствуютъ, извѣстно, съ какою готовностію и съ какимъ усердіемъ почившій пастырь исполнялъ и этотъ священный долгъ своего званія: съ какимъ непритворнымъ и искреннимъ участіемъ онъ подавалъ совѣты и наставленія нуждавшимся, какою опытностію и какимъ знаніемъ жизни были проникнуты его слова, какъ благоразумно и согласно съ духомъ христіанскимъ разрѣшалъ онъ многоразличныя недоумѣнія и затрудненія, которыя предлагались ему на судъ. Это-то безъ сомнѣнія и было причиною того, что столь многіе изъ самыхъ различныхъ слоевъ общества — люди различныхъ званій и положеній искали его духовныхъ наставленій, его совѣтовъ и утѣшеній. Въ этомъ-то конечно и заключалась тайна того вліянія, которое почившій пастырь имѣлъ на своихъ пасомыхъ и на всѣхъ своихъ многочисленныхъ духовныхъ дѣтей.

Обращаюсь къ тѣмъ изъ предстоящихъ, которые пользовались совѣтами и наставленіями почившаго и имѣли его своимъ духовнымъ отцемъ и руководителемъ: не забывайте его благихъ внушеній и не преставайте поминать его въ своихъ молитвахъ. Господь не судилъ почившему пастырю имѣть собственныя дѣтей, которыя бы, своимъ вниманіемъ и добрыми поступками утѣшала его при жизни, возносили непрестанныя молитвы къ Богу о его упокоеніи по смерти; поѣтому на васъ, духовныя дѣти почившаго, лежитъ преимущественная обязанность, помни

наставленія мудраго и уважаемаго пастыря, никогда не забывать его и въ своихъ ежедневныхъ молитвахъ.

Наконецъ, нельзя не упомянуть еще объ одной обязанности истиннаго пастыря, которая возлагается на него и словомъ Божиимъ и примѣромъ апостоловъ и всѣхъ святыхъ и великихъ пастырей церкви: разумью обязанность посылно заботиться о бѣдныхъ и нуждающихся братіяхъ, о возможномъ облегченіи ихъ нуждъ и страданій. Будучи поставленъ отъ Бога провозвѣстникомъ христіанской любви и братскаго общенія, онъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, долженъ принимать къ сердцу положеніе нуждающихся, болѣе другихъ обязанъ заботиться объ удовлетвореніи ихъ нуждъ. Не всегда, конечно, имѣя возможность удѣлять бѣднымъ отъ своего собственнаго избытка, онъ можетъ и долженъ подвигать на дѣло благотворенія тѣхъ, у которыхъ онъ есть. Такъ понимали эту священную обязанность и первые образцы для пастырей апостолы, когда словомъ и дѣломъ старались подвигнуть вѣрующихъ къ благотворенію, когда, совершая, какъ напр. ап. Павелъ, свои отдаленныя путешествія съ цѣлію евангельской проповѣди, всюду въ тоже время собирали приношенія отъ недостаточныхъ людей въ пользу неимущихъ. Тому же святому примѣру слѣдовала всегда соборная и апостольская церковь, когда принимала подъ свое непосредственное покровительство всѣхъ нуждающихся и страждущихъ и для удовлетворенія ихъ многоразличныхъ нуждъ и облегченія страданій изыскивала необходимые способы, устроая при церквахъ страннопріимные дома, богадѣльни, пріюты, школы и больницы.

Съ особеннымъ дерзновеніемъ мы позволяемъ себѣ сказать, что и въ этомъ отношеніи почившій пастырь былъ близокъ къ духу и расположеніямъ древнихъ пастырей церкви. Не имѣя права, да и самой возможности говорить о частныхъ и такъ сказать домашнихъ его благотвореніяхъ, которыя, по самому свойству своему, не подлежатъ оглашенію и которыя, какъ всѣмъ извѣстно, были немало-численны, мы не можемъ умолчать о томъ, что сдѣлано имъ явнаго и открытаго для всѣхъ. О его ревности къ дѣламъ благотворенія свидѣтельствуютъ существующія при этомъ самомъ храмѣ благотворительныя учрежденія: такъ имъ умножено число призрѣваемыхъ въ богадѣльнѣ, чрезъ пріобрѣтеніе новыхъ способовъ къ призрѣнію¹ и увеличеніе самага помѣщенія; причемъ нельзя не упомянуть съ благодарностію, что вновь пріобрѣтенные спо-

собы призрачнїя обращены на вспомошествованіе вдовствующимъ и сиротствующимъ духовнаго званїя; имъ же прїобрѣтенъ немаловажный капиталъ для выдачи бѣднымъ невѣстамъ, устроена школа для первоначальнаго обученїя дѣтей закону Божію и самымъ первымъ и необходимымъ знанїямъ, и сверхъ всѣхъ этихъ благотворительныхъ дѣлъ и учрежденїй, его особенною заботливостїю объ обезпеченїи служащихъ при здѣшней церкви лицъ по оставленїи ими службы, сдѣлано то, что желательно было бы учредить и повсемѣстно, именно положено основанїе пенсіонному капиталу, который, чрезъ послѣдующїя приношенїя для тойже цѣли возросъ въ настоящее время до значительныхъ размѣровъ. Такъ много добрыхъ воспоминанїй оставляетъ по себѣ пастырь ревностно заботившїйся, въ продолженїе своего свыше четырехдесятилѣтняго служенїя церкви, не только о духовныхъ нуждахъ своей паствы, но вмѣстѣ и о тѣлесныхъ, и свою благотворительность простиравшїй не на своихъ только чадъ, но и на постороннихъ. Безъ сомнѣнїя всѣ тѣ, которые уже облагодѣтельствованы имъ или впослѣдствїи времени получаютъ благодѣянїе изъ средствъ имъ изысканныхъ, не престанутъ съ благодарностїю вспоминать о немъ и молить Бога о упокоенїи души его въ селенїихъ праведныхъ.

Нужно ли говорить еще и о другихъ достоинствахъ почившаго пастыря, его усердїи къ службѣ Божїей и благоговѣйномъ совершенїи оной, его покорности волѣ Божїей, когда онъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ промысла Божїя, почти съ самыхъ первыхъ же лѣтъ своего пастырскаго служенїя, лишень былъ счастїя супружеской жизни и оставленъ былъ одинокимъ—а также его строгой назидательной жизни и личныхъ качествахъ ума и сердца. Мы собрались сюда на этотъ печальный обрядъ не для того конечно, чтобы хвалить почившаго, но чтобъ, припомнивъ для нашего общаго утѣшенїя и назиданїя нѣкоторыя отличительныя черты его пастырскаго служенїя, вознестъ къ Небесному пастыреначальнику общую церковную молитву о упокоенїи души его. Хвалы наши, которыхъ онъ чуждался и при жизни, тѣмъ менѣе нужны ему теперь, когда онъ уже предстоить предъ судомъ всевѣдущаго и нелицепрїятнаго Судїи и даетъ Ему отчетъ, какъ въ своемъ служенїи, такъ и во всѣхъ дѣлахъ и помыслахъ своихъ, а также и во всѣхъ вольныхъ и невольныхъ согрѣшенїяхъ. Въ этотъ страшный часъ пра-

веднаго испытанія ему нужна всего болѣе наша искренняя и усердная общецерковная молитва.

Помолимся же, отцы и братія, чтобъ милосердый Господь простилъ новопреставленному рабу своему протоіерею Сергію, какъ человеку, вольные и невольные его грѣхи и за многолѣтній истинно пастырскій подвигъ и доброе скончаніе предназначеннаго поприща служенія, упокоилъ его въ небесныхъ обителяхъ и увѣнчалъ вѣнцемъ правды, который, по слову апостола, уготованъ отъ Господа всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его — всѣмъ съ вѣрою и усердіемъ трудившимся здѣсь на землѣ во славу пресвятаго Его имени.

Священникъ Александръ Ильинскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПОКОЙНОМЪ АРХІЕПИСКОПѢ КАЗАНСКОМЪ АВНАСІѢ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ БЫТНОСТИ ЕГО НА КАЗАНСКОЙ КАФЕДРѢ.

Воспоминанія мои о святителѣ блаженной памяти Аванасіѣ не многосложны; они относятся не столько къ внѣшнимъ обстоятельствамъ и дѣламъ его жизни, сколько къ возрѣніямъ и правиламъ духовнымъ, къ личному его характеру и настроенію, особенно въ отношеніи къ другимъ.

Помню я, какъ встрѣчали преосвящ. Аванасія, при самомъ вступленіи его на казанскую кафедру. Случилось, что говорившій ему привѣтственную рѣчь указалъ въ ней на сыновъ пророческихъ, которые *придоша на срѣтеніе* пророку Елисею *и поклонишася ему до земли* (4 Цар. 11, 15), и за тѣмъ выразился: „вотъ и мы встрѣчаемъ твою святыню съ такою же преданностію, хотя и безъ земныхъ поклоненій.“ Аванасій отвѣчалъ: „Братія! Смирение—основаніе христіанскихъ добродѣтелей. Поклоненій вашихъ я не желаю, но прошу принять мое поклоненіе.“ И, сказавъ это, поклонился всенародному собранію буквально — *до земли*. И всѣмъ было ясно, что онъ сдѣлалъ это не напоказъ и не въ упрекъ непоклонившимся ему, но съ глубоко-смиреннымъ движеніемъ духа и по свойственному ему открытому прямодушію.—Готовый кланяться другимъ до земли, онъ самъ никогда не любилъ принимать земныхъ поклоновъ.

Помню, какъ, чрезъ день послѣ случая, разсказаннаго сейчасъ, принимали новаго казанскаго архипастыря въ Казанскомъ женскомъ монастырѣ, въ которомъ находится столько чтимая въ Россіи св. казанская Богоматерняя икона. Его привѣтствовали также рѣчью, въ которой слышалось нѣкоторое смущеніе паствы, произведшей, по видимому не совсѣмъ успокоительное впечатлѣніе на своего пастыря при первой его встрѣчѣ. Привѣтствовавшій взялъ, за образецъ для себя, изъ древности же привѣтные вопросы о *миръ* (4 Цар. 4, 26), и сказалъ святителю: „*миръ ми*, святче Божій?“— „*Миръ, миръ!*“— съ одушевленіемъ отвѣчалъ Аѳанасій. и затѣмъ проговорилъ нѣсколько самыхъ сердечныхъ успокоительныхъ словъ о мирѣ.

Помню, съ какимъ умиленіемъ до слезъ, вызывающимъ такое же умиленіе во всемъ церковномъ собраніи, говорилъ онъ, послѣ священнодѣйствія литургіи, свои поученія, глубоко обдуманная и прочувствованная, но изливавшаяся изъ его души безъ предварительнаго письменнаго приготовления и изложенія. Покойный преосвященный былъ человѣкъ, явно, не слабонервный. Размышляющему наблюдателю естественно было останавливаться на вопросѣ, въ чемъ состоитъ тайна столь мягкосердечнаго, такъ легко возбуждавшагося, умиленія Аѳанасія. Однажды онъ самъ раскрылъ предъ своими слушателями эту тайну. Говоря о страшномъ Божіемъ судѣ и вѣчномъ геенскомъ огнѣ и видя или ощущая въ слушателяхъ духовную сухость, задерживавшую и его самага, онъ прервалъ, въ своемъ поученіи, развиваемую имъ нить мыслей и молитвенно воскликнулъ: „Господи! коснись нашего сердца.“ Итакъ преосвящ. Аѳанасій за своими поученіями, въ тайнѣ духа своего, представлялъ свое сердце и сердца своихъ слушателей возрѣнію и благодатному прикосновенію Господа Иисуса, возгрѣваясь чрезъ это почивающею въ Немъ любовію Отца Небеснаго, изливающеюся и въ приѣмлющія сердца Духомъ Святымъ.

Помню, съ какою любовію, ободряющею и утѣшающею молодыхъ людей и дѣтей, безъ утѣшающей или холодающей особенно юныя души суровой важности, посѣщалъ онъ въ Казани академію, семинарію, духовное училище, училище дѣвицъ духовнаго званія. Послѣднихъ преосвященной отечески распрашивалъ объ ихъ ученіи и ласково внушалъ имъ не быть бездѣтельными „бѣлоручками“ (это буквально его слово). Въ духовномъ училищѣ мальчиковъ случилось, въ то время, быть поваромъ и служи-

телемъ въ бурсѣ татарину, конечно, потому, что онъ бралъ болѣе дешевую цѣну за свою кухонную и служительскую работу, нежели русской мужичекъ. Добрый владыка съ любовію отнесся и къ татарину, высказавъ одному изъ сопровождавшихъ что-то въ родѣ слѣдующаго: „пусть и магометанинъ служить Христу, услуживая питомцамъ и будущимъ служителямъ Христовой Церкви.“

Помню, какъ посемейному упрощался покойный владыка даже за общими обѣденными столами, какъ явно утѣшалъ и радовалъ его общій непринужденный говоръ за столомъ, происходившій отъ общаго мирнаго и добраго настроенія. Въ интересѣ мира и любви, онъ не только добросердечно и весело выслушивалъ прилично веселые рассказы и шутки другихъ, но и самъ позволялъ себѣ говорить подобное съ совершеннымъ простодушіемъ. Вотъ для примѣра одинъ изъ его анекдотовъ. Сибирякъ какой-то приносилъ жалобу начальству на одного сельскаго или уѣзднаго „заѣдателя“. „Да что это за чинъ?“ — спрашиваютъ его. Засѣдатель что ли?“ „Да, да, отвѣчалъ серьезно Сибирякъ, заѣдатель, заѣдатель. Онъ самый и есть“... Мудрено ли, что, подъ подобнымъ предсѣдательствомъ Аѳанасія, за гостепріимнымъ столомъ чувствовалось всемъ, что они братья одной семьи?

Знаю изъ вѣрныхъ источниковъ, съ какою любовію къ благолѣпію св. Божіихъ храмовъ и съ благодатною ласкою къ православнымъ Чувашамъ и Черемисамъ посѣщалъ преосв. Аѳанасій свою Казанскую епархію. Надо знать, что это за дѣти Чуваши, какіе это младенцы — Черемисы, какъ эта духовная нива ждетъ и требуетъ истинныхъ духовныхъ дѣлателей. Одинъ изъ достойныхъ предшественниковъ Аѳанасія, именно преосв. Владиміръ рассказывалъ, что, когда, въ своихъ пастырскихъ разъѣздахъ по епархіи, пришлось ему однажды обратиться къ одному православному инородцу съ ученіемъ о св. Троицѣ, о Богѣ Отцѣ.... Черемисъ при этомъ покланяемомъ имени сей-часъ же прерываетъ владыку вопросомъ самаго темнаго духовнаго невѣжества: „а, старикъ-то еще живъ?“ Не улыбаться, а плакать надо на такое состояніе православныхъ. Можно поэтому понять, какъ важно было для Казанской епархіи въ бытность здѣсь Аѳанасія, и какъ радовало его, что за святое дѣло просвѣщенія православныхъ инородцевъ, и именно татарскихъ дѣтей, принялся отъ всего сердца одинъ православный татаринъ.

Преосвящ. Аѳанасію было горько и тяжело замѣчать не-

радѣніе и о рукотворенныхъ вещественныхъ храмахъ Божіихъ. Въ одной пустынной обители осматривая храмы и придѣлы въ нихъ, онъ потребовалъ, чтобы открыли для него и ветшающій деревянный храмъ, который совсѣмъ не думали ему показывать. Онъ нашелъ въ немъ не только ветхость, но и неопрятность, соръ, пыль; это взволновало владыку. Настоятель обители думалъ поправить дѣло, объяснивъ ему, что въ этомъ храмѣ никогда ужъ и не служатъ. Это окончательно разгнѣвало ревнующаго о славѣ Божіей архипастыря. Онъ заговорилъ ужъ въ такомъ тонѣ: „такъ вы ужъ обратили бы святой храмъ Божій поскорѣе въ вертепъ разбойничій!“—Что касается до рукотворенныхъ Божіихъ храмовъ—самихъ христіанъ православныхъ, покойный преосвященный не благоволиительно относился и къ добрымъ ихъ дѣламъ, напримѣръ къ благотворительности въ пользу самой церкви и ея служителей, если замѣчалъ, что дѣлаютъ добро не ради самага добра. Онъ далеко былъ отъ всякой тѣни чловѣкоугодничества въ сношеніи къ жертвователямъ и благотворителямъ церковнымъ. Конечно это могло охлаждать иныхъ; но зато истинно благовительныя души приносили Богу и его церкви жертвы чистыя, жертвы искренняго усердія къ церкви и дѣйствительной любви къ самому Господу. Нѣкоторые дозволяли себѣ даже негодовать на владыку, что онъ сурово принималъ одного зажиточнаго церковнаго старосту въ то время, когда послѣдній приходилъ къ нему для объясненій по дѣлу собственнаго благотворенія и пожертвованій; но покойный оставался непреклоннымъ. По его духу и мысли, ужъ коли хочешь дѣлать доброе дѣло, такъ дѣлай это такъ, чтобы изъ этого дѣла не выходило дряни, суетности чловѣческой.

Но блаженной памяти святитель далекъ былъ и отъ той недоброй крайности, чтобы мрачно и съ недовѣріемъ смотрѣть на людей, чтобы заподозрѣвать или отрицать въ самомъ большинствѣ нашемъ бытіе чистой добродѣтели. Онъ не любилъ и не терпѣлъ фарисейской строгости къ другимъ. Помню, какъ вызванный изъ Казани для присутствія въ св. Синодѣ въ Петербургъ и живя здѣсь на Псковскомъ подворьѣ на многолюдной набережной Васильевскаго острова, однажды отозвался покойный на жалобы бывшихъ у него, что слишкомъ ослабѣли люди, что христіанство и самое православіе у всѣхъ почти слишкомъ маложизненно: „да почемъ мы знаемъ, что вотъ въ эти полчаса,

которые мы провели здѣсь вмѣстѣ, не прошло на этой улицѣ мимо насъ нѣсколько святыхъ?"

Покойны владыка Аѳанасій проявлялъ иногда духовную прозорливость или, по крайней мѣрѣ, тонкую и чуткую проницательность. Близкіе ко мнѣ люди рассказывали мнѣ, что имъ хотѣлось быть у преосв. Черниговскаго Филарета (теперь ужъ тоже покойнаго), и они отправились къ нему на Ярославское подворье. По какой-то странной случайности, вмѣсто Ярославскаго, они попали на Псковское подворье, гдѣ жилъ Аѳанасій Казанскій. Последній, выйдя къ нимъ, сейчасъ же замѣтилъ имъ съ улыбкою: „вы шли не ко мнѣ, но ничего, не жалѣйте, что попали ко мнѣ. Милости просимъ!“ И такъ обласкалъ ихъ и утѣшилъ назидательною отъ сердца бесѣдою, что они не только не жалѣли, но и благодарили Бога, что нечаянно и противъ намѣренія попали къ Аѳанасію.— А то еще мнѣ самому пришлось быть у него однажды послѣ какой-то чувствительной обиды, нанесенной мнѣ предъ отправленіемъ на Псковское подворье. Я не думалъ говорить владыкѣ о полученной обидѣ, но онъ самъ вдругъ обратился ко мнѣ съ такимъ замѣчаніемъ: „кто самъ себя не обидитъ (гнѣвомъ и враждою на обидчика), того никто не обидитъ!“— Вотъ и еще фактъ: въ Казани одинъ молодой человѣкъ былъ у преосв. Аѳанасія, и своимъ добродушіемъ и христіанскимъ православнымъ образомъ мыслей такъ ему понравился, что владыка высказалъ ему это прямо, поцѣловавъ его въ голову послѣ благословенія. Но случилось этому же господину истратить на что-то недоброе всѣ наличныя деньги, такъ что не на что было ему доѣхать и до своей деревни. Молодой человѣкъ вздумалъ воспользоваться благосклонностію къ нему владыки Аѳанасія, чтобы выйдти изъ своего затрудненія, заимствовать у него нужное. Аѳанасій, вообще не легко измѣнявшій расположеніе свое къ кому бы то ни было, принялъ его весьма сурово и наотрѣзъ отказалъ ему, хотя обыкновенно и не жалѣлъ денегъ для нуждающихся. Молодой человѣкъ сей-часъ же почувялъ въ этомъ обличіе, какъ онъ мнѣ лично передавалъ.

Какъ покойный святитель былъ глубокъ, но съ глубиною простъ въ своихъ духовныхъ воззрѣніяхъ, это извѣстно всякому относившемуся къ нему по вопросамъ или затрудненіямъ духовнымъ. Для примѣра расскажу, какъ просто, но вмѣстѣ и глубоко разсуждалъ Аѳанасій о всемъ прошедшемъ и объ отношеніи этого прошедшаго къ бу-

дущей вѣчной жизни. „Вотъ ты, говорилъ онъ мнѣ, однажды въ Петербургѣ, отъ Александроневской лавры до Псковскаго подворья проѣхалъ или прошелъ весь почти Петербургъ. Но вѣдь столичный городъ отъ того, что ты прошелъ его съ одного конца до другаго, не пропасть, а стоитъ себѣ въ своемъ мѣстѣ. Пойдешь или поѣдешь назадъ,— увидишь! Такъ и все прошлое, пройденное нами и всѣми людьми, не исчезло въ мысли Божіей, которою все стоитъ; оно ждетъ насъ снова къ себѣ, когда, во всей своей сущности или, какъ говорятъ, въ духъ и силъ своей, оно раскроется для насъ въ будущей жизни... Повѣрь, что какъ ни одно изъ твоихъ дѣлъ и движеній, такъ и ни одна изъ былинкокъ, ни одна мошка не пропадаетъ совсѣмъ; сущность, или духъ, сила всего этого въ насъ или для насъ раскроются въ будущей жизни“.— Владыка говорилъ проще и короче, я передаю собственно его мысли, припоминаю буквально только нѣкоторыя выраженія.

Какъ Аванасій умѣлъ соединять съ извѣстною всѣмъ непоколебимою твердостью своею въ дѣлѣ православія спокойное отношеніе къ дѣлу научной мысли, мнѣ удалось видѣть это изъ одного, поразившаго меня, случая. Однажды я нашелъ покойнаго за новенькою, полученною имъ изъ-за границы, книжкою, въ которой ветхозавѣтный св. ковчегъ завѣта, съ бывшими при немъ откровеніями первосвященникамъ, богохульно трактуется, какъ что-то въ родѣ электрической машины. Владыка совершенно спокойно, съ добродушною улыбкою, сталъ пересказывать мнѣ всѣ эти ученые перетолки, показывая рисунки и по нимъ объясняя мысли автора. Меня удивило это его равнодушіе къ дѣлу извращаемой истины; я зналъ, что, въ отношеніи къ такимъ предметамъ, покойный чуждъ былъ всякихъ научныхъ увлеченій, и поэтому старался только услѣдить за тѣмъ, какая мысль могла бы его настроить къ такому добродушію и равнодушію относительно заблуждающихъ. Владыка самъ высказался наконецъ. Онъ добродушно говорилъ въ такомъ родѣ и тономъ: „бѣдненькіе! изъ-за чего они хлопочуть? Не говоря о ковчегѣ, вся природа со всѣми ея силами,— что такое все это? Не Божія ли мысль, воля и сила выражены и раскрыты для насъ во всемъ этомъ? Не для того ли совершались всѣ древнія и новыя великія чудеса, всѣ чрезвычайныя откровенія при Ковчегѣ ли завѣта, или иначе данныя, чтобы удостовѣрить насъ, что именно Господь нашъ осуществилъ и *носитъ* всяческая *глаголомъ* силы своея, что весь міръ, въ сво-

емъ существъ, есть чудо и откровеніе?— Изъ такихъ возрѣній, безъ сомнѣнія, и объясняется то увлеченіе, съ какимъ преосв. Аѳанасій, въ послѣдній уже годъ своей жизни, занимался изученіемъ естествовѣдѣнія въ разныхъ его отрасляхъ.

Что еще могу сказать я о покойномъ владыкѣ Аѳанасіи, изъ моихъ о немъ воспоминаній? Всякому знавшему и наблюдавшему его, ясно было, что онъ былъ человекъ твердаго характера, воли сильной и рѣшительной, духа безболзненнаго и независимаго. Но, при всемъ томъ, онъ уклонялся отъ всего, непосредственно его не касавшагося, и опасался даже входить въ переписку съ другими, внѣ предѣловъ и требованій официальной (а). Чѣмъ объяснить въ Аѳанасіѣ эту странную, совсѣмъ несовмѣстную съ общимъ его характеромъ, мнительность? Явно было, что онъ имѣлъ какіе либо тяжелые для духа жизненные опыты, надломившіе отчасти этотъ дубъ. Можно было примѣчать, что независимому и твердому характеру Аѳанасія нелегко было надламываться и гнуться.

А. Б.

ПУСТЫННИКЪ И БОГОМАТЕРЬ.

Въ дремучемъ лѣсу, въ глубокой пустынѣ, среди непроходимыхъ болотъ и трясинъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, подвизался простой старецъ — пустынножитель (б). Долго жилъ онъ уединенно въ своей убогой хижинѣ, вдали отъ людей, одинъ съ Богомъ, утѣшаемый сладостною тишиною дикой пустыни. Изрѣдка лишь навѣщаль пустынножителя инокъ сосѣдняго монастыря, принося ему скудный запасъ ржаныхъ сухарей для пустынножеской его трапезы, состоявшей по большей части изъ овощей его небольшого огорода, грибовъ и ягодъ лѣсныхъ. Самъ

(а) Потому же, кажется онъ ничего почти и не печаталъ, хотя, случалось, мимоходомъ проговаривалъ, что, послѣ смерти, могутъ найдтись для печати и его труды, особенно по переводу св. отцевъ съ греческаго языка.

(б) Имя его, къ сожалѣнію, не удержалось въ моей памяти. Инокъ бѣлобережской пустыни, рассказавшій мнѣ о старцѣ, называлъ его не то Никандромъ, не то Никодимомъ

же пустынный выходилъ изъ своего уединенія лишь въ большіе праздники, для пріобщенія св. таинъ. Сокровенна была со Христомъ въ Богъ высота его подвиговъ, невѣдомы были людямъ его добродѣтели; лишь одинъ почти неудержимый плачь свидѣтельствовалъ посѣщавшему его иноку о духовномъ преуспѣяніи пустыннаго старца. Но вотъ однажды, великимъ постомъ, постигла пустытника тяжкая болѣзнь; сильное расслабленіе всѣхъ членовъ приковало его къ одру. Былъ канунъ радостнаго для христіанъ праздника Благовѣщенія Богоматери; дальній благовѣстъ ко всеобщей изъ обители доносился и до лѣсной пустыни старца, напомнивъ ему о великомъ наступающемъ днѣ. Поскорбѣлъ больной старикъ отъ глубины души, что не можетъ онъ быть въ это время въ обители при всеобщемъ богослуженіи, что не имѣетъ даже силъ, приподнявшись съ одра прочесть канонъ съ акаѳистомъ Богоматери. Отъ полноты горестныхъ чувствъ, лежа на болѣзненномъ своемъ одрѣ, запѣлъ онъ дрожащимъ старческимъ голосомъ тропарь праздника: „Днесъ спасенія нашего главизна“ и проч.,— но не имѣлъ силъ допѣть и его до конца. Какъ ни силился бѣдный старикъ, какъ ни старался, но слабость сомкнула его уста. Заплакалъ онъ горько, и плачь его проникъ небеса. Очамъ его мгновенно предстала въ чудномъ сіяніи сама Невѣста Невѣстная, сама виновница торжества. „Что плачешь ты такъ горько, старикъ, въ такой радостный день?“— спросила она его, наклонившись милостиво надъ его ложемъ. „А кто же ты, матушка“, — дерзнулъ спросить въ свою очередь изумленный пустынный, и откуда ко мнѣ ты сюда пожаловала?“ „Я пришла помочь тебѣ, отвѣчала ему Богоматерь, допѣть недоконченный тобою мой тропарь. Укрѣпись теперь, рабъ Божій, и пой его со мной“. И вотъ чудная пѣснь зазвучала въ убогой хижинѣ: земной ангелъ и Честнѣйшая самихъ Херувимовъ допѣли вмѣстѣ тропарь. Видѣніе исчезло, но старецъ долго не могъ прійти въ себя отъ изумленія, отъ благоговѣйнаго ужаса. Онъ понялъ, кто была чудная Посѣтительница, ибо ощутилъ въ себѣ полное обновленіе старческихъ своихъ силъ; болѣзни и слѣда не осталось въ немощномъ дотолѣ его тѣлѣ. Простершись на помостъ, долго и слезно молился онъ Пресвятой Дѣвѣ, благодаря Ее за благодарное Ея посѣщеніе. Не потаилъ онъ его и отъ пришедшаго къ нему на утро инока, и вмѣстѣ уже отпѣли они благодарный канонъ и акаѳистъ Пречистой на самомъ

мѣстѣ Ея явленія. Давно ужь и старецъ — пустынный покоится въ нѣдрахъ земли, давно нѣтъ слѣдовъ и пустынной его келліи, и только виденъ въ дремучемъ лѣсу малый пригорокъ, гдѣ она, говорятъ, прежде стояла. Но память о пустынножителѣ еще жива въ обитателяхъ сосѣдней ему Бѣлобережской обители; съ умиленіемъ рассказываютъ они посѣтителямъ о чудномъ ему явленіи Богоматери, а коли кто пожелаетъ, то поведутъ показать и самое мѣсто въ лѣсу, гдѣ подвизался блаженный любитель уединенія и гдѣ посѣтила его Царица Небесная.

Андрей Ковалевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1) «Общепонятное руководство къ изученію нотнаго церковнаго хораго и одиночнаго пѣнія, приспособленное къ употребленію при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, при сельскихъ школахъ». Получать можно: въ Москвѣ отъ священника Ильинской, что на Воронцовомъ полѣ, церкви Димитрія Ивановича Языкова, отъ книгопродавцевъ: Салаева, Глазунова, Вольфа и въ Синодальной книжной лавкѣ; въ С-Петербургѣ у Исакова. Отъ самаго сочинителя получать можно по слѣдующему адресу: Московской губ., Волоколамскаго духовнаго училища учителю Казанскому. Цѣна 75 коп., съ пересылкою 1 р. сер.

2) «Гимнъ: утреннее размышленіе о Божіемъ величіи, слова Ломонсова, музыка діакона Владиславева, положень для одного голоса и фортепiano, и на четыре голоса и фортепiano». Можно получать во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ въ Москвѣ. Цѣна 50 коп., а съ пересылкою 75 к.

3) Хронологическій указатель къ изученію священной исторіи въ ново-придуманной наглядно-картинной и синхроничной, относительно лицъ и событій, формѣ, какъ легкое пособие къ преподаванію исторіи въ низшихъ и среднихъ классахъ учеб. заведеній. Цѣна экземпляру 25 к., за пересылку по вѣсу въ бумагѣ. Продается въ Москвѣ: у Салаевыхъ на Никольской улицѣ, и Леденева въ домѣ Карновичъ противъ присутственныхъ мѣстъ. Въ городѣ Ржевѣ у составителя Покр. церкви священника Полубенскаго.

4) Начало христіанства въ Иркутскѣ и Святой Инокентій 1-й епископъ Иркутскій. Его служеніе, управленіе, кончина, чудеса и прославленіе. Съ литографированнымъ, раскрашеннымъ изображеніемъ святителя, и со снимками его почерка и нѣкоторыхъ современныхъ ему лицъ. Цѣна *три рубля* съ пересылкою. Относиться въ г. Иркутскъ къ автору, Протоіерею Прокопію Грому.

5) Вышла и поступила въ продажу *пятая книга чтеній въ Моск. общ. любит. дух. просвѣщенія*. Содержаніе 1-го отдѣла: I, о дѣйствіяхъ древнихъ пастырей церкви во времена общественныхъ бѣдствій; II, духовенство Крутицкой епархіи въ концѣ XVII в.; III, о выборномъ началѣ въ приложеніи къ благочиннымъ; IV, объ устройствѣ Чудовскаго хора пѣвчихъ; V, Исторія Тридентскаго собора. Содержаніе 2-го отдѣла: I, 8 словъ м. Филарета; II, его же 79 писемъ къ игум. Маріи. III, его отвѣтъ на письмо А. Д. IV, Его замѣчанія на Герменевтику; V, Его записка о выборѣ благочинныхъ; VI, Его грамота всеягоному градскому головѣ. Книгу получать можно въ Москвѣ: въ епархіальной библіотекѣ, въ книжныхъ лавкахъ: Ферапонтова, Соловьева, Глазунова, Салаева и въ складѣ Русская Грамота; въ *Петербургѣ*: у Караблева и Сиракова. Цѣна: 1 руб. безъ пересылки.

6) Отъ Алтайской духовной мисси.

Алтайскою духовною миссiею получены и на приходъ въ шнуровую книгу записаны слѣдующія пожертвованiя:

Января 11-го дня сего года получено 100 р. изъ Арзамаса отъ неизв. при письмѣ отъ 15-го декабря 1867 г., февраля 25-го дня изъ С. П. Б. 5 р. отъ неизвѣстнаго Доримедонта; того же числа изъ С. П. Б. отъ Емануель 20 р. Марта 6-го дня изъ С. П. Б., чрезъ редакцію Домашней бесѣды отъ 1-го февраля отъ неизвѣстнаго 3 р. и изъ Петровска 25 р. Того же числа при письмѣ отъ 2 февраля изъ Москвы отъ неизвѣстнаго Димитрія 10 р. Марта 7-го числа изъ Новосильскаго уѣзда, отъ свѣщ. Воинова отъ 2 февр. 5 рублей. Того же числа изъ Москвы отъ сотрудника Алтайской д. мисси, книги въ библіотеку миссіонерскую въ числѣ 13 №; того же числа изъ г. Богучара отъ протоіерея А. Бунина 6 р. при письмѣ отъ 6 февр. Марта 24 дня, а) изъ Москвы чрезъ сотрудника Алтайской духовной мисси свѣщ. о. Николая Лаврова; отъ протоіерея І. Н. Рождественскаго 10 р., отъ неизвѣстныхъ 12 р., отъ свѣщ. Н. Десн. 4 р.; изъ Саратова отъ свѣщ. А. Фіолетова 30 р., изъ Орла отъ П-ва 3 р., отъ Е. Г. Палицыной 6 р. 50 к., отъ неизвѣстнаго 25 р., отъ неизвѣстнаго 1 р., отъ Казн. Сим. м. Іеромонаха Никона 3 р., отъ Н. П. М. 3 р. отъ А. П. М. 2 р., отъ В. Н. С. 3 р.; изъ Чугуева отъ прот. Г. Дюкова 3 р., изъ С-Петербурга отъ Виктора и Юліи В—выхъ 3 р., изъ Камышина отъ свѣщ. П. Веселовскаго 1 р., изъ Полтавы 3 р., изъ Кинешмы отъ неизвѣстнаго 2 р., изъ Иркутска отъ неизвѣстнаго 3 р., отъ княгини С. С. Щербатовой 50 р., отъ арх. Симоновскаго мон. Евстафія 25 р., отъ Московскаго діакона І. Бухарева усердіемъ его собраннiя отъ своихъ прихожанъ 52 р. 70 к., отъ А. И. Овечкина 10 р., отъ неизвѣстнаго 50 р., отъ св. В. П. Нечаева 3 р., б) изъ *Камышина* отъ неизвѣстнаго 1 р., в). Изъ *Далматова* отъ игумена Исаакія, отъ 1 марта 5 р.; г). Изъ *Тамбова* отъ Юліи Курдюшовой 100 рублей; д). Изъ *Арзамаса* отъ купца Василія П. 40 рублей; е). Изъ Совѣта Миссіонерскаго общества при отношеніи отъ 16 февраля 500 рублей 11 апрѣля отъ помощника акцизнаго надзирателя (Моск. губ.) г. Пермскаго, 6 рубл. 25 коп. Того же числа получено изъ Костромы отъ неизвѣстнаго Георгія и Пелагеи 2 руб. сер. Того же числа изъ Совѣта миссіонерскаго общества при отношеніи отъ 20 февраля 1868 г. 3 руб. сер. пожертвованныхъ неизвѣстнымъ лицомъ; 28 апрѣля изъ Мирополья отъ помѣщицы Романовой-Ляховой, 6 р., Того же числа изъ Кутаиса отъ неизвѣстныхъ 50 р. с.;—того же числа чрезъ редакцію Домашней бесѣды отъ 8 марта пожертвованныхъ изъ Моршанска отъ Моисеева 15 р. сер. Того же числа чрезъ ту же редакцію отъ 8 марта 12 р. с. собранные М. А. Дубовицкою; того же числа отъ неизвѣстнаго изъ Боровичей 2 р.; того же числа изъ Одессы отъ іеромонаха Макарія 5 р.; того же числа Саратовской губ. отъ священническихъ дѣтей Тихомировыхъ, 4 р. сер.; того же числа изъ д. Овсянниковой Тобольской губ. отъ крестьянъ: Ѳ. Омова и Симеона Писсовскаго, 1 р.; того же числа, изъ Мирополья отъ священника Чефранова 5 р.; того же числа изъ Петербурга отъ ст. сов. Айканова 10 р.; того же числа изъ Казани отъ кафедральнаго протоіерея В. П. Вишнеvsкаго. 6 р.; 29 апрѣля изъ Екатеринбургa отъ Ю. Л. Башкова, 3 р.

(продолженіе вудеть).

Миссіонеръ прот. С. Ландышевъ.

Г. Бійскъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

НОЯБРЬ.

1868.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА ИЗЪ ДРЕВНЕЙ СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ^(а).

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Спѣшу сказать вамъ нѣсколько словъ о двухъ монастыряхъ Владимірскихъ. Первый изъ нихъ — Рождественскій занимаетъ въ числѣ здѣшнихъ достопамятностей важнѣйшее мѣсто, послѣ двухъ соборовъ, по своей древности и знаменитости. Основанный в. к. Всеволодомъ Георгіевичемъ въ 1192 году, онъ занималъ первую степень между всеми монастырями сѣверной Руси, до времени царя Іоанна Грознаго, предоставившаго первенство Радонежской Лаврѣ преп. чудотворца Сергія. Архимандриты Рождественскіе присутствовали на всѣхъ соборахъ, подписываясь первыми послѣ епископовъ; многіе изъ нихъ возводимы были на архіерейскія каѳедры, двое послѣднихъ были членами Св. Синода. Въ 1744 году, по указу императрицы Елисаветы, Рождественскій монастырь обращенъ въ архіерейскій домъ для назначеннаго тогда епископа на возобновленную Владимірскую каѳедру.

Прежняя соборная церковь Рождества Богородицы, современная основанію монастыря, еще уцѣлѣла, хотя не безъ поврежденій. Квадратъ ея складенъ изъ бѣлаго камня, но не съ деревянными, а съ желѣзными связями, безъ печей внутри. Глава и кровля недавно покрыты бѣлымъ желѣзомъ въ гладь. Входныхъ дверей трое; надъ западными дверями еще уцѣлѣла узорочная рѣзьба на камнѣ въ византійскомъ стилѣ. Храмъ освѣщается 23 окнами въ два свѣта, съ дугообразными перемычками и съ желѣзными затворами. На внѣшнихъ стѣнахъ замѣтны слѣды пожа-

(а) См. сентябрьскую и октябрьскую книжки «Душеполезнаго Чтенія».

ровъ, замѣна бѣлаго камня кирпичемъ, и раздѣлка оконъ; были и позднѣйшія пристройки, но въ недавнее время уничтожены. Олтарь состоитъ изъ трехъ отдѣленій. У западныхъ дверей снаружи уцѣлѣла часть надписи, вырѣзанной вглубь на камнѣ; она указываетъ на время основанія монастыря 6699 (1192) года слѣдующими словами: „начало Рождествена монастыря лѣта **СХУΘ**.“ Внутренность храма, возобновляемаго въ прежнемъ его видѣ, еще не отдѣлана.

Кромѣ главнаго храма въ бывшемъ монастырѣ замѣчательна ризница, восточныя св. врата и новая зимняя церковь. Въ ризницѣ находятся слѣдующія древнія вещи: 1) икона св. благовѣрнаго в. к. Александра Невскаго въ видѣ складня, превосходнаго древняго письма. Св. князь изображенъ въ схимѣ, какъ всегда писался онъ до времени императора Петра I, который повелѣлъ изображать героя Невскаго не иначе, какъ въ княжескомъ и воинскомъ одѣяніи. На створахъ складня написаны св. князья Борисъ и Глѣбъ. 2) Другая икона св. в. к. Александра писанная, какъ видно изъ надписи, въ 1690 году, съ ковчегомъ, въ который вложена часть нетлѣннаго перста сего великаго заступника Русской земли. 3) Надгробная пелена, съ превосходно-вышитымъ изображеніемъ того же благовѣрнаго князя, въ схимническомъ одѣяніи. Вокругъ на поляхъ, вышиты золотомъ древній тропарь, а внизу слѣдующая надпись: „лѣта 7121 (1613 г.) приложила сію пелену церкви великаго князя Александра Ярославича всея Руси чудотворца царица (слѣдовало бы сказать: царица) Параскевія“ (изъ рода Соловыхъ, вдова царевича Іоанна, старшаго сына Грознаго царя). 4) Весьма древняя запрестольная икона Рождества Богородицы, написанная на каменной дскѣ по серебрянному, а не по золотому, полю (рѣдкость между древними иконами). На задней сторонѣ изображены Владимірскіе чудотворцы-князья, св. Іоаннъ Златоустый, мученики Фотій и Аникита. 5) Евангеліе выхода 1644 года съ надписью по листамъ рукою блаж. Иларіона, митрополита Суздальскаго. 6) Сакось золототравчатый старинной матеріи, съ надписью по рукавамъ и подолу, изъ которой видно, что онъ устроенъ въ 1682 году для перваго митрополита Суздальскаго Иларіона. 7) Рипиды красной мѣди, густо вызолоченныя — вкладъ Іоны архіепископа Вологодскаго, въ 1590 году. 8) „Вкладная книга Рождествена монастыря“, писанная въ 7193 (1685) году, при архимандритѣ Іосифѣ. Если

бы я не боялся утомить вашего вниманія исчисленіемъ многихъ замѣчательныхъ древнихъ предметовъ, я могъ бы сказать еще о нѣсколькихъ напрестольныхъ крестахъ и водосвятной чашѣ XVII вѣка, о двухъ серебряныхъ блюдахъ западно-европейской работы, и о многихъ старинныхъ панаяхъ.

Выходя изъ ризницы, устроенной на мѣстѣ прежней надворотной церкви, нельзя не обратить вниманія на закладенныя восточныя врата. Надъ аркою ихъ изображено Знаменіе пресв. Богородицы и предъ нимъ коленопреклоненные, съ правой стороны: митрополитъ Максимъ, великіе князья Андрей и Глѣбъ, а съ лѣвой св. Александръ Невскій, великій князь Георгій и великомученикъ Аврамій, Владимірскіе чудотворцы. На стѣнахъ и сводахъ воротъ сохранились фрески, сходные съ открытыми подъ слоями штукатурки въ Дмитріевскомъ соборѣ. Вверху подъ самыми вратами изображенъ Деисусъ, а по своду на обѣихъ сторонахъ сѣдящіе на престолахъ дванадесять апостоловъ съ разгнутыми въ рукахъ книгами. За апостолами видны сонмы ангеловъ, держащихъ въ одной рукѣ начертаніе имени Ис. Хр., а въ другой жезлъ съ монограммою того же имени на верху. При подножій Спасителя, по лѣвую сторону, представляется адъ съ віющимъ отъ него змѣемъ, котораго попираетъ ногою Ангелъ. На правой сторонѣ изображенъ рай, гдѣ сидятъ на престолахъ праотцы Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ; при вратахъ его видѣнъ нагой человѣкъ съ язвами на рукахъ и на ногахъ, съ четвероконечнымъ крестомъ въ рукѣ. Это благоразумный разбойникъ, по надписи Рахъ, которому Спаситель сказалъ со креста: „днесъ со Мною будеши въ рай“. На выступахъ изображены Владимірскіе чудотворцы и два Ангела, одинъ трубящій на море, а другой на землю. Хотя время этихъ фресковъ исторически не опредѣлено; но, по стилю своему, они, вѣроятно, относятся къ тому вѣку, когда Андрей Рублевъ съ дружиною расписывалъ во Владимірѣ соборы. Благодаря попеченіямъ просвѣщенныхъ архипастырей Владиміра, эти фрески тщательно сохраняются съ большимъ поновленіемъ по древнимъ очеркамъ.

Новый теплый храмъ, обширный и свѣтлый, построенъ при преосвящ. Феофанѣ, бывшемъ епископѣ Владимірскомъ и превосходно расписанъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Здѣсь временно стоитъ надгробница, прикрывавшая собою мѣсто могилы св. Александра Невскаго въ древнемъ Рождественскомъ соборѣ и хранится неоцѣненное сокровище — ико-

на Знаменія Богородицы весьма древняго греческаго письма, принадлежавшая св. Александру, бывшая при немъ въ достославныхъ битвахъ со Шведами и Ливонскими рыцарями и послѣ стоявшая всегда при ракъ сего великаго поборника вѣры и отечества. Оплечья и поля на иконѣ басменной работы, серебряныя, позолоченныя; на Божіей Матери вѣнецъ сканный съ цѣпиною, края вѣнца обнизаны въ одинъ рядъ жемчугомъ; поверхъ вѣнца корона съ эмалью, вычеканенная городками и украшенная драгоценными камнями и жемчужинами, укрѣпленными на серебряной проволоцѣ. Убрусъ на главѣ Богоматери низанъ изъ мелкаго жемчуга; посреди его рѣпей позолоченный, съ бурмицкими зернами; оплечья по малиновому атласу, также низаны жемчугомъ, цата сканной работы. На Предвѣчномъ Младенцѣ вѣнецъ и цата серебряныя, позолоченныя съ цѣпиною, вѣнецъ жемчужный съ изумрудами и алыми яхонтами.

При видѣ этой дивной иконы невольно припоминаются подвиги и заслуги благовѣрнаго Князя. Не стану здѣсь исчислять ихъ: они вполне извѣстны вамъ, знакомы и читателямъ Душеполезнаго Чтенія по моимъ рассказамъ изъ исторіи Русской Церкви.

Взглянемъ только на одну, самую свѣтлую черту жизни св. Александра, на одинъ, самый драгоценный перлъ нетлѣннаго вѣнца его: побѣдитель Шведовъ на берегахъ Невы, защитникъ Пскова противъ Ливонскихъ рыцарей, которые долго не могли забыть страшнаго для нихъ „ледоваго побоища“, поборникъ православія противъ происковъ лукаваго Рима, безпрекословно идетъ въ Орду по требованію гнѣвнаго Хана,—готовый пожертвовать жизнью, чтобы не навлечь на родную землю новаго опустошенія и пагубы. Забывая свою воинскую славу, онъ преклоняетъ предъ варваромъ голову, увѣнчанную лаврами многихъ побѣдъ... И это глубокое смиреніе, эта горячая любовь къ своему народу, не остались безъ награды: не только на землѣ достославное имя Александра сияетъ въ исторіи, но оно вписано на небесахъ, въ ликѣ избравниковъ Божіихъ; неусыпный труженикъ и заступникъ земли Русской въ земной жизни, становится небеснымъ ея заступникомъ по блаженной кончинѣ. Возвращаясь изъ Орды съ радостною вѣстію объ умилостивленіи хана, св. Александръ занемогъ въ Городцѣ (нынѣ Касимовѣ). Предчувствуя, что близокъ конецъ его, онъ принялъ ангель-

скій образъ съ именемъ Алексія и 14 ноября 1263 года предалъ духъ свой Господу.

Во Владимірѣ еще не знали о кончинѣ св. князя. Во время богослуженія, блаж. первосвятитель Кириллъ внезапно возвѣщаетъ народу: „уже зашло солнце земли Русской.“ Народъ не понялъ или не хотѣлъ понять этихъ словъ. Сокрушенный скорбію святитель, помолчавъ, прибавилъ: „благовѣрный великій князь Александръ нынѣ преставился.“ При этой вѣсти исторгся изъ устъ народа единодушный вопль сердець: „мы погибаемъ!“ Такъ выразилось чувство народное при вѣсти о незамѣнимой потерѣ! За девять верстъ вышелъ весь Владиміръ встрѣтить погребальное шествіе защитника земли Русской! — Во время отпѣванія князя въ соборѣ Рождественской обители стонъ народа былъ невыразимый. И здѣсь же, къ утѣшенію осиротѣвшей Россіи, Господь показалъ, что защитникъ ея живъ предъ Нимъ. Когда митрополитъ Кириллъ, при окончаніи погребальнаго пѣнія, подошелъ къ усопшему, чтобы вложить въ руку его прощальную грамоту, блаж. князь, какъ бы пробудившись отъ сна, простеръ руку, принялъ хартію и сложилъ опять крестообразно руки на груди. Въ первое мгновеніе ужась объялъ всѣ сердца: но потомъ онѣ слились въ благодарной хвалѣ благодати небесной къ блаж. князю и ко всей землѣ Русской. Это было 23 ноября.

Въ 1380 г., когда в. к. Дмитрій вступалъ въ рѣшительную битву съ Мамаемъ за свободу Россіи, одинъ благоговѣйный инокъ, въ тишинѣ ночной, молился въ храмѣ Рождественской обители. И вотъ онъ видитъ, у гроба благ. князя свѣчи зажглись сами собой, къ гробу подошли два свѣтолѣпныхъ старца и говорили св. князю: „встань, Александръ, поспѣши на помощь къ сроднику твоему в. к. Дмитрію; его одолѣваютъ иноплеменики“. Св. Александръ всталъ и всѣ стали невидимы. Смиренный инокъ, пораженный страхомъ, умолчалъ было о видѣніи. Но когда оказалось, что видѣніе было именно въ ночь знаменитой битвы Куликовской, онъ уже боялся молчать и повѣдалъ все митрополиту. Святитель открылъ гробъ св. князя. Спустя 117 лѣтъ послѣ погребенія св. тѣло оказалось нетлѣннымъ. Съ честію положили его въ ракъ поверхъ земли, и отъ него потекли различныя исцѣленія: слѣпые прозирали, разслабленные укрѣплялись, бѣсноватые освобождались отъ духовъ нечистыхъ.

Въ древнемъ соборномъ храмѣ Рождественскаго монастыря, близъ южныхъ вратъ алтаря, 342 года почивали

нетлѣнныя мощи св. героя Невскаго, до того времени (1723 г.), когда по волѣ императора Петра I, онѣ перенесены были въ новую столицу на берега Невы, прославленные побѣдами Александра. Владимірскіе жители со скорбію проводили свою отечественную святыню, и въ народѣ сохранилось преданіе, что тѣ ворота Рождественскаго монастыря, чрезъ которыя вынесены были св. мощи благовѣрнаго князя, съ того времени закладены наглухо.

Изъ Рождественскаго монастыря поспѣлъ я, послѣ вечерни, въ Успенскую дѣвичью обитель. Она устроена тѣмъ же достойнымъ дѣдомъ св. Александра Невскаго, в. к. Всеволодомъ, въ 1202 году, по желанію благочестивой супруги его, купившей землю подъ монастырь на собственные деньги. Древняя церковь, послѣ многихъ пожаровъ, раззореній и перестроекъ, немного сохранила изъ своего первоначальнаго вида; при первомъ взглядѣ нельзя узнать храма, построеннаго въ началѣ XIII вѣка. По обѣимъ сторонамъ пристроены два придѣла, на мѣстѣ прежнихъ палатокъ-усыпальницъ. Въ алтарѣ лѣваго придѣла—гробница основательницы монастыря, супруги в. к. Всеволода Маріи, дочери Чешскаго князя Шварна, родоначальницы многочисленнаго семейства, отличавшагося благочестіемъ: сынъ ея в. к. Георгій, внуки Александръ Невскій, Феодоръ Новгородскій, Василій Ростовскій, правнуки Даниилъ Московскій, Василій и Константинъ Ярославскіе сіяютъ въ ликѣ угодниковъ Божіихъ. Лѣтописцы называютъ ее Русскою Еленою, Феодорою, второю Ольгою. Послѣднія семь лѣтъ жизни она провела въ тяжкомъ недугѣ, уподобляясь Іову необыкновеннымъ терпѣніемъ, и за 18 дней до кончины приняла постриженіе иноческое въ своемъ монастырѣ. Самъ Всеволодъ, сынъ его Георгій и дочь Всеслава, духовенство, бояре, черницы многихъ монастырей и почти все населеніе Владиміра провожали съ горькими слезами, мудрую и благочестивую княгиню, которую всѣ любили за доброту и милосердіе. Она перешла въ блаженную вѣчность 19 марта 1206 года. Въ монастырѣ, который долго назывался „Княгининымъ“, донныѣ свято чтится память княгини Маріи.

Въ другомъ придѣлѣ погребены: вторая супруга в. к. Всеволода Анна, дочь его княжна Елена, двѣ супруги св. Александра Невскаго — Александра и Васса и дочь его Евдокія, скончавшаяся въ младенчествѣ.

Посреди храма, между двухъ столповъ правой стороны, почиваютъ открыто мощи св. мученика Аврамія. Бо-

гатый купецъ, родомъ Болгаринъ, Аврамій пребылъ непоколебимымъ въ исповѣданіи Христовой вѣры, и за то пострадалъ отъ Болгаръ, старавшихся въ продолженіи многихъ дней ласками и угрозами преклонить его къ своему магометанскому зловѣрью. Онъ умерщвленъ, въ такъ называвшемся „великомъ градѣ Болгарахъ“, 1229 г. апр. 1 дня. Кушцы Русскіе, бывшіе свидѣтелями тяжкихъ страданій мученика, похоронили тѣло его въ Болгарахъ.

Великій князь Георгій Всеволодовичъ, побѣдами своими надъ Болгарами довелъ ихъ до того, что они принуждены были придти къ нему съ покорностью и просить мира. Князь согласился, но съ тѣмъ, чтобы они отдали гробъ съ мощами муч. Аврамія. Условіе было заключено, согласно съ желаніемъ Князя, и мощи св. муч. Аврамія, по истеченіи около года послѣ того, какъ онъ былъ умерщвленъ, были перенесены во Владиміръ 6 марта 1230 года и положены въ каменномъ гробѣ, въ монастырѣ Княгининѣ. Въ послѣдствіи времени, св. мощи переложены въ серебряную, позлащенную раку, въ которой и теперь почитаются.

Замѣчательны нѣсколько древнихъ иконъ, и въ особенности образъ св. мученика Аврамія, служившій прежде гробовою крышею; недавно снятъ съ него списокъ на холстѣ для южныхъ Болгаръ. Въ ризницѣ показывали мнѣ вклады патріарха Іосифа: крестъ напестольный съ мощами, водосвятную чашу и панихидное блюдо, также серебряное, позолоченое кадило, приложенное царицею Мареею Матвѣевою (вдовою царя Феодора Алексѣевича) въ 1693 году.

Въ бесѣдѣ съ почтенною игуменьею, соименною основательницѣ обители, непримѣтно протекло время до все-нощнаго бдѣнія, которое доставило мнѣ необыкновенное наслажденіе стройнымъ и прекраснымъ пѣніемъ инокинь. Такого пѣнія никогда не случалось мнѣ слышать въ женскихъ монастыряхъ. Мать игуменьи Марія (въ мѣрѣ Магдалина Ивановна Бѣлаго) была нѣкогда замужнею женщиною, имѣетъ дѣтей и внучатъ. Лишившись мужа, она нѣсколько времени служила воспитательницею въ Московскомъ малолѣтнемъ Кадетскомъ корпусѣ. Когда собственные дѣти ея окончили свое воспитаніе, она рѣшилась посвятить себя Богу въ иноческой жизни. Теперь она заботится о возстановленіи Успенскаго монастыря, много пострадавшаго отъ пожара въ 1853 году.

Написавъ къ вамъ, многоуважаемый В. П., это длинное письмо, собираюсь сегодня въ Суздаль, вмѣстѣ съ Кон-

стантиномъ Никитичемъ Тихонравовымъ, знатокомъ всей старины Владимірской губерніи. Почтенному К. Н. я обязанъ многими свѣдѣніями при осмотрѣ достопамятностей Владиміра; надѣюсь, что и въ Суздалѣ, при просвѣщенномъ его руководствѣ, успѣю увидѣть многое, чего никакъ не увидѣлъ бы безъ него, при бѣгломъ осмотрѣ, въ нѣскольکو часовъ. По дорогѣ, думаемъ заѣхать въ Боголюбовъ.

Графъ М. Толстой.

29 іюня 1868 года.

СЛОВО ПРЕДЪ ОТПѢВАНІЕМЪ МОСКОВСКАГО КУПЦА АЛЕКСѢЯ СТЕФАНОВИЧА ПРОТОПОПОВА ^(а).

Жизнь каждаго христіанина, какова бы ни была, представляетъ для всѣхъ какой нибудь нравственный урокъ. Добрыя качества и дѣла его побуждаютъ къ подражанію; качества и дѣла непохвальныя предостерегаютъ отъ подражанія, — ибо такія качества и дѣла въ другихъ намъ виднѣе, чѣмъ въ самихъ себѣ; его благосостояніе, или злоключенія, успѣхи въ дѣлахъ или неудачи открываютъ предъ нами пути промысла Божія и научаютъ благоговѣть предъ ними.

Не мало нравственныхъ уроковъ преподаетъ намъ и жизнь новопреставленнаго раба Божія Алексія. Изъ многихъ мы укажемъ на одинъ, преимущественно выраженный его характеромъ и жизнію. Это — урокъ благодарности къ Богу. Кому изъ знавшихъ сколько нибудь покойнаго неизвѣстно, какъ онъ былъ благодаренъ къ Богу за Его милости? Онъ постоянно твердилъ всѣмъ и каждому: „Слава Богу, благодареніе Богу“. Онъ во глубинѣ души былъ убѣжденъ, что своимъ благосостояніемъ обязанъ единственно милости Божіей, а не своему уму и искусству, и потому отъ избытка благодарной души глаголали его уста: „Слава и благодареніе Богу“. Не поучительно ли это, не достойно ли подражанія для всѣхъ насъ?

Но скажетъ, или подумаетъ иной о покойникѣ подобное тому, что нѣкто сказалъ про Іова: „развѣ даромъ онъ чтилъ Бога благодарностію? Не ты ли, Господи, кругомъ оградилъ его, и домъ его, и все что есть у него? Дѣла

(а) Сказано въ Николо-толмачевской церкви 29 сентября.

рукъ его Ты благословлялъ (Иов. 1, 9. 10). Не мудрено было ему показывать благодарность Богу, когда, при благословеніи Божиємъ, дѣла его съ каждымъ годомъ становились все лучше, такъ что по размѣрамъ своего производства и торговли (б), онъ не зналъ равнаго себѣ не только въ Москвѣ, но чуть ли не по всей Россіи. Каждый на его мѣстѣ могъ бы говорить, что любилъ онъ такъ часто повторять: „слава Богу, благодареніе Богу“.—Нѣтъ, братіе, кто такъ дешево цѣнить благодарность къ Богу людей богатыхъ, тотъ не правильно цѣнить. Внѣшнее благосостояніе, правда, естественно располагаетъ къ благодарности Тому, Кто убожить и богатить; но оно же для многихъ служить искушеніемъ ко грѣху неблагодарности. Мало ли на нашихъ глазахъ примѣровъ, что люди начинающіе богатѣть начинаютъ забывать Бога Благодѣтеля и съ возрастаніемъ ихъ богатства растутъ ихъ неблагодарность Богу,—они уже не благословенію Божию приписываютъ успѣхи въ своихъ предпріятіяхъ, а единственно своему уму и оборотливости, и думая такъ высоко о себѣ, они охладѣваютъ къ молитвѣ, перестаютъ ходить въ церковь, соблюдаютъ посты, начинаютъ вести жизнь разсѣянную, кружиться въ вихрѣ мірскихъ развлеченій, или совершенно погружаются въ служеніе мамонѣ до заглушенія въ себѣ духовныхъ потребностей. Такимъ образомъ богатство вмѣсто того, чтобы приближать ихъ къ Богу, только ставитъ преграду между ними и Богомъ. Зналъ силу этого искушенія ветхозавѣтный мудрецъ, зналъ, что не всякій по духовной немощи устоитъ противъ него, и потому просилъ Бога: „нищеты и богатства не давай мнѣ; питай меня урочнымъ хлѣбомъ моимъ, чтобы, пресытившись, я не сдѣлался отступникомъ, и не сказалъ: кто Господь? (Прит. 30, 8. 9). Итакъ напрасно думаютъ, будто богатому ничего не стоитъ быть благодарнымъ Богу,—противное доказываютъ примѣры многихъ неблагодарныхъ богачей и приведенное свидѣтельство ветхозавѣтнаго мудреца.

Но дѣло не въ томъ только, чтобы благодарить Бога, а вмѣстѣ въ томъ, какъ благодарить. Какъ же именно надо благодарить? Безъ сомнѣнія не такъ, какъ иногда благодарятъ люди подобныхъ себѣ, когда это дѣлаютъ по одной вѣжливости, не думая, чтобы благодарность къ чему-

(б) Онъ занимался производствомъ и торговлею церковныхъ свѣчей.

нибудь ихъ обязывала, — а иногда даже съ насмѣшкою и злымъ умысломъ. Такъ благодарить иногда должникъ заимодавца за одолженіе, а между тѣмъ смѣется легковѣрію его, радуется, что обманулъ его, и не думаетъ объ уплатѣ долга, „почитая находкою деньги взятыя взаемъ“ (Сир. 29, 4). Благодарить подчиненный начальника, сынъ отца, ученикъ учителя за вразумленіе, за обличеніе, а потомъ, лишь только скроется отъ глазъ обличителя и наставника, опять принимается за то же, за что подвергался вразумленіямъ и обличеніямъ. Случается также, что иной благодарить ближняго за понесенное отъ него оскорбленіе словомъ или дѣломъ, вслухъ всѣхъ признавая себя достойнымъ такого оскорбленія. Подумаешь, какой незлобивый и смиренный человѣкъ, какъ христіански переносить обиды. Ничуть не бывало. Подъ словомъ благодарности таится злой умыселъ. Это значить, что при первомъ удобномъ случаѣ онъ отблагодаритъ васъ самымъ извѣтельнымъ мщеніемъ за полученную отъ васъ обиду. Къ сожалѣнію подобная благодарность оказывается у насъ и Богу. На словахъ мы очень благодарны Ему, а внутреннія, сердечныя расположенія и дѣла совсѣмъ не соотвѣтствуютъ словамъ. *Приближаются мнѣ людіе сіи, усты своими и устами чтутъ мя, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ мене, все же чтутъ мя.* (Мат. 15, 8, 9). Все и оскорбительно для Бога чтуть Его благодарностію тѣ, у которыхъ она на одномъ языкѣ. Такъ крестьянинъ, благодарящій Бога за хорошій урожай, и въ то же время пропивающій собранный имъ хлѣбъ, и оставляющій безъ пропитанія свою семью, — развѣ онъ благодаритъ Бога? Онъ только оскорбляетъ Его. Торговецъ, благодарящій Бога за успѣхи въ своихъ дѣлахъ, но въ то же время притѣсняющій тѣхъ, услугами которыхъ пользуется, не дѣлающій никому добра, или живущій въ одно свое удовольствіе, — развѣ онъ благодаритъ Бога? Онъ только глумится надъ Нимъ. Человѣкъ, по выздоровленіи отъ тяжкой болѣзни благодарящій Бога, и потомъ немедленно возвращающійся къ невоздержной и распутной жизни, которая была причиною его болѣзни, — развѣ онъ благодаритъ Бога? Онъ кощунствуетъ. Преступникъ, выпущенный изъ темницы, тоже благодаритъ Бога за свободу; но если онъ благодаритъ за нее только потому, что можетъ по прежнему воровать, грабить и убивать, — развѣ такая благодарность не хула на Бога? — Не умножаемъ примѣровъ подобной лицемѣрной, оскорбительной для Бога благодарности Ему, но предоставляемъ каждому спро-

силь себя: не такова ли и его благодарность, и если совѣсть дастъ ему обличительный отвѣтъ, да устыдится грѣха, въ которомъ обличается, да возненавидитъ его, и да не возвращается къ нему. Человѣка можно обмануть изъявленіемъ покорнѣйшей благодарности, но не Всевѣдущаго. Человѣка можно обманывать безнаказанно лицемѣрною благодарностію, но святѣйшее и всеправедное Существо не дозволить безнаказанно посмѣваться надъ Собою лицемѣрамъ, рано или поздно изольетъ на нихъ гнѣвъ Свой. Истинная благодарность къ Богу не только прористекаетъ изъ сердца, но вмѣстѣ соединяется съ послушаніемъ Богу, съ готовностію доказать искренность ея дѣлами покаянія, благочестія, благотвореніями ближнимъ.

Обращаясь къ новопреставленному рабу Божию Алексію, мы имѣемъ основаніе сказать, что его благодарность къ Богу имѣла свойства истинной, судя по дѣламъ его благочестія и по всему строю его жизни. Онъ не только самъ былъ благочестивымъ, строгимъ къ себѣ христіаниномъ, но и дѣтей воспитывалъ въ духѣ благочестія, въ страхѣ Божіемъ, въ послушаніи святой церкви, приучая ихъ къ строгому исполненію ея уставовъ и удаляя ихъ отъ соблазновъ мірской жизни. Онъ былъ добросовѣстенъ въ веденіи своихъ дѣлъ, смотрѣлъ на свое производство и торговлю какъ на святое дѣло, разсуждая, что свѣщи его суть не только выгодный для него товаръ, но вмѣстѣ жертва Богу. Онъ благодарилъ Бога не только за обиліе низпосылаемыхъ ему благъ земной жизни, но и за неудачи, какія иногда испытывалъ. Въ послѣднее время онъ благодарилъ Бога за тяжкую и продолжительную болѣзнь, исповѣдуя, что она дана ему для покаянія и для надлежащаго приготовленія къ смерти. И Господь даровалъ ему поистиннѣ христіанскую смерть,— Онъ представилъ его изъ сей жизни, когда онъ уже приготовленъ былъ къ сему подвигомъ терпѣнія, неоднократнымъ пріятіемъ благодати святыхъ таинъ, молитвами, особенно молитвою Иисусовою, которая до послѣднихъ минутъ была на его устахъ. Теперь остается ему получить отъ Господа праведное воздаяніе. Помолимся, братіе, Судіи живыхъ и мертвыхъ, да не внидетъ въ судъ съ рабомъ своимъ, да покроетъ своею благодатію согрѣшенія его, и да причтетъ его къ сонму духовъ, вѣчно славословящихъ Господа, чтобъ и тамъ на небѣ онъ вмѣстѣ съ ними возглашалъ: слава и благодареніе Богу,— какъ здѣсь на землѣ онъ любилъ возглашать сіе.

Свящ. В. Нечаевъ.

СВѢДѢНІЯ О ЖИЗНИ ПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ЕВГЕНІЯ, АРХІЕПИСКОПА ЯРОСЛАВСКАГО,

Въ дополненіе къ его дневнику *.

СЛУЖЕНІЕ ЕГО НА КАЕДРАХЪ ТОБОЛЬСКОЙ И РЯЗАНСКОЙ.

Дневникъ архіепископа Евгенія доведенъ имъ до прибытія на Тобольскую кафедру. Сообщимъ читателямъ свѣдѣнія о дальнѣйшихъ событіяхъ въ жизни его на основаніи его писемъ и устныхъ разсказовъ его или близкихъ нему людей.

Въ Тобольскѣ преосвященный Евгеній былъ шесть лѣтъ неполныхъ, съ 1-го генваря 1826 г. до августа 1831 г. (О дѣлахъ епархіальнаго управленія, о внимательности его къ семинаріи, о частомъ, почти каждо-праздничномъ поученіи въ церкви, говорить нечего: это было такъ же, какъ и въ предшествующихъ епархіяхъ. Укажемъ на нѣкоторые только случаи, особенно его озабочивавшіе. Немало озабочивала его сначала бѣдность содержанія архіерейскаго дома. Онъ писалъ къ родственнику: „Доходы домовые! Эта статья извѣла мою душу. Только имѣю за подвалъ 123 р., а мельница, будто бы стоившая предмѣстнику починками 9 тысячъ, стояла досель безъ охотника; нынѣ нашелся одинъ и нанялъ на 4 года по 125 р. въ годъ. Всѣ тутъ доходы.“

Каедральный соборъ далъ трещину и нужно было его исправить. Объ этомъ такъ писалъ онъ: „дѣло критическое! Соборъ треснулъ. Нужно стало у трещины открыть фундаментъ. Но тутъ погребень митрополитъ Іоаннъ Максимовичъ, котораго здѣсь почитаютъ за святаго. Представлялъ св. Синоду, переложить на другое мѣсто. Вчера (сентября 1826 г.) получилъ дозволеніе: переложить безъ огласки! Изволь шило въ мѣшкѣ утаить.“ Долго длилась переписка о семъ и только въ 1830 году, послѣ многихъ препятствій и огорченій, получилъ разрѣшеніе перенести стѣну, о чемъ такъ пишетъ: „я послѣ пасхи получилъ разрѣшеніе починивать соборъ. Это моя большая радость. Три года боролся, и не одолѣть бы, еслибы не помогъ мнѣ нашъ добрый г. генераль губернаторъ“.—Эта перестройка кончилась къ концу его управленія сею епархіею и онъ освятилъ соборъ при послѣднемъ служеніи и прощаніи съ паствою.

(*) Напечатанъ въ октябрьской книжкѣ Душеп. Чтенія.

Третья забота—обращеніе въ христіанство инородцевъ. Объ этомъ такъ писалъ: „У меня забота великая по указу о обращеніи инородцевъ въ нашу вѣру; людей для сего не имѣю; одного и приобрѣлъ, но уладить не умѣю. Молитесь, да дастъ мнѣ Господь и помощь и разумъ. — На прошлыхъ дняхъ я изъявилъ желаніе оставя лѣтъ на пять или на шесть епархію жить съ Остяками, Вогуличами и Самоѣдами, учиться ихъ языку и переводить на ихъ языкъ церковныя книги и научить изъ дѣтей ихъ чтенію и закону Божію и всему церковному, чтобы послѣ быть имъ священно-и церковно-служителями у своихъ земляковъ и научить тому же другихъ. Губернаторъ мнѣ писалъ, что изъ нихъ есть крещеные, а ничего не знаютъ, и что ходя рѣдко въ нашу церковь, дома въ глуши молятся идоламъ. Я не могъ придумать лучше, какъ рѣшиться самъ. О семъ дано знать генераль-губернатору; получа отвѣтъ, буду представлять св. Синоду“ (пис. 1826). Члены Синода, которымъ писалъ онъ объ этомъ прежде партикулярно, убѣдили Евгенія оставить такое намѣреніе особливо потому, что вскорѣ прибылъ къ Евгенію для сей цѣли архимандритъ Макарій: жилъ у него болѣе мѣсяца и напутствованный совѣтами, благословеніемъ и молитвою отправился. Ему Евгеній содѣйствовалъ усердно во все время своего пребыванія въ Tobольскѣ.

Но самую великую скорбь и трудъ доставило ему слѣдующее обстоятельство: присланы были по Высочайшему повелѣнію два сенатора для ревизіи всей Сибири по гражданскому вѣдомству. Ревизоры, разсматривая разныя дѣла въ судебныхъ мѣстахъ, принимая прошенія и жалобы отъ разныхъ лицъ, начали принимать (по праву, или не по праву, неизвѣстно) на духовенство жалобы въ притязательности и, многихъ обвинивъ по своему разбирательству, прислали свой приговоръ на утвержденіе преосвященнаго. Это было въ концѣ 1827 года. Но выпишемъ изъ его собственнаго письма, какъ это дѣло было для него прискорбно. „Я хвалился моимъ здоровьемъ. Но не съ сей стороны положено свыше искушать меня. Болѣзнь я бы вынесъ; потому Господь и не касается, или щадить для должности, а ударяетъ по тѣмъ струнамъ, которыя чувствительнѣе. Здѣсь ревизуютъ два сенатора Западную Сибирь. Въ Tobольскѣ гостили отъ 9 мая по 18 сент. и поѣхали въ Томскую губернію, моей же епархіи. Они задѣли меня такими пунктами, на кои я не могъ согласиться. Что же? Одно дѣло послали въ Синодъ, другое къ министру. О

томъ и другомъ безъ сомнѣнія донесли государю. Вы спросите: въ чемъ я не согласился? Почтенѣйшій! всякій имѣеть свою точку зрѣнія. И вы конечно будете противъ меня за сенаторовъ. Но на моемъ мѣстѣ нельзя поступить иначе (а). Бывшій г. генераль-губернаторъ до такой степени довелъ приемъ къ себѣ просьбъ на духовенство, что всѣхъ суди по его отношеніямъ. Гдѣ-же тутъ порядокъ? Гдѣ законы? Гдѣ права наши? На что же намъ и оставаться, если мы лишніе? Вотъ по сей принятой имъ и, такъ сказать, укорененной (еще до меня) методъ написали крестьяне сенаторамъ жалобы на поповъ въ вымогательствѣ за браки и другія требы. Они, одно дѣло изслѣдовавъ, прислали ко мнѣ слѣдствіе на положеніе, прибавя, что подобныхъ дѣлъ поступило много изъ разныхъ мѣстъ. Разсмотря слѣдствіе, мы нашли, что жалобы на вымогу запоздалыя, за 2, за 5, за 7 и даже за 9 лѣтъ, и духовное начальство ни тогда, ни теперь не получало жалобы. Жаловались всего 14 человекъ, и только они одни спрошены, а свидѣтелей нѣтъ, или выставлены въ свидѣтели сродники или той же просьбы участники. Какъ же тутъ судить? Какъ повинить? Вотъ мы не согласились повинить безъ доказательствъ и—сыръ-боръ загорѣлся. Отрѣшить одного было сдѣлать начало къ отрѣшенію и всѣхъ будущихъ. Чтожь бы я сталъ въ глазахъ моего духовенства? И подчиненные мнѣ не имѣли-ли бы на меня дороги къ моему начальству? И они бы свое получили, и я бы остался Іудею,—вдвойнѣ пострадалъ бы. Но и теперь опасность, судить можете, уголовная — не согласиться съ чиновниками облечеными Высочайшимъ довѣріемъ. Другое дѣло по жалобѣ раскольниковъ. Это еще до прибытія сенаторовъ рѣшено нами; а какъ они прислали ко мнѣ жалобу, то я послалъ имъ только справку, — и они, слышно, послали къ министру внутреннихъ дѣлъ, безъ сомнѣнія съ своимъ мнѣніемъ. Вотъ мои болячки новыя. А старыхъ не могу и перечислить!¹⁴...

Ревизоры-сенаторы свой отчетъ представили наконецъ государю съ мнѣніемъ противъ дѣйствій архіерея. Госу-

(а) Эта оговорка сдѣлана преосвященнымъ потому, что писано къ помѣщику, хотя весьма доброму и честному и усердному къ церкви, но имѣвшему судебную распрю съ сельскимъ приходскимъ священникомъ: и эта распря до того его огорчала, что онъ безъ раздраженія не могъ говорить о сельскихъ священникахъ равнодушно. Это было еще въ то время, какъ Евгений былъ въ Москвѣ архимандритовъ, и Евгений зналъ его чувства.

дарь, чрезъ оберъ-прокурора, передалъ дѣло на разсмотрѣніе Синода. Синодъ, разсмотрѣвъ дѣло, сдѣлалъ такое заключеніе: „такъ какъ Тобольская епархія съ самаго ея учрежденія по духовному вѣдомству не была ревизована, что по ея огромному пространству необходимо, то назначить ревизію. Но такъ какъ по отдаленности командировать кого либо изъ преосвященныхъ неудобно, притомъ мѣстный преосвященный извѣстенъ, какъ архипастырь опытный и безпристрастный, то предписать ему обозрѣть всю по возможности епархію въ качествѣ посторонняго ревизора.“ Доложено государю, утѣверждено и предписано.

И вотъ преосвященный лѣтомъ 1828 года обозрѣлъ всю епархію въ два раза. Въ первый—сѣверную часть отъ 21-го мая по 7-е іюня; въ другой—южную отъ 1-го августа по 1-е октября, въ оба раза совершивъ путь около шести тысячъ верстъ. Вотъ какъ совершенно это обозрѣніе. Предварительно составленъ для всего пути маршрутъ, съ точнымъ означеніемъ, съ какого числа и сколько времени пробудетъ онъ въ томъ или другомъ мѣстѣ. Объ этомъ объявлено предварительно по всей епархіи чрезъ земскую полицію въ каждомъ селеніи, чтобы каждый, кто имѣетъ какое-либо дѣло по духовной части, зналъ, когда и гдѣ видѣть архіерея. Вотъ какъ онъ описываетъ второе путешествіе: „Я кончилъ второе путешествіе также благополучно, какъ и первое. Вездѣ потрафилъ въ назначенный день, не безъ великихъ иногда усилій. Обѣхалъ 8 городовъ, почти 4 тысячи верстъ, что съ прежними составитъ до 6 тысячъ. Города есть очень хорошіе, есть и небольшіе, но всѣ въ планѣ и хорошо устроены. Отличнѣйшіе: Томскъ, Барнаулъ, Омскъ и Тара. Во всѣхъ церкви безъ исключенія каменные, очень хорошія и даже есть превосходныя. И сельскихъ не видалъ такихъ бѣдныхъ, какія есть въ нашемъ краю, по крайней мѣрѣ нѣтъ стариннаго фасона, съ двумя коньками на подобіе избы, но всѣ съ круглыми куполами на манеръ каменныхъ. И по ризницѣ почти не встрѣчалось, гдѣ бы не было парчевыхъ ризъ и серебряной утвари. А въ городахъ богатѣйшія ризницы. Впрочемъ каменныхъ церквей по селамъ очень мало. Оставливаясь въ селахъ, вызывалъ по удобству отъ ближайшихъ церквей, въ которыхъ не могъ быть, духовенство, или лучше сказать, по предварительному маршруту оно уже собиралось прежде, чтобы сберечь время. Такъ дѣлалъ въ Курскѣ и Псковѣ; только здѣсь по обширности вызывалъ не такъ строго, но кому можно, въпрочемъ, отъ

всякой церкви хоть одному изъ причта непременно съ описями церковей и приходорасходными, кои прочтя приобрѣталъ понятіе о достаткѣ и хозяйствѣ; а испытавъ явившихся, узнавалъ и ихъ знаніе, и смотря въ вѣдомости со мной взятыхъ, соединялъ съ лицомъ и понятіе о его нравственности и поведеніи. Объѣхать же всѣ и побочныя церкви нѣтъ возможности не только по времени, но и по неудобству для экипажа сельскихъ дорогъ. Здѣшнія трактовыя дороги прекрасны, кромѣ Барабинской такъ называемой степи (на 500 верстѣ по болотамъ) и горъ Кузнецкихъ (на 70 верстѣ, подобныхъ Уральскимъ); но и тѣ при прекрасной погодѣ, которою пользовался я по милости Божіей во всю дорогу, проѣхали съ невѣроятною легкостію. Впрочемъ вся Сибирь какъ ладонь, ибо до Оби не существуетъ ни камней, ни горъ; а за Обью хотя и есть горы, но такія же какъ въ Россіи, и тѣмъ россійскихъ удобнѣе, что въ обширномъ масштабѣ. Поднимаешь ся исподоволь на гору верстѣ 7 или 10 и спускаешь ся столько же: ибо рѣки здѣсь далеко другъ отъ друга. Населеніе рѣдкое. Въ Россіи деревня отъ деревни въ 5 верстахъ, здѣсь въ 30; тамъ село отъ села 7 и 10, здѣсь 70 и 100 верстѣ. Но все это вознаграждается избыткомъ и крѣпостію лошадей. Здѣсь бѣдный имѣетъ 10, 15 лошадей, а достаточные не только по 50 и по 100, но даже по 200, по 500 и, повѣрите ли, по 1000 лошадей. По скольку же увѣжали? Рѣдко по 12 и 13, а постоянно по 14, 15 и 16, случалось же очень не рѣдко по 18 верстѣ въ часъ, такъ что принужденъ я былъ напоминать извозчику, чтобы не спѣшилъ,— по моему слабому экипажу, который, впрочемъ, хоть съ починками, выдержалъ 6 тысячъ верстѣ: судите о спокойствіи дорогъ. Только въ Барабѣ по безпрестанной почти гати 150 верстѣ ѣхали по 8 верстѣ; а отъ Семипалатинска до Омска по берегу Иртыша, на 700 верстѣ, ни одной горки, ни рѣчки, ни лощинки.... Работалъ безъ отдыха, до упаду, но приѣхалъ здоровъ“. По обыкновенному порядку для ревизоровъ и по предписанію Синода, преосвященный изъ каждаго города долженъ былъ рапортовать о томъ, что оказалось и что сдѣлано.

1829, января 5 (по всей вѣроятности вслѣдствіе трудовъ по обревизованію епархіи) сопричисленъ преосвященный Евгеній къ ордену св. князя Владиміра 2 ст. съ такими словами въ началѣ грамоты: *Долговременное отличное служеніе и назидательный примѣръ, который подаете вы собою паствѣ вашей, приобрѣтаютъ вамъ право...*

1831 г. августа 1 Высочайшимъ указомъ назначенъ на Рязанскую епархію съ степенью Тобольской (Тобольская во второкласныхъ третья, Рязанская шестая). Тобольскимъ былъ шесть лѣтъ безъ 2 мѣсяцевъ. Проповѣди, говоренныя тамъ (болѣе 100), собственноручныя оставилъ въ тамошней семинаріи. Много въ сей епархіи имѣлъ огорченій и непріятностей, но подь конецъ утѣшенъ окончаніемъ починки собора; при послѣднемъ служеніи онъ освятилъ его и прямо послѣ служенія отправился въ путь: это было 19 сентября 1831 г.

О выѣздѣ изъ Тобольска такъ онъ пишетъ въ одномъ письмѣ: „изъ Тобольска я провоженъ съ честію, не хуже Бѣлгорода и Пскова. Не только провоженъ первыми чиновниками до первой станціи, но въ соборѣ напутствованъ всеобщими слезами. Болѣе награды и пожелать не могъ“.

Въ одномъ изъ Моск. журналовъ того времени было напечатано изъ Тобольска слѣдующее: „Какія трогательныя сцены христіанскаго благочестія видѣли мы сего 19 сентября! Въ сей день архипастырь освятилъ возобновленный его же попеченіемъ храмъ Софійскаго собора, произнесъ подь конецъ литургіи слово и какое слово! *Вмалъ и не увидите мене, и паки вмалъ и узрите мя.* У самаго пастыря проповѣдника многократно прерывались голосъ и рѣчь отъ слезъ, и можно ли было не плакать душамъ вѣрующимъ, душамъ способнымъ къ умиленію? Но когда архипастырь спѣшилъ успокоиться внѣ храма, проходя сквозь многое множество народа и раздавая послѣднее благословеніе, мы видѣли, какъ многіе рыдали, и не видѣли тѣхъ, у коихъ бы глаза оставались сухи. Вотъ какъ прекрасно вспрыскивается путь грядущаго во имя Господне! Нужно ли пояснять, что это за сила, которая такъ властно дѣйствовала надъ душами и благовоспитанными и, какъ говорятъ, невоспитанными? Въ теченіи шести лѣтъ мы видѣли архіепископа Евгенія въ воскресные и праздничные дни, видѣли, какъ онъ смиренно предстоялъ престолу Господню, съ молитвою за царя и за насъ, и какъ нерѣдко съ амвона поучалъ насъ, или изъ книги, или изустно, но всегда съ сердечнымъ изліяніемъ. Нельзя сказать, чтобы многіе пользовались просвѣщенной бисѣдою его, хотя доступъ и былъ лепокъ. Такъ же въ зимніе вечера, когда бывало катаешься и взглянешь на огромныя архіерейскія палаты, видишь огонекъ только въ двухъ окошкахъ: ни освѣщенія вечерняго, ни роскошнаго днемъ пиршества тамъ невидано. Отъ чего же такая торжествен-

ная сила можетъ выражаться надъ сердцами? Отъ того, мы смѣемъ думать, что свѣтъ духовный есть общаа стхія изнуряемыхъ заботами, о спасеніи души челоувковъ, а жизнь чистая, прямо пастырская, не есть ли чувственное видѣніе свѣта духовнаго“? Моск. Телегр. 1831 № 18“.

Преосвященный архіепископъ Евгеній, прибылъ въ Рязань 24 октября 1831 г., а 25 совершилъ первую литургію и привѣтствовалъ новую паству словомъ. Въ Tobольскѣ преемствовалъ ему архіепископъ Павелъ, а въ Рязани предшествовалъ архіепископъ Григорій, переведенный отсюда въ Тверь.

Прибылъ въ Рязань преосвященный Евгеній въ самое неблагопріятное для него, по его духу, время. Въ это лѣто, какъ извѣстно, по Высочайшему повелѣнію производился разборъ духовенства, съ назначеніемъ излишнихъ и не пригодныхъ къ духовному званію въ военную службу; въ Рязанской епархіи оказалось очень много подлежащихъ такому назначенію, и имъ составлены списки. Прискорбно было это для преосвященнаго Евгенія, всегда сострадательнаго къ духовенству и снисходительнаго къ слабостямъ и проступкамъ подчиненныхъ. „Разборъ, которій меня дождался, крушить меня“,—такъ онъ выразился въ одномъ письмѣ. Поэтому онъ, тщательно пересмотрѣвъ составленные списки, сократилъ ихъ, чѣмъ, конечно, приобрѣлъ многихъ за себя молитвенниковъ, но съ другой стороны возбудилъ нерасположеніе и неудовольствіе тѣхъ, которые оставлены въ спискахъ.

По случаю пребыванія предшествовавшаго ему архипастыря въ св. Синодѣ и потомъ замедленія Евгенія на пути изъ Tobольска по отдаленности, дѣлъ накопилось въ Рязани множество и потому онъ долженъ былъ по началу трудиться до изнуренія. „Столько дѣла, писалъ онъ не много спустя послѣ прибытія, что читаю и пишу, и принимаю съ утра до вечера и отдыху не имѣю минуты, кромѣ обѣда и сна, вотъ уже полтора мѣсяца. Столько прошло номеровъ, чрезъ мои руки, въ сіи полтора мѣсяца, сколько въ Tobольскѣ въ полгода. Дивлюсь: Курская больше здѣшней, но дѣлъ не имѣлъ и въ третью долю. Можетъ быть разборъ умножилъ. Жду уменьшенія; аще же ни, упаду подъ бременемъ“.

Преосвященный неутомимою дѣятельностію одолѣлъ трудности, количество дѣлъ уменьшилось, все пошло обычнымъ порядкомъ. Но вслѣдъ за тѣмъ начались непріятности, для другаго можетъ быть и незначительныя, но для

него, по его всегдашней осторожности и мнительности, огорчительныя. Стали передавать ему слухи о немъ. „Молва кричить“, пишетъ онъ, „что я просидя въ Рязань, а я и не зналъ объ открытіи Рязанской вакансіи до полученія указа о перемѣщеніи, которое, увѣряютъ меня, сдѣлано съ добрымъ намѣреніемъ и я благодарю за доброе намѣреніе. Но помните басню о мѣдвѣдѣ и пустынникѣ, помните стихокъ: *tolluntur in altum, ut lapsu graviori ruant*. Не мнѣ дано возвышаться. Сибирь охраняла меня отъ возвышенія и опасности; вы меня хорошо знаете“.

Черезъ полгода новая непріятность. Въ Рязани былъ священникъ, магистръ перваго курса Петербургской Академіи, слѣдовательно товарищъ предшествовавшаго архипастыря Григорія. Григорій, по прибытіи въ Рязань, обладалъ его, какъ чловѣка достойнаго и способнаго, приблизилъ къ себѣ, сдѣлалъ членомъ консисторіи, соборнымъ ключаремъ; къ несчастію о. ключарь сталъ вести себя не трезво, но преосвященный ласкою, увѣщаніями поддерживалъ его и снисходилъ. Архипастырь не исполнилъ его какой то просьбы, и кротко объяснилъ, почему нельзя было исполнить: но тотъ не принялъ никакихъ объясненій, вышелъ изъ себя и наговорилъ ему много дерзкаго и оскорбительнаго. Григорій терпѣливо перенесъ оскорбленіе, но охладѣлъ къ нему и отъ себя отдалилъ; тотъ, отдалившись отъ владыки и проникнувшись враждою къ нему, упалъ еще болѣе и подвергся неоднократнымъ отъ начальства внушеніямъ и замѣчаніямъ. Ничто не исправляло его. Въ то же время какой-то сельскій священникъ былъ подвергнутъ наказанію, по судебному приговору консисторіи, утвержденному Преосвященнымъ. Ключарь, членъ консисторіи, этимъ случаемъ воспользовался, чтобы излить свою вражду противъ своего Архипастыря. Священникъ по внушенію ключаря подалъ на высочайшее имя не прошеніе только о снятіи съ него наказанія, но и клеветливый доносъ на преосвященнаго. Между тѣмъ преосвященный Григорій перемѣщенъ изъ Рязани на другую паству. Кляузное прошеніе передано г. оберъ-прокурору, а отъ него новоприбышему преосвященному Евгенію съ предписаніемъ навести справки, провѣрить дѣло и представить съ замѣчаніями. Можетъ всякій представить, какъ это смутило и озаботило Евгенія, который коротко и ясно зналъ правдивость и безпристрастіе своего предшественника. По этому случаю такъ писалъ онъ: „Господи, сколько въ Рязани постигло меня искушеній!“

Полгода стоятъ другихъ пяти лѣтъ..... А о томъ дѣлѣ (этомъ самомъ) нѣтъ ни слуху ни духу. Я трудился, не давая себѣ покоя ни день, ни ночь. Каждое дѣло, иное до 300 листовъ, мною прочитано, каждая строка справки мною исправлена. Послана цѣлая кипа справокъ и — какъ въ тучку кануло“. — Уже чрезъ годъ въ 1833 прислано рѣшеніе, что просьба извѣтчика на архипастыря монархомъ не уважена, а ключаря велѣно предать суду, ежели окажется, что онъ дѣйствовалъ чрезъ извѣтчика. — Это оказалось весьма ясно и скоро: ибо, кромѣ того, что въ Рязани это было всѣмъ извѣстно, самая просьба извѣтчика черновая, исправленная и дополненная рукою ключаря — члена консисторіи, доставлена въ Синодъ какими-то путями, безъ вѣдома преосв. Евгенія. Между тѣмъ представлено въ Синодъ тщательно обслѣдованное дѣло, и ключарь удаленъ изъ консисторіи съ запрещеніемъ священнослуженія, и за тѣмъ послѣдовало Высочайшее рѣшеніе: ключаря перемѣстить во Владимірскую епархію и дать ему тамъ мѣсто, по распоряженію мѣстнаго преосвященнаго, въ уѣздномъ городѣ, ежели есть мѣсто, а ежели нѣтъ, то въ селѣ, и тогда разрѣшить ему священнослуженіе.

Въ томъ же 1832 году по Высочайшему повелѣнію указомъ св. Синода предписано Преосвященному Евгенію отправиться въ Воронежъ и составить тамъ комиссію, присоединивъ къ себѣ мѣстнаго преосвященнаго Антонія и Московскаго Андроньевскаго архимандрита Гермогена (которому объ этомъ тоже предписано), для освидѣтельствованія мощей святителя Митрофана и обслѣдованія чудесъ. Апрель 11-го въ свѣтлый понедѣльникъ преосвященный выѣхалъ изъ Рязани. Рѣки едва вступили въ берега, дорога безпокойная; проѣзжая какой-то разлившійся сажень на сто ручей въ бродъ, на срединѣ экипажъ завязъ такъ, что лошади не могли вытащить. Это было вечеромъ и — остались всѣ въ экипажахъ на всю ночь. Уже утромъ, при помощи народа, собраннаго полиціей, пробывъ на водѣ около 20 часовъ, вытащились изъ воды, отправились въ путь, и прибыли въ Воронежъ 16-го. Преосвященный, описывая трудность этого случая, замѣчаетъ: но „не въ трудности дѣло, а дивлюсь невнимательности мѣстнаго начальства. Если чиновникъ въ моемъ санѣ, по Высочайшему повелѣнію ѣдущій, столько бьется при пособіи полиціи, что сказать о другихъ? а почтовой тракть“.

Въ Воронежѣ былъ преосвященный около мѣсяца, и

возвратился въ Рязань 12-го мая. Работа была тамъ неутомимая: переспрошены сотни лицъ. Какая нужна была внимательность, какая осторожность, предусмотрительность при такомъ важномъ дѣлѣ!—Возвратившись изъ Воронежа и управившись съ накопившимися въ отсутствіи его дѣлами, преосвященный отправился въ новый путь по епархіи для обозрѣнія нѣкоторыхъ уѣздовъ. Обозрѣвалъ по обыкновенію неутомимо: служилъ, говорилъ поученія, испытывалъ духовенство и осматривалъ церковные документы; но лишь возвратился, новая неприятность. Еще въ 1819 году однимъ повытчикомъ консисторіи присвоены, или растрочены какія-то консисторскія суммы до 7 тысячъ; дѣло тянулось доселѣ и только въ семь 1832 году рѣшено Сенатомъ: „по неимѣнію состоянія у повытчика, взыскать сумму со всѣхъ консистористовъ безъ изыятія“; и при этомъ вопросъ отъ св. Синода: „могутъ ли они далѣе присутствовать въ консисторіи?“

Въ сентябрѣ сего 1832 года посѣтилъ Рязань государь императоръ; 18 числа посѣтилъ холодный соборъ, а 19 теплый и при обозрѣніи ихъ разговаривалъ съ преосвященнымъ весьма благосклонно. Декабря 14 Высочайше пожалована преосвященному драгоценными камнями украшенная панагія за поѣздку въ Воронежъ.

Въ 1833 году одинъ изъ близкихъ преосвященному просилъ позволенія напечатать его проповѣди, и просилъ не однократно. Вотъ что отвѣчалъ преосвященный: „о проповѣдяхъ моихъ я весьма колеблюсь. А блаженной памяти митрополитъ Платонъ (quis et quantus vir!) часто говаривалъ съ внушеніемъ: *не пиши того, въ чемъ сомнѣваешься*, и прибавлялъ: — *я никогда не писалъ резолюцій, когда сомнѣвался и даже, взявши перо, откладывалъ, когда чувствовалъ, что сумнительно*. Не лучше ли отложить до моей смерти.“ И только чрезъ 20 лѣтъ получено это согласіе: о чемъ сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

1833 годъ не прошелъ для него безъ неприятности. Будемъ говорить его словами изъ письма писаннаго въ августѣ сего года: „а мнѣ не престааетъ Господь по своей мудрости посылать искушенія. Не успѣлъ получить рѣшеніе о ключарѣ и секретарѣ (б) и надѣялся отдохнуть

(б) О ключарѣ выше сказано, что въ семь году послѣдовало рѣшеніе. О секретарѣ не сказано для краткости. А дѣло въ томъ, что секретарь консисторіи, тоже по доносамъ, предписаніемъ синода преданъ суду, отрѣшенъ отъ должности, и на его мѣсто присланъ изъ синода другой.

отъ скорбей, какъ получаю отъ Г..... по секрету, присланный къ нему изъ Рязани—безъименный злѣйшій пасквиль на ректора (в), въ которомъ обличитель коснулся коварно, какъ бы хваля, и меня. Требуешь увѣдомленія о моемъ заключеніи. Я рѣшился защитить ректора со всею твердостью. Нынѣ пишу, но по словамъ: дуракъ кинетъ камень во воду, десять умныхъ не вытащатъ“. Впрочемъ дѣло это тѣмъ и кончилось, безъ всякихъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Еще прежде преосвященный сталъ поговаривать о покоѣ: но теперь сталъ часто объ этомъ и думать, и говорить, и даже писать къ старѣйшимъ іерархамъ и лицамъ вліятельнымъ. „Можетъ быть отъ старости, писалъ онъ роднымъ, либо отъ слабости, либо отъ чего другаго, но чувствую вообще себя не тѣмъ, что былъ прежде. Не только къ перепискѣ, даже къ проповѣдямъ нѣтъ той ревности, какъ прежде. Въ нынѣшнемъ году почти только и есть, что сказала ѣзда по епархіи: по сіи всѣ, какъ пишутся насоро, то на одну колодку.“ Конечно ни одинъ человѣкъ не согласился съ его мыслями, всѣ видѣли, что это нечто иное, какъ плодъ его мнительности: дѣлами онъ продолжалъ заниматься неослабно, съ тою же твердостью, съ тою же неутомимостью; самъ напримѣръ писалъ въ декабрѣ: „я зарядилъ въ семинарію на экзамень во всѣ дни въ девять часовъ и высиживалъ до часа по полудни, а до девяти отправлялъ просителей. Для многихъ малѣйшая задержка съ моей стороны была бы крайняя обида“. Такъ онъ былъ внимателенъ къ нуждамъ другихъ.

Въ 1834 году какой-то раскольниковскій попъ былъ подъ судомъ, содержался въ Рязанскомъ острогѣ, а дѣло производилось въ Рязанской консисторіи. Много хлопотали объ немъ пріѣхавшіе изъ Москвы богатые раскольники и въ консисторіи, и въ гражданскомъ вѣдомствѣ, но ничего не успѣли, и вотъ обратились къ ректору, какъ къ члену консисторіи, пользующемуся довѣріемъ преосвященнаго. Однажды ректоръ (выше сказанный Θεодотій) говоритъ преосвященному: были у меня такіе-то раскольники съ

(в) Ректоромъ былъ Θεодотій, въ послѣдствіи архіепископъ Симбирскій. Кто помнитъ этого человѣка и въ ректорствѣ и въ архіерействѣ, тотъ безъ сомнѣнія отзовется объ немъ съ искреннимъ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ, хотя вспыльчивомъ, но благонамѣренномъ, умномъ, доброжелательномъ, только излишне откровенномъ.

просьбой и уходя оставили, безъ моего вѣдома, коробъ съ фруктами. Что прикажете? „Ну чтожь, отвѣтили преосвященный,—коли оставили, кушайте во здравіе; вѣдь вы знаете, что меня ни подкупите, ни обманете.“ Это мнѣ разсказалъ почившій въ Бозѣ преосв. Феодотій.

Въ 1834 г. доведено было до государя (неизвѣстно кѣмъ), будто преосвященный, по безкорыстію живи однимъ жалованьемъ, крайне бѣденъ, и будто зимняго платья не имѣеть, будто даже нечѣмъ платить за лекарства.... Приказано справиться объ этомъ г. оберъ-прокурору, который и обратился къ преосвященному съ вопросомъ о семъ. Возмутило архипастыря такое неумѣстное и неблаговидное чье-то усердіе. „Я отвѣчалъ, пишетъ преосвященный, очень меланхолически,—ибо мнѣ подобный вопросъ очень прискорбенъ,—что я никому не жаловался на бѣдность, что у меня три рясы теплыя: лисья, бѣличья, песцовая и пр^а. Тѣмъ дѣло и кончилось; но не скоро кончилось меланхолическое настроеніе духа. „Судьба меня катаеть, пишетъ послѣ того, и выминаеть кострику: терпѣнія имамъ потребу. Вы стараетесь и тѣмъ, и тѣмъ пріободрить меня. Знаю все, но скажу пословицей: чужую бѣду бобами разведу, но къ своей ума не приложу. Главное — не достаетъ вѣры и преданности Богу. Мысли мутны, какъ мутная вода, а молитва холодна, какъ ледъ.... Въ такомъ положеніи всѣ убѣжденія, какъ къ стѣнѣ горохъ.... Мнѣ нужнѣ елей состраданія и благодати, нежели сила резоновъ и закона“....

1835 года апрѣля 21 дня преосвященный Евгенийъ сопричисленъ къ ордену св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго Высочайшею грамотою, которая начинается такъ: „Долговременное служеніе ваше святой церкви, совершаемое въ истинномъ духѣ пастырскаго о стадѣ Христовомъ попеченія, всегда обращало“.... Утѣшенъ былъ преосвященный такимъ высокимъ вниманіемъ: но мысль о покоѣ не оставляла его.

Св. Синодъ для облегченія его и ободренія, въ семъ году предлагалъ ему викарія: преосвященный отрекся. „Предлагали мнѣ викарія, пишетъ: я отказался; это былъ бы новый тычокъ; отвѣчай и за свои промахи и за его грѣхи. Викаріій годенъ только при тѣхъ, кои сильны. Наглядѣлся я, когда и Платонъ былъ безъ силы, какая честь отъ викарія. Но Августинъ былъ его твореніе. Что же было бы отъ чуждаго и ничѣмъ ко мнѣ непривязаннаго предварительно?.... Впрочемъ время мнѣ отложить всякую

суету. Болѣзнь моя сильно нудитъ меня къ покою“. — Но покой ему не давался....

Въ сентябрѣ сего года посѣтилъ Рязань государь императоръ, но по болѣзни въ соборѣ быть не могъ. Преосвященный имѣлъ счастье представляться его величеству въ квартирѣ и поднести образъ и удостоился благосклонной и внимательной бесѣды болѣе четверти часа въ кабинетѣ.

Немного спустя послѣ сего были перемѣщенія нѣкоторыхъ архипастырей, именно: казанскій архіепископъ Филаретъ перемѣщенъ въ Ярославль и изъ Казани прямо проѣхалъ въ Петербургъ для присутствованія въ св. Синодѣ. Назначеніе въ Казань замедлилось; слухи падали и на того и на другаго, и болѣе всѣхъ на Рязанскаго; онъ же не только не желалъ, но страшился этого перемѣщенія. И вотъ, когда его миновали, писалъ: „Благодарю Бога, что мимо-иде чаша сія: первое, я знаю, что Казанская епархія тернистая; второе-трудно быть..... Но скажу, смѣшно, какъ выразилось чувство здѣшняго духовенства, когда считали меня уже Казанскимъ. Одинъ консистористъ вымолвилъ пословицу: есть старикъ—убилъ бы его; нѣтъ старика—купилъ бы его. Эта пословица такъ пришлась по нраву всѣмъ, что разнеслась по всему городу“.

Зрѣніе преосвященнаго время отъ времени слабѣло и возбуждало въ немъ сильное опасеніе. По совѣту мѣстныхъ врачей началъ употреблять нѣкоторыя средства, но не чувствовалъ пользы; и наконецъ въ концѣ 1836 года, написалъ въ Москву къ нѣкоторымъ близкимъ лицамъ, прося ихъ совѣта и зная, что въ Москвѣ есть по сей части знаменитые врачи. Два человѣка особенно приняли въ немъ участіе: митрополитъ московскій Филаретъ и князь С. М. Голицынъ, которые и отвѣчали съ общаго согласія. Князь приглашалъ въ Москву, обѣщая ему всякое содѣйствіе и указуя на знаменитыхъ окулистовъ; а владыка Московскій написалъ: если „рѣшитесь въ Москву, то на время леченія домъ мой будетъ вашимъ домомъ“. Задумался преосвященный, какъ поступить; но случай вывелъ его изъ нерѣшительности. Приведемъ его собственнй разсказъ, въ письмѣ февраля 1837 г. „Князь зоветъ меня въ Москву, рекомендуетъ Броссе: но я въ недоумѣніи. На дняхъ мнѣ одна старушка 70-лѣтняя и ко мнѣ усердная госпожа, говоря о моемъ намѣреніи ѣхать въ Москву, сказала: охъ, не ѣздите, залечать; тамъ есть Броссе, онъ сдѣлалъ слѣпою сестру мою родную; да я мно-

гихъ знаю, коихъ онъ подѣлалъ слѣпыми. Тутъ я сказалъ, что къ нему-то меня и зовутъ. — О, сохрани васъ Богъ, не ѣздите ради Христа. Къ этому присоединилось и то, что Московскій владыка между прочимъ писалъ: лучше бы пользоваться невинными средствами, а не пускаться на сильныя. И такъ я, до времени, не рѣшаюсь“.

Но на что не рѣшился преосвященный по своей волѣ, то устроилъ для него промыслъ Божій. Сего же 1837 г. мая 8 Высочайше утвержденъ докладъ св. Синода о перемѣщеніи ярославскаго архіепископа Филарета на кіевскую митрополию, а на ярославскую кафедру архіепископа рязанскаго Евгенія. Путь изъ Рязани въ Ярославль лежитъ чрезъ Москву и преосвященный могъ посовѣтоваться о своемъ леченіи съ врачами.

Перемѣщеніе въ Ярославль для него было совершенно неожиданно и до того поразило его, что, какъ пишетъ, получивши первое объ этомъ извѣстіе, едва не выронилъ изъ рукъ письма (і). Рязанскою паствою управлялъ Евневій шесть лѣтъ неполныхъ; проповѣди собственноручныя (болѣе 100) оставилъ въ семинаріи. Преемствовалъ ему въ Рязани архіепископъ Гавріиль.

Прот. І. Бл—ій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ АНТОНІѢ АРХІЕПИСКОПѢ ВОРОНЕЖСКОМЪ, ПОКЛОННИКА ВОРОНЕЖСКОЙ СВАТЫНИ 1835 ГОДА.

Имя преосвященнаго Антонія архіепископа воронежскаго, окончившаго богоугодную свою жизнь 20 декабря 1846 года, пользуется и доселѣ у людей благочестивыхъ глубокимъ уваженіемъ, какъ имя святителя богумудраго и милостиваго, и вмѣстѣ подвижника и ревнителя христіанскаго благочестія. Не только въ бывшей его паствѣ, но и въ разныхъ концахъ Россіи, даже за ея предѣлами на Аeonѣ и въ Іерусалимѣ, многіе молятся о

(і) Въ ярославской епархіи было нѣсколько родственниковъ преосвященнаго. А онъ всегда боялся приближать къ себѣ родныхъ.

упокоеніи его со святыми. Есть у нѣкоторыхъ благочестивый обычай, въ домашнихъ синодикахъ, передъ именами присныхъ имъ лицъ усопшихъ, поставлять имена богоугодныхъ мужей-святителей и подвижниковъ, какъ-бы для того, чтобы молитвою о ихъ упокоеніи, подвигнуть и ихъ загробныя молитвы о себѣ и о поминаемыхъ вмѣстѣ съ ними усопшихъ. Въ воронежской и смежныхъ съ нею епархіяхъ, рѣдкій помяникъ не украшается именемъ преосвященнаго Антонія. Во многихъ домахъ можно встрѣтить въ этихъ мѣстахъ его портреты; отъ многихъ пожилыхъ лицъ можно услышать рассказы объ этомъ святителѣ, о его милостивомъ со всѣми обхожденіи и умиленной душеполезной бесѣдѣ. Извѣстности его особенно споспѣшествовало то, что онъ святительствовадь въ Воронежѣ въ благодатное время, когда возсіялъ нетлѣвнѣмъ мощей и чудесами ея первопрестольникъ, угодникъ Божій святитель Митрофанъ. Въ какіе-нибудь десять-пятнадцать лѣтъ, перебивала въ то время въ Воронежѣ почти большая часть Россіи, поклоняясь мощамъ новавленнаго чудотворца. Богомольцы пользовались и милостивымъ вниманіемъ достойнаго его преемника преосвященнаго Антонія, и уносили о немъ самыя отрадныя благодарныя воспоминанія. Украшенная христіанскими добродѣтелями жизнь этого архипастыря, была довольно обстоятельно изложена вскорѣ послѣ его кончины (а); но и тамъ далеко не все сказано, что еще можно сказать о приснопамятномъ святителѣ со словъ его современниковъ и очевидцевъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, досталось мнѣ послѣ смерти одного моего родственника, въ числѣ прочихъ его бумагъ, письмо одного его знакомаго, въ которомъ этотъ послѣдній подробно описываетъ ему поѣздку свою въ Воронежъ въ 1835 году, предпринятую имъ, какъ видно, собственно для поклоненія мощамъ святителя Митрофана, при чемъ между прочимъ сообщаетъ довольно увлекательно подробности о свиданіяхъ своихъ и разговорахъ съ преосвященнымъ Антоніемъ. Несмотря на давность времени, подробности эти и доселѣ не лишены интереса, особенно для почитателей памяти святителя.

Не могу выразить вамъ словами, пишетъ авторъ письма того духовнаго восторга и вмѣстѣ трепета, которые объяли грѣшную мою душу, когда впервые удостоился я коснуться

(а) См. «Жизнь пресв. Антонія архіепископа Воронежскаго и Задонскаго, Н. Савостьянова. С. П. Б. 1852 года.»

своими устами нетлѣніемъ прославленному св. Митрофану. Восторгъ этотъ усугублялся многочисленными исцѣленіями, совершавшимися вокругъ меня. Невольно вспомнились мнѣ въ это время обличительныя слова Спасителя нашего и Господа, сказанныя недоумѣвавшимъ посланникамъ Его предтечи: „слѣпіи прозирають, и хроміи ходять, и глушіи слышатъ и блаженъ есть, иже аще не соблазнится“. (Мат. 11, 5. 6). Привелъ-бы я сюда тѣхъ нашихъ умниковъ (б), которые всѣмъ и на все соблазняются и ничему не вѣрятъ; попросилъ-бы ихъ растолковать мнѣ или разъяснить своими софизмами хотя одно изъ этихъ событій, которымъ былъ я свидѣтелемъ и очевидцемъ. Но я отвлекся отъ нити своего повѣствованія, почему и начинаю его съ начала. Долженъ сознаться, что и самому мнѣ какъ-то не хотѣлось предпринимать сначала поѣздку въ Воронежъ въ столь нужное для насъ сельскихъ жителей весеннее время, но исполняя пламенное желаніе своей сестры, во что-бы ни стало хотѣвшей поклониться святителю, и опасаясь притомъ отпустить ее въ столь дальній путь одну, рѣшился я, отложивъ въ сторону всѣ житейскія попеченія, ей сопутствовать, и теперь ни мало о томъ не жалѣю; ибо видѣлъ и испытывалъ многое, чего въ жизни своей не видалъ и не испытывалъ, да и врядъ ли въ другой разъ увижу. Не буду утомлять васъ описаніемъ нашего пути, мало чѣмъ замѣчательнаго; одно лишь скажу, что намъ малороссамъ, привыкшимъ къ чисто выбѣленнымъ нашимъ хатамъ, куда какъ нестерпимы показались курныя Русскія избы. Самый городъ Воронежъ не совсѣмъ мнѣ понравился, не сравню я съ нимъ даже нашей Полтавы: мѣстность обыкновенная, рѣчка, соименная городу, самая ничтожная, но жители привѣтливы и ласковы, особенно съ посѣтителеми богомольцами. Намъ досталось стоять на квартирѣ у одной почтенной старушки-купчихи, покоившей насъ именно какъ родныхъ. Черта рѣдкая въ иныхъ городахъ. Пріѣхавъ въ Воронежъ пополудни, успѣшили мы къ вечернѣ въ храмъ, гдѣ покоится нынѣ великій святитель. Здѣсь, до начала службы, успѣли мы выслушать первое молебное пѣніе у его св. мощей, у которыхъ во все свободное отъ богослуженія время почти неумолкають молебны. Утѣшительно

(б) Въ подлинномъ письмѣ въ этомъ мѣстѣ помѣщено два-три собственныхъ имени, какъ видно общихъ знакомыхъ и писавшаго и получившаго письмо, къ которымъ относятся и обличенія въ немъ помѣщенныя противъ невѣрія.

было и во время вечерни молиться въ сообществѣ столь теплаго къ Богу молитвенника, и послѣ смерти неразлучающагося нетлѣннымъ своимъ тѣломъ съ мѣстомъ земныхъ подвиговъ своихъ молитвенныхъ. Во время вечерняго сего богослуженія, въ переполненномъ молящимися храмѣ, вдругъ послышался мнѣ возгласъ: „Батюшка угодникъ Божій, исцѣляль мени!“ Оказалось, что хромя старушка на костыляхъ, мгновенно расправивъ скорченную свою ногу и отбросивъ костыль, восхваляла исцѣлившаго ее Святителя. Но видно подобные случаи здѣсь не рѣдкость: служащіе вечерню не обратили на это вниманія, и безостановочно шла своимъ чередомъ служба. Слава Богу, сказалъ я самъ себѣ мысленно, что и нынѣ не оставляетъ еще насъ Господь своею благодатію, и при этомъ теплая слеза умиленія затуманила мнѣ глаза. Хотѣлъ было я потомъ отыскать эту старушку, чтобы подробно пораспросить, но въ огромной массѣ народа, наполнявшаго всѣ притворы и самую ограду церковную, трудно мнѣ было ее найти. Хозяйка наша говорила намъ потомъ, что рѣдка служба при мощахъ угодника Божія проходить безъ подобныхъ чудесныхъ событій; это же самое подтвердилъ намъ и гробовой іеромонахъ у раки святителя, съ которымъ наутро досталось мнѣ познакомиться. Нужно вамъ сказать, что хотя и молились мы наканунѣ у мощей чудотворца, но приложиться къ нимъ тогда не дерзнули, какъ вкусившіе уже пищи; теперь же сподобились и этого утѣшенія. Исполнилъ я въ это время и вашу просьбу, помянувъ въ общей молитвѣ имя ваше и имена вашихъ присныхъ, и взявъ на вашу долю шапочку отъ св. мощей. Тогда же былъ я зрителемъ страшнаго зрѣлища бѣсноватой женщины, сильно бившейся о полъ съ пѣной у рта. Признаюсь, невольно отступилъ я, чтобы не видѣть этой потрясающей картины страданій человѣческихъ. Сестрѣ моей потомъ говорила сопровождавшая эту больную женщина, что послѣ молебна святителю, несравненно тише и слабѣе сдѣлались ея припадки. Выйдя съ большимъ трудомъ за толпою въ ограду, остановился я тутъ, чтобы окинуть всю эту пеструю массу лицъ и головъ, волною приливавшею и отливавшею у дверей церковныхъ. Разные облики, разные формы одежды и головныхъ уборовъ, обозначали тутъ различныхъ обитателей нашей обширной многоплеменной матушки Россіи; но одна вѣра, одно усердіе къ чудотворцу, олушевляли всѣхъ этихъ людей, спѣшившихъ и угнетавшихъ

другъ друга, чтобы только поскорѣе прикоснуться устами къ многоцѣлебнымъ мощамъ. „Батюшка родимый, генералъ милостивый, послушался мнѣ вблизи женскій голосъ, проводи Христа ради къ угоднику Божию, а то вотъ другой день какъ пришла, а еще не прикладывалась къ его мощамъ; за немощью не пробьюсь сама сквозь толпу“. Такъ жаловалась мнѣ болѣзненная женщина, привлеченная военнымъ моимъ мундиромъ. Не безъ труда исполнилъ я ея желаніе, и нужно было видѣть всю благодарность и благожеланія, которыми осыпала она меня потомъ. Послѣ литургіи выслушанной нами въ домово́й церкви преосвященнаго Воронежскаго Антонія, пожелали мы съ сестрою принять архипастырское его благословеніе. Много я и прежде слышала о добродѣтеляхъ и милостивомъ обращеніи этого святителя, но то, что видѣлъ и испыталъ, превзошло всѣ мои ожиданія. По просьбѣ нашей насъ провели въ довольно обширную его приѣмную, главное украшеніе которой состояло изъ большихъ размѣровъ образа святителя Митрофана, какъ въ невидимо чрезъ это здѣсь присутствовавшего. Разсматривая кроткій старческій его ликъ, и не замѣтили мы, какъ вошелъ къ намъ его преемникъ—преосвященный Антоній. На наши въ этомъ извиненія, онъ благодушно замѣтилъ, что свойственно настоящему хозяину привлекать къ себѣ вниманіе своихъ гостей, онъ же, послѣднѣйшій изъ послѣднихъ Митрофановыхъ слугъ, какъ можетъ на это сѣтовать? — Благословляя насъ милостиво, архипастырь усердно благодарилъ насъ, что прибыли мы на поклоненіе къ святынь, и что его посѣтили. Никогда кажется неизгладятся въ моей памяти эти исполненные доброты и старческаго благолѣпія черты лица этого святителя, дышавшія любовью ко всѣмъ. Казалось, не онъ одолжалъ насъ милостивымъ своимъ вниманіемъ, а одолжали его мы своимъ посѣщеніемъ. „Владыко святой, осмѣлилась спросить святителя моя сестра, простите мою простоту: слышала я, что кто сподобится приобщиться отъ святыхъ вашихъ рукъ Христовыхъ таинъ, то чувствуетъ необычайную послѣ того сердечную радость, почему и рѣшилась просить васъ, не отказать мнѣ грѣшницѣ въ этомъ утѣшеніи.“ „Много вы, матушка, думаете о смиренномъ Антоніѣ, сказалъ онъ, много думаютъ о немъ и другіе: веселитъ сердца причащающихся съ вѣрою—вѣра ихъ въ животворность для насъ тѣла и крови Спасителя нашего и Господа, и то невидимое съ Нимъ единеніе, въ ко-

торое таковыя вступаютъ; убогій же и немощный служитель великаго таинства, что можетъ при этомъ значить? Впрочемъ не хочу огорчать вашего усердія, и попрошу васъ готовиться къ будущей пятницѣ: въ этотъ день служу я въ крестовой, и если будетъ на то милость Господни, вмѣстѣ содѣлаемся мы причастниками пренебесныхъ Его даровъ.“ Послѣ сего начался общій разговоръ, содержаніемъ котораго по большей части были многочисленныя чудесныя исцѣленія отъ мощей святителя Митрофана. „Прославилъ Господь смреннѣйшій дотолѣ градъ Воронежъ, замѣтилъ при этомъ преосвященный; часто ужаюсь я только и трепещу, видя такое обиліе Божіей въ немъ благодати. Но и еще одинъ свѣтильникъ есть у насъ подъ спудомъ, святитель Христовъ Тихонъ, что поживаетъ во градъ Задонскъ въ 80-ти отселѣ поприщахъ: прославляетъ знаменіями Господь память и сего преподобнаго мужа. Но мнѣ уже не дожить до радостнаго его прославленія“, — какъ бы прочески присовокупилъ владыка (г). „Это родной нашъ Русскій Ефремъ Сиринь“, продолжалъ онъ опять. „Писанія преосвященнаго Тихона суть елей благотворный на всякую душу. Прошу васъ, хотя однажды вкусить отъ сладкаго сего брашна духовнаго“, — обратился онъ ко мнѣ. Я отвѣтилъ, что неоднократно читалъ писанія святителя Задонскаго и даже имѣю ихъ у себя всѣ сполна, и вполнѣ раздѣляю о нихъ мнѣніе его преосвященства. „А Ефрема Сирина читали?“ Съ живостью спросилъ меня при этомъ Антоній. Читалъ, ваше преосвященство, но только не всего. „Чудно мнѣ это слышать отъ васъ — человекъ военнаго, улыбнувшись замѣтилъ святитель. Впрочемъ во всѣхъ званіяхъ и состояніяхъ имѣетъ Господь избранныя себѣ души, и всякому при всякихъ положеніяхъ его въ обществѣ полезны занятія и чтенія благочестивыя. Угодникъ Божій Іоанникій великій тоже вѣдь былъ сперва вашего званія, и непомѣшала ему воинская одежда сохранить въ непорочности одежду души. Но возвращусь къ Ефрему Сирину. Когда былъ я еще молодъ, то долго колебался, поступать ли мнѣ въ монахи.

(г) Если не судилъ Господь преосвящ. Антонію дожить до дня свѣтлаго прославленія втораго чудотворца Воронежскаго святителя Тихона, то даровалъ ему обрѣсти многоцѣнное сокровище негѣбныхъ его мощей, и одному изъ первыхъ имъ поклониться. Это было въ 1845 году, ровно за годъ до блаженной его кончины. См. брошюру священ. А. Лебедева «Святитель Тихонъ Задонскій», изд. 1865 г., стран. 303.

Все жаль было мнѣ раставаться съ міромъ; а какъ прочелъ Ефрема Сирина о страшномъ судѣ, то и міръ и все въ немъ веселое такъ мнѣ опротивѣло, что скорѣе, бѣгомъ бѣгомъ въ монастырь. Вѣдь я Кіевскій, изъ селенія Богоматери, лавры ея печерской постриженецъ“,—просто-сердечно замѣтилъ святитель. „Помню, ваше преосвященство, ваше пребываніе въ Кіевѣ, замѣтила при семь сестра; вы, кажется, были тогда начальникомъ ближнихъ пещерь.“ „Такъ мы съ вами, какъ видно, старые знакомцы“ — милостиво улыбнувшись, отвѣтилъ ей на это Антоній и потомъ, помолчавъ немного, продолжалъ, указывая на свою панагію: „Не вѣмъ, какъ судилъ мнѣ Господь занимать столь высокое мѣсто: не по достоинству моему ношу я сей санъ.“—„Не поставляютъ свѣтильника подъ спудомъ, но на свѣщникѣ, да свѣтитъ всѣмъ иже въ храминѣ суть“—отвѣтилъ я ему Евангельскими словами, пораженный до глубины души тѣмъ внутреннимъ смиреніемъ, которое выразилось всецѣло въ его послѣднихъ словахъ. „Это такъ, но сказано также: ему же дано будетъ много, много взыщется отъ него“ — какъ бы самъ себя сказалъ смиренномудрый святитель, и потомъ, перемѣнивъ разговоръ, началъ насъ спрашивать о нашемъ житьѣ-бытьѣ, о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, видимо желая тѣмъ ослабить живое впечатлѣніе, которое произвело на насъ его самоосужденіе и самоукореніе. Какъ-бы недовольный самъ собою, съ нѣкоторымъ смущеніемъ поспѣшилъ онъ благословить насъ малыми образами святителя Митрофана, мнѣ же кромѣ того далъ еще литографированный портретъ святителя Тихона Задонскаго, милостиво прося, въ пятницу послѣ литургіи опять его посѣтить. Послѣ столь милостиваго обращенія съ нами владыки, принявшаго безвѣстныхъ и чуждыхъ ему пришельцевъ, какъ бы своихъ присныхъ, прежняя невольная робость наша не могла не смѣниться самыми горячими чувствами привязанности къ нему, благодарности, уваженія и удивленія. Посвятивъ остальные дни пребыванія нашего въ Воронежѣ говѣнью, прибыли мы въ пятницу утромъ въ крестовую церковь владыки, гдѣ и выслушали правило ко св. причащенію, послѣ котораго вскорѣ началась и самая литургія. Долженъ при этомъ замѣтить, что ни пѣнія, ни чтенія, ни гдѣ я лучшаго дотолѣ не слыхалъ: пѣли тихимъ умиляющимъ душу напѣвомъ, безъ возгласовъ и игры голосами; также благоговѣнно и внятно было и чтеніе. Владыка слушалъ правило къ св. причащенію въ олтарѣ, а потомъ

вышелъ для облаченія на середину храма. При этомъ замѣтилъ я въ немъ одну особенность, незамѣченную мною у другихъ престоившихъ: Антоній, во все время своего облаченія, держалъ руки свои горѣ поднятыми съ имянословнымъ благословляющимъ перстосложеніемъ, что, при вдохновенномъ молитвенномъ выраженіи его лица, дѣлало на предстоявшихъ невыразимое впечатлѣніе. Казалось, ангелъ мира слетѣвъ съ горнихъ высотъ, предстоялъ предъ нами, чтобы примѣромъ своей молитвы воодушевить къ ней и насъ. Поразительно трогательны были также и моленія его въ олтарѣ на херувимской пѣсни и при освященіи Даровъ: стоя у самыхъ южныхъ дверей небольшого крестоваго храма, имѣлъ я всю удобность созерцать это умиляющее душу зрѣлище архипастырской молитвы. Никогда не забуду я сего единственнаго Богослуженія, которое сподобилъ меня Господь выслушать въ этотъ день, и которое по чувствамъ во мнѣ имъ произведеннымъ, оставило въ душѣ моей неизгладимыя слѣды. Послѣ причащенія въ олтарѣ, съ лицомъ просвѣщеннымъ радостію единенія со Христомъ, самъ архипастырь вынесъ причастникамъ св. Чашу, и твердымъ и внятнымъ голосомъ прочелъ имъ молитву: „вѣрую Господи“, потомъ приобщивъ сперва нѣсколькихъ малютокъ, удостоилъ въ числѣ прочихъ и меня съ сестрою великаго утѣшенія, принять Тѣло и Кровь нашего Господа отъ святыхъ его рукъ. И теперь еще отрадно дѣлается на душѣ при воспоминаніи о тѣхъ свѣтлыхъ и святыхъ минутахъ, которыя тогда пережилъ. По окончаніи литургіи, преосвященный, облеченный въ святительскую мантию, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ въ царскія двери, поздравлялъ причастниковъ съ новою сею къ нимъ милостію Божіею, давая каждому изъ нихъ прикладываться къ держимому имъ кресту, послѣ чего касался имъ еще ко главѣ подходящихъ, какъ бы осѣняя и освящая спасительнымъ симъ знаменіемъ самыя мысли наши и чувства. По приглашенію владыки, мы послѣдовали за нимъ въ приѣмную его въ числѣ прочихъ посѣтителей, на этотъ разъ довольно многочисленныхъ. Ласково и внимательно привѣтствуя каждаго, удосуживался преосвященный нашъ хозяинъ сказать со всякимъ хотя нѣсколькихъ словъ. Впрочемъ особенное его вниманіе привлекъ къ себѣ на этотъ разъ одинъ Тамбовскій помѣщикъ, съ которымъ долго бесѣдовалъ онъ о подвижникахъ Саровской пустыни, Маркѣ, Серафимѣ и другихъ. Долженъ сознаться, что и мнѣ са-

мому, по новизнѣ своей, крайне былъ завлекателенъ этотъ разговоръ, ибо дотога не удавалось мнѣ слышать подробно о великихъ подвигахъ и благодатныхъ дарахъ означенныхъ подвижниковъ, особенно же старца Серафима, хотя и зналъ я о великомъ благоговѣннѣ къ нему народа. Выслушавъ рассказы помѣщика объ этомъ старцѣ, преосвященный спросилъ его: «а знаете ли вы что сдѣлалъ старецъ Божій со мною? Удивилъ меня своею прозорливостію. Еще ничего не было у насъ слышно въ Воронежѣ о чудесахъ и нетлѣннѣи мощей святителя Митрофана, какъ приносятъ мнѣ изъ Сарова поклонъ и записку отъ о. Серафима, въ которой поздравлялъ онъ меня съ великою милостію Божіею, явленіемъ новаго угодника Божія и чудотворца. Только впослѣдствіи, когда предсказаніе это оправдалось на самомъ дѣлѣ, почудился я прозорливости его. Великаго всемірнаго молитвенника въ немъ мы лишились, со вздохомъ сказалъ при этомъ Антоній, и въ вѣчность-то перешелъ на молитвѣ Божій подвижникъ, и какъ пудовая свѣча, горитъ за насъ нынѣ предъ Божіимъ престоломъ». Помѣщикъ спросилъ владыку: видѣлся ли и былъ ли знакомъ онъ лично съ о. Серафимомъ? „Нѣтъ, отвѣтилъ Антоній, но духомъ я его зналъ, и нынѣ же соединился съ нимъ молитвою о его упокоеніи. Со святыми упокой, Христе, душу усопшаго раба твоего іеромонаха Серафима, и сотвори ему вѣчную память,“ проговорилъ онъ потомъ въ полголоса, и продолжалъ: „знакомства сего желаю всеусердно всѣмъ и каждому, и не только молитвеннаго, но и подражательнаго“. Послѣ того, обратившись ко мнѣ началъ онъ спрашивать о преосвященномъ Іоасафѣ Горленкѣ, нетлѣнно почіющемъ въ Бѣлгородѣ Курской епархіи, освѣдомляясь, далеко-ли отъ моего мѣстожителства отстоитъ родина сего святителя Прилукскаго уѣзда нашей полтавской губерніи, и вспоминая, какъ по пути своемъ изъ Кіева въ Воронежъ, поклонялся онъ его мощамъ и удивлялся чудному ихъ нетлѣннѣю. На прощаньи вручилъ мнѣ святитель книжку „Алфавитъ духовный“, совѣтуя почаще ее прочитывать, и благодаря опять за усердіе наше къ чудотворцу Митрофану. Наутро, вновь получили мы отъ имени владыки напутственный хлѣбъ и плоды изъ его сада, и съ глубоко признательностію и неподдѣльною любовію къ милостивому и любвеобильному архипасырю, отправились въ обратный путь, благодаря отъ души Господа Бога, что сподобилъ насъ недостойныхъ поклониться многоцѣлеб-

нымъ мощамъ Его угодника св. Митрофана и вмѣстѣ испытать благосклонное вниманіе преосвященнаго Антонія.

Андрей Ковалевскій.

ИСЦѢЛЕНІЕ СТАРЦА СТРАДАВШАГО СИПОТОЮ.

Въ Глинской пустынѣ, въ игуменовство подвижника Филарета, въ началѣ текущаго столѣтія жили въ одной келліи два инока. Одинъ изъ нихъ, очень преклонныхъ лѣтъ, былъ простодушенъ какъ дитя. Не смотря на старческіе свои годы, считалъ онъ сотоварища своего по келліи, гораздо младшаго его лѣтами и равнаго по званію, своимъ старцемъ и называлъ его иначе какъ отцомъ. Тоже глубокое смиреніе и простосердечіе оказывалъ онъ и въ обращеніи своемъ съ другими меньшими себя братьями обители. Однажды сильно простудившись, старецъ этотъ оснѣлъ, и въ такой сильной степени, что съ трудомъ можно было слышать его слова. Сипоту эту, продолжавшуюся довольно долго и неуступавшую никакому леченію, нѣкоторые изъ легкомысленныхъ иноковъ стали называть заразительною, и начали чуждаться старца въ трапезѣ, что сильно его огорчало. Однажды, въ одинъ изъ праздничныхъ дней, сотоварищъ его по келліи, возвращаясь отъ утрени, думалъ застать старика спящимъ, и размышлялъ, какъ бы его своимъ приходомъ не разбудить. Но какъ изумился онъ, когда еще только подходя къ порогу келліи, услышалъ громкій и звучный его прежній голосъ! „Батюшка, говорилъ ему старикъ, послушай родной, какую радость послалъ мнѣ Господь: какъ проводилъ я тебя въ церковь, обуяла меня опять сильная скорбь, что братія обо мнѣ не вѣсть что помышляютъ, чуждаясь меня вездѣ. Вотъ и сталъ я слезно молиться Матери Божіей, чтобы миновалась моя сипота. Вотъ здѣсь, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ,—говорилъ съ восторгомъ старикъ,—явилась Она мнѣ пречистая, и только коснулась рукою моимъ устамъ, какъ возвратился мнѣ прежній мой голосъ.“—„Въ какомъ же образѣ предстала она тебѣ, отче?“ спрашивалъ его пораженный инокъ—„Вотъ какъ видится на иконѣ Ея Свѣнской, въ такомъ подобіи видѣлъ я Ее предъ собою, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ.“ И старикъ отъ полноты чувствъ, началъ съ благоговѣніемъ лобызать место пола, гдѣ было ему чудное явленіе Богоматери. Сотоварищъ его, инокъ о. К.—нѣ, такъ же неволью послѣдовалъ его примѣру, славословя Владычицу за Ея милосердіе.

А. Ковалевскій

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

ДЕКАВРЬ.

1868.

ПУТЕВЫЯ ПИСЬМА ИЗЪ ДРЕВНЕЙ СУЗДАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ ^(а).

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Вчера послѣ вечерни пустились мы въ путь. Отъ Владиміра до Боголюбова не болѣе 10 верстъ; мы ѣхали по прекрасному шоссе, соединяющему Москву съ Владиміромъ и Нижнимъ-Новгородомъ.

По сторонамъ дороги много урочищъ, напоминающихъ старину. Близъ берега Клязьмы растилается широкая Ярилова долина, на которой, можетъ быть, совершались нѣкогда постыдныя празднества въ честь Ярила (славянскаго Пріапа), а теперь бываетъ гулянье на другой день Пятидесятницы. Долину пересѣкаютъ двѣ рѣчки съ южными именами Ирпени и Почайны; за ними продолженіе долины зовется Княжимъ лугомъ. Далѣе красуется на горѣ Красное село князей Владимірскихъ и подлѣ берега Ирпени холмъ, на которомъ видны слѣды обители св. великомученика Феодора, основанной Боголюбскимъ и давно уже исчезнувшей.

Далѣе, при подошвѣ горы, на которой расположено село Доброе, замѣтны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ признаки прудовъ; а на горѣ, гдѣ теперь стоитъ церковь этого села съ остаткомъ монастырской огады, находился Константино-Еленскій монастырь, существовавшій еще въ XIII вѣкѣ и упраздненный по отобраніи монастырскихъ имѣній. Въ церкви этого села сохранился древній храмовой образъ (св. царя Константина и матери его Елены) приносимый ежегодно во Владиміръ вмѣстѣ съ иконами Боголюбова монастыря.

(а) См. сентябрьскую, октябрьскую и ноябрьскую книжки «Душеполезнаго Чтенія».

Жаръ дневной началъ уже уменьшаться, когда мы приближались къ Боголюбову монастырю. Онъ стоитъ при древнихъ береговыхъ высотахъ р. Клязьмы, которая удалившись отъ обители, еще въ незапамятные годы, оставила по себѣ длинное озеро. Между нимъ и Клязьмою находятся луга съ довольно глубокими рывинами, показывающими прежнія теченія этой быстрой рѣки, а за ней, на дальнихъ высотахъ, зеленѣютъ сосновые лѣса. На сѣверовосточной сторонѣ, на разстояніи не много болѣе полуверсты отъ монастыря, протекаетъ рѣка Малая-Нерль съ множествомъ селеній по берегамъ ея; на юго-западѣ отдѣляется глубокимъ оврагомъ село Боголюбово, гдѣ, вѣроятно, въ древности былъ посадъ города Боголюбова, основаннаго въ 1158 году св. княземъ Андреемъ, сыномъ в. к. Юрія Долгорукаго и внукомъ Мономаха.

Во второмъ письмѣ моемъ изъ Владиміра, я упоминалъ о нетлѣнныхъ мощахъ св. Андрея, открыто почивающихъ въ Успенскомъ соборѣ; здѣсь въ Боголюбовѣ, прилично припомнить главныя событія жизни и кончины знаменитаго князя, первоначальника сѣвернаго великаго княженія. Благовѣрный князь Андрей съ ранней молодости отличался воинскою отвагою: Чудь и Литва, Нѣмцы и Половцы знали крѣпость руки его. Онъ не берегъ себя въ пылу битвъ, но Господь хранилъ и спасалъ отъ опасностей набожнаго князя. Князь Андрей не любилъ неумолкаемаго шума южныхъ усобицъ, столько бѣдъ наносившихъ югу для призраковъ власти и славы. Рожденный и воспитанный на сѣверѣ, онъ стремился душою въ свою отчизну—Владимірѣ и не разъ просилъ отца пустить его туда. Туда звали Андрея и родные жены его Улиты, сыновья убитаго Степана Кучка, владѣтеля той мѣстности, гдѣ теперь Москва. Въ 1154 году, послѣ многихъ кровавыхъ битвъ, Юрій Долгорукій сталъ в. княземъ Кіева и далъ сыну Вышгородъ, съ тѣмъ чтобы въ личной его храбрости имѣть для себя близкую опору. Но Андрей въ слѣдующемъ году, тайно, вопреки желаніямъ отца, отправился въ сѣверную отчину. Онъ взялъ съ собою изъ Вышгорода чудотворную икону Богоматери, принесенную изъ Константинополя и писанную евангелистомъ Лукою.

Здѣсь дозвольте мнѣ, многоуважаемый В. П, небольшое отступленіе. Путь князя съ береговъ Днѣпра на берега Клязьмы лежалъ черезъ Суздаль, какъ видно изъ статьи почт. К. Н. Тихонравова, помѣщенной во Владимірскомъ сборникѣ 1857 года. При непроходимыхъ дебряхъ того

времени, только главный городъ Суздальской области соединился прямою дорогою съ югомъ; чтобы прїѣхать во Владиміръ, нужно было побывать въ Суздали. Не стану вдаваться въ подробности доказательствъ, приводимыхъ ученымъ моимъ спутникомъ въ его изслѣдованіи; скажу только, что этимъ изслѣдованіемъ совершенно устранены недоумѣнія тѣхъ, которые не могли надивиться, зачѣмъ было бы кн. Андрею, уже прибывшему „въ свою волость“ во Владиміръ, пускаться еще далѣе, въ Суздальскія владѣнія родителя, в. к. Юрія?

Не довзжая около 10 верстъ до Владиміра, кони, везшіе чудотворную икону Богоматери, внезапно остановились, какъ бы отъ чрезмѣрной тяжести, превышавшей ихъ силы. Нѣсколько разъ перемѣняли коней, но и тѣ при всѣхъ усиліяхъ, не могли сдвинуть иконы. Князь, признавъ это за чудо, молился со слезами предъ иконою. Въ полночь, во время молитвы, явилась ему Божія Мать и сказала, что Ей неугодно, чтобъ икона Ея перенесена была въ Ростовъ, но повелѣла поставить Ее въ соборномъ храмѣ Владимірскомъ. „Здѣсь же, продолжала Богоматерь, устрой обитель и храмъ въ память Моего Рождества. Я умолю Сына Моего и Бога, да благословитъ Онъ это мѣсто.“ Принесши благодарственные молитвы Господу Богу и Его преблагословенной Матери за неизреченную Ея милость, князь Андрей приказалъ написать образъ Богоматери въ томъ видѣ, въ какомъ Она соблаговолила явиться ему. На мѣстѣ явленія устроилъ онъ храмъ и обитель иноковъ, и назвалъ это мѣсто Боголюбвымъ, какъ означенное знаменіемъ любви небесной. Икона, написанная по волѣ князя, получила наименованіе Боголюбской: на ней представлена Богоматерь, стоящая съ хартією въ рукѣ, а предъ нею колѣнопреклоненный князь Андрей, котораго современники прозвали Боголюбскимъ. При монастырѣ основанъ городъ Боголюбовъ, съ великолѣпными палатами княжескими.

А чудотворная икона, привезенная княземъ Андреемъ изъ Кіева и поставленная имъ, по волѣ Богоматери, во Владимірѣ (отчего и прозвалась Владимірскою), перенесена въ послѣдствіи въ Москву. Здѣсь, въ Успенскомъ соборѣ, благоговѣнно покланяемся ей, какъ божественному оплоту первопрестольнаго града.

Возвратимся къ жизни св. князя Андрея. Когда умеръ отецъ его въ Кіевѣ, Ростовцы и Суздальцы, узнавъ вблизи высокія качества Андрея, признали его своимъ кня-

земь. Такъ сдѣлался онъ властителемъ всей обширной земли Суздальской. Побѣдитель болгаръ—магометанъ, смиритель мятежнаго Новгорода, верховный судія и посредникъ князей южныхъ, распорядившій по волѣ своей престоломъ Кіева, „матери градовъ Русскихъ,“ боголюбивый Андрей положилъ начало единой державѣ на сѣверѣ Руси. Онъ не раздавалъ удѣловъ въ землѣ Суздальской, потому что не хотѣлъ видѣть раздробленную и оттого слабою власть княжескую, потому что желалъ быть въ состояніи дѣлать добро другимъ столько, сколько хотѣлось ему по влеченію сердца христіанскаго. Самъ проводя жизнь трезвую, чистую, дѣятельную, онъ награждалъ добрыхъ, а пороки и преступленія преслѣдовалъ строгостію закона. Благовѣрный князь былъ сострадателемъ къ несчастнымъ, до того, что иногда самъ ухаживалъ за больными; для бѣдныхъ и заключенныхъ въ темницахъ развозили, по его приказанію, пищу и медъ. Боголюбскій, любилъ христіанское просвѣщеніе и прилежно читалъ книги, особенно много заботился онъ о просвѣщеніи христіанскою вѣрою магометанъ—болгаръ, язычниковъ—черемису и мордву, іудеевъ— жителей каждаго торговаго города; много заботился онъ и о присоединеніи папистовъ къ православію. При дворѣ его много жило обращенныхъ къ св. вѣрѣ.

За живую пламенную любовь къ Господу, благочестивый князь удостоился страдальческой кончины, на 63 году жизни. Братъ жены вел. кн. Андрея, Якимъ Кучковичъ, озлобленный тѣмъ, что братъ его казненъ за какое-то преступленіе, зять его Петръ, Анбалъ Ясинъ, крещеный язычникъ, Ефремъ Моизичъ, крещеный жидъ, составили заговоръ на жизнь Андрея и присоединили къ себѣ еще до 16 человекъ; одни изъ заговорщиковъ пылали злобою за то, что справедливый князь не позволялъ имъ, вопреки ихъ надеждамъ, безнаказанно грабить народъ; другіе рвались отъ зависти и негодовали на князя за то, что онъ вѣрнаго и добраго слугу своего Прокопія отличалъ особенною любовію. Всѣ они были осыпаны милостями государя. Въ пятницу злодѣи составили заговоръ и рѣшили убить Андрея на другой день ночью. Въ глубокую ночь, вооруженные заговорщики пришли ко двору въ Боголюбовъ, зарѣзали стражей, вломились въ сѣни, подходили къ спальнѣ князя: но ужасъ напалъ на нихъ, — они бросились бѣжать изъ сѣней; въ погребѣ княжескомъ напились вина и опьянѣвшіе пошли опять въ сѣни. У

спальни одинъ изъ нихъ сталъ звать князя: „Государь! Государь князь великій!“ Андрей, услышавъ голосъ, спросилъ: кто тамъ? Ему отвѣчали: Прокопій. „Это—не Прокопій,“ громко сказалъ князь спавшему въ его комнатѣ отроку. Убійцы, узнавъ по голосу, гдѣ князь, стали ломать и выломали двери. Андрей вскочилъ, хотѣлъ схватить мечъ св. князя Бориса, который всегда былъ при немъ: но меча не было, — ключникъ Анбалъ укралъ его заранѣе. Двое убійцъ, бросились на Андрея: но онъ былъ силенъ и сшибъ одного съ ногъ, какъ вбѣжали прочіе. Долго отбивался князь, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ рубили его мечами и кололи копьями. — „Нечестивцы! кричалъ онъ имъ, зачѣмъ хотите вы уподобиться Горясѣру (убійцѣ св. Глѣба)? Какое зло сдѣлалъ я вамъ? Господь отмститъ вамъ за кровь мою и за неблагодарность къ милостямъ моимъ.“⁴ Наконецъ блаж. Андрей упалъ подъ ударами. Убійцы подумали, что дѣло конечно, — князь убитъ; гонимые страхомъ, они поспѣшили уйдти изъ спальни. Князь поднялся на ноги и, въ безпамятствѣ, стоная громко, вышелъ въ сѣни. Убійцы услышали стоны и воротились. Не найдя его въ спальнѣ, они испугались: „Погибли мы, если не найдемъ его,“ сказали они. Зажгли свѣчи и слѣдомъ крови дошли до князя; Андрей сидѣлъ внизу за столбомъ, вокругъ котораго вилась лѣстница. Зять Кучковича отрубилъ князю руку; другіе вонзили въ грудь мечи. Андрей успѣлъ сказать: „Господи въ руцѣ Твои предаю духъ мой“, и скончался. Это было ночью съ 29 на 30 іюня 1174 года. Утромъ слѣдующаго дня, убивъ Прокопія, убійцы ограбили во дворцѣ княземъ серебро, золото, дорогіе камни, жемчугъ, ткани и отправили ограбленное по домамъ. Затѣмъ и сами и чрезъ своихъ взволновали народъ противъ вѣрныхъ чиновниковъ князя; начались грабежи и убійства такіе, что страшно было смотрѣть, говорить очевидецъ.

Святое тѣло благовѣрнаго князя, брошенное въ огородѣ, лежало безъ призора, почти обнаженное. Добрый слуга Козьма, отыскавъ его, стоялъ и горько плакалъ надъ нимъ. Увидѣвъ Анбала, идущаго во дворецъ, Козьма вскричалъ ему: „дай коверъ или что-нибудь покрыть князя.“ Оставъ его, сказалъ съ злобою Анбалъ; мы кинули его на съѣденіе псамъ. „Извергъ! воскликнулъ добродушный слуга; помнишь ли, въ какомъ рубищѣ пришелъ ты къ князю? теперь ты въ бархатѣ, а князь — благодѣтель твой лежитъ нагой.“ Анбалъ далъ коверъ и епанчу (корзно); Козьма

прикрылъ тѣло страдальца и положилъ въ притворѣ церкви, потому что пьяные сторожа не захотѣли отпереть храма. „Уже и слуги твои не узнають тебя, господине,“ плакалъ и приговаривалъ Козьма; „а бывало придетъ гость (купецъ) изъ Царяграда, или изъ другихъ странъ,—ты приказывалъ всякаго проводить въ церковь, на палати: пусть де посмотрятъ славы Божіей и церковнаго украшенія; а теперь тебя самого не пускають въ церковь твою.“ Уже на третій день Арсеній, игуменъ Космодамианской обители, тщетно дожидавшись старшихъ, положилъ тѣло князя въ каменный гробъ, внесъ въ церковь и отпѣлъ погребальное съ Боголюбовскими священнослужителями. На шестой день, когда бунтъ и смятеніе нѣсколько поутихли въ Боголюбовѣ, игуменъ Θεодуль съ духовенствомъ припелъ изъ Владиміра, взялъ гробъ князя и повезъ въ городъ. Тамъ 5 іюля тѣло князя погребено въ соборномъ златоверхомъ храмѣ. По словамъ лѣтописи кн. Андрей былъ не высокъ ростомъ, но широкъ въ плечахъ, красивъ лицомъ, съ волосами черными и кудрявыми, съ высокимъ челомъ, съ очами свѣтлыми и большими.

Судьба убійць Боголюбскаго дала поводъ къ суевѣрнымъ народнымъ преданіямъ. Верстахъ въ 7 отъ города Владиміра, въ дачахъ смежной съ нимъ Ямской слободы, близъ лѣваго берега рѣки Клязьмы, находится такъ-называемое Пловучее озеро; глубина его, въ срединѣ, полагается въ 5 сажень. Оно съ югозапада отъняется густымъ сосновымъ боромъ, а съ прочихъ сторонъ окружено мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ. Кто во Владимірѣ не слышалъ рассказовъ о черной его водѣ, о глубинѣ его и о плавающихъ коробахъ, обросшихъ мохомъ, въ которыхъ будто бы заключены Кучковичи, родственники и убійцы в. к. Андрея? Кто изъ Владимірцевъ не ходилъ къ этому страшному озеру, мимо котораго бояться проходить не только ночью, даже вечеромъ, запоздалые путники?

Болотистые, заросшіе мохомъ берега Пловучаго озера, обильные ягодами, привлекаютъ сюда и горожанъ и поселянъ; но лишь только начинается вечерять, всѣ спѣшатъ удалиться отъ него. Здѣсь мшистыя зеленыя кочки, плавающія отъ одного берега къ другому по волѣ вѣтровъ, народный вымыселъ обратилъ въ кораба, незгнившіе будто бы въ продолженіи семи вѣковъ; тѣла Кучковичей, которыхъ, какъ увѣряетъ преданіе, вели къ мѣсту казни съ подрѣзанными пятами, сдѣлались неподлежащими тлѣнію, для томительныхъ мученій. Ночь на 30 іюня, по расска-

замъ суевѣрныхъ стариковъ, бываетъ самая мучительная для Кучковичей и страшная для путниковъ. Они слышатъ унылый стонъ заключенныхъ злодѣевъ, кораба ихъ колеблются, волнуется озеро. Не выражаетъ ли это преданіе набожный духъ народа Русскаго, всегда богобоязненнаго, всегда увѣреннаго, что за гробомъ ожидаетъ насъ безсмертіе, что праведникамъ уготована блаженная жизнь, а достояніе злыхъ — мученія нескончаемыя?..

Но гдѣ же кончила жизнь сестра Кучковичей, супруга в. к. Андрея, можетъ быть, участвовавшая, или по крайней мѣрѣ, знавшая объ умыслѣ на жизнь супруга, коварная или малодушная Улита? Съ другой стороны Владиміра, также въ разстояніи около 7 верстъ, за рѣкою Клязьмою, есть озеро, окруженное теперь рѣдкимъ и невысокимъ лѣсомъ. Въ старину, безъ сомнѣнія, окружали его дремучія дубравы, покрывавшія своею тѣнью черную его воду. Это озеро не далеко отъ большой Муромской дороги и деревни Байгушъ, и называется изстари Поганымъ озеромъ, или, какъ обыкновенно называютъ его, Поганцомъ. Оно имѣетъ видъ кругловатый и простирается на четверть версты; по сказаніямъ нѣкоторыхъ крестьянъ ближнихъ селеній, весьма глубоко, а берега его почти со всѣхъ сторонъ болотисты.

Вотъ въ этомъ-то озерѣ, по сохранившемуся донинѣ народному преданію, кончила жизнь супруга в. к. Андрея Юрьевича, Улита, приглашенная во Владиміръ съ братьями своими Кучковичами будтобы на пирь! Не умолимыми исполнителями казни, опредѣленной братомъ Боголюбскаго, в. к. Михаиломъ, Улита опущена въ черную глубину озера съ тяжелымъ жерновымъ камнемъ, и съ тѣхъ поръ будто бы озеро получило наименованіе „Поганого“.

Городъ Боголюбовъ, славный пребываніемъ въ немъ великаго князя, гдѣ находился дворецъ его и дома бояръ, тиуновъ, дѣтскихъ и мечниковъ, куда, по призыву его, собирались полки: Ростовскіе и Суздальскіе, Владимірскіе, Рязанскіе и другіе; гдѣ онъ принималъ гостей, послѣ кончины князя разграбленный и опустошенный, по всей вѣроятности разрушенъ окончательно при нашествіи Батяя, такъ что не видно теперь и развалинъ древнихъ зданій. Городъ расположенъ былъ квадратомъ и сосредоточивался внутри земляныхъ укрѣпленій или валовъ, которые окружали его со всѣхъ сторонъ, а позади валовъ съ трехъ сторонъ: восточной, сѣверной и западной находились глу-

бокѣ рвы. Теперь уцѣлѣлъ еще одинъ изъ нихъ съ западной стороны, гдѣ пролегаетъ мостъ, построенный на Нижегородскомъ шоссе. Всѣ валы, съ разрушеніемъ города, во многихъ мѣстахъ скрыты такъ, что съ восточной и сѣверной сторонъ видны только небольшіе ихъ остатки, да и самый ровъ вдоль восточной стороны большею частью засыпанъ. Но какъ границы древняго города рѣзко еще опредѣляются остатками насыпей, которыя соединяясь съ остатками валовъ образуютъ углы, то и не трудно опредѣлить пространство Боголюбова. Оказывается, что онъ въ окружности своей имѣлъ только 486, или ни какъ не болѣе 500 сажень. Не обширенъ былъ городъ Боголюбскаго; но ему придавало величіе то, что по волѣ здѣшняго князя рѣшались судьбы князей сѣверныхъ и южныхъ, Кіева и Новгорода.

Въ монастырѣ Боголюбовомъ уцѣлѣло весьма мало остатковъ древности. Храмъ Рождества Богоматери, построенный св. в. к. Андреемъ изъ бѣлаго камня, много пострадалъ отъ всеразрушающей силы времени, отъ нашествій враговъ, а всего болѣе отъ неискусныхъ поновленій: щельистыя окна расширены, бѣлокаменный сводъ разрушился и замѣненъ кирпичнымъ, самыя стѣны перестроены, вмѣсто древняго иконостаса во многихъ мѣстахъ поставленъ новый, вмѣсто одной главы поставлено три. Все это совершенно измѣнило и внутренней и внѣшній видъ церкви.

Къ сѣверной сторонѣ Рождественскаго храма примыкаетъ замѣчательный памятникъ гражданскаго зодчества XII вѣка — великокняжеская „моленная“ комната и смѣжная съ нею сѣни, внизу которыхъ кончилъ благочестивую и славную жизнь свою в. к. Андрей, мученически умерщвленный своими присными-врагами. При видѣ этого, можно сказать, единственнаго въ Россіи остатка древности, указывющаго сколько нибудь на тогдашній великокняжескій бытъ, воскресаютъ въ памяти великія и славныя событія; воображеніе рисуетъ здѣсь картину тихой, семейной жизни могущественнаго князя, — картину, въ которой черными тѣнями обрисовываются коварные Кучковичи. Матеріаль комнаты и сѣней — бѣлый известковаго свойства камень. Длина всего зданія съ наружной стороны 5 сажень, а ширина 2 сажени. Подъ комнату находится довольно обширная, вышиною въ $7\frac{1}{2}$ аршинъ, сквозная арка, сверху болѣе чѣмъ до половины задѣланая кирпичемъ, и тутъ теперь помѣщается алтарь Андреевской

придѣльной церкви; надъ аркою, вдоль всей комнаты, продолжается фризъ, одинаковый съ фризомъ почти современныхъ этому зданію Владимірскихъ соборовъ. Здѣсь видны такіе же столбики, соединяющіеся вверху дугообразными перемычками; впрочемъ изъ древнихъ бѣлокаменныхъ столбиковъ сохранились немногіе, и то съ западной стороны, а вмѣсто отшибенныхъ вставлены деревянные. Сѣни простираются въ длину на 6 аршинъ. Въ нихъ съ восточной стороны три окна, или, вѣрнѣе, одно большое окно, раздѣляющееся въ срединѣ двумя столбиками на три части, въ родѣ тѣхъ оконъ, которыя теперь зовутся у насъ итальянскими. Эти оконные столбики много толще тѣхъ, какіе находятся во фризѣ; они поддерживаютъ дугообразныя перемычки, съ вѣточными капителями и подставками, и хотя покрыты нѣсколькими слоями извести, которая для нихъ совершенно излишня, но все еще виденъ ихъ древній, первобытный видъ. Отсюда — то, конечно, однимъ изъ убійць князя, Анбаломъ ключникомъ, сброшены были коверъ и корзно для княжаго тѣла, лежавшаго на землѣ безъ прикрытія. Съ западной стороны замѣтно только одно закладенное щелеобразное окно, какъ и съ сѣверной стороны; здѣсь же находилась и дверь, выбитая злодѣями; но она нынѣ заложена. Вся середина древняго свода пробита для входа на устроенную, безъ сомнѣнія, въ послѣдующія уже времена шатровую колокольню. Спускъ внизъ (изъ комнаты въ сѣни) устроенъ вокругъ каменнаго столба, толщиною въ діаметръ въ 1 аршинъ 4 вершка. Лѣстница состоитъ изъ 33 ступеней, выстланныхъ кирпичемъ. Эта лѣстница, простирающаяся въ ширину на 1½ аршина, освѣщалась четырьмя узкими и также полукруглыми вверху окнами, но они, кромѣ одного съ восточной стороны, теперь заложены кирпичами. Внизу лѣстницы, противъ входной двери, находится углубленіе или ниша, простирающаяся и позади восходнаго лѣстничнаго столба.

Не безъ причины помѣщается здѣсь подробное описаніе нижней части сѣней — мѣста, повидимому, ни чѣмъ особенно не замѣчательнаго. Сюда каждый благочестивый христіанинъ и любитель родной старины долженъ заглянуть съ благоговѣніемъ. Здѣсь скрылся-было отъ злодѣевъ израненный Андрей; здѣсь онъ, пораженный копьями и мечами произнесъ послѣднія слова: „Господи! Въ руку твою предаю духъ мой“ — и скончался. Въ Киевской лѣтописи, гдѣ находится подробное описаніе кончины и погребенія в. к. Андрея Юрьевича, сказано, что тѣло его

изъ-подъ сѣней вытащено въ огородъ, а оттуда уже перенесено въ притворъ храма, гдѣ оно и лежало на ковръ двой сутки, прикрытое корзномъ. Согласно съ сказаніемъ Кіевскаго лѣтописца хранится давнее мѣстное преданіе. Противъ юго-восточнаго угла Рождественскаго храма, надъ оградю, возвышается тонкая изъ кирпичей шейка съ главою надъ ней, увѣчанная желѣзнымъ крестомъ; въ нижней части ограды, при самомъ основаніи ея, вставленъ древній извѣстковаго свойства четырехугольный камень, длиною и шириною въ аршинъ; цвѣтъ его, отъ давняго нахождения на открытомъ воздухѣ, голубовато-сѣрый. На этомъ камнѣ рельефно изсѣчено было изображеніе лика Спасителя, какое видимъ въ Нерукотворенномъ образѣ; но часть лика, борода и буквы вокругъ главы сбиты, можетъ быть, во время вражескихъ нашествій; осталась только въ цѣлости вокругъ камня насѣчка, состоящая изъ полосъ съ кольцами внутри ихъ. Преданіе говоритъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ лежало княжеское тѣло, выброшенное убійцами изъ сѣней.

Подлѣ Рождественской церкви стоитъ такъ-называемый св. шатеръ на четырехъ каменныхъ столбахъ съ каменнымъ же надъ ними сводомъ, покрытымъ желѣзомъ, окрашеннымъ зеленою краскою, а въ сводѣ утверждёнъ крестъ. Стѣнки надъ сводомъ, между столбами, украшены кирпичемъ поставленнымъ, въ ребро, а подъ стѣнками висятъ каменные же укрѣпленные желѣзными полосами орнаменты въ родѣ подвѣсокъ. Столбы одинаковой формы: внизу до середины — квадратные съ уступами внутрь ихъ, а далѣе кувшинообразные. Такое устройство шатра надобно отнести къ XVII или къ началу XVIII вѣка. Подъ шатромъ, среди его, стоитъ на каменномъ возвышеніи старинной формы чаша, такъ-называемая здѣсь „кандея“, изъ цѣльнаго бѣлаго камня, съ желѣзнымъ вокругъ ея обручемъ, а нынѣ она внутри обложена желѣзомъ. Окружность ея $5\frac{1}{2}$ аршинъ, внутри въ діаметрѣ $4\frac{1}{2}$ аршина. Преданіе говоритъ, будто эта та самая чаша, изъ которой в. к. Андрей бралъ деньги для раздачи рабочимъ, строившимъ Боголюбовскую обитель; изъ нея же онъ надѣлялъ деньгами и бѣдныхъ.

Каждогодно, въ 18 день іюня, въ день празднованія Боголюбимой иконы Богородицы, совершается торжественное освященіе воды въ этой чашѣ, въ воспоминаніе того, что въ этотъ самый день въ лучезарномъ сіяніи явилась князю Богоматерь, завѣщавшая ему остановиться здѣсь

и устроить обитель. Есть еще преданіе, что чаша поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ раскинуть былъ тотъ княжескій шатеръ, или наметъ, въ которомъ послѣдовало явленіе Божіей Матери князю, во время молитвы его, среди глубокой ночи.

Два новыя зданія, прекрасной архитектуры и огромныхъ размѣровъ украшаютъ собою Боголюбовъ монастырь. Одно изъ нихъ—святыя врата съ церковью Успенія Богородицы, освященною въ 1841 году. Другое—великолѣпная соборная церковь, заложенная въ 1855 году и недавно отдѣланная. Она посвящена чудотворному Боголюбскому (Боголюбимому) образу Богоматери, который красуется на самомъ видномъ мѣстѣ храма, у праваго столпа. Эта древняя икона, глубоко чтимая жителями сосѣднихъ городовъ и селеній, ежегодно 20 мая переносится въ г. Владиміръ, гдѣ и остается до 15 іюня, а въ остальное лѣтнее время посѣщаетъ многіе города и селенія. Такъ и при моемъ пріѣздѣ въ Боголюбовъ, чудотворной иконы здѣсь не было; на мѣстѣ ея стоялъ списокъ, украшенный богатою ризою съ драгоценными камнями и жемчугомъ, которая снимается съ подлинника при отправленіи въ путь. На этой ризѣ особенно замѣчательнъ небольшой золотой крестикъ съ крупнымъ яхонтомъ—вкладъ царя Феодора Алексіевича.

Особенное благоговѣніе народа къ Боголюбской иконѣ началось со времени бывшаго въ Россіи чумнаго повѣтрія, когда и городъ Владиміръ, въ концѣ сентября 1771 года, подвергся заразѣ. Тогда Владимірскіе граждане, движимые особымъ чувствомъ благоговѣнія къ иконѣ Боголюбской Божіей Матери, просили мѣстное начальство о дозволеніи внести ее въ городъ Владиміръ; но оно не соглашалось на это по усильному настоянію одного изъ медиковъ—Каптеля, протестанта, опасавшагося, при большомъ стеченіи народа, усугубленія язвы, отъ которой многіе уже умерли, а другіе, въ большомъ количествѣ, оставались зараженными. Наконецъ начальство согласилось на просьбу гражданъ и народа, и икона внесена была въ городъ. Изъ нѣкоторыхъ записей, хранящихся у частныхъ лицъ, видно, что разсерженный этимъ медикъ отправился по обыкновенію осматривать свой кварталъ, и думая найти болѣе заболѣвшихъ, къ удивленію своему, увидѣлъ, что даже тѣ, которые по его мнѣнію, не подавали никакой надежды къ выздоровленію, получили облегченіе. Тогда пришедши въ домъ свой, онъ бросилъ шляпу и восклик-

нуль: „Боже мой, это чудо!“ И подлинно, по внесеніи иконы въ городъ, изъ числа двухъ сотъ зараженныхъ, умерло только три человекъ. Медикъ, видя это необыкновенное дѣйствіе, убѣдился и самъ въ чудотворной силѣ иконы. Тогда уже отъ всѣхъ сословій города Владиміра, въ память чудеснаго избавленія отъ неизбѣжной гибели, подано было прошеніе о дозволеніи ежегодно вносить икону въ городъ, чтò исполняется и донинѣ.

Въ ризницѣ монастырской сохранилось немного древнихъ вещей, въ томъ числѣ золотой потиръ, вкладъ (какъ можно думать по старинной монастырской описи) царицы Евдокии, первой супруги Петра Великаго, серебряный крестъ съ мощами, мѣдный ковшикъ Арсенія, архіепископа Суздальскаго (1623 года), жемчужная митра, нѣскольکو крестиковъ и панатій. Здѣсь же уцѣлѣло нѣсколько рукописей; замѣчательнѣйшая изъ нихъ — харатейное Евангеліе — апракосъ съ красивыми заглавными буквами и слѣдующею надписью: „Лѣта 7032 (1544) сіе Евангеліе положи на престолъ св. чудотворцу Николѣ на Волосовъ смиренный Владыка Іона Рязанскій.“ Волосовъ монастырь, упоминаемый въ этой надписи, находился въ 18 в. отъ Владиміра на р. Колочкѣ, былъ приписанъ къ Боголюбову и упраздненъ вскорѣ по учрежденіи монастырскихъ штатовъ.

На юговостокѣ отъ Боголюбова монастыря, въ верстѣ отъ него, посреди обширнаго поемнаго луга, одиноко стоитъ древняя Покровская церковь. Близъ нея р. Малая-Нерль сливается съ Клязьмою. Весною, при разливѣ этихъ рѣкъ, древній храмъ со всѣхъ сторонъ обливается водою, подымающеюся иногда выше цоколя стѣнъ, и при тихой погодѣ и ясномъ небѣ, особенно въ лунныя ночи, живописно возникаетъ изъ своихъ зеркальныхъ окрестностей. Не только при разлитіи водъ, но и въ другія времена года онъ обращаетъ на себя вниманіе путниковъ, проѣзжающихъ по шоссе, которое пролегаетъ отсюда на разстояніи не болѣе версты. Одинокое положеніе церкви среди луговъ, рѣкъ и озеръ, отдаленность отъ селеній, древность ея и только трикратное служеніе въ ней въ продолженіи всего года, наконецъ даже ропотный переливъ рѣчныхъ и озерныхъ волнъ въ бурныя ночи, — все это болѣе или менѣе дѣйствовало и дѣйствуетъ на воображеніе запоздалыхъ путниковъ, и было причиною порожденія чудесныхъ разсказовъ. Такъ напримѣръ, разсказываютъ, что въ церкви видали будто бы огонь, зажигаемый тай-

ною, невидимою рукою, погасавшей при приближеніи къ церкви; а одинъ разъ когда-то, на день праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, по окончаніи здѣсь всенощной, видимы были будто бы въ лучезарномъ сіяніи, въ блестящемъ вооруженіи воины, на бѣлыхъ коняхъ, несшіеся отъ церкви по береговымъ низменностямъ Клязьмы къ городу Владиміру; а не въ давнемъ времени, крестьяне-рыболовы, на день св. пророка Іліи, проходя мимо Покровской церкви въ самую полночь, поражены будто бы были явленіемъ какого-то таинственнаго чловѣка, съ блѣднымъ лицомъ, пожилыхъ лѣтъ, въ бѣлой одеждѣ: онъ шелъ къ церкви и спросилъ ихъ: „Эта ли церковь Покрова Пресвятыя Богородицы?“ И когда получилъ утвердительный отвѣтъ, къ общему ихъ ужасу, тотчасъ вошелъ въ нее, хотя церковь была заперта.

Покровская церковь построена св. в. к. Андреемъ Боголюбскимъ въ 1165 году, изъ камней, которые привезены были по Волгѣ изъ Болгаріи, для сооруженія Златоверхаго Успенскаго собора во Владимірѣ. Клязьма, выше впаденія въ нее Нерли, менѣе глубока, а потому здѣсь камни перегружались на другія суда, и по волѣ князя на берегу откладывалась десятая часть камней для построенія Покровской церкви.

Стиль Покровскаго храма относится къ второй эпохѣ Романской или Ломбардской архитектуры, и совершенно сходенъ съ стилемъ Дмитріевскаго собора во Владимірѣ, который можно назвать вѣрною копіею Покровской церкви. Но какъ эту послѣднюю строили иностранные мастера („изъ нѣмецъ“ по словамъ лѣтописи), то рельефныя украшенія, высѣченные изъ камня, хотя и не столь многочисленныя, какъ на стѣнахъ Дмитріевскаго собора, несравненно выше по искусству. Вообще Покровская церковь отличается большею простотою наружныхъ украшеній, и самый фризъ ея менѣе роскошенъ, потому что столбики его не рѣзные, а гладкіе, и здѣсь столбиковъ меньше. Со всѣхъ сторонъ, исключая восточную, вверху среднихъ оконъ поставлено по два рѣзныхъ, на камнѣ сѣдящихъ льва съ фантастическими хвостами; а надъ окнами размѣщены въ равномъ положеніи, и по семи на каждой изъ трехъ стѣнъ, чловѣческія, отличающіяся благородствомъ и красотою, лица съ распушенными волосами. Въ поддугахъ, а именно въ болѣе широкихъ среднихъ отдѣленіяхъ стѣнъ, изображенъ благословляющій Спаситель со свиткомъ, на престолѣ; по сторонамъ Спасителя сто-

ять два орла, а подъ ними два льва; въ боковыхъ же впадинахъ стѣнъ изображены, и также въ поддугахъ, фантастическіе звѣри, терзающіе какихъ-то животныхъ. Всѣ эти каменные изображенія гораздо крупнѣе и рельефнѣе украшеній Дмитріевскаго собора.

При Покровской церкви была обитель иноческая, основанная Андреемъ Боголюбскимъ и упраздненная въ 1764 году съ передачею зданій въ распоряженіе Боголюбова монастыря. Барвары Батыевы не коснулись Покровскаго храма; ежегодный разливъ двухъ рѣкъ, въ теченіи семи вѣковъ, не подмылъ его; но въ концѣ прошедшаго столѣтія грозила ему опасность разрушенія. Когда монастырь былъ упраздненъ, земли его поступили во владѣніе крестьянъ близъ лежащаго Новаго села, которые вздумали воспользоваться камнемъ монастырскаго храма для постройки церкви въ своемъ селѣ. Получивъ разрѣшеніе епархіальнаго начальства, Новосельскіе крестьяне пошли разбирать Покровскую церковь. Обыкновенно, прежде всего снимаютъ крестъ; и вотъ одинъ изъ нихъ, въ совершенно здоровомъ состояніи, полезъ ко кресту; но только приступилъ къ работѣ, тотчасъ же ослѣпъ; его съ трудомъ сняли, и послѣ того никто уже не рѣшился на подобное дѣло, опасаясь, что такое несчастіе можетъ случиться съ каждымъ. Еще недавно были живы старики, рассказывавшіе объ этомъ, событіи, какъ очевидцы. Вотъ какому случаю любители древностей и археологи обязаны сохраненіемъ 700-лѣтняго храма!

Но внутри самаго храма не сохранилось ничего древняго; даже храмовая икона Покрова Богородицы, по преданію, современная Боголюбовскому образу, сохраняется въ Боголюбовѣ, и вмѣстѣ съ тамошнею чудотворною иконою, ежегодно приносится во Владимірѣ.

Около сѣверовосточнаго угла Покровской церкви лѣжитъ на землѣ, снятый съ своего кирпичнаго фундамента, древній четвероконечный крестъ, высѣченный изъ бѣлаго камня. Длина его нынѣ 2 $\frac{1}{4}$ арш., ширина 1 арш. 2 вершка, а толщина болѣе полуаршина. Онъ былъ длиннѣе и шире; но народъ, полагая въ немъ цѣлебное свойство утлять зубную боль, издавна и безжалостно обиваетъ края его, и до того искажилъ угабленія пьсьменъ вырванныхъ на одной сторонѣ во всю длину и ширину креста, что только при закатѣ солнца можно разобрать не болѣе двухъ или трехъ буквъ. Рассказываютъ, что этотъ памятникъ давнихъ временъ построенъ въ одно время съ церковью;

а изъ записи видно, что онъ перенесенъ сюда въ началѣ настоящаго столѣтія съ берега Нерли, и находился саженьяхъ въ 50 отъ Покровской церкви. Говорятъ также, что назадъ тому лѣтъ 12, на такомъ пространствѣ отъ церкви, на пути къ ней, ведущемъ отъ Боголюбова монастыря, лежалъ бѣлый же квадратный камень, около аршина въ длину и ширину а въ серединѣ его вытесано было углубленіе въ родѣ чаши. Не былъ ли онъ подставкою креста?..

Осмотрѣвъ Боголюбовъ монастырь, мы отправились далѣе—къ Суздалю, по той же дорогѣ, по которой св. кн. Андрей слѣдовалъ изъ Суздаля во Владиміръ. По берегамъ Нерли красуются села Ославское, Порѣцкое, Батыево, съ старинными церквами. Въ с. Павловскомъ, принадлежавшемъ нѣкогда Рождественскому монастырю, мы перемѣнили лошадей и, уже ночью пріѣхавъ въ Суздаль, остановились на постояломъ дворѣ, подлѣ женской Ризположенской обители.

Графъ М. Толстой.

1 іюля 1868.

ДЕНЬ ВЪ СВЯТОГОРСКОЙ ПУСТЫНИ 4 СЕНТЯБРЯ, 1868 ГОДА.

Громкій мелодичный звонъ колоколовъ, оглашая прекрасную лѣсную дебрь пустыннаго Святогорья, далеко неся по водамъ вѣковаго ея сосѣда Донца быстротечнаго, созывая ближнихъ и дальнихъ раздѣлтъ наступающее духовное торжество для св. обители Святогорской, торжество освященія новосооруженнаго храма, давно съ нетерпѣніемъ ожидаемое ея обитателями, какъ вѣнецъ исполненія всѣхъ ихъ желаній. Поистинѣ свѣтлый и радостный день выпалъ на этотъ разъ древнимъ Святымъ горамъ, нѣкогда забытымъ и заглохшимъ въ развалинахъ, нынѣ же взысканнымъ особымъ благоволеніемъ Божиимъ, обновленнымъ, цвѣтущимъ. Новый соборный храмъ составляетъ красу и вѣнецъ всего въ нихъ прекраснаго. Стройною гармоніею во всѣхъ своихъ частяхъ дышетъ древнеправославное его зодчество, переноса насъ въ ту пору, когда все византійское, столь священное нашимъ предкамъ, предпочиталось во всемъ примѣси иноземной. Величественно возноситъ онъ къ небу, безоблачному на этотъ разъ, лазоревому не-

бу юга, свои пять осмигранныхъ куполовъ, увѣчаннхъ златыми главами и крестами, и весело играло на нихъ солнце своими лучами. Правильнымъ четверугольникомъ высится онъ изъ почвы Святыхъ горъ, трудами рукъ человѣческихъ уступившихъ ему небольшую площадку, ибо, чтобы очистить и это малое мѣсто, принуждены были отсѣкать отвѣсную гору и уравнивать по возможности сильную покатость почвы. Но какихъ трудностей непреодолѣть терпѣніе человѣка, особенно для славы Господа и силою Господа! Впрочемъ и нынѣ еще очень замѣтна эта покатость, такъ что сѣверная сторона соборнаго храма имѣетъ своимъ основаніемъ довольно возвышенную открытую галерею на каменныхъ аркахъ, обширнымъ крыльцомъ ведущую отъ св. воротъ обители къ сѣвернымъ его дверямъ, тогда какъ съ юга, помость этой галереи, охватывающей соборъ со всѣхъ сторонъ, немного лишь возвышеннѣе земли. Къ четверугольнику храма, съ восточной его стороны, примыкають три отдѣльныя полукружія алтарей. Стрѣльчатыя окна средняго купола и самаго храма, дѣлають внутренность его свѣтлою во всѣхъ его частяхъ; три обширныя двери даютъ возможность нестѣпительнаго входа и исхода толпѣ народной, несмѣтнымъ количествомъ прибывающей иногда въ обитель къ нѣкоторымъ праздничнымъ днямъ. Внутренность храма блистаетъ не столько богатствомъ украшеній, сколько вкусомъ и какимъ-то священнымъ величіемъ, напоминая горнія обители. Одинъ простолудинъ — богомолецъ, стоя на порогѣ церковномъ въ созерцаніи открывшагося предъ нимъ благолѣпнаго святилища, повторялъ самъ съ собою: „царство небесное, а не храмъ“. Блестящія мраморомъ его стѣны, бѣлизною своею дѣйствуютъ обаятельно, а лики святыхъ, въ ростъ человѣка изображенные вокругъ, оживляютъ и пополняютъ это сравненіе. Храмъ — трехъ-престольный: главное среднее отдѣленіе его посвящено успѣію Божіей Матери, небесной Покровительницы и Хранительницы Святыхъ горъ; правый южный придѣлъ посвященъ св. великомученицѣ Варварѣ и св. мученицѣ Татіанѣ: этимъ выразила обитель свою благодарность земной виновницѣ своего существованія, бывшей владѣлицѣ Святыхъ горъ, боголюбивой Т. Б. Потемкиной; лѣвый же сѣверный придѣлъ посвященъ тремъ новоявленнымъ святителямъ и чудотворцамъ нашимъ, Димитрію Ростовскому, Митрофану Воронежскому и Тихону Задонскому, которые вмѣстѣ пред-

стоя престолу Божию, по большей части вмѣстѣ призываются въ молитвахъ церковныхъ и частныхъ, почему особенно утѣшительно подобное соединеніе именъ ихъ въ соборномъ храмѣ Святыхъ горъ, дающее чаяніе, что примѣръ этотъ неостанется безъ подражанія и въ другихъ мѣстахъ отечества нашего (а). Въ стѣнной живописи храма повсюду выражена глубокая мысль. Глубину средняго купола занимаетъ колоссальное изображеніе св. Троицы, въ свѣтломъ вѣнцѣ небесныхъ Силъ, обтекающихъ ее вкругъ. Лазоревый колоритъ небесиподобнаго фона на этомъ изображеніи, невольно возноситъ мысль отъ земли и попеченій о земномъ, къ помысламъ о небесномъ. Ниже подъ изображеніемъ св. Троицы занимающимъ собою весь куполь, въ осьми отдѣльныхъ группахъ, всѣ лики церкви торжествующей на небѣ, соприсутствуютъ молитвенникамъ церкви земной: архангелы, патріархи, пророки, цари, апостолы, мученики, святители и преподобные, соборомъ своимъ обтекають куполь вкругъ, составляя изъ себя какъбы подножіе тріединому Божеству, изображеніе котораго видится въ его серединѣ. Куполь этотъ опирается на четыре колоссальные четверогранные столпа, разграничивающіе всю внутренность храма вдоль на три отдѣленія. На сводахъ средняго изъ нихъ, въ медальонахъ лѣпной работы видятся: на востокъ — нерукотворенный Спасителевъ образъ; на западъ — поясный образъ Спасителя въ терновомъ вѣнцѣ; на югъ же и сѣверъ поясныя изображенія Богоматери и Предтечи. На соединеніяхъ этихъ сводовъ, опирающихся на столпы и составляющихъ основу купола, помѣщены изображенія въ ростъ человѣка четырехъ св. Евангелистовъ, какъбы въ напосинаніе, что ученіе ихъ, составляя столпъ и утвержденіе божественной истины проповѣдуемой св. церковію, несокрушимо адовыми вратами. Свѣтлая живопись всѣхъ этихъ изображеній, съ яркою позолотою ихъ рамъ, придаетъ всему куполу какую-то оживленную легкость. На стѣнахъ средняго отдѣленія храма, въ два яруса расположены изображенія въ ростъ человѣка всѣхъ 12 Апосто-

(а) Обитель святогорская, въ посвященіи этого придѣла всѣмъ тремъ святителямъ вмѣстѣ, послѣдовала благочестивому совѣту одного усерднаго ихъ почитателя, А. Н. Муравьева, которымъ составлены и особые тропарь и кондакъ ихъ собору. Въ обители имѣется также и полная совмѣстная всѣмъ тремъ святителямъ служба, тоже трудъ усердствующихъ къ прославленію великихъ сихъ чудотворцевъ.

ловъ, въ напоминаніе небожественнаго ихъ собранія къ пречестному успенію Божіей Матери, коему посвящено это отдѣленіе. Въ южномъ стѣненіи, лики мучениковъ и мученицъ, изображенные на его стѣнахъ, согласуютъ посвященію праваго придѣла св. мученицамъ. Въ сѣверномъ отдѣленіи святители вселенскіе и россійскіе, ликами своими въ свою очередь напоминаютъ посвященіе лѣваго придѣла тремъ святителямъ, новоявленнымъ чудотворцамъ земли русской. Западная стѣна храма занята изображеніями преподобныхъ. Кромѣ того, надъ каждою изъ дверей церковныхъ, особые священные изображенія напоминаютъ, что вся эта церковь въ полномъ своемъ составѣ предназначена и посвящена по преимуществу святѣйшему имени Богоматери, Которая была и сама нерукотвореннымъ храмомъ воплотившемуся для нашего спасенія Богу. Надъ южными дверями видится введеніе Ея во храмъ Іерусалимскій праведными Іоакимомъ и Анною; надъ западными — благовѣщеніе Ей Архангеломъ Гавріиломъ воплощенія отъ нея единаго отъ Троицы; надъ сѣверными — принесеніе Ею во храмъ Господень Богомладенца, и срѣтеніе Его праведнымъ Симеономъ. Этими изображеніями достойно заканчивается стѣнная живопись, отъ высоты купола до низу священными ликами исполненная бѣло-мраморную внутренность храма. Внизу вокругъ стѣнъ, тянутся въ ростъ человѣка лакированные деревянныя панели съ пурпуровымъ обитымъ сукномъ карнизомъ; имъ соотвѣтствуетъ паркетный полъ. У каждаго изъ четырехъ столповъ храма, возвышаются изящныя кіоты изъ бѣлаго и свѣтло-сѣраго мраморовъ. Въ двухъ переднихъ кіотахъ, ближайшихъ къ западнымъ дверямъ, помѣщаются древнія иконы, бывшія нѣкогда мѣстными въ прежнемъ соборномъ храмѣ еще древняго святогорскаго монастыря, въ правомъ — икона Господа Вседержителя, а въ лѣвомъ — икона пресвятой Богородицы, которой усвоено наименованіе святогорскія (б), обѣ украшенныя богатыми

(б) Икона эта отличается особенно умильнымъ выраженіемъ на ней пречистаго лика Богоматери, дышащаго божественною кротостію и смиреніемъ; она рисункомъ своимъ напоминаетъ икону Одигитріи, и почитается въ обители образомъ благодатнымъ по нѣкоторымъ бывшимъ отъ нея знаменіямъ. Есть преданіе, что во время закрытія въ 1787 году древняго святогорскаго монастыря, отбравшій его достояніе чиновникъ, неубоялся сдѣлать распоряженіе снять ризу съ этого образа; но посланный исполнить это распоряженіе, приступая къ св. иконѣ, объять

сребропозлащенными ризами. Въ кіотахъ ближайшихъ къ иконостасу помѣщены: въ правомъ—икона съ ликами св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, равноапостольной мученицы Маріи Магдалины и преподобнаго Сергія Радонежскаго, напоминающая собою, что въ 1861 году Святогорская обитель была осчастливлена посѣщеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы, съ Августѣйшими ихъ чадами: великимъ княземъ Сергіемъ Александровичемъ и великою княжною Марією Александровною; въ лѣвомъ—икона святителей Димитрія, Матрофана и Тихона, предназначенная быть храмовою въ ихъ придѣлѣ. Обѣ иконы прекрасной иконописи по золотому фону, отличаются выразительностію священныхъ ликовъ, дышащихъ молитвеннымъ настроеніемъ духа. Во все пространство церкви отъ сѣверной стѣны до южной, тянется изящная деревянная рѣшетка со входами противъ алтарей, ограждающая небольшое пространство предъ иконостасомъ, гдѣ-бы клиросамъ безпрепятственно отъ толпы народной можно было сходиться на середину храма. Къ столпамъ со стороны иконостаса примкнули возвышенные обширные клиросы, огражденные лакированными понелями. Самый иконостасъ возвышается отъ помоста четырьмя ступенями, составляя изъ себя сплошь-золотую изящную преграду, отдѣляющую олтари отъ самаго храма. Особенно величественъ средней иконостасъ по большимъ размѣрамъ мѣстныхъ своихъ иконъ и вратъ. Господь Іисусъ Христосъ и Пречистая Его мать на мѣстныхъ иконахъ этаго иконостаса изображены въ ростъ человѣка. Они возсѣдаютъ на престолахъ и рельефно выдѣляются изъ золотыхъ узорчатыхъ фоновъ. Божественное величіе и вмѣстѣ кротость блещутъ на пресвятомъ ликѣ Господа,

былъ необычайнымъ страхомъ, о чемъ и возвѣстилъ своему начальнику, неисполнивъ повелѣннаго имъ. Начальникъ — протестантъ, поглумившись надъ подобнымъ по мнѣнію его малодушіемъ, повторилъ ему съ угрозою прежне приказаніе. Тогда съ молитвою пристукая посланный къ св. иконѣ, говоря: «Прости меня Владычице, и не прогнѣвайся за мою дерзость, что рѣшаюсь отнять отъ Тебя Твое дотояніе, которое восполнить въ Твоей силѣ.» Риза была снята, но Богоматерь невосхотѣла оставаться образу своему безъ этого украшенія. При обновленіи Святыхъ горъ въ 1844 году на него сооружена новая богатая сребропозлащенная риза, какъбы въ замѣнъ древней, столь святотатски съ него святой.

держащаго раскрытое Евангеліе въ своей шуйцѣ и благословляющаго десницею. Богатыми украшениями испещрены пурпуръ и лазурь Его одѣждь, широкими складками обнимающихъ все изображеніе. Дивно величественъ этотъ образъ,— чувство страха и любви вмѣстѣ невольно внушаетъ онъ собою. Неменѣе хорошъ и противоположный ему образъ Богоматери, черты которой цвѣтутъ дѣвственною красотою. Держимый Ею Предвѣчный Младенецъ изображенъ стоящимъ у праваго Ея плеча съ дѣтски-прекрасною улыбкою на устахъ. Красиво выдѣляется также пурпуръ Ея покроя, придавая собою царственное величіе всему изображенію Царицы земныхъ и небесныхъ. Обширныя царскія врата украшены обычными иконами Благовѣщенія и четырехъ евангелистовъ, и отличаются роскошью богатой своей рѣзбы. Онѣ сквозныя, и очень кстати на нихъ рѣзныя подобія виноградныхъ кистей и колосьевъ пшеницы, какъ-бы въ напоминаніе веществъ св. таинства евхаристіи, совершаемой за ними. Надъ царскими вратами въ лучахъ сребропозлащенного круга помѣщается икона успенія Божіей Матери, именуемая въ обители Геосиманскою, потому что была принесена изъ Палестины отъ гроба Богоматери первымъ настоятелемъ возобновленной обители Святогорской архимандритомъ Арсеніемъ. Золотыя граненыя колонны раздѣляютъ царскія врата отъ сѣверныхъ и южныхъ, на которыхъ изображены архангелы Михаилъ и Гавріилъ, какъ бы на стражѣ святилища. Подобными же колоннами и полуколоннами раздѣлены и всѣ три яруса иконостаса, сплошь-золоченнаго и покрытаго богатою рѣзбою. Въ первомъ его ярусѣ находятся иконы двенадцатыхъ праздниковъ, во второмъ—обычный Деисусъ и изображенія апостоловъ, въ третьемъ — образъ воскресенія Христова и изображенія Пророковъ, надъ которыми въ медальонахъ помѣщены поясные лики Господа Саваоѳа и праотцевъ, увѣнчанные золотымъ крестомъ съ изображеніемъ Распятія. Къ иконостасу примыкаютъ съ обѣихъ сторонъ богатые золоченные кіоты съ изящными навѣсами, увѣнчанными крестами и рѣзбою. Подъ освѣщеніемъ этихъ навѣсовъ, въ правомъ кіотѣ помѣщена большая икона, изображающая соборъ преподобныхъ Печерскихъ, въ центрѣ которой преп. Антоній и Феодосій держатъ храмовой образъ собора, св. икону Успенія Божіей матери, точный снимокъ съ Киевопечерской, съ частями мощей угодниковъ Печерскихъ. Это даръ и благословеніе возникшей изъ развалинъ заупустѣнія Святогор-

ской обители святителя Филарета митрополита Кіевскаго и въ настоящее время, послѣ чудотворной Свягорской иконы святителя Николая, первая главнѣйшая ея святыня, почему особенно богато украшена жемчугомъ и драгоценными каменьями ея сребропозлащенная риза. Правый кіотъ выше своего навѣса, имѣеть еще изображеніе Богоматери Печерской, которою какъ бы соединяется средняя иконостасъ съ южнымъ придѣльнымъ, составляя сплошную блистающую золотомъ и священными ликами стѣну. Въ лѣвомъ таковомъ же кіотѣ, въ центрѣ большой иконы изображающей чудеса святителя Николая, помѣщается Святогорскій чудотворный образъ великаго чудотворца, а въ верхней его части икона явленія Богоматери преп. Сергію Радонежскому. Придѣльные иконостасы небольшие, одинаковой формы, имѣють царскія врата въ углубленіяхъ, золоченные своды которыхъ осѣнены изображеніями херувимовъ. Центръ праваго иконостаса занимаетъ большая икона сошествія Св. Духа на Апостоловъ, и надъ нею въ медальонѣ поясной ликъ Христа Спасителя; въ центрѣ лѣваго иконостаса таковая же икона Вознесенія Господня, и надъ нею въ медальонѣ изображеніе св. Духа. Оба иконостаса увѣнчаны золотыми узорчатыми крестами. Взойдемъ теперь и внутрь святыхъ алтарей, скрытыхъ отъ взоровъ, но не менѣе прекрасныхъ, какъ и самый храмъ. Особенно пространенъ средней алтарь; на горнемъ мѣстѣ его помѣщена большая икона св. Троицы превосходной иконописи. Особенно умилительно изображенъ на ней Господь Іисусъ Христосъ: Онъ указываетъ десницею на открытую язву въ пречистыхъ Своихъ ребрахъ, кроткимъ дышащимъ любовію выраженіемъ лика напоминая человѣку, что въ язвахъ Его, милосердіемъ исполненныхъ, всякая человѣческая скорбь превращается въ утѣшеніе и отраду. Предъ образомъ этимъ виситъ богатая лампада, даръ обители государя императора. Сводъ алтаря изображаетъ ангельское небо; въ синевѣ свода надъ горнимъ мѣстомъ три ангела поддерживаютъ лентіонъ съ золотою надписью „Святъ, Святъ, Святъ,“ изъ трисвятой пѣсни, воспѣваемой горѣ небесными Силами. Придѣльные алтари невелики; правый изъ нихъ имѣеть запрестольную иконою моленіе о чашѣ, а лѣвый—воскресеніе Христово. На сводахъ обоихъ алтарей изображенъ Господь Саваоѣ. Роскошь рѣзбы и позолоты иконостасовъ, смѣнилась тутъ изящною простотою мраморныхъ стѣнъ и обиліемъ свѣта, отражающагося на зеркала

льной ихъ поверхности.— Можно сказать безошибочно, что новый святогорскій храмъ одинъ изъ лучшихъ храмовъ всей епархіи, подобныхъ которому, думаю, немного найдется и по всей Россіи. Честь и хвала обители, настоятелю ея и братству, соорудившимъ столь прекрасный, благолѣпный, величественный храмъ; честь и хвала и художникамъ, украсившимъ его столь изящно во всѣхъ отношеніяхъ. Прекрасное зданіе вполне достойно похвалъ, какъ и то, что не милліоны по прихоти и тщеславію богачей, а копѣйки благочестивыхъ простолудиновъ Богомольцевъ, собираясь въ хранилище Богоматери и святителя Николая, въ обители находящейся подъ особымъ благодатнымъ Ихъ покровомъ, дали ей средства и возможность соорудить подобный храмъ.

Шумной гурьбой толпился народъ у св. воротъ обители Святогорской, — ожидалъ онъ прибытія архипастыря, пожелавшаго до отъѣзда своего въ столицу съѣздить, куда отправился чрезъ нѣсколько дней присутствовать въ засѣданіяхъ свѣтѣйшаго Синода, — еще разъ посѣтить Святыя горы и самолично освятить новый храмъ. Понятно было поэтому желаніе всякаго, еще разъ увидѣть дорогое лице любимаго всеми святителя, еще разъ облобызать благословляющую его десницу. Но вотъ приблизился давно ожидаемый экипажъ, и высокопреосвященный Макарій, привѣтливо улыбаясь и щедро раздавая свои благословенія, окружаемый соборомъ настоятеля и іеромонаховъ обители, вступилъ въ ея ограду.

Загудѣли колокола монастырскіе ко всеобщему бдѣнію въ новомъ соборѣ. Покрытые пеленами столы на его серединѣ содержали драгоценную утварь храма. Великолѣпная напрестольная гробница и крестъ, привлекали вниманіе огромностію своихъ размѣровъ и изяществомъ чеканки. Другой ослѣпительный крестъ — недавній даръ обители государыни императрицы, присланный къ освященію собора. Священные сосуды, евангелія, все это носило на себѣ отпечатокъ вкуса, все это дары усердія любящихъ благолѣпіе храма Господня. Соборъ освѣщался многочисленными огнями великолѣпныхъ своихъ подсвѣчниковъ и паникадилъ. *Особенно красиво гармонировало общему благолѣпію храма среднее его огромное паникадило, затѣйливыми украшеніями своими напоминавшее какъбы нѣкое свѣтящееся благосѣбнолиственное дерево; лучи свѣта отъ него достигали во всѣ стороны храма, образуя вѣщественно невещественное благодатное сіяніе свѣтопріимной свѣщи и надежды всѣхъ христіанъ пресвятой Матери

Божіей, имени которой посвящено все это святилище. Малая паникадила въ боковыхъ придѣлахъ, уменьшеннымъ свѣтомъ своихъ огней, видимо уступали первенство среднему, какъбы тѣмъ подтверждая превосходство надъ всѣми святыми честнѣйшей херувимовъ и серафимовъ Небесной Царицы.

Излишнимъ считаю описывать торжество всенощнаго богослуженія, такъ всѣмъ извѣстнаго; скажу лишь что на этотъ разъ особенное на всѣхъ вліяніе производило присутствіе архипастыря: его святительская молитва одушевляла молитвы его окружавшихъ, и отрадно было смотрѣть на этотъ вѣрующій, молящійся, колѣнопреклоненный народъ. Служба совершалась полная, какъ подъ праздникъ успенія Божіей Матери, и стихиры ея особенно умирительно дѣйствовали на душу, приспособляясь отчасти своимъ содержаніемъ къ настоящему торжеству. „Веселися Гевсиманіе, Богородиченъ святыи доме. Возопіемъ вѣрніи, Гавріила имуща чиноначальника: Благодатная радуйся, съ Тобою Господь“. Такъ воспѣваетъ св. церковь въ этихъ пѣснопѣніяхъ, убажая мѣсто тридневнаго покоя тѣла Богоматери. Но и этотъ новосооруженный храмъ, и эта св. обитель, тоже не безъ основанія можетъ назваться особенно благодатнымъ и святымъ Богородичнымъ домомъ, ибо всѣ почти отдѣльные и главные ея храмы украшены и посвящены имени Богоматери. Лѣтній Ея соборъ празднуетъ Успенію, зимній соборъ Покрову, трапезный храмъ посвященъ Рождеству Богоматери, на высотѣ святогорскаго Фавора имѣется храмъ во славу иконы Ея Казанскія, въ больничномъ корпусѣ на монастырскомъ хуторѣ храмъ во славу иконы Ея Ахтырскія. Такимъ образомъ въ нѣдрахъ одной обители пять храмовъ посвящены Ея имени! Въ окрестныхъ селахъ приходскіе храмы всѣ тоже празднуютъ Богоматери, такъ что небольшой этотъ уголокъ отечества нашего по справедливости можетъ быть названъ духовною областью и жребіемъ Царицы небесной.

Поздно окончилось бдѣніе, и послѣ него ожидало посѣтителей богомольцевъ новое прекрасное зрѣлище—яркое освѣщеніе зданій и всей живописной мѣстности обители многочисленными огнями. Ночь была тихая и теплая, словно лѣтняя. Шествіе высокопреосвященнаго въ свои покои, среди колеблющагося моря головъ, при обильномъ сіяніи окружавшихъ его свѣтильниковъ, казалось какимъ-то центромъ свѣта среди общаго освѣщенія, изъ среды котораго разносились сладкіе звуки пѣснопѣній церковныхъ.

божественной литургіи въ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи Ея Высочества правительницы Мингрелии Нины Георгіевны, начальства, чиновниковъ и при необыкновенно большомъ стеченіи всѣхъ сословій, архипастырь нашъ высокопреосвященный Евгеній (нынѣ архіепископъ Ярославскій) отбылъ къ новой паствѣ своей. Прощальное слово владыки, вполне снискавшаго общую любовь и уваженіе, умилило слушателей. Всѣ плакали: намъ не хотѣлось раставаться съ нимъ. Но воля Вышняго да будетъ. Намъ остается пріятное воспоминаніе. Такъ, надолго сохранимъ мы въ признательной памяти сего истиннаго пастыря Христовой церкви, служившаго ей въ санѣ архіепископа Рязанскаго шесть лѣтъ. Мы не забудемъ его радушнаго, всѣмъ доступнаго приѣма и бесѣды, всегда назидательной и исполненной глубокаго опыта. Своею высокою жизнію онъ оставилъ намъ разительный примѣръ для подражанія въ благочестіи, безпредѣльной преданности къ вѣрѣ и христіанскихъ добродѣтеляхъ“.

Въ Ярославль преосвященный Евгеній прибылъ 15 іюня, а 16 служилъ и познакомился съ представителями паствы. Встрѣча, приѣмъ—дѣло обыкновенное. Началась обыкновенная епархіальная дѣятельность; но по причинѣ ослабленія зрѣнія онъ сталъ мало писать собственноручно, а съ конца сего года почти ничего не писалъ, кромѣ резолюцій и развѣ что либо необходимое.

Въ 1839 году преосвященный включенъ по очереди въ число пенсіонеровъ по ордену Александра Невскаго (900 р. ас.). Въ это время на его родинѣ, въ селѣ Бѣляницынѣ началась стройка каменной церкви вмѣсто прежней деревянной. Преосвященный, по любви къ мѣсту рожденія и зная бѣдность прихода, очень обрадовался пенсии, признавъ ее даромъ Божиимъ для новосозидаемой церкви. И потому тогдаже отнесся въ капиуль, чтобы пенсія высылалась прямо во Владимірскую консисторію; а во Владимірскую консисторію написалъ, чтобы эти деньги выдаваемы были священнику со старостою села Бѣляницына на построеніе церкви. Священнику, пріѣхавшему благодарить за это, говорилъ, чтобы не спѣшили постройкою, а чтобы дѣлали сколь можно лучше: ибо пенсія будетъ имъ даваема только до конца стройки. И постройкой не спѣшили, продолжали ее около десяти лѣтъ; построеная церковь благолѣпная съ колокольнею; погостъ обнесенъ каменною оградой. Но и послѣ того, хотя пенсія на церковь уже прекратилась, преосвященный ею не пользовался и доселѣ

не пользуется, а употребляетъ на благотворенія. Такъ изъ ней онъ внесъ капиталъ въ кредитное учрежденіе въ пользу причта своей родины, гдѣ погребенъ его родитель, на вѣчное поминовеніе; потомъ въ пользу причта села Ивановскаго Калужской губерніи, гдѣ погребена его родительница: и тамъ и тутъ поставилъ памятники приличные. Изъ пенсіи же образовалъ капиталъ на содержаніе сестры лишенной зрѣнія, проживавшей то у того, то у другаго изъ родныхъ, съ тѣмъ, чтобы по смерти ея поступилъ этотъ капиталъ въ пользу того причта за ея поминовеніе, гдѣ она погребена будетъ (б). Въ послѣдствіи, когда эта пенсія увеличилась и къ ней присоединилась еще пенсія по ордену св. Владиміра 2 ст., что составило вообще 1000 р. сер., то эту сумму онъ опредѣлилъ племянникамъ и племянницамъ своимъ роднымъ, коихъ десять,—каждому по 100 р., что продолжается доселѣ. Каждому изъ получающихъ онъ роздалъ по экземпляру печатной резолюціи, въ которой изъявлена его воля, чтобы въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ получалъ оставшійся, а въ случаѣ смерти обоихъ дѣти—по равной части.

Четыре первые года преосвященный въ Ярославлѣ провель покойно, безъ особенныхъ непріятностей (о мелкихъ не стоитъ говорить), какъ бы для того, чтобы онъ безпрепятственно могъ заняться своимъ зрѣніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ укрѣпился къ новымъ искушеніямъ, которыя вскорѣ послѣдовали.

Въ 1841 году получено извѣстіе, что въ маѣ изволить посѣтить Ярославль Государь Императоръ. Надежда видѣть монарха привела въ восторгъ всѣхъ жителей, равно и преосвященнаго. Ожиданіе скоро исполнилось. Государь прибылъ 10 мая, прямо въ квартиру. Вечеромъ дано знать, что Государь завтра будетъ въ соборѣ въ 11 часу. Собрались въ соборъ, облачились, радостно и трепетно ожидаютъ. И вотъ въ 11 часовъ въ соборъ къ преосвященному является жандармскій полковникъ съ дьякономъ, который подаль Государю прошеніе на разводъ, стоя на колѣняхъ и въ рясѣ (дьяконъ этотъ былъ низведенъ въ причетники). Полковникъ передаетъ преосвященному поданное прошеніе съ Высочайшимъ повелѣніемъ рассмотреть, и прибавилъ, что Его Величество весьма огорчился не-

(б) Она въ послѣдствіи скончалась и погребена также на родинѣ—въ селѣ Бѣляницынѣ, слѣдовательно и капиталъ ея поступилъ туда.

умѣстнымъ поступкомъ дьякона. Можетъ каждый представить, какъ былъ пораженъ и смущенъ преосвященный. Въ слѣдъ за тѣмъ прибылъ въ соборъ и Государь, встрѣченъ по обыкновенію, былъ весьма благосклоненъ и внимателенъ. Въ тотъ же день Евгеній представился Государю во дворцѣ. Государь принялъ его немедленно, началъ разговоръ весьма благосклонно, потомъ, прервавъ, вдругъ заговорилъ о дьяконѣ съ негодованіемъ и, выслушавъ объясненіе, опять продолжалъ говорить весьма приятно и внимательно. Послѣ о дьяконѣ послана, куда назначено, справка и тѣмъ дѣло кончилось.

Но не надолго успокоился преосвященный, скоро постигло его новое огорченіе. Былъ у преосвященнаго келейный іеродіаконъ, изъ студентовъ семинаріи, привезенный имъ изъ Рязани, какъ тамъ, такъ и здѣсь въ первые годы скромный, исправный, преданный преосвященному и очень способный къ письмоводству; теперь этотъ іеродіаконъ сталъ по временамъ предаваться пьянству и вообще вести себя предосудительно. Долго снисходилъ преосвященный, вразумлялъ, убѣждалъ; но внушенія мало дѣйствовали. И вотъ къ первосвятителю С.-Петербургскому (Серафиму) пришло отъ неизвѣстнаго письмо съ подробнымъ описаніемъ дурнаго поведенія этого діакона и первосвятителемъ препровождено къ преосвященному Евгенію съ совѣтомъ удалить отъ себя діакона. Совѣтъ былъ исполненъ; преосвященный радъ былъ развязаться съ человекомъ, который велъ себя недостойно, тѣмъ не менѣе огорченъ былъ тѣмъ, что дѣло это огласилось (в). Вскорѣ пришло новое огорченіе: посланы въ Петербургъ доносы на ректора и инспектора семинаріи. Хотя этимъ доносамъ не дано хода, но преосвященный извѣщенъ о нихъ съ совѣтомъ, смотрѣть за ректоромъ и инспекторомъ внимательнѣе. Эти случаи такъ потрясли преосвященнаго, что онъ какъ бы забылъ уже о слабости своихъ глазъ. Болѣе двухъ лѣтъ для сбереженія глазъ онъ почти ничего, кромѣ резолюцій, не писалъ, а только диктовалъ письмоводителю: но съ сего времени уже все писалъ самъ до конца своего служенія.

(в) Іеродіаконъ этотъ, возвратясь на родину въ Рязань, скоро послѣ того поступилъ въ Кіевскую академію, по приглашенію ректора оной—его товарища по семинаріи—кончилъ курсъ, возвратился въ Рязанскую епархію, сдѣланъ настоятелемъ какого-то монастыря; но страсть къ невоздержанію возвратилась, усилилась и сократила жизнь скоро.

Въ томъ же 1841 году новый доносъ посланъ къ Митрополиту Московскому на эконома Ярославскаго архіерейскаго дома, архимандрита и члена консисторіи, человека способнаго и дѣятельнаго (в). Архипастырь Московскій, не давая никакого значенія доносу, прислалъ его къ преосвященному съ дружескою припискою, въ предостереженіе. Но Евгенийъ, сильно огорченный доносами, далъ отвѣтъ защитительный, твердый и рѣшительный. Экономъ этотъ оставался даже и послѣ преосвященнаго и умеръ на сей должности.

Новый 1842 годъ преосвященный Евгенийъ встрѣтилъ весьма благопріятно, какъ бы въ вознагражденіе непріятностей прошедшаго. Особенно утѣшенъ былъ внимательными отвѣтами архіереевъ и оберъ-прокурора на обычныя его праздничныя привѣтствія. Иной назоветъ это мелочностію; но надобно узнать опытомъ тѣ огорченія, какія онъ испыталъ въ прошломъ году отъ переписки съ высшими лицами по случаямъ столь исключительнымъ, чтобы понять, что вниманіе этихъ самыхъ лицъ его утѣшило. Вотъ какъ онъ писалъ объ этомъ: „Нынѣ я утѣшенъ почти всѣми высшими лицами въ отвѣтахъ ихъ на праздничныя привѣтствія. Первенствующій іерархъ, слышно, очень слабъ и зрѣніемъ, и памятью, и руками, и ногами, но подписалъ письмо такъ, какъ никогда не подписывалъ. Это настоящая предсмертная рука Платона. И отъ об. прокурора никогда не получалъ столь ласковаго письма. Отъ Кіевскаго также преласковое и все своеручно: никогда не писывалъ своеручно, развѣ P.S. А Московскаго прилагаю для прочтенія: посмотрите, какъ пишетъ онъ, когда хочетъ обласкать. Я увѣренъ, что восхититесь; а что все своеручно, объ этомъ не говорю: онъ никогда не писалъ чужой рукой. О покоѣ, о которомъ я въ прошломъ году почти всѣмъ писалъ, никто ни слова и кажется нѣтъ признаковъ, чтобы хотѣли этого. И такъ и я, пока станеть сильъ, помолчу.“

Въ маѣ мѣсяцѣ сего года имѣлъ свиданіе съ Кіевскимъ святителемъ. Случай къ этому былъ слѣдующій. Кіевскій

(в) Должно замѣтить, что это время было какъ бы эпидемическое доносозъ по духовному вѣдомству. Отъ чего это, объяснить трудно: но ни одинъ преосвященный, и даже Московскій, не избѣжалъ этихъ непріятностей. Разница только въ томъ, что иной принималъ это равнодушно; а преосвященный Евгенийъ, сострадавъ напрасно обвиняемымъ и ненавида клеветы, принималъ эти непріятности горячо къ сердцу.

митрополитъ былъ Ярославскимъ архіепископомъ предъ преосвященнымъ Евгеніемъ; но постоянно присутствуя въ синодѣ, Ярославскую паству не видалъ. Теперь, проѣзжая изъ Петербурга въ Кіевъ чрезъ Москву, разсудилъ посѣтить Ростовъ, о чемъ извѣстилъ преосвященнаго Евгенія предъ отбытіемъ изъ Петербурга. Сей просилъ письмомъ же святителя посѣтить съ Ростовомъ и Ярославль; но тотъ отрекся, а только желалъ видѣться въ Ростовѣ, что вскорѣ и послѣдовало. Въ Ростовѣ оба они служили въ соборѣ литургію, послѣ которой, — пишетъ Евгений, — граждане, въ Яковлевскомъ монастырѣ задали великолѣпный обѣдъ... Много я бесѣдовалъ съ гостемъ съ большимъ удовольствіемъ — и вотъ — среди бесѣды, помолчавъ, сказалъ онъ: „я къ вамъ съ просьбою. — Что изволите? — Съ покорнѣйшею просьбою. — Я молчу. — Наконецъ говорить: не просите на покой, служите. Я отвѣчалъ: пока глаза служатъ. — Будутъ видѣть, сказалъ онъ. — Послѣ того не много отдохнувь, въ путь. Я проводилъ за городъ... и простились.“

1845 годъ принесъ преосвященному много утѣшенія, но еще болѣе хлопотъ, заботъ и опасеній. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ утѣшенъ и ободренъ вниманіемъ Государя и Синода, получивъ алмазные знаки ордена св. Александра Невскаго, при высочайшемъ отъ 14 числа рескриптѣ, который начинается словами: „долговременное служеніе ваше церкви и отечеству всегда отличалось пастырскою попечительностію и ревностными трудами на пользу вѣрннаго вамъ словеснаго стада Христова...“

За тѣмъ въ іюнѣ предположилъ обзрѣть нѣкоторые уѣзды епархіи. „Я уже все распорядилъ, пишетъ: „разослалъ маршрутъ, предписалъ гдѣ и когда собраться духовенству и гдѣ перемѣнять лошадей, получены прогоны и подорожная: и вдругъ получаю указъ св. синода, не медля отправиться въ Кострому. Сколько тамъ пробуду, вовсе не знаю: ибо почти не знаю, за чѣмъ ѣду. Тамъ узнаю на мѣстѣ.“ Въ Костромѣ былъ епископъ Виталій. Прибывъ въ Кострому и увидѣвъ обширность порученнаго дѣла, Евгенийъ пришелъ въ ужасъ. „Я во мракѣ, пишетъ: и думаю — это искушеніе отравить весь остатокъ моей жизни: ибо не предвижу добраго исхода.“ — Пробылъ въ Костромѣ болѣе мѣсяца, о подробностяхъ порученнаго дѣла по осторожности никому не сообщалъ, но дѣло было вотъ въ чемъ: при поступленіи въ Кострому преосв. Виталія оказалось много накопившихся нерѣшенныхъ дѣлъ. Новопоступившій вскорѣ по прибытіи заболѣлъ; болѣзнь

была серьезная и продолжительная и отъ того ни прежнихъ дѣлъ не могъ кончить, ни съ текущими справиться. Къ тому секретарь консисторскій, ограничиваемый преосвященнымъ въ произволѣ, сталъ противъ него враждовать: пошли жалобы за жалобами, доносы за доносами; даже и въ бытность въ Костромѣ преосвящ. Евгенія присланы были изъ Синода нѣсколько вновь поданныхъ. Преосв. Евгеній пересмотрѣлъ безчисленное множество дѣлъ, вездѣ видѣлъ чистоту и правость дѣйствій мѣстнаго архипастыря и о семъ донесъ Синоду. Но такъ какъ здоровье преосв. Виталія съ каждымъ днемъ какъ бы таяло и онъ просилъ увольненія отъ управленія: то, по ходатайству обзорѣвавшаго Евгенія, при содѣйствіи Московскаго архипастыря, хорошо знавшаго болящаго епископа, на докладѣ св. Синода послѣдовало Высочайшее повелѣніе: уволить отъ управленія епархіею съ пенсіею, назначить ему помѣщеніе въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ, съ присутствованіемъ въ московской синодальной конторѣ, для чего имѣть монастырскій экипажъ, и съ правомъ, когда разсудить, служить въ монастырѣ, распоряжаться какъ настоятелю. Но не суждено было этому исполниться. Въ январѣ слѣдующаго 1846 года онъ выѣхалъ было къ Москвѣ, но по чрезмѣрной слабости долженъ былъ воротиться и скончался въ Костромѣ 29 января.

Въ 1846 г. преосв. Евгеній былъ въ Москвѣ для совѣта со врачами касательно своего постепенно ослабѣвавшаго зрѣнія, но они посовѣтовали ему только не изнурять зрѣнія.

Въ томъ же году среди многихъ огорченій преосвященный принялъ за великое для себя утѣшеніе назначеніе новаго въ семинарію ректора (г), бывшаго инспектора Кіевской академіи Іоанникія (д), принялъ за утѣшеніе потому, что два святителя объ немъ очень лестно отзывались. Московскій митрополитъ написалъ: „вашъ ректоръ мнѣ понравился. Это меня утѣшаетъ.“ Кіевскій писалъ: „отпуская къ вамъ ректора, такъ скорблю, какъ бы сына лишался, и только тѣмъ утѣшаюсь, что отпускаю къ архипастырю мнѣ лю-

(г) По всегдашней любви преосвященнаго къ семинаріямъ, ректоры оныхъ всегда были самыми близкими къ нему людьми и совѣтниками не только по семинарскимъ, но и по всѣмъ епархіальнымъ дѣламъ, такъ какъ онъ всегда требовалъ отъ нихъ сколь можно частаго присутствія въ консисторіи.

д) Нынѣ архіепископъ Варшавскій.

безнѣйшему“. И дѣйствительно преосвященный всегда объ немъ отзывается, какъ объ наилучшемъ изъ всѣхъ бывшихъ вездѣ при немъ ректоровъ, да и доселѣ съ нимъ въ самой близкой и дружеской перепискѣ.

1818 годъ принесъ Евгенію новую скорбь, новую заботу. Нѣсколько раскольниковъ ярославской епархіи, согласившись между собою, пожелали присоединиться къ православію на правилахъ единовѣрія и бывшую въ Ярославлѣ ихъ часовню обратить въ церковь. Дѣло, конечно, доброе, и преосвященный, услышавъ объ этомъ ихъ намѣреніи, сначала порадовался, но скоро омрачилась его радость. Дѣло началось и пошло путемъ неправильнымъ. Раскольники вмѣсто того, чтобы обратиться съ своимъ дѣломъ, какъ слѣдовало, къ архипастырю, безъ его вѣдома обратились съ прошеніемъ прямо въ Синодъ. Не смотря на такой непорядокъ, не зная и не разыскивая причины этого, преосвященный, ожидая пользы отъ обращенія изъ раскола, не обратилъ на это вниманія, а ожидалъ окончанія дѣла. Послѣдствіе показало причину такового ихъ дѣйствованія. Дѣло, производившееся безъ всякаго сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ, кончилось указомъ св. Синода, открытъ вмѣсто часовни единовѣрческую церковь. Надобно къ ней опредѣлить священника; но у раскольниковъ уже давно былъ въ виду. Недалеко отъ Ярославля въ одномъ селѣ былъ священникъ самаго тяжелаго нрава; за разные предосудительные поступки онъ былъ неоднократно штрафованъ выговорами, монастырскимъ подначаліемъ и наконецъ приговоренъ (за ссору, и чуть ли не драку въ церкви во время богослуженія) къ низведенію въ причетники, и дѣло представлено въ Синодъ на утвержденіе. Этого-то священника раскольники себѣ избрали къ единовѣрческой церкви; но зная, что епархіальное начальство не опредѣлитъ его, они объ опредѣленіи его просили прямо Синодъ и Синодъ предписалъ указомъ: опредѣлить этого священника къ единовѣрческой церкви, дѣло производившееся о немъ въ консисторіи прекратить, и преосвященному принять сію церковь, по общему положенію единовѣрческихъ церквей, въ личное свое завѣдываніе и не употреблять для управленія ею въ посредничество ни консисторію, ни благочиннаго (е). Преосвя-

(е) Такой успѣхъ раскольниковъ объясняется тѣмъ, что священникъ этотъ былъ поддерживаемъ однимъ свѣтскимъ лицомъ сильнымъ, имѣвшимъ большія связи въ Петербургѣ.

щенный былъ сильно огорченъ этимъ и по своей откровенности не скрылъ своего огорченія. Священникъ, привышій къ интригамъ, растолковалъ его огорченіе новымъ единовѣрцамъ такъ, что преосвященный нерасположенъ къ единовѣрцію вообще; у священника была та цѣль, чтобъ, вооруживъ ихъ противъ архипастыря, поставить себя въ полную отъ него независимость. Цѣль была достигнута: единовѣрцы и самое освященіе церкви совершили безъ сношенія съ преосвященнымъ, пригласивъ для сего священниковъ изъ единовѣрческой церкви костромской епархіи и получивъ отъ костромскаго преосвященнаго надлежащій антиминосъ. Все это перенесъ преосвященный, хотя съ скорбію, но не выражая своей скорби никакимъ неправильнымъ дѣйствіемъ. По необходимости, впрочемъ, завѣдывая церковью, не могъ уклониться отъ свиданій съ единовѣрческимъ священникомъ и терпѣлъ отъ него при всякомъ свиданіи грубости и неуваженіе. Наконецъ вскорѣ стали поступать къ епархіальному начальству жалобы, что этотъ священникъ многихъ привлекаетъ къ своему приходу не изъ раскола только, но и изъ православія.

Доносилъ объ этомъ преосвященный Синоду, но не видя успѣха, просилъ передать эту церковь въ вѣдомство другой епархіи, что и было исполнено: передана церковь преосвященному Костромскому, такъ какъ въ Костромѣ уже была подобная единовѣрческая церковь.

Недолго впрочемъ продолжалось это странное положеніе единовѣрческой церкви. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ началѣ 1849 г. Преосвященный Костромскій нашелъ нужнымъ осмотрѣть ново-открытую церковь лично и, такъ какъ она находилась въ губернскомъ городѣ другой епархіи, то просилъ на сіе разрѣшенія св. Синода. Доложено государю и получено высочайшее повелѣніе: „по неудобству церкви находящейся въ одной епархіи состоять въ вѣдомствѣ другой епархіи, возвратить ее въ вѣдѣніе преосвященнаго Ярославскаго.“ И такимъ образомъ опять пришлось Преосвященному терпѣть непріятности и огорченія отъ самоволія и дерзости единовѣрческаго священника. Не мало времени продолжалась такая неурядица. Наконецъ уже мимо епархіальнаго начальства доведены его неправильныя и противозаконныя дѣйствія до высшаго начальства; потребованы и наведены справки и уже въ началѣ 1853 года указомъ св. Синода предписано: „отрѣшить священника и послать въ домъ преосвященнаго Владимірскэго

подъ начало на два мѣсяца, и потомъ Преосвященный представилъ бы мнѣніе, куда его употребить; а на его мѣсто единовѣрцы пусть изберутъ изъ мѣстныхъ священнослужителей и представятъ на утверженіе мѣстнаго преосвященнаго.“ Послѣ этаго единовѣрцами избранъ достойный изъ діаконовъ, представленъ преосвященному, утвержденъ имъ и рукоположенъ.

Въ томъ же 1848 году переведено изъ Солигалича, Костромской губерніи, въ Ярославль училище двѣицъ духовнаго званія, состоящее подъ особымъ покровительствомъ Государыни Цесаревны (нынѣ благополучно царствующей Императрицы) Маріи Александровны и передано въ вѣдѣніе Ярославскаго епархіальнаго начальства.

Въ январѣ 1849 года преосвященный, чувствуя изнеможеніе силъ и особенно ослабленіе зрѣнія, уже не начиная частной переписки съ высшими, неоднократно прежде испытанной безуспѣшно, послалъ въ св. Синодъ прошеніе на высочайшее имя объ увольненіи отъ управленія епархією и въ то же время писалъ къ Московскому митрополиту, чтобы принялъ подъ свой кровъ, какъ обѣщалъ прежде: ибо-де и въ прошеніи прописалъ, что желалъ бы провести остатокъ жизни или въ Сергіевой Лаврѣ, гдѣ постриженъ и провелъ большую часть жизни, или въ какомъ либо-изъ Московскихъ монастырей, по близости врачей, съ коими можетъ совѣтоваться о зрѣніи.

Отъ Московскаго Архипастыря „получилъ“, какъ пишетъ, „отвѣтъ самый умиленный: охотно принимаетъ, но умоляетъ не подавать. Но уже послано, останавливать поздно, и не желаю.“

Но отъ Синода долго ждалъ, и не получилъ ни официальнаго, ни частнаго отвѣта и никакого свѣдѣнія; потому въ мартѣ мѣсяцѣ послалъ вторичную просьбу тогоже содержанія, прибавивъ только въ концѣ: „если рѣшеніе моей просьбы замедляется тѣмъ, что помѣщено въ ней о моемъ мѣстопробываніи и пенсіи, то я не беспокою объ оныхъ болѣе, а благодушно приму всякій монастырь и всякое положеніе, какое благоугодно будетъ назначить моему начальству.“

И это прошеніе осталось безъ отвѣта; а какъ бы вмѣсто отвѣта получилъ алмазный крестъ для ношенія на клобукъ, при Высочайшемъ рескриптѣ отъ 3 апрѣля, въ которомъ сказано: „пріемля въ особенное вниманіе многополезныя заслуги, коими постоянно отличалось долговременное духовное поприще ваше, назидательное для паствы

примѣромъ благочестія“... Высочайшій рескриптъ и крестъ присланы при отношеніи г. оберъ-прокурора.

Преосвященный видя, что его не совсѣмъ понимаютъ и какъ бы не довѣряютъ дѣйствительной слабости его силъ и зрѣнія (а ему уже исполнилось 70 лѣтъ), такъ отвѣчалъ оберъ-прокурору: „съ благоговѣніемъ принявъ новый знакъ благоволенія Его Императорскаго Величества — алмазный крестъ на клобукъ — поставляю долгомъ и Вашему Сіятельству, какъ содѣйственнику и исполнителю высоко-монаршей воли принести мою усердную благодарность. Но за всѣми милостями и благовниманіемъ ко мнѣ недостойному, не могу паки не обратиться къ Вашему Сіятельству съ моею всепокорнѣйшею просьбою о исходатайствованіи удовлетворенія по моимъ отъ 19 января и 19 же марта сего года прошеніямъ объ увольненіи меня отъ должности. Зрѣніе мое весьма слабо и боюсь вовсе потерять его отъ натуги, каковой требуетъ дальнѣйшее продолженіе службы.“

И это прошеніе осталось безъ удовлетворенія и безъ отвѣта. Ясно, что всѣ высшія лица не желали никакъ уволить его; и вынужденъ былъ терпѣть, трудиться и ждать.

Давно преосвященный имѣлъ желаніе и намѣреніе поклониться новоявленному чудотворцу Святителю Митрофану, при предварительномъ свидѣтельствovanіи мощей и изслѣдованіи чудесъ котораго былъ дѣйствователемъ, но доселѣ по разнымъ обстоятельствамъ не могъ исполнить своего желанія. Теперь нашелъ это благовременнымъ и удобнымъ, и такъ лѣтомъ 1850 года, испросивъ высочайшее чрезъ св. Синодъ соизволеніе, совершилъ путешествіе въ Воронежъ. Юня 15 выѣхалъ изъ Ярославля; въ лаврѣ побесѣдовалъ нѣсколько часовъ съ Архипастыремъ Московскимъ, тамъ находившимся, и прибылъ въ Воронежъ 20-го. Въ Воронежѣ говѣлъ, служилъ, пріятно бесѣдовалъ съ тамошнимъ преосвященнымъ Парѣніемъ, давно знакомымъ, и 25 выѣхалъ изъ Воронежа. 7 Юля возвратился въ Ярославль.

Въ 1851 году изволила прибыть въ Ярославль Государыня Цесаревна Марія Александровна, и посѣтила въ сопровожденіи преосв. Евгенія состоящее зданіе Ея покровительствомъ училище дѣвицъ духовнаго званія, осматрѣла его во всѣхъ подробностяхъ, удостоила внимательно выслушать нѣсколько отвѣтовъ воспитанницъ на данные законоучителемъ вопросы и отозвалась благоволительно. Преосвященному и начальству училища, по возвращеніи Ея

Высочества въ Петербургъ, объявлена отъ нея чрезъ г. оберъ-прокурора благодарность.

Преосвященнаго Евгенія всегда беспокоило то, что изъ жалованья и законныхъ доходовъ, едва достававшихъ ему на собственныя нужды, онъ весьма мало могъ удѣлять что-либо роднымъ. И вотъ онъ рѣшился, для успокоенія себя, на дѣло, едвали когда бывалое,—продать при жизни высочайше пожалованныя ему драгоценности: алмазные знаки ордена, алмазный крестъ на клобукъ, и драгоценную панагію и, не слушая убѣжденій близкихъ ему родныхъ, продалъ и вырученную сумму раздѣлилъ тѣмъ, которыхъ призналъ ближайшими себѣ наследниками. Послѣ сего онъ писалъ: „исполнивъ это, я какъ бы гору съ плечъ свалилъ. Послѣ сихъ вещей завѣщаніе мнѣ будетъ уже не нужно, развѣ только на часы и стразовые знаки: но онѣ не стоятъ завѣщанія, денегъ же послѣ меня не останется, развѣ на погребеніе; а платье какое немудрое и другая мелочь—всѣ разойдутся здѣсь.“ Впрочемъ вскорѣ онъ написалъ краткое завѣщаніе, въ которомъ заявилъ, кого онъ признаетъ своими наследниками, „въ предупрежденіе могущаго произойти, какъ пишетъ, послѣ моей смерти немирія и споровъ *de lana caprina*.“

Не смотря на ослабленіе силъ, преосвященный не измѣнялъ нисколько своей дѣятельности. Не упускалъ по прежнему обозрѣвать епархію, посѣщать семинарскіе экзамены, и участвовалъ во всѣхъ церковныхъ торжествахъ. Такъ 2 сентября 1852 года праздновалось въ ростовскомъ Яковлевскомъ монастырѣ столѣтіе со времени открытія мощей святителя Димитрія. Преосвященный сюда прибылъ, совершилъ, въ сопровожденіи всего духовенства Ростовскаго и при многочисленномъ стеченіи народа, крестный ходъ изъ Ростовскаго собора въ монастырь и тамъ служилъ литургію и молебствіе святителю. Въ іюль 1853 года, по случаю холеры, также совершилъ со всѣмъ Ярославскимъ духовенствомъ крестный ходъ кругомъ всего города на разстояніи болѣе 6 верстъ, а ему уже было 75 лѣтъ; но это уже былъ его послѣдній подвигъ.

Преосв. Евгеній говорилъ и писалъ, что хотя повинуется власти, не внимающей его просьбамъ на покой и противъ его воли его удерживающей, но если Богъ продлитъ его жизнь до того года, на которомъ скончался Платонъ, то уже никакія убѣжденія не измѣнятъ его рѣшимости отказаться отъ управленія. Митрополитъ Платонъ скончался 1812 гда ноября 11 дня на 76 году отъ

рожденія. Теперь преосвященному Евгенію было также 76 годъ, и столько же прошло сего года, сколько Платону (Платонъ родился 29, а Евгеній 30 іюня). И такъ 11 числа ноября принесли усердныя молитвы о упокоеніи души своего приснопамятнаго благодѣтеля, въ тотъ же день написалъ прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи отъ управленія епархіею, а 12 послалъ его въ св. Синодъ.

Наконецъ достигнута давно желанная старцемъ святителемъ цѣль. 16 декабря состоялось опредѣленіе св. Синода объ увольненіи его по прошенію отъ управленія епархіею; а 24 на докладъ св. Синода послѣдовало Высочайшее повелѣніе Его Величества слѣдующаго содержанія: „1) преосвященнаго архіепископа Ярославскаго Евгенія, согласно просьбѣ его, по болѣзненному состоянію, уволить отъ управленія Ярославскою епархіею; 2) по уваженію къ его достоинствамъ и понесеннымъ имъ пастырскимъ трудамъ, обезпечить его въ средствахъ содержанія слѣдующимъ образомъ: а) опредѣлить ему пенсію изъ казны по двѣ тысячи рублей серебромъ; б) мѣстопробываніе ему назначить въ одномъ изъ московскихъ ставропигіальныхъ монастырей, по усмотрѣнію святѣйшаго Синода, гдѣ предоставить пользоваться лучшимъ помѣщеніемъ съ отопленіемъ, нужною прислугою и экипажемъ на выѣздъ во всякое время; 3) оставить ему полную свободу совершать тамъ, по его усмотрѣнію и распоряженію, богослуженіе съ мѣстными монастырскими властями и братіею, которыхъ и подчинить ему въ семь отношеній“. Въмѣстѣ съ тѣмъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ святѣйшему Синоду, всемилостивѣйше повелѣно ему быть членомъ святѣйшаго Синода и по настоящему званію присутствовать, когда состояніе здоровья его позволитъ, въ московской конторѣ святѣйшаго Синода. Въ слѣдъ за тѣмъ по изъясненному имъ, на вопросъ св. Синода, желанію, назначено ему мѣстопробываніе въ Ставропигіальномъ Донскомъ монастырѣ; а такъ какъ въ монастырѣ въ это время настоятеля не было, то св. Синодомъ предложено ему принять монастырѣ въ свое управленіе, на что онъ сначала не соглашался, боясь новыхъ заботъ, но настоятельныя убѣжденія московскаго святителя склонили къ согласію и онъ утвержденъ управляющимъ монастыремъ. И такъ чрезъ 36 лѣтъ онъ сталъ снова присутствовать въ Синодальной конторѣ, гдѣ прежде былъ членомъ, и управлять монастыремъ, въ которомъ прежде былъ настоятелемъ.

2 февраля 1854 года преосвященный Евгеній совершилъ

последнюю въ Ярославль литургію и сказалъ прощальное слово изъ текста: *Нынѣ отпущаеши раба твоего Владыко*. Слово это кратко по составу, но продолжительно было въ произношеніи, потому что на каждомъ почти пунктѣ было прерываемо слезами проповѣдника и слушателей.... Въ это время, по предварительному его распоряженію, уже все было приготовлено для отправленія его въ путь. Но градское общество, желая продлить еще хоть на краткое время сладость лицезрѣнія и бесѣды незабвеннаго архипастыря, упросило его раздѣлить общую трапезу, приготовленную неподдѣльнымъ усердіемъ жителей Ярославля въ домѣ градскаго главы. Здѣсь, среди многочисленнаго собранія, г. начальникъ губерніи, генералъ Бутурлинъ, при возглашеніи тоста за здравіе и долголѣтіе досточимаго іерарха, выразилъ, что любовь и уваженіе къ нему не ограничиваются наличными представителями Ярославскаго общества, но и всѣ прочіе города, еслибы извѣстно было имъ о столь скоромъ отбытіи архипастыря, не преминули бы къ этой минутѣ прислать изъ среды себя депутаціи для выраженія съ своей стороны тѣхъ же чувствованій, какими проникнуто настоящее собраніе. По возвращеніи въ архіерейскія келліи, и тамъ архипастыря окружило собраніе всѣхъ сословій до непроходимой тѣсноты. Наконецъ около 5 часовъ вечера раздался колокольный звонъ во всемъ городѣ и высокопреосвященный архіепископъ Евгеній, преподавъ тѣснившемуся народу послѣднее благословеніе, отправился въ путь сопровождаемый многими до городской заставы и многими до послѣдней станціи. 4 февраля пр. Евгеній прибылъ въ моск. Донской монастырь, гдѣ и доселѣ пребываетъ.

Поселившись въ Донскомъ монастырѣ на покоѣ, старецъ-святитель немного давалъ себѣ покоя. Каждый день ходилъ въ храмъ къ утрени, литургіи, вечернѣ. Сторожъ монастырскій обязанъ былъ утромъ прежде разбудить его, потомъ начинать благовѣсть, а благовѣсть къ утрени въ Донскомъ начинается въ три часа,—и старецъ не рѣдко приходилъ въ церковь не только до начала службы, но прежде зажженія свѣчъ. Такъ продолжалось неизмѣнно даже до сего времени. Въ синодальную контору ѣздилъ почти каждое присутствіе до 1867 года, когда вступилъ въ контору новый членъ епископъ Петръ. Богослуженіе совершалъ каждый воскресный и праздничный день, пока могъ хотя съ трудомъ разбирать служебникъ. Но не долго продолжалось такое состояніе. Зрѣніе быстро

ослабѣвало. Въ 1856 году уже не могъ узнавать человѣка вблизи, а въ 1857 пересталъ и служить. Имя свое какъ на официальныхъ бумагахъ, такъ и на письмахъ подписывалъ по осязанію, и подписывалъ даже до сего 1868 года. По случаю юбилея въ семь году подписалъ всѣ отвѣты (до 30) на привѣтственные адреса, писанные подъ его диктовку; послѣ этого уже ничего не могъ подписывать. Пока могъ разбирать, то въ свободные часы читалъ самъ, а когда совсѣмъ лишился зрѣнія, ему читали два человѣка, по-перемѣнно, одинъ утромъ, другой вѣчеромъ.

Въ 1856 году при коронованіи и священномъ миропомазаніи Государя Императора Александра Николаевича, Св. Синодъ чрезъ московскаго архипастыря предложилъ ему принять участіе въ семь священнодѣйствіи; но онъ отрекся, написавъ въ отвѣтъ: „зрѣніе мое дошло до такой слабости, что днемъ не узнаю человѣка и въ хожденіи легко могу споткнуться, или зацѣпиться. Потому, при всемъ моемъ желаніи не могу отважиться участвовать въ священномъ обрядѣ коронованія“.

Но и не присутствуя въ семь великомъ торжествѣ, онъ не обойденъ монаршимъ благоволеніемъ. На ряду съ прочими іерархами, высочайше награжденными за участіе въ священнодѣйствіи, и онъ получилъ панагію украшенную алмазами при высочайшемъ рескриптѣ отъ 26 августа. Настоятельское жалованье и доходы онъ большею частію употребляетъ или на нужды монастыря, или на благотворенія. Такъ на эти доходы перекрыты и вызолочены главы на соборномъ храмѣ монастыря, покрыта желѣзомъ крашенымъ зеленою краскою крыша надъ оградю кругомъ монастыря и другія постройки. Въ 1860 году указомъ св. Синода въ московскую синодальную контору—за пожертвованія его на благоустройство вѣрненнаго ему монастыря изъ настоятельскаго жалованья и причитающихся на его долю доходовъ 24.272 р. 19½ к. сер. объявлена ему особенная признательность. Во время Севастопольской войны, когда всѣ приглашаемы были къ пожертвованіямъ, онъ въ 1854, 1855 и 1856 годахъ посылалъ къ г. московскому генералъ-губернатору по тысячѣ рублей сер. ежегодно,—но не изъ доходовъ, а удѣляя половину своей пенсіи и ограничивая свои расходы одною тысячей. Въ 1860 г. билетъ въ 3000 р. назначилъ братіи монастыря на вѣчное поминовеніе его.

Огорчало старца лишеннаго свѣта болѣе всего то, что

не могъ совершать безкровной жертвы. И въ этомъ отношеніи утѣшителемъ ему являлся, какъ и прежде въ многочисленныхъ случаяхъ, святитель московскій Филаретъ. Онъ неоднократно приглашалъ его въ сослуженіе съ собою въ торжественные дни въ Успенскомъ соборѣ, или въ праздникъ Донскія иконы Божіей матери въ семь монастырѣ, и нельзя было видѣть безъ умиленія, съ какимъ братскимъ вниманіемъ онъ руководилъ при семь слѣпца. Присоединялъ его себѣ при хиротоніяхъ викаріевъ московскихъ. Кромѣ того по совѣту московскаго святителя, старецъ лишенный свѣта, съ радостію и утѣшеніемъ, хотя рѣдко, разъ или два въ годъ, совершалъ литургію одинъ въ своемъ монастырѣ, при чемъ кто либо изъ сослужащихъ читалъ подлѣ него молитвы такъ, чтобы онъ могъ слышать ихъ. Утреню же и вечерню Свѣтлаго воскресенія онъ служилъ каждый годъ доселѣ. Послѣднюю литургію совершилъ святитель съ митрополитомъ московскимъ Иннокентіемъ 14 юля въ день своего юбилея.

Сей 1868 годъ особенно знаменателенъ для старца святителя. Юня 30 исполнилось ему отъ рожденія 90 лѣтъ; а юля 14 святительскаго служенія 50 лѣтъ. Изъ Донскаго монастыря онъ рукоположенъ въ епископа и въ Донскомъ же чрезъ 50 лѣтъ торжествовалъ юбилей епископства. Въ сей день изъявлено ему Высочайшее благоволеніе Государя Императора пожалованіемъ ему ордена св. Владиміра 1 степени при весьма малестной грамотѣ за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ; Св. Синодъ выразилъ свое къ нему вниманіе поздравительною грамотою за подписаніемъ всѣхъ членовъ; митрополитъ московскій почтилъ сей день священнослуженіемъ въ Донскомъ; духовенство московское, академія, обѣ семинаріи, епархіи: Ярославская, Рязанская, Курская привѣтствовали писменно чрезъ избранныхъ депутатовъ. Все это напечатано тогда же въ разныхъ духовныхъ журналахъ.

Протоіерей Іоаннъ Благовѣщенскій

ОБЛИЧЕННОЕ И НАКАЗАННОЕ СУЕВѢРІЕ.

Въ недавнее время досталось мнѣ выслушать повѣствованіе объ одномъ случаѣ, показывающемъ, какъ опасно и богопротивно прибѣгать къ суевѣрнымъ средствамъ

леченія. Случай этотъ повѣданъ мнѣ духовникомъ С. П. іеромонахомъ В., а произошелъ съ роднымъ его братомъ.

Братъ помянутаго лица былъ одержимъ припадками невѣдомой мучительной болѣзни, которую приписывали дѣйствію чародѣянія, и находился въ самомъ отчаянномъ положеніи. Ни средства медицинскія, ни простонародныя, ему непомогали. Но такъ какъ утопающимъ обычно хвататься иногда и за гнилую не надежную соломину, то и этотъ больной, по происхожденію своему нечуждый понятіямъ простонароднымъ, не прочь былъ прибѣгнуть наконецъ къ волшебнымъ наговорамъ одного извѣстнаго въ околѣдкѣ знахаря-врача. Родные, видя его страданія, поспѣшили исполнить его желаніе, и больной вскорѣ поступилъ въ полное распоряженіе знахаря, производившаго надъ нимъ неоднократно свои нашептыванія и заклинанія, безъ всякой впрочемъ пользы и облегченія. Въ одну мучительную ночь, когда особенно силенъ былъ приступъ болѣзни больного, забылся онъ среди страданій легкою дремотой, во время, которой предсталъ ему невѣдомый старецъ, приказавъ, — немедленно проснуться и бодрствовать въ ожиданіи небснаго Гостя, который не умедлитъ его посѣтить. Больной пробудился и съ недоумѣніемъ размышлялъ о необыкновенномъ своемъ сновидѣніи. Покой имъ занимаемый былъ совершенно темень, но вотъ вдругъ зажглась въ немъ какъ бы зарница въ переднемъ углу у св. иконъ, и стоявшая въ числѣ ихъ икона Святителя Николая приняла видъ свѣтящагося отверстія, изъ глубины котораго выступилъ самъ великій Чудотворецъ и приблизился къ одру болящаго. „Не лечись ты у знахаря, и будешь здоровъ“, молвилъ явившійся, осѣнивъ больного крестнымъ знаменіемъ. „Ты уже и здоровъ, повторилъ Онъ опять, но если снова послушаешь знахаря, то умрешь непременно“. Съ этими словами неземной посѣтитель отступилъ опять къ своей иконѣ и вступилъ въ нее какъ-бы въ нѣкую дверь. Прежняя тьма окружила снова испѣлѣвшаго страдальца, мучительныя страданія котораго смѣнились сладкимъ покоемъ. На утро рассказалъ онъ своимъ домашнимъ свое видѣніе и казался бодръ и здоровъ; но присутствовавшій тамъ же знахарь съумѣлъ ослабить впечатлѣніе его разказа, и даже приписать видѣніе своему вліянію и искусству, самого же разскащика уговорилъ для подкрѣпленія и обновленія силъ выпить нѣсколько глотковъ наговоренной имъ воды, послѣ которой вскорѣ сдѣлался съ нимъ жесточайшій приступъ прежней его болѣзни, отъ котораго въ тотъ же день онъ скончался.

Да послужить къ вразумленію многимъ вѣрющимъ и доселѣ всевозможнымъ нашептываньямъ и наговорамъ, небесное обличеніе этого суевѣрія великимъ угодникомъ Божиимъ святителемъ Николаемъ, и наказаніе невнятнаго спастельному совѣту.

А. Ковалевскій

АДРЕСЪ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШЕМОУ ИННОКЕНТІЮ М. МОСКОВ. ОТЪ ПРИЧТА И СТАРОСТЫ КАЗАНСКАГО СОБОРА.

При московскомъ Казанскомъ соборѣ находится, принадлежащее ему и извѣстное подъ именемъ *палатки*, небольшое каменное зданіе, въ которомъ устроены квартиры для причетниковъ собора, сторожей и для постороннихъ жильцевъ, а также лавка, отдаваемая въ содержаніе, какъ и послѣднія квартиры, по найму. Въ верхнемъ этажѣ этого зданія отдѣлена одна небольшая, но чистая и снабженная приличною мебелью, комната для причта соборнаго, ежедневно, по совершеніи литургіи, остающагося для отправленія молебновъ, по желаніямъ приходящихъ богомольцевъ, предъ чудотворною Казанскою иконою Божія Матери, до 4-го часа по полудни и долѣе. Она же служитъ иногда гостепріимнымъ пріютомъ для иногородныхъ священнослужителей. Сюда также, во время храмовыхъ праздниковъ собора, приглашаются на чай большая часть совершающихъ священнослуженіе и нѣкоторые изъ постороннихъ посѣтителей.

Сію-то комнату, 22 октября сего 1868 года, въ день храмоваго праздника собора, и вмѣстѣ гражданскаго торжества въ память изгнанія поляковъ изъ Москвы (1612 г.), по просьбѣ старосты соборнаго, почетнаго гражданина С. Г. Котова, благоволилъ посѣтить Высокопреосвященнѣйшій Иннокентій, Митрополитъ Московскій, послѣ совершенной имъ въ присутствіи градоначальника, князя В. А. Долгорукова, торжественной литургіи въ соборѣ. По этому случаю, отъ причта Казанскаго собора, съ церковнымъ старостою, поднесенъ былъ Владыкѣ слѣдующій адресъ, и получено отъ него, испрашиваемое въ немъ, благословеніе на поставленіе въ означенной комнатѣ портрета Его Высокопреосвященства, въ память милостиваго посѣщенія ея первосвятителемъ Московскимъ.

„Ваше Высокопреосвященство, Милостивѣйшій Отецъ и Архипастыръ! Въ минувшій праздникъ Казанскаго собора, Ваше Высокопреосвященство произвели глубокое, умиленное впечатлѣніе въ сердцахъ нашихъ, соизволивъ смиренномудро снизойти на наше дерзновенное прошеніе и взойти, по окончаніи Богослуженія, въ находящуюся при соборѣ малую горницу, а тѣмъ преподавъ намъ и прочимъ зрителямъ высокій урокъ смиренномудрія. Съ этой поры, горница сія, удостоенная святительскаго посѣщенія Вашего, стала въ глазахъ нашихъ священною..“

„Мы не выражаемъ здѣсь чувствъ благодарности за Ваше отечески милостивое къ намъ снисхожденіе, потому что онѣ не выразимы и должны быть засвидѣтельствованы не словами, но дѣлами; а только, въ чувствахъ умиленія, испрашиваемъ Вашего Архипастырскаго благословенія, въ память этого событія, украсить горницу портретомъ Вашимъ: пусть онъ будетъ безмолвнымъ, но тѣмъ не менѣе внушительнымъ и понятнымъ, а притомъ всегдашнимъ, для насъ и для всѣхъ входящихъ туда, провозвѣстникомъ того начала, на которомъ основывается и зиждется дѣятельное христіанство,—Христова и Христоподражательнаго смиренія; пусть міръ, не мирный по высокомувѣрью, но могущій найти умирненіе въ смиреніи, наглядно поучается, въ нашей смиренной кущѣ, тому, что служить къ его *смирненію* и миру (Лук. 19, 42)!.. Бываютъ случаи, предметы, лица, которые, по древнему изреченію, громко вѣщаютъ въ самомъ своемъ безмолвіи (а): таковы въ особенности портреты достопамятныхъ мужей, и преимущественно поставенные на мѣстѣ ихъ подвиговъ...“

„Мы могли бы сдѣлать то, о чемъ теперь говоримъ, и безъ вѣдома Вашего, Архипастыръ милостивѣйшій, и думаемъ, что нашъ поступокъ никому не показался бы предосудительнымъ. Скажемъ болѣе, постигая настоящій смыслъ совершившагося предъ глазами нашими. Если *тайну цареву* надобно *хранить* въ молчаніи, то *дѣла Божія* нужно *возвѣщать* во всеуслышаніе, или передавать во всеобщее извѣстіе (Тов. 12, 7); а въ Вашемъ смиренномудромъ подвигѣ мы видимъ именно *дѣло Божіе*, спасительное для насъ и для многихъ другихъ. Еслибы мы умолчали о немъ, то самое *каменіе* того малаго зданія, подъ кровъ котораго Вы благоволили войти, *возопило бы* вмѣсто насъ, и даже противъ насъ!..“

(а) Cum tacent, clamant=когда молчать,—кричать!

„Владыко святыи! Въ Казанскомъ соборѣ положено *начало* духовно-плодотворной *силы* Вашей (Втор. 21, 17 по евр. тек.) относительно московской церкви; здѣсь, предъ взорами ея представителей, открылось *начало путей* Вашихъ, или лучше, *Господнихъ* (Прит. 8, 22), въ лицѣ Вашемъ, по ея вертограду: здѣсь же, по судьбамъ Божиимъ, надлежало обнаружиться въ Васъ, съ особенною ясностью и очевидностью, для всѣхъ *имѣющихъ очи видѣти* (Іез. 12, 2), и тому отличительному свойству Вашему, которое преимущественно угодно Богу и любезно челоуѣкамъ, *возносящему*, или *высокотворному смиренію*, какъ оно называется на языкѣ церковномъ (см. мая 24 Ник. к. 1 п. 1 тр. 3; сен. 18 п. 1 тр. 2), въ духѣ евангельскомъ (Лук. 18, 14). И мы, внимательные къ путямъ промысла Божіа о насъ и о всей церкви московской, не можемъ не указать міру на преподанный высокій урокъ, наиболѣе нужный для насъ и для него.“

„По всему этому полагаемъ, что мы имѣемъ не только право, но и долгъ увѣковѣчить, по возможности, память о Вашемъ высоко-назидательномъ подвигѣ поставленіемъ Вашего портрета на мѣстѣ самаго подвига; и въ настоящемъ случаѣ, обращаясь къ Вамъ, желаемъ лишь, чтобы этотъ портретъ получилъ вѣщщую благодатную силу и дѣйственность для благой цѣли отъ святительскаго благословенія Вашего.“

Къ успокоенію же Вашего смиренномудрія, которое можетъ смутиться такимъ предпріятіемъ, осмѣливаемся, съ сыновнимъ дерзновеніемъ, плодомъ Вашей отеческой благодати, присовокупить, что сіе предпріятіе, по намѣренію нашему, клонится собственно не къ Вашей личной чести, а къ славѣ Христа Спасителя, Котораго живой примѣръ усматриваемъ въ Вашемъ подвигѣ, вѣруя, что *Христосъ есть дѣйствующій* въ Васъ, для нашей пользы, по Своему благоволенію и что *безъ Него не можете сдѣлать ничего* достопамятнаго и достоподрожательнаго; а притомъ ищемъ подкрѣпленія слабой вѣры видимыми и къ намъ близкими средствами, проявляющими силу Божію, взывая: *вѣруемъ, Господи! помози нашему невѣрію*. 1868 года октября дня.“

Вашего Высокопреосвященства нижайшіе послушники:
(слѣдуютъ подписи 8 членовъ причта и старосты).

ОГЛАВЛЕНЕ III-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1868 ГОДА.

I.

СЕНТЯВРЬ, ОКТЯВРЬ, НОЯВРЬ И ДЕКАВРЬ.

	<i>Стран.</i>
1. Василій Степановичъ Своеземцевъ, въ иночествѣ преп. Варлаамъ Важскій	3—10
2. Семейная жизнь. Слово въ день происхожденія честныхъ дровъ Животворящаго Креста	11—19
3. Двѣ статьи инока Павла (Прусскаго). 1). Замѣчаніе на слово похвальное еедосѣвцу Макару Ивановичу Стукачеву въ чetyредесятый день по кончинѣ его, сочиненное Ѳ. Ермиловымъ.—2) Бесѣда съ ксендзомъ	21—26
4. Антифоны праздничныя на литургіи	27—52
5. Нѣчто о воспитаніи	53—62
6. Три письма митрополита Филарета	80—81
7. Нѣсколько мыслей по случаю праздника Усѣкновенія главы Крестителя Господня Іоанна	82—89
8. Мнѣніе Филарета митрополита московскаго по поводу предложенія дать раскольникамъ независимыхъ отъ право славной іерархіи священниковъ	87—101
9. Человѣкъ въ церковной живописи	63—79, 102—115
10. О тѣсславіи. Слово покойнаго Аѳанасія, архіепископа казанскаго	116—125
11. Архимандритъ Митрофанъ. Настоятель Богоявленскаго монастыря	126—147, 165—182
12. Размышленіе христіанина при воспоминаніи о дняхъ своего рожденія	160—164
13. Богочеловѣкъ въ церковной живописи	183—206
14. Слово въ память открытія братства святителя Николая	207—212
15. Малый входъ на литургіи оглашенныхъ	235—256
16. Вопросы Верцеліуса и отвѣты на нихъ	257—261
17. Пять писемъ митрополита Филарета къ ректору М. Д. Академіи архимандриту Филарету, въ послѣдствіи черниговскому архіепископу	262—266
18. Отношеніе римской церкви къ греческимъ церквамъ, со времени раздѣленія церковей до паденія Константинополя	213—234, 267—287
19. Богоматерь, Предтеча, Евангелисты, Апостолы и проч. святые въ церковной живописи	288—311
20. Изъясненіе церковной пѣсни	312—322
21. Разказы изъ Исторіи Русской Церкви	323—345
22. Пареміи изъ книги Бытія	148—159, 346—357
23. Замерзаніе воды	358—362
24. Четыре письма митрополита Филарета	363—366

(ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.)

II.

СЕНТЯВРЬ, ОКТЯВРЬ, НОЯВРЬ И ДЕКАВРЬ.

	<i>Стран.</i>
1. Записки миссіонера Черноануйскаго отдѣленія алтайской духовной миссіи іеромонаха Акакія	17—27
2. Изъ жизни святителя Филарета митрополита московскаго.	27—30
3. Дневникъ архіепископа ярославскаго Евгенія Казанцева. .	43—61
4. Описаніе богословскихъ училищъ на Востокъ . . . 1—17	66—74
5. Слово при погребеніи протоіерея московской Вознесенской у Серпуховскихъ воротъ церкви Сергія Григорьевича Терновскаго	77—82
6. Воспоминанія о покойномъ архіепископѣ казанскомъ Аванасіѣ, относящіяся къ бытности его на казанской кафедрѣ.	82—88
7. Пустыняникъ и Богоматерь.	88—90
8. Слово предъ отпѣваніемъ московскаго купца Алексѣя Стефановича Протопопова	98—101
9. Свѣдѣнія о жизни Евгенія, архіепископа ярославскаго. Въ дополненіе къ его дневнику 102—115,	149—164
10. Изъ воспоминаній о преосвященномъ Антоніѣ архіепископѣ Воронежскомъ, поклонника воронежской святити 1835 г.	115—124
11. Исцѣвленіе старца страдающаго сипотомъ	—124
12. Путевыя письма изъ древней Суздальской области 30—40, 72—77, 91—98, 125—139	
13. День въ Святогорской пустыни 4 сентября 1868 года . . .	139—149
14. Обличенное и наказанное суевѣріе.	164—166
15. Адресъ Высокопреосвященнѣйшему Иннокентію М. Моск. отъ причта и старосты Казанскаго Собора	166—168

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Вышла новая книга: *Доблестная жена по Соломону*, печатавшаяся въ Душеполезномъ Чтеніи 1866-7 гг., съ значительными дополненіями. Объемъ книги 18½ листовъ убористой печати. Содержаніе: обязанности женщины. Оглавленіе: вступленіе, гдѣ излагается взглядъ на женскій вопросъ. Глава I. *Жену люблю кто обрящетъ*. II. Хозяйство. III. Сонъ. IV. Отношенія къ прислугѣ. V. Руководълья. VI. Вышняя хозяйственная дѣятельность. VII. Продолженіе. VIII. Нравственное вліяніе сельско-хозяйственной дѣятельности на женщину. IX. Роскошь и изящная внѣшность. X. Благотворительность. XI. Продолженіе. XII. Мать. XIII. Нравственная сила. XIV. Продолженіе. XV. Нѣчто о прекрасномъ вообще. XVI. Грація. XVII. Мудрое употребленіе слова. XVIII. Умственное образованіе. XIX. Общественное значеніе семьи и заключеніе.

Цѣна 1 р. 20 к., а съ пересылкою 1 р. 50 к.

Можно получать у автора Д. Державина, діакона Воскресенской, за Даниловымъ монастыремъ, церкви въ Москвѣ, и у книгопродавцевъ: Соловьева, Глазунова, Черенина, Оераповтова и Улитина.

Русскій Архивъ 1869 и Осмнадцатый вѣкъ. Первыя двѣ книги. Подписка на оба эти изданія принимается въ Москвѣ въ Чертковской библіотекѣ на Мясницкой, № 7. и у извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ. Иногородные подписчики обращаются съ своими требованіями *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку. Цѣна годовому изданію одного *Русскаго Архива* на 1869 годъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, такъ и съ пересылкою въ другія мѣста и съ доставкой на домъ, 7 руб. сер. Цѣна *Русскому Архиву* на 1869 годъ и вмѣстѣ съ нимъ одной только книгѣ *Осмнадцатаго вѣка* 10 р., а *Русскому Архиву* и вмѣстѣ съ нимъ двумъ книгамъ *Осмнадцатаго вѣка*, съ пересылкою двѣнадцать рублей. Книги XVIII вѣка продаются по одиначкѣ. Первая книга вышла, вторая печатается.

Желающіе получать *Русскій Архивъ* и *Осмнадцатый вѣкъ*, надписываютъ свои требованія: въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, Петру Ивановичу Бартеневу. Въ Петербургѣ можно подписываться въ книжномъ магазинѣ А. Θ. Бавунова, но под-

писчики изъ другихъ городовъ обращаются *исключительно* въ Москву, въ Чертковскую библіотеку. Тамъ же можно получать Русскій Архивъ прежнихъ годовъ 1864 года 4 р., 1865, 1866, и 1867 годовъ по 5 р., 1868 г. 6 р. Пересылка за каждый годъ по 50 коп. Покушающіе не менѣе двухъ томовъ пользуются уступкою по 50 к. съ тома. Желающіе получить *всѣ шесть лѣтъ вмѣстѣ*, т. е. еще и 1869 годъ, высылаютъ съ пересылкою 29 р., а выписывающіе при томъ и *дѣвѣ книгъ Осмадцатаю вѣка*—платятъ съ пересылкою за всѣ восемь книгъ 34 руб. Тетради Русскаго Архива по одиночкѣ не продаются. Составитель и издатель Русскаго Архива: *Петръ Бартевевъ*.

Журналъ *Руководство для сельскихъ пастырей*, издаваемый по благословенію Святѣйшаго Синода, при кievской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1869 году, и начнетъ съ 1-го января десятой своей годъ. Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль—способствовать сельскимъ пастырямъ въ ихъ высококомъ служеніи строителей тайнъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поѣтому и въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держался до сихъ поръ. *Руководство для сельскихъ пастырей* выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8 ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиной печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35 печатныхъ листовъ, съ особымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ. Подписная цѣна на мѣстѣ 4 руб., съ пересылкою на домъ и пересылкою во всѣ мѣста внутри Россіи 5 рублей серебромъ. Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочинныхъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1869-го года. Въ редакціи находятся также экземпляры *Руководства для сельскихъ пастырей* за 1861, 1863, 1864, 1865, 1866 и 1868 годы. Желающіе могутъ получать оныя въ бумажномъ переплетѣ, по обыкновенной цѣнѣ съ пересылкою 5 р. сереб. Подписчикамъ рекомендуемъ обращаться съ своими требованіями: Въ редакцію *Руководства для сельскихъ пастырей* въ Кіевѣ. Редакторъ Архимандритъ *Ферапонтъ*.

Русскій, газета политическая и литературная, издаваемая М. П. Погодинымъ, будетъ продолжаться въ 1869 году по прежней программѣ. Газета выходитъ ежедневно, листами, большаго формата, на бѣлой бумагѣ, убористымъ шрифтомъ. Содержаніе: Важнѣйшія назначенія по государственному управленію. Примѣчательные указы. Новости иностранныя, внутреннія, московскія. Извѣстія ученыхъ, художественныя, торговыя. Свѣдѣнія справоч-

ныя, календарныя, театральныя, музыкальныя. Судебный указатель. Примѣчательныя рѣшенія по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Въ смѣси помѣщаются повѣсти, рассказы, письма, анекдоты, сцены, стихотворенія. Библиографія, съ краткими замѣчаніями о важнѣйшихъ, вновь выходящихъ книгахъ. Обзорныя газеты и журналовъ, съ указаніемъ замѣчательныхъ статей. Переписка. Цѣна за годъ въ редакціи 6 р., съ пересыл. и доставкой 7 р. 20 к., полгода 4 р., четыре мѣс. 3 р., три мѣс. 2 р. 25 к., одинъ мѣс. 1 р. Подписка принимается: у извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ конторѣ редакціи, въ Москвѣ, въ Чернышевскомъ переулкѣ, противъ Англійск. пер., въ д. Пустошкиной, у *Михаила Павловича Смирнова*

Въ конторѣ можно получить все изданіе *Русскаго*. Цѣна 1867 года 2 р. Первой половины 1868 г. 2 р. Второй половины 1868 4 р. За оба года 8 р. Тамъ же продаются отдѣльные номера газеты; принимаются публикаціи и заказы по типографіи. Иногородные благоволятъ относиться на имя редактора, на Дѣвичьемъ полѣ въ своемъ домѣ. Подписчики, не внесшіе добавочныхъ 2 р., вслѣдствіе перемѣны изданія изъ еженедѣльнаго въ ежедневное, благоволятъ поспѣшить доставленіемъ ихъ въ редакцію.

Подписка на *Современныя Извѣстія*. Въ будущемъ году, какъ и въ настоящемъ, *Современныя Извѣстія* будутъ выходить ежедневно, не исключая праздничныхъ и послѣпраздничныхъ дней; полное годовое изданіе, какъ и въ нынѣшнемъ году, будетъ состоять изъ 360 №№. Форматъ въ сравненіи съ прежнимъ будетъ значительно увеличенъ: каждая страница будетъ заключать въ себѣ пять столбцовъ вмѣсто теперешнихъ четырехъ, и притомъ шрифта не менѣе четкаго, но болѣе убористаго, чѣмъ прежній. Съ увеличеніемъ формата и съ лишними 80 выпусками (противъ 280 №№, которые даются прочими ежедневными газетами), *Современныя Извѣстія*, въ полномъ годовомъ объемѣ своемъ, будутъ равняться обыкновеннымъ большимъ газетамъ. Редакціею приняты мѣры, чтобы газета выходила не только каждодневно, но и въ одинъ опредѣленный утренній часъ.

Несмотря на увеличеніе формата и на увеличеніе пересылочной платы (которая вслѣдствіе новаго тарифа возвышается для нашего изданія втрое), редакція находитъ возможнымъ: 1) для подписчиковъ, уже имѣющихъ на будущій годъ; 2) для всѣхъ годовыхъ подписчиковъ, имѣющихъ поступить до истеченія настоящаго года; и 3) для священнослужителей западнаго и прибалтійскаго краевъ—оставить прежнюю цѣну, именно: пять рублей съ доставкой въ Москвѣ, и шесть рублей съ пересылкой въ города. Для всѣхъ прочихъ подписчиковъ на *Современныя Извѣстія* цѣна назначается слѣдующая.

Для иногородныхъ съ пересылкою: за годъ 7 руб. 50 к., за полгода 3 р. 75 к., за 4 мѣсяца 2 р. 50 к., за 2 мѣс. 1 р. 50 к., за 1 мѣс. 1 р.

Желающіе получать газету въ особыхъ, наглухо заклеенныхъ, пакетахъ прилагаютъ: годовые подписчики—50 к., прочіе по 10 к. за каждый мѣсяцъ. Для московскихъ подписчиковъ съ доставкою годовая цѣна шесть рублей, полугодовая три рубли и т. д. по соразмѣрности. Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ *Современныхъ Извѣстій*, близъ Москворѣцкаго моста; у книгопродавцевъ: Соловьева на Страстномъ бульварѣ, Салаева, Оерапонтова, Ирѣснова, Манухина, Ключкова на Никольской, Большакова въ Юхотномъ ряду; и въ магазинахъ Матвѣева близъ Иверскихъ воротъ, Руднева на Нѣмецкомъ рынкѣ и въ Елоховѣ, В. О. Корещенко, на Мясницкой противъ дома Черткова, Богданова близъ Сухаревой башни. Въ Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ на Невскомъ Проспектѣ: Исакова, Базунова и Кожанчикова. Сверхъ того, подписка принимается въ газетныхъ экспедиціяхъ Императорскихъ почтамтовъ и согласно новымъ почтовымъ правиламъ, — во всѣхъ почтовыхъ конторахъ Имперіи.

Служащія лица, по принятому въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ обычаю, вносятъ за газету деньги съ разсрочкою, за ручательствомъ казначеевъ; священнослужители, если пожелаютъ, могутъ пользоваться также разсрочкою.

Московскія Епархіальныя Вѣдомости съ января 1869 года будутъ издаваться, по благословенію святѣйшаго Синода, при Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія; въ составъ ихъ будетъ входить двѣ части: оффиціальная и неоффиціальная. *Московскія Епархіальныя Вѣдомости* будутъ выходить еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ, въ 4-ю долю листа. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ *Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей* при епархіальной библиотекѣ въ Высоко-Петровскомъ монастырѣ; въ книжной лавкѣ «Русская Грамота» и у книгопродавца Андрея Николаевича Оерапонтова. Въ Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова, и во всѣхъ почтовыхъ конторахъ Имперіи. Цѣна годовому изданію три рубля; съ доставкою и пересылкою четыре рубля.

Съ 1863 года тоже Общество издаетъ *Чтенія въ Московскомъ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія*. Въ будущемъ 1869 году оно предполагаетъ выпустить 4 книжки Чтеній въ размѣрѣ отъ 10 до 12 листовъ каждая. Въ нихъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ помѣщаться статьи догматическія, нравственныя, полемическія, церковно-историческія, матеріалы для біографіи московскаго митрополита Филарета и исторія московскаго епархіальнаго управленія съ 1721 г. Годовая цѣна 3 р., съ доставкою и пересыл. 4 р.

Православный Собесѣдникъ, издаваемый при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго Синода, съ 1855 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходящій ежемѣсячно по двѣнадцать книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ 1869 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ строго православномъ духѣ и въ ученомъ направленіи, съ 1-го января, ежемѣсячно, книжками, не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

Православный Собесѣдникъ раздѣленъ на двѣ половины, изъ которыхъ первая состоитъ исключительно изъ приложеній, а вторая — преимущественно изъ оригинальныхъ статей, составляющихъ собственно *Православный Собесѣдникъ*. Цѣна за полное годовое изданіе *Православнаго Собесѣдника* на 1869 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: въ Казани съ доставкою на домъ, и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи—семь рублей серебромъ. Подписка принимается въ Казани въ редакціи *Православнаго Собесѣдника* при духовной академіи.

Съ 1857 года при *Православномъ Собесѣдникѣ* издается отдѣльное прибавленіе подъ заглавіемъ «Извѣстія по казанской епархіи», которые будутъ выходить и въ 1869 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печатныхъ листа въ каждомъ, весьма убористаго шрифта. Цѣна Извѣстій для мѣстъ и лицъ другихъ епархій и другихъ вѣдомствъ: а) отдѣльно отъ *Православнаго Собесѣдника* четыре руб., б) а вмѣстѣ съ нимъ десять руб. сер.—съ пересылкою. Подписка принимается также въ Редакціи *Православнаго Собесѣдника*.

Напечатана безъ цензуры и поступила въ продажу у книгопродавцевъ Москвы и Петербурга новая книга:

РАСКОЛЬНИКИ И ОСТРОЖНИКИ.

Очерки и рассказы, сочиненіе Ѳедора Вас. Ливанова.

Содержаніе: I. Пророчица раскольникы Устинья Никифоровна. II. Хлысты Михайловскаго Замка. III. Бѣгунъ. IV. Скакуны. V. Духоборцы и Сенаторъ Лопухинъ. VI. Странникъ, VII. Молокане, VIII. Арестанты-Литераторы. IX. Адамантъ Благочестія. X. Молоканское село «Тяглое озеро». XI. Пропагандистъ Мясницкій. XII. Дѣтубійство Безоповцевъ. XIII. Раскольникы хоdaki, XIV. Начало и происхожденіе Молоканъ и Духоборцевъ въ Россіи. XV. Скопитель. XVI. Раскольникъ Кузьма Терентьевъ Солдатенковъ и Агафья Рахманова. XVII. Молоканскій попъ. XVIII. Іоаннъ Креститель и Варвара Мученица. XIX. Богатые скопцы Солодовниковы. XX. Раскольники Елисей и Тимофей Морозовы. XXI. Закланіе сына въ жертву Богу. Цѣна книги, въ 29 печатныхъ листовъ большаго формата, назначается умѣренная: 1 р. 85 к.

сер., съ перес. 2 руб. 20 к. Продается въ С.-Петербургѣ у всѣхъ книгопродавцевъ, въ Москвѣ у автора книги, московск. адвоката, жител. на Пречистенкѣ, близъ Пречистенскихъ воротъ, д. Седе-
невой, кв. № 5 и у нѣкоторыхъ книгопродавцевъ. Выписываю-
щіе книгу отъ автора получать ее за 2 р. сер. съ пересылкою.

Отъ алтайской духовной миссіи.

Алтайскою духовною миссіею получены и на приходъ въ шнуровую книгу записаны слѣдующія пожертвованія: а) 17 мая, изъ Чистополя отъ мѣщанина А. И. Юзеева, при письмѣ отъ 6 апр. 1868 г., *десять руб. сер.* на нужды миссіи. б) 26 мая изъ Полтавы отъ Я. Дули *два руб. сер.* в) *Того же числа*, чрезъ редакцію Домашней Бесѣды, отъ 11 апр. 1868 г., *двадцать шесть руб. сер.* отъ разныхъ жертвователей. г) 30 мая, чрезъ ту же редакцію, отъ 22 апр. 1868 г., *десять руб. сер.* отъ разныхъ жертвователей. д) *Того же числа* изъ г. Ейска отъ Калигаева, при письмѣ отъ 8 апр., *пятьдесятъ руб. сер.* е) *Того же числа*, изъ Нижегород. Никол. общест. банка, при отношеніи отъ 29 апр. 1868 г., *восемь билетовъ* на тысячу триста рублей, вложенныхъ пресвящ. епископомъ Іереміемъ и процентовъ по нимъ *сто тридцать девять руб. двадцать три коп.* въ пользу Чулымскаго Благовѣщенскаго монастыря, съ разнымъ назначеніемъ. ж) 6 Іюня, отъ священника Донской епархіи о. Василія Томилина *три руб.* з) *Того же числа*, чрезъ преосвященнаго Алексія епископа Тимскаго, отъ 28 мая, билетъ Никол. Нижегород. банка, на сумму 100 р. отъ пресвящ. еп. Іереміи на новое изданіе книги «Ученіе святителя Тихона» въ пользу иногородческаго миссіонерскаго училища. и) 22 Іюня, изъ Москвы отъ сотрудника миссіи о. Николая Лаврова, *посылка на двадцать пять руб. сер.* съ разными книгами: для миссіонерскаго Филаретовскаго училища въ с. Улалѣ и для миссіи. і). 25 іюня, изъ Совѣта М. О. при отношеніи отъ 17-го мая, *двести десять рублей*, въ пользу бѣднѣйшихъ изъ покроврещенныхъ. к) Іюля 4 дня, изъ ст. Александровской, при письмѣ священника Филиппа Любоумрова, *пятьдесятъ рублей*; л) Іюля 9 дня, изъ г. Кузнецка, при письмѣ отъ 1 іюня, *на устройство мужскаго монастыря въ Алтай—двадцать пять рублей*. м) іюля 18 дня, изъ Москвы, чрезъ сотрудника миссіи о. Николая Лаврова отъ 12 іюня *пятьдесятъ руб.* въ пользу голодающихъ. н) *Того же дня* изъ Кіева, при письмѣ г. Багатинова отъ 5 іюня, *двадцать одинъ рубль*. о) *Того же дня*, изъ Землянска при письмѣ г. Дубовицкой отъ 11 іюня, *тридцать пять рублей*. п) *Августа 4 дня* изъ Москвы, чрезъ сотрудника о. Н. Лаврова отъ 19 іюня, *шестидесять одинъ рубль*. р) *Августа 10 дня* изъ Москвы, чрезъ того же сотрудника, при письмѣ отъ 28 іюня отъ разныхъ лицъ *пятьдесятъ семь рублей*. с) *Того же числа*, при отношеніи его же отъ 5 іюля, отъ разныхъ лицъ *сто три рубля*. т) *Того же числа*, изъ Козельска, при письмѣ отъ 4 іюля отъ Цыплакова *двадцать пять рублей*. у) *Августа 12 дня* изъ Тимскаго уѣзда, Курской губ., отъ г-жи Платоновой *сорокъ рублей*.

Миссіонеръ С. Ландышевъ.